

Журнал по юриспруденции

Вопросы российского
и международного
права

Том 14, № 2А, 2024.

С. 1-571.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

February 2024, Volume 14, Issue 2A.

Pages 1-571.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 14, № 2А, 2024

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник *Института государства и права Российской академии наук* – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, *Саратовская государственная юридическая академия* – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, *Оренбургский государственный университет* – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: **42934** «Вопросы российского и международного права».

Цена договорная. Печ. л. 73,5. Формат 60x90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2024.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7532.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию».

127918, Москва, Суцевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"

February 2024, Volume 14, Issue 2A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences* (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, *Saratov State Law Academy* (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, *Orenburg State University* (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".

Contract price. 73.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2024.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7532.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностраный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуонов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Елгин Андрей Александрович Эволюция правового института банкротства	11
Гордин Михаил Александрович Норма права как идеальная сущность с точки зрения материалистического правопонимания	17
Кучин Никита Сергеевич Зудин Алексей Викторович Правопонимание как системообразующий элемент системной теории права	24
Соснин Андрей Витальевич Историко-правовая характеристика отдельных институтов судебного законодательства конца XVIII–XIX веков	31

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Волкова Виктория Владимировна Примак Яна Сергеевна Ответственность сторон административного договора.....	43
Тронин Сергей Александрович Диверсификация источников конституционного права по областям их применения	52
Тронин Сергей Александрович Торговая политика и глобализация: последствия для экономики	61
Волкова Виктория Владимировна Стешина Елизавета Алексеевна Алленова Капитолина Дмитриевна Правовые основы взаимодействия суда с органами прокуратуры	73
Коршунов Юрий Алексеевич К вопросу о суде общей юрисдикции областного звена	83
Галястов Михаил Олегович Функции органов внутренних дел по исполнению юрисдикционных актов	88
Святов Дмитрий Алексеевич Колмогоров Олег Игоревич Система проектного управления в муниципальных образованиях.....	98
Шкиперов Антон Александрович Клейменова Анастасия Николаевна Бурьгин Алексей Анатольевич Право собственности в системе таможенных процедур Евразийского экономического союза	106
Новиков Алексей Валерьевич Статус персонала пенитенциарной сферы России в иерархии источников права.....	122

Костарев Дмитрий Федорович	
Субботин Сергей Петрович	
Новиков Алексей Валерьевич	
Слабкая Диана Николаевна	
Проблемные аспекты правоприменения специальных средств сотрудниками караулов специальных подразделений УИС	130
Орлов Юрий Юрьевич	
Об оплате труда и должностях федеральной государственной гражданской службы	141
Сергиенко Наталья Сергеевна	
Опыт зарубежных стран по формированию мер государственной политики поддержки малого и среднего бизнеса	159
Разумова Екатерина Валерьевна	
Токмурзин Тимур Маратович	
Правовая основа развития коренных малочисленных народов Российской Федерации	174
Багрецов Дмитрий Николаевич	
Борьба с киберпреступностью как задача государства и гражданского общества	185
Москвитина Екатерина Ильинична	
Управление развитием региональной инновационной подсистемы: институционально-правовое обеспечение	191
Комов Валерий Энгельсович	
Особенности управления инновационным развитием муниципального образования	202
Комов Валерий Энгельсович	
Принципы и методы управления инновационным развитием муниципального образования	212
Зуденкова Светлана Александровна	
Анализ системы управления устойчивым развитием в Российской Федерации	222
Зубец Антон Желькович	
Влияние новаций в региональном законодательстве о государственной социальной поддержке военнослужащих на результаты социальной помощи в Московской области за 2021-2023 гг.	230
Воронова Екатерина Игоревна	
Актуальные вопросы развития клиентоцентричного подхода в органах власти Российской Федерации	238
Воронова Екатерина Игоревна	
Итерационный подход к разработке и развитию цифровых сервисов: новация для государственного управления	248
Акапьев Виктор Львович	
Савотченко Сергей Евгеньевич	
Жукова Наталья Алексеевна	
Развитие Интернета вещей и проблемы обеспечения его безопасности	257
Никифоров Кирилл Евгеньевич	
Особенности дисциплинарного производства в случае незаконного ограничения прав и свобод граждан сотрудниками полиции в особых условиях	268

Бельцева Екатерина Игоревна
К вопросу о полиморфизме парламентского контроля на примере Российской Федерации и Франции.....275

Осинцев Дмитрий Владимирович
Правовое обеспечение научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях юридического профиля.....282

Кошелев Дмитрий Александрович
К вопросу о тождестве источников доказательств в административном процессе.....291

Частно-правовые (цивилистические) науки

Кучковская Наталья Валерьевна
Отражение программ стратегического развития регионов в структуре муниципального законодательства.....302

Чамуха Илья Андреевич
Изготовитель фонограммы в праве РФ.....312

Озмаян Юсуб Зограбович
Правовая сущность, виды и условия патентоспособности объектов патентных прав317

Белоусов Владимир Николаевич
Изместьев Владимир Александрович
Составные произведения: понятие, признаки, общая характеристика325

Калабин Вячеслав Сергеевич
Исследование правовой природы доли в уставном капитале коммерческой корпорации в трудах российских ученых в XIX–XX веках.....332

Глухов Илья Александрович
Арсланов Камиль Маратович
Интеграция криптовалютных бирж в систему российского права342

Галишин Радик Рушанович
Актуальные вопросы определения системы источников правового регулирования инвестиционных платформ в Российской Федерации.....355

Никитина Юлия Сергеевна
Понятие публичного сервитута и его место среди иных обременений сервитутного типа361

Светлополянский Владимир Романович
Способы защиты прав потребителей коммунальных услуг.....373

Уголовно-правовые науки

Боков Руслан Альбертович
Понятие и элементы механизма противодействия незаконному обороту цифровых активов380

Докучаева Елизавета Владимировна
Международное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации: история и тенденции развития389

Даниленко Ирина Анатольевна
Проблемы стадии возбуждения уголовного дела398

Тищенко Екатерина Владимировна Саядова Асмик Саргисовна Международное сотрудничество и борьба с инфекционными заболеваниями и биотерроризмом.....	404
Сухомлинов Александр Владимирович Белецкий Александр Александрович Лайпанов Ахмат Исламович Особенности получения заключения и показаний эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве	412
Маргынова Ольга Анатольевна Дядяева Диана Сергеевна О месте преюдиции в процессуальных отраслях российского права	419
Барабаш Андрей Сергеевич Развитие правового института предотвращения криминальных банкротств	429
Новиков Алексей Валерьевич Корнев Александр Сергеевич Пилякин Максим Иванович Дальнейшее расширение понятийного аппарата в сфере противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в российском уголовном праве	438
Барабаш Андрей Сергеевич Давление на арбитражного управляющего как условие, способствующее совершению банкротных преступлений	446
Любимова Галина Михайловна Международное сотрудничество в деле обеспечения безопасности дорожного движения (на примере СНГ и ЕАЭС).....	454
Слабкая Диана Николаевна К вопросу о наказании в виде пожизненного лишения свободы	461
Посухов Александр Вячеславович Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств	468
Сипягин Николай Александрович Влияние факультативных признаков субъективной стороны на квалификацию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов	475
Луговой Сергей Владимирович Проблемы антикоррупционной политики в сфере ЖКХ в контексте привлечения к уголовной ответственности за хищение денежных средств ресурсоснабжающей организации.....	484
Долева Ольга Андреевна Развитие нормативной конструкции об организаторе преступления по отечественному уголовному праву во второй половине XIX века – начале XX века.....	493
Еловикова Юлия Сергеевна Родительская власть и ответственность за родительские преступления в отечественном уголовном праве в период с язычества до начала XVIII в.	500

Азарёнок Николай Васильевич

Махова Маргарита Львовна

Обеспечение права адвоката на ознакомление с электронным документооборотом в уголовном судопроизводстве.....518

Васильева Анастасия Валерьевна

Пендюк Марина Сергеевна

Защита трудовых прав несовершеннолетних органами прокуратуры Российской Федерации.....526

Никандров Евгений Александрович

Особенности прекращения уголовных дел в сфере налоговых преступлений535

Гусельникова Ольга Владимировна

Особенности выявления хищения бюджетных денежных средств, предназначенных для реализации национальных проектов540

Георгиевская Елена Александровна

Проблемы уголовной политики в области профилактики суицидов несовершеннолетних.....548

Георгиевская Елена Александровна

Доведение, склонение и содействие совершению самоубийства несовершеннолетними: проблемы ограничения составов преступлений.....555

Международно-правовые науки

Калиманов Андрей Петрович

Международно-правовые основания недействительности одиозного суверенного долга.....561

Contents

Theoretical and historical legal sciences

- Andrei A. Elgin**
On history of development of insolvency procedures 11
- Mikhail A. Gordin**
The rule of law as an ideal essence from the point of view of materialistic legal
understanding 17
- Nikita S. Kuchin**
Aleksei V. Zudin
Legal understanding as a system-forming element of the system theory of law 24
- Andrei V. Sosnin**
Historical and legal characteristics of individual institutions of judicial legislation of
the late XVIII–XIX centuries 31

Public law (state and law) sciences

- Viktoriya V. Volkova**
Yana S. Primak
Liability of parties to an administrative contract 43
- Sergei A. Tronin**
Diversification of sources of constitutional law by areas of their application 52
- Sergei A. Tronin**
Trade policy and globalization: implications for the economy 61
- Viktoriya V. Volkova**
Elizaveta A. Steshina
Kapitolina D. Allenova
The legal basis for the interaction of the court with the prosecutor's office 73
- Yurii A. Korshunov**
On the issue of court of general jurisdiction at the regional level 83
- Mikhail O. Galyastov**
Functions of the internal affairs bodies for the execution of jurisdictional acts 88
- Dmitrii A. Svyatov**
Oleg I. Kolmogorov
The system of project management in municipalities 98
- Anton A. Shkiperov**
Anastasiya N. Kleimenova
Aleksei A. Burygin
Ownership in the system of customs procedures of Eurasian Economic Union 106
- Aleksei V. Novikov**
Status of Russian penitentiary personnel in the hierarchy of sources of law 122
- Dmitrii F. Kostarev**
Sergei P. Subbotin
Aleksei V. Novikov
Diana N. Slabkaya
Problematic aspects of the enforcement of special means by guards of special units of
the penal system 130

Yurii Yu. Orlov	
On remuneration and positions of the federal state civil service	141
Natal'ya S. Sergienko	
The experience of foreign countries in the formation of public policy measures to support small and medium-sized businesses	159
Ekaterina V. Razumova	
Timur M. Tokmurzin	
Legal basis for the development of indigenous minorities of the Russian Federation.....	174
Dmitrii N. Bagretsov	
The fight against cybercrime is one of the most important modern tasks of the state and civil society.....	185
Ekaterina I. Moskvitina	
Managing the development of the regional innovation subsystem: institutional and legal support	191
Valerii E. Komov	
Features of management of innovative development of the municipality	202
Valerii E. Komov	
Principles and methods of management of innovative development of the municipality	212
Svetlana A. Zudenkova	
Analysis of the sustainability management system in the Russian Federation	222
Anton Zh. Zubets	
Impact of innovations in regional legislation on state social support for military personnel on the results of social assistance in the Moscow region for 2021-2023.....	230
Ekaterina I. Voronova	
Topical issues of the development of a client-centered approach in the authorities of the Russian Federation	238
Ekaterina I. Voronova	
Iterative approach to the design and development of digital services: an innovation for public administration	248
Viktor L. Akap'ev	
Sergei E. Savotchenko	
Natal'ya A. Zhukova	
The development of the Internet of Things and the problems of ensuring its security	257
Kirill E. Nikiforov	
Features of disciplinary proceedings in the case of illegal restriction of the rights and freedoms of citizens by police employees in special conditions	268
Ekaterina I. Bel'tseva	
On the issue of polymorphism of parliamentary control using the example of the Russian Federation and France.....	275
Dmitrii V. Osintsev	
Legal support of research activities in educational organizations of a legal profile	282
Dmitrii A. Koshelev	
To the question of the identity of the sources of evidence in the administrative process	291

Private law (civilistic) sciences

Natal'ya V. Kuchkovskaya

Reflection of the strategic development programs of the regions in the structure of municipal legislation302

Il'ya A. Chamukha

Phonogram producer in the law of the Russian Federation.....312

Yusub Z. Ozmanyay

Legal essence, types and conditions of patentability of objects of patent rights317

Vladimir N. Belousov

Vladimir A. Izmet's'ev

Composite works: concept, features, general characteristics325

Vyacheslav S. Kalabin

A study of the legal nature of a share in the authorized capital of a commercial corporation in the works of Russian scientists in the 19th-20th centuries332

Il'ya A. Glukhov

Kamil' M. Arslanov

Integration of cryptocurrency exchanges into the system of Russian law342

Radik R. Galishin

Current issues of determining the system of sources of legal regulation of investment platforms in the Russian Federation.....355

Yuliya S. Nikitina

The concept of a public easement and its place among other easement-type encumbrances361

Vladimir R. Svetlopolyanskii

Ways to protect the rights of consumers of utility services.....373

Criminal legal sciences

Ruslan A. Bokov

The concept and elements of the mechanism for combating illegal circulation of digital assets380

Elizaveta V. Dokuchaeva

International cooperation of the prosecutor's office of the Russian Federation: history and development trends389

Irina A. Danilenko

Problems at the stage of initiating a criminal case398

Ekaterina V. Tishchenko

Asmik S. Sayadova

International cooperation and combating infectious diseases and bioterrorism.....404

Aleksandr V. Sukhomlinov

Aleksandr A. Beletskii

Akhmat I. Laipanov

Features of obtaining the opinion and testimony of an expert and a specialist in criminal proceedings412

Ol'ga A. Martynova

Diana S. Dyadyaeva

About the place of prejudice in procedural industries of Russian law419

Andrei S. Barabash	
Development of the legal institution for preventing criminal bankruptcies	429
Aleksei V. Novikov	
Aleksandr S. Kornev	
Maksim I. Pilyakin	
Further expansion of the conceptual apparatus in the field of combating illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives and explosive devices in Russian criminal law	438
Andrei S. Barabash	
Pressure on an arbitration manager as a factor contributing to bankruptcy crimes	446
Galina M. Lyubimova	
The international cooperation in ensuring road safety (using the example of the CIS and the EAEU)	454
Diana N. Slabkaya	
On the issue of punishment in the form of life imprisonment.....	461
Aleksandr V. Posukhov	
The use of special knowledge in the investigation of crimes related to the misuse of budgetary funds	468
Nikolai A. Sipyagin	
Influence of optional signs of the subjective side on qualification of crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues	475
Sergei V. Lugovoi	
Problems of anti-corruption policy in the housing and utilities sector in the context of criminal liability for embezzlement of funds of resource-supplying organizations	484
Ol'ga A. Doleva	
The development of a normative structure about the organizer of a crime under domestic criminal law in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century	493
Yuliya S. Elovikova	
Parental power and responsibility for parental crimes in domestic criminal law in the period from pagan to the beginning of the 18th century	500
Nikolai V. Azarenok	
Margarita L. Makhova	
Ensuring the right of a lawyer to familiarize himself with electronic document flow in criminal proceedings	518
Anastasiya V. Vasil'eva	
Marina S. Pendyur	
Protection of the labor rights of minors by the prosecutor's office of the Russian Federation	526
Evgenii A. Nikandrov	
Features of termination of criminal cases in the field of tax crimes	535
Ol'ga V. Gusel'nikova	
Features of detection of embezzlement of budgetary funds intended for the implementation of national projects	540

Elena A. Georgievskaya
Problems of criminal policy in the field of suicide prevention by minors548

Elena A. Georgievskaya
Incitement to suicide, inducement to commit suicide and assistance in committing
suicide by minors: problems of delineation of the elements of crimes555

International legal sciences

Andrei P. Kalimanov
Grounds for invalidity of odious sovereign debt in international law561

УДК 340.5

DOI: 10.34670/AR.2024.81.19.001

Эволюция правового института банкротства

Елгин Андрей Александрович

Магистрант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9;
e-mail: andrejelgin5@gmail.com

Аннотация

Статья описывает историю развития правового института банкротства от Римской Империи и законов XII таблиц до современного времени. В тексте отражен переход от видения неплатежеспособного должника как преступника и соответствующего применения жестоких мер наказания к нему и их стигматизации к гуманному взгляду на должника, как на лицо, нуждающееся в защите. Также рассмотрены особенности применения Паулианова иска, являющегося способом защиты прав кредиторов от недобросовестных действий должника (это иск об оспаривании сделки). Помимо этого, обращено внимание на корпоративное банкротство, ранее предусматривающее только ликвидацию должника – а с недавних пор, подталкивающее к реструктуризации долгов, в частности, предоставлению рассрочки. Кратко описываются процедуры, аналогичные мировому соглашению в деле о банкротстве, в частности, обычные новации, произведенные по согласию между сторонами, распространенные у средневековых торговцев. Анализируются экономические последствия переориентации регулирования с ликвидации на реабилитацию впавшей в неплатежеспособность компании. Данная статья показывает, как все современные механизмы, применяемые в процедурах банкротства, были выработаны в Древнем Риме или в Средневековых торговых столицах.

Для цитирования в научных исследованиях

Елгин А.А. Эволюция правового института банкротства // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 11-16. DOI: 10.34670/AR.2024.81.19.001

Ключевые слова

Банкротство, история права, неплатежеспособность, процедуры банкротства, корпоративное банкротство.

Введение

Данная статья является кратким описанием истории разнообразных процедур банкротства в Древнем Риме и средневековой Европе. Мы рассмотрим то, как изменялись представления о банкротстве лиц (тут имеются в виду в первую очередь физические лица, концепции юридических лиц в некоторых рассматриваемых правопорядках вообще не было) с 400-х годов до нашей эры, до современного времени.

Основная часть

Одни из самых первых положений о неплатежеспособности в законодательстве в принципе мы находим в законах XII таблиц (древнеримский свод законов – датирован примерно 451-450 годами до нашей эры), как пишет пункт 6 таблицы 3, неплатежеспособного должника кредиторы рассекают на части и разделят между собой поровну (но «если отсекут больше или меньше, пусть это не будет противозаконным») [Акимова, Кожокар, Леус, 2019]. Неплатежеспособность устанавливалась после неисполнения судебного решения о взыскании денежного долга и приводов к претору с последующим оглашением присужденных долгов. Приводы к претору применялись как аналог примирительной процедуры – долги оглашались для того, чтобы любой желающий мог погасить их за самого должника [там же].

Уже сами древнеримские юристы (Авл Геллий, Квинтилиан) – хотя и уже более позднего периода – сомневались в подобной жестокости законов XII таблиц – они считали, что подобные положения никогда не применялись на практике [там же].

В более поздний период древнеримской истории, неплатежеспособный должник передавался в рабство. Подобную жесткость древнеримских законов связывают с их сакральным характером и представлениями о клятвах (в частности, стипуляциях – ритуализованных абстрактных устных сделок), как о чем-то священном [Правовое регулирование..., 2014].

Поскольку данная статья должна быть краткой, мы не будем описывать все особенности развития римского права в их последовательности и просто перечислим все, что было придумано древними римлянами:

Первое, что мы отметим, это закон Петелия, датированный примерно 300 годом до нашей эры – он запрещал обращение добросовестных римских граждан в рабство (как из их заковывание в кандалы и убийство) за неоплату долгов и заменял его изъятием имущества в пользу кредиторов. Считается, что принятие этого закона обусловлено необыкновенной жестокостью одного из кредиторов, к которому попал в рабство должник [Акимова, Кожокар, Леус, 2019].

Еще очень важно отметить Паулианов иск (*Actio Pauliana*) – это древнеримский аналог заявлений об оспаривании сделок, поданных в соответствии со ст. 61.2 и 61.3 современного российского закона о банкротстве (юристы-теоретики до сих пор называют такие заявления Паулиановым иском), он подавался для возвращения имущества в конкурсную массу специальным *curator bonorum* – он выполнял функции современного арбитражного управляющего. Для удовлетворения данного иска требовалось доказать недобросовестность контрагента по возмездной сделке (безвозмездные сделки признавались недействительными таких доказательств). В случае, если Паулианов Иск подавался к наследникам изначального ответчика он мог быть удовлетворен только в той части, в которой был обязан изначальный

ответчик по нему.

Как указывают современные историки права Майкл Роб и Ева-Мария Стейджер в своей статье по истории банкротного права [Robe, Steiger, 2016], очень многие древние правовые системы (существовавшие до появления христианства или во время появления христианства) предусматривали за неоплату долгов либо казнь, либо содержание в колодках (или тюрьму), либо продажу в рабство.

Перейдем к более поздним временам. В средневековье право разных стран знало большое количество механизмов. Например, аналог современной реструктуризации долгов гражданина появился в Венеции в 1195 году. Новый закон позволял изымать у должника одну треть его дохода пока долг не будет оплачен.

В Испании в 1342 году появился закон, по которому все неоплаченные к концу процедуры банкротства долги прощались. Аналог этому положению существовал в законах Хаммурапи – должник передавался во временное рабство на три года, после которого все долги ему прощались [там же].

Средневековые правопорядки часто предусматривали долговые тюрьмы или телесные наказания за неисполнения обязательств – считалось, что человек, оказавшийся неспособным выплатить долги, чем-то похож на вора – он заслуживает наказания за это [там же]. На практике, кредиторами (без какого-либо участия суда) применялся и другой способ обращения с неплатежеспособным должником, кредитор мог остановить все платежи со своей стороны и ожидать, пока его требование не зачтется с предоставлениями со стороны должника. Как указывает немецкий исследователь Штефан Мадаус [Madaus, 2017], кредитор мог ожидать окончательного зачета десятилетиями. Помимо этого, средневековые короли, при коронациях иногда объявляли о принудительном прощении всех долгов своих подданных по договорам займа. Никколо Макиавелли [Макиавелли, 1998] считал подобный политический шаг опасным для монарха – он вызывает ненависть у ростовщиков, которые не желают прощения долгов. Но это – вопрос целесообразности, которым должна заниматься политология и политтехнология, а не юриспруденция.

Вместе с этим, должники, не способные оплатить долги все еще считались людьми, чем-то похожими на преступников или нарушителей священных клятв, достойных наказания в виде тюрьмы.

Подобное отношение к несостоятельным должникам на протяжении длительного времени смягчалось, окончательно устареет примерно к 1950-м годам – когда в связи с развитием рынка кредитования появляется концепция, которая называется «fresh start» (она происходит из англоязычных правопорядков). Идея заключается в том, что должник, попавший в несостоятельность (и добросовестный) должен как можно быстрее получить возможность вернуться в состояние платежеспособности – в этом заинтересована современная экономика, поскольку человек, который меньше боится рисковать будет более экономически активен. Потому происходит существенное смягчение законодательства о банкротстве во всех странах [American Bankruptcy Institute Law Review, 1999].

Современные правопорядки (в том числе и право России) видят в банкротстве своеобразное право гражданина, которое должно быть защищено. Как пишет Верховный Суд Российской Федерации в определении по делу А28-3350/2017:

«Целью института потребительского банкротства является социальная реабилитация гражданина – предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по накопившимся обязательствам, которые он

не в состоянии исполнять» – это иная формулировка описанной ранее концепции «fresh start».

Корпоративное банкротство также претерпело существенные изменения на протяжении последних 80 лет истории. Изначально самой широко применяемой процедурой банкротства была ликвидация юридического лица с последующим распределением денежных средств от продажи его имущества – так было на протяжении всего двадцатого века.

Однако, в связи с кризисом 2008 года, широкое распространение получили процедуры реструктуризации долгов (в Российском Праве это внешнее управление и финансовое оздоровление – хотя последнее ни разу не вводилось за всю историю существования Закона о Банкротстве). Это связано с образованием большого количества компаний, способных восстановить свою платежеспособность, но не способных оплатить свои долги по установленному графику платежей. Исторические корни процедур реструктуризации восходят к обычаям средневековых торговых столиц (Милан и Венеция). Все крупные средневековые торговцы, живущие в небольших городах, хорошо знали о финансовом состоянии друг друга. Потому честный торговец (известный своим контрагентам как честный), когда он попадал в состояние финансовых трудностей, легко договаривался либо о прощении части долгов, либо о предоставлении рассрочки, либо об отступном [Madaus, 2017]. Но подобное изменение обязательств не было принудительным для лиц, не согласных на него, каковым оно является при утверждении плана реструктуризации (в частности, плана внешнего управления в России или плана урегулирования задолженности – англ. *scheme of arrangement* – в Австралии – все планы реструктуризации утверждаются голосованием, а после утверждения становятся обязательными даже для тех, кто проголосовал против них).

Как указывают экономисты [Closset, 2021], предсказать макроэкономические последствия изменений законодательства, связанных с введением процедур реструктуризации сложно. Считается, что предприятие, которое продолжает свою деятельность продолжит производить общественные блага (рабочие места, налоги). С другой стороны, как считают некоторые экономисты [American Bankruptcy Institute Law Review, 1999], введение реструктуризации приводит к увеличению процентных ставок по кредитам, поскольку последствия выдачи кредита станут для банка менее предсказуемыми (когда ликвидация должника – единственная процедура, которая применяется в банкротстве, системный участник финансового рынка может легко на основании статистических данных рассчитать свои потери от банкротств контрагентов, а если суд может принудительно ввести реструктуризацию на непредсказуемых условиях, предсказать финансовые последствия будет сложнее).

Несмотря на некоторые экономические сложности, связанные с принятием законов о реструктуризации, такие законы уже были приняты в США, Австралии, странах Евросоюза и иных странах (например, в Сингапуре). Вопрос о необходимости принятия подобного закона – вопрос целесообразности, также находящийся за пределами юриспруденции.

Заключение

Так, за две с половиной тысячи лет постепенной эволюции представлений о неплатежеспособности лиц, правовые порядки перешли от продажи должников в рабство до представления о том, что каждый имеет право, списать долги, которые он не может оплатить.

Представления о банкротстве компаний также были существенно пересмотрены. Изначально ликвидация должника считалась единственной мерой, которая могла быть применена, однако позднее, появились и получили широкое распространение процедуры реструктуризации.

Библиография

1. Акимова М.А., Кожокаръ И.П., Леус В.А. Хрестоматия по римскому праву. М.: РГ-Пресс, 2019. 352 с.
2. Макиавелли Н. Сочинения. СПб.: Кристалл, 1998. 656 с.
3. Определение от 28 января 2019 года № 301-ЭС18-13818 по делу № А28-3350/2017. Верховный Суд Российской Федерации.
4. Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц. Минск, 2014. С. 334-339.
5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ.
6. American Bankruptcy Institute Law Review. 1999. 72 (2). 555.
7. Closset F. et al. Corporate Restructuring and Creditor Power: Evidence from European Insolvency Law Reforms // Journal of Banking and Finance, Forthcoming. 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3768436> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3768436>
8. Corporations Act of Australia. 2001. Section 411.
9. Madaus S. The New Age of Debt and the Common Function of Insolvency and Restructuring Law. 2017. URL: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2973091> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2973091>
10. Robe M., Steiger E.M. Insolvency and its Consequences: A Historical Perspective // DICE Report, ifo Institute – Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. 2016. Vol. 13 (04). P. 35-40.

On history of development of insolvency procedures

Andrei A. Elgin

Master's Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: andrejelgin5@gmail.com

Abstract

The article describes the history of the development of the legal institution of bankruptcy from the Roman Empire and the laws of the XII tables to modern times. The text reflects a transition from seeing the insolvent debtor as a criminal and the corresponding application of harsh penalties against him and their stigmatization to a humane view of the debtor as a person in need of protection. The features of the application of the Paulian claim, which is a way to protect the rights of creditors from dishonest actions of the debtor (this is a claim to challenge a transaction), are also considered. In addition, attention is drawn to corporate bankruptcy, which previously provided only for the liquidation of the debtor, and more recently, pushing for debt restructuring, in particular, the provision of installment plans. Procedures similar to a settlement in a bankruptcy case are briefly described, in particular the usual innovations made by agreement between the parties, common among medieval merchants. The economic consequences of reorienting regulation from liquidation to rehabilitation of an insolvent company are analyzed. This article shows how all modern mechanisms used in bankruptcy procedures were developed in Ancient Rome or in the Medieval trading capitals.

For citation

Elgin A.A. (2024) Evolyutsiya pravovogo instituta bankrotstva [On history of development of insolvency procedures]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 11-16. DOI: 10.34670/AR.2024.81.19.001

Keywords

Bankruptcy, legal history, insolvency, bankruptcy procedures, corporate bankruptcy.

References

1. Akimova M.A., Kozhokar' I.P., Leus V.A. (2019) *Khrestomatiya po rimskomu pravu* [Reader on Roman law]. Moscow: RG-Press Publ.
2. (1999) *American Bankruptcy Institute Law Review*, 72 (2), 555.
3. Closset F. et al. (2021) Corporate Restructuring and Creditor Power: Evidence from European Insolvency Law Reforms. *Journal of Banking and Finance, Forthcoming*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3768436> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3768436> [Accessed 02/02/2024]
4. *Corporations Act of Australia. 2001. Section 411*.
5. *Federal'nyi zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» ot 26.10.2002 № 127-FZ* [Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated October 26, 2002 No. 127-FZ].
6. Madaus S. (2017) *The New Age of Debt and the Common Function of Insolvency and Restructuring Law*. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2973091> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2973091> [Accessed 02/02/2024]
7. Machiavelli N. (1998) *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Kristall Publ.
8. *Opredelenie ot 28 yanvarya 2019 goda № 301-ES18-13818 po delu № A28-3350/2017. Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii* [Determination of January 28, 2019 No. 301-ES18-13818 in case No. A28-3350/2017. Supreme Court of the Russian Federation].
9. (2014) *Pravovoe regulirovanie osushchestvleniya i zashchity prav fizicheskikh i yuridicheskikh lits* [Legal regulation of the implementation and protection of the rights of individuals and legal entities]. Minsk.
10. Robe M., Steiger E.M. (2016) Insolvency and its Consequences: A Historical Perspective. *DICE Report, ifo Institute – Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich*, 13 (04), pp. 35-40.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.78.22.002

Норма права как идеальная сущность с точки зрения материалистического правопонимания

Гордин Михаил Александрович

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32, А;
e-mail: gordin_m@inbox.ru

Выражаю благодарность моему научному руководителю доктору юридических наук, профессору Г.Г. Бернацкому за помощь в подготовке текста рукописи статьи.

Аннотация

В статье производится исследование правовой нормы в контексте марксистского дискурса о природе идеального. Автором рассматривается концепция идеального, изложенная в работах известного советского философа Э.В. Ильенкова, делается вывод о ее релевантности для теоретико-правовых исследований. Устанавливается, что правовая норма является образом-схемой человеческого поведения. Также приводится критика позиции Л.И. Петражицкого по этому вопросу. Возникновение, изменение, исчезновение образа-схемы (и, соответственно, всей их системы в целом) происходят в рамках непрерывно развертывающегося процесса реальной, практической материальной общественной жизнедеятельности; в то же время и сами образы-схемы, деятельностно воплощаемые индивидами, материализуются в форме как самого процесса деятельности, так и среди составляющих результатов последнего. Подчеркивая описанный таким образом диалектический характер идеального и материального проявления правовой нормы, а также исходя из необходимости преемственности в терминологическом употреблении (от «Немецкой идеологии» до программных трудов В.Ф. Шелике и Э.В. Ильенкова), мы посчитали правильным определить правовую норму именно как форму образов-схем деятельности, а не просто лишь сводить ее к категории «правило поведения», как это принято в большинстве учебной или справочной юридической литературы. Это объясняется необходимостью соблюдения четкости категориальных рядов, используемых в марксистской науке, чтобы у читателей могло правильно сформироваться представление о взаимосвязанности и последовательности всей материалистической концепции, независимо от непосредственной отрасли науки, к которой принадлежит та или иная работа.

Для цитирования в научных исследованиях

Гордин М.А. Норма права как идеальная сущность с точки зрения материалистического правопонимания // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 17-23. DOI: 10.34670/AR.2024.78.22.002

Ключевые слова

Правовая норма, материалистическое правопонимание, идеальное, К. Маркс, Э.В. Ильенков, теория государства и права.

Введение

Рассуждая о правовой норме, как элементарной форме права, нельзя не рассмотреть вопрос об ее онтологической природе. Несомненно, что правовая норма (каждая в отдельности) и право в целом как феномен культуры требуют от исследователя прежде всего четкого понимания того, что последняя из себя представляет, где имеет свое нахождение и как взаимодействует с индивидом, с его сознанием и с внешней средой. Таким образом, мы неизбежно входим в плоскость дискурса об идеальном и материальном, который является одним из главных, но до конца еще не уясненных в полноценном виде оснований марксистской науки. Для наиболее успешного достижения поставленной цели работы («какова онтологическая природа нормы?»), посчитаем нужным несколько более подробно углубиться в проблематику понимания идеального.

Следует заметить, что дискуссия о соотношении идеального и материального возникла еще задолго до К. Маркса и не прекращалась на протяжении многих столетий, справедливо заслужив статус «основного вопроса философии». Между тем, даже после значительных усилий, которые были предприняты К. Марксом и Ф. Энгельсом в процессе формирования диалектического материализма, вопросы и «темные пятна», касающиеся характеристик сущности идеального, все же остались в наследство новым поколениям мыслителей-материалистов. Исследованиями в области идеального в контексте марксистской парадигмы занималось множество ученых на протяжении последних полтора столетия, однако наиболее заметными и значительными оказались труды М.А. Лившица, Д.И. Дубровского и Э.В. Ильенкова.

Если первый из них видел возможность нахождения идеала в естественной природе, создав концепцию т.н. «эталонного предмета», элемента качественно определенного, обладающего «естественными пределами» [Лившиц, 1984] совершенства в своем роде, то второй понимал идеальное в плоскости субъективной реальности, как «сугубо личностное явление, реализуемое мозговым нейродинамическим процессом», которое «представлено всегда только в сознательных состояниях отдельной личности» [Дубровский, 1984] (заметим, что впоследствии Дубровский отошел от марксистских позиций). Принимая к сведению определенную оригинальность вышеприведенных позиций, все же посчитаем необходимым заострить особое внимание на концепции Э.В. Ильенкова, которая представляется нам более проработанной и отвечающей принципам диалектичности. Неслучайно Л.К. Науменко подчеркивал, что «ильенковская концепция идеального – это второе (после Платона) «открытие» объектов «особого рода», включившее не только признание их особого статуса, но и точное указание на ту особую объективную реальность, внутри которой только и существует идеальное во всех его модусах» [Науменко, 2012] - то есть на сферу общественно-человеческой деятельности.

Основное содержание

Прежде чем переходить непосредственно к рассмотрению позиции Э.В. Ильенкова по данному вопросу, посчитаем правильным для начала обратиться к самому К. Марксу. Выделим

некоторые принципиальные моменты марксовской трактовки идеального. В «Немецкой идеологии» мыслитель пишет: «иерархия есть идеальная форма феодализма; феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и общения» [Маркс, Энгельс, 1955]. Так, идеальной формой в данном случае считается не какая-либо теория, мнение, представление, а действительно существующая система взаимоотношений и взаиморасположения индивидов в обществе, которая, несомненно, объективна. В той же работе К. Маркс подчеркивает, что «независимые от них [людей] условия, в которых они производят свою жизнь, связанные с этими условиями формы общения [Verkehrsformen] и обусловленные всем этим личные и социальные отношения должны были, - поскольку они выражаются в мыслях, - принять форму идеальных условий [idealen Bedingungen] и необходимых отношений» [Маркс, Энгельс, 1955]. Не менее интересным представляется и следующий пассаж учёного, где он, размышляя о двойственном характере предмета, становящегося товаром, пишет: «[произведенный из дерева] стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь» [Маркс, Энгельс, 1955]. Категория чувственно-сверхчувственной вещи заставляет нас увидеть, что в условиях социального взаимодействия индивидов (в данном случае - рыночного) помимо непосредственно «физических» вещей появляются, становясь своеобразным результатом такового, еще и новые, ненаблюдаемые объекты, имеющие собственную форму идеальной предметности. Созданные таким образом идеальные условия, объекты находят свои воплощения в понятиях, образах и схемах, которые, попадая в сложную материально-идеальную структуру социального бытия, становятся реальным, объективным фактором последнего.

Памятуя о приведенных выше словах К. Маркса, вернемся непосредственно к концепции Э.В. Ильенкова. В работе «Диалектика идеального» философ указывает, что «проблема идеальности всегда была аспектом проблемы объективности («истинности») знания, т.е. проблемой тех, и именно тех форм знания, которые обуславливаются и объясняются не капризами личностной психофизиологии [об этом Ильенков и спорил с Дубровским – М.Г.], а чем-то гораздо более серьезным, чем-то стоящим над индивидуальной психикой и совершенно от нее не зависящим. Например, математические истины, логические категории, нравственные императивы и идеи правосознания, то есть «вещи», имеющие принудительное значение для любой психики и силу ограничивать ее индивидуальные капризы» [Ильенков, 2009]. По мнению Э.В. Ильенкова, основа учения об объективном бытии идеального начала формироваться еще с Платона и с его концепции эйдосов, как неких универсальных образов-схем. Переосмысляя платоновскую «догадку», Э.В. Ильенков устанавливает, что идеальное – это «всеобщие нормы той культуры, внутри которой просыпается к сознательной жизни отдельный индивид и требования которой он вынужден усваивать как обязательный для себя закон своей собственной жизнедеятельности. Это (...) и «законы государства», в котором он родился (...). Все эти нормативные схемы он должен усваивать как некоторую, явно отличную от него самого (и от его собственного мозга, разумеется) особую «действительность», в самой себе к тому же строго организованную».

Более глубокую экспликацию мысли Э.В. Ильенкова осуществляет Л.К. Науменко. Он пишет: «всюду, где [у Ильенкова] речь идет об идеальном, непременно имеется ввиду «чувственно-сверхчувственное» бытие. Идеальное для Ильенкова – это представленное, репрезентированное бытие, одно в другом, одно в образе другого. (...) Это (...) предметно осмысленное действие или деятельно осмысленный предмет, представленный в образе вещи»

[Любутин, Пивоваров, 1988].

Позицию же сведения идеального только лишь к субъективной реальности критикуют и другие философы, ссылаясь при этом на ее противоречие сущности диалектической логики Гегеля, необходимо предполагающей взаимоотражение субъекта и объекта [Любутин, Пивоваров, 1988].

Для Э.В. Ильенкова также представляется важным разъяснить, что идеальное и материальное существуют не отдельно друг от друга, не в изолированном, несоприкасающемся состоянии; наоборот, они находятся в постоянном взаимообуславливающем процессе превращения одного в другое и наоборот, проявляя, таким образом, свою диалектичность. Советский философ пишет: «Процесс, в ходе которого материальная жизнедеятельность общественного человека начинает производить уже не только материальный, а и идеальный продукт, начинает производить акт идеализации действительности (процесс превращения «материального» — в «идеальное»), а затем уже, возникнув, «идеальное» становится важнейшим компонентом материальной жизнедеятельности общественного человека, и начинает совершаться уже и противоположный первому процессу — процесс материализации (опредмечивания, овеществления, «воплощения») идеального» [Ильенков, 2009].

Используя результаты разработки Э.В. Ильенковым категории идеального в наших теоретико-юридических целях, можно (пользуясь термином философа «образы-схемы») выявить, что **правовая норма**, как разновидность правил социального поведения, также является идеальной образ-схемой человеческой деятельности, репрезентированной в тексте и/или в традиции материальной практики. При этом существенной характеристикой данной разновидности образа-схемы как правовой, является ее общеобязательность, предназначенность для усвоения и последовательного воплощения неопределенным множеством индивидов в их практической многократно-повторяемой деятельности.

Действительно, обнаруживая, допустим, в Гражданском кодексе РФ абзац 1 п. 3 ст. 36, гласящий о том, что «опекуны и попечители обязаны заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и интересы», мы видим, что абзац этот представляет из себя заключенный на некоторый носитель (бумажный или электронный), законченный в мысли текст, который, при уяснении и распределении его индивидом, воспринимается им как определенный перечень образов-схем действий, необходимо должных осуществляться обладателем соответствующего статуса (в данном случае - опекунского). Названная выше образ-схема конкретна для восприятия, она определяет: 1) круг индивидов, необходимо должных воплощать ее содержательное требование; 2) сущность, характер, особенности должной деятельности; 3) объект деятельностного приложения, условия и контекст осуществления.

Правовая норма, как идеальная образ-схема деятельности (поведения) существует не сама по себе, и даже не исключительно относительно субъекта, который действует сообразно ей, но имеет свое нахождение в «особой реальности», т.е. в реальности культуры, как общественно-созданного феномена, произведенного при участии индивидуальных психик (и, соответственно, индивидуальных правосознаний), но не сводящегося к их совокупности. Эта самая реальность культуры есть продукт коллективного творчества, опыта поколений индивидов, поэтому этот объективированный опыт и становится общедоступным для уяснения, а сами схемы — имманентными для индивидов. Именно данное обстоятельство подтверждает, что нормы культуры вообще, а тем паче правовые нормы не могут быть выводимы из индивидуального опыта; они опосредованы всем контекстом общественного развития и несут в себе его «след»,

«отпечаток».

Важно заметить, что подобная трактовка сущностных характеристик правовой нормы в контексте концепции Э.В. Ильенкова значима в том числе и в связи с необходимостью опровержения особо противоречащих историко-материалистическим представлениям постулатов эмоционально-правовой концепции Л.И. Петражицкого, популярной в настоящее время в некоторых юридических кругах. Ведь, согласно позиции этого польского правоведа, «юрист поступит ошибочно, (...) если станет отыскивать правовой феномен «где-то в пространстве над или между людьми, в “социальной среде” и т.п., между тем как этот феномен происходит у него самого, в голове, в его же психике, и только там». Интерпретация права с позиции психологии индивида, считал Петражицкий, позволяет поставить юридическую науку на почву достоверных знаний, полученных путем самонаблюдения (методом интроспекции) либо наблюдений за поступками других лиц» [Куркин, 2008]. Подобные утверждения Л.И. Петражицкого, очевидно находящиеся в спектре идеализма, причудливым образом коррелируют (в известной степени) с трактовкой идеального Д.И. Дубровского – общее в них одно: одномерность и недialeктичность. Поэтому, в нашем представлении, обе эти концепции не вполне убедительны в научном смысле.

Заключение

Возникновение, изменение, исчезновение образа-схемы (и, сообразно, всей их системы в целом) происходят в рамках непрерывно развертывающегося процесса реальной, практической материальной общественной жизнедеятельности; в то же время и сами образы-схемы, деятельностно воплощаемые индивидами, материализуются в форме как самого процесса деятельности, так и среди составляющих результатов последнего. Подчеркивая описанный таким образом диалектический характер идеального и материального проявления правовой нормы, а также исходя из необходимости преимущества в терминологическом употреблении (от «Немецкой идеологии» до программных трудов В.Ф. Шелике и Э.В. Ильенкова), мы посчитали правильным определить правовую норму именно как форму образов-схем деятельности, а не просто лишь сводить ее к категории «правило поведения», как это принято в большинстве учебной или справочной юридической литературы. Это объясняется необходимостью соблюдения четкости категориальных рядов, используемых в марксистской науке, чтобы у читателей могло правильно сформироваться представление о взаимосвязанности и последовательности всей материалистической концепции, независимо от непосредственной отрасли науки, к которой принадлежит та или иная работа.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. Большой юридический словарь. - М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.
3. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. - М.: Наука, 1971. С. 188, 189.
4. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Логос. - 2009. - № 1. - С. 10.
5. Куркин Б.А. Портреты российских ученых-юристов: Л. И. Петражицкий // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2008. - №1. - С. 19.
6. Лившиц М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. - 1984. - № 10. - С. 123.
7. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Идеальное как взаимоотражение субъекта и объекта // Философские науки. - 1988. № 10. - С. 30.
8. Маркс К. Капитал. Т. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 81.

9. Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. - М.: Политиздат, 1955-1981. Т. 3. С. 164.
10. Науменко Л.К. «Наше» и «моё»: Диалектика гуманистического материализма. - М.: Либроком, 2012. С. 86.
11. Науменко Л.К. «Наше» и «моё»: Диалектика гуманистического материализма. - М.: Либроком, 2012. С. 72.

The rule of law as an ideal essence from the point of view of materialistic legal understanding

Mikhail A. Gordin

Graduate student,
Saint Petersburg State University of Economics,
191023, A, 30-32, Kanala Griboedoba emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gordin_m@inbox.ru

Abstract

The article examines the legal norm in the context of Marxist discourse on the nature of the ideal. The author examines the concept of the ideal, outlined in the works of the famous Soviet philosopher E.V. Ilyenkov, and concludes that it is relevant for theoretical and legal research. It is established that the legal norm is a model-scheme of human behavior. There is also a criticism of L.I. Petrazhitsky position on this issue. The emergence, change, and disappearance of an image-scheme (and, accordingly, their entire system as a whole) occur within the framework of a continuously unfolding process of real, practical material social life; at the same time, the image-schemas themselves, actively embodied by individuals, are materialized in the form of both the process of activity itself and among the constituent results of the latter. Emphasizing the dialectical nature of the ideal and material manifestation of a legal norm described in this way, and also based on the need for continuity in terminological use (from “German Ideology” to the programmatic works of V.F. Shelike and E.V. Ilyenkov), we considered it correct to define the legal norm precisely as a form of image-schemes of activity, and not simply reducing it to the category of “rules of conduct,” as is customary in most educational or reference legal literature. This is explained by the need to maintain clarity in the categorical series used in Marxist science, so that readers can correctly form an idea of the interconnectedness and consistency of the entire materialist concept, regardless of the direct branch of science to which this or that work belongs.

For citation

Gordin M.A. (2024) Norma prava kak ideal'naya sushchnost' s tochki zreniya materialisticheskogo pravoponimaniya [The rule of law as an ideal essence from the point of view of materialistic legal understanding]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 17-23. DOI: 10.34670/AR.2024.78.22.002

Keywords

legal norm, materialistic legal understanding, ideal, K. Marx, E.V. Ilyenkov, theory of state and law.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part one of November 30, 1994 No. 51-FZ (with amendments and additions) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32, art. 3301.
2. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. and others. Large legal dictionary. - M.: Infra-M, 2001. – 790 p.
3. Dubrovsky D.I. Mental phenomena and the brain. - M.: Nauka, 1971. S. 188, 189.
4. Ilyenkov E.V. Dialectics of the ideal // Logos. - 2009. - No. 1. - P. 10.
5. Kurkin B.A. Portraits of Russian legal scientists: L. I. Petrazhitsky // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2008. - No. 1. - P. 19.
6. Livshits M.A. About the ideal and the real // Questions of philosophy. - 1984. - No. 10. - P. 123.
7. Lyubutin K.N., Pivovarov D.V. Ideal as mutual reflection of subject and object // Philosophical Sciences. - 1988. - No. 10. - P. 30.
8. Marx K. Capital. T. 1. The process of capital production // Marx K., Engels F. Soch. T. 23. P. 81.
9. Marx K. Engels F. German ideology // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. - M.: Politizdat, 1955-1981. T. 3. P. 164.
10. Naumenko L.K. "Ours" and "mine": Dialectics of humanistic materialism. - M.: Librocom, 2012. P. 86.
11. Naumenko L.K. "Ours" and "mine": Dialectics of humanistic materialism. - M.: Librocom, 2012. P. 72.

УДК 340.12

DOI: 10.34670/AR.2024.70.48.033

Правопонимание как системообразующий элемент системной теории права

Кучин Никита Сергеевич

Помощник адвоката,
Муромская коллегия адвокатов № 1,
602267, Российская Федерация, Муром, ул. Коммунистическая, 34;
e-mail: _nik.antipov.2000@inbox.ru

Зудин Алексей Викторович

ООО «Гусар»,
601503, Российская Федерация, Гусь-Хрустальный, ул. Транспортная, 57;
e-mail: zudin.76@list.ru

Аннотация

Цель исследования заключается в обосновании позиции, согласно которой, используя системный подход, авторы анализируют различные концепции правового понимания, проводят их сравнение, определив для себя главный критерий: теория права должна иметь выход на практику, а понимание права в своей основе должно быть прагматичным. Выводы, сделанные в работе, позволят привлечь внимание всех заинтересованных лиц к проблеме познания сущности права, уточнению его дефиниции. Область применения полученных результатов обширна: изучение вопросов понятия права, его сущности, построения подходов к определению и разработке этих феноменов с позиций современного системного нормативного правового понимания, сторонниками которого являются авторы работы, позволяет на практике конструировать множество правоприменительных инструментов, необходимых субъекту в процессе правореализации. Только право, как важнейший элемент общесоциального регулятивного механизма, представляя из себя важнейший социальный регулятор, должно предопределять развитие «определенного сюжета» как одной человеческой жизни, так и всего общества в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Кучин Н.С., Зудин А.В. Правопонимание как системообразующий элемент системной теории права // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 24-30. DOI: 10.34670/AR.2024.70.48.033

Ключевые слова

Право, сущность права, правовое понимание, правоприменение, система, социальная регуляция, элемент системы, системная связь.

Введение

Современное российское общество представляет собой мозаичное полотно из отдельных социальных страт, сотканных между собой нитями интересов, властного волеизъявления отдельных доминирующих субъектов. Сегодня как никогда необходим баланс между отдельными социальными группами, доминирующим «меньшинством» и нуждающимся в управлении массой «большинством». Размышляя над проблемами регулирования, выработки базовых принципов и правил баланса, сосуществования в единой системе различных по своей ресурсной составляющей мозаик общества, вспоминается мысль испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета высказанная им в книге «Восстание масс» и приведенная автором в качестве эпиграфа к исследованию: «Человеческая жизнь – не случайная цепь событий, а стремительная и напряженная драма, развивающиеся по определенному сюжету» [Ортега- и Гассет, 2017].

Право есть проявление закономерности, заключающейся в том, что появилось оно как необходимое явление, результат усложнения развития человеческого социума. Подтверждение этой мысли мы находим в работах отечественного ученого, правоведа Н.Л. Дювернуа. Заметим, Н.Л. Дювернуа не только проследил закономерности возникновения права, но и исключительно точно оценил динамику его последующего развития: «обычное право выводится из первобытного, неопределенного состояния в свойственную ему самобытную и строго определенную форму и служит ограничителем господства отдельной личности» [Дювернуа, 2004] ... и далее ... «на определенном этапе развития древнерусского общества, призвание князя было первым шагом к выделению государственного права из той безразличной массы прав, которой обладателем до этого чувствовал себя всякий свободный [там же. 31]».

Право, несомненно, есть сложное явление социальной природы. Поэтому научные дискуссии и плюрализм мнений важен, чтобы освещать заявленную многогранность права, но в то же время необходимы отправные начала, исходные аксиоматические точки, неоспоримость которых подтверждают все стороны полемики данного вопроса. В связи с этим вспоминается мысль, высказанная китайским философом Лао-Цзы в своем философском трактате о Пути Жизни «Дао дэ Цзинь»: «Большое дерево вырастает из малого, девятиэтажна башня начинает строиться из горстки земли, путешествие в тысячу ли начинается с одного шага» [Лао-Цзы, 2019]. Именно вопрос о правопонимании, признания его в качестве стержневого в юридической науке и практике является тем первым шагом, с которого и начинается путешествие в «мир права».

Основная часть

На сегодняшний день в юридической науке сложилось множество разнообразных теорий, научных-правовых взглядов, философских измышлений по поводу подхода и использования того или иного научного инструментария к пониманию права.

При всем своем многообразии, среди всех теорий, взглядов и позиций отдельных ученых, представляющих различные правовые школы, на современном этапе развития правовой науки можно выделить *два основных, антагонистических подхода к пониманию права: широкий и нормативный*. Данного разделения понимания права придерживаются как ученые, представляющие нормативную школу права (Аверин А.В., Байтин М.И Братусь С.Н., Иоффе О.С., Баранов В.М., Дюрягин И.Я., Черданцев Н.Н., Строгович М.С., Самощенко И.О., Шаргородский М.Д и др.), так и ученые, не являющиеся сторонниками данной школы.

К примеру, Венгеро А.Б. *подходил с философско-плюралистической позиции* к пониманию

права, определяя систему базовых понятий теории, которая по семантическому смыслу наполнения данных понятий тождественна смыслу понятий, которых придерживаются сторонники нормативной школы. В последующих переизданиях учебника Венгерова А.Б. уже заменяет плюралистический подход на широкий, тем самым признавая позицию сторонников нормативной школы [Венгеров, 2000].

Автор настоящего исследования является приверженцем нормативного подхода к пониманию права, поэтому считает целесообразным кратко, через призму научной критики, обозреть основные концепты и положения сторонников широкого подхода, исследовав их определения понимания права с точки зрения соотношения сущности данных определений с их практической пользой в юридической практике или отсутствия такой пользы.

Наиболее обстоятельной, аргументированной критике «широкий подход» к пониманию права подвергся в трудах Байтина М.И., одного из основателей нормативного подхода к пониманию права. Уже в первом приближении критического анализа «широкого подхода» становится понятно, что «представители широкого правопонимания, за отдельными исключениями, абстрагируются от реальной жизни, основывают свои выводы на многократно повторяемой критике, преимущественно западного, а также дореволюционного отечественного позитивизма XIX-XX вв. с его отождествлением права и закона, переносимый вне времени и пространства на оценки и заключения по поводу современного понимания права [Байтин, 2005]».

Широкая трактовка права объединяет своих сторонников в признании ими противопоставления права и закона и в существовании некоего тождества правовой нормы и законодательства. Парадокс заключается в том, что сторонники широкого подхода сами же и противоречат себе, сначала выдвигая положения о тождестве правовой нормы и закона, а после критикуя сторонников нормативной школы понимания права в якобы их приравнении права к системе законодательства.

Отсутствие у сторонников широкого подхода площадок «стратегического диалога», системной дискуссии между сторонниками различных школ по вопросу подходов к пониманию права, ошибки в организации подобных диалогов, к сожалению, являются системными, что говорит об отсутствии у них желания скрупулезно вникать в семантические тонкости слов и придерживаться элементарных законов логики об соотношении понятий по их смысловому объему и непротиворечивости. Попытаемся доказать эти утверждения на примере анализа некоторых определений права данных сторонниками широкого подхода.

По мнению автора работы, основной чертой всех сторонников широкого подхода к пониманию права является включение в определение понятия права не только норм, но и других правовых явлений. Большинство сторонников широкого правопонимания приносят в право взятые в различных соотношениях отдельные, самостоятельные правовые явления. К примеру, такие авторы, как Стальгевич А.К., Пионтковский А.А., помимо норм права, закладывают в понятие права и правоотношения, Миколенко Я.Ф. к правоотношениям добавляет и правосознание, что является смешением разнородных по смысловому объему явлений и говорит о непонимании автора или нежелании понимать необходимость «филигранной, штучной» работы при научном выведении понятия права. Другие сторонники широкого подхода, давая определения праву, помимо норм, добавляют в него правопорядок, субъективные права, применение норм, принципы права, акты применения права, те или иные явления жизни социума.

Таким большим разнообразием правовых «ингредиентов» сторонники широкого подхода

пытаются преодолеть якобы существующий «узконормативный подход», по их мнению, исследующий только нормы права в отрыве от всех остальных явлений. Обвинения в «узконормативности» являются необоснованными и исходят из непонимания сторонниками широкого подхода сущности права. Еще Байтин М.И. заметил, что в своей статье в журнале «Советское государство и право» Халфина Р.О. доказала, что «именно с позиции нормативного понимания права разрабатывается теория правоотношения, правотворчества и правоприменения, теория юридических фактов и фактического состава, проблемы ответственности, эффективности правовых норм, раскрываются противоречия правовой надстройки, исследуются взаимосвязь и взаимодействие государства, права и экономики, права и других явлений жизни общества...» [там же. 70].

Важным моментом здесь является понимание того факта, что сначала вырабатывается фундаментальное понятие права, выводится его сущность, а уже на основе проделанной работы и разрабатываются все другие правовые явления, а не смешиваются в одно абстрактно-неопределенное понятие права, как это делает большинство сторонников широкого понимания.

Таким образом, целесообразна необходимость в проведении четкой границы между научным подходом к изучению понятия права, *определению его сущности*, от включения в данное понятие развернутой характеристики основных его признаков, социальных свойств, разносторонних связей с другими правовыми явлениями и категориями.

Широкий подход потому и называется широким, что включает в себя множество других подходов и концепций, среди которых выделяют *социологический подход* (Мальцев Г.В.); *коммуникативный подход* (Поляков А.В.); *либертарную концепцию* (Нерсисянц В.С.).

Остановимся на квинтэссенции сути каждого вышеперечисленного подхода, приведя аргументированную критику на взгляды его представителей.

Социологический подход к пониманию права строится на ориентировании права на динамическую жизнь социума, «право в действии», «живую практику». Данный подход опасен тем, что его сторонниками смешиваются понятия права и правовой системы, происходит размывание сущности права. Право не может одновременно определяться и как «должное» – правовой акт в виде закона, и как «сущее» – практика воплощения правовых актов [там же, 73]. Но, даже учитывая приведенную критику, стоит отметить, что социологический подход наиболее близок к нормативному, имеет с ним точки соприкосновения в вопросах необходимости отнесения права к социальному регулятору, понимания важности системного применения норм, понимания права не как застывшего механизма, но как открытой динамической системы. Сторонники социологического подхода исходят из положений о том, что регулятором является любой природный и социальный фактор, появление, наличие и действие которого вызывают определенные изменения в определенных процессах. Регуляторы вырастают из общественных потребностей, интересов, целей, желаний [Мальцев, 2011], а правовая норма есть наиболее совершенный инструмент регулирования и представляет из себя высшую организацию социального контроля [там же, 20].

Обратимся к еще одной концепции, составляющей школу широкого подхода к пониманию права, – коммуникативной концепции А.В. Полякова. Квинтэссенцией коммуникативного подхода может являться формула, исходя из которой «право есть субъективное усмотрение самих участников, обернутое в околоправовые термины и философию Э. Гуссерля о феноменологически чистых сущностях (эйдос) [Гуссерль, 2019]». Тогда, если право – субъективное усмотрение самих участников, то на практике правоприменения такое право становится самым настоящим произволом.

Обращаясь к либертарной концепции, основоположником которой является Нерсисянц В.С., отметим, что, по его утверждению, *право по своей сущности и, следовательно, по своему понятию – это исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы, форма бытия свободы, формальная свобода* [Нерсисянц, 2005]. Позволим себе не согласиться с таким определением, так как оно освещает лишь одну грань права, а именно право как всеобщую и необходимую меру свободы, тем самым представляет из себя *частное* определение права, в то время как автор пытается декларировать его как *общее*. Из исследуемого определения можно сделать вывод, что либертарная концепция, предложенная В.С. Нерсисянцем, отражает право лишь в философском его значении, выводя из права не сущность, но ища в нем идеи, «вещь-в-себе и для-себя».

По мнению наиболее обстоятельного критика либертарно-юридического подхода Мартышина О.В, методологическая несостоятельность исследуемой концепции заключается в том, что ее сторонники в поисках определения всеобщего принципа права возвели представления о праве в абсолютную, идеализированную сущность, тем самым разорвав связи права абстрактного и реального, вытеснив из представлений о праве его практическую составляющую [Мартышин, 2002]. Понимание права в философском ключе не нашло у либертаристов прикладного воплощения в виде системы позитивного законодательства.

По мнению Нерсисянца В.С., либертарно-юридическая концепция основывается на догме, необходимой как предпосылка для зарождения феноменов государства и права – наличие свободы в философском ключе ее понимания [Нерсисянц, 2010].

Не вызывает сомнения тот факт, что, осуществляя анализ правового конфликта, судья в силу сформировавшихся доминант мышления, под влиянием культурного дискурса и общеприродных закономерностей, действующих в социуме, не может воспринимать правовой конфликт в вакууме. Судья не изолирован от личного понимания таких феноменов, как свобода, равенство, справедливость, мораль, и в силу вышеописанных причин вынужден учитывать их при принятии решения. Но если следовать логике сторонников либертарно-юридического подхода, определяющих право через данные абстрактно-философские категории, то решение по разрешению правового конфликта должно быть основано именно на аналогии личного понимания судьей той или иной нормы, нахождении в ней определенной степени «свободы и справедливости, общего начала и духа законодательства», что в прагматичной области применения права является губительной для современного судопроизводства, отдаленно напоминающего необходимый социальный институт в любом государстве – правосудие.

Заключение

Правопонимание через призму широкого подхода поэтому и получило такое название, что включает в себя множество правовых теорий, концепций и направлений. Осуществив критический анализ основных направлений правопонимания, входящих в широкий подход, хотелось бы остановиться на рассмотрении и анализе одного из новейших его «ответвлений» – людологическом подходе. Он уникален тем, что существенно отличается от остальных, входящих в широкое правопонимание, «уживаясь» между широким и нормативным подходом. В основе своей, имея те же принципы и конструкции, что и нормативный подход, он, к сожалению, лишен прикладной, практической составляющей.

Опираясь на философский фундамент, сторонники людологического направления в попытке разработать некую системность подхода сами же вступают в противоречие с

абстрактными умозрительными конструкциями, смысловое наполнение и определение которых отнюдь не универсально. Признавая в праве системообразующий элемент общесоциального регулятивного механизма – регулятора общественных отношений, представители людологического направления не нашли практического применения своим научным изысканиям, так и оставшись на позициях доминирования философии над практической составляющей.

В свою очередь, нормативный подход отнюдь не «узконормативен», как считают сторонники широкого подхода к правопониманию, наоборот, являясь полностью прикладным в определении права, его сущности, представляет собой сложную, методологически обусловленную юридическую теорию, смысл которой заключается в выработке такого понимания права, которое в последующем станет прикладным инструментом в руках правоприменителя. Являясь «отправной точкой» правовых исследований, определение понимания права, ориентированного на практику, позволит на его основе вести в верном направлении методологическую разработку всех остальных правовых феноменов, институтов и отраслей права.

Библиография

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд. М., 2005. 414 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 689 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. 3-е изд. М.: Академический проект, 2019. 489 с.
4. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. СПб., 2004. 254 с.
5. Лао-Цзы. Книга о пути жизни (Дао-дэ Цзинь): с комментариями и объяснениями. М.: АСТ, 2019. 160 с.
6. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 891 с.
7. Мартышин О.В. О «либертарно-юридической теории права и государства» // Государство и право. 2002. № 10.
8. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2010.
9. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2005. 461 с.
10. Ортега- и Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2017. 360 с.

Legal understanding as a system-forming element of the system theory of law

Nikita S. Kuchin

Assistant Attorney,
Murom Bar Association No. 1,
602267, 34 Kommunisticheskaya str., Murom, Russian Federation;
e-mail: nik.antipov.2000@inbox.ru

Aleksei V. Zudin

Gusar LLC,
601503, 57 Transportnaya str., Gus'-Khrustal'nyi, Russian Deferation;
e-mail: zudin.76@list.ru

Abstract

The purpose of the study is to substantiate the position according to which, using a systematic approach, the authors analyze various concepts of legal understanding, compare them, defining for themselves the main criterion: the theory of law must have access to practice, and the understanding of law must be fundamentally pragmatic. The conclusions drawn in the work will allow us to attract the attention of all interested parties to the problem of understanding the essence of law and clarifying its definition. The scope of application of the results obtained is extensive: the study of the concept of law, its essence, the construction of approaches to the definition and development of these phenomena from the standpoint of modern systemic normative legal understanding, the supporters of which are the authors of the work, allows in practice to construct a variety of law enforcement tools necessary for the subject in the process of law implementation. Only law, as the most important element of the general social regulatory mechanism, representing the most important social regulator, should predetermine the development of a “certain plot” of both one human life and the entire society as a whole.

For citation

Kuchin N.S., Zudin A.V. (2024) Pravoponimanie kak sistemoobrazuyushchii element sistemnoi teorii prava [Legal understanding as a system-forming element of the system theory of law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 24-30. DOI: 10.34670/AR.2024.70.48.033

Keywords

Law, essence of law, legal understanding, law enforcement, system, social regulation, element of the system, system connection.

References

1. Baitin M.I. (2005) *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)], 2nd ed. Moscow.
2. Dyuvernua N.L. (2004) *Istochniki prava i sud v Drevnei Rossii. Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava* [Sources of law and court in Ancient Russia. Experiments on the history of Russian civil law]. Saint Petersburg.
3. Husserl E. (2019) *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy], 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
4. Lao Tzu (2019) *Kniga o puti zhizni (Dao-de Tszin'): s kommentariyami i ob"yasneniyami* [Book about the way of life (Tao Te Jin): with comments and explanations]. Moscow: AST Publ.
5. Mal'tsev G.V. (2011) *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social foundations of law]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.
6. Martyshin O.V. (2002) O «libertarno-yuridicheskoi teorii prava i gosudarstva» [On the “libertarian-legal theory of law and state”]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 10.
7. Nersesyants V.S. (2005) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Norma Publ.
8. Nersesyants V.S. (2010) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow: Norma Publ.
9. Ortega and Gasset H. (2017) *Vosstanie mass* [Rise of the masses]. Moscow: AST Publ.
10. Vengerov A.B. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. 3rd ed. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.57.44.037

Историко-правовая характеристика отдельных институтов судебного законодательства конца XVIII–XIX веков

Соснин Андрей Витальевич

Соискатель, старший преподаватель,
кафедра правового регулирования экономической деятельности,
Уральский федеральный университет,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: andrei_sosnin@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос модернизации института судебного законодательства в Своде законов, гражданских процессуальных актов Российской империи 1864 г. Методы. Анализируются теоретические идеи, базовые принципы и правила генерирования отдельных институтов гражданского-процессуального законодательства Российской империи. Особое внимание уделено системе гражданского процессуального законодательства. В статье проводится историографический анализ опубликованных за последние два с половиной десятилетия монографий и учебников, научных статей, докторских и кандидатских диссертаций, охватывающих различные аспекты истории российского государства и права, включая углублённое исследование деятельности государства в области законодательства, в том числе эволюцию российского судебного законодательства XVIII–XIX вв. Научная новизна и результаты. В ходе рассмотрения законодательных конструкций Свода законов автором определяется взаимосвязь элементов с особенностями общественных отношений. Систематизация, гражданское процессуальное право, эволюция российского гражданского процессуального права, современная историко-правовая наука, история российского процессуального права.

Для цитирования в научных исследованиях

Соснин А.В. Историко-правовая характеристика отдельных институтов судебного законодательства конца XVIII–XIX веков // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 31-42. DOI: 10.34670/AR.2024.57.44.037

Ключевые слова

Систематизация судебного процессуального права, история государства и права России, источниковедение, источники права, история юридической науки, внешняя история законодательства, отдельные причины модернизации законодательства, судебно-правовая политика государства.

Введение

Заложенные в Российской империи в XVIII–XIX веках, российскими классиками процессуальной мысли традиции, позволяет нам по-новому взглянуть на российские правовые институты судебного права и последовавшее за его принятием развитие научной правовой мысли и правовой культуры. Важно так же отметить, что современное осознание судебных реформ 18–19 веков, не может быть не связано с реформированием современной российской судебной системы и связанными с этим реформами в области гражданского и уголовного судопроизводства; только опираясь на великое процессуальное наследие, доставшееся нам в том числе и от Судебного устава 1864 года, сегодня восстанавливаем и сохраняем традиции, и дальнейшее развитие процессуального законодательства России. С развитием жизни, течением времени и усложнением гражданских отношений, трудности законодательных задач становятся все более и более сложными, и чем они значительнее и важнее, тем настоятельнее становится необходимость объяснить себе и другим происхождение и развитие этих задач, мотивы, побудившие к их разрешению, наконец, тот факт, что новые законы возникают не из произвола, а из науки и опыта.

Из принятых мер за последнее время, ни одна не получила столь единодушного одобрения, как преобразование судебной системы. Эта важная реформа принесёт в Россию один из лучших плодов европейской мысли и гражданственности, удовлетворит все российское общество сверху донизу и выполнит его фундаментальную историческую потребность. Отсутствие правосудия-старая больная тема. Судебный порядок, являющийся предметом постоянной заботы властей и постоянного недовольства общества, несмотря на все изменения, все ещё сохраняет свои старые недостатки.

Основное содержание

Реформы Екатерины II, завершившие бурный период законодательных экспериментов Петра I и его преемников и уступившие место более мирному периоду в развитии российского гражданского судопроизводства, обусловили относительно спокойный период в развитии судебной практики в России. России с момента проведения реформ, которые включали также формирование судебного опыта, сбор и обобщение законодательства. С принятием Указа о формальности судов 5 ноября 1732 года Пётр I признал враждебное начало, заложенное в гражданском судопроизводстве, в качестве следственного начала, заменив прежнее начало, имевшее место в гражданском судопроизводстве. Все большее распространение в судопроизводстве получали письменное производство, деятельность Большой палаты и канцеляристов. В результате регулярно предпринимались попытки инкорпорировать в систему действующее законодательство, устранить противоречия между уставами и внести дополнения в законодательство, что способствовало совершенствованию процедуры рассмотрения гражданских дел.

В 1801 г. комиссия разработала проект сокращения административного порядка, исходившего от местных комитетов, и составила закон о судопроизводстве местных комитетов. Как отмечает член комиссии Н. С. Ильинский, сенаторы (князь Гаврила Петрович Гагарин, тайный советник Федор Михайлович Колокольников и тайный советник Гаврила Романович Делявин) «не решались рассматривать.....но с внезапной смертью царя Павла I мой труд был похоронен и забыт, не признан и не одобрен».

По мнению Н. С. Ильинского, эти причины объяснялись не столько административным порядком, сколько тем, что

1) вновь созданные министерства были очень неорганизованны и разнородны с положениями о Сенате и местных местах;

2) низкие и даже мизерные оклады велик разнузданности;

3) за все это отвечало само правительство несло само правительство.

Ильинский привёл данные о ценах на все важнейшие товары и материалы с 1763 г., когда Екатерина II учредила Штабс-контору, чтобы доказать, что на установленное правительством жалованье придворным чиновникам прожить невозможно. Ильинский так же считал, что если правительство не может обеспечить необходимые условия для жизни, то странно было бы наказывать за развратное поведение. Кроме того, Ильинский Н. С. обратили внимание на то, «как Россия с 1763 года прибавила миллионы людей за счёт военных приобретений». С увеличением числа людей увеличилось количество исков и дел, но Сенат остался на том же месте и на том же жалованье. Более того, характер дел настолько смешанный, что один департамент занимается тем, что принадлежит другому [Ильинский, 1879, С. 412].

Князь П. В. Лопухин рекомендовал Александру I сделать в Генеральном штабе постоянное отделение Сената, ответственное за решение старых дел. В конце концов были учреждены два новых ведомства в Петербурге и Москве, с жалованьем в них сохранившимся на том же уровне, что и в 1763 году, так как деньги, процветавшие в этих ведомствах, не изменились.

Между тем царь Александр I, видя, что работа комиссии не продвигается, 28 февраля 1804 года издал императорский указ, в котором были определены конкретные задачи комиссии:

1) составить «вопросы или главные начала, касающиеся систематического порядка судопроизводства по разным родам дел, от начала их до конца»;

2) разослать по всем государствам распространить его среди всех государств и через него обнаружить недостатки и ошибки в существующем судопроизводстве, найти способы их исправления и ввести твёрдые и единообразные формы и правила судопроизводства. [Ильинский, 1864, с. 421]

Уже осенью, 22 октября 1804г., комиссия приняла основные принципы судебной системы: в место шести трибуналов было решено создать три, а много численные апелляции, негативно сказывавшиеся на авторитете судов, были отменены. По мнению комиссии, необходимо было отменить выборную систему и ввести во все суды королевских чиновников, прошедших курс юридического образования на юридическом факультете.

Для рассмотрения всех сословных дел предполагалось создать в каждом уезде по одному уездному суду. Суды должны были состоять из одного судьи от короны и двух судей от дворянства, купечества, просто люди новых поселенцев. В штат суда входили секретарь, назначаемый правительством, и один или два докладчика. Суд состоял из двух отделений: гражданских и уголовных дел. План работы суда был утверждён царём Александром 24 мая 1805 года.

В 1820 году комиссия обсудила вопрос о реформировании процедуры путём введения публичного уведомления сторон. Комиссия признала, что судебная практика того времени не слишком благоприятствовала соблюдению судебного порядка. Обычай и личное влияние меняли закон то в лучшую, то в худшую сторону, и сторонам приходилось постоянно полагаться на примирение прокуроров, губернаторов и даже министров. Проект Уложения гражданского судопроизводства, представленный в Государственный совет в 1824 году, воплотил в себе идеи публичного извещения, состязательности, инициативы заинтересованных лиц и не зависимости

суда.

Согласно общим положениям Устава 1814 г.:

1. Каждый гражданин, стеснённый в правах своих личных, или по имуществу, властен требовать защиты и удовлетворения по закону.

2. Такое требование должно быть учинено в надлежащем судебном месте, по порядку и обрядам, предписанным в сем Уставе.

3. Долг судьи есть, не выходя из правил в сем Уставе предписанных, вернейшим и кратчайшим путём изыскивать истину.

4. Тяжущиеся обязаны объяснять своё дело и объявлять истину без закрытия и утайки.

5. Судья не должен судить такого дела, в коем имеет сам участие, или когда будет подозреваем в пристрастии.

6. Каждый гражданин, коего свидетельство требуется для открытия истины, обязан давать оное по требованию суда.

7. Каждый иск, учинённый против кого либо, даёт ему право защищаться, и никто да не обвиняется прежде, пока не будет выслушано его оправдание по установленному порядку.

8. Закон определяет разные производства, по различному роду дел, к ведомству каждого Судебного места принадлежащих.

9. Разбирательство по делам должно начинаться в первой инстанции.

10. Закон позволяет тяжущимся, при неудовольствии решением первой инстанции, переносить дело во вторую (или апелляционную) инстанцию: а из сей, в случаях законами от того именно незаклучённых, в третью (ревизионную) инстанцию.

11. Дела, решённые в учреждённых трех инстанциях, не подлежат никакому дальнейшему разбирательству.

12. Обвинённый судом обязан удовлетворить другого за издержки и убытки, тяжбою ему нанесённые, которые должны быть определены тем же судом в то же время.

13. Производство каждого судного или тяжёбного дела в первой инстанции состоит из следующих обрядов:

1) подача искового прошения и позыв к суду;

2) явка ответчика к Суду;

3) ответ на исковое прошение;

4) в случае, ежели дело не довольно объяснено, представление доказательств, собиране справок и рассмотрение оных;

5) возражение на представленные доказательства;

6) решение дела и объявление решения;

7) исполнение,

8) в случаях, законом позволенных перенос дела в высшие места. [Архив Государственного Совета, 1874, 167–180, 261–308.]

Сходство основных принципов проекта 1814 г. с Гражданским процессуальным кодексом 1864 г. очевидно. Предположительно, содержание этого кодекса было известно Д. Н. Брудову и С.И. Зарудному, но, как и в случае с проектом судоустройства, в документе о преобразовании судебной системы 1864 года этот проект не упоминается.

Государственный совет не принял этот законопроект, поскольку он вводил в гражданский процесс элементы состязательности. По всей видимости, во многом это было связано с тем, что большинство членов Главного совета Государственного совета разделяли мнение, высказанное министром юстиции Д.П. Трошинским в 1815 году Государственному совету по поводу

обсуждения проекта Гражданского уложения. Министр юстиции Д.П. Троицкий считал, что Комитет составления законов был создан для систематизации существующих законов, а не для составления и введения новых законов, изданных для других стран и народов.

В период правления Александра I не было возможности изменить, систематизировать или усовершенствовать существующее законодательство. Не было указов по гражданскому судопроизводству, содержащих высокие идеи, направленные на планомерное и постепенное развитие права. Указы были направлены на устранение частных недостатков и касались единичного случая, который зависел от нерегулярных обстоятельств и иногда носил судебный характер. Одним из главных следствий таких постановлений было утверждение и расширение власти большой палаты. «Ваше судопроизводство — это просто деталь, и только сплетни, хитрость и подкуп могут вывести вас из этого лабиринта» - так писал Ф. Лагарп в письме царю Александру I, характеризуя судопроизводство в России. В этот период «суды постепенно, вернее, совсем исчезают, и вся деятельность передаётся канцеляристам, которые не только готовят дела, но и дополняют их справками, направляют эти справки и, наконец, имеют сильное влияние на сами решения». На смену судебным приставам пришла полиция. Судебные приставы были прикреплены к судам и работали под контролем и руководством судов, вызывая и доводя до сведения сторон судебные постановления, однако имели место злоупотребления приставами, задержки и не исполнение требований суда. Административная власть все глубже проникала в гражданский процесс. В итоге суды приобрели черты «приказных», бюрократических, негласных, инквизиторских, полицейских, подчинённых исполнительной власти, централизованных и лишённых самостоятельности, а значит, откровенных пародий на судебную власть.

Знание проекта гражданского судопроизводства и других материалов, имевшихся в распоряжении комитета по законопроектной работе законодательного бюро Государственного совета, повлиял на содержание подготовленного им документа. В своих записках автор подробно остановился на недостатках, существовавших в то время судебных структур и процедур и предложил судебную реформу, основанную на двух основных принципах: независимости судов, независимости судей и создание трех ступенчатой судебной системы во главе с Сенатом, где Сенат не будет решать дела по существу, а станет "верховным блюстителем закона". Предложение о проекте было воспринято положительно, а М.А. Багульянский получил высочайшее одобрение. Практических шагов предпринято не было. [Архив Государственного Совета, 1874, 65]

В последствии были предприняты попытки усовершенствовать некоторые аспекты гражданского судопроизводства, особенно коммерческого: Указом о коммерческом судопроизводстве 1832 г. были введены присяжные приставы, состязательность и устный процесс. Однако преимущества коммерческого судопроизводства несколько не повлияли на гражданское судопроизводство в целом. Одной из причин этого было отсутствие единого и согласованного законодательства о судопроизводстве.

Стремление «выделить исторический материал» привело составителей Свода к механическому соединению положений главы 10 Свода 1649 г. с противоречивыми законами, указами и постановлениями более поздних периодов. Первый том, посвящённый гражданскому судопроизводству по бесспорным делам, был составлен по законам Екатерины II и последующим указам. Второй том, посвящённый производству по оспоримым делам, составлен в соответствии с Указом 1649 г. и другим и указами, но его руководящие принципы взяты из процессуальных норм воинских указов. Противоречие между следственными формальным

судопроизводством (состязательным процессом) было разрешено путём признания формального судопроизводства особым видом судопроизводства. Судопроизводство было разделено на четыре основных и 17 специальных видов. Третий том, посвящённый гражданским взысканиям, был составлен на основе различных уставов XIX века. Судьба формального суда, учреждённого 5 ноября 1723 года, представляет интерес как более подробное исследование.

Несмотря на то, что со временем такие процедуры практически перестали применяться, эта форма судопроизводства, по мнению современников, была «едва ли не самой яркой частью прежнего процессуального законодательства». Сразу после издания Кодекса продолжалась законотворческая работа, в том числе и «гипотетическая», касающаяся совершенствования процессуальных процедур. В 1835 году министр юстиции Д. В. Дашков представил царю Николаю I отчётов сех задачах Министерства юстиции, в частности она и более важных законодательных инициативах по совершенствованию судопроизводства. В частности, отмечалось, что предложения по совершенствованию гражданского судопроизводства уже достаточно созрели и могут быть представлены сначала М. М. Сперанскому, а затем в Государственный совет. [Судебные Уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Т. 1. С. 24.].

Кроме того, государю была представлена записка о мерах по исправлению действующего законодательства о гражданском и уголовном судопроизводстве. Поскольку на бросок плана действий легло в основу дальнейшей подготовительной работы по судебной реформе, приведу обширную цитату из этой записки. Прежде всего, Государь Император намерен выяснить из хода дел в Сенате, какие части наших законов чаще всего бывают неправильно поняты, и, следовательно, определить, какие части наших законов более всего нуждаются в исправлении и изменении.

В разные исторические периоды отечественное судопроизводство строилось на состязательной или следственной форме, либо на сочетании этих форм в зависимости от того, какая из них преобладала. Древнерусское судопроизводство имело простую состязательную форму. Главную роль в зале суда играли стороны, которые соревновались в разрешении дела перед судьёй. Из содержания некоторых положений Русской Правды можно сделать вывод, что дело рассматривалось по инициативе истца. Стороны (истец и ответчик) устно и публично заявляли суду свои требования и возражения, представили имеющиеся доказательства.

Судья рассматривал доказательства и обстоятельства дела и сразу же выносил решение. По образному выражению одного русского учёного, древний суд представлял собой достойную борьбу равных противников. Стороны давали свои объяснения и аргументы лично и устно в суде. Только несовершеннолетние, глухонемые и монахи могли иметь «соучастников», которые выступали от их имени в качестве тяжущихся. Свидетели, приводимые в суд сторонами, давали устные показания. Показания свидетелей давались без присяги. Обстоятельства, имеющие значение для дела, считались установленными, если они были подтверждены не менее чем двумя свидетелями. Документальные доказательства, представленные сторонами, зачитывались в суде секретарём. Секретари так же разработали судебные акты. Требование закона о том, чтобы клерки читали содержание документов отдельно, было призвано предотвратить неправильное прочтение «бумаг» в пользу одной из сторон. После того как стороны представили свои объяснения и доказательства, судья имел право задать дополнительные вопросы сторонам, и, если имеющихся доказательств было недостаточно, суд мог признать утверждения необоснованными или предпринять дополнительные шаги для «установления истины» [Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. I. СПб., 1866. С. 199, 200].

Можно засвидетельствовать, что многие изменения представляют собой революционный переход от косвенного признания судами доказательств, доводов и требований сторон через протоколы, отчёты, рефераты и меморандумы к прямому признанию. Этот принцип не был сформулирован как самостоятельная правовая норма, а закреплён в качестве доктринально независимого принципа. Опыт судебной реформы послужил отправной точкой для дальнейшего развития законодательных и научных представлений о непосредственности правосудия. Бурное развитие науки и техники в конце XX — начале XXI века, появление новых технических устройств и способов передачи и восприятия информации, таких как компьютерные цифровые технологии, Интернет и телевидение, не могли не повлиять на принцип непосредственности.

Именно в этот период в первой четверти XIX века обсуждались вопросы следственной процедуры и административной тайны, предлагалось введение публичных процессов в гражданском судопроизводстве. Идея открытых судебных заседаний нашла отражение в проекте Уложения гражданского судопроизводства 1814 года, но не была поддержана при рассмотрении законопроекта в Государственном совете в 1824 году. К середине XIX века идея судебной реформы, и, в частности, публичного судопроизводства, уже буквально «вита в воздухе». Газетные и журнальные публикации, научная литература были полны призывов к реформированию судопроизводства на основе принципов состязательности, гласности и разделения судебной и административной власти. Под гласностью судопроизводства стали понимать:

- а) публичность процесса (или гласность общая);
- б) гласность по отношению к сторонам (или гласность в тесном смысле этого слова).

Если все считали, что открытая процедура должна быть введена без исключения во всех судебных инстанциях, то только В. Н. Панин считал нецелесообразным допускать открытую процедуру в Сенате в силу того значения, которое имеет правительствующий Сенат как высший судебный-административный орган империи. [Давыдова, Полянского, Судебная реформа, 326–327.]

Большинство современников говорили о важности введения в Устав гражданского судопроизводства принципа публичного извещения (гласности) и считали этот принцип чуть ли не «единственной гарантией правильного суда, которую можно искать в России». Там, где нет образованного класса судей и где характер судебных учреждений делает невозможным правительственный контроль, единственной надеждой является контроль народный. Общественное мнение, как бы оно ни было незрело и ничтожно, всегда представляет собой нравственную силу, которая должна поднять уровень судей. Главное значение происходящих изменений заключается в открытости судопроизводства.

Дореформенные правила о судебных доказательствах, содержащиеся в Российском императорском своде законов 1857 г., представляли собой не более чем, заимствование из более ранних законодательных актов, таких как Соборное уложение 1649 г. и начертание судебных дел и процессов 1715 г. Приступая к разработке проекта законодательных правил гражданского судопроизводства, исследователи отмечали, что существующие нормы «не только не обладают достаточной полнотой и определённой и не представляют собой стройного целого, но даже имеются некоторые различия в принципах, положенных в их основу, что в течение длительного времени все более затрудняло в судебной практике их применение к делам».

По сравнению с уставом судебного судопроизводства 1857 года фактический перечень видов доказательств, приведённый в уставе, не претерпел существенных изменений, однако изменения коснулись ряда основных положений, касающихся доказательств. По отношению к

старому уставу нововведения, касающиеся судебных доказательств, в целом можно сформулировать следующим образом:

- определялась форма и значение письменных доказательств;
- ограничивалось применение свидетельских показаний в делах, основанных на фактах, которые должны были подтверждаться письменными доказательствами;
- устанавливались правила проверки доказательств;
- ограничивались случаи допущения присяги;
- из числа доказательств исключался повальный обыск;
- вводился новый вид доказательств — дознание через окольных людей;
- провозглашался принцип свободной оценки доказательств.

Свидетельские показания как «средство обнаружения истины» упоминаются в самых древних правовых документах. Согласно древнерусскому праву, свидетель — это лицо, знающее предмет своих показаний и готовое дать достоверные показания. Со временем требования к свидетелям, касающиеся их личных качеств, свидетельских способностей и отношения к сторонам спорного дела, менялись. В юридической литературе, непосредственно предшествовавшей реформе судебной системы, свидетелем считалось лицо мужского или женского пола, достигшее определённого возраста (15 лет), обладающее здравым рассудком, имеющее основания знать о предмете, по которому оно должно давать показания, знающее о предмете спора без посторонней молвы и, наконец, юридически грамотное для дачи показаний по гражданскому делу. Лицо не обладает такими качествами, которые препятствовали бы ему давать показания по гражданскому делу.

К числу «совершенно неспособных или негодных к свидетельству» относились:

- лица, признанные умалишёнными и неспособные объясняться ни на словах, ни на письме, а равно лица, кои вследствие расстройства умственных способностей, состоят по распоряжению надлежащей власти на учёте у врача;
- лица, которые по своим физическим или умственным недостаткам не могли иметь познания о доказываемом обстоятельстве;
- дети против родителей;
- супруги тяжущихся;
- духовные, в отношении того, что им доверено на исповеди;
- отлучённые от церкви по приговору духовного суда, лишённые всех прав состояния и подвергшиеся таким наказаниям, с которыми сопряжено лишение права быть свидетелем;
- малолетние в возрасте до семи лет. [Анненков, 1887, 37]

Правоведы не сомневаются в правомерности исключения показаний психически больных или физически неполноценных лиц. Это положение было принято практически единогласно. Было отмечено, что «лица, признанные невменяемыми, т. е. прошедшие экспертизу в установленном порядке и запрещённые соответствующими органами, а также неспособные дать объяснения ни в устной, ни в письменной форме, безусловно, должны быть отстранены от дачи показаний». Лица, находящиеся в таком состоянии, не могут в полной мере осознать предмет, по которому от них требуются показания, и поэтому их показания не могут вызывать должного доверия.

В соответствии с учениями ведущих юристов, российское законодательство не позволяет детям свидетельствовать против своих родителей, и судебная практика в нашей стране не

обнаружила никаких неудобств в реализации этого закона. Ребёнок не может свидетельствовать именно против родителя. Каким бы беспристрастным ни был судья, он все же человек член семьи, и высокий долг судьи, конечно же, не заглушает в рождённого понятия о меж семейных отношений. Это вызывает в душе судьи предположение о семейной вражде и её катастрофических последствиях, и, хотя показания свидетеля могут быть справедливыми, в глазах судьи они становятся абсолютно недостоверными. Иными словами, причиной отстранения детей от дачи показаний против родителей является предположение о ненадёжности таких показаний. По мнению разработчиков закона, «показания ребёнка в пользу родителя почти всегда оставляют у суда общее представление о том, что ребёнок свидетельствует в пользу родителя из любви к нему, и такое представление невольно подрывает доверие к самым справедливым показаниям», но это не препятствовало их рассмотрению в качестве доказательств. По мнению исследователей устава 1857 года, было справедливо исключить не только детей, но и жён из числа свидетелей против своих мужей, а мужей-из числа свидетелей в пользу своих жён. [Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, 207].

Что касается без условного исключения из числа свидетелей лиц, отлучённых от Церкви, лишённых всех прав личности и подвергнутых наказанию, влекущему лишение права быть свидетелем, то разработчики закона исходили из необходимости согласования процессуальных норм о свидетелях Устава с Уголовными Исправительным уложениями 1845 года. Традиционно в российском процессуальном законодательстве существовали возрастные ограничения на разрешение давать показания. В соответствии с этой традицией составители Устава запретили допрос свидетелей, не достигших семилетнего возраста. Лица, «совершенно неспособные или негодные к даче показаний», вообще не допускались к даче показаний и исключались из процесса самим судом.

К числу лиц, к свидетельству способных, но «подозрительных», относились:

- родственники;
- опекуны и состоящие под опекой;
- усыновители и усыновлённые;
- имеющие тяжбу с одной из сторон и лица, выгода которых зависят от решения дела в пользу той стороны, которая на них ссылалась;
- поверенные, если на них ссылаются доверители. [Тютрюмов, 1916, 939]

По началу состязательности суд был не вправе вызывать и допрашивать свидетелей, не указанных сторонами. Свидетели вызывались в суд повестками или доставлялись в суд самими тяжущимися. В повестке указывалось:

- звание, имя, фамилия или прозвище свидетеля;
- предмет дела;
- место, день и час допроса;
- установленное законом наказание за неявку свидетеля в суд.

Некоторые особенности вызова были предусмотрены Уставом в отношении военнотружущих и священнослужителей. В зарубежной литературе активно критиковались существовавшие в начале XIX века во многих европейских странах, в том числе и в России, порядки, при которых допросы свидетелей проводились не судами, а судебными приставами и полицейскими следователями.

В этой связи отмечалось, что судья, не слышавший свидетеля, не может быть уверен в том,

что письменный протокол допроса является точной записью устных показаний свидетеля и что эти показания полны и точны. Когда стороны и свидетели находятся «перед лицом суда», суд может понять, что их показания недостаточны, и получить недостающую информацию об обстоятельствах дела, предложив им вопросы. Если же суд ознакомлен только с письменным поведением, то он не может дополнить пропущенные части или «избежать сомнений, вызванных противоречивыми показаниями». Считалось, что допрос свидетелей судом в открытом судебном заседании является наилучшим способом обеспечения соблюдения всех правил судопроизводства. Это объяснялось тем, что в таких условиях суд не допустит «хитрых» вопросов о или «уклончивого» поведения, которые могли бы «напугать» свидетеля, и такая процедура наиболее эффективно «пресекает ложь». [Нефедьев, 232.]

Конечно, в судебной практике могут возникать ситуации, когда в ходе судебных заседаний, проводимых в присутствии сторон, допрос свидетелей затруднён для всего состава суда. Разработчики Статута учли возможность возникновения такой ситуации и ограничили её небольшим числом случаев. Согласно УГС, суд мог поручить допрос свидетелей одному из судей:

- когда свидетель по «дряхлости, тяжкой болезни, обязанностям службы или другим уважительным причинам», не мог явиться в суд для допроса. Просьба о допросе свидетеля в месте его пребывания могла содержаться в ходатайстве тяжущихся или самих свидетелей с объяснениями конкретных причин, препятствующих явке в суд. Обоснованность ходатайства определял суд по своему усмотрению;
- когда по обстоятельствам дела оказывалось нужным произвести допрос на самом месте событий, нахождения доказательств и т. д. Судебной практикой были выработаны общие подходы к решению вопроса о допросе свидетеля в определённом месте. Например, в споре о праве на участок земли по давности владения допрос свидетеля производился по месту нахождения данного земельного участка;
- когда требовалось допросить значительное число лиц, живущих в одном месте, вне города, где находится суд. Предусматривая этот случай, авторы закона исходили из того, что, во-первых, обременительно для свидетелей обязывать и нецелесообразно для суда отвлекать большое количество людей от их обычных занятий, а, во-вторых, это вызов в суд большого числа свидетелей был обременителен для сторон, поскольку на стороны возлагалась обязанность оплатить проезд свидетелей к месту нахождения суда;
- когда определённые законом высокопоставленные чиновники заявляли просьбу о допросе в месте их жительства. К их числу относились: члены государственного Совета и Государственной Думы, Председатель Совета Министров, министры и их заместители, сенаторы, наместники, генеральные губернаторы, командующие войсками военных округов и т. п. [Гордон, 1864, 542]

Это историческое событие можно сравнить с законодательной работой по созданию свода законов Российской империи, которая потребовала сбора и систематизации огромного количества законов разных периодов. С другой стороны, создание единого ГПК не претендует на то, чтобы собрать под своим названием все существующие российские процессуальные законы. Речь идёт о более скромной задаче отбора процессуальных норм, зарекомендовавших себя на практике применения арбитражными судами и судами общей юрисдикции с точки зрения соблюдения процессуальных гарантий и эффективности судебной защиты для лиц, заинтересованных в судебной защите.

Заключение

Поскольку процессуальное законодательство в последние годы стремится к определённому единообразию процессуальных норм, то для некоторых институтов гражданского процессуального права может оказаться возможным быстро найти точку соприкосновения соответствующих норм. В не которых случаях, как и при решении любой сложной задачи, возникнут трудности, разрешить которые можно только путём широкого обсуждения этих вопросов специалистами в области гражданского процессуального права и юристами. Опыт судебных реформ 18–19 веков и дальнейшего развития гражданского процессуального права, проанализированный, в частности, в историко-правовых очерках, не должен быть забыт после того сделали в своё время специалисты в сфере юриспруденции. Он должен стать руководством к действию, для подражания и образцом для современного построения гражданского процессуального законодательства нашего государства.

Библиография

1. Ильинский Н. С. Воспоминания о моей жизни. Из записок Николая Степановича Ильинского // Русский архив. 1879. Кн. 3. Вып. 12. С. 412.
2. Ильинский Н. С. Указ. соч. С. 421. Н. С. Ильинский довольно чётко обозначил одни из основных недостатков гражданского судопроизводства, которые также будут названы в ходе подготовки Устава гражданского судопроизводства 1864 г.
3. Архив Государственного Совета. Царствование императора Александра I. СПб., 1874. Т. 4. Ч. 1: Журналы по делам департамента законов. Рассмотрение проектов Уложений Гражданского, Уголовного и Торгового. С. 167–180, 261–308.
4. Коркунов Н. М. Багульянский М.А. Проект судебного устройства 1828 года. Из журнала Министерства юстиции. СПб., 1895. С. 65
5. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Т. 1. С. 24.
6. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. I. СПб., 1866. С. 199, 200.
7. Давыдова Н. В. и Полянского Н. Н. Судебная реформа. Т. 1. М., 1915. С. 326–327.
8. Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. II. СПб., 1887. С. 37.
9. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. С. 207.
10. Тютрюмов И.М. Устав гражданского судопроизводства с законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов, извлечённых из научных и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству. Т. 1. Пг., 1916. С. 939
11. Нефедьев Е. А. Причины и цель издания полного собрания и свода законов с точки зрения Сперанского М. М. С. 232.
12. Гордон В. М. Комментарий к уставу Гражданского судопроизводства 1864 г. С. 542.

Historical and legal characteristics of individual institutions of judicial legislation of the late XVIII–XIX centuries

Andrei V. Sosnin

Applicant, Senior Lecturer,
Department of Legal Regulation of Economic Activity,
Ural Federal University,
620002, 19, Mira str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: andrei_sosnin@list.ru

Abstract

The article deals with the issue of modernization of the institute of judicial legislation in the Code of Laws, civil procedural acts of the Russian Empire of 1864. Methods. Theoretical ideas, basic principles and rules for generating individual institutions of civil procedure legislation of the Russian Empire are analyzed. Special attention is paid to the system of civil procedural legislation. The article provides a historiographical analysis of monographs and textbooks published over the past two and a half decades, scientific articles, doctoral and candidate dissertations covering various aspects of the history of the Russian state and law, including an in-depth study of state activity in the field of legislation, including the evolution of Russian judicial legislation of the XVIII–XIX centuries. Scientific novelty and results. During the consideration of the legislative structures of the Code of Laws, the author determines the relationship of the elements with the features of the community.

For citation

Sosnin A.V. (2024) Istoriko-pravovaya kharakteristika otel'nykh institutov sudebnogo zakonodatel'stva kontsa XVIII–XIX vekov [Historical and legal characteristics of individual institutions of judicial legislation of the late XVIII–XIX centuries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 31-42. DOI: 10.34670/AR.2024.57.44.037

Keywords

Systematization of judicial procedural law, history of the state and law of Russia, source studies, sources of law, history of legal science, external history of legislation, individual reasons for the modernization of legislation, judicial and legal policy of the state.

References

1. Ilyinsky N. S. Memories of my life. From the notes of Nikolai Stepanovich Ilyinsky // Russian Archive. 1879. Book. 3. Issue. 12. P. 412.
2. Ilyinsky N.S. Decree. op. P. 421. N. S. Ilyinsky quite clearly outlined some of the main shortcomings of civil proceedings, which will also be named during the preparation of the Charter of Civil Proceedings of 1864.
3. Archive of the State Council. The reign of Emperor Alexander I. St. Petersburg, 1874. T. 4. Part 1: Journals on the affairs of the department of laws. Consideration of draft Civil, Criminal and Commercial Codes. pp. 167–180, 261–308.
4. Korkunov N.M. Bagulyansky M.A. Project of the judicial structure of 1828. From the magazine of the Ministry of Justice. St. Petersburg, 1895. P. 65
5. Judicial Statutes November 20, 1864 for fifty years. T. 1. P. 24.
6. Judicial Rules, November 20, 1864, with a statement of the reasoning on which they are based. Part I. St. Petersburg, 1866. P. 199, 200.
7. Davydova N.V. and Polyansky N.N. Judicial reform. T. 1. M., 1915. pp. 326–327.
8. Annenkov K. Experience of commentary on the Charter of Civil Proceedings. T. II. St. Petersburg, 1887. P. 37.
9. Judicial Rules, November 20, 1864, with a statement of the reasoning on which they are based. P. 207.
10. Tyutryumov I.M. Charter of civil proceedings with legislative motives, explanations of the Governing Senate and comments of Russian lawyers, extracted from scientific and practical works on civil law and legal proceedings. T. 1. Pg., 1916. P. 939
11. Nefediev E. A. Reasons and purpose of publishing the complete collection and code of laws from the point of view of Speransky M. M. S. 232.
12. Gordon V. M. Commentary on the statute of civil proceedings of 1864, p. 542.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.64.51.003

Ответственность сторон административного договора

Волкова Виктория Владимировна

Кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры административного и финансового права,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Примак Яна Сергеевна

Студент,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: yanaprimak02@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы административной ответственности за нарушение административных договоров. Проанализирована правовая природа административного договора, а также присутствующие в научной литературе подходы к определению вида ответственности, которая применяется в отношении сторон административного договора. На основе проведенного анализа сформулирован вывод о существовании административно-договорной ответственности, которая представляет собой самостоятельный вид ответственности сторон административных договоров.

Для цитирования в научных исследованиях

Волкова В.В., Примак Я.С. Ответственность сторон административного договора // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 43-51. DOI: 10.34670/AR.2024.64.51.003

Ключевые слова

Ответственность, административный договор, стороны административного договора, юридическая ответственность, нарушение условий административного договора.

Введение

В современных условиях не вызывает сомнения важность изучения административных договоров, поскольку до сих пор административно-договорной процесс остается малоизученным вопросом административного права.

Как правило, административно-правовое регулирование осуществляется посредством убеждения или же принуждения, однако административный договор представляет собой особенный способ административно-правового регулирования. Именно в нем собраны воедино прерогативные полномочия участника от государства и юридическое равенство контрагентов.

Административный договор представляет собой особый вид публичного договора, а условие добровольного согласия его сторон на заключение такого договора принципиально отличает административный договор от актов государственного управления. Следовательно, можно утверждать, что от прочих гражданско-правовых договоров административный договор отличается спецификой его заключения, особенностями задач, для решения которых он призван, а также составом субъектов, которые такой договор заключают.

Основная часть

На сегодняшний день в научной литературе нет единого мнения относительно определения понятия административного договора.

Так, по мнению Ю.А. Тихомирова, под административным договором следует понимать соглашение, в качестве сторон которого выступают государственные органы и прочие организации, заключенное с целью решения определенных вопросов управленческого характера [Старилов, Давыдов, 2013, 8].

Несколько иной позиции в части трактовки понятия административного договора придерживаются Л.Л. Попов и Ю.И. Мигачев, которые под административным договором понимают соглашение, основанное на нормах действующего административного законодательства, одной из сторон которого является субъект государственного управления [Попов, 2018].

Сам административный договор рассматривается учеными как одна из форм осуществления государственного управления, а в качестве его главной цели выделяются отношения, непосредственно связанные с осуществлением государственного управления. [Старилов, Давыдов. Административный договор: порядок заключения..., 2013, 279].

Под административным договором, по мнению Ю.Н. Старилова и К.В. Давыдова, необходимо понимать соглашение, которое заключается с целью реализации публичных интересов, основанное на нормах действующего административного законодательства. Авторы особенно отмечают добровольность заключения такого рода соглашений всеми его сторонами, а одной из сторон такого договора является субъект административной власти [Старилов, Давыдов. Административный договор: предъявляемые юридические требования..., 2013].

Таким образом, анализ приведенных выше позиций ученых позволяет сформулировать следующее определение административного договора: это соглашение двух и более сторон, которое заключается добровольно и влечет за собой возникновение, изменение или же прекращение взаимных прав и обязанностей.

Формирование конструкции административного договора протекало под влиянием норм частного и публичного права. При этом сама конструкция административного договора

призвана обеспечивать соблюдение баланса частных и публичных интересов, а также устанавливать максимально эффективные условия, обеспечивающие взаимодействие государства и гражданского общества.

Ответственность, которая предусматривается административно-договорными отношениями, на наш взгляд, необходимо признать как самостоятельный подинститут теории административного права, поскольку разрешение возникающих в ходе исполнения административных договоров конфликтов представляет собой необходимое условие соблюдения баланса интересов сторон, которыми был заключен административный договор.

В научной литературе существует мнение, согласно которому ответственность за неисполнение административного договора представляет собой не что иное, как один из видов юридической ответственности, а, следовательно, обладает юридической, а не какой бы то ни было иной природой, с чем мы не можем не согласиться.

В общеправовом смысле основным признаком административного договора следует считать наличие взаимной ответственности его сторон за исполнение обязательств, которые были ими приняты, а также наличие обязательных требований, которые предъявляются действующим законодательством к заключению административных договоров.

На различных стадиях договорного процесса между сторонами административного договора могут возникать разногласия, которые являются не чем иным, как административно-правовыми спорами. Тем не менее, природа указанных споров является открытым вопросом, требующим скорейшего разрешения.

В частности, сторонам, которыми уже был заключен административный договор, в ходе разрешения возникающих споров приходится отказываться от исполнения принятых обязательств по причине отсутствия эффективного механизма решения указанных спорных ситуаций. В результате изначальные цели, которые преследовало заключение административного договора, не всегда могут быть исполнены.

В научной литературе существует позиция, согласно которой в указанных случаях более уместным было бы применение права одностороннего отказа от исполнения контрагентом взятых обязательств, при условии, что такой отказ не будет противоречить публичным или общественным интересам.

В особенности применение указанного права является уместным при учете того, что оно никоим образом не противоречит договорным первоосновам.

Следует отметить, что неисполнение условий договора одной из сторон может выступать в качестве основания для расторжения договора по инициативе другой его стороны, в связи с чем явно прослеживается необходимость применения соответствующих санкций не только правового, но также и экономического характера.

На наш взгляд, подобные меры являются достаточно спорными. В частности, это касается соглашений, заключение которых является обязательным в силу закона.

Раздел об ответственности сторон является одним из существенных условий административных договоров.

Однако на практике становится видно, что такие разделы обладают исключительно бланкетным характером, то есть они не обладают конкретным юридическим смыслом.

Нарушение административных договоров может повлечь за собой материальную, дисциплинарную, административную и иные виды ответственности. В связи с этим интересным видится вопрос о том, возможно ли в таких случаях применение компенсаторной ответственности.

Сегодня по данному вопросу в научной литературе ведутся споры и высказываются различные точки зрения.

По нашему мнению, в данном случае установление имущественных способов обеспечения исполнения обязательств не соответствует теории права, поскольку акцессорные и основные обязательства должны обладать одинаковой природой.

Это означает, что в таких случаях обязательно необходимо учитывать характер нарушения, то есть нужно четко понимать, является ли нарушение условий административного договора имущественным по своему содержанию или же оно является организационным, субординационным, нормативным и др.

Нарушение, например, концессионных договоров или договоров поставок вполне может повлечь за собой имущественные санкции, включая неустойки, пени, возмещение убытков и т.д. В то время как нарушение договоров об организации проведения совместных контрольно-надзорных мероприятий, например, по своей природе отстоит от имущественных санкций.

В отношении иных типов административных договоров вполне допустимо применение различных видов санкций за их нарушение.

Интересен и вопрос относительно конкретных негативных последствий, которые могут наступить для нарушителя административного договора.

Думается, что для недобросовестных контрагентов нормативных договоров, заключение которых не является обязательным в силу закона, какие-то иные санкции, кроме расторжения договора, сложно предусмотреть.

Так, если один из органов публичной власти передумал исполнять заключенный административный договор, то его никто не сможет заставить исполнить заключенное соглашение и, тем более, привлечь к ответственности.

Ситуация, которая складывается с обязательными организационными договорами, выглядит сложнее, поскольку они не только должны быть заключены, но также и должны исполняться и быть исполненными. Значит, в данной ситуации необходимо назначить конкретное должностное лицо, которое будет ответственным за реализацию конкретного соглашения, и именно это лицо будет привлекаться к ответственности в случае того или иного нарушения заключенного договора.

Проблемы, которые непосредственно связаны с ответственностью сторон административного договора, требуют наличия равновесия частных и публичных интересов, что является достаточно дискуссионным вопросом в части определения должных принципов ответственности в рамках административного договора.

Считаем необходимым подчеркнуть, что может иметь место некоторое неравенство сторон, которое вызвано самой природой административного договора и его целью, обладающей публичным характером.

По большей части стороны административного договора обладают разными административно-правовыми статусами, что дает возможность сделать вывод о том, что возможность согласования определенных условий заключаемых административных договоров в некоторых случаях может отсутствовать.

Иными словами, в такой ситуации одна сторона будет определять условия, на которых заключается административный договор, а другая может либо их принять, либо отказаться от заключения договора.

Следовательно, можно говорить о том, что административные договоры в данном аспекте являются схожими с договорами присоединения, которые реализуются в гражданско-правовом

поле.

На основе сказанного напрашивается вывод о том, что у стороны административного договора, которая обладает статусом публичной администрации, имеется возможность проявления тех или иных злоупотреблений, в то время как другая сторона не обладает возможностью реального согласования условий договора и попросту вынуждена с ними соглашаться.

В административно-договорных правоотношениях присутствует корреспонденция прав и обязанностей их участников, что влечет за собой возникновение обязывающего, двустороннего характера административных обязательств, при которых субъект одновременно является и обязанным, и управомоченным лицом.

Следует отметить, что общая модель ответственности может подвергаться корректировке непосредственными участниками административно-договорных правоотношений.

Это может быть реализовано посредством осуществления соответствующих сделок об ответственности, цель которых заключается в формировании частной модели ответственности и справедливости взаимоотношений сторон в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения условий административного договора.

Думается, что ответственность сторон административного договора должна являться некой моделью, которая досконально регламентируется законодательством в соответствии с имеющимися конкретными приоритетами публичных интересов.

Необходимость закрепления положений об ответственности связана с необходимостью обеспечения защиты интересов каждой их сторон административного договора и необходимостью защиты той стороны, которая не обладает управленческими полномочиями.

Остапенко И.А. выделяет различный характер ответственности сторон административного договора, которая может наступать за нарушение его условий.

В частности, к такого рода ответственности он относит административную ответственность, гражданско-правовую ответственность и дисциплинарную ответственность [Попов, 2018].

Считаем, что в рамках административного договора понятие ответственности не является аналогичным понятию ответственности по гражданско-правовому договору по причине того, что в научной литературе под гражданско-правовой ответственностью понимаются санкции, которые влекут за собой дополнительные обременения для правонарушителя – проще говоря, являются наказанием за совершение того или иного нарушения.

Основным отличием административно-правовой ответственности от гражданско-правовой является то, что инициатива применения первой исходит не от непосредственного участника договорных правоотношений, а от государства в лице тех или иных государственных органов.

Споры, возникающие в процессе исполнения административных договоров, возникают между его сторонами, однако в некоторых случаях могут касаться и публичных интересов, для обеспечения которых они изначально и заключались.

Данная особенность административных договоров как раз и дает возможность отграничения их ответственности от ответственности по гражданско-правовым договорам.

Проанализировав практику заключения административных договоров, можно увидеть, что наступление гражданско-правовой ответственности за нарушение условий административного договора является невозможным.

Это означает, что в отношении сторон административного договора невозможно применение механизма гражданско-правовой ответственности.

С учетом изложенного видятся неубедительными приведенные И.А. Остапенко выводы о

том, что в рамках административных договоров возможно применение норм гражданско-правовой ответственности.

Анализ научной литературы, посвященной проблемам административных договоров, позволяет сделать вывод о том, что некоторыми авторами предлагаются частичные меры решения имеющихся проблем в анализируемой сфере с указанием необходимости одной разработки и дальнейшего исследования проблем ответственности по административным договорам.

В частности, В.А. Латынцева указывает на то, что общим принципом для всех видов административных договоров является принцип взаимной ответственности его сторон, которая выражается в таких постулатах, как «заключил договор – исполняй его условия» или «договор – это закон для его сторон» [Тихомиров, 2016].

Не считаем также возможным безоговорочно согласиться с мнением о том, что ответственность сторон административного договора должна быть исключительно административной, а неисполнение условий договора является не чем иным, как административным правонарушением.

Думается, что в качестве самостоятельного состава административного правонарушения ненадлежащее исполнение условий административного договора может быть выделено только временно, то есть до момента принятия необходимого специализированного правового регулирования.

Под ответственностью сторон административного договора следует понимать обязанность лица терпеть лишение права и иные негативные последствия, которые наступают в результате его неправомерного поведения.

При этом отметим, что ответственность за нарушение условий административного договора может императивно устанавливаться посредством адекватного и справедливого распределения нанесенного вреда или же посредством ограничения объема их возмещения.

Ответственность за нарушение условий административного договора может обладать имущественным и неимущественным характером по причине того, что природа санкций, которые предусматриваются за указанные нарушения, не может оказывать никакого влияния на юридическую природу договора, поскольку она не затрагивает его предмета.

Отметим, что на сегодняшний день в качестве ответственности за нарушение условий административного договора в качестве меры ответственности предусмотрено его расторжение.

Особенность ответственности за нарушение административных договоров непосредственно связана с особенностями субъектного состава анализируемых правоотношений, природой прав сторон договора, их длящимся характером и т.д.

В качестве субъектов ответственности по административным договорам выступают стороны, такой договор заключившие, которыми были нарушены условия заключенного административного договора.

На наш взгляд, ответственность по административным договорам должна предусматриваться действующим административным законодательством и условиями самого договора.

Что касается установления ответственности по административному договору, то оно должно осуществляться при учете принципов действующего административного закона.

Все указанные аспекты дают возможность выделить самостоятельность правовой природы ответственности по административным договорам и обозначить ее как административно-договорную ответственность.

Отметим, что на данном этапе механизм реализации ответственности по административным договорам в России отсутствует, что доказывает необходимость разработки и внедрения соответствующего нормативного правового акта, в котором были бы закреплены все нормы о подсудности дел, связанных с заключением и расторжением административных договоров.

Кроме того, указанный правовой акт должен закреплять основания для наступления ответственности по административным договорам, условия наступления указанной ответственности, а также основания и условия освобождения от наступления анализируемого вида ответственности.

До принятия соответствующей правовой базы в качестве адекватного решения может являться дополнение главы 19 Кодекса об административных правонарушениях РФ [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, 2002] специальной статьей «Неисполнение либо ненадлежащее исполнение административного договора», где в качестве меры ответственности за совершение указанного правонарушения будет выступать штраф, наложение которого не освобождает виновную сторону от дальнейшего исполнения заключенного договора.

Следует сказать, что нормативная база представляет собой обязательный элемент формирования и последующей реализации административно-договорных правоотношений.

Кроме того, считаем необходимым подчеркнуть, что более эффективной реализации административных договоров будет способствовать формирование системы административной юстиции, которая позволит оперативно решать споры, которые возникают в ходе исполнения административно-договорных правоотношений.

Заключение

Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод о том, что отсутствие специального административного закрепления ответственности за нарушение административных договоров способствовало возникновению ситуации, когда механизм реализации административного договора не является эффективным.

Библиография

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Попов А.И. К вопросу об административной ответственности сторон административного договора // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 1. С. 75-79.
3. Стариков Ю.Н., Давыдов К.В. Административный договор: порядок заключения, прекращение и ответственность за нарушение // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 15-22.
4. Стариков Ю.Н., Давыдов К.В. Административный договор: предъявляемые юридические требования и последствия их нарушения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1. С. 177-187.
5. Тихомиров Ю.А. Новые векторы регулирования – «Другое» право? // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 5-15.
6. Bila V.R. Administrative Contract as a Legal Form of Public Administration: Updating Doctrinal Approaches // Law and Safety. 2018. № 4. С. 43-48.
7. Skoromnyy Y. The Peculiarities of Bringing Judges to Administrative Responsibility // Path of Science. – 2020. – Т. 6. – № 10. – С. 2014-2022.
8. Karipbaev Z. B., Mussin K. S. Concept of bringing minors to administrative responsibility // Bulletin of the Karaganda university Law series. – 2020. – Т. 98. – № 2. – С. 32-39.
9. Tembhare V. et al. Nursing skill and responsibility in administration of low molecular weight heparin by prefilled syringe. – 2021.

10. Sedaghat-Modabberi R., Meisner B. A., Safai P. Lived Experiences of Long-Term Care Administrative Staff Responsible for the Admissions Process //Canadian Journal on Aging/La Revue canadienne du vieillissement. – 2022. – T. 41. – №. 4. – C. 605-613.

Liability of parties to an administrative contract

Viktoriya V. Volkova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of administrative and financial law,
North Caucasus branch of the Russian State University of Justice,
350020, 234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: www.truba.ru@mail.ru

Yana S. Primak

Student,
North Caucasus branch of the Russian State University of Justice,
350020, 234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: yanaprimak02@mail.ru

Abstract

The article discusses the problems of administrative liability for violation of administrative contracts. The legal nature of the administrative contract is analyzed, as well as the approaches present in the scientific literature to determining the type of liability that applies to the parties to the administrative contract. Based on the analysis, a conclusion has been formulated about the existence of administrative contractual liability, which is an independent type of liability of the parties to administrative contracts.

For citation

Volkova V.V., Primak Ya.S. (2024) Otvetstvennost' storon administrativnogo dogovora [Liability of parties to an administrative contract]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 43-51. DOI: 10.34670/AR.2024.64.51.003

Keywords

Responsibility, administrative contract, parties to an administrative contract, legal responsibility, violation of the terms of an administrative contract.

References

1. Bila V.R. (2018) Administrative Contract as a Legal Form of Public Administration: Updating Doctrinal Approaches. *Law and Safety*, 4, pp. 43-48.
2. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 1* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 1], 1 (part 1).
3. Popov A.I. (2018) K voprosu ob administrativnoi otvetstvennosti storon administrativnogo dogovora [On the issue of administrative responsibility of the parties to an administrative agreement]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* [Siberian

-
- Legal Review], 1, pp. 75-79.
4. Starilov Yu.N., Davydov K.V. (2013) Administrativnyi dogovor: poryadok zaklyucheniya, prekrashchenie i otvetstvennost' za narusheniye [Administrative agreement: procedure for conclusion, termination and liability for violation]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 7, pp. 15-22.
 5. Starilov Yu.N., Davydov K.V. (2013) Administrativnyi dogovor: pred'yavlyaemye yuridicheskie trebovaniya i posledstviya ikh narusheniya [Administrative agreement: imposed legal requirements and the consequences of their violation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law], 1, pp. 177-187.
 6. Tikhomirov Yu.A. (2016) Novye vektory regulirovaniya – «Drugoe» pravo? [New vectors of regulation – “Other” law?]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 4, pp. 5-15.
 7. Skoromnyy, Y. (2020). The Peculiarities of Bringing Judges to Administrative Responsibility. *Path of Science*, 6(10), 2014-2022.
 8. Karipbaev, Z. B., & Mussin, K. S. (2020). Concept of bringing minors to administrative responsibility. *Bulletin of the Karaganda university Law series*, 98(2), 32-39.
 9. Tembhare, V., Mujbaile, G., Singh, S., Sawarkar, A., Shambharkar, M., & Sakharwade, P. (2021). Nursing skill and responsibility in administration of low molecular weight heparin by prefilled syringe.
 10. Sedaghat-Modabberi, R., Meisner, B. A., & Safai, P. (2022). Lived Experiences of Long-Term Care Administrative Staff Responsible for the Admissions Process. *Canadian Journal on Aging/La Revue canadienne du vieillissement*, 41(4), 605-613.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.84.56.004

Диверсификация источников конституционного права по областям их применения

Тронин Сергей Александрович

Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: tron1977@rambler.ru

Аннотация

В России конституционное право имеет жизненно важное значение. Эта правовая дисциплина регулирует систему государственной власти и управления, а также определяет основные права и свободы, предоставляемые гражданам в рамках конституционной системы. Фактически Конституция Российской Федерации занимает первостепенное положение, поскольку устанавливает основополагающие принципы организации и развития государства. В России существуют различные источники конституционного права, каждый из которых имеет свои уникальные особенности, регулирующие жизнь граждан и государств. К таким источникам относятся законодательные акты, федеральный договор, Конституция Российской Федерации и федеральные законы. В России граждане и юристы должны иметь глубокое понимание конституционного права, чтобы анализировать и обосновывать применение правовых норм. Эти знания имеют решающее значение для понимания решений, принимаемых Конституционным Судом Российской Федерации. Конституция устанавливает основу государственной власти, а различные федеральные законы регулируют отдельные классы, включая здравоохранение, образование и экономику. Поэтому хорошее знание источников конституционного права в России является важным аспектом профессиональной подготовки юристов и воспитания граждан. Для комплексного понимания правовых норм и отношений в России крайне важно понимать источники конституционного права. Чтобы обеспечить социальную законность и справедливость, необходимо использовать надлежащие источники при интерпретации решений и совершении действий.

Для цитирования в научных исследованиях

Тронин С.А. Диверсификация источников конституционного права по областям их применения // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 52-60. DOI: 10.34670/AR.2024.84.56.004

Ключевые слова

Конституционное право, организация, государство, исследование.

Введение

В России конституционное право вращается вокруг устройства государства, и основным ориентиром является Конституция Российской Федерации. Среди его ключевых особенностей – разделение властей, прав и свобод граждан, а также структура федерального правительства. Конституция также устанавливает свой собственный закон, имеющий приоритет над всеми другими законами страны. Другие конституционные законы внутри страны должны следовать Конституции, включая региональные конституции и федеральные законы.

Федеральное правительство принимает важнейшие конституционные законы в России, которые предлагают дополнительные правила и инструкции по обеспечению соблюдения Конституции. Такие законы, как Морская доктрина Российской Федерации, опираются на Конституцию и федеральные законы как средство легитимации их разработки и исполнения. Поддержание соответствия общественным изменениям и потребностям штата, обновление и дополнение этих необходимых федеральных законов имеет первостепенное значение для обеспечения эффективного функционирования государственной системы.

Россия рассматривает региональные конституции как источники конституционного права, помимо Конституции и федеральных законов. Эти уникальные конституции разрабатываются каждым регионом страны и содержат специфичные для региона руководящие принципы и правила организации штата в этом регионе. Ярким примером является Конституция Республики Татарстан, где четко определены полномочия и ответственность регионального правительства, а свободы и права граждан защищены в соответствии с конституционным законом региона. Российская государственная система демонстрирует гибкость и адаптируемость к потребностям граждан за счет диверсификации источников конституционного права. По сути, наличие региональных конституций имеет решающее значение для определения приоритетов потребностей и интересов местного населения в процессе государственного устройства [Гравина, 2011].

Основная часть

В России конституционное право расширено международными договорами и конвенциями, особенно в области прав и свобод человека. Эти соглашения обязывают Россию следовать их положениям, служа основой для внутренних законодательных и судебных решений. Совет Федерации, отвечающий за разработку государственной политики по всем вопросам федерации, занимается вопросами международных договоров и конвенций. Такие соглашения выступают ценным источником конституционного права, служащим основой защиты прав и свобод человека [Зайцев, 2018].

В России конституционное право также может вытекать из федеральных законов, касающихся прав человека. Эти законы, созданные федеральным правительством, помогают претворить в жизнь положения, изложенные в Конституции. Одним из таких примеров является возможность Президента Российской Федерации помиловать или смягчить наказание в соответствии как с Конституцией, так и с федеральными законами. По сути, эти законы являются важнейшими элементами правовой системы России, поскольку обеспечивают защиту прав и свобод граждан [Адриановская, 2014].

Конституционный Суд является авторитетным толкователем Конституции России и

действует как правовой институт, обеспечивающий защиту прав и свобод человека. Тщательно проверяя все нормативные акты и законы на предмет их соответствия Конституции, решения суда играют значительную роль в формировании конституционного права России. Следовательно, эти решения, проливающие свет на то, как понимать и применять конституционное право в стране, служат полезным источником рекомендаций. В ходе развития конституционного права в России диверсификация источников конституционного права стала результатом ключевых решений, принятых Конституционным Судом в 2016 году. Эти новаторские решения обеспечили оправданность предварительного заключения только в чрезвычайных обстоятельствах, и ключевое значение имели разумные подозрения по задержанию подозреваемых в уголовных преступлениях [Амирбеков, Магомедов, 2016].

Основным источником конституционного права в России является Конституция Российской Федерации. Этот документ продвигает различные основные принципы судебной системы, включая автономию судей, справедливое судебное разбирательство и право на апелляцию. Кроме того, он создает Конституционный Суд Российской Федерации, который имеет право разьяснять Конституцию и другие связанные с ней законы. Следовательно, Конституция Российской Федерации имеет жизненно важное значение для развития судебного права в России.

В России конституционное право находится под сильным влиянием федеральных законов, касающихся судебной системы. Эти законы определяют ключевые процедуры проведения судебных процессов, назначения судей, а также иерархическую структуру судов. Ярким примером таких законов является Федеральный закон «О судебной системе Российской Федерации», который играет важнейшую роль в формировании судебной системы в стране. Следовательно, надлежащее исполнение федеральных законов имеет большое значение для обеспечения надежной судебной системы в России [Жилин, 2010].

Важную роль в формировании правовой базы российской судебной системы играют решения, принимаемые Конституционным Судом Российской Федерации. Предлагая авторитетное толкование Конституции, а также других законов, касающихся судебной власти, эти решения служат руководством для судов низшей инстанции и других юридических лиц. Кроме того, некоторые судьи считают, что Конституционный Суд способен активно способствовать развитию российского конституционного права, играя тем самым значительную роль в формировании развития российского конституционного права. Таким образом, очевидно, что решения Конституционного Суда имеют жизненно важное значение для развития российской судебной системы и ее правовой базы [Зайцев, 2018].

В России Конституция является основным ориентиром, когда речь идет о конституционном праве. Она служит основой того, как должно быть организовано государство, и устанавливает фундаментальные принципы избирательного процесса. Конституция гарантирует свободу участвовать в голосовании, участвовать в выборах и высказывать свое мнение на референдумах. Более того, она закрепляет принцип государственного разделения власти и защиты прав и свобод гражданского населения. В результате Конституция имеет огромное значение для формирования правовой основы выборов на территории России.

Федеральный конституционный закон страны «О референдуме Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» являются важнейшими правовыми источниками конституционного права, связанного с выборами, наряду с Конституцией. Эти

законы содержат конкретные рекомендации относительно выдвижения кандидатов, устройства избирательных участков и подсчета голосов. Законы также определяют роли и обязанности различных избирательных организаций, включая Центральную избирательную комиссию.

В России Центральная избирательная комиссия является источником конституционного права. Они гарантируют легитимность и откровенность выборов внутри страны. Любые решения, которые они принимают в отношении разъяснения и реализации избирательного законодательства, имеют юридическую силу и, как ожидается, будут соблюдаться всеми соответствующими органами власти и заинтересованными сторонами. В России избирательный процесс подкрепляется руководством Центральной избирательной комиссии, решения которой имеют значительный конституционный вес. Своими решениями Комиссия помогает поддерживать последовательность и справедливость выборов, играя решающую роль в соблюдении избирательного законодательства.

В России основным конституционным законом о местном самоуправлении является Федеральный закон «О местном самоуправлении». Этот закон определяет различные аспекты местного самоуправления, включая правовые рамки, ответственных лиц, процессы создания и функционирования, а также объем их полномочий. Кроме того, определены принципы местного самоуправления, подчеркивающие автономию местных органов власти, участие граждан в принятии решений и подотчетность местных чиновников перед своими избирателями. Этот закон служит основой для различных региональных законов и постановлений, касающихся местного самоуправления [Амирбеков, Магомедов, 2016].

В России региональные правила местного самоуправления являются важнейшим компонентом конституционного права. Эти нормативные акты разрабатываются и исполняются местными властями в целях дополнения и пояснения положений Федерального закона о местном самоуправлении. Они обсуждают такие проблемы, как порядок организации и формирования местных органов власти, разделение полномочий между местными и региональными властями, а также протокол разрешения разногласий между местными органами власти. Законы о региональном местном самоуправлении предлагают более совершенный и индивидуальный подход к местному самоуправлению и демонстрируют различные требования и особенности каждого региона.

Источники конституционного права местного самоуправления в значительной степени формируются решениями Конституционного Суда Российской Федерации. Эти решения обеспечивают авторитетное толкование Конституции и различных федеральных законов, касающихся местного самоуправления, а также разрешение споров между органами государственной власти и органами местного самоуправления. С помощью этого механизма также уточняются пределы и объем полномочий местного самоуправления, а также обязанности и права как граждан, так и местных должностных лиц. Некоторые из этих решений, принятых Конституционным судом, вызвали споры по поводу их обоснованности, но они по-прежнему остаются важным источником указаний для юристов и должностных лиц местных органов власти. В иерархии источников конституционного права возникают эти споры в силу их противоречивого характера.

Что касается Вооруженных Сил и правоохранительных органов, то Конституция Российской Федерации является основным источником конституционного права. Ее содержание в первую очередь состоит из основных принципов и стандартов, которые регулируют структуру, работу и процедуры этих учреждений. Статья 67, устанавливающая

условия службы в армии и подтверждающая право населения на нее, является одним из примеров важнейших положений, содержащихся в Конституция. В то же время роль правительства в обеспечении общественной безопасности совпадает со статьей 20 Конституции, которая дает право отдельным лицам собираться беспрепятственно. В соответствии с [Бондарь, 2014], Конституция дополнительно определяет объем полномочий и обязанностей, возложенных на Федеральное Собрание, Президента и Правительство в отношении Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

Правовой ландшафт Вооруженных Сил и правоохранительных органов России находится под значительным влиянием федеральных законов. Например, закон «О Вооруженных Силах Российской Федерации» определяет такие важные элементы, как структура и содержание вооруженных сил. Он дополнительно регулирует обязанности и права действующего персонала, а также устанавливает протоколы, касающиеся их набора, продвижения по службе и увольнения. Отражая меняющиеся приоритеты государства и общества в сфере национальной обороны и общественной безопасности, правовую основу действий правоохранительных органов, в частности полиции, Федеральной службы безопасности и Следственного комитета, устанавливает Федеральный закон «О полиции».

В контексте Вооруженных Сил и правоохранительной деятельности решения Конституционного Суда Российской Федерации имеют значительный вес как источник конституционного права. Они предлагают понимание, интерпретацию и разъяснение положений как Конституции, так и федеральных законов, в конечном итоге разрешая споры между различными ветвями власти и уровнями. Одно из таких примечательных событий произошло в 2015 году, когда Суд постановил, что военная сила должна применяться только в том случае, если она соразмерна угрозе терроризма. Эти приговоры существенно влияют на правовую систему Вооруженных Сил и правоохранительных органов, одновременно защищая свободы и права личности.

Конституционные законы России, связанные с федерализмом, в первую очередь основаны на Конституции Российской Федерации, которая определяет ответственность и полномочия как федерального правительства, так и субъектов Федерации, определяющих федеральную структуру страны. Согласно статье 5 Конституции, Российская Федерация является федеративным государством, в состав которого входят края, области, республики, города федерального значения и автономные области. Кроме того, Конституция устанавливает правила распределения полномочий между федеральным правительством и субъектами Российской Федерации, наделяя их правом создавать законы и постановления.

В России конституционное право также формируется законодательством, связанным с федерализмом, на федеральном уровне. Такие законы являются более детальными и содержат конкретные детали, касающиеся полномочий федерального правительства, а также ролей и обязанностей субъектов страны. Показательно, что Федеральный закон, регулирующий организацию законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов России, определяет порядок формирования и деятельности этих органов. Разделение полномочий и ответственности между федеральным правительством и субъектами Российской Федерации урегулировано Федеральным законом «О порядке разрешения споров». В нем также изложены руководящие принципы разрешения споров между этими сторонами. Эти меры обеспечивают эффективное решение вопросов, связанных с разделением полномочий.

Конституционный Суд Российской Федерации играет важнейшую роль в конституционном праве, прежде всего в вопросах федерализма. Споры вокруг разделения полномочий между

центральным правительством и субъектами Российской Федерации разрешаются Судом, который также отвечает за толкование Конституции и федерального законодательства. Выводы Суда имеют далеко идущие последствия, изменяя структуру федеральной системы страны и баланс федеральной власти и власти субъектов Российской Федерации. В декабре 2012 года Конституционный суд вынес постановление, подчеркивающее важность взаимного согласия сторон, заявив, что федеральному правительству запрещено изменять границы между субъектами Российской Федерации без участия других. Эти решения задают направление для понимания и применения федеральных законов, касающихся федерализма, и способствуют сохранению прочности и эффективности федерального устройства.

Различные источники вносят вклад в конституционное право в России, в частности административное право, включая региональные законы, федеральные законы и постановления Конституционного суда. Среди этих источников существенное влияние на отправление правосудия внутри страны оказывают федеральные законы, оказывающие различное воздействие на исполнительную власть, права граждан и процедуры разрешения разногласий. Примером федерального закона, важного в административном праве, является Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации».

Спорные вопросы баланса между правами личности и интересами государства часто рассматриваются в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, которые служат первоисточником конституционного права, в частности административного права. Толкование Судом Конституции и других правовых указаний дает рекомендации по надлежащему применению правовых норм в административном праве.

На диверсификацию конституционного права в России большое влияние оказывают не только федеральные законы и решения Конституционного суда, но и законы регионального уровня, касающиеся административных вопросов. Эти региональные законы регулируют вопросы, связанные с полномочиями местных органов власти, охраной окружающей среды и социальными услугами. Создание и реализация этих законов являются ключевыми компонентами роста конституционного развития и законодательства как в административной, так и в законодательной сфере.

Для правильного функционирования правовой системы в России необходима диверсификация источников административного права в рамках конституционного права. Различные источники обеспечивают руководство и направление отправлению правосудия, гарантируя, что государство действует в рамках правовых границ, стремясь защитить права граждан. В результате мы приходим к выводу, что такая диверсификация необходима.

Важным фундаментом конституционного права в экономической сфере являются федеральные законы, относящиеся к экономическому праву России. Они эффективно регулируют широкий спектр экономической деятельности, включая налогообложение, права собственности и инвестиции. Установление правил разведки, разработки, транспортировки и охраны природных ресурсов, а также обеспечение суверенных прав и юрисдикции являются основными задачами, поставленными Федеральным законом «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе Российской Федерации». Некоторые виды экономической деятельности признаны незаконными и регулируются Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». В совокупности эти федеральные законы создают всеобъемлющую основу для экономической деятельности и, как таковые, обеспечивают основу для судебных решений и постановлений Конституционного суда.

В формировании конституционного права в экономической сфере значимую роль сыграл Конституционный Суд Российской Федерации. Суд обладает уникальными полномочиями: он может проверять федеральные законы и региональные постановления, чтобы определить, соответствуют ли они Конституции Федерации или федеральным законам. В знаковых решениях Суда были рассмотрены различные экономические вопросы, включая государственное регулирование экономики, налогообложение и права собственности. В сфере экономики были случаи, когда суд постановлял освободить от налогообложения полезные ископаемые, добываемые на региональных территориях. Именно это решение, принятое в 2008 году, способствовало развитию конституционного права. Более того, он также создал прецеденты, которые будут применяться к аналогичным делам в будущем.

В отношении законодательства об экономической деятельности Российская Федерация является федеративным государством с различными источниками конституционного права. Помимо федеральных решений и указаний Конституционного суда, жизненно важную роль также играют экономические законы на местном уровне. Поскольку региональные законодатели обладают полномочиями регулировать экономические дела, законы будут различаться в зависимости как от приоритетов, так и от экономического статус-кво. Пример: различные области могут сосредоточиться на сельском хозяйстве или обрабатывающей промышленности в зависимости от своих потребностей. Дополняя федеральные законы и решения Конституционного суда, региональные законы обеспечивают локализованный и детальный подход к экономическому регулированию. Тем не менее, эти законы должны обеспечивать соответствие федеральным законам и Конституции Федерации, поскольку она устанавливает согласованность источников экономических конституционных законов.

Заключение

В России диверсификация источников конституционных законов по сфере их применения является многогранной и сложной задачей. Учитывая их актуальность в стране, существуют различные источники конституционных законов, регулирующих различные аспекты деятельности правительства. В частности, к таким источникам относятся Конституция Российской Федерации, международные договоры, региональные конституции и законы, федеральные законы, постановления Конституционного Суда и другие подобные источники. Различные области конституционного права имеют различные источники и соображения, включая права человека, государственную организацию, административное право, военное и правоохранительное право, экономическое право, местное самоуправление, федерализм и судебную систему. Глубокое понимание этих источников и их применения позволяет нам лучше понять сложную правовую систему в России и ее влияние на население.

Библиография

1. Адриановская Т.Л. Компенсации в праве социального обеспечения и в трудовом праве // Социальное и пенсионное право. 2014. № 4. С. 27-30.
2. Амирбеков К.И., Магомедов А.М. Функция прокуратуры Российской Федерации как выполняемая ею роль в правовой системе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1. С. 3-9.
3. Андриченко Л.В. Проблемы судебной защиты социальных прав граждан Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 9.
4. Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1. С. 8-16.

5. Гравина А.А. Акты Конституционного суда Российской Федерации и законодательство о судах // Журнал российского права. 2011. № 10. С 47-54.
6. Джавакян Г.З. Принцип разумной сдержанности в конституционном правосудии: самоограничение или самоустранение? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 54-61.
7. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2017. 628 с.
8. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. 576 с.
9. Зайцев О.В. Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. Т. 8. С. 105-136.
10. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2017. 592 с.
11. Костюков А.Н. Конституционное право: университетский курс. В 2 т. Т. 1. М.: Проспект, 2015.
12. Марченко М.Н. Закон в системе источников романо-германского права // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 2000. № 3. С. 36-39.
13. Морщакова Т.Г. О некоторых актуальных проблемах конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2 3 (118). С. 117-124.
14. Пресняков М.В. Виды источников конституционного права: типичные и нетипичные формы права // Российская юстиция . 2017. № 7. С. 11-15 .
15. Пугачева Н.В. Некоторые вопросы, связанные с определением подсудности индивидуальных трудовых споров // Сборник статей «Актуальные проблемы развития гражданского процесса». Ростов-на-Дону: Беспмятнов, 2019. С. 46-50.

Diversification of sources of constitutional law by areas of their application

Sergei A. Tronin

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tron1977@rambler.ru

Abstract

Constitutional law is a section of law that regulates the organization of state power and administration, as well as defines the basic rights and freedoms of citizens within the framework of the constitutional system. In Russia, constitutional law is of particular importance since the Constitution of the Russian Federation is the basic law of the country and establishes the basic principles of the organization and development of the state. The sources of constitutional law in Russia include the Constitution of the Russian Federation, federal laws, the federal treaty and other legislative acts. Each source has its own characteristics and determines the legal relations in the lives of different citizens and states. For example, the Constitution of the Russian Federation establishes the foundations of state power, and federal laws regulate relations in specific classes, such as the organization of healthcare, education, economics, etc. Knowledge of the sources of constitutional law is mandatory for lawyers and citizens, since they can use this knowledge to analyze, substantiate and justify the application of legal norms. In addition, understanding the various sources of constitutional law is a model for understanding the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Thus, familiarity with the sources of constitutional law in Russia is an important part of the professional training of lawyers and the education of citizens. In fact, understanding the sources of constitutional law in Russia is a prerequisite for understanding legal norms and relations in various forms of life of citizens and the state. Using the right sources when reading decisions and performing the right actions is a description for ensuring justice and legality in society.

For citation

Tronin S.A. (2024) Diversifikatsiya istochnikov konstitutsionnogo prava po oblastyam ikh primeneniya [Diversification of sources of constitutional law by areas of their application]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 52-60. DOI: 10.34670/AR.2024.84.56.004

Keywords

Constitutional law, organization, state, research.

References

1. Adrianovskaya T.L. (2014) Kompensatsii v prave sotsial'nogo obespecheniya i v trudovom prave [Compensation in social security law and labor law]. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo* [Social and pension law], 4, pp. 27-30.
2. Amirbekov K.I., Magomedov A.M. (2016) Funktsiya prokuratury Rossiiskoi Federatsii kak vpolnyaemaya eyu rol' v pravovoi sisteme [The function of the prosecutor's office of the Russian Federation as the role it performs in the legal system]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation], 1, pp. 3-9.
3. Andrichenko L.V. (2016) Problemy sudebnoi zashchity sotsial'nykh prav grazhdan Rossiiskoi Federatsii [Problems of judicial protection of social rights of citizens of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 9.
4. Bondar' N.S. (2014) Akty konstitutsionnogo pravosudiya kak mezhotraslevoi istochnik prakticheskoi yurisprudentsii [Acts of constitutional justice as an interdisciplinary source of practical jurisprudence]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University], 1, pp. 8-16.
5. Dzhavakyan G.Z. (2018) Printsip razumnoi sderzhannosti v konstitutsionnom pravosudii: samoogranichenie ili samoustranenie? [The principle of reasonable restraint in constitutional justice: self-restraint or self-elimination?]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 6, pp. 54-61.
6. Ershov V.V. (2017) *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii* [Legal and individual regulation of social relations]. Moscow: RGUP Publ.
7. Gravina A.A. (2011) Akty Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii i zakonodatel'stvo o sudakh [Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and legislation on courts]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 10, pp. 47-54.
8. Kostyukov A.N. (2015) *Konstitutsionnoe pravo: universitetskii kurs. V 2 t. T. 1* [Constitutional law: university course. In 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Prospekt Publ.
9. Marchenko M.N. (2000) Zakon v sisteme istochnikov romano-germanskogo prava [Law in the system of sources of Romano-Germanic law]. *Vestnik MGU. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow State University. Series 11: Law], 3, pp. 36-39.
10. Morshchakova T.G. (2017) O nekotorykh aktual'nykh problemakh konstitutsionnogo pravosudiya [On some current problems of constitutional justice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 23 (118), pp. 117-124.
11. Presnyakov M.V. (2017) Vidy istochnikov konstitutsionnogo prava: tipichnye i netipichnye formy prava [Types of sources of constitutional law: typical and atypical forms of law]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 7, pp. 11-15.
12. Pugacheva N.V. (2019) Nekotorye voprosy, svyazannye s opredeleniem podsudnosti individual'nykh trudovykh sporov [Some issues related to determining the jurisdiction of individual labor disputes]. *Sbornik statei «Aktual'nye problemy razvitiya tsivi-listicheskogo protsessa»* [Collection of articles "Current problems of the development of the civil process"]. Rostov-on-Don: Bespamyatnov Publ., pp. 46-50.
13. Zaitsev O.V. (2018) Rol' sudebnykh reshenii (pretsedentov) i sudebnoi praktiki v regulirovanii obshchestvennykh otnoshenii [The role of court decisions (precedents) and judicial practice in the regulation of public relations]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* [Bulletin of Civil Procedure], 2 (8), pp. 105-136.
14. Zhilin G.A. (2010) *Pravosudie po grazhdanskim delam: aktual'nye voprosy* [Justice in civil cases: current issues]. Moscow: Prospekt Publ.
15. Zor'kin V.D. (2017) *Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktika* [Constitutional Court of Russia: doctrine and practice]. Moscow: Norma Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.10.53.005

Торговая политика и глобализация: последствия для экономики**Тронин Сергей Александрович**

Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: tron1977@rambler.ru

Аннотация

В эпоху глобализации экономической жизни планеты возникновение и развитие торговой политики между странами становится основополагающим фактором в формировании их экономической силы. Специфичность политических, экономических и культурных аспектов каждой отдельной страны обуславливает различные подходы к ведению торговли на международной арене. Вопреки общепринятому мнению, глобализация не всегда является гарантией экономического процветания, а ее последствия могут варьироваться в зависимости от выбранной стратегии торговой политики. Становится особенно актуальным рассмотрение таких взаимосвязей на примере двух стран – России и Китая, обладающих кардинально различными моделями развития, но имеющих значительный вес в мировой экономике. Торговая политика этих двух гигантов и её последствия в условиях глобализации являются предметом данного исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Тронин С.А. Торговая политика и глобализация: последствия для экономики // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 61-72. DOI: 10.34670/AR.2024.10.53.005

Ключевые слова

Торговая политика, глобализация, экономика России, экономика Китая, международная торговля, экономическая интеграция.

Введение

Исходя из данных Международного валютного фонда за 2023 год, Китай с прямыми иностранными инвестициями в размере 2,1 триллиона долларов США занимает второе место в мире, уступая лишь Соединённым Штатам, тогда как Россия со своими 30 миллиардами замыкает десятку лидеров [Hongmei, Zhonghe, 2010]. Это является результатом противоположных стратегий торговой политики, осуществляемых этими странами в условиях глобализации.

С одной стороны, Китай активно использует открытую торговую политику, ориентированную на экспорт. Из данных Всемирной торговой организации за 2022 год следует, что доля Китая в мировом экспорте составила 13,8% [Wang Nan, 2016], что является следствием стратегии максимальной экономической интеграции и внешнеторгового баланса в пользу экспорта.

С другой стороны, Россия предпочитает защитническую торговую политику, что выражается в высоких тарифах и нетарифных барьерах. Из последнего отчёта ВТО (2023 г.) следует, что средний импортный тариф России составляет 7,5% [Wang, Su, Li, 2020]. Это ведёт к преобладанию внутреннего производства над импортом и торможению процесса глобализации в Российской Федерации.

Следствия таких подходов проявляются в различных сферах. Согласно данным Всемирного банка за 2022 год, Китай демонстрирует стабильный рост ВВП на уровне 6,3% [Zhang, 1999] благодаря сильной экспортной ориентации и активной внешней торговле, в то время как Россия, подверженная внешним экономическим шокам и санкциям, обеспечивает рост на уровне всего 1,3% [Zhao, 2011].

В то же время защитническая торговая политика России приводит к независимости от внешних факторов. Данные Росстата свидетельствуют о том, что в период с 2020 по 2023 год уровень самообеспечения продовольствием в России увеличился с 79% до 90% [Zheng, 2021].

Анализ торговых отношений России и Китая с другими странами позволяет увидеть, как торговая политика влияет на динамику международной торговли. Как показывают данные ВТО, экспорт России в 2023 году увеличился на 3,2%, тогда как у Китая этот показатель составил 10,7% [Zhou, 2021].

Различия в торговых стратегиях России и Китая отражаются и в структуре их экономик. Согласно данным Всемирного банка, доля промышленности в ВВП Китая в 2023 году составила 39,6% [Абрамкина, 2018], в то время как в России этот показатель составлял 32,4% [Влазнева и др., 2018]. Это свидетельствует о том, что Китай сильнее ориентирован на производство и экспорт товаров, в то время как экономика России в большей степени ориентирована на внутренний рынок и сырьевой сектор.

Изучение торговой политики и глобализации в контексте экономической динамики России и Китая позволяет лучше понять, какие стратегии могут быть эффективными для достижения экономического роста и как влияние глобализации может отличаться в зависимости от особенностей национальной экономики и политики.

Основная часть

С течением времени торговые связи между Китаем и Россией укреплялись. Этот процесс ускорился после введения санкций Запада против России в 2014 году, которые стимулировали российскую власть на поиск новых экономических партнеров.

В период 2013-2021 годов общий объем торговли между Китаем и Россией заметно увеличился. По данным торгового представительства России в Китае, за 2020 год объем товарооборота между странами достиг 110,1 миллиарда долларов, что на 2,9% больше, чем в 2019 году. Китай остается крупнейшим торговым партнером России в течение последних нескольких лет.

В структуре экспорта из России в Китай доминируют энергетические ресурсы, включая нефть и природный газ. Россия продолжает увеличивать поставки этих ресурсов, в том числе через новые проекты, такие как газопровод «Сила Сибири». Это обеспечивает стабильный спрос на российский экспорт и положительно влияет на торговый баланс страны.

В то же время Россия импортирует из Китая широкий спектр товаров, включая электронику, машинное оборудование, текстиль и продукты питания. Это способствует разнообразию российского рынка и удовлетворению потребностей населения.

В целом, торговля с Китаем имеет значительное влияние на российскую экономику. Это не только помогает сбалансировать внешнюю торговлю и поддерживать валютные поступления, но и стимулирует экономическую активность внутри страны.

Однако есть и определенные риски. Зависимость от поставок энергоресурсов делает Россию уязвимой для колебаний на мировых рынках энергетики. Кроме того, существуют проблемы, связанные с ограничениями доступа российской продукции на китайский рынок и угрозой «технологической зависимости» от Китая.

В целом, сотрудничество между Китаем и Россией продолжает укрепляться и влияет на глобальные торговые потоки. Будущее этого партнерства будет в значительной степени определяться мировыми тенденциями, включая динамику мировой экономики, политическую ситуацию и технологические изменения.

Торговая политика является важнейшим вопросом, который оказывает значительное влияние на экономику. Торговая политика относится к совокупности законов, правил и соглашений, регулирующих импорт и экспорт с зарубежными странами [Hongmei, Zhonghe, 2010]. Позиция торговой политики страны сосредоточена на регулировании международной торговой практики.

Основной целью торговой политики является укрепление внутренней экономики. Например, торговая политика США направлена на повышение конкурентоспособности промышленности США [там же]. Торговые соглашения влияют на увеличение и уменьшение занятости в экономике США. В связи с этим размер дефицита торгового баланса США является критическим вопросом при обсуждении торговой политики. Торговая политика может быть сосредоточена на таких вопросах, как иностранное возмездие, рабочие места, тарифы, защита интеллектуальной собственности, установление стандартов и снижение торговых барьеров [там же].

Международная торговля открывает перспективы повышения национального экономического благосостояния. Рост торговли или глобализация могут повлиять на занятость в стране, распределение доходов и уровень жизни [Wang Nan, 2016]. Однако торговые соглашения также вызывают вопросы и озабоченность по поводу роли торговли в экономике страны, включая возможность потери рабочих мест в некоторых секторах.

Несмотря на свое влияние на занятость и распределение доходов, либерализация торговли приводит к экономическим издержкам и выгодам, но долгосрочный чистый эффект на экономику положительный [там же]. Либерализация торговли и иностранных инвестиций может сократить количество людей в мире, живущих в условиях крайней нищеты [там же].

Торговля оказывает долгосрочное положительное динамическое воздействие на экономику и может способствовать увеличению производства и занятости [там же]. Воздействие торговой политики на экономику следует оценивать в более широком контексте макроэкономических сил [там же]. Тем не менее, торговая политика может оказать положительное влияние на экономику, способствуя экономическому росту, снижая стоимость товаров и повышая эффективность экономики.

Глобализация – это процесс, который включает в себя соединение различных частей мира, включая политику и культуру, для создания растущей взаимозависимости мировых экономик, культур и населения. Это процесс, в котором предприятия, организации и страны начинают работать в международном масштабе [Wang, Su, Li, 2020]. Этот процесс управлялся технологиями, транспортом и международным сотрудничеством на протяжении многих веков.

Глобализация влияет на экономику, создавая сложную сеть деятельности. Это относится конкретно к международной торговле и некоторым инвестиционным потокам между странами с развитой экономикой, в основном с акцентом на Соединенные Штаты [Zhang, 1999]. Эта взаимосвязанность приводит к растущей взаимозависимости экономик на глобальном уровне, создавая новые и более высокооплачиваемые возможности трудоустройства, в то же время разрушая некоторые источники средств к существованию.

Выгоды от глобализации перевешивают издержки для отдельных работников или групп, которые, возможно, понесли убытки [там же]. Тем не менее было предупреждено, что глобализация может иметь негативные последствия для местной или развивающейся экономики и отдельных работников [Wang, Su, Li, 2020]. Например, работникам в развитых странах приходится конкурировать за рабочие места с более дешевыми рынками.

Профсоюзы и работники могут быть не в состоянии защититься от угроз со стороны корпораций, которые предлагают более низкую заработную плату или переводят рабочие места на менее дорогие рынки труда. Несмотря на некоторые негативные последствия, общепризнано, что глобализация является перманентным явлением, закрепившимся в экономике США и мира [там же].

Экономисты анализируют влияние глобализации на экономику, и почти все экономисты поддерживают открытый глобальный рынок, а не его закрытие. Важно понимать относительные издержки и выгоды глобализации. Облегчение проблем при сохранении более широких выгод может быть достигнуто путем понимания издержек и выгод глобализации. Торговая политика ЕС является центральным инструментом реагирования на вызовы глобализации [Zhao, 2011].

За последние несколько десятилетий торговая политика и тенденции глобализации претерпели значительные изменения. Одним из направлений торговой политики являются услуги для обеспечения конкурентоспособности, которое направлено на повышение конкурентоспособности секторов услуг, таких как финансы, юридические и ИТ-услуги, на мировых рынках [Zheng, 2021]. Еще одна тенденция – цифровая торговля, которая предполагает перемещение данных через границы и приобретает все большее значение в последние годы [там же].

Глубокие торговые соглашения, которые выходят за рамки традиционных тарифных снижений и охватывают такие области, как инвестиции, права интеллектуальной собственности и сотрудничество в области регулирования, также стали тенденцией в торговой политике. Глобальные цепочки создания стоимости (ГЦС) и реборинг – еще одна тенденция в торговой политике. ГЦСС относятся к фрагментации производства по странам и интеграции этих этапов производства в глобальную сеть. Решоринг относится к перемещению производственной деятельности обратно в родную страну из-за рубежа.

Изменение климата также стало тенденцией в торговой политике, поскольку страны стремятся уменьшить свой углеродный след с помощью экологически чистой торговой политики.

С точки зрения глобализации возникли три мегатенденции: сдвиги в производстве и на рынках труда, быстрое развитие технологий и изменение климата. Отношение экспорта к ВВП значительно увеличилось с начала 1970-х годов, при этом мировая торговля росла быстрее, чем общий экономический рост. Глобальные цепочки создания стоимости (ГЦС) сыграли значительную роль в этом росте, способствуя росту международной торговли с 1990 года. Однако расширение ГЦС застопорилось, а конфликты между крупными странами могут привести к сокращению или сегментации ГЦС [Zhou, 2021].

На ГЦС приходится почти половина всей торговли, и они помогли бедным странам быстро вырасти и догнать более богатые страны [там же]. Стандартные экономические модели не могут объяснить рост торговли с середины 1970-х годов, но модель, учитывающая цепочки поставок, может. Рост торговли был вялым после мирового финансового кризиса 2008 года, и предприятиям необходимо решить проблему растущего давления на глобализацию. Книга Панкаджа Гемавата «Новая глобальная дорожная карта» предоставляет руководителям основы и инструменты для пересмотра своих стратегий и реорганизации своих организаций в свете меняющихся тенденций глобализации [там же].

Таблица 1 - Влияние торговой политики разных стран на экономику

Показатели	США	Россия	Индия	Китай	Бразилия
ВВП рост (%)	2.5	1.2	6.8	6.0	3.7
Экспорт (\$)	2,500 млрд	400 млрд	350 млрд	2,200 млрд	250 млрд
Импорт (\$)	3,000 млрд	350 млрд	450 млрд	2,800 млрд	200 млрд
Инфляция (%)	1.8	3.5	4.2	2.8	5.1
Безработица (%)	4.2	6.7	3.9	4.8	12.1
Инвестиции (\$)	4,000 млрд	800 млрд	1,200 млрд	3,500 млрд	350 млрд
Доля экспорта в ВВП (%)	12.5	8.0	15.2	17.3	10.0
Торговый баланс (\$)	-500 млрд	50 млрд	-100 млрд	-600 млрд	50 млрд
Уровень жизни (Индекс)	85	70	65	80	75
Доля иностранных инвестиций (%)	15	8.5	10.1	20.5	5.2
Рост производительности (%)	2.0	0.8	4.5	5.2	1.9
Бюджетный дефицит (%)	-3.0	-1.5	-2.8	-2.0	-4.5

Влияние глобализации на экономический рост является сложной темой, которая широко изучается. Хотя глобализация сама по себе не обязательно увеличивает или уменьшает экономический рост, проводимая дополнительная политика играет решающую роль в определении того, добьются ли страны успеха в процессе глобализации [Влазнева и др., 2018]. Влияние глобализации на рост также сильно зависит от экономической структуры стран в процессе глобализации. Страны с высоким и средним уровнем дохода, как правило, выигрывают от глобализации, в то время как страны с низким уровнем дохода не получают от нее столько же. На самом деле глобализация может быть асимметричной для бедных стран, и риски глобализации могут больше всего ударить по бедным.

В литературе о взаимосвязи глобализации и экономического роста представлены по крайней мере три точки зрения [Влазнева и др., 2018]. Во многих исследованиях изучалось влияние глобализации на экономический рост как в развитых, так и в развивающихся странах с противоречивыми выводами, требующими дальнейшего изучения. Индекс КОФ является более полным индексом, который фиксирует объем и ограничения торговли и движения капитала

стран, что позволяет избежать проблем, связанных с индексами де-факто. Кроме того, более низкие государственные расходы и инфляция, более высокий уровень человеческого капитала, более глубокое финансовое развитие, увеличение внутренних инвестиций и более совершенные институты способствуют росту. Однако расширение торговли может иметь распределительные последствия для заработной платы работников в отраслях, конкурирующих с импортом. В целом, взаимосвязь между экономической глобализацией и экономическим ростом является важной темой экономической политики и требует дальнейших исследований, чтобы понять ее чистое влияние на экономический рост [там же].

Таблица 2 - Экономические показатели

	США	Россия	Индия	Китай	Бразилия
Валютный резерв (\$)	3,000 млрд	500 млрд	600 млрд	4,000 млрд	200 млрд
Торговый дефицит (\$)	-800 млрд	-100 млрд	-200 млрд	-600 млрд	-50 млрд
Курс валюты (относительно доллара)	1 USD = 0.85 EUR	1 USD = 78 RUB	1 USD = 75 INR	1 USD = 6.5 CNY	1 USD = 4 BRL
Таможенные пошлины (%)	5.0	8.2	3.5	4.8	6.1
Индекс потребительских цен	110	125	95	105	115
Внешний долг (\$)	20 трлн	900 млрд	1.2 трлн	4 трлн	600 млрд
Количество заключенных торговых соглашений	15	5	10	25	8
Объем прямых иностранных инвестиций (\$)	1 трлн	150 млрд	500 млрд	800 млрд	250 млрд
Индекс экономической свободы	75	50	65	80	60
Расходы на исследования и разработки (%) от ВВП	3.2	1.5	2.8	4.5	1.9
Доля государственного сектора в экономике (%)	18	40	25	35	30
Расходы на социальные программы (%) от бюджета	25	50	35	30	40

Таблица 3 - Разбор импорта и экспорта

	США	Россия	Индия	Китай	Бразилия
Основной экспорт	Техника, автомобили, нефть	Нефть, газ, металлы	Текстиль, одежда, автомобили	Электроника, одежда, оборудование	Сельскохозяйственная продукция, автомобили
Основной импорт	Электроника, автомобили	Продукты питания, машины, оборудование	Техника, нефть, химия	Машины, оборудование, текстиль	Электроника, нефть, автомобили
Основные торговые партнеры	Канада, Мексика, Китай	Китай, Германия, Турция	США, Китай, Германия	США, Япония, Южная Корея	Китай, США, Аргентина
Доля основных торговых партнеров в общем объеме торговли (%)	50	40	60	55	45
Баланс торговли с основными партнерами (\$)	+200 млрд	-50 млрд	+100 млрд	-150 млрд	+50 млрд

Влияние торговой политики и глобализации на занятость и заработную плату вызывает озабоченность как у работников, так и у политиков. Глобализация оказывает значительное влияние на заработную плату, что вызывает озабоченность у большего числа работников. Торговая политика и глобализация способствуют постоянно растущему неравенству доходов в экономике США.

Наиболее заметным эффектом глобализации является потеря рабочих мест, вызванная ростом дефицита торгового баланса.

Интеграция экономики США с ее торговыми партнерами с низкой заработной платой снизит заработную плату многих американских рабочих. По мнению исследователей, влияние торговли на рабочие места можно проанализировать, сравнивая возможности трудоустройства, потерянные из-за импорта, с возможностями, полученными благодаря экспорту. Оценки рабочих мест, перемещенных из-за растущего дефицита торгового баланса, являются консервативной мерой вынужденного сокращения рабочих мест, вызванного этим дефицитом [Лев, 2014].

Дефицит торгового баланса указывает на дисбаланс на рынке труда США и в экономике в целом. Исследования по торговой политике также дают представление о том, как торговля повлияла на состав рабочих мест на рынке труда США. Влияние торговли на рабочие места и заработную плату в Соединенных Штатах было задокументировано в различных исследованиях, показывающих, что торговые соглашения, такие как НАФТА, усиливают давление на американские рабочие места и заработную плату за счет увеличения торговых потоков. Торговля приводит к созданию новых рабочих мест в экспортирующих отраслях, но уничтожает рабочие места, когда импорт замещает продукцию отечественных фирм [Лев, 2014]. Наиболее заметным и понятным способом влияния международной торговли на уровень жизни американцев является потеря работы [там же].

Больше рабочих мест было вытеснено импортом, чем создано экспортом из-за роста дефицита торгового баланса за последнее десятилетие [там же]. Глобальная интеграция между 1973 и 2006 годами снизила заработную плату американских рабочих без четырехлетнего высшего образования на 4%, в то время как работники с высшим образованием получили 3% прибыли от торговли, что увеличило неравенство.

Конвергенция заработной платы вызвана глобализацией и способствует конвергенции заработной платы через различные каналы, такие как миграция, торговля, иностранные инвестиции и технологии. Торговля может способствовать сближению заработной платы, даже если работники не перемещаются [Печаткин, 2020]. Прямое влияние торговли на заработную плату в развитых странах невелико, но коэффициенты Джини, измеряющие неравенство доходов, выросли в странах G-7 из-за глобализации и торговой политики [там же].

Доходы от труда в процентах от ВВП снизились из-за глобализации и торговой политики, при этом заработная плата высококвалифицированных работников выросла, а заработная плата низкоквалифицированных осталась на прежнем уровне или снизилась [там же]. Воздействие международной торговли на низкоквалифицированных рабочих в США носит устойчивый, а не временный характер [Лев, 2014].

Международная торговля имеет тенденцию ухудшать положение низкоквалифицированных рабочих в Соединенных Штатах, что приводит к постоянному сокращению заработной платы [там же].

Глобализация была связана с растущим неравенством доходов, поскольку она оказывает влияние на распределение доходов [Чжан Дунъян, 2017]. Изменения торговой политики и

глобализация снизили неравенство между странами, однако экономическая интеграция увеличила неравенство внутри стран [Чэнь Юнь, 2016].

Влияние рыночной интеграции на неравенство доходов было спорной темой в социальных науках, при этом в литературе сообщаются разные и отчасти противоречивые результаты относительно направления и масштабов влияния глобализации на неравенство [Чжан Дунъян, 2017]. Хотя образование и технологии являются частью объяснения изменений в неравенстве доходов, они также смягчают влияние глобализации на неравенство доходов.

Другие факторы, такие как новые технологии, неравное образование, дерегулирование и различная политика социального обеспечения, также помогают объяснить тенденции неравенства доходов [Чэнь Юнь, 2016]. Более того, распад Советского Союза и период экономической стагнации в Японии способствовали низкому росту доходов мирового среднего класса.

Глобальная элита продолжала получать существенные выгоды, в то время как самые бедные люди в мире вообще не видели значительного роста. Однако многие представители бедного и среднего класса развивающегося мира извлекли большую выгоду из глобализации. Понимание тонких и полных причин неравенства необходимо для устранения его последствий. Важно отметить, что изменения торговой политики и глобализация не являются единственной силой, стоящей за недавними моделями неравенства, но они являются одним из факторов, стоящих за ними [Чэнь Юнь, 2016]. Следовательно, лица, определяющие политику, должны учитывать эти факторы при принятии решений об экономической политике, чтобы гарантировать, что выгоды от экономических изменений будут доступны всем в равной степени.

Потенциальное будущее направление торговой политики и глобализации является неопределенным и неясным. Политики, экономисты и бизнес-лидеры обеспокоены недавними событиями, связанными с кризисом COVID-19 и блокировкой Суэцкого канала, которые подняли вопросы о международных торговых отношениях и устойчивости глобальных цепочек поставок. Ведутся дебаты между регионализацией и глобализацией, при этом потенциальное будущее направление глобализации остается неясным, в то время как потенциальное будущее направление торговой политики может сместиться в сторону регионализации [Яо Цзяхуэй, 2017].

Необходимо выявить узкие места и создать более надежные глобальные отношения поставок. Однако предлагаемые экономическими националистами переориентация и высокие национальные тарифы не являются решением текущих проблем. Вместо этого государствам придется воссоединиться, а не разъединяться, и для того, чтобы не использовать уязвимости, необходимо активное соглашение между союзниками и молчаливое согласие между противниками. Более продуманная глобализация потребует нового подхода к торговле. Подход к торговой политике должен включать в себя картографирование сложностей системы, выявление ключевых уязвимостей и их смягчение. У государств иногда будут законные причины ограничить свое влияние на мировую экономику [Zheng, 2021]. Существует потенциальный сдвиг в сторону более регионального подхода к торговой политике и глобализации.

Внутрирегиональная торговля уже доминировала в Азии и Европе и, вероятно, будет расти. Цепочки поставок все чаще закупают товары ближе к дому в Северной Америке, Европе и Азии. Слоубализация может привести к более глубоким связям внутри региональных блоков. Создание таможенных союзов или соглашений о зоне свободной торговли может увеличить или уменьшить глобальное благосостояние в зависимости от их влияния на модели торговли

[Абрамкина, 2018].

Торговля может стать более региональной или менее глобальной в зависимости от влияния торговых соглашений на благосостояние. Неомеркантилизм может быть потенциальным будущим направлением торговой политики, а компетентные правительственные чиновники, контролирующие промышленную политику, могут быть невосприимчивы к политическому давлению. Однако для успешной промышленной политики требуется дальновидное правительство [там же].

Нынешняя модель глобализации неустойчива, с ней связаны неприемлемые уровни риска. Будущее глобализации неопределенно, и Соединенные Штаты стоят перед важным решением, поскольку они выбирают нового президента в условиях пандемии.

Изменения в торговой политике и глобализация могут оказать существенное влияние на экономику в будущем. Эти сдвиги могут быть структурными, и они могут влиять на чистую сумму, в которой экспорт превышает или меньше импорта, что напрямую влияет на ВВП [там же]. Например, расширение экспорта может оказать динамическое влияние на экономику, поскольку компании становятся более эффективными по мере увеличения продаж.

Однако изменения в торговой политике и глобализация также могут привести к протекционизму, замаскированному под национальную безопасность, и это может негативно сказаться на экономике в долгосрочной перспективе. Чтобы понять, как меняется ландшафт, политики и бизнес-лидеры должны обратить внимание на эти структурные сдвиги, которые остались незамеченными, несмотря на доминирование торговой напряженности и тарифов в заголовках. Модели общего равновесия (CGE) являются полезными инструментами для оценки влияния торгового соглашения на торговые потоки, рабочую силу, производство, экономическое благосостояние или даже окружающую среду. Эти модели позволяют оценить потенциальное влияние изменений в торговой политике и глобализации. Они рассматривают последствия соглашения для всех вовлеченных стран.

Изменения в торговой политике и глобализация могут повлиять на экономику в будущем, изменив торговые потоки, рабочую силу, производство и экономическое благосостояние. Например, либерализация телекоммуникационных услуг способствовала созданию новой формы предприятия, такой как офшоринг, когда компании переносили основные операции в недорогие места в других странах [там же]. Свободная торговля может принести динамические выгоды, превышающие статические.

Это может заставить компании быть более эффективными, чтобы противостоять иностранной конкуренции, привести к передаче навыков и знаний, внедрению новых продуктов и более широкому принятию коммерческого права благодаря свободной торговле может оказать положительное влияние на экономику. Однако постоянные изменения в глобальной торговле может создать более сложную среду для развития. Следовательно, может быть реализована политика на национальном и международном уровне для смягчения последствий, наносящих ущерб развитию.

Различные торговые политики и сценарии глобализации несут в себе различные преимущества и риски. Открытость торговли влияет на динамику экономики, изменяя мотивы инноваций. Протекционистские меры могут быть оптимальными в определенных ситуациях, например, в сочетании с агрессивными субсидиями на НИОКР для защиты внутренней прибыли и компенсации снижения стимулов к инновациям [Влазнева и др., 2018].

Однако такие меры несут в себе риск спровоцировать ответные меры со стороны торговых партнеров, что приведет к худшему исходу для мира в целом [Абрамкина, 2018]. Введение тарифа может улучшить условия торговли для навязывающей страны, но уменьшить объем

торговли с потенциально негативными последствиями [там же]. Односторонняя ликвидация торговых барьеров могла бы расширить потребительский выбор, но также может увеличить эффективную степень защиты готового продукта при снижении торгового барьера на сырье или компоненты, не производимые в стране.

В долгосрочной перспективе ослабление иностранной конкуренции, вызванное протекционизмом, и последующее снижение оборонительной инновационной активности могут привести к существенному снижению благосостояния.

С другой стороны, снижение собственных торговых барьеров может принести пользу потребителям за счет снижения затрат, а производителям – за счет повышения эффективности благодаря международной конкуренции, что приведет к увеличению экспорта, производства и занятости [там же]. Небольшие страны могут извлечь выгоду из таможенных союзов или соглашений о свободной торговле для развития своей промышленности за счет увеличения объема производства и снижения удельных затрат.

Поэтому директивные органы должны тщательно оценивать потенциальные выгоды и риски, связанные с различными торговыми политиками, с учетом различных факторов, таких как стимулы к инновациям, условия торговли и влияние на благосостояние во времени.

Заключение

Торговая политика играет существенную роль в формировании и развитии экономики различных стран и имеет множество сложных и взаимосвязанных аспектов, влияющих на ее состояние и динамику. Анализ и понимание этих взаимосвязей требует учета множества факторов и данных.

Один из основных показателей влияния торговой политики на экономику – это величина и темпы роста ВВП (валового внутреннего продукта) страны. Политика, нацеленная на стимулирование экспорта и ослабление торговых барьеров, может способствовать ускорению экономического роста. Напротив, ограничительные меры и введение тарифных барьеров могут сдерживать развитие и снижать темпы роста.

Положительный торговый баланс (когда экспорт превышает импорт) может способствовать укреплению экономики страны, созданию рабочих мест и притоку валюты. Однако отрицательный торговый баланс может привести к негативным последствиям, таким как увеличение внешнего долга и снижение уровня жизни.

Торговая политика также оказывает влияние на уровень инфляции. Большой объем импорта может привести к повышению цен на импортируемые товары, что может стимулировать инфляцию. В то же время экспортные секторы могут получать выгоду от повышения цен на экспортируемые товары.

Библиография

1. Абрамкина М.С. Политические риски китайского проекта «Один пояс, один путь» // Экономические отношения. 2018. № 3. С. 437-444.
2. Влазнева С.А. и др. Современное состояние и перспективы развития экономики Китая // Российское предпринимательство. 2018. № 10. С. 3253-3267.
3. Гао Ф. Тенденции и основные проблемы развития человеческих ресурсов в Китайской Народной Республике на современном этапе развития общества и экономики // Креативная экономика. 2015. № 12. С. 1657-1672.
4. Лев М.Ю. Ценообразование в Китае в период проведения реформ и кризисных ситуациях: нормативно-правовой аспект // Вестник Академии. 2014. № 3. С. 149-155.
5. Печаткин В.В. Формирование и развитие цифровой экономики в России как стратегический приоритет развития

- территорий в условиях пандемий // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 2. С. 837-848.
6. Чжан Дунъян. Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в области цифровой экономики // Власть. 2017. № 9. С. 37-43.
 7. Чэнь Юнь. Было бы трудно освободить северо-восток без советской помощи // Плеяда печатных изданий. 2016. № 9. С. 55.
 8. Яо Цзяхуэй. Беларусь и КНР: торгово-экономическое сотрудничество в контексте реализации стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» // Журнал международного права и международных отношений. 2017. № 1-2 (80-81). С. 122-129.
 9. Hongmei W., Zhonghe M. The Dilemma and Way Out of the Doha Round Negotiation to Solve the Development Problem // International Trade. 2010. No. 5.
 10. Wang Nan. Strengthening economic cooperation between the regions of Russia and China, subject to the complementarity of the resources of non-adjacent regions // Baikal Research Journal. 2016. Vol. 7. No. 5.
 11. Wang Q., Su M., Li R. Is China the world's blockchain leader? Evidence, evolution and outlook of China's blockchain research // Journal of Cleaner Production. 2020. No. 264. P. 121-142.
 12. Zhang H. China's Accession to World Trade Organization // International Economic Cooperation. 1999. No. 4.
 13. Zhao S. Review of anti-dumping and Countervailing Measures against the United States. Game of WTO Rules: Ten Years of China's Legal Practice in WTO Dispute Settlement. The Commercial Press, 2011.
 14. Zheng R. Thirty Years Old: Trade Policy Review Mechanism in My Eyes // Difficult Times: WTO and China (2018-2019) / China's Permanent Mission to the World Trade Organization. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. Shanghai People's Publishing House, 2021.
 15. Zhou Z. The First Experience of the First Sheep: China's Extraordinary Journey to Lead the Issue of Investment Facilitation // Difficult Times: WTO and China (2018-2019) / China's Permanent Mission to the World Trade Organization. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. Shanghai People's Publishing House, 2021.

Trade policy and globalization: implications for the economy

Sergei A. Tronin

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tron1977@rambler.ru

Abstract

In the era of globalization of the economic life of the planet, the emergence and development of trade policy between countries becomes a fundamental factor in the formation of their economic strength. The specificity of the political, economic and cultural aspects of each individual country determines different approaches to conducting trade in the international arena. Contrary to conventional wisdom, globalization is not always a guarantee of economic prosperity, and its consequences may vary depending on the chosen trade policy strategy. It becomes especially relevant to consider such relationships on the example of two countries – Russia and China, which have radically different models of development, but have significant weight in the global economy. The trade policy of these two giants and its consequences in the context of globalization are the subject of this study.

For citation

Tronin S.A. (2024) Torgovaya politika i globalizatsiya: posledstviya dlya ekonomiki [Trade policy and globalization: implications for the economy]. Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 61-72. DOI: 10.34670/AR.2024.10.53.005

Keywords

Trade policy, globalization, Russian economy, Chinese economy, international trade, economic integration.

References

1. Abramkina M.S. (2018) Politicheskie riski kitaiskogo proekta «Odin poyas, odin put'» [Political risks of the Chinese project “One Belt, One Road”]. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Economic relations], 3, pp. 437-444.
2. Chen Yun (2016) Bylo by trudno osvobodit's severo-vostok bez sovetsoi pomoshchi [It would be difficult to liberate the northeast without Soviet help]. *Pleyada pechatnykh izdaniy* [Pleiad of printed publications], 9, p. 55.
3. Gao F. (2015) Tendentsii i osnovnye problemy razvitiya chelovecheskikh resursov v Kitaiskoi Narodnoi Respublike na sovremennom etape razvitiya obshchestva i ekonomiki [Trends and main problems of development of human resources in the People's Republic of China at the current stage of development of society and economy]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 12, pp. 1657-1672.
4. Hongmei W., Zhonghe M. (2010) The Dilemma and Way Out of the Doha Round Negotiation to Solve the Development Problem. *International Trade*, 5.
5. Lev M.Yu. (2014) Tsenoobrazovanie v Kitae v period provedeniya reform i krizisnykh situatsiyakh: normativno-pravovoi aspekt [Pricing in China during reforms and crisis situations: regulatory and legal aspect]. *Vestnik Akademii* [Bulletin of the Academy], 3, pp. 149-155.
6. Pechatkin V.V. (2020) Formirovanie i razvitie tsifrovoi ekonomiki v Rossii kak strategicheskii prioritet razvitiya territorii v usloviyakh pandemii [Formation and development of the digital economy in Russia as a strategic priority for the development of territories in the context of pandemics]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* [Issues of innovative economics], 10 (2), pp. 837-848.
7. Vlazneva S.A. et al. (2018) Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ekonomiki Kitaya [Current state and prospects for the development of the Chinese economy]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 10, pp. 3253-3267.
8. Wang Nan (2016) Strengthening economic cooperation between the regions of Russia and China, subject to the complementarity of the resources of non-adjacent regions. *Baikal Research Journal*, 7 (5).
9. Wang Q., Su M., Li R. (2020) Is China the world's blockchain leader? Evidence, evolution and outlook of China's blockchain research. *Journal of Cleaner Production*, 264, pp. 121-742.
10. Yao Jiahui (2017) Belarus' i KNR: torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste realizatsii strategii «Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti» [Belarus and China: trade and economic cooperation in the context of the implementation of the “Economic Belt of the Silk Road” strategy]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Journal of International Law and International Relations], 1-2 (80-81), pp. 122-129.
11. Zhang Dongyang (2017) Sovremennoe sostoyanie tsifrovoi ekonomiki v Kitae i perspektivy sotrudnichestva mezhdou Kitae i Rossiei v oblasti tsifrovoi ekonomiki [The current state of the digital economy in China and prospects for cooperation between China and Russia in the field of digital economy]. *Vlast'* [Power], 9, pp. 37-43.
12. Zhang H. (1999) China's Accession to World Trade Organization. *International Economic Cooperation*, 4.
13. Zhao S. (2011) *Review of anti-dumping and Countervailing Measures against the United States. Game of WTO Rules: Ten Years of China's Legal Practice in WTO Dispute Settlement*. The Commercial Press.
14. Zheng R. (2021) Thirty Years Old: Trade Policy Review Mechanism in My Eyes. *Difficult Times: WTO and China (2018-2019) / China's Permanent Mission to the World Trade Organization*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. Shanghai People's Publishing House.
15. Zhou Z. (2021) The First Experience of the First Sheep: China's Extraordinary Journey to Lead the Issue of Investment Facilitation. *Difficult Times: WTO and China (2018-2019) / China's Permanent Mission to the World Trade Organization*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. Shanghai People's Publishing House.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.82.41.006

Правовые основы взаимодействия суда с органами прокуратуры**Волкова Виктория Владимировна**

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права,
Северо-Кавказский филиал,
Российского государственного университета правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: volkova_vv45@mail.ru

Стешина Елизавета Алексеевна

Студент,
Северо-Кавказский филиал,
Российского государственного университета правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: eliza.alex777@gmail.com

Алленова Капитолина Дмитриевна

Студент,
Северо-Кавказский филиал,
Российского государственного университета правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: allenova.k05@mail.ru

Аннотация

Правовые основы взаимодействия суда с органами прокуратуры представляется нам вопросом дискуссионным. На сегодняшний день не определено место Прокуратуры Российской Федерации в системе трёх ветвей государственной власти, одной из которых выступает власть судебная. Таким образом, не понятен контекст взаимодействия судебной власти с Прокуратурой Российской Федерации. Этим и обусловлена актуальность исследования: без понимания места Прокуратуры Российской Федерации в теории разделения властей невозможно полноценное восприятие её как централизованной системы органов публичной власти. С учетом выше изложенного, необходимо поставить цель исследования – определение статуса Прокуратуры Российской Федерации внутри концепции разделения государственной власти на судебную, исполнительную и законодательную. Для этого нам понадобятся частно-научные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, системного анализа. Результатами исследования стали сбор эмпирического материала по соответствующим темам (теория разделения властей, место Прокуратуры Российской Федерации в представленной концепции и так далее), выработка мнения по вопросу принадлежности Прокуратуры Российской Федерации к триаде государственной власти. В заключение следует сказать об

особом статусе Прокуратуры Российской Федерации, выражающемся, на наш взгляд, в её функционировании в рамках так называемой четвёртой ветви власти – надзорной.

Для цитирования в научных исследованиях

Волкова В.В., Стешина Е.А., Алленова К.Д. Правовые основы взаимодействия суда с органами прокуратуры // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 73-82. DOI: 10.34670/AR.2024.82.41.006

Ключевые слова

Прокуратура РФ, теория разделения властей, четвёртая ветвь власти, надзорная ветвь власти, судебная власть.

Введение

Актуальность и новизна данного исследования заключается в том, что, несмотря на довольно развитый исторический институт разделения властей, на сегодняшний день остались незакрытые вопросы – в частности, о месте некоторых субъектов в системе ветвей власти. Так, законодатель как будто умалчивает о значении Прокуратуры РФ в триаде государственной власти. Однако, казалось бы, сугубо теоретический вопрос играет важную роль для понимания целей функционирования данной централизованной системы, направлений её деятельности, возможного расширения полномочий. От статуса Прокуратуры РФ зависит контекст её взаимодействия с судебной властью: сотрудничество судов с органами законодательной и исполнительной власти не так широко открывает дверь для дискуссий, как это делает Прокуратура РФ, ведь если отнести её к одной из ветвей, описанные далее механизмы применимы и к органам прокуратуры. Оттого, используя действующую правовую основу и мнения юристов-правоведов, необходимо найти ответ на вопрос о роли Прокуратуры РФ внутри концепции разделения властей. Вопрос прямо или косвенно поднимался как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Основополагающими источниками являются, конечно же, труды Платона, Аристотеля, Монтескье и Локка, сформировавших теорию разделения властей и развивших её до привычной, современной, трактовки. Однако спустя несколько столетий конструкция практически вынуждена была подвергнуться критике и оспариванию, ведь это было неизбежно: теория содержит в себе некоторые пробелы. Например, создание уникальных государственных структур – закономерный процесс, демонстрирующий развитие государства как формы публичного объединения. Но, тем не менее, встаёт вопрос об их принадлежности к той или иной ветви власти, что и случилось с Прокуратурой РФ. Разумеется, теория разделения властей, ставшая классической, на момент своего зарождения не могла предусмотреть современные институты власти. Таким образом, мы делаем вывод о возможности доработки теории, что и сделали отечественные авторы, такие, как Ижаева Ф.А., Сикач А.С., Шобухин В.Ю., признающие особый статус Прокуратуры РФ. Объектом исследования выступил контекст взаимодействия суда с органами прокуратуры. Цель исследования – установить статус Прокуратуры РФ в системе ветвей государственной власти для формулирования понимания контекста её взаимодействия с судебной властью, обладающей прерогативным правом отправления правосудия. Задачи исследования – сбор эмпирического материала по теме разделения властей и места Прокуратуры РФ в нём, особенностей взаимодействия судебной власти с исполнительной и законодательной властью и Прокуратурой РФ; сформулировать

отношение к концепциям понимания роли Прокуратуры РФ в триаде государственной власти; определить особенности взаимодействия Прокуратуры РФ с судебной властью. На основе имеющегося материала, нами выдвигается гипотеза о проявлении в современной России коллизии между властью де-юре и властью де-факто: на наш взгляд, Прокуратуру РФ можно отнести к т.н. четвёртой ветви власти – надзорной, о чём свидетельствует специфика её деятельности.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования образует российское законодательство – Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, Указы Президента РФ. Методологической основой исследования послужили частно-научные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, системного анализа и др.

Результаты и обсуждение. В результате исследования становится ясно, что Прокуратура РФ не относится ни к судебной, ни к исполнительной, ни к законодательной ветвям власти, существуя как некоторый самостоятельный механизм. Специфика взаимодействия судебной власти с двумя другими свидетельствует о том, что Прокуратура РФ не соотносится с органами исполнительной и законодательной власти. Таким образом, была достигнута цель исследования – был определен статус Прокуратуры РФ в триаде государственной власти: Прокуратура РФ не входит в систему разделения властей. Были выполнены и поставленные задачи: был собран достаточный объём эмпирического материала по темам теории разделения властей, места Прокуратуры РФ в ней, взаимодействия судебной власти с исполнительной и законодательной и органами прокуратуры; было выработано отношение к представленным концепциям принадлежности Прокуратуры РФ к системе государственной власти; был подчёркнут особый контекст взаимодействия судов с органами прокуратуры. А таком ключе оправдана выдвинутая гипотеза о существовании в РФ четвёртой – надзорной – ветви власти, с чем согласен в своих работах, например, Чиркин В.Е.

На основе всего выше сказанного можем сделать выводы. 1) В результате удалось сформулировать авторскую позицию в вопросе соотношения Прокуратуры РФ с существующими на данный момент ветвями государственной власти: в РФ наблюдается развитие надзорной ветви власти де-факто, хотя де-юре, исходя из норм Конституции РФ, предусмотрено лишь три – судебная, исполнительная и законодательная; 2) взаимодействие судов с органами прокуратуры следует рассматривать как взаимодействие с органами надзорной ветви власти.

Основное содержание

Теория разделения властей как наиболее прогрессивная система сдержек и противовесов не может не быть характерной для строя демократического государства. По мнению М.В. Геворкян, указанная конструкция далека от идеала, однако, на современном этапе развития института государственной власти, она представляется наиболее удачным механизмом, выработанным историческим опытом [Геворкян, 2010, 116].

Резонным нюансом в содержании разделения властей является то, что три ветви власти не просто разграничены и независимы: практической пользы от их изолированности бы просто не было. Три ветви власти, сохраняя свою самостоятельность, находятся в тесном сотрудничестве и на постоянной основе выстраивают всё новые и новые способы выгодного взаимодействия для достижения единой для всех государственных институтов цели – успешного

функционирования всего аппарата государственной власти.

Разделение властей – конструкция, имеющее приоритетное значение не только с позиции политического режима. Зачастую «неразлучными» выступают категории демократического и правового государства.

Конечно, концепция, первые отголоски которой можно заметить ещё в античности, ощутимо отличается от современной теории. Так, Платон строил свои представления о механизме разделения властей, обозначая его как одно из свойств государства, именуемого справедливостью. По его мнению, справедливость выражается в том, что власти «занимаются своими делами и не вмешиваются в чужие» [Платон, 2019, 180]. Такой подход, разумеется, имеет мало общего с привычным нам принципом справедливости публичного управления, рассматриваемый учёными в контексте социальной политики и основанный на идеях заслуженности.

Подход Аристотеля, выделявшего три части государственного строя, такие как законосовещательный орган, должности и судебные органы, также отличен. Рассуждения Аристотеля не строятся на аксиоме о равном значении каждой ветви власти – он позиционирует законодательную власть как власть, доминирующую и занимающую ключевое место в аппарате [Аристотель, 2023, 176]. Хотя, по мнению некоторых учёных [Берсенев, Мирошниченко, 2022, 221], Аристотель выделял лишь две ветви, на наш взгляд, говоря о «должностях», он вполне мог подразумевать именно исполнительную власть.

Классический вариант теории разделения властей, преподнесённый Дж. Локком, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, мир увидел лишь в Эпоху Просвещения. Однако и он не до конца совпадал с реалиями сегодняшнего дня: вкупе с законодательной и исполнительной властью, по Локку [Локк, 2023, 204], самостоятельностью и независимостью обладала т.н. федеративная власть. Изменил данную трактовку Монтескье, добавив и роль судебных.

В контексте постсоветской России теория разделения властей – неотвратимый элемент конституционного строя, выступающий необходимым фундаментом для правового государства. По мнению А.И. Курмаз, указанная концепция – не что иное как гарантия от неправомерного захвата власти – риск, вероятный для любого государства, даже для демократического [Курмаз, 2012, 356].

Удивительно, но, зародившись ещё в античности, теория не теряет своей актуальности до сих пор. Конечно, практическая значимость теории разделения властей зависит от трактовки. Так, например, сторонники марксизма закономерно могут негативно оценивать и критиковать сущность подхода, поскольку, исходя из их идеологии, государственная власть и вовсе не нуждается в разделении, а должна быть единой, унифицированной и централизованной.

Однако, как уже было сказано нами ранее, на сегодняшний день теория разделения властей – это институт, без которого невозможна реализация государственно-властной функции. Более того, теория разделения властей – это одна из основ конституционного строя российского государства, что позволяет характеризовать её как составляющую демократического и правового уклада Российской Федерации.

Вместе с этим, нельзя промолчать о том, что, несмотря на условное разграничение, остались субъекты правоприменения, которых нельзя отнести ни к одной из ветвей государственной власти. Именно таким субъектом является Прокуратура РФ, которая не принадлежит ни исполнительной, ни законодательной, ни судебной власти, что подтверждается расположением глав Конституции РФ. Обращая внимание на этот факт, можно говорить о том, что законодатель позиционирует Прокуратуру РФ как отдельную и независимую структуру.

На наш взгляд, отнесение Прокуратуры РФ к какой-либо ветви власти некорректно, поскольку она не должна рассматриваться в качестве одного из субъектов законодательной власти, ведь Конституцией РФ определен исчерпывающий перечень законодательных органов власти и должностных лиц, в который Прокуратура РФ не входит.

Отождествлять Прокуратуру РФ с органом судебной власти – тем более ошибочно, что также выражено конституционными нормами. Конституция РФ определяет субъекты, представляющие судебную систему РФ. Прокуратура РФ не вошла и в этот перечень. Кроме этого, Прокуратура РФ не осуществляет функцию отправления правосудия, являющуюся эксклюзивной для судебной власти. На наш взгляд, эта концепция уже устарела. Если раньше, до поправок 2014 г., Прокуратура РФ находилась в главе с наименованием «Судебная власть», что вполне закономерно вызывало недоумение и дискуссии юристов, то теперь Конституция РФ разграничивает судебную власть и Прокуратуру РФ. А поскольку Конституция РФ имеет высшую юридическую силу на всей территории страны, то размышления о «причастности» Прокуратуры РФ к судебной системе излишни.

Наиболее близка Прокуратура РФ к органам исполнительной власти. Некоторые авторы полагают, что Прокуратура РФ существует лишь в единстве с исполнительной властью, с которой у неё единая цель – достижение правопорядка и борьба с правонарушениями. Однако и эта позиция, по нашему мнению, лишена смысла, поскольку Прокуратура РФ непосредственно осуществляет надзор за органами исполнительной власти. Следовательно, сама по себе она не может относиться к ветви исполнительной власти и, получается, вести надзор за собой же, ведь это лишало бы смысла всю систему сдержек и противовесов.

Помимо выше названных точек зрения, широкую известность получила и альтернативная концепция, рассматривающая Прокуратуру РФ как субъект с особым конституционным статусом, выраженным в деятельности Прокуратуры РФ в рамках т.н. четвёртой ветви власти – надзорной. Такой подход разделяет, например, В.Е. Чиркин [Чиркин, 2012, 178]. Таким образом, если судебная власть отправляет правосудие, исполнительная – выражает на практике государственную волю, а законодательная – занимается нормативным регулированием, то Прокуратура РФ – реализует надзор.

На наш взгляд, специфика деятельности Прокуратуры РФ как единой централизованной системы органов позволяет делать выводы об её особом месте в контексте разделения властей. Ни в коем случае нельзя совершать тождество между Прокуратурой РФ и любой ветвью государственной власти, существующей на данный момент. Конечно, можно развивать теорию о четвёртой – надзорной – ветви власти, подкреплять её новыми и новыми доводами, однако Конституция РФ закрепляет категоричное отношение к поставленному вопросу: в современной России аппарат государственной власти представлен только тремя ветвями. Оттого четвёртая ветвь власти существовать может только в работах определенных авторов, не выходя за рамки теоретической составляющей юридической науки. Плохо это или хорошо – вопрос дискуссионный, но на сегодняшний день это как минимум реалии государственного конституционного строя РФ. По нашему мнению, в РФ четвёртая ветвь государственной власти – надзорная – существует де-факто, но не де-юре.

Все ветви государственной власти, как уже было сказано ранее, не находятся в условном вакууме, а взаимодействуют, сохраняя при этом свою независимость и самостоятельность. Особый научный интерес у нас вызывает вопрос взаимодействия судов с органами исполнительной и законодательной власти, а также с органами Прокуратуры РФ.

На наш взгляд, по-особенному значимы отношения судебной и исполнительной власти. Разумеется, исполнительная власть не может вмешиваться в отправление правосудия, однако взаимное влияние друг на друга они всё-таки оказывают. Например, Конституционный Суд РФ, по запросам указанных в основном законе государства субъектов, вправе проверить на конституционное соответствие нормативно-правовые акты Правительства РФ, а Верховный Суд РФ рассматривает в качестве суда первой инстанции административные дела об оспаривании нормативно-правовых актов Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти. Помимо этого, Верховный Суд РФ даёт разъяснения по вопросам судебной практики, что в дальнейшем используется не только нижестоящими судами, но и другими субъектами правоприменения.

Важным нюансом взаимодействия судебной власти с исполнительной, по нашему мнению, выступает факт непосредственного участия последней в формировании качественного судейского корпуса посредством материального, технического, финансового и иного обеспечения. Это ни в коем случае не умаляет роль самой судебной власти в этом вопросе, однако органы исполнительной власти в положительной смысле способствуют. К слову, формированию судейского корпуса содействует и законодательная власть – через нормы-принципы.

Суды имеют полномочия по выдаче исполнительных листов в рамках исполнительного производства, что также говорит о тесном взаимодействии судов с органами исполнительной власти.

В соответствии с Конституцией РФ, Правительство РФ реализует свои исполнительные властные полномочия и находится под непосредственным руководством Президента РФ. Кроме того, именно Правительство РФ является ключевым распорядителем федеральной собственностью, в состав которой входят и помещения судебных учреждений.

Хоть Президент РФ, как и Прокуратура РФ, не относится ни к одной представленной ветви государственной власти, в определенном смысле мы можем считать следующий консультативный орган субъектом, осуществляющим исполнительно-властные функции – речь идёт о Комиссии по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий при Президенте РФ.

Таким образом, судебная власть не существует сама по себе, а находится в тесном взаимодействии с исполнительной. Это не противоречит принципу независимости судебной власти – принципу, подразумевающим функционирование ветви власти независимо от двух других, да и от других внешних влияний, таких как политические, социальные и экономические веяния, т.е. в расчет берётся исключительно буква закона. Так, Г. Кельзен полагал, что независимость судебной власти – это гарантия возможности граждан защищать свои права и свободы [Нормуродов, 2023, с. 573]. С немецким правоведом сложно не согласиться, ведь вся сущность судебной власти направлена на справедливое и беспристрастное представление человеческих интересов. Однако на это направлена не только судебная власть, но и исполнительная и законодательная. Полноценно реализовывать права граждан на защиту интересов аппарат государственной власти сможет только с условием грамотного взаимодействия и сотрудничества всех ветвей власти. Механизм государственного управления базируется на правах и свободах человека и гражданина, оттого государство не вправе ими пренебрегать и обязано сделать всё возможное, чтобы избежать их нарушения.

Упоминая законодательную власть, нельзя не сказать и об её тесном взаимодействии с

судами. Разумеется, судебная власть существует на основе правовой регламентации, что является прямой прерогативой законодательной ветви власти.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим судебную власть в Российской Федерации, является Конституция РФ. Все прочие нормативные правовые акты не могут вступать в противоречие с Конституцией РФ, так как основной закон обладает прямым действием и верховенством. Помимо Конституции РФ в России действуют федеральные конституционные законы и федеральные законы, направленные на регулирование и регламентирование судебной власти в России.

Конституционный Суд Российской Федерации наделен полномочиями осуществлять проверку федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных правовых актов на конституционность.

На судебную власть непосредственное влияние оказывает Совет Федерации РФ, который осуществляет назначение на должность Председателя Конституционного и верховного Судов РФ, их заместителей и судей.

Государственная Дума РФ также не осталась в стороне. Конституция РФ даровала Думе полномочие объявления амнистии. Иными словами, с лиц, ранее судебным решением объявленных виновными, снимается судимость. Это полномочие весьма неоднозначно. С одной стороны, это прямая реализация принципа гуманизма в праве. С другой же – это откровенное вмешательство законодательной власти – в судебную.

Таким образом, взаимодействие судов с исполнительной и законодательной ветвями власти – не противоречие теории разделения властей, а её дополнение. Самостоятельность ветвей государственной власти не тождественна полному игнорированию иных институтов. Наоборот, сотрудничество – необходимое условие для рационального построения государственного строя. Это взаимодействие во многом помогает ветвям власти не стоять на месте, а развиваться. Так, без должной работы законодательной власти сложно представить полноценную деятельность судебной и исполнительной, поскольку для их функционирования просто будет отсутствовать правовая база, создающаяся правотворческими органами. Исполнительная власть напрямую способствует судебной в организационных вопросах: управление федеральной собственностью, исполнение судебных решений, охрана зданий и помещений суда и т.д. С учётом выше изложенного, мы делаем вывод о факте и дальнейшего развития теории разделения властей на практике: в условиях демократического правового государства концепция обязательна, а в контексте постсоветской России – это один из элементов конституционного строя. Таким образом, в современном российском государстве нельзя обойтись без практической реализации судебной, исполнительной и законодательной ветвей власти.

В данной статье неоднократно подчёркивалось, что Прокуратура РФ не относится ни к одной из ветвей власти. Однако это не отменяет её взаимодействия с судами – в целях объективности и справедливости судопроизводства.

Основными направлениями деятельности Прокуратуры РФ являются надзор и поддержание государственного обвинения. Нельзя промолчать и о том, что в рамках реализации надзорных полномочий участия прокурора в судебном процессе при помощи обращения в суд с заявлением или иском в защиту прав неопределенного круга лиц или конкретного лица в силу обстоятельств, прямо предусмотренных нормами процессуального законодательства. Также, являясь стороной обвинения, прокурор, вместе с этим, и служит гарантом правомерности происходящего процесса. По мнению В.Б. Ястребова, прокурор представляется организатором

уголовного преследования, рационально координирующим действия других участников и суммирующим полученные сведения. Как подчёркивает Юлдашова Т.А., прокурор, являясь стороной обвинения, выступает при этом стороной защиты по отношению к потерпевшим [Юлдашова, Майоров, 2021, с. 68].

Кроме этого, соответствующим федеральным законом предусмотрено правомочие Генерального прокурора РФ обращаться в Конституционный Суд РФ по вопросу нарушения конституционных прав граждан. Таким образом, Прокуратура РФ вновь демонстрирует подлинно надзорный характер своей правомочной сущности. И, поскольку территориально Конституционный Суд РФ располагается в Санкт-Петербурге, представитель Генерального прокурора РФ также присутствует в Конституционном Суде РФ.

Более, прокурор может выступать не только заявителем по отношению к Конституционному Суду РФ, но и приглашенным лицом, а судьи-докладчики имеют право сделать запрос необходимой статистики и мнения Генеральной прокуратуры РФ.

Заключение

В статье показано, что тесное взаимодействие Прокуратуры РФ с Конституционным Судом РФ заключается и в том, что первая дважды в год предоставляет данные о результатах надзорных проверок, направленных на приведение актов субъектов РФ в соответствие с правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

По мнению Фомичевой О.А., Прокуратура РФ непосредственно связана с развитием негласного прецедентного российского права, поскольку разрешает сложные казусы, для решения которых нужно выработать определенный порядок действий, который может пригодиться, если в дальнейшем возникнут подобные случаи [Фомичева, 2018, с. 50].

Таким образом, на наш взгляд, в современной России можно заметить существование де-факто надзорной ветви власти, что не соответствует положениям Конституции РФ, предусматривающей триаду государственной власти. В этом ключе, тесное сотрудничество органов прокуратуры с судами – сотрудничество между органами надзорной и судебной власти.

Библиография

1. Аристотель. Политика. М.: Neoclassic, 2023. 384 с.
2. Берсенев, А.А., Мирошниченко, А.В. Становление и развитие теории разделения властей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2 (68). С. 220 – 225.
3. Геворкян, М.В. Истоки теории разделения властей // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 11. С. 116 – 120.
4. Курмаз, А.И. Теория разделения властей, её развитие и воплощение в России как феномен будущего // Теория и практики общественного развития. 2012. №3. С. 354 – 356.
5. Локк, Дж. Два трактата о правлении. Челябинск: Социум Челябинск, 2023. 374 с.
6. Нормуродов, Ж. О. Важность принципа независимости судебной власти при осуществлении правосудия // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 572-574.
7. Платон. Государство. СПб.: Азбука, 2019. 480 с.
8. Фомичева, О. А. Прокуратура как субъект права законодательной инициативы в законотворческой деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 50–55.
9. Чиркин, В. Е. Государствоведение. М.: Юрист, 2012. 382 с.
10. Юлдашова, Т.А., Майоров, А.В. Особенности взаимодействия органов прокуратуры и судов общей юрисдикции // Вестник экономики, управления и права. 2021. №3. С. 67 – 71.
11. Ястребов, В.Б. О деятельности стороны обвинения в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. №1. С. 87 – 94.

The legal basis for the interaction of the court with the prosecutor's office

Viktoriya V. Volkova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of administrative and financial law,
North Caucasus branch of the Russian State University of Justice,
350020, 234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: volkova_vv45@mail.ru

Elizaveta A. Steshina

Student,
North Caucasus branch of the Russian State University of Justice,
350020, 234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: eliza.alex777@gmail.com

Kapitolina D. Allenova

Student,
North Caucasus branch of the Russian State University of Justice,
350020, 234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: allenova.k05@mail.ru

Abstract

The legal basis for the interaction of the court with the prosecutor's office seems to us to be a debatable issue. To date, the place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of three branches of government, one of which is the judicial power, has not been determined. Thus, the context of interaction between the judiciary and the Prosecutor's Office of the Russian Federation is not clear. This is the reason for the relevance of the study: without understanding the place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the theory of separation of powers, it is impossible to fully perceive it as a centralized system of public authorities. Taking into account the above, it is necessary to set the goal of the study – to determine the status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation within the concept of dividing state power into judicial, executive and legislative. To do this, we will need private scientific methods of cognition: formal legal, comparative legal, and system analysis. The results of the research were the collection of empirical material on relevant topics (the theory of separation of powers, the place of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the presented concept, and so on), the development of an opinion on the issue of belonging of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to the triad of state power. In conclusion, it should be said about the special status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, expressed, in our opinion, in its functioning within the framework of the so-called fourth branch of government - the supervisory one.

For citation

Volkova V.V., Steshina E.A., Allenova K.D. (2024) Pravovye osnovy vzaimodeistviya suda s organami prokuratury [The legal basis for the interaction of the court with the prosecutor's office]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 73-82. DOI: 10.34670/AR.2024.82.41.006

Keywords

Prosecutor's office of the Russian Federation, the theory of separation of powers, the fourth branch of government, the supervisory branch of government, the judiciary.

References

1. Aristotle. Politics. Moscow: Neoclassic, 2023. 384 p.
2. Bersenev, A.A., Miroshnichenko, A.V. Formation and development of the theory of separation of powers [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2022. No. 5-2 (68). pp. 220-225.
3. Gevorgyan, M.V. The origins of the theory of separation of powers [Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences]. 2010. No. 11. pp. 116 – 120.
4. Kurmaz, A.I. Theory of separation of powers, its development and embodiment in Russia as a phenomenon of the future [Theory and practice of social development]. 2012. No.3. pp. 354-356.
5. Locke, J. Two treatises on government. Chelyabinsk: Socium Chelyabinsk, 2023. 374 p.
6. Normurodov, J. O. The importance of the principle of judicial independence in the administration of justice [Young Scientist]. 2023. No. 20 (467). pp. 572-574.
7. Plato. The state. St. Petersburg: Azbuka, 2019. 480 p.
8. Fomicheva, O. A. The Prosecutor's office as a subject of the right of legislative initiative in legislative activity [State power and local self-government]. 2018. No. 10. pp. 50-55.
9. Chirkin, V. E. State studies. M.: Lawyer, 2012. 382 p.
10. Yuldashova, T.A., Mayorov, A.V. Features of interaction between the prosecutor's office and courts of general jurisdiction [Bulletin of Economics, Management and Law]. 2021. No.3. pp. 67-71.
11. Yastrebov, V.B. On the activities of the prosecution in criminal proceedings [Judicial power and criminal procedure]. 2018. No. 1. pp. 87-94.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.70.55.015

К вопросу о суде общей юрисдикции областного звена**Коршунов Юрий Алексеевич**

Кандидат юридических наук,
Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14;
e-mail: yurkorsh@gmail.com

Аннотация

Автором рассмотрен исторический аспект введения в систему судов общей юрисдикции Российской Федерации апелляционных судов и зарубежный опыт в данной сфере. Обратившись к положениям Судебной реформы 1864 г. и к опыту судебного строительства таких государств, как Аргентинская Республика, Королевство Бельгия, Мексиканские Соединенные Штаты, Соединенные Штаты Америки, Федеративная Республика Бразилия, Французская Республика и др., сделан вывод о том, что Россия является единственным государством, имеющим общие суды регионального уровня (суды областного звена), что может обусловить постановку вопроса о прекращении деятельности данных судов и об усилении роли апелляционных судов в отправлении правосудия. Также определяется, что отечественная судебная система развивается в направлении оптимальной модели судостройства, наиболее полно защищающей права и свободы граждан, охраняемые законом интересы общества и государства. Реализуя в ходе судебного строительства конституционное положение о России, как о правовом государстве, законодатель проявляет заботу о гражданах, создает условия для развития российской государственности. Данное положение особенно актуально в условиях специальной военной операции, в военное время, при защите прав мобилизованных граждан, участников боевых действий, ветеранов и членов их семей.

Для цитирования в научных источниках

Коршунов Ю.А. К вопросу о суде общей юрисдикции областного звена // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 83-87. DOI: 10.34670/AR.2024.70.55.015

Ключевые слова

Судостройство, судебная система, апелляция, апелляционный суд, областной суд, специальная военная операция, ветераны.

Введение

В конце 2019 г. в системе судов общей юрисдикции появились новые звенья – апелляционные и кассационные суды. Введение данных судов в судебную систему – это дальнейшая реализация конституционного положения о России как о правовом государстве, направленная на наиболее полную защиту прав и свобод граждан, охраняемых законом интересов общества и государства, повышение уровня независимости судей и создание дополнительных гарантий справедливого правосудия. Новые судебные органы эффективно осуществляют деятельность длительное время, являясь в том числе и инструментом уголовно-правовой политики государства, в связи с чем можно сделать вывод об их обоснованном введении в судебную систему. Результаты их работы укрепляют судебную власть и российскую государственность в целом.

Организация новых звеньев системы судов общей юрисдикции при таких обстоятельствах выглядит весьма обдуманном и своевременным шагом со стороны государства, ведь имеющиеся в настоящее время внешнеполитические угрозы не оставляют никаких шансов слабым государственным институтам. Защита прав и свобод населения на новых территориях, военнослужащих, мобилизованных граждан, участников боевых действий, ветеранов и членов их семей это приоритетные направления деятельности новых судебных органов.

При рассмотрении структуры системы судов общей юрисдикции, их организации работы, истории судебного строительства и апелляционного порядка обжалования судебных актов, выделяется некоторая нелогичность апелляционного обжалования в системе судов общей юрисдикции по сравнению с системой арбитражных судов и кассационным обжалованием. Система не выглядит стройной и завершенной, при этом привлекают к себе внимание именно суды областного звена. Исключение составляют окружные военные суды, действующие на территории военных округов, включающих несколько субъектов Российской Федерации, но у данных судов несколько иные задачи, связанные с обороной государства.

Основная часть

Обратившись к положениям Судебной реформы 1864 г., можно отметить отсутствие в судебной системе Российской империи общих судов регионального (губернского) уровня и организацию работы судебных органов на основе децентрализованных судебных округов. Окружная организация работы обуславливает независимость судей от местной власти, снижает коррупционную составляющую судебной деятельности и создает дополнительные гарантии справедливого правосудия. В соответствии с Учреждением судебных установлений территориальная юрисдикция судов распространялась на несколько административно-территориальных единиц государства.

Так, основой системы общих судов были окружные суды с организацией работы на несколько уездов. Они рассматривали большой объем дел по первой инстанции и имели полномочия кассационного пересмотра дел мировых судей.

Территориальная юрисдикция Судебной палаты включала несколько губерний, при этом судебные округа палаты не повторяли их границы, уезды одной губернии могли находиться под юрисдикцией разных палат. Палата являлась апелляционной инстанцией при пересмотре решений окружных судов. Она включала несколько департаментов и обладала полномочиями рассмотрения ряда важных дел по первой инстанции [Вербловский, 1887].

Высшим судом был Сенат, он рассматривал по первой инстанции особо важные дела,

проверял в апелляционном и кассационном порядке акты нижестоящих судов.

Верховный суд занимал особое место, он создавался для рассмотрения дел о преступлениях в отношении царской семьи и высших должностных лиц государства. В него входили сенаторы и члены Государственного совета, а его решения обжалованию не подлежали, они могли быть изменены или отменены только императором. Состав суда во всех инстанциях при апелляционном и кассационном пересмотре дел был коллегиальным [Коршунов, 2023, 43-47].

Таким образом, в Российской империи, при окружной организации работы апелляционных инстанций (Судебных палат) отсутствовали общие суды губернского уровня, что отличает ее от современной Российской Федерации, в которой суды общей юрисдикции областного звена сохранены законодателем. Данное положение не учитывает исторический опыт судебного строительства и указывает на незавершенность реформирования судебной системы в этой части.

Также необходимо отметить, что суды общей юрисдикции областного звена являются оплотом региональных элит, порой не всегда лояльно настроенных по отношению к федеральному центру. Организация работы апелляционных судов общей юрисдикции на основе децентрализованных судебных округов ослабляет влияние региональных элит на судебную деятельность, ограничивая их возможности в нарушении прав и свобод граждан, снижая коррупционную составляющую судебной деятельности. Это одна из форм борьбы с региональным сепаратизмом и коррупцией применительно к судебной власти, что в целом укрепляет российскую государственность. При этом публичные начала превалируют над частными, производство в апелляционных судах осуществляется в интересах всего общества в целом, а не в отношении сторон в конкретном споре [там же, 27].

Зарубежный опыт судебного строительства указывает на следующее.

Федеральная судебная система США характеризуется окружной формой организацией работы, она состоит из окружных судов (судов первой инстанции), апелляционных судов (апелляционных инстанций) и Верховного суда (высшей судебной инстанции). Территориальная юрисдикция апелляционных судов распространяется на несколько штатов. Всего в стране тринадцать апелляционных судов: одиннадцать территориальных и два специализированных. Суды имеют номерные наименования, при пересмотре решений нижестоящих судов они выступают в качестве апелляционных инстанций.

Система судов общей юрисдикции Франции включает в себя низовые суды (трибуналы) (суды первой инстанции), апелляционные суды (апелляционные инстанции) и Кассационный суд (высшую судебную инстанцию). Апелляционные суды осуществляют свою деятельность на территории децентрализованных судебных округов, включающих несколько административно-территориальных единиц, департаментов. Более ста департаментов входит в тридцать пять судебных апелляционных округов, апелляционные суды носят наименование населенных пунктов, в которых находятся их центральные офисы [Лубенский, Еремин, 1975].

Судебная система Бельгии, являющейся федеративным государством, схожа с судебной системой Франции. Бельгия разделена на три региона (субъекта федерации), два из которых делятся на десять провинций, третий – столичный. В государстве работают пять апелляционных судов с территориальной юрисдикцией на несколько провинций. Судебная система Бельгии – это пример того, как федеративное государство может иметь судебную систему государства унитарного, как во Франции.

На постсоветском пространстве в Грузии имеется два окружных апелляционных суда общей юрисдикции, при этом суды краевого (областного) звена в государстве отсутствуют.

Рассматривая судебные системы указанных и иных государств можно отметить отсутствие общих судов регионального уровня (уровня субъектов федерации, регионов, департаментов,

краев) при организации работы на основе децентрализованных судебных округов. Федеральные суды таких государств, как Аргентина, Бразилия и Мексика при окружной организации работы апелляционных инстанций также не имеют в своем составе общих судов уровня субъектов федерации.

Заключение

Таким образом определяется, что при окружной организации работы апелляционных судов общей юрисдикции Российская Федерация является единственным государством, имеющим суды регионального уровня (суды областного звена), что в совокупности с историческим опытом может обусловить постановку вопроса о прекращении деятельности данных судов и об усилении роли апелляционных судов в отправлении правосудия [Коршунов, 2022, 20-21; Коршунов, 2023, 74].

Библиография

1. Вербловский Г.О. О порядке принесения апелляционной жалобы на решение окружного суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Кн. 3. С. 98.
2. Конституция Российской Федерации (ст. 1).
3. Коршунов Ю.А. Апелляционные суды в судебной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 28 с.
4. Коршунов Ю.А. Апелляционные суды в судебной системе Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2023. 160 с.
5. Лубенский А.И., Еремин В.Н. Апелляционные и кассационные суды капиталистических государств. М., 1975. 55 с.
6. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».
7. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».
8. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции».
9. Ippoliti R., Tria G. Efficiency of judicial systems: model definition and output estimation // Journal of Applied Economics. – 2020. – Т. 23. – №. 1. – С. 385-408.
10. Hendley K., Solomon Jr P. H. The Judicial System of Russia. – Oxford University Press, 2024.

On the issue of court of general jurisdiction at the regional level

Yurii A. Korshunov

PhD in Law,
Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
123001, 14, Bol'shaya Sadovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yurkorsh@gmail.com

Abstract

The author examines the historical aspect of the introduction of appellate courts into the system of courts of general jurisdiction of the Russian Federation and foreign experience in this area.

Turning to the provisions of the Judicial Reform of 1864 and the experience of judicial construction of such states as the Argentine Republic, the Kingdom of Belgium, the United Mexican States, the United States of America, the Federative Republic of Brazil, the French Republic, etc., it was concluded that Russia is the only a state that has general courts at the regional level (regional courts), which may lead to the raising of the issue of terminating the activities of these courts and strengthening the role of appellate courts in the administration of justice. It is also determined that the domestic judicial system is developing in the direction of an optimal model of judicial system that most fully protects the rights and freedoms of citizens, the interests of society and the state protected by law. By implementing in the course of judicial construction the constitutional provision of Russia as a rule-of-law state, the legislator shows concern for citizens and creates conditions for the development of Russian statehood. This provision is especially relevant in the context of a special military operation, in wartime, when protecting the rights of mobilized citizens, combatants, veterans and members of their families.

For citation

Korshunov Yu.A. (2024) K voprosu o sude obshchei yurisdiktsii oblastnogo zvena [On the issue of court of general jurisdiction at the regional level]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 83-87. DOI: 10.34670/AR.2024.70.55.015

Keywords

Judicial system, appeal, court of appeal, regional court, special military operation, veterans.

References

1. *Federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 07.02.2011 № 1-FKZ «O sudakh obshchei yurisdiktsii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal constitutional law of 02/07/2011 No. 1-FKZ “On courts of general jurisdiction in the Russian Federation”].
2. *Federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 29.07.2018 № 1-FKZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi konstitutsionnyi zakon «O sudebnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii» i otdel'nye federal'nye konstitutsionnye zakony v svyazi s sozdaniem kassatsionnykh sudov obshchei yurisdiktsii i apellyatsionnykh sudov obshchei yurisdiktsii»* [Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated July 29, 2018 “On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation” and certain federal constitutional laws in connection with the creation of cassation courts of general jurisdiction and appellate courts of general jurisdiction”].
3. *Federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ «O sudebnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii»* [Federal constitutional law of December 31, 1996 No. 1-FKZ “On the judicial system of the Russian Federation”].
4. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (st. 1)* [Constitution of the Russian Federation (Article 1)].
5. Korshunov Yu.A. (2023) *Apellyatsionnye sudy v sudebnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii* [Courts of appeal in the judicial system of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform Publ.
6. Korshunov Yu.A. (2022) *Apellyatsionnye sudy v sudebnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Courts of appeal in the judicial system of the Russian Federation. Doct. Dis.]. Moscow.
7. Lubenskii A.I., Eremin V.N. (1975) *Apellyatsionnye i kassatsionnye sudy kapitalisticheskikh gosudarstv* [Appeal and cassation courts of capitalist states]. Moscow.
8. Verblovskii G.O. (1887) O poryadke prineseniya apellyatsionnoi zhaloby na reshenie okruzhnogo suda [On the procedure for filing an appeal against a district court decision]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava* [Journal of Civil and Criminal Law], 3, p. 98.
9. Ippoliti, R., & Tria, G. (2020). Efficiency of judicial systems: model definition and output estimation. *Journal of Applied Economics*, 23(1), 385-408.
10. Hendley, K., & Solomon Jr, P. H. (2024). *The Judicial System of Russia*. Oxford University Press.

УДК 342.92

DOI: 10.34670/AR.2024.57.41.016

Функции органов внутренних дел по исполнению юрисдикционных актов

Галястов Михаил Олегович

Адъюнкт,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: mix.89@mail.ru

Аннотация

Функции органов внутренних дел (далее также – ОВД) по исполнению актов других юрисдикционных органов многочисленны и разнообразны, поэтому рассматриваются с различных сторон (аспектов). В статье осуществлен анализ отдельных аспектов рассмотрения функций органов внутренних дел по исполнению актов других юрисдикционных органов, исследованы генезис и сущность данных функций. Предложена систематизация функций органов внутренних дел по исполнению актов других юрисдикционных органов по видам административных производств. Произведенная систематизация функций ОВД по исполнению актов других юрисдикционных органов в совокупности с ранее обозначенным подходом по отношению к генезису и сущности названных функций позволяет по-иному взглянуть на систему исполнительской деятельности (взятую в широком смысле систему исполнительных производств), на место и роль в ней органов внутренних дел, а также обнаружить общие и особенные признаки тех или иных функций, реализуемых в рамках соответствующих административных производств, и в конечном счете перейти к реализации иных исследовательских стратегий, направленных на формулирование предложений по совершенствованию функций ОВД по исполнению актов других юрисдикционных органов.

Для цитирования в научных исследованиях

Галястов М.О. Функции органов внутренних дел по исполнению юрисдикционных актов // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2024.57.41.016

Ключевые слова

Функции органов внутренних дел, акты юрисдикционных органов, исполнение актов, систематизация функций, административное производство.

Введение

Функции органов внутренних дел (далее также – ОВД) по исполнению актов других юрисдикционных органов многочисленны и разнообразны, поэтому рассматриваются с различных сторон (аспектов), например: 1) как административно-юрисдикционный рудимент, оставшийся в результате незавершенного выделения из ОВД не свойственных им функций и полномочий, в преобладающей части переданных в дальнейшем иным органам (ФСИН, ФССП и др.)¹; 2) как самостоятельные функции ОВД, существующие наряду и вместе с тем автономно от иных функций данных органов; 3) как условие реализации других функций ОВД; 4) как частное проявление «полицейской помощи» [Соловей, 1993; Ковшевацкий, 2012].

При этом два первых аспекта демонстрируют ложное отношение к данным исполнительским функциям ОВД, так как все функции являются собственными, поскольку любой элемент деятельности может быть «нагружен» по отношению ко всем другим элементам деятельности и деятельности, обеспечивая их осуществление; функции государственных органов также не являются застывшими и могут передаваться, перераспределяться между видами работ и реализовываться совершенно разными структурами (к примеру, полиция существовала не всегда, а функции охраны правопорядка, обеспечения безопасности, исполнения актов (приказаний, решений) в государственно организованном обществе выполнялись постоянно) [Машгакова, 2020].

Основная часть

В исполнении различных юрисдикционных актов, кроме ОВД, задействованы не только специально уполномоченные на то федеральные органы исполнительной власти и их должностные лица (судебные приставы-исполнители, инспекторы подразделений ФСИН), но и многие другие органы, организации и даже частные лица. Так, например, конструкция ст. 32.2 КоАП РФ первоначально предполагает уплату административного штрафа в добровольном порядке; при исполнении административного наказания в виде административного выдворения за пределы РФ в форме контролируемого самостоятельного выезда иностранный гражданин или лицо без гражданства обязаны самостоятельно при соблюдении всех требований российского законодательства и норм международного права покинуть территорию РФ²; должнику в рамках исполнительного производства, по общему правилу, предоставляется пятидневный срок для добровольного исполнения исполнительного документа³ и т.д.

Кроме того, поскольку функции публичной администрации взаимосвязаны, в идеале, представлены в системе, неубедительными являются и два последних аспекта их рассмотрения, что обуславливает необходимость в поиске иных объяснительных концепций.

Российский социолог А.А. Зиновьев так описал генезис функции исполнения: «Приказание может быть таким, что для его исполнения требуется множество людей, множество действий,

¹ Указ Президента РФ от 28.07.1998 № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации»; Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации».

² См. ст. 34 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

³ См. ч. 12 ст. 30 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

распределение обязанностей, порядок действий, качество исполнения. Когда такое отношение между имеющими власть и подвластными становится регулярным, происходит разделение функции выработки и отдачи приказаний, с одной стороны, и функции управления процессами исполнения приказаний. Вторая обособляется в качестве особого компонента сложного феномена власти» [Зиновьев, 2004, 157]. Названный подход является универсальным для всех органов системы публичной власти и исполнительно-распорядительной деятельности публичной администрации, однако недостаточен для осуществления завершеного юридического плана исследований [Доиченко, 2019, 2021].

С одной стороны, функции ОВД по исполнению актов в терминах теории права относятся к казуальному исполнению, то есть «исполнению обязанностей, устанавливаемых в актах правоприменительного характера, возлагаемых на конкретных лиц и предполагающих, как правило, единичный акт исполнения» [Шаронов, 2018, 11], что И. Рихтером и Г.Ф. Шуппертом выражено следующим образом: «административный акт управляет административным исполнением, ибо административный акт, как правило, исполняется посредством административного акта...» [Рихтер, Шупперт, 2000, 195]. С другой стороны, указанные функции ОВД могут сочетать в себе различные элементы методического воздействия или обеспечивать реализацию нескольких методов административно-правового воздействия (распорядительства, содействия, контроля, принуждения и т.д.), осуществляться в условно смежных юрисдикциях (административной и уголовной, как это происходит при исполнении отдельных видов уголовных наказаний). Наконец, рассмотрение исполнительских функций ОВД не только как некоторой выборки из основных направлений деятельности в структуре компетенции МВД России и полиции или как их назначения, но и как формы проявления связи между задачами и компетенцией (полномочиями по предмету ведения) ОВД позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, функции ОВД по исполнению актов других юрисдикционных органов следует рассматривать в соотношении с административно-политической (в том числе реформаторской) деятельностью, в ходе которой вырабатываются структурно-функциональные модели деятельности публичной администрации, заключающейся «в обязательном институциональном правообеспечении публичных интересов неограниченного круга субъектов» [Осинцев, 2005, 15]. Недаром документы стратегического планирования, посвященные вопросам административной реформы, уделяют значительное внимание как построению оптимальных структур исполнительной власти, так и функционированию органов публичного управления⁴. В таком случае аксиоматический характер приобретает следующая позиция: исполнительная власть может быть представлена как «установление набора способов влияния на социальную среду, необходимого и достаточного для достижения целей и задач выработанной административной политики» [Осинцев, 2019, 31], а все ее функции лишь оформляют соответствующие способы такого влияния. Следовательно, исполнительская деятельность ОВД предстает в данном контексте закономерным продолжением реализации методов административной политики [Осинцев, 2014].

⁴ Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р); Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции (утв. Распоряжением Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р).

Во-вторых, «развитие отношений в сфере административной юрисдикции свидетельствует о том, что качественные и количественные характеристики исполнения... во многом являются критерием общей эффективности правоохранительной деятельности правоохранительных органов в контексте ее оценки политическим руководством страны и гражданским обществом» [Гусев, Осинцев, 2020]. Иными словами, в функциях по исполнению юрисдикционных актов находит свое логическое завершение вся правоохранительная деятельность, одними из ключевых участников которой являются органы внутренних дел. Так, если соотнести положения КоАП РФ с соответствующими полномочиями МВД России, с одной стороны, по разработке и принятию мер по предупреждению административных правонарушений, с другой стороны, по организации производства по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции ОВД⁵, становится ясным, что указанные органы не случайным образом включаются в стадию исполнения постановлений (решений) по делам об административных правонарушениях: их деятельность осуществляется в профилактическом режиме, охватывает стадию возбуждения дела об административном правонарушении (в том числе с проведением административного расследования), применение обеспечительных мер, участие в рассмотрении дела и пересмотрах промежуточных и итоговых административно-деликтных актов. Неудивительным является и исполнение ОВД отдельных административных наказаний (например, административного ареста и лишения права управления транспортным средством), взаимодействие с иными органами при исполнении наказаний (административные выдворение, штраф и др.).

В-третьих, поскольку «...функция не имеет собственной объективной жизни: она есть лишь форма проявления связи» [Щедровицкий, 1995, 316], а также, учитывая тот факт, что функция «суть юридическая абстракция, потенциал управленческого воздействия, не связанный с конкретными операциями по достижению определенных целей... функции не дифференцируют задачу и действия по ее реализации» [Осинцев, 2005, 2019], необходимо не просто рассуждать о генезисе, причинах и условиях возникновения и развития таких функций, констатации их наличия, а задуматься над тем обстоятельством, каким образом их систематизировать, развивать, совершенствовать.

Как представляется, одной из первостепенных задач в исследовании функций ОВД по исполнению актов иных юрисдикционных органов является именно систематизация названных функций. В то же время, принимая во внимание то, что такая систематизация может осуществляться по различным основаниям, предложим один из ее вариантов.

В частности, систематизация функций ОВД по исполнению актов других юрисдикционных органов может быть осуществлена по видам производств, поскольку исполнительно-распорядительную деятельность, как любое руководящее, приказное воздействие, невозможно представить не только без нормативной и фактической, но и процессуальной основы применения. Кроме того, «важно не только определить механизмы юридического воздействия на подвластных субъектов, но и реально исполнить принятые акты» [Осинцев, 2001], что обеспечивается упорядоченной с использованием процессуальной формы административной деятельностью. В месте с тем, как указывают А.И. Стахов и П.И. Кононов, административное производство следует относить к систематизированным административно-процессуальным

⁵ См. п.п. 12 и 38 ч. 11 Положения о Министерстве внутренних дел РФ (Утверждено Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699).

формам [Стахов, Кононов, 2014, 335], что неслучайно, ведь административные производства в той или иной степени юридически оформлены и имеют относительно устойчивый характер, что делает систематизацию интересующих нас исполнительских функций ОВД одной из наиболее простых, но вместе с тем необходимых на данном этапе исследования.

Так, рассматриваемые функции ОВД систематизированы в рамках: а) производства по делам об административных правонарушениях (в частности, на стадии исполнения); б) исполнительного производства; в) «ювенального» производства (согласно законодательству о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних); г) миграционного производства вне административно-деликтной сферы; д) административных производствах, обеспечивающих исполнение уголовных наказаний; е) дисциплинарных производствах по административному праву.

В таком случае необходимо рассмотреть подробнее каждый из указанных элементов системы функций ОВД по исполнению актов других юрисдикционных органов сообразно названным производствам.

Так, участвуя в *производстве по делам об административных правонарушениях* на стадии исполнения, ОВД исполняют постановления судей о лишении права управления транспортным средством (32.5 КоАП РФ), об административном аресте (32.8 КоАП РФ); осуществляют контроль за исполнением иностранным гражданином или лицом без гражданства постановления о его административном выдворении за пределы РФ в форме контролируемого самостоятельного выезда из РФ (ч. 7 ст. 32.10 КоАП РФ), а также обеспечивают содержание иностранных лиц или лиц без гражданства при назначении им административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы РФ в специальном учреждении, предусмотренном Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ч. 5 ст. 3.10, ст. 27.19 КоАП РФ); принимают участие в организации исполнения постановлений об административном запрете на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (32.14 КоАП РФ), взаимодействуют с различными органами и организациями при исполнении постановлений об иных видах административных наказаний.

Также ОВД исполняют промежуточные акты других органов, реализуя отдельные меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, например, доставление (п. 1 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ), задержание транспортного средства (ч. 4 ст. 27.13 КоАП РФ), привод (п. 2 ч. 2 ст. 27.15 КоАП РФ).

В рамках *исполнительного производства* функции ОВД по исполнению актов иных юрисдикционных органов не менее разнообразны. В силу п. 41 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»⁶ и ст. 62 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» на органы внутренних дел возлагается обязанность оказывать содействие сотрудникам органов принудительного исполнения РФ в ходе исполнительного производства, в том числе при осуществлении розыска гражданина - ответчика по гражданскому делу, а также должника, имущества должника или розыска ребенка по исполнительным документам. Исходя из анализа ст.ст. 64, 67.1, 107-109, 109.3 Федерального закона «Об исполнительном производстве»⁷, можно сделать вывод, что ОВД не только оказывают

⁶ Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

⁷ Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

содействие судебным приставам-исполнителям, но и принимают участие в осуществлении отдельных исполнительных действий, направленных на реализацию исполнительных документов, в том числе являющихся актами других юрисдикционных органов.

Что касается «ювенального» производства, то органы внутренних дел как относящиеся к органам системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обязаны исполнять постановления комиссий по делам несовершеннолетних, реализуя в установленные сроки конкретные меры по устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних (ч. 3 ст. 11, ст. 21 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ). Кроме того, ОВД исполняют приговоры и решения судов в части помещения несовершеннолетних в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (ст. 22 ФЗ № 120) и в части доставления несовершеннолетнего для медицинского освидетельствования в недобровольном порядке (п. 5 ст. 31 ФЗ № 120), оказывают содействие органам и учреждениям уголовно-исполнительной системы и специальным учебно-воспитательным учреждениям в розыске несовершеннолетних, в том числе уклоняющихся от отбывания наказания и принудительных мер воспитательного воздействия (п. 5 ч. 1 ст. 23 ФЗ № 120).

При реализации функций ОВД по исполнению актов в «миграционных» производствах вне административно-деликтной сферы можно вести речь, исходя из следующего. Как и в случае исполнения постановления об административном выдворении ОВД осуществляют контрольные мероприятия, взаимодействуют с иными государственными органами (в частности, с МИД России, ФСБ России), обеспечивают, в том числе во исполнение решений суда, содержание иностранных граждан и лиц без гражданства в специальных учреждениях (ЦВСИГ), но при реализации иной меры принуждения – депортации или в рамках режима реадмиссии (ст.ст. 31, 32.2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»), реализуя функции по исполнению актов других юрисдикционных органов на основании соответствующих законоположений и в порядке, установленном ведомственными нормативными правовыми актами⁸.

Кроме того, ОВД также реализуют функции по исполнению актов других юрисдикционных органов, принимают участие в *административных производствах, обеспечивающих исполнение уголовных наказаний*. Речь в первую очередь идет об исполнении наказаний за совершение преступлений в сфере обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта, предусмотренных 264-264.3 УК РФ.

Так, в силу ч. 2 ст. 16 УИК РФ требования приговора о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью исполняются администрацией организации, в которой работает осужденный, а также органами, правомочными в соответствии с законом аннулировать разрешение на занятие соответствующей деятельностью. В случае исполнения уголовного наказания в виде лишения

⁸ См., например: Приказ МВД России от 24.09.2020 № 669 «Об утверждении Порядка реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии Министерством внутренних дел Российской Федерации, его территориальными органами и специальными учреждениями, предназначенными для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, и Порядка прекращения процедуры реадмиссии в связи с добровольным выездом иностранного гражданина или лица без гражданства из Российской Федерации».

права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, ОВД в лице уполномоченных подразделений ГИБДД МВД России осуществляют функции и полномочия, аналогичные при исполнении постановления об административном наказании в виде лишения права управления транспортным средством.

Несмотря на различие названных производств, опосредованная ими реализация функций ОВД по исполнению актов других юрисдикционных органов обнаруживает сходство методического воздействия в рамках осуществления административной деятельности. Для обеспечения порядка реализации данных функций разрабатывается ведомственная нормативно-правовая основа такой деятельности (метод регулирования), осуществляются контроль исполнения, содействие и распорядительство, что также имеет системообразующее значение и дает основание для совместного рассмотрения подобного рода функций.

Несколько иным образом дело обстоит с реализацией ОВД функций по исполнению актов других юрисдикционных органов в рамках *дисциплинарных производств по административному праву*.

В силу ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ за совершение административных правонарушений, не предусмотренных ч. 2 данной статьи, имеющие специальные звания сотрудники органов внутренних дел несут дисциплинарную ответственность. Данное обстоятельство также нашло отражение в ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹.

В соответствии с ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ в случае, когда за совершение административного правонарушения лицо должно нести дисциплинарную ответственность, производство по делу об административном правонарушении после выяснения всех обстоятельств совершения административного правонарушения подлежит прекращению для привлечения указанного лица к дисциплинарной ответственности. В таком случае постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении со всеми материалами дела в течение суток с момента вынесения постановления в орган или учреждение по месту прохождения службы лица, совершившего административное правонарушение, для привлечения указанного лица к дисциплинарной ответственности (ч. 2 ст. 28.9 КоАП РФ).

Поскольку совершение административного правонарушения сотрудником ОВД в случаях, когда за такое нарушение сотрудник не подлежит административной ответственности на общих основаниях, является по смыслу ст. 37 Дисциплинарного устава органов внутренних дел РФ¹⁰ и ст. 49 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ дисциплинарным проступком (нарушением служебной дисциплины), то при поступлении материалов дела об административном правонарушении соответствующему линейному начальнику возникает необходимость выяснения причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником ОВД дисциплинарного проступка, что является основанием для проведения служебной проверки¹¹.

Таким образом, исходя из смысла названных норм, можно сделать вывод, что в случае совершения административного правонарушения, не предусмотренного ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ,

⁹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

¹⁰ Утв. Указом Президента РФ от 14.10.2012 № 1377

¹¹ См. п. 13 Приказа МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации»

сотрудником ОВД уполномоченные лица (его руководители, кадровые и иные подразделения) фактически исполняют административный акт юрисдикционного органа, прекратившего в отношении подлежащего дисциплинарной ответственности сотрудника производство по делу об административном правонарушении. Могут в таком случае последовать возражения, поскольку постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении не является актом, обязывающим линейного начальника привлекать подчиненного сотрудника ОВД к дисциплинарной ответственности в любом случае, а также поскольку такой акт является безадресным, будучи нацеленным лишь на прекращение соответствующего производства.

Однако, стоит привести дополнительные аргументы в защиту поддерживаемой нами позиции. Во-первых, в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении на основании ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ имеет место лишь условное освобождение лица от юридической ответственности, заключающееся в необходимости выбора иной административно-юрисдикционной альтернативы (лицо освобождается от административной ответственности, но подлежит привлечению к дисциплинарной). Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ в данном случае имеет место «не иммунитет сотрудников... от привлечения к административной ответственности за совершение ряда административных правонарушений, а лишь то, что совершение соответствующих противоправных деяний является основанием для их привлечения к иному виду публично-правовой ответственности – дисциплинарной ответственности»¹². Во-вторых, стоит учитывать, что «по своему юридическому содержанию административный акт – результат методического государственного административно-властного воздействия, определенный административно-процессуальной формой, и сведение его только к приказу недопустимо» [Осинцев, 2001, 57].

К слову, исполнение ОВД актов иных органов в режиме изменения юрисдикции (с функциональной на линейную) имеет место и в иных случаях, предусмотренных как КоАП РФ (ст. 29.13), так и иными законодательными актами (ст. 188.1 АПК РФ, ст. 226 ГПК РФ, ст. 200 КАС РФ, ст. 24 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹³ и др.).

Заключение

Произведенная систематизация функций ОВД по исполнению актов других юрисдикционных органов в совокупности с ранее обозначенным подходом по отношению к генезису и сущности названных функций позволяет по-иному взглянуть на систему исполнительской деятельности (взятую в широком смысле систему исполнительных производств), на место и роль в ней органов внутренних дел, а также обнаружить общие и особенные признаки тех или иных функций, реализуемых в рамках соответствующих административных производств, и в конечном счете перейти к реализации иных исследовательских стратегий, направленных на формулирование предложений по совершенствованию функций ОВД по исполнению актов других юрисдикционных органов.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2612-О

¹³ Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Библиография

1. Гусев А.В., Осинцев Д.В. Проблемные вопросы взаимодействия органов внутренних дел и судов при исполнении наказания за неуплату административного штрафа // *Мировой судья*. 2020. № 8. С. 11-15.
2. Домченко А.С. Административно-правовые модели нормирования деятельности: в поисках альтернативы // *Юрист*. 2019. № 9. С. 70-77.
3. Домченко А.С. Юридическая сила правового акта: свойство официального документа или элемент дискурсивной координации? // *Российский юридический журнал*. 2021. № 2. С. 152-163.
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Нева, 2004. 601 с.
5. Ковшевацкий В.И. К вопросу об особенностях оказания полицейской помощи гражданам // *Вестник Московского университета МВД России*. 2012. № 5. С. 197-200.
6. Маштакова С.А. Эволюция возникновения, становления и развития органов принудительного исполнения судебных актов в России // *Вестник науки*. 2020. Т. 3. № 11. С. 136-141.
7. Осинцев Д.В. Административное право. М.: Юрайт, 2019. 427 с.
8. Осинцев Д.В. К вопросу о систематизации административных производств // *Российский юридический журнал*. 2001. № 1. С. 54-61.
9. Осинцев Д.В. Методы административно-правового воздействия. СПб., 2005. 276 с.
10. Осинцев Д.В. Методы формирования административной политики // *Административное право и процесс*. 2014. № 4. С. 13-19.
11. Осинцев Д.В. Некоторые итоги нового этапа административной реформы: выводы и вопросы // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2019. № 1. С. 6-10.
12. Рихтер И., Шупперт Г.Ф. Судебная практика по административному праву. М.: Юристъ, 2000. 604 с.
13. Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 37 с.
14. Стахов А.И., Кононов П.И. Административное право России. М.: Юрайт, 2014. 651 с.
15. Шаронов В.С. Исполнение права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 31 с.
16. Щедровицкий Г.П. Методологические замечания к проблеме происхождения языка. М.: Школа культурной политики, 1995. 270 с.

Functions of the internal affairs bodies for the execution of jurisdictional acts

Mikhail O. Galyastov

Adjunct,

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: mix.89@mail.ru

Abstract

The functions of internal affairs bodies in executing acts of other jurisdictional bodies are numerous and varied, and therefore are considered from various angles or aspects. The article analyzes certain aspects of the consideration of the functions of internal affairs bodies for the execution of acts of other jurisdictional bodies, examines the genesis and essence of these functions. The systematization of the functions of the internal affairs bodies for the execution of acts of other jurisdictional bodies by types of administrative proceedings is proposed. The systematization of the functions of the internal affairs department for the execution of acts of other jurisdictional bodies, in conjunction with the previously outlined approach to the genesis and essence of these functions, allows us to take a different look at the system of enforcement activities (taken in a broad sense, the system of enforcement proceedings), at the place and role of bodies in it internal affairs, as well as to discover general and special features of certain functions implemented within the framework of

Mikhail O. Galyastov

relevant administrative proceedings, and ultimately move on to the implementation of other research strategies aimed at formulating proposals for improving the functions of internal affairs bodies for the execution of acts of other jurisdictional bodies.

For citation

Galyastov M.O. (2024) Funktsii organov vnutrennikh del po ispolneniyu yurisdiktsionnykh aktov [Functions of the internal affairs bodies for the execution of jurisdictional acts]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2024.57.41.016

Keywords

Functions of internal affairs bodies, acts of jurisdictional bodies, execution of acts, systematization of functions, administrative proceedings

References

1. Domchenko A.S. (2019) Administrativno-pravovye modeli normirovaniya deyatelnosti: v poiskakh alternativy [Administrative and legal models of activity regulation: in search of an alternative]. *Yurist* [Lawyer], 9, pp. 70-77.
2. Domchenko A.S. (2021) Yuridicheskaya sila pravovogo akta: svoystvo ofitsial'nogo dokumenta ili element diskursivnoi koordinatsii? [Legal force of a legal act: a property of an official document or an element of discursive coordination?]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian legal journal], 2, pp. 152-163.
3. Gusev A.V., Osintsev D.V. (2020) Problemye voprosy vzaimodeistviya organov vnutrennikh del i sudov pri ispolnenii nakazaniya za neuplatu administrativnogo shtrafa [Problematic issues of interaction between internal affairs bodies and courts in the execution of punishment for non-payment of an administrative fine]. *Mirovoi sud'ya* [Justice of the Peace], 8, pp. 11-15.
4. Kovshevskii V.I. (2012) K voprosu ob osobennostyakh okazaniya politseiskoi pomoshchi grazhdanam [On the issue of the peculiarities of providing police assistance to citizens]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 5, pp. 197-200.
5. Mashtakova S.A. (2020) Evolyutsiya vozniknoveniya, stanovleniya i razvitiya organov prinuditel'nogo ispolneniya sudebnykh aktov v Rossii [Evolution of the emergence, formation and development of enforcement bodies of judicial acts in Russia]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 3, 11, pp. 136-141.
6. Osintsev D.V. (2019) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow: Yurait Publ.
7. Osintsev D.V. (2001) K voprosu o sistematzatsii administrativnykh proizvodstv [On the issue of systematization of administrative proceedings]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 1, pp. 54-61.
8. Osintsev D.V. (2005) *Metody administrativno-pravovogo vozdeistviya* [Methods of administrative and legal influence]. St. Petersburg.
9. Osintsev D.V. (2014) Metody formirovaniya administrativnoi politiki [Methods for the formation of administrative policy]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 4, pp. 13-19.
10. Osintsev D.V. (2019) Nekotorye itogi novogo etapa administrativnoi reformy: vyvody i voprosy [Some results of the new stage of administrative reform: conclusions and questions]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 1, pp. 6-10.
11. Rikhter I., Shuppert G.F. (2000) *Sudebnaya praktika po administrativnomu pravu* [Judicial practice in administrative law]. Moscow: Yurist Publ.
12. Sharonov V.S. (2018) *Ispolnenie prava. Doct. Dis.* [Execution of rights. Doct. Dis.]. Saratov.
13. Shchedrovitskii G.P. (1995) *Metodologicheskie zamechaniya k probleme proiskhozhdeniya yazyka* [Methodological remarks on the problem of the origin of language]. Moscow: Shkola kul'turnoi politiki Publ.
14. Solovei Yu.P. (1993) *Pravovoe regulirovanie deyatelnosti militsii v Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Legal regulation of police activities in the Russian Federation. Doct. Dis.]. Moscow.
15. Stakhov A.I., Kononov P.I. (2014) *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative law of Russia]. Moscow: Yurait Publ.
16. Zinov'ev A.A. (2004) *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the way to supersociety]. St. Petersburg: Neva Publ.

УДК 332

DOI: 10.34670/AR.2024.79.81.017

Система проектного управления в муниципальных образованиях**Святов Дмитрий Алексеевич**

Студент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: svyatov98@mail.ru

Колмогоров Олег Игоревич

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: OIKolmogorov@fa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются системы проектного управления в муниципальных образованиях, проанализирован категориальный аппарат, выявлены положительные черты и проблемы, являющиеся препятствием для дальнейшего эффективного развития, а также связи и различия с программно-целевым подходом. На сегодняшний день система проектного управления в муниципалитетах играет ключевую роль в развитии городской инфраструктуры и улучшении качества жизни граждан. Но при этом муниципальный проект чаще всего является лишь декомпозицией федеральных и региональных проектов. Однако применение принципов, инструментов и методов управления проектами в городах и сельских поселениях способствует эффективной реализации задач, поставленных на различных уровнях. Примеры успешных проектов в различных регионах подчеркивают важность грамотного управления для достижения поставленных целей. Нужно учитывать факт, что внедрение системы проектного управления в муниципальных структурах сталкивается с вызовами и проблемами, такими как нехватка финансирования, сложности в организации работы различных отделов и ограниченные ресурсы. Решение этих проблем требует комплексного подхода и активного взаимодействия всех участников процесса. Важно постоянно совершенствовать систему проектного управления, чтобы обеспечить устойчивое развитие муниципалитетов и повысить качество жизни жителей.

Для цитирования в научных исследованиях

Святов Д.А., Колмогоров О.И. Система проектного управления в муниципальных образованиях // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 98-105. DOI: 10.34670/AR.2024.79.81.017

Ключевые слова

Проектный подход, оптимизация, стратегия развития, управление, стратегическое планирование.

Введение

В атмосфере постоянных перемен и экономической нестабильности востребованность проектного управления только увеличивается. Основы социально-экономического развития и проблемы глобального уровня формируют востребованность реструктуризации проектного подхода в процессе управления как самого эффективного ответвления менеджмента, который постоянно применяется корпоративным сектором и все больше используется в государственном и муниципальном управлении. Использование данного подхода наиболее эффективно для муниципального уровня как «наиболее близкой к населению власти и публично-правового образования, зависящего от управленческих, финансовых решений вышестоящих государственных структур» [Качанова, 2020].

Одной из основополагающих характеристик проектов в муниципальном образовании, позволяющих отнести их именно к категории «проекты», является их соответствие стратегии развития муниципального образования и обозначенным в ней целям и приоритетным направлениям развития. Это позволяет говорить о декомпозиции целевых установок федерального уровня (национальные цели и национальные проекты) через соответствующие промежуточные этапы на муниципальный уровень.

Основная часть

В целях изучения системы проектного управления в муниципальных образованиях обратимся к категории «проект». Так, проект представляет из себя набор взаимоувязанных действий, которые нацелены на приобретение уникальных результатов в заданный срок, когда временная и ресурсная база ограничена [Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 № 1288, [www](#)]. Исследование общих методических характеристик проектного управления дает возможность обратиться к категориям, закрепленным Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации.

Так, например можно выделить категориальный аппарат проектного управления расходами бюджета Российской Федерации:

– национальный проект – проект (программа), направленный на достижение национальных целей и их целевых показателей, определенных Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года», и обеспечивающий достижение общественно значимых результатов и их показателей, а также задач, не являющихся общественно значимыми результатами;

– федеральный проект, входящий в состав национального проекта, – проект, обеспечивающий достижение общественно значимых результатов, выполнение задач национального проекта и их показателей, а также дополнительных показателей по решению Совета, президиума Совета, проектного комитета или куратора;

– федеральный проект, не входящий в состав национального проекта, – проект, обеспечивающий достижение задач и их показателей по поручению и (или) указанию Президента Российской Федерации, поручению Правительства Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации, решению Совета, президиума Совета, проектного комитета или куратора;

– ведомственный проект – проект, обеспечивающий достижение целей и показателей деятельности федерального органа исполнительной власти;

– региональный проект – проект, обеспечивающий достижение показателей и результатов федерального проекта, которые относятся к законодательно установленным полномочиям субъекта РФ, а также к вопросам местного значения муниципальных образований, расположенных на территории указанного субъекта РФ.

Отметим, что действующими приоритетными инструментами управления бюджетными расходами являются программно-целевой и проектный подходы, что обуславливается рядом причин:

1) тенденция увеличения доли проектных и программных расходов способствует повышению обоснованности управленческих решений;

2) происходит взаимосвязка конкретных видов расходов с приоритетными задачами социально-экономического развития через достижение показателей;

3) повышается качество управления бюджетными расходами, что особо актуально в период экономических и геополитических вызовов, требующих опережающего развития и внедрения инновационных технологий.

Также направлением развития проектного подхода выделим его корреляционные связи с концепцией программно-целевого подхода. Это связано с тем, что обособленное применение этого подхода не даёт возможности в полной мере решить все основополагающие проблемные области системы управления, так как в системе документов стратегического и программно-целевого управления Российской Федерации отсутствует связующий элемент, а именно проектный подход.

В этой связи целесообразно представить характеристики программно-целевого подхода:

- формализация увязки бюджетных ассигнований с потребностями (ожиданиями выгод);
- высокие временные издержки при принятии управленческих решений;
- отсутствие регулярного мониторинга в целях систематического пересмотра при выявлении соответствующих потребностей и низкого кассового исполнения расходов на целевые программы;
- отсутствие центров ответственности за достижение / недостижение установленных показателей и бюджетных расходов

Обобщая вышеизложенное, отметим, что внедрение проектного управления обусловлено развитием парадигмы «нового государственного менеджмента».

Таким образом, можно выделить положительные черты проектного управления:

- взаимосвязка объемов бюджетных ассигнований и конкретных потребностей (ожидаемых выгод);
- оптимизация управленческих процессов, позволяющая в короткие сроки достичь максимальных результатов;
- установление персональной ответственности за достижение итогового эффекта;
- реализация мониторинга бюджетных расходов.

Несмотря на это, типология проектного подхода не дает возможности разделить рассматриваемые инструменты управления бюджетными расходами, что характеризует применение проектного подхода в рамках программно-целевого [Пенчук, 2018].

Отметим, что проектная деятельность реализуется как без увязки с программным управлением, а также выходит за его рамки. Однако качественная компиляция принципов программно-целевого и проектного подходов позволит повысить эффективность управления бюджетными расходами.

Обратимся к содержательным элементам Федерального закона №172-ФЗ. Анализ

положений закона позволяет констатировать достаточно сильную корреляцию категорий «проект» и «целевая программа», а следовательно, и содержательных характеристик «стратегического планирования» и «проектного менеджмента».

В настоящее время определение «муниципальный проект» законодательно не закреплено. При этом в нормативной правовой базе муниципальных образований содержится значительное количество различных подходов к данной категории. Так, например, в постановлении Администрации муниципального образования «Город Ростов-на-Дону» муниципальный проект определяется как «комплекс взаимосвязанных мероприятий, подлежащий реализации на территории муниципального образования, города «Ростов-на-Дону», направленный на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений и имеющие различный отраслевой характер» [Постановление Администрации города Ростова-на-Дону от 25.05.2021 № 423, www]. В дополнение в постановлении ставится акцент на том, что исполнению с использованием проектного подхода подлежат проекты, направленные на достижение целей, которые прописаны в нормативно-правовых актах стратегического планирования города Ростова-на-Дону и инициированные по поручению Председателя городской Думы – Главы города Ростов-на-Дону, а также муниципальной комиссией по проектной деятельности Главы администрации.

Одновременно имеет место подход, рассматривающий «муниципальный проект» как проект, принимающий участие в реализации управления проектной деятельности субъектов Российской Федерации и, следовательно, с учетом целей и задач национальных проектов. Таким образом, по мнению автора, наиболее полное определение муниципального проекта имеет следующий вид. Муниципальный проект – это комплекс мероприятий, реализующих исполнение целей, показателей и результатов национального, а также регионального проекта, деятельность которых непосредственно относится к нормативным правовым полномочиям муниципалитета.

Из вышеназванного определения следует, что основополагающей целью муниципального проекта является децентрализация целей национальных и региональных проектов для достижения наиболее эффективных результатов стратегических целей.

Обобщая вышеизложенное, отметим положительные черты проектного управления расходами муниципального образования:

- в первую очередь, это направленность цели управления бюджетными расходами на достижение срочных изменений в социально-экономической сфере в условиях ограниченных ресурсов;

- во-вторых, применение проблемно-ориентированного подхода и декомпозиция стратегических установок до конкретных мероприятий с установлением необходимых к достижению измеримых показателей, которые позволили бы оценить успешность конкретного проекта;

- в-третьих, высокий уровень конкретизации целей бюджетных расходов на основе СМАРТ-подхода (сервисный, мотивирующий, адаптивный, риск-ориентированный и технико-цифровой подходы).

Все вышесказанное позволяет назвать проектное управление устойчивым развитием муниципальных образований одним из современных и востребованных управленческих технологий сити-менеджмента.

Помимо этого, необходимо отметить, что применение методов проектного управления в муниципальных образованиях определяется процессом самого проектирования, а именно

определением целевых установок, приоритетных областей и реперных точек развития на основе специфических черт каждого муниципального образования, и лишь затем непосредственно проектного метода при исполнении расходов органами местного самоуправления.

В этой связи определим приоритетность достижения стратегических целей муниципального образования через декомпозицию Целей в области устойчивого развития ООН.

Так, например, Департамент образования городского округа Самара является исполнителем городского проекта «Самарское детство», реализуемого в рамках декомпозированных на муниципальный уровень показателей региональных составляющих национального проекта «Образование», доведенных Министерством образования и науки Самарской области.

Декомпозиция позволяет говорить о необходимости высококачественной нормативной регламентации муниципальных проектов для выстраивания создания определенной последовательности их разработки. Примером подобной нормативной регламентации могут служить Методические рекомендации по подготовке муниципальных проектов Национального проекта «Образование», разработанные для реализации проектов муниципальными образованиями на Республики Саха [Национальный проект «Образование»: методические рекомендации по подготовке муниципальных проектов, [www](#)].

Методические рекомендации устанавливают принципы разработки муниципальных проектов. Соответственно, было рекомендовано производить разработку проектов с учетом следующих элементов:

- обеспечение достижения целей, показателей и результатов регионального проекта;
- определение целей и показателей мун. проекта, направленных на достижение целей и показателей рег. проекта;
- включение в паспорт муниципального проекта показателей регионального проекта, утвержденных в паспорте регионального проекта;
- включение при необходимости в муниципальный проект дополнительных показателей, непредусмотренных в паспорте регионального проекта;
- планирование мероприятий муниципального проекта, направленных на его достижение;
- закрепление на муниципальном уровне персональной ответственности за достижение целей, показателей, результатов и контрольных точек.

При этом реализация проектов необходима с учетом следующих элементов, описывающих использование проектного подхода в муниципальных образованиях на практике:

- наделение особыми полномочиями отдельных функциональных подразделений, ответственных за реализацию проекта;
- создание центра по управлению проектами, специального комитета или комиссии;
- назначение руководителя, ответственного за создание команды и результаты реализации проекта.

Заключение

На основании необходимых для дальнейшего изучения элементов разработки и реализации муниципальных проектов определим, какие проблемы при использовании проектного управления встречаются на муниципальном уровне [Государственное и муниципальное управление, [www](#)]:

- отсутствие стандартизированной методологии при определении целей, направлений и задач национального проекта;

- отсутствие согласованности целевых установок с высшим органом исполнительной государственной власти по содержанию и составу;
- отсутствие финансово-экономических обоснований при расчете сумм бюджетных средств;
- отсутствие понимания, как будет происходить оценка ожидаемой эффективности, в связи с не разработанностью этих показателей;

Таким образом, понимая проблемы при использовании проектного управления, необходимо определить перспективы и приоритетные направления развития проектного подхода:

1. Разработать стандартизированную методологию определения целей, направлений и задач национального проекта, которая будет учитывать мнение всех заинтересованных сторон и будет прозрачной для всех.

2. Обеспечить согласованность целевых установок с высшим органом исполнительной государственной власти по содержанию и составу путем создания рабочих групп, которые будут заниматься координацией действий между ведомствами и обеспечением единого подхода к реализации национальных проектов.

3. Разработать финансово-экономические обоснования при расчете сумм бюджетных средств, которые будут основываться на анализе реальных потребностей и возможностей реализации проектов.

4. Разработать показатели оценки ожидаемой эффективности, которые будут учитывать все аспекты реализации национальных проектов и будут доступны для оценки всем заинтересованным сторонам.

5. Обеспечить более тесное взаимодействие внутри и между ведомствами при осуществлении национальных проектов путем создания механизмов координации и обмена информацией. Также необходимо усилить работу с общественностью и привлечь к реализации национальных проектов широкие круги населения.

Преодоление рассмотренной проблематики с помощью вышеназванных путей решения позволит наиболее эффективно организовать систему управления проектами устойчивого развития муниципальных образований.

Библиография

1. Государственное и муниципальное управление. 2-е изд. URL: <https://urait.ru/book/gosudarstvennoe-i-municipalnoe-upravlenie-519311> (дата обращения: 25.01.2024).
2. Кадырова Г.М., Еремин С.Г., Галкин А.И. Проектное управление в органах власти: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 263 с.
3. Качанова Е.А. Технологии проектного менеджмента в муниципальном образовании: возможность или необходимость? (на примере города Екатеринбурга) // Современный город: власть, управление, экономика. 2020. № 1. С. 66-81.
4. Национальный проект «Образование»: методические рекомендации по подготовке муниципальных проектов // Минобрнауки Республика Саха. URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/natsionalnyj-proekt-obrazovanie> (дата обращения: 25.01.2024).
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об организации проектной деятельности в органах местного самоуправления муниципального образования «Город Ростов-на-Дону»: постановление Администрации города Ростова-на-Дону от 25.05.2021 № 423 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 № 1288 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Пенчук А.В. Проектный подход: понятие и роль в системе планирования бюджетных расходов // Экономика, налоги, право. 2018. № 4. С. 70-72.
9. Dahana M. A. et al. Analysis of the budget planning process and budget execution process // European Journal of Business

and Management Research. – 2020. – T. 5. – №. 4.

10. Rahman F. A., Sahabuddin R., Karim A. The Effectiveness for Regional Budget of Revenue and Expenditure as a Control Tools in Enrekang Regency Governments //Saudi J Econ Fin. – 2021. – T. 5. – №. 4. – C. 173-179.

The system of project management in municipalities

Dmitrii A. Svyatov

Student,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: svyatov98@mail.ru

Oleg I. Kolmogorov

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of state and municipal administration,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: OIKolmogorov@fa.ru

Abstract

The article examines project management systems in municipalities, analyzes the categorical apparatus, identifies positive features and problems that are an obstacle to further effective development, as well as connections and differences with the program-target approach. Today, the project management system in municipalities plays a key role in the development of urban infrastructure and improving the quality of life of citizens. But at the same time, a municipal project is most often just a decomposition of federal and regional projects. However, the application of the principles, tools and methods of project management in cities and rural areas contributes to the effective implementation of tasks set at various levels. Examples of successful projects in various regions highlight the importance of good management to achieve set goals. It is necessary to take into account the fact that the implementation of a project management system in municipal structures faces challenges and problems, such as lack of funding, difficulties in organizing the work of various departments and limited resources. Solving these problems requires an integrated approach and active interaction of all participants in the process. It is important to constantly improve the project management system to ensure sustainable development of municipalities and improve the quality of life of residents.

For citation

Svyatov D.A., Kolmogorov O.I. (2024) Sistema proektnogo upravleniya v munitsipal'nykh obrazovaniyakh [The system of project management in municipalities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 98-105. DOI: 10.34670/AR.2024.79.81.017

Keywords

Project approach, optimization, development strategy, management, strategic planning.

References

1. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* [State and municipal administration], 2nd ed. Available at: <https://urait.ru/book/gosudarstvennoe-i-municipalnoe-upravlenie-519311> [Accessed 25/01/2024].
2. Kachanova E.A. (2020) Tekhnologii proektnogo menedzhmenta v munitsipal'nom obrazovanii: vozmozhnost' ili neobkhodimost'? (na primere goroda Ekaterinburga) [Project management technologies in municipalities: opportunity or necessity? (on the example of the city of Yekaterinburg)]. *Sovremennyyi gorod: vlast', upravlenie, ekonomika* [Modern city: power, management, economics], 1, pp. 66-81.
3. Kadyrova G.M., Eremin S.G., Galkin A.I. (2023) *Proektnoe upravlenie v organakh vlasti: uchebnik dlya vuzov* [Project management in government bodies: a textbook for universities]. Moscow: Yurait Publ.
4. Natsional'nyi proekt «Obrazovanie»: metodicheskie rekomendatsii po podgotovke munitsipal'nykh proektov [National project “Education”: methodological recommendations for the preparation of municipal projects]. *Minobrnauki Respublika Sakha* [Ministry of Education and Science of the Republic of Sakha]. Available at: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/natsionalnyj-proekt-obrazovanie> [Accessed 25/01/2024].
5. O strategicheskoy planirovaniy v Rossiiskoy Federatsii: feder. zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ [On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
6. Ob organizatsii proektnoy deyatelnosti v organakh mestnogo samoupravleniya munitsipal'nogo obrazovaniya «Gorod Rostov-na-Donu»: postanovlenie Administratsii goroda Rostova-na-Donu ot 25.05.2021 № 423 [On the organization of project activities in local government bodies of the municipal formation “City of Rostov-on-Don”: Resolution of the Administration of the city of Rostov-on-Don dated May 25, 2021 No. 423]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
7. Ob organizatsii proektnoy deyatelnosti v Pravitel'stve Rossiiskoy Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoy Federatsii ot 31.10.2018 № 1288 [On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 1288]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
8. Penchuk A.V. (2018) Proektnyyi podkhod: ponyatie i rol' v sisteme planirovaniya byudzhetykh raskhodov [Project approach: concept and role in the system of planning budget expenditures]. *Ekonomika, nalogi, parvo* [Economics, taxes, law], 4, pp. 70-72.
9. Dahana, M. A. (2020). Analysis of the budget planning process and budget execution process. *European Journal of Business and Management Research*, 5(4).
10. Rahman, F. A., Sahabuddin, R., & Karim, A. (2021). The Effectiveness for Regional Budget of Revenue and Expenditure as a Control Tools in Enrekang Regency Governments. *Saudi J Econ Fin*, 5(4), 173-179.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.39.95.018

Право собственности в системе таможенных процедур Евразийского экономического союза

Шкиперов Антон Александрович

член Комитета по таможенным вопросам ОПОРА РОССИИ,
Советник генерального директора
Ассоциации деловых партнеров
в сфере внешнеэкономической деятельности (АДП ВЭД),
127018, Российская Федерация, Москва, ул. Сушёвский Вал, 16, стр. 6;
e-mail:

Клейменова Анастасия Николаевна

Кандидат юридических наук,
И.о. заведующего кафедрой таможенного права,
Российская таможенная академия,
140015, Российская Федерация, Люберцы, просп. Комсомольский, 4;
e-mail:

Бурыгин Алексей Анатольевич

Эксперт,
Группа экспертов Общественного совета при ФТС России;
Заместитель генерального директора по развитию,
Научно-производственная организация
«ГИДРО-ПРИВОДСПЕЦМАШ»,
129327, Российская Федерация, Москва, ул. Коминтерна, 20/2;
e-mail:

Аннотация

В настоящей статье авторами обосновывается гипотеза о том, что система таможенных процедур Евразийского экономического союза выстраивается в зависимости не только от целей ввоза и вывоза товаров, обусловленных преимущественно экономическими мотивами декларанта, но и в наибольшей степени – от юридического признания (отказа от признания) государством за декларантом права собственности полностью или в соответствующей части. Распределение объема юридического признания (отказа от признания) государством такого права собственности за декларантом на определенных условиях лежит в основе построения системы таможенных процедур. В соответствии с позицией авторов, декларант при перемещении товаров через таможенную границу в конечном счете стремится к признанию со стороны государства за собой права собственности в полном объеме, чем обуславливается помещение таких товаров под завершающие таможенные процедуры. На основании проведенного анализа авторами

делаются выводы о прямой взаимосвязи и взаимообусловленности институтов «права собственности», принадлежащего к отрасли гражданского права, и института «таможенные процедуры», принадлежащего к отрасли таможенного права.

Для цитирования в научных исследованиях

Шкиперов А.А., Клейменова А.Н., Бурьгин А.А. Право собственности в системе таможенных процедур Евразийского экономического союза // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 106-121. DOI: 10.34670/AR.2024.39.95.018

Ключевые слова

Товар, таможенные процедуры, право собственности, содержание права собственности, имущество.

Введение

Право собственности является институтом гражданского права, содержанием которого являются права собственника в отношении принадлежащего ему имущества. Таким правами в наиболее широком понимании являются права собственника по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия при условии соблюдения определенных нормативных ограничений (непротиворечие действующим нормативным правовым актам, не нарушение прав и охраняемых законом интересов других лиц и др.). Такой подход к определению права собственности, предусматривающий несводимость его содержания лишь только к триаде правомочий (владения, пользования и распоряжения), представляется наиболее практичным, а также характерным для таможенного права. Обоснованность данного подхода обуславливается нижеследующим:

1. Отсутствие нормативного определения понятий «владение», «пользование» и «распоряжение», что предопределяет наличие и развитие различных подходов к их пониманию и толкованию.

2. Статья 209 «Содержание права собственности» Гражданского кодекса включает пункт 2, в соответствии с которым «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц». Кроме того, пунктом 4 статьи 209 Гражданского кодекса предусмотрено, что «передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему», несмотря на то, что указанное лицо вправе совершать в отношении этого имущества «любые юридические и фактические действия», хотя бы и в интересах выгодоприобретателя, то есть в полной степени осуществлять права пользования, владения и распоряжения таким имуществом.

3. В научной литературе имеются позиции в пользу расширенного толкования содержания права собственности. Так, С.Н. Братусь отмечал принципиальную невозможность отождествления права собственности с суммой правомочий владения, пользования и распоряжения [Кондратенко, 2015]. А.М. Оноре выделял 11 правомочий, входящих в право собственности [Оноре, 1987]. Л. Беккер в своих исследованиях насчитывал 1500 вариантов правомочий собственника [Скловский, 2010]. Некоторые авторы в содержание права собственности также включают и право собственника требовать от всех иных лиц не нарушать

принадлежащее ему право собственности, а также право «притязать на применение к правонарушителю мер государственно-принудительного воздействия» [Ем и др., 2006]. Таким образом, согласимся с утверждением К.И. Скловского о том, что «исчерпывающего перечня правомочий собственника быть не может в принципе» [Скловский, 2010].

4. Наконец, в таможенном праве при определении условий и порядка использования товаров в соответствии с таможенными процедурами прослеживается преимущественный отказ законодателя от использования таких понятий, как «владение», «пользование», «распоряжение». Вместо этого законодатель употребляет новое понятие «использование товаров», а также в отдельных случаях перечисляет конкретные действия, которые декларант и (или) иные уполномоченные лица вправе осуществлять в отношении товаров. Это обусловлено тем, что существуют отдельные права (например, право осматривать и измерять товары, осуществлять отбор проб и (или) образцов товаров, дробление партии, формирование отправок, сортировку, упаковку, переупаковку, разгрузку, перегрузку, маркировку товаров, техническому обслуживанию, перемещать товары в пределах склада, проводить испытания, исследования, тестирования и др.), которые невозможно однозначно включить в право владения и (или) право пользования, и (или) право распоряжения. Такие отдельные права осуществляются в связи с одним или несколькими объективными обстоятельствами: необходимостью обеспечения сохранности товаров; необходимостью обеспечения нормального состояния товаров; необходимости подготовки товаров к продаже и перевозке; необходимостью обеспечения непосредственной перевозки товаров и др.

Таким образом, осуществление прав на совершение таких и подобных действий (то есть непосредственное совершение данных действий) не сопряжено с приобретением собственником какой-либо выгоды, но направлено на сохранение ценности его собственности, а также тех прав собственности, посредством передачи/осуществления которых эту ценность можно будет реализовать (то есть продать, обменять и др.). И такие действия в таможенном праве объединяются собирательным понятием «использование товаров», которое используется наряду с осуществлением прав владения, пользования и распоряжения, а также включается в содержание права собственности.

Основная часть

Право собственности можно определить как исключительное право собственника, с одной стороны, иметь и оставлять за собой возможность совершать и, с другой стороны, совершать непосредственно в отношении принадлежащего ему имущества и вытекающие из такой принадлежности действия. Иными словами, для целей наиболее объективного понимания содержания и сущности права собственности его возможно условно подразделить на следующие группы:

– активное (права собственника совершать в отношении своего имущества какие-либо действия, в том числе пользоваться и распоряжаться им, которые реализуются путем их непосредственного осуществления);

– пассивное (права владеть, быть (являться) собственником своего имущества, оставлять за собой возможность реализовывать право собственности, осуществление которого не требует активных и непосредственных действий, а предполагается безусловным и существующим в текущий период времени).

При этом ограничение действий (в том числе возможности их совершения) собственника в

отношении его имущества является таким образом **ограничением права собственности**.

В этой связи позиция авторов, полагающих, что «случаи ограничения самого права собственности следует отличать от ограничения круга действий, которые может совершать собственник», является не совсем некорректной [Зайцев, 2009]. Также с учетом вышеуказанных положений не является обоснованной позиция, согласно которой осуществление права всегда «есть реализация возможностей, то есть совершение реальных, конкретных действий, связанных с превращением этой возможности в действительность», поскольку существуют случаи «пассивного» осуществления права, то есть, к примеру, владения имуществом [там же].

Товар как объект правоотношений в гражданском и таможенном праве также является единой категорией с некоторой отраслевой спецификой.

В гражданском праве понятие «товар» включается в более широкое правовое понятие – «имущество».

Под имуществом для целей гражданско-правового регулирования по смыслу статей 128-129 ГК РФ понимаются следующие объекты гражданских прав: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги); иное имущество; имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

При этом указанные, как и иные, объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке и с учетом ограничений, предусмотренных гражданским законодательством.

Однако с учетом того, что право собственности является разновидностью вещных прав, в качестве имущества в таком случае могут выступать только вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), но не нематериальные объекты (в том числе имущественные права).

Вещи, в свою очередь, в соответствии с Гражданским кодексом, подразделяются на недвижимые (объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, а также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания и др.) и движимые (объекты, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом).

Такая классификация имущества в наиболее близком (тождественном) виде используется в таможенном законодательстве (Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) для определения понятия «товар».

В соответствии с пунктом 45 статьи 2 ТК ЕАЭС, товаром признается «любое движимое имущество, в том числе валюта государств-членов, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, электрическая энергия, а также иные перемещаемые вещи, приравненные к недвижимому имуществу», то есть в том числе «подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания».

В соответствии со статьями 455, 129 Гражданского кодекса Российской Федерации, товаром могут выступать «любые вещи» с соблюдением так называемых правил оборотоспособности объектов гражданских прав.

Кроме того, такая разновидность вещи, как товар, фигурирует в Гражданском кодексе Российской Федерации в рамках ряда конкретных институтов, регулирующих отношения, возникающие в рамках двух- и многосторонних сделок, то есть договоров (купли-продажи, розничной купли-продажи, поставки товаров, поставки товаров для государственных и муниципальных нужд, залога товаров в обороте, мены, товарного кредита, хранения на

товарном складе, страхования, комиссии, агентский, коммерческой концессии).

Таблица 1 - Понятие товара в гражданском праве

Наименование договора	Основные реализуемые правомочия в отношении товара по соответствующему договору	
	Одна сторона	Другая сторона
1. Купли-продажи (в т.ч. розничной купли-продажи)	передает товар в собственность за плату	принимает товар и уплачивает за него определенную денежную сумму (цену)
2. Поставки товаров (для государственных и муниципальных нужд)	осуществляет доставку товара (путем его отгрузки транспортом) и передачу	совершает все необходимые действия, обеспечивающие принятие (получение) товара
3. Залог товаров в обороте	оставляет товары у себя с предоставлением права изменять их состав и натуральную форму, при условии, что их общая стоимость не становится меньше	имеет право получить удовлетворение из стоимости заложенных товаров, а также право приостановить операции с заложенными товарами при нарушении залогодателем условий залога товаров в обороте
4. Мены	передает в собственность один товар в обмен на другой	передает в собственность один товар в обмен на другой
5. Товарного кредита	предоставляет другой стороне товары, определенные родовыми признаками	возвращает другой стороне равное количество полученных им вещей того же рода и качества
6. Хранения на товарном складе	передает товары другой стороне и выплачивает ей вознаграждение	за вознаграждение хранит товары и возвращает эти товары в сохранности другой стороне
7. Страхования	выплачивает обусловленную договором страховую премию <i>в отношении товаров</i>	за страховую премию при наступлении страхового случая выплатить другой стороне или иному лицу, в пользу которого заключен договор, страховое возмещение в пределах страховой суммы
8. Комиссии	передает путем поручения другой стороне право на совершение одной или нескольких сделок с товарами от имени такой стороны, но за свой счет	за вознаграждение совершает одну или несколько сделок с товарами от своего имени, но за счет другой стороны
9. Агентский	передает путем поручения другой стороне право на совершение юридических и иных действий от имени другой стороны, но за свой счет либо от своего имени и за свой счет	за вознаграждение совершать по поручению другой стороны юридические и иные действия от своего имени, но за счет другой стороны либо от имени и за счет другой стороны

Таким образом, по результатам анализа вышеуказанных институтов гражданского права можно сделать вывод, что товар является объектом, который передается в собственность от одной стороны к другой стороне посредством мены или купли-продажи (то есть на возмездной основе). Кроме того, товар также может являться предметом поставки товаров, залога товаров в обороте, товарного кредита, хранения на товарном складе, страхования, комиссии, а также агентского договора, которые предусматривают передачу отдельных видов прав собственности для достижения соответствующих целей в рамках обеспечения оборота этих товаров.

Таким образом, товар является любой вещью (любым движимым и приравненным к нему

недвижимым имуществом) с соблюдением правил оборотоспособности, которая передается или подлежит передаче от одного субъекта в собственность другому (посредством купли-продажи или мены).

С учетом вышеизложенного, определение понятия «товар» в таможенном праве отличается от гражданско-правового определения лишь в том, что в таможенном праве понятие «товар» неразрывно связано с фактом его перемещения через таможенную границу, а в гражданском праве – с фактом перехода на него права собственности. При этом родовое понятие «имущество» остается единым, гражданско-правовым, для обеих категорий.

Рисунок 1. Место правового понятия «товар» в объектах гражданских прав и понятия «товар» в таможенном праве

Совокупность норм, определяющих для целей таможенного регулирования условия и порядок использования товаров на таможенной территории ЕАЭС или за ее пределами, представляет собой таможенную процедуру (подпункт 34 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС).

В ТК ЕАЭС предусмотрены 17 таможенных процедур, каждая из которых предоставляет декларанту особый режим осуществления права собственности на товары (собственность декларанта), объем такого права (см. схему 2).

Объем права собственности напрямую зависит от размера предоставленных декларантом государству соответствующих благ и соблюдения требований этого государства, которые выражаются в уплате таможенных платежей; уплате специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин (иных мер защиты внутреннего рынка); соблюдении запретов и ограничений и др.

При этом при любых обстоятельствах в конечном счете декларант (собственник) стремится к приобретению (признанию государством) полного объема права собственности на его товары путем их помещения под таможенные процедуры: выпуска для внутреннего потребления (для иностранных товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС); экспорта (для товаров

Союза, вывозимых за пределы таможенной территории ЕАЭС); реэкспорта (для иностранных товаров, вывозимых за пределы таможенной территории ЕАЭС, товаров Союза, получивших такой статус при помещении под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления и вывозимых за пределы таможенной территории ЕАЭС по причине неисполнения условий сделки, на основании которой товары перемещались через таможенную границу Союза); реимпорта (для товаров Союза, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС).

Остальные таможенные процедуры, в свою очередь, используются в качестве «промежуточных», «переходных» для достижения тех или иных временных экономических и (или) формальных выгод (см. рисунок 2).

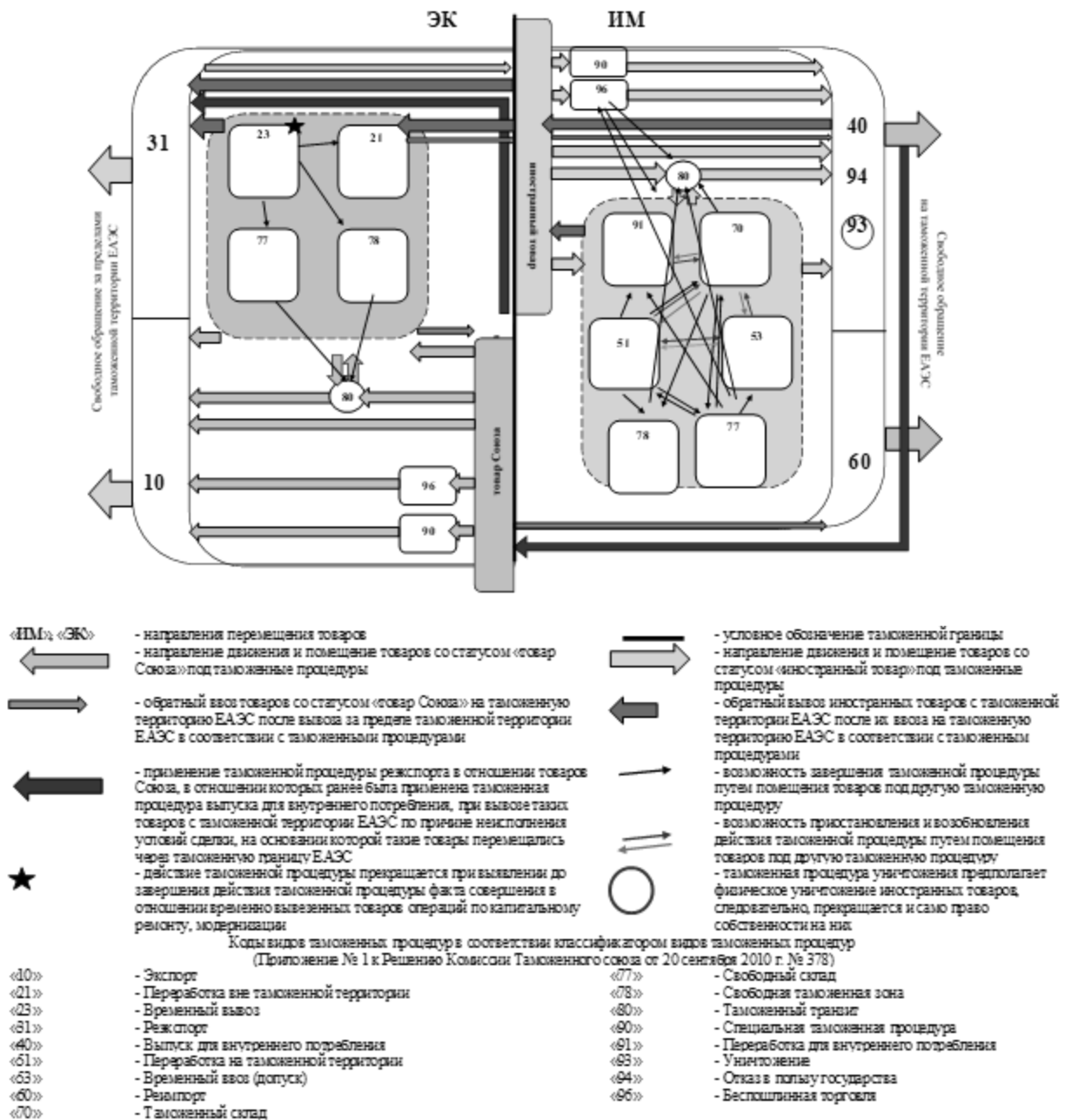

Рисунок 2 - Система таможенных процедур

Кроме того, прекращение действия таможенных процедур происходит вследствие прекращения права собственности (см. таблицу 2)

Таблица 2 - Прекращение права собственности как основание прекращения действия таможенных процедур

№	Основания прекращения права собственности (ГК РФ)	Основания прекращения действия таможенных процедур (ТК ЕАЭС)
1.	гибель имущества	
2.	уничтожение имущества	уничтожение имущества
3.		безвозвратная утрата товаров
4.		захоронение, обезвреживание, утилизация, уничтожение отходов
5.		признание товаров производственными потерями
6.		потребление товаров

Таким образом, институт права собственности и построение системы таможенных процедур имеют прямую взаимосвязь (см. таблицу 3). Право собственности признается и охраняется государством. При перемещении товаров через таможенную границу такие товары переходят из юрисдикции одного государства в юрисдикцию другого государства, следовательно, одно государство отказывается от признания и охраны права собственности на вывозимые товары, а другое государство, в свою очередь, признает и охраняет право собственности на уже ввезенные товары. При этом государство может признать (отказаться от признания) права собственности полностью или в части в зависимости от определенных условий. В соответствии с таким признанием или непризнанием применяются соответственно статусы товаров («товар Союза» или «иностранное товар»). При этом собственник стремится получить признание за ним права собственности в полном объеме, чем обусловлено наличие так называемых «завершающих» таможенных процедур.

Таблица 3 - Взаимосвязь права собственности и таможенных процедур

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ		Направление перемещения товаров Наименование таможенной процедуры		ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ	
ограничения по осуществлению	возможность передачи другим лицам	ЭКСПОРТ (товар Союза)	ИМПОРТ (иностранное товар)	возможность передачи другим лицам	ограничения по осуществлению
реализуется без ограничений		экспорт	выпуск для внутреннего потребления		реализуется без ограничений (за исключением в отношении условно выпущенных товаров)
			таможенный склад	может передаваться	- осматривать и измерять товары; - перемещать товары в пределах таможенного склада; - осуществлять подготовка товаров к продаже и др.
			переработка для	не передается	осуществляется

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ		Направление перемещения товаров Наименование таможенной процедуры		ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ	
ограничения по осуществлению	возможность передачи другим лицам	ЭКСПОРТ (товар Союза)	ИМПОРТ (иностранный товар)	возможность передачи другим лицам	ограничения по осуществлению
			внутреннего потребления		лицами, указанными в документе об условиях переработки товаров для внутреннего потребления: - переработка или обработка товаров; - изготовление товаров, включая монтаж, сборку и подгонку и др.
			уничтожение	прекращается	
			отказ в пользу государства	передается государству	
осуществляется лицами, указанными в документе об условиях переработки товаров вне таможенной территории: - переработку или обработку товаров; - изготовление товаров, включая монтаж, сборку, разборку и подгонку; - ремонт товаров, включая их восстановление, замену составных частей, модернизацию	не допускается	переработка вне таможенной территории	переработка на таможенной территории	не допускается	осуществляется лицами, указанными в документе об условиях переработки товаров на таможенной территории: - переработку или обработку товаров; - изготовление товаров, включая монтаж, сборку, разборку и подгонку; - ремонт товаров, включая их восстановление, замену составных частей, модернизацию и др.
реализуются без ограничений (товары со статусом «иностранные товары»)		реэкспорт	реимпорт	реализуются без ограничений (товары со статусом «товары Союза»)	
- операции, необходимые для	не допускается	временный вывоз	временный ввоз	не допускается	- операции, необходимые для

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ		Направление перемещения товаров Наименование таможенной процедуры		ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ	
ограничения по осуществлению	возможность передачи другим лицам	ЭКСПОРТ (товар Союза)	ИМПОРТ (иностранный товар)	возможность передачи другим лицам	ограничения по осуществлению
обеспечения сохранности товаров, включая ремонт, за исключением капитального ремонта, модернизации, технического обслуживания и иные операции					обеспечения сохранности товаров, включая ремонт, за исключением капитального ремонта, модернизации, технического обслуживания и иные операции
товары размещаются и (или) используются резидентами (участниками, субъектами) СЭЗ на территории СЭЗ в целях осуществления резидентами (участниками, субъектами) СЭЗ предпринимательской и иной деятельности в соответствии с соглашением (договором) об осуществлении (ведении) деятельности на территории СЭЗ: - хранение - операции по подготовке товаров к перевозке (транспортировке); - переработка (обработка), изготовление товаров и др.	допускается передача другим резидентами (участникам, субъектам) СЭЗ совместно с передачей обязанностей декларанта	свободная таможенная зона (СТЗ)		допускается передача другим резидентами (участникам, субъектам) СЭЗ совместно с передачей обязанностей декларанта	товары размещаются и (или) используются резидентами (участниками, субъектами) СЭЗ на территории СЭЗ в целях осуществления резидентами (участниками, субъектами) СЭЗ предпринимательской и иной деятельности в соответствии с соглашением (договором) об осуществлении (ведении) деятельности на территории СЭЗ: - хранение - операции по подготовке товаров к перевозке (транспортировке); - переработка (обработка), изготовление товаров и др.
использование товаров, помещенных под та-	допускается	свободный склад		допускается	использование товаров, помещенных под та-

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ		Направление перемещения товаров Наименование таможенной процедуры		ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ	
ограничения по осуществлению	возможность передачи другим лицам	ЭКСПОРТ (товар Союза)	ИМПОРТ (иностраннный товар)	возможность передачи другим лицам	ограничения по осуществлению
моженную процедуру свободного склада, декларантом, поместившим их под такую таможенную процедуру, либо иными лицами: - хранение - операции по подготовке товаров к перевозке (транспортировке); - переработка (обработка), изготовление товаров; использование (эксплуатация) оборудования; использование товаров в целях строительства и др.					моженную процедуру свободного склада, декларантом, поместившим их под такую таможенную процедуру, либо иными лицами: - хранение - операции по подготовке товаров к перевозке (транспортировке); - переработка (обработка), изготовление товаров; использование (эксплуатация) оборудования; использование товаров в целях строительства и др.
- нахождение в магазинах беспошлинной торговли; - реализация в розницу в магазинах беспошлинной торговли	допускается ограниченному кругу лиц	беспошлинная торговля		допускается ограниченному кругу лиц	- нахождение в магазинах беспошлинной торговли; - реализация в розницу в магазинах беспошлинной торговли
определяются Правительством Российской Федерации		специальная		определяются Правительством Российской Федерации	
- перевозка (транспортировка) товаров; - грузовые операции с товарами разрешаются с разрешения/после уведомления таможенного органа	не допускается	таможенный транзит		не допускается	- перевозка (транспортировка) товаров; - грузовые операции с товарами разрешаются с разрешения/после уведомления таможенного органа

Отдельного внимания заслуживает соотношение понятий «собственник» и «декларант» гражданского и таможенного законодательства соответственно. В соответствии с ГК РФ, как было указано ранее, собственником признается лицо, которому принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом, а также право по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц (статья 209 ГК РФ).

В соответствии с подпунктом 7 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС, декларант –лицо, которое декларирует товары либо от имени которого декларируются товары. Статья 83 ТК ЕАЭС более детально раскрывает содержание понятия «декларант» и соответственно устанавливает общий перечень лиц, которые вправе выступать в таком качестве, а именно лиц:

– либо уже имеющих права владения, пользования и (или) распоряжения товарами на момент их перемещения через таможенную границу (такое перемещение осуществляется не в рамках сделки),

– либо являющимся лицом государства – члена ЕАЭС и приобретающими такие права в отношении **иностранн**ых товаров **в рамках сделки** с иностранным лицом или лицом государств-члена.

Декларантами также вправе выступать иные специализированные субъекты, не являющиеся собственниками товаров, но имеющие в их отношении определенные полномочия (к примеру, экспедитор – при заявлении таможенной процедуры таможенного транзита; лицо, имеющее право владения и пользования товарами, – если товары перемещаются через таможенную границу ЕАЭС не в рамках сделки между иностранным лицом и лицом государства-члена, – при заявлении таможенной процедуры таможенного склада, таможенной процедуры временного ввоза (допуска), таможенной процедуры реэкспорта, специальной таможенной процедуры; перевозчик, в том числе таможенный перевозчик, – при заявлении таможенной процедуры таможенного транзита и др.).

Таким образом, анализ указанных и иных положений ТК ЕАЭС позволяет сделать вывод, что декларантом товаров выступают заинтересованные лица (как собственники, так и лица, не являющиеся собственниками товаров, но обладающими полномочиями в отношении товаров), способные нести обязанности и ответственность декларанта.

При этом главным таким полномочием выступает право распоряжения товаром, либо в отсутствие такого права – право пользования и владения таких товаров.

К примеру, Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ (пункт 1 статьи 126) устанавливал, что декларантом могут выступать любые лица, правомочные в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации распоряжаться товарами на таможенной территории Российской Федерации.

Декларант как специальный субъект таможенных правоотношений имеет права и обязанности, в том числе обязанность произвести таможенное декларирование товаров (подпункт 1 пункта 2 статьи 84 ТК ЕАЭС).

Между тем ТК ЕАЭС установлено, что от имени и по поручению декларанта таможенные операции (в том числе таможенное декларирование) вправе совершать таможенный представитель (абзац второй пункта 4 статьи 82, пункт 2 статьи 104 ТК ЕАЭС). При этом в случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта таможенный представитель несет с таким декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в

полном размере подлежащей исполнению обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин (пункт 3 статьи 122, пункт 4 статьи 405).

В настоящее время таможенный представитель не является декларантом (подпункт 44 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС). Между тем ретроспективный правовой анализ позволяет сделать вывод, что отождествление таких понятий на законодательном уровне имело место (к примеру, Таможенным кодексом Российской Федерации от 18 июня 1993 г. № 5221-І устанавливалось, что декларантом является как лицо, перемещающее товары, так и таможенный брокер (посредник), соответственно декларирующие, представляющие и предъявляющие товары и транспортные средства от собственного имени (пункт 10 статьи 18)).

Таким образом, в настоящее время в соответствии с нормами таможенного права декларантам является собственник товаров, как фактический, так и потенциальный, а также иные лица, обладающие полномочиями (то есть определенным, ограниченным объемом права собственности) в отношении таких товаров.

Институт права собственности имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Такое значение раскрывается на примере распределения ответственности между декларантом и таможенным представителем, посредством установления их солидарной обязанности по уплате пошлин, налогов (статья 405 ТК ЕАЭС), неисполнение или ненадлежащее исполнение которой является основанием для исключения таможенного представителя из соответствующего реестра (статья 403 ТК ЕАЭС). Таким образом, в отношении таможенного представителя возникает несоответствие между, с одной стороны, наличием у него солидарной обязанности по уплате пошлин, налогов, с другой стороны, отсутствия у него права собственности, каких-либо полномочий в отношении декларируемых товаров.

Указанное несоответствие на практике приводит к проблеме взаимодействия таможенного представителя с налоговыми органами, поскольку уплата таможенным представителем пошлин, налогов в рамках исполнения солидарной обязанности отражается в бухгалтерском балансе такого таможенного представителя, а декларируемые товары – не отражаются, соответственно такая уплата пошлин, налогов на практике служит основанием для инициирования налоговыми органами налоговой проверки, в том числе несмотря на то, что уплата производится в федеральный бюджет Российской Федерации.

Уплата пошлин, налогов в случае их доначисления таможенным органом при солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя затрагивает права и законные интересы обоих данных субъектов (как в отношении прямых финансовых издержек, так и деловой репутации таможенного представителя). Между тем право таможенного представителя для целей поддержания деловой репутации обжаловать уведомления таможенных органов по уплате пошлин, налогов, в случае уплаты декларантом пошлин, налогов, и его нежелании самостоятельно обжаловать такие уведомления, при таком отсутствии финансовых издержек у таможенного представителя существенно ограничено.

Заключение

В соответствии с вышеизложенным, под правом собственности следует понимать и нормативно закрепить не только совокупность прав собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом, а также совершать в отношении него любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и

охраняемые законом интересы других лиц, но и право осуществлять судебную и иную защиту прав и законных интересов, необходимость которой возникла в связи с фактом существования и использования указанного имущества, в том числе декларирования таких товаров для таможенных целей. Таким образом, таможенный представитель будет являться лицом, осуществляющим право собственности в ограниченном объеме в отношении товаров, то есть лицом, имеющим полномочия (в части защиты своих прав и законных интересов) в отношении товаров.

Иными словами, как субъект правоотношений должен обладать правосубъектностью, так и объект должен в полной мере обладать юридическим свойством являться в связи с фактом его существования и использования правовым основанием для возникновения, изменения, прекращения у лиц юридических прав и обязанностей, а также ответственности.

Библиография

1. Ем В.С. и др. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд., перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
2. Зайцев С.Ю. Ограничение и обременение права собственности // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 186-188.
3. Кондратенко З.К. Некоторые вопросы содержания конституционного права на частную собственность // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. № 3. С. 76-84.
4. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд. М.: Статут, 2010.
5. Honore T. Making Law Bind. Essays Legal and Philosophical. Oxford: Clarendon Press, 1987. 168 p.
6. Williams J. Principles of the law of real property. – BoD–Books on Demand, 2023.
7. Singer J. W. et al. Property Law: Rules, Policies, and Practices [Connected eBook with Study Center]. – Aspen Publishing, 2021.
8. Wenfei L. et al. The Value Orientation of Personality, Property and Right in Civil and Commercial Law.
9. Foss N. J. et al. Ownership competence // Strategic Management Journal. – 2021. – Т. 42. – №. 2. – С. 302-328.
10. Cohen F. S. Dialogue on private property // Private and Common Property. – Routledge, 2013. – С. 1-31.

Ownership in the system of customs procedures of Eurasian Economic Union

Anton A. Shkiperov

Member of the Committee on Customs Issues of LLC SME "OPORA RUSSIA",
CEO's Counselor,
Business partner associations
in the field of foreign economic activity (ADP VED),
127018, 16 p. 6, Sushchevsky Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Shkiperov@mail.ru

Anastasiya N. Kleimenova

PhD in Law,
Acting Head of the Department of customs law,
Russian Customs Academy,
140015, 4 Komsomol'skii ave., Lyubertsy, Russian Federation;
e-mail: Shkiperov@mail.ru

Aleksei A. Burygin

Expert of the Expert Group of the Public Council
under the Federal Customs Service of Russia;
Deputy General Director for Development,
LLC Scientific and Production Organization
"HYDRO-PRIVODSPETSMASH",
129327, 20/2, Komintern str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Shkiperov@mail.ru

Abstract

The authors substantiate the hypothesis that the system of customs procedures of the Eurasian Economic Union is built depending not only on the purposes of import and export of goods, determined primarily by the economic motives of the declarant, but also, to the greatest extent, on legal recognition (refusal of recognition) by the state for the declarant of ownership rights in full or in the relevant part. The distribution of the scope of legal recognition (refusal to recognize) by the state of such property rights for the declarant under certain conditions underlies the construction of a system of customs procedures. In accordance with the position of the authors, the declarant, when moving goods across the customs border, ultimately seeks recognition by the state of ownership rights in full, which determines the placement of such goods under final customs procedures. Based on the analysis, the authors draw conclusions about the direct relationship and interdependence of the institutions of "property rights," which belong to the branch of civil law, and the institution of "customs procedures," which belong to the branch of customs law.

For citation

Shkiperov A.A., Kleimenova A.N., Burygin A.A. (2024) Pravo sobstvennosti v sisteme tamozhennykh protsedur Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Ownership in the system of customs procedures of Eurasian Economic Union]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 106-121. DOI: 10.34670/AR.2024.39.95.018

Keywords

Goods, customs procedures, ownership, content of ownership, property.

References

1. Em V.S. et al. (2006) *Grazhdanskoe pravo. V 4 t. T. 1: Obshchaya chast'* [Civil law. In 4 volumes. Vol. 1: General part], 3th ed. Moscow: Volters Kluver Publ.
2. Honore T. (1987) *Making Law Bind. Essays Legal and Philosophical*. Oxford: Clarendon Press.
3. Kondratenko Z.K. (2015) Nekotorye voprosy soderzhaniya konstitutsionnogo prava na chastnyu sobstvennost' [Some issues of the content of the constitutional right to private property]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki»* [Bulletin of the Mari State University. Series "Historical Sciences. Legal sciences"], 3, pp. 76-84.
4. Sklovskii K.I. (2010) *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in civil law], 5th ed. Moscow: Statut Publ.
5. Zaitsev S.Yu. (2009) Ogranichenie i obremenenie prava sobstvennosti [Restriction and encumbrance of property rights]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of economics and legal practice], 5, pp. 186-188.
6. Williams, J. (2023). Principles of the law of real property. BoD—Books on Demand.
7. Singer, J. W., Berger, B. R., Davidson, N. M., & Penalver, E. M. (2021). Property Law: Rules, Policies, and Practices [Connected eBook with Study Center]. Aspen Publishing.

-
8. Wenfei, L., Bing, J., Haowei, F., & Pengfei, L. The Value Orientation of Personality, Property and Right in Civil and Commercial Law.
 9. Foss, N. J., Klein, P. G., Lien, L. B., Zellweger, T., & Zenger, T. (2021). Ownership competence. *Strategic Management Journal*, 42(2), 302-328.
 10. Cohen, F. S. (2013). Dialogue on private property. In *Private and Common Property* (pp. 1-31). Routledge.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.32.58.027

Статус персонала пенитенциарной сферы России в иерархии источников права

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры частного права,

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;

e-mail: novikov.pra vo@mail.ru

Аннотация

Представленный материал рассматривает правовой статус персонала уголовно-исполнительной системы России. В статье анализируются основные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы, их права и обязанности. Особое внимание уделено вопросам правового обеспечения деятельности персонала уголовно-исполнительной системы, а также вопросам ответственности сотрудников за нарушение законодательства в данной сфере. Рассматриваются как общие нормы, касающиеся всех сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы, так и специфические особенности, присущие отдельным категориям персонала. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования статуса и деятельности персонала уголовно-исполнительной системы в современных условиях. Правовая база статуса персонала уголовно-исполнительной системы России представляет собой сложную и многоуровневую иерархию источников права, нормативных правовых актов, регулирующих права и обязанности сотрудников и работников УИС.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Статус персонала пенитенциарной сферы России в иерархии источников права // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 122-129. DOI: 10.34670/AR.2024.32.58.027

Ключевые слова

Уголовно-исполнительная система, пенитенциарная сфера, персонал, сотрудники УИС, работники УИС, государственный гражданский служащий, нормативные правовые акты.

Введение

Основой правового статуса персонала уголовно-исполнительной системы является действующее законодательство Российской Федерации, в частности Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Трудовой кодекс РФ и другие нормативные правовые акты регуляторов, в том числе Минюст России и ФСИН России.

Вопросы правового статуса персонала уголовно-исполнительной системы России занимают ключевое место в обеспечении законности и правопорядка в пенитенциарной сфере. В Российской Федерации деятельность данной категории сотрудников и работников регулируется целым рядом нормативных правовых актов (далее – НПА), включая Федеральный закон «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 19.07.2018 № 197-ФЗ, который устанавливает правовые основы организационной структуры, полномочий и функций сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Основное содержание

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), определяет правовое положение гражданских служащих, в том числе и тех, кто не аттестован, но занимается узкопрофильными вопросами исполнения уголовных наказаний. Вышеприведенные законодательные акты формируют основу и принципы работы персонала УИС, что в свою очередь напрямую влияет на эффективность исполнения уголовных наказаний и соблюдение прав осужденных.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации, сотрудники уголовно-исполнительной системы имеют определенные права и несут обязанности, включая право на социальную защиту, медицинское обеспечение, профессиональное развитие ... В то же самое время, они обязаны соблюдать законы и правила, осуществлять контроль за осужденными и обеспечивать условия для их исполнения наказания.

Дополнительно, правовой статус персонала УИС определяется в соответствии с «Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ. Согласно данному НПА, к персоналу уголовно-исполнительной системы относятся не только сотрудники учреждений и органов УИС, но и лица, выполняющие задачи по охране, конвоированию и сопровождению осужденных.

Более детальное регулирование деятельности персонала уголовно-исполнительной системы осуществляется посредством Приказов и инструкций как Министерства юстиции Российской Федерации, так и Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), которые регламентируют квалификационные требования, профессиональные стандарты, условия труда, а также меры дисциплинарного воздействия и стимулирования.

Таким образом, основные права и обязанности, установленные для персонала уголовно-исполнительной системы, направлены не только на эффективное выполнение возложенных задач, но и на защиту прав осужденных, отражая общечеловеческие принципы справедливости и законности. Это создает необходимую правовую основу для функционирования уголовно-исполнительной системы как важного элемента государственной правовой системы, а конкретно уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

В Российской Федерации действует несколько ключевых нормативных актов, регулирующих правовой статус персонала уголовно-исполнительной системы. Основным из них является Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 04.08.2023) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», который определяет правовые, экономические и социальные основы служебной деятельности сотрудников. Данный закон устанавливает основные права, ответственность и порядок прохождения службы, включая квалификационные требования, порядок приема на службу, условия оплаты труда, а также обеспечение социальной и юридической защиты.

Стоит указать на законодательный акт коим является Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», отдельные статьи которого применимы к работникам уголовно-исполнительной системы в части обеспечения правопорядка и безопасности в местах лишения свободы.

В то же самое время, считаем необходимым упомянуть Приказ Минюста России от 06.06.2005 № 76 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы».

Персонал уголовно-исполнительной системы также руководствуется вышепоименованным Уголовно-исполнительным кодексом РФ, который определяет порядок и условий исполнения и отбывания наказаний, правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, определение средств исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения, виды и границы дисциплинарных взысканий для осужденных, охрану их прав, а также нормы, регламентирующие деятельность самих сотрудников.

Помимо этих законодательных актов, деятельность в сфере исполнения наказаний регламентируют иные нормативные правовые акты, в числе которых приказы, инструкции и циркуляры, издаваемые ФСИН России, направленные на регуляторную детализацию положений законодательства.

Вышепоименованные законодательные и регуляторные акты формируют комплексное правовое поле, обеспечивающее регулирование условий труда и обязанностей сотрудников, способствуя таким образом укреплению законности и правопорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы России подлежат особым правилам трудового права, что отражено в ряде НПА, включая вышепоименованный ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе...» и «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Особое внимание в правовом регулировании отводится условиям труда, гарантиям и компенсациям.

Согласно действующему законодательству, сотрудники учреждений ФСИН России имеют право на повышенные гарантии социальной защиты [Буквецкий, 2022], что включает дополнительные выплаты за работу в условиях повышенной опасности, обязательное страхование, обеспечение служебной формой и средствами индивидуальной защиты. Кроме того, они имеют право на предоставление служебного жилья, досрочное пенсионное обеспечение и получение единовременной социальной выплаты на покупку (строительство) жилья.

Трудовой распорядок уголовно-исполнительной системы также регламентирован специальными правилами, включающими ограничения и запреты на занятие некоторых видов деятельности, что обусловлено высокой степенью ответственности и необходимостью обеспечения безопасности. По этой же причине для сотрудников УИС предусмотрены дополнительные меры административного и дисциплинарного контроля.

Законодательное закрепление указанных аспектов обеспечивает не только права, но и обязанности сотрудников, направленные на строгое соблюдение регламентов порядка и требований безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Это, в свою очередь, способствует повышению эффективности и законности исполнения наказаний, что является ключевой задачей уголовно-исполнительной системы России.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы России обладают рядом правовых гарантий и социальных льгот, предусмотренных законодательством. В соответствии с Федеральным законом от 21 июля 1993 г. № 5473-1 "О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации" с последующими изменениями, основные гарантии включают защиту жизни и здоровья в период службы, выплаты компенсации при ущербе, полученном в связи с выполнением служебных обязанностей, а также право на специальные пенсии по выслуге лет.

Адекватное социальное страхование и предоставление медицинской помощи, прописанные в законодательных актах, поддерживают не только физическое, но и психологическое здоровье сотрудников. Работники имеют право на ежегодный оплачиваемый отпуск и дополнительные виды отпусков в связи с обучением и спортивной деятельностью.

Закон устанавливает также гарантии на обеспечение служебным жильем или компенсации связанные с арендой жильем при перемещении на службу в другую местность, что существенно поддерживает мобильность и готовность персонала к выполнению задач в различных регионах страны становление [Постановление Правительства РФ от 9 сентября 2016 г. № 894].

Важным аспектом является и право на получение образования, профессиональную переподготовку и повышение квалификации, которое способствует повышению эффективности действий сотрудников и соответствующему уровню квалификации, необходимому для выполнения служебных задач.

Таким образом, российское законодательство обеспечивает комплексный подход к социальной защите и правовым гарантиям для сотрудников уголовно-исполнительной системы, что способствует укреплению законности, обеспечению безопасности и поддержке правопорядка в стране.

В последние годы в контексте гуманизации уголовно-исполнительной политики России наметилась тенденция к усилению законодательного регулирования правового статуса персонала УИС. Несмотря на значительные успехи, существует ряд проблемных вопросов, регуляторного разрешений. В частности, недостаточно чётко регулирует вопросы повышения квалификации, социальной защиты сотрудников и их морально-психологической поддержки.

Главным образом, Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти...» подчеркивает необходимость улучшения условий труда, но его практическая реализация остается непропорциональной в субъектах Российской Федерации [Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 283-ФЗ].

В перспективе важно сосредоточить усилия на разработке и реализации новых ведомственных программ, направленных на совершенствование правового статуса и социальной защищенности персонала УИС. Особое внимание нужно уделить адаптации законодательства к современным реалиям, включая как вариант создание частных тюрем и внедрение цифровых технологий в пенитенциарную сферу.

Также следует акцентировать внимание на сублимации положительного международного опыта, который может дать новые направления для развития и изменения в российской юридической практике. Использование лучших практик поможет повысить не только профессионализм, но и общее качество работы уголовно-исполнительной системы России по правопослушному воспитанию спецконтингента.

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определяют структуру, права и обязанности неаттестованных работников (гражданский персонал) УИС, что в свою очередь, формирует основу для их профессиональной деятельности. Кроме того вышепоименованные НПА обеспечивают не только регламент и алгоритм действия персонала УИС, но защиту и социальную поддержку как сотрудников правоохранительных органов, так и работников государственной гражданской службы.

Заключение

Краткие итоги исследования правового статуса персонала УИС позволяют утверждать о значимости регуляторного воздействия на отечественную пенитенциарную сферу. Еще раз отметим значимое влияние НПА в обеспечении юридической защиты и социальной поддержки персонала УИС, что является неотъемлемой частью создания валеологически благоприятных условий для служебной деятельности.

В заключении исследования следует подчеркнуть значимость дальнейшего изучения и актуализации законодательной базы в контексте реализации реформ и модернизации уголовно-исполнительной системы России.

Библиография

1. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).
2. Федеральный закон «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 19.07.2018 № 197-ФЗ
3. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»
4. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция)
5. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
6. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ (последняя редакция)
7. Федеральный закон "О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 30.12.2012 N 283-ФЗ (последняя редакция)
8. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023)
9. Постановление Правительства РФ от 9 сентября 2016 г. № 894 "О порядке и размерах выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации, а также членам семей сотрудников указанных учреждений и органов, погибших (умерших) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в этих учреждениях и органах" (с изменениями и дополнениями)
10. Приказ Минюста России от 06.06.2005 № 76 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы»
11. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 19 августа 2019 г. № 688 «Об утверждении Квалификационных требований к стажу службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации или стажу (опыту) работы по специальности, образованию, профессиональным знаниям и навыкам сотрудника, необходимым для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»
12. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 10 октября 2023 г. № 654 «Об утверждении Служебного распорядка федеральных государственных гражданских служащих Федеральной службы исполнения наказаний»

13. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 5 июня 2008 г. № 379 «Об утверждении Порядка подготовки должностной инструкции работника уголовно-исполнительной системы»
14. Письмо Федеральной службы исполнения наказаний от 27 ноября 2023 г. № ОГ-7-78642 О работниках и сотрудниках уголовно-исполнительной системы РФ
15. Буквецкий, И. А. Система социальных гарантий сотрудника ФСИН / И. А. Буквецкий, Д. А. Демчук, М. С. Комаров // *Chronos*. – 2022. – Т. 7, № 4 (66). – С. 166-169. – EDN WGSVJY.
16. Денисов, А. Д. Некоторые предложения по снижению служебной нагрузки отдельных категорий сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / А. Д. Денисов, М. Р. Гилязетдинов // *Право и государство: теория и практика*. – 2023. – № 9(225). – С. 334-336. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_334. – EDN FYFNGS.
17. Газизулин, А. И. Особенности правового статуса сотрудников УИС / А. И. Газизулин // *Юридическая наука и практика : Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России*, Самара, 30 сентября – 10 октября 2019 года. Том 7, часть 2. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – С. 57-59. – EDN KCEUXL.
18. Каляшин, А. В. Федеральный государственный служащий, сотрудник уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: родовое и видовое соотношение понятий и терминологии / А. В. Каляшин // *Актуальные проблемы публичного права : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Владимир, 19–20 декабря 2019 года / Редколлегия: О.Н. Дядькин (пред.) [и др.]*. Том Выпуск 11. – Владимир: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Шерлок-Пресс", 2020. – С. 234-236. – EDN OAMRQF.
19. Карпунина, В. В. Правовой статус сотрудника УИС / В. В. Карпунина, К. А. Мещеряков // *Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч., Воронеж, 23 мая 2019 года. Том Часть 2*. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2019. – С. 57-58. – EDN THNEWY.
20. Максименко, М. В. Правовой статус персонала исправительных учреждений: история и современность / М. В. Максименко, А. А. Архипенко // *Вестник Пермского института ФСИН России*. – 2023. – № 3(50). – С. 69-78. – DOI 10.34988/2226-2326.2023.71.78.010. – EDN ВКНАЕФ.
21. Самиулина, Я. В. Некоторые вопросы правового регулирования обеспечения безопасности персонала уголовно-исполнительной системы / Я. В. Самиулина // *Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы Международной научно-практической межведомственной конференции, Самара, 16–17 июня 2016 года / Под общей редакцией А.А. Вотинова*. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – С. 547. – EDN WFOTJP.
22. Шукаева, Е. С. Соотношение отраслевых нормативных актов в системе регулирования правового статуса сотрудников УИС / Е. С. Шукаева // *Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества : Материалы XIX международной научно-практической конференции, Москва, 09–10 октября 2015 года / Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований"*. – Москва: Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований", 2015. – С. 107-111. – EDN UQEIKL.
23. Яковенко, А. И. Особенности правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы (УИС) / А. И. Яковенко // *Вопросы устойчивого развития общества*. – 2022. – № 10. – С. 112-115. – EDN EGIQLZ.

Status of Russian penitentiary personnel in the hierarchy of sources of law

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;

Chief Researcher,

Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;

Professor of the Department of Criminal Law, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;

Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material examines the legal status of personnel in the Russian penal system. The article analyzes the main regulatory legal acts regulating the activities of employees and employees of the penal system, their rights and responsibilities. Particular attention is paid to the issues of legal support for the activities of personnel of the penal system, as well as issues of responsibility of employees for violation of legislation in this area. We consider both general norms that apply to all employees and employees of the penal system, as well as specific features inherent in certain categories of personnel. The conclusion is made about the need to improve the legal regulation of the status and activities of personnel of the penal system in modern conditions. The legal basis for the status of personnel of the Russian penal system is a complex and multi-level hierarchy of sources of law, regulations governing the rights and responsibilities of employees and employees of the penal system.

For citation

Novikov A.V. (2024) Status personala penitentsiarnoi sfery Rossii v ierarkhii istochnikov prava [Status of Russian penitentiary personnel in the hierarchy of sources of law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 122-129. DOI: 10.34670/AR.2024.32.58.027

Keywords

Penal system, penitentiary sphere, personnel, penal system employees, penal system employees, civil servant, regulatory legal acts.

References

1. Zakon RF ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I «Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolneniyami).
2. Federal'nyy zakon «O sluzhbe v ugovolno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii "Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugovolnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody» ot 19.07.2018 № 197-FZ
3. Federal'nyy zakon ot 15.07.1995 № 103-FZ (red. ot 25.12.2023) «O sodержanii pod strazhey podozrevayemykh i obvinyayemykh v sovershenii prestupleniy»
4. Federal'nyy zakon «O politzii» ot 07.02.2011 № 3-FZ (poslednyaya redaktsiya)
5. Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79-FZ «O gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolneniyami)
6. Federal'nyy zakon «O sisteme gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii» ot 27.05.2003 № 58-FZ (poslednyaya redaktsiya)
7. Federal'nyy zakon "O sotsial'nykh garantiyakh sotrudnikam nekotorykh federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti i vnesenii izmeneniy v ot del'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii" ot 30.12.2012 N 283-FZ (poslednyaya redaktsiya)
8. «Ugovolno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 24.06.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.12.2023)
9. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 9 sentyabrya 2016 g. № 894 "O poryadke i razmerakh vyplaty denezhnoy kompensatsii za nayem (podnayem) zhilykh pomeshcheniy sotrudnikam uchrezhdeniy i organov ugovolno-ispolnitel'noy sistemy, organov prinuditel'nogo ispolneniya Rossiyskoy Federatsii federal'noy protivopozharnoy sluzhby Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby i tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii, a takzhe chlenam semey sotrudnikov ukazannykh uchrezhdeniy i organov, pogibshikh (umershikh) vsledstviye uvech'ya ili inogo povrezhdeniya zdoro v'ya, poluchennykh v svyazi s vypolneniyem sluzhebnykh obyazannostey, libo vsledstviye zabolovaniya, poluchennogo v period prokhozheniya sluzhby v etikh uchrezhdeniyakh i organakh" (s izmeneniyami i dopolneniyami)
10. Prikaz Minyusta Rossii ot 06.06.2005 № 76 (red. ot 09.08.2023) «Ob utverzhdenii Instruksii o poryadke primeneniya Polozheniya o sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii v uchrezhdeniyakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy»

11. Prikaz Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy ot 19 avgusta 2019 g. № 688 «Ob utverzhdenii Kvalifikatsionnykh trebovaniy k stazhu sluzhby v ugovolno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii ili stazhu (opytu) raboty po spetsialnosti, obrazovaniyu, professional'nym znaniyam i navykam sotrudnika, neobkhodimym dlya zameshcheniya dolzhnostey v ugovolno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii»
12. Prikaz Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy ot 10 oktyabrya 2023 g. № 654 «Ob utverzhdenii Sluzhebnoy rasporyadka federal'nykh gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy»
13. Prikaz Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy ot 5 iyunya 2008 g. № 379 «Ob utverzhdenii Poryadka podgotovki dolzhnostnoy instruktsii rabotnika ugovolno-ispolnitel'noy sistemy»
14. Pis'mo Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy ot 27 noyabrya 2023 g. N OG-7-78642 O rabotnikakh i sotrudnikakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy RF
15. Bukvetskiy, I. A. Sistema sotsial'nykh garantiy sotrudnika FSIN / I. A. Bukvetskiy, D. A. Demchuk, M. S. Komarov // *Chronos*. – 2022. – T. 7, № 4 (66). – S. 166-169. – EDN WGSVJY.
16. Denisov, A. D. Nekotoryye predlozheniya po snizheniyu sluzhebnoy nagruzki otdel'nykh kategoriy sotrudnikov uchrezhdeniy ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii / A. D. Denisov, M. R. Gilyazetdinov // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. – 2023. – № 9(225). – S. 334-336. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_334. – EDN FYFNGS.
17. Gazizulin, A. I. Osobennosti pravovogo statusa sotrudnikov UIS / A. I. Gazizulin // *Yuridicheskaya nauka i praktika : Al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii, Samara, 30 sentyabrya – 10 2019 goda. Tom 7, chast' 2*. – Samara: Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii, 2019. – S. 57-59. – EDN KCEUXL.
18. Kalyashin, A. V. Federal'nyy gosudarstvennyy sluzhashchiy, sotrudnik ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii: rodovoye i vidovoye sootnosheniye ponyatiy i terminologii / A. V. Kalyashin // *Aktual'nyye problemy publichnogo prava : Sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vladimir, 19–20 dekabrya 2019 goda / Redkollegiya: O.N. Dyad'kin (pred.) [i dr.]*. Tom Vypusk 11. – Vladimir: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "Sherlok-Press", 2020. – S. 234-236. – EDN OAMRQF.
19. Karpunina, V. V. Pravovoy status sotrudnika UIS / V. V. Karpunina, K. A. Meshcheryakov // *Aktual'nyye problemy deyatel'nosti podrazdeleniy UIS : sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 2 ch., Voronezh, 23 maya 2019 goda. Tom Chast' 2*. – Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr "Nauchnaya kniga", 2019. S. 57-58. – EDN THHEWY.
20. Maksimenko, M. V. Pravovoy status personala ispravitel'nykh uchrezhdeniy: istoriya i sovremennost' / M. V. Maksimenko, A. A. Arkhipenko // *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii*. – 2023. – № 3(50). – S. 69-78. – DOI 10.34988/2226-2326.2023.71.78.010. – EDN BKHAEF.
21. Samiulina, YA. V. Nekotoryye voprosy pravovogo regulirovaniya obespecheniya bezopasnosti personala ugovolno-ispolnitel'noy sistemy / YA. V. Samiulina // *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeystviye nauki i praktiki : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhvedomstvennoy konferentsii, Samara, 16–17 iyunya 2016 goda / Pod obshchey redaktsiyey A.A. Votnova*. – Samara: Samarskiy yuridicheskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2016. – S. 547. – EDN WFOTJP.
22. Shukayeva, Ye. S. Sootnosheniye otraslevykh normativnykh aktov v sisteme regulirovaniya pravovogo statusa sotrudnikov UIS / Ye. S. Shukayeva // *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo reformirovaniya sovremennoy gosudarstva i obshchestva : Materialy XIX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 09–10 oktyabrya 2015 goda / Nauchno-informatsionnyy izdatel'skiy tsentr "Institut strategicheskikh issledovaniy"*. – Moskva: Nauchno-informatsionnyy izdatel'skiy tsentr "Institut strategicheskikh issledovaniy", 2015. – S. 107-111. – EDN UQEIKL.
23. Yakovenko, A. I. Osobennosti pravovogo statusa sotrudnika ugovolno-ispolnitel'noy sistemy (UIS) / A. I. Yakovenko // *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva*. – 2022. – № 10. – S. 112-115. – EDN EGIQLZ

УДК 343.85

DOI: 10.34670/AR.2024.17.19.028

Проблемные аспекты правоприменения специальных средств сотрудниками караулов специальных подразделений УИС

Костарев Дмитрий Федорович

Старший преподаватель,
кафедра режима и охраны в УИС,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: dmitriperm@rambler.ru

Субботин Сергей Петрович

Старший преподаватель,
кафедра режима и охраны в УИС,
Самарский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
443022, Российская Федерация, Самара, ул. Рыльская, 24-в;
e-mail: wilcadet@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Действующее законодательство Российской Федерации в целях обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), пресечения

противоправных действий со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных, наделяет сотрудников УИС правом на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее – Закон РФ) закрепляет общие требования применения мер безопасности сотрудниками УИС, а также устанавливает конкретные ситуации для их применения, учитывая формальный уровень опасности. В представленном исследовании коллектив рассмотрел проблемные аспекты применения специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками специальных подразделений УИС, в т.ч. осуществляющих конвоирование железнодорожным транспортом. На практике возникает большое количество вопросов, связанных с алгоритмом применением огнестрельного оружия и специальных средств личным составом караула по конвоированию, как в случаях пресечения побегов так и иных противоправных действий, совершаемых конвоируемыми лицами, в связи с тем, что согласно Закону РФ огнестрельное оружие запрещается применять в местах значительного скопления людей. Безусловно, данное ограничение обоснованно, так как создается угроза причинения вреда жизни и здоровью случайным лицам, но с другой стороны, сотрудник караула по конвоированию утрачивает возможность предотвратить противоправные действия спецконтингента, а также подвергает себя опасности. Анализ нормативных правовых источников и конкретных ситуаций, возникавших при выполнении задач специальными подразделениями УИС по конвоированию на железнодорожном транспорте установил, что сотрудники личного состава караула по конвоированию дополнительно должны быть экипированы электрошоковыми устройствами. Изучив принципы работы и классификацию электрошоковых устройств, коллектив авторов убежден, что в качестве дополнительной экипировки стоит предложить дистанционные электрошоковые устройства нелетального действия. Полагаем, что данное нововведение положительно отразится на деятельности сотрудников специальных подразделений УИС по конвоированию, обеспечит их безопасность и исключит возможность причинения вреда случайным лицам, а также позволит эффективно пресекать противоправные действия конвоируемых лиц.

Для цитирования в научных исследованиях

Костарев Д.Ф., Субботин С.П., Новиков А.В., Слабая Д.Н. Проблемные аспекты правоприменения специальных средств сотрудниками караулов специальных подразделений УИС // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 130-140. DOI: 10.34670/AR.2024.17.19.028

Ключевые слова

Сотрудники специальных подразделений УИС по конвоированию, личный состав караула по конвоированию, спецконтингент, электрошоковые устройства нелетального действия, огнестрельное оружие, минимальный травматический эффект.

Введение

Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС): выполнение служебных задач, повседневных обязанностей протекает в условиях постоянного

напряжения и контакта со спецконтингентом, что в свою очередь напрямую связано с угрозой жизни и здоровью не только для самих сотрудников, но и для окружающих. Учитывая специфику деятельности, первостепенной целью сотрудников УИС выступает не только качественное и добросовестное выполнение поставленных задач и служебных обязанностей, но и обеспечение безопасности. Достижение данной цели осуществляется посредством закрепления в действующем законодательстве права сотрудников УИС на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [ФЗ «О службе в УИС»].

Особое место в структуре УИС занимают специальные подразделения по конвоированию, которые также наделены правом применения различных мер безопасности.

Конвоирование, в зависимости от способов, может осуществляться: пешим порядком, на автомобильном, воздушном, водном и железнодорожном транспорте, на нем и акцентируем большее внимание в настоящем исследовании.

Учитывая внутриведомственную статистику, необходимо сказать, что с 2018 г. наблюдается значительное снижение количество назначаемых караулов. Теперь следует рассмотреть данные, свидетельствующие о побегах и нападениях на личный состав караула, то есть ситуации, в которых сотрудник, входящий в состав караула по конвоированию, согласно действующего законодательства, имеет право применить огнестрельное оружие. Так, в 2018 году побегов допущено не было, отражено 1 нападение осужденного на сотрудника караула по конвоированию, в 2019 году побегов допущено не было, количество нападений на сотрудников специальных подразделений УИС по конвоированию составило – 4, в 2020 году было пресечено 2 покушения на побег осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в период их приема-сдачи на обменном пункте железнодорожной станции и отражено 2 нападения на сотрудников, в 2021 году ни побегов, ни нападений допущено не было [www], в 2022 году побегов допущено не было, количество отраженных нападений на сотрудников личного состава караула составило – 2.

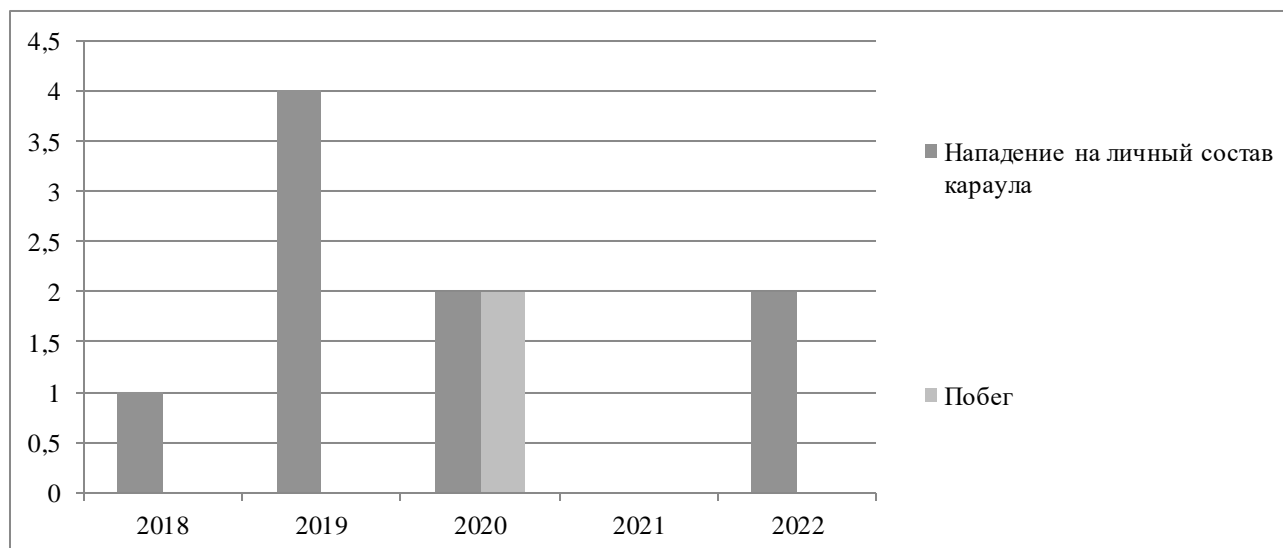

Рисунок 1 – Динамика нападений на личный состав караула и побегов

Рассмотренные статистические показатели, а точнее их динамика вызывает интерес в изучении проблемных аспектов реализации права сотрудников караулов по конвоированию на применение огнестрельного оружия при выполнении задач службы на железнодорожном транспорте.

Теоретические основы

Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее – Закон РФ) с изменениями и дополнениями, действующий в настоящее время, предусматривает отдельную главу V, определяющую общие требования, порядок и условия применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС. Стоит отметить, что в рассматриваемом законе устанавливаются конкретные ситуации и случаи, в которых должны применяться те или иные меры безопасности согласно формальному уровню опасности. Как правило, применение огнестрельного оружия выступает крайней мерой, и допускается в случаях, когда иные средства защиты являются неэффективными или же их применение невозможно.

Служебная деятельность специальных подразделений УИС по конвоированию построена на основе совместного Приказом Минюста России и МВД России «Об утверждении Инструкции по служебной деятельности специальных подразделений УИС по конвоированию», следует указать, что вышепоименованный Приказ от 24.05.2006 г. № 199 ДСП/ 369 ДСП, предназначен для служебного пользования. Согласно данному Приказу, структурные подразделения УИС – специальные подразделения УИС по конвоированию осуществляют конвоирование осужденных, подозреваемых и обвиняемых соответственно. На сегодняшний день законодателем не дано единого определения понятия «конвоирование», в связи с чем в настоящем исследовании указанный термин определим как комплекс обеспечительных и принудительных мероприятий, направленный на перемещение/сопровождение лиц, заключенных под стражу, и осужденных под охраной караулов.

Отмечая значимость конвоирования, Усеев Р. З. справедливо отметил, что конвоирование занимает особое место в реализации общественных отношений по поводу и в процессе исполнения и отбывания наказаний в виде лишения свободы [Усеев, 2019, с. 145].

Конвоирование на железнодорожном транспорте осуществляется по плановым маршрутам, которые открываются в соответствии с решением директора Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России), на основании заключения начальника территориального органа ФСИН России, по согласованию с центром специальных перевозок МВД России и управлением железной дороги.

Акцентируем внимание на авторское определение понятия «плановые маршруты». Плановые маршруты – это установленные в определенном порядке маршруты перемещения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, из следственных изоляторов, тюрем и исправительных учреждений в другие учреждения и обратно, с приемом и сдачей их на обменных пунктах. Обменными пунктами при конвоировании на железнодорожном транспорте выступают железнодорожные станции и вокзалы, которые в свою очередь являются местами большого скопления людей [Приказ Минюста России]. Например, согласно данным интернет-ресурсов, пассажиропоток ж/д вокзала «Ярославский», находящегося в г. Москва, в 2022 году составил 26 млн. пассажиров [<https://mzd.rzd.ru>].

Положения Закона РФ закрепляют следующее ограничение: сотрудник не имеет права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении людей, если в результате его применения могут пострадать случайные лица.

Таким образом, сотрудник, входящий в состав караула по конвоированию не имеет права применить огнестрельное оружие даже, если его жизни и здоровью угрожает опасность или в случаях, когда конвоируемые лица совершают противоправные действия – нападение на сотрудника, побег, так как находится в месте большого скопления людей [Шатилович, 2021].

На практике возникает большое количество случаев, когда в караулах по конвоированию возникает необходимость применения физической силы, специальных средств и в очень редких, специфических ситуациях огнестрельного оружия. К примеру, 27.10.2020 в 08:08 на ст. «Ярославль-Главный» около спецвагона на 5 пути платформы №3 в период проведения обмена спецконтингентом между встречным караулом и плановым караулом по железнодорожному маршруту «Нижний Новгород-Смоленск» осужденный С. попытался совершить побег способом «На рывок» в сторону железнодорожных путей, успел пробежать несколько метров, но был задержан сотрудниками с применением служебной собаки. В целях пресечения попытки побега применена физическая сила, спец.средство и наручники, а также служебная собака [<http://servin.kifsin.ru>, с. 22]. Хотя, п. 7 ст. 31.2 Закона РФ определяет, что огнестрельное оружие может быть применено для пресечения побега осужденного или лица, заключенного под стражу при их перемещении.

Приведем еще одну ситуацию: 29.07.2019 г. в 22:30 при проведении обмена осужденными и лицами, заключенными под стражу, на железнодорожной станции Армавир между плановым караулом по железнодорожному маршруту «Краснодар-Адлер», назначенным от ФКУ «Управление по конвоированию УФСИН России по Краснодарскому краю» и встречным караулом, назначенным от отдела охраны ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по Краснодарскому краю, совершил побег способом «На рывок» подследственный С. Непосредственное преследование бежавшего силами караулов положительного результата не дало [Дамбаева, 2021, с. 42].

Проанализировав приведенные выше ситуации, можно сделать вывод, что факт наличия огнестрельного оружия у сотрудников караулов, наряжаемых от специальных подразделений УИС по конвоированию, с учетом ограничений на его применение, не всегда приводит к эффективному его применению в целях обеспечения личной безопасности и предотвращению совершения противоправных действий со стороны конвоируемых лиц. Причем, некоторые конвоируемые лица, зная, что сотрудникам личного состава по конвоированию запрещено применять огнестрельное оружие в местах значительного скопления людей, могут воспользоваться данным фактом в целях совершения побегов или нападений. В связи с этим полагаем, что для эффективного выполнения задач службы составом караула по конвоированию необходимо расширить перечень специальных средств и приспособлений к ним.

Обоснованно считаем, что сотрудник караула специального подразделения УИС по конвоированию, в зависимости от должности или поста, которую данный сотрудник занимает или на который заступает, помимо огнестрельного оружия должен быть дополнительно экипирован электрошоковым устройством нелетального действия (далее – электрошокеры или ЭШУ), так как данные устройства позволяют нанести минимальный травматический эффект, что является обязательным условием применения мер безопасности.

На сегодняшний день электрошокеры активно используются сотрудниками полиции и вневедомственной охраны, а также обычными гражданами для самообороны. Электрошокеры – это устройства, воздействующие на живую цель при помощи электрического разряда определенного напряжения, основой которого является генератор электрических импульсов.

Прежде чем перейти к классификации электрошокеров, определим основные принципы их работы. Современные ЭШУ основываются на трех принципах воздействия:

во-первых, сначала человек поддается воздействию эффекту резкого оглушения, который возникает из-за передачи электрического возбуждения нервным клеткам, что вызывает не только острую боль, но и кратковременную дезориентацию;

во-вторых, электро-мускульное нарушение – получая электрический разряд, мышцы начинают непроизвольно сокращаться, что не позволяет оказать сопротивление;

в-третьих, психологическое воздействие, так как электрошокеры применяются неожиданно, с резкими громкими звуками, что вызывает кратковременный «ступор», а также страх.

Рассмотрим самую распространенную классификацию электрошокеров по расстоянию воздействия. Так, выделяют контактные и дистанционные электрошокеры. Отличаются данные устройства тем, что для действия контактного электрошокера необходимо прямое соприкосновение с целью, а дистанционные применяются на расстоянии.

Для начала дадим краткую характеристику контактными электрошокерам на примере боевого электрошокового устройства (ЭШУ-200), принятого на вооружении в МВД РФ. ЭШУ-200, помимо компактных размеров и легкого веса, обладает встроенной функцией автоматической отсечки времени, что в свою очередь увеличивает эффективность воздействия устройства, и при этом обеспечивает минимальный травматический урон. В качестве преимуществ рассматриваемых устройств также выделяют наличие микропроцессорной техники, которая контролирует электрический разряд, и вместе с тем производит фиксацию используемых параметров работы, которые можно проанализировать, подключив устройство к считывателю. Однако принцип действия ЭШУ-200 основан на прямом контакте с целью, в связи с чем, для сотрудников специальных подразделений УИС по конвоированию удобнее использовать дистанционные электрошокеры, так как в частых случаях осужденные на обменных пунктах во время приема или сдачи совершают побег способом «На рывок».

Дистанционные электрошоковые устройства, или как их общепринято называть – стреляющие, при приведении их в действие испускают острые поражающие электроды, которые способны пробить одежду человека, а также зацепиться за нее. Основу действия данных устройств составляют заправляемые картриджи, которые расходуются в процессе выстреливания электродов. В настоящее время существует большое количество разных видов картриджей. Обычный картридж можно заменить на сигнальный, который в свою очередь при выстреливании издает оглушительный звук, сопровождаемый яркой вспышкой света. Максимальное расстояние действия – 4,5 м, что опять же подтверждает их эффективность в случаях пресечения побегов осужденных на обменных пунктах. Причем, стоит отметить, что дистанционные модели можно применять не только с расстояния, но и в прямом прикосновении к цели – по принципу использования контактного электрошокера.

Таким образом, проанализировав несколько видов электрошокеров, мы пришли к выводу, что в качестве дополнительной экипировки сотрудников личного состава по конвоированию должны выступать именно дистанционные электрошоковые устройства. Руководители конвойных подразделений отмечают, что более целесообразно использовать электрошокер при несении службы часовым на посту №3 в тамбуре специального вагона и при выводе в специальном вагоне осужденных и лиц, заключенных под стражу в туалет.

Некоторые сотрудники убеждены, что начальнику караула нецелесообразно иметь огнестрельное оружие, ровно как и его помощнику, осуществляющему вывод конвоируемых

лиц в туалет, так как в случае нападения на сотрудника возможно завладение его оружием, также следует учесть ограничение на применение огнестрельного оружия в местах значительного скопления людей [Дечкин, 2017].

В данном конкретном случае возникает дилемма: если применение огнестрельного оружия сотрудниками личного состава караула по конвоированию, выполняющего служебные задачи на железнодорожном транспорте, нецелесообразно, возможно ли полностью снять его с вооружения и заменить на электрошокеры? Коллектив авторов настоящего исследования обоснованно считает, что электрошокеры должны быть как раз таки дополнительным средством экипировки, потому что замена огнестрельного оружия отразится на правовом статусе сотрудников караулов, наряжаемых от специальных подразделений УИС по конвоированию, приравняв его к правовому статусу сотрудников частных охранных предприятий.

Заключение

Учитывая все вышеизложенное, введение в качестве дополнительной экипировки отдельных сотрудников состава караула по конвоированию электрошоковых устройств положительно скажется на выполнении задач службы сотрудниками УИС по конвоированию, так как это позволит обеспечить личную безопасность, а также своевременно, эффективно и гуманно пресечь противоправные действия со стороны осужденных, нанося им минимальный травматический эффект, при том, что исключается возможность причинения вреда жизни и здоровью случайным третьим лицам.

Библиография

1. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 "Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации" (с изменениями на 25 декабря 2023 года): <https://docs.cntd.ru/document/9028977/titles/64U0IK?ysclid=lub06btvtq608021939>
2. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ "О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" (с изменениями и дополнениями): <https://base.garant.ru/71992738/b6e02e45ca70d110df0019b9fe339c70/?ysclid=lub0tjd4dd18120554>
3. Приказ Минюста России от 04.09.2006 N 279 (ред. от 17.06.2013) Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы
4. Интернет-источник:
https://c2320.c.3072.ru/pluginfile.php/52184/mod_page/content/5/%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%94.%D0%AE.pdf
5. Интернет-источник: <http://serv-in.kifs.in.ru:8081/diplom/uploads/o2022/Novikov%20A.pdf>
6. Алексеев, А. Н. Служебные документы Караулов специальных подразделений УИС по конвоированию / А. Н. Алексеев // Проблемы и перспективы развития специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию, Пермь, 31 января 2020 года / Отв. редактор В.Г. Зарубский. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 4-9. – EDN XDYQWB.
7. Баранов А.Н. К вопросу предупреждения правонарушений, связанных с побегами из ИУ, СИЗО и при конвоировании: оперативно-розыскной аспект // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/02/88725>
8. Ворошук, В. Б. Некоторые аспекты применения специальных средств сотрудниками специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию при осуществлении конвоирования / В. Б. Ворошук // VI Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление" : Сборник тезисов выступлений и докладов участников форума (приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 "Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации"), Рязань, 15–17 ноября 2023 года. – Академия

- ФСИН России: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 116-122. EDN FPIWYO.
9. Дамбаева, Л. Б. Обеспечение надежной охраны конвоируемых лиц и качество несения службы в караулах по конвоированию / Л. Б. Дамбаева // Проблемы и перспективы развития специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию, Пермь, 29 января 2021 года / Отв. редактор А.Г. Емельянова. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 39-44. – EDN FYAUJK.
 10. Дечкин О.М. Предупреждение побегов из мест лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. Межрег. научн-практ. конф., Томск 20-21 апреля 2017 г. / под общ. ред. Заслуженного юриста РФ, д.ю.н., проф. В.А. Уткина. Выпуск 5; Томский ИПКР ФСИН России. – Томск: Изд-во ООО «Офсет ЦЕНТР», 2017. – С.42–46
 11. Зарубский, В. Г. Актуальные вопросы применения технических средств охраны и специальных средств в деятельности специальных подразделений уис по конвоированию / В. Г. Зарубский, А. С. Бондарчук // Проблемы и перспективы развития специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию, Пермь, 25 января 2019 года / Ответственный редактор В.Г. Зарубский. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 44-50. – EDN YJHUXC.
 12. Игнатъев, А. М. Обеспечение безопасности при реализации отдельных мероприятий в процессе конвоирования / А. М. Игнатъев // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2(23). – С. 385-388. – EDN XULVED.
 13. Каштанова, А. О. Обеспечение личной безопасности при конвоировании отдельных категорий осужденных железнодорожным и автомобильным транспортом (на примере осужденных-женщин, имеющих при себе детей до 3-х лет) / А. О. Каштанова // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 4(167). – С. 349-350. – EDN YNYHRW.
 14. Новиков, А. В. Побег из мест заключения под стражу, как психологическая проблема / А. В. Новиков, Д. Е. Дикопольцев, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11, № 6-1. – С. 199-206. – DOI 10.34670/AR.2023.50.70.022. – EDN ZSHKWP.
 15. Лидером по пассажиропотоку на столичных ж/д вокзалах в 2022 году стал Ярославский [Электронный ресурс]// Информационный центр МЖД – URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/3752/page/78314?id=207606> (дата обращения: 01.10.2023).
 16. Попова, Н. А. Криминалистическая характеристика побегов из исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы / Н. А. Попова, В. А. Тимофеев // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы : Материалы научных мероприятий, Псков, 02 ноября – 14 2018 года. – Псков: Псковский филиал Академии Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 62-67. – EDN VTLPIL.
 17. Усеев Р.З. Безопасность перемещения осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. - № 14, 2019. – С. 144–150.
 18. Шатилович, С. Н. Вопросы правовой регламентации применения сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти / С. Н. Шатилович, В. И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1(55). – С. 60-70. – EDN GLISDA.

Problematic aspects of the enforcement of special means by guards of special units of the penal system

Dmitrii F. Kostarev

Senior Lecturer,
Department of Regime and Security in the Penal Enforcement System,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: dmitriperm@rambler.ru

Sergei P. Subbotin

Senior Lecturer,
Department of Regime and Security in the Penal Enforcement System,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
443022, 24-v, Rylskaya str., Samara, Russian Federation;
e-mail: wildcadet@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The current legislation of the Russian Federation, in order to ensure the safety of employees of the penal system (hereinafter referred to as the penal system), suppression of illegal actions on the part of suspects, accused and convicted persons, gives penal system employees the right to use physical force, special means and firearms. Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-1 "On institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation" (hereinafter referred to as the Law of the Russian Federation) establishes general requirements for the use of security measures by employees of the penal system, and also establishes specific situations for their use, taking into account the formal level of danger. In the presented study, the team examined the problematic aspects of the use of special means and firearms by employees of special units of the penal system, incl. carrying out conveying by rail. In practice, a large number of questions arise related to the algorithm for the use of firearms and special means by escort guard personnel, both in cases of suppressing escapes and other illegal actions committed by escorted persons, due to the fact that, according to the Law of the Russian Federation, the use of firearms is prohibited in places with significant crowds of people. Of course, this restriction is justified, since it creates a threat of harm to the life and health of random persons, but on the other hand, the escort guard officer loses the opportunity to prevent illegal actions of the special contingent, and also exposes himself to danger. An analysis of regulatory legal sources and specific situations that arose when performing tasks by special units of the penal system for conveying on railway transport established that convoy guard

personnel must additionally be equipped with electric shock devices. Having studied the principles of operation and classification of electroshock devices, the team of authors is convinced that it is worth offering remote non-lethal electroshock devices as additional equipment. We believe that this innovation will have a positive impact on the activities of employees of special escort units of the penal system, will ensure their safety and eliminate the possibility of causing harm to random persons, and will also make it possible to effectively suppress illegal actions of escorted persons.

For citation

Kostarev D.F., Subbotin S.P., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2024) Problemnye aspekty pravoprimereniya spetsial'nykh sredstv sotrudnikami karaulov spetsial'nykh podrazdelenii UIS [Problematic aspects of the enforcement of special means by guards of special units of the penal system]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 130-140. DOI: 10.34670/AR.2024.17.19.028

Keywords

Employees of special convoy units of the penal system, convoy guard personnel, special contingent, non-lethal electroshock devices, firearms, minimal traumatic effect.

References

1. Zakon RF ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii" (s izmeneniyami na 25 dekabrya 2023 goda): <https://docs.cntd.ru/document/9028977/titles/64U0IK?ysclid=lub06btvq608021939>
2. Federal'nyy zakon ot 19 iyulya 2018 g. № 197-FZ "O sluzhbe v ugovolno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii "Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugovolnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody" (s izmeneniyami i dopolneniyami): <https://base.garant.ru/71992738/b6e02e45ca70d110df0019b9fe339c70/?ysclid=lub0tjd4dd18120554>
3. Prikaz Minyusta Rossii ot 04.09.2006 N 279 (red. ot 17.06.2013) Ob utverzhdenii Nastavleniya po oborudovaniyu inzhenerno-tehnicheskimi sredstvami okhrany i nadzora ob"yektov ugovolno-ispolnitel'noy sistemy
4. Internet-istochnik: https://c2320.c.3072.ru/pluginfile.php/52184/mod_page/content/5/%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%94.%D0%AE.pdf
5. Internet-istochnik: <http://serv-in.kifs.in.ru:8081/diplom/uploads/o2022/Novikov%20A.pdf>
6. Alekseyev, A. N. Sluzhebnyye dokumenty Karaulov spetsial'nykh podrazdeleniy UIS po konvoirovaniyu / A. N. Alekseyev // Problemy i perspektivy razvitiya spetsial'nykh podrazdeleniy ugovolno-ispolnitel'noy sistemy po konvoirovaniyu : Sbornik materialov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu spetsial'nykh podrazdeleniy ugovolno-ispolnitel'noy sistemy po konvoirovaniyu, Perm', 31 yanvarya 2020 goda / Otv. redaktor V.G. Zarubskiy. – Perm': Permskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2020. – S. 4-9. – EDN XDYQWB.
7. Baranov A.N. K voprosu preduprezhdeniya pravonarusheniy, svyazannykh s pobegami iz IU, SIZO i pri konvoirovanii: operativno-rozysknoy aspekt // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii. 2019. № 2 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/02/88725>
8. Voroshchuk, V. B. Nekotoryye aspekty primeneniya spetsial'nykh sredstv sotrudnikami spetsial'nykh podrazdeleniy ugovolno-ispolnitel'noy sistemy po konvoirovaniyu pri osushchestvlenii konvoirovaniya / V. B. Voroshchuk // VI Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum "Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye" : Sbornik tezisev vystupleniy i dokladov uchastnikov foruma (priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i Zakona Rossiyskoy Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii"), Ryazan', 15–17 noyabrya 2023 goda. – Akademiya FSIN Rossii: Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2023. – S. 116-122. – EDN FPIWYO.
9. Dambayeva, L. B. Obespecheniye nadezhnoy okhrany konvoiryemykh lits i kachestvo neseniya sluzhby v karaulakh po konvoirovaniyu / L. B. Dambayeva // Problemy i perspektivy razvitiya spetsial'nykh podrazdeleniy ugovolno-ispolnitel'noy sistemy po konvoirovaniyu : Sbornik materialov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu spetsial'nykh podrazdeleniy ugovolno-ispolnitel'noy sistemy po konvoirovaniyu, Perm', 29 yanvarya 2021 goda / Otv. redaktor A.G. Yem'yanova. – Perm': Permskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2021. – S. 39-44. – EDN FYAUJK.

10. Dechkin O.M. Preduprezhdeniye pobegov iz mest lisheniya svobody // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo: mater. Mezhhreg. nauchn-prakt. konf., Tomsk 20-21 aprelya 2017 g. / pod obshch. red. Zasluzhennogo yurista RF, d.yu.n., prof. V.A. Utkina. Vypusk 5; Tomskiy IPKR FSIN Rossii. – Tomsk: Izd-vo OOO «Ofset TSENTR», 2017. – S.42–46
11. Zarubskiy, V. G. Aktual'nyye voprosy primeneniya tekhnicheskikh sredstv okhrany i spetsial'nykh sredstv v deyatelnosti spetsial'nykh podrazdeleniy uis po konvoirovaniyu / V. G. Zarubskiy, A. S. Bondarchuk // Problemy i perspektivy razvitiya spetsial'nykh podrazdeleniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy po konvoirovaniyu : sbornik materialov vs Rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu spetsial'nykh podrazdeleniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy po konvoirovaniyu, Perm', 25 yanvarya 2019 goda / Otvetstvennyy redaktor V.G. Zarubskiy. – Perm': Permskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2019. – S. 44-50. – EDN YJHUXC.
12. Ignat'yev, A. M. Obespecheniye bezopasnosti pri realizatsii ot del'nykh meropriyatiy v protsesse konvoirovaniya / A. M. Ignat'yev // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal. – 2018. – T. 7, № 2(23). – S. 385-388. – EDN XULVED.
13. Kashtanova, A. O. Obespecheniye lichnoy bezopasnosti pri konvoirovanii ot del'nykh kategoriy osuzhdennykh zheleznodorozhnym i avtomobil'nyim transportom (na primere osuzhdennykh-zhenshchin, imeyushchikh pri sebe detey do 3-kh let) / A. O. Kashtanova // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2022. – № 4(167). – S. 349-350. – EDN YHYHRW.
14. Novikov, A. V. Pobeg iz mest zaklyucheniya pod strazhu, kak psikhologicheskaya problema / A. V. Novikov, D. Ye. Dikopol'tsev, D. N. Slabkaya // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. – 2022. – T. 11, № 6-1. – S. 199-206. – DOI 10.34670/AR.2023.50.70.022. – EDN ZSHKWP.
15. Liderom po passazhiropotoku na stolichnykh zh/d vokzalakh v 2022 godu stal Yaroslavskiy [Elektronnyy resurs] // Informatsionnyy tsentr MZHD – URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/3752/page/78314?id=207606> (data obrashcheniya: 01.10.2023).
16. Popova, N. A. Kriminalisticheskaya kharakteristika pobegov iz ispravitel'nykh uchrezhdeniy i sledstvennykh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy / N. A. Popova, V. A. Timofeyev // Funktsionirovaniye uchrezhdeniy i organov, ispolnyayushchikh ugolovnyye nakazaniya, v usloviyakh reformirovaniya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy : Materialy nauchnykh meropriyatiy, Pskov, 02 noyabrya – 14 2018 goda. – Pskov: Pskovskiy filial Akademii Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2018. – S. 62-67. – EDN VTLPIIL.
17. Useyev R.Z. Bezopasnost' peremeshcheniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody // Ugolovno-ispolnitel'noye pravo. - № 14, 2019. – S. 144–150.
18. Shatilovich, S. N. Voprosy pravovoy reglamentatsii primeneniya sotrudnikami okhranno-konvoynykh podrazdeleniy politzii fizicheskoy sily, spetsial'nykh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya v sostoyanii neobkhodimoy oborony v sluchaye prichineniya napadavshemu litsu vreda zdorov'yu libo smerti / S. N. Shatilovich, V. I. Morozov // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2021. – № 1(55). – S. 60-70. – EDN GLISD

УДК 35.087.411

DOI: 10.34670/AR.2024.83.91.039

Об оплате труда и должностях федеральной государственной гражданской службы

Орлов Юрий Юрьевич

Ассистент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49;
e-mail: orlov.yu.yu@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих, реестра должностей федеральной государственной гражданской службы. Дается описательная характеристика формирования оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих, отраженная в законодательстве Российской Федерации. Представлены результаты анализа структуры реестра должностей федеральной государственной гражданской службы, гарантированной части оплаты труда при замещении должностей указанных в нем.

Для цитирования в научных исследованиях

Орлов Ю.Ю. Об оплате труда и должностях федеральной государственной гражданской службы // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 141-158. DOI: 10.34670/AR.2024.83.91.039

Ключевые слова

Должностной оклад, денежное содержание, оплата труда, выплаты госслужащим, должности госслужащих, сравнительный анализ, реестр должностей.

Введение

Система государственной и муниципальной службы в целом, а также система оплаты труда в частности на системной основе выступают в качестве предмета исследования научного сообщества [Чевтаева, 2018, 7; Численность и оплата труда федеральных государственных гражданских служащих в условиях внедрения программно-целевых и проектных методов, 2018, 37; Чекин, 2014, 38] Размер оплаты труда, в свою очередь, является доминирующим и основным видом стимулирования профессиональной служебной деятельности государственных служащих, а совершенствование системы оплаты труда определяется высшим руководством Российской Федерации как один из существенных этапов комплексного развития государственной службы [Указ Президента Российской Федерации от 24 июня 2019 г. № 288, www].

Целью настоящей работы выступает анализ структуры реестра должностей федеральной государственной гражданской службы и оплаты труда при их замещении.

Актуальность выбранной темы обуславливается существующим запросом в области анализа и мониторинга заработной платы [Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства: поручение Президента РФ от 8 марта 2021 г. № Пр-366, www]. Так, Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации прорабатывается возможность мониторинга систем оплаты труда работников государственных (муниципальных) учреждений, что позволит проводить отраслевой анализ фактически выплаченной работникам заработной платы [Проект «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования», www]. Также статистику в области оплаты труда аккумулирует и публикует Федеральная служба государственной статистики, однако стоит заметить, что публичная статистика оплаты труда государственных служащих представляется в укрупненно-усредненном виде и выражается в среднемесечной номинальной начисленной заработной плате. В рамках нашей работы мы получили данные по гарантированной части оплаты труда государственных служащих, позволяющие провести анализ реестра должностей федеральной государственной гражданской службы и оплаты труда при их замещении.

Основное содержание

Учитывая, что в систему государственной службы включена государственная гражданская служба (федеральная, региональная), военная служба, а также государственная служба иных видов, мы в рамках настоящей статьи проводим анализ оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих (далее – ФГГС).

1. Несмотря на то, что структура оплаты труда государственных гражданских служащих изложена в статье 50 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о госслужбе), сама норма дает только структурное представление о составе денежного содержания и носит отсылочный характер. Рассматривая структуру оплаты, описанную в статье 50 Закона о госслужбе, мы можем изложить ее в качестве формулы:

$$ДС = O_{дс} + ЕДВ$$

$$O_{дс} = MO_{д} + MO_{кч}$$

$$ЕДВ = НВС + ОУС + НГТ + ЕДП$$

где:

ДС – денежное содержание;

$O_{дс}$ – оклад денежного содержания;

$MO_{д}$ – месячный оклад гражданского служащего по замещаемой им должности (далее – должностной оклад);

$MO_{кч}$ – месячный оклад гражданского служащего в соответствии с присвоенным ему классным чином (далее – оклад за классный чин);

ЕДВ – ежемесячные дополнительные выплаты (рассчитываются исходя из должностного оклада);

НВС – надбавка за выслугу лет;

ОУС – надбавка за особые условия гражданской службы (в статье указан только ее максимальный размер);

НГТ – надбавка за работу со сведениями составляющими государственную тайну;

ЕДП – ежемесячное денежное поощрение.

В указанную выше формулу не включалась единовременная выплата при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска и материальная помощь, так как они носят эпизодический характер, а также премии, размер которых определяется персонально, на основании оценки руководителем результатов работы служащего.

Отдельно отметим, что единовременная выплата при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска рассчитывалась, в отличии от указанных выше ежемесячных дополнительных выплат, исходя из оклада денежного содержания.

Нормативными правовыми актами, обращение к которым нам необходимо для проведения анализа, являются Указ Президента Российской Федерации от 25.07.2006 № 763 «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих» (далее – Указ об окладах), а также Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2005 № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» (далее – Указ о реестре должностей), которые определяют размеры должностных окладов и номенклатуру реестра должностей ФГГС.

Данные нормативные правовые акты дают нам более детальное понимание структуры денежного содержания. Так, Указ о реестре должностей показывает нам их структуру, которая включает кроме разделов (видов государственных органов федерального уровня), категории и группы должностей. Указ об окладах подробно раскрывает такую информацию, как размер должностного оклада по конкретной должности, размер ежемесячного денежного поощрения, размеры окладов за классный чин, размер надбавки к должностному окладу за особые условия гражданской службы в разрезе групп должностей и типа органа (центральный аппарат, территориальный орган). Также отметим, что, в соответствии с законодательством, классные чины также присваиваются в соответствии с группой должностей, к которой принадлежит замещаемая должность.

Так как должностные оклады ФГГС Администрации Президента Российской Федерации,

Аппарата Правительства Российской Федерации, Счетной палаты Российской Федерации устанавливаются равным соответствующим окладам должностей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, то также будут учитываться при анализе оклады по типовым воинским должностям и воинским званиям, определенные постановлением Правительства Российской Федерации от 05.12.2011 № 992 «Об установлении окладов денежного содержания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту».

Анализ оплаты труда государственных служащих будет проводиться в отношении блока федеральных государственных служащих. При расчетах учитываются оклады по должности и за классный чин, а также надбавки за особые условия гражданской службы и ежемесячное денежное поощрение, так как данные составляющие оплаты труда встречаются у всей номенклатуры реестра должностей ФГГС, дополнительно будет учитываться индексация окладов месячного денежного содержания ФГГС и денежного довольствия военнослужащих.

2. Структура реестра должностей ФГГС устанавливает перечень должностей в федеральных государственных органах Российской Федерации. В целях упрощения работы с визуальной информацией мы будем использовать только номера разделов, в свою очередь, полное название разделов, согласно приложению, утвержденному Указом о реестре должностей, приведено в таблице 1.

Таблица 1 - «Расшифровка разделов реестра должностей ФГГС»

Раздел	Наименование федерального государственного органа (группы органов)
Раздел 01	Администрация Президента Российской Федерации
Раздел 02	Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
Раздел 03	Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
Раздел 04	Аппарат Правительства Российской Федерации
Раздел 05	Федеральные министерства
Раздел 06	Управление делами Президента Российской Федерации
Раздел 07	Главное управления специальных программ Президента Российской Федерации
Раздел 08	Федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации или Правительство Российской Федерации
Раздел 08.1	Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации
Раздел 09	Федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные федеральным министерствам
Раздел 10	Представительства Российской Федерации, представительства федеральных органов исполнительной власти за рубежом
Раздел 11	Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти
Раздел 12	Центральный аппарат Министерства иностранных дел Российской Федерации, дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации
Раздел 13	Аппарат Конституционного Суда Российской Федерации
Раздел 13.1	Аппарат Верховного Суда Российской Федерации
Раздел 14	Аппараты федеральных судов общей юрисдикции
Раздел 15.1	Аппараты арбитражных судов Российской Федерации
Раздел 16.1	Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации
Раздел 17	Прокуратура Российской Федерации
Раздел 17.1	Следственный комитет Российской Федерации
Раздел 18	Счетная палата Российской Федерации
Раздел 19	Аппарат Центральной избирательной комиссии Российской Федерации
Раздел 20	Рабочий аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации
Раздел 21	Федеральная служба по техническому и экспортному контролю, Федеральная служба по

Раздел	Наименование федерального государственного органа (группы органов)
	военно-техническому сотрудничеству
Раздел 22	Государственные органы Правительства Российской Федерации, государственные органы при Правительстве Российской Федерации
Раздел 23	Органы публичной власти и территориальная избирательная комиссия федеральной территории «Сириус»

(Источник данных: Реестр должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2005 № 1574)

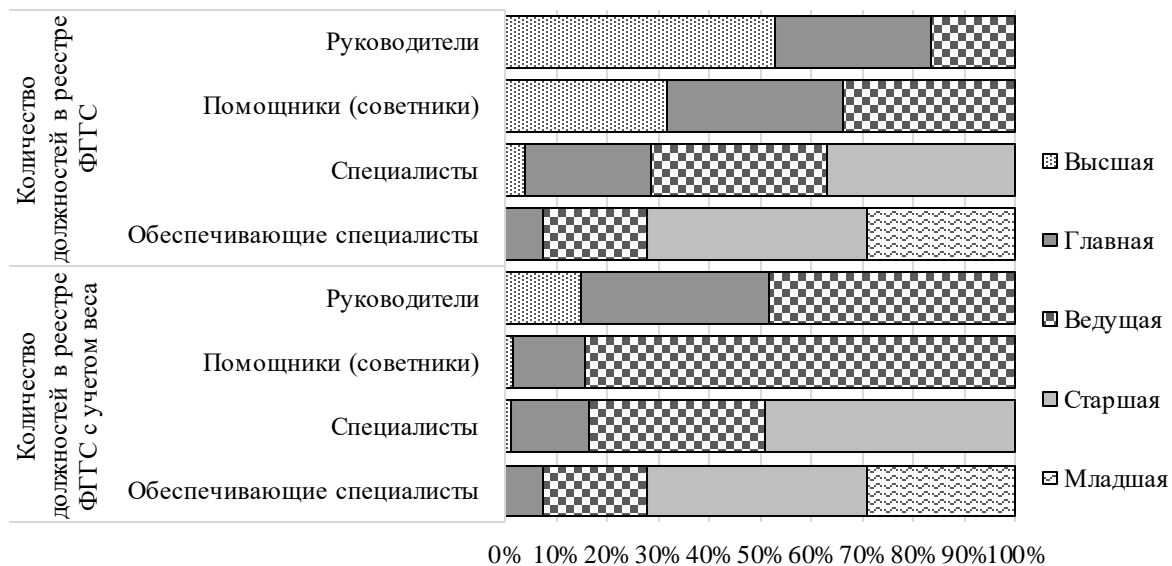
Реестр должностей включает в себя 1366 должностей, имеющих регистрационный номер, а без учета повторений названий – 627 единиц. Рассматривая массив укрупненно, видно, что наибольшее количество должностей закреплено за разделами 11 (210 ед.), 5 (108 ед.), 12 (83 ед.), 8 (61 ед.), 14 (60 ед.). Основной группой должностей по всем разделам является ведущая, имеющая самый высокий коэффициент корреляции с общим количеством должностей. По количеству должностей главной группы находятся вверху списка разделы: 5 (42 ед.), 11 (41 ед.), 8 (19 ед.), 3 (18 ед.), 2 (16 ед.), а высшей группы разделы: 1 (49 ед.), 4 (46 ед.), 5 (32 ед.), 3 (22 ед.), 2 (20 ед.).

Так как реестр должностей включает в себя только их перечень, который федеральные органы исполнительной власти могут использовать при формировании штатной численности, то он не отражает их среднего распределения в конкретно взятом органе.

Полагаем возможным смоделировать усредненную картину распределения должностей посредством применения к каждой должности коэффициента веса численности, который рассчитывается с учетом требований предъявляемых к штатной численности постановлением Правительства Российской Федерации от 16.11.2020 № 1829 «О структуре центральных аппаратов федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, федеральных служб и федеральных агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации», согласно которому штатная численность отдела составляет не менее 5 единиц, управления – 25 единиц, департамента – 40 единиц.

Коэффициент веса численности распределен следующим образом: линейные специалисты (специалист 1 разряда – ведущий советник) – 1, начальники отделов и их заместители – 0,2, начальники управлений и их заместители – 0,04, руководители департаментов и их заместители – 0,025, высшие руководители (Руководитель Администрации Президента Российской Федерации, Руководитель Секретариата Председателя Правительства Российской Федерации, Полномочные представители Президента Российской Федерации, Федеральные министры, Руководитель (директор) федеральной службы (агентства) и аналогичные должности высших руководителей) – 0,002. Вес численности должностей из числа помощников (советников) применялся с учетом той должности, за которой они закреплены.

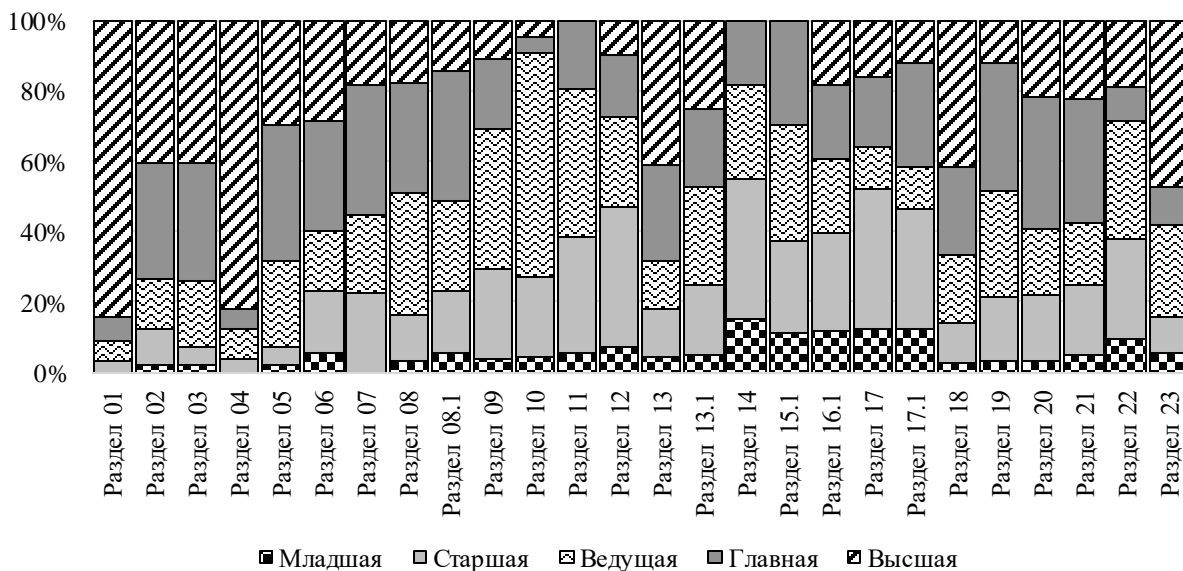
Сравнительный анализ количества должностей в реестре ФГГС и должностей с учетом веса численности показывает, что доля категорий «Руководители» и «Помощники (Советники)» снижается с 35% и 10% до 4% и 1% соответственно, а по категориям «Специалисты» и «Обеспечивающие специалисты» возрастает с 37% и 19% до 55% и 40% соответственно. Визуализация анализа групп должностей в разрезе категорий должностей представлена на рисунке 1.

(составлено автором)

Рисунок 1 - Соотношение в реестре ФГГС групп должностей в разрезе категорий

Проводя анализ групп должностей в разрезе разделов (рисунок 2), а также с применением коэффициента веса численности (рисунок 3), мы видим, что к высшей и главной группе относятся 49,9% должностей, но с учетом применения веса численности их количество сокращается до 18,6%.

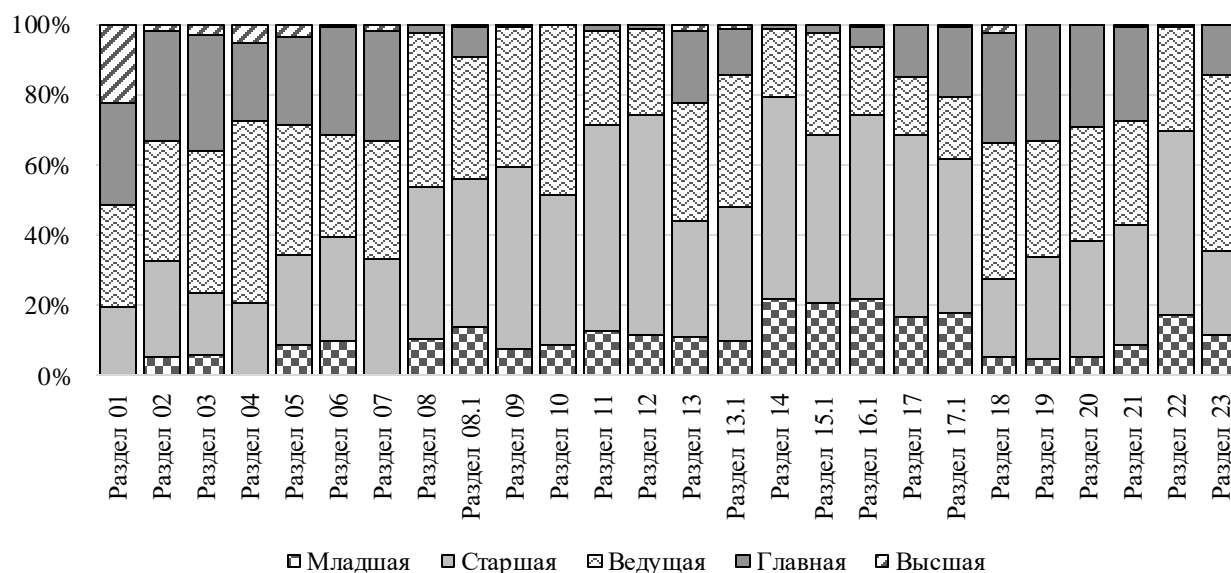

(составлено автором)

Рисунок 2 - Соотношение групп должностей в разрезе разделов

Отметим, что в реестре должностей ФГГС наибольшее количество должностей высшей группы закреплено в разделах 1 (84%), 4 (82%), 13 (41%), 18 (42%), 23 (47%), а в случае

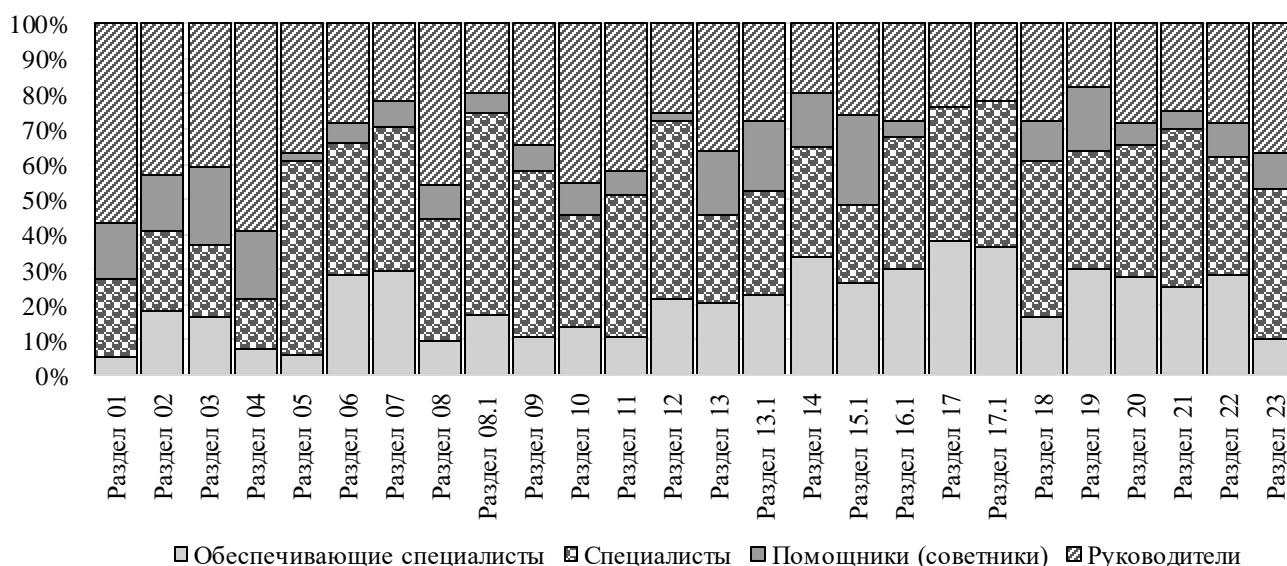
применяя веса показатели по высшей группе заметно снижаются до 22% в 1, 5% в 4,2 % в 13, 3% в 18 и 0,5% в 23 разделах от общего количества должностей в данных разделах.

(составлено автором)

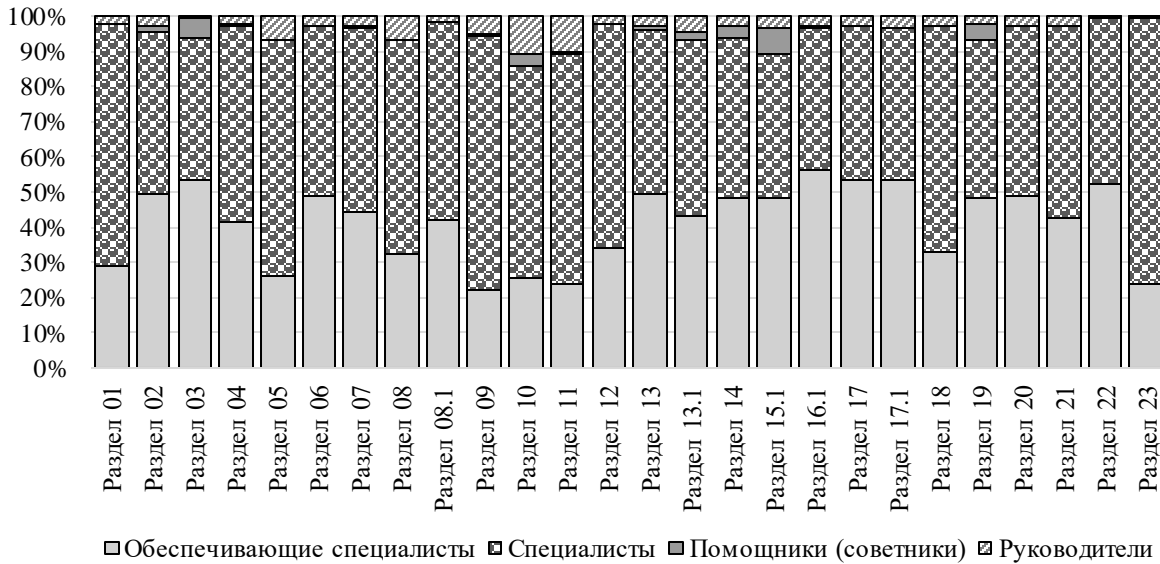
Рисунок 3 - Соотношение групп должностей в разрезе разделов с учетом веса должности

Аналогичные результаты наблюдаются при анализе распределения категорий должностей в разделах перечня должностей ФГГС. Категории «Руководители» и «Помощники (советники)» составляют 45% от всех должностей (рисунок 4), но при применении коэффициента веса численности их доля уменьшаются до 5% (рисунок 5).

(составлено автором)

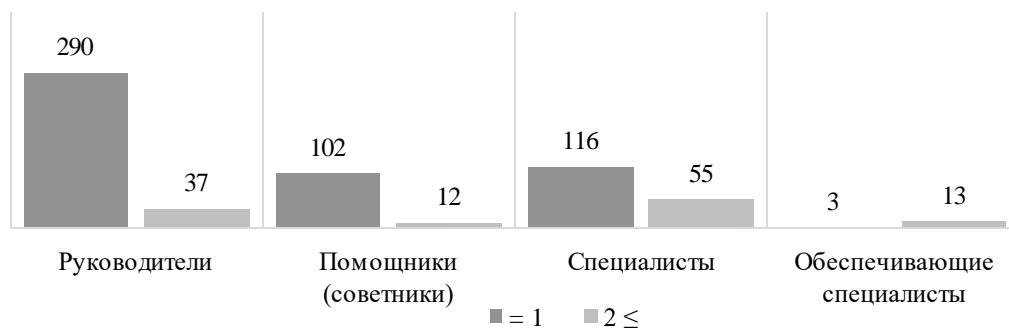
Рисунок 4 - Соотношение категорий должностей в разрезе разделов

(составлено автором)

Рисунок 5 - Соотношение категорий должностей в разрезе разделов с учетом веса должности

Анализ разделов в срезах групп должностей и категорий должностей с применением веса численности показал, что в реестре должностей ФГГС, 511 уникальная должность и 116 наименований должностей, которые встречаются в два и более раза. В категории «Руководители» включены 51% от всех уникальных должностей, в свою очередь, к категории «Специалисты» относятся 47% должностей, которые повторяются два и более раза (рисунок 6).

(составлено автором)

Рисунок 6. Количество должностей по частоте упоминаний в реестре ФГГС

В первую десятку по частоте повторений вошли старший специалист 2 разряда (38 раз), старший специалист 1 разряда (37 раз), специалист 1 разряда (36 раз), старший специалист 3 разряда (31 раз), специалист 2 разряда (27 раз), консультант (27 раз), ведущий специалист-эксперт (22 раза), заместитель начальника отдела (22 раза), ведущий консультант (22 раза), начальник отдела (22 раза).

Полагаем, что текущее количество должностей, которое упоминается в реестре ФГГС

единожды, обусловлено спецификой функционала государственного органа, в интересах которого они водились, а в отношении категории руководителей – необходимостью закрепления за руководителем конкретного сектора службы и определения зоны персональной ответственности.

3. В настоящее время в публичном доступе отсутствуют исследования, проводящие анализ номинальной и реальной оплаты труда ФГГС. Общую информацию мы получаем из данных, опубликованных Федеральной службой государственной статистики.

Так, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по видам экономической деятельности (в соответствии с ОКВЭД2) в Российской Федерации в 2022 году составила 65 338 руб. (медианна – 40 368 руб.), а в сфере государственного управления, обеспечения военной безопасности и социальном обеспечении – 63 505 руб.

Кроме данных Росстата, возможно было использовать данные, размещаемые в сведениях о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера ФГГС и членов их семей, но, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29.12.2022 № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции», данные сведения не публикуются, а последние данные содержат информацию за 2021 год. Несмотря на то, что в данных справках публиковалась информация о полученном доходе ФГГС в целом, посредством сравнительного анализа опубликованных деклараций присутствовала возможность построения выводов об уровне дохода по основному месту работы ФГГС.

В рамках настоящей статьи вводится понятие «расчетный оклад», которое позволит нам рассчитать гарантированную часть оплаты труда ФГГС, он включает в себя:

- а) должностной оклад – должностной оклад по должности, согласно Указу об окладах;
- б) оклад за классный чин – учитывая, что классные чины имеют по три класса в пяти группах, были взяты классные чины второго класса для каждой из групп должностей;
- в) ежемесячное денежное поощрение – определяется в соответствии с приложением № 1, утвержденным Указом об окладах;
- г) надбавка к должностному окладу за особые условия гражданской службы – вследствие того, что в статье 50 Закона о госслужбе указан только ее максимальный размер, что не является корректным для данного исследования, мы будем учитывать максимальное значение, установленное законодательством для каждой из групп должностей (таблица 2).

Таблица 2 - Процентные размеры надбавок к должностному окладу за особые условия гражданской службы, применяемые формирования для «Расчетного оклада»

Группа должностей	Для должностей центрального аппарата	Для иных должностей
Высшая группа должностей	200 %	70 %
Главная группа должностей	150 %	50 %
Ведущая группа должностей	120 %	40 %
Старшая группа должностей	90 %	30 %
Младшая группа должностей	60 %	20 %

(источник: п. 5, 5.1 Указа Президента Российской Федерации от 25.07.2006 № 763)

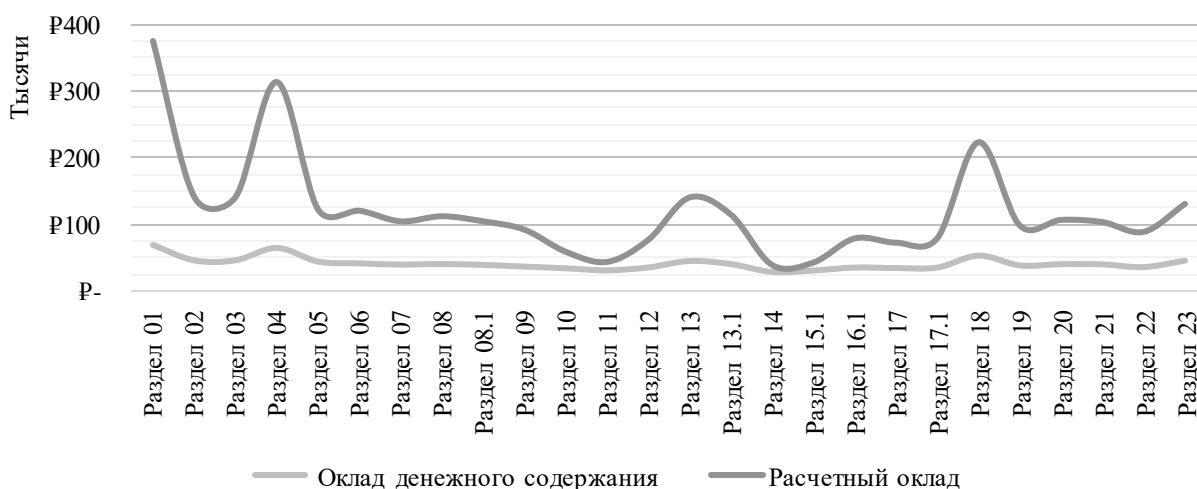
Дополнительно отметим, что помимо двух указов Президента Российской Федерации об повышении должностных окладов и клатов за классный чин, необходимых для расчета индексации, необходимо учесть также Указы Президента Российской Федерации, которые устанавливают размеры должностных окладов, дипломатических рангов и коэффициенты, применяемые к ежемесячному денежному поощрению в отношении разделов 1, 4, 12, 18.

Также, учитывая, что оклады должностей ФГГС в некоторых случаях основываются на окладах типовых воинских должностей в вооруженных силах Российской Федерации, мы обратимся к приложению Постановления Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 992 «Об установлении окладов денежного содержания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту» и учтем постановления Правительства Российской Федерации, повышающие оклады военнослужащих.

При анализе установлено, что среднее значение расчетного оклада составляет 114 284 руб., в свою очередь, медианное значение меньше среднего на 30% и равно 81 882 руб., что указывает на отсутствие однородности в плавности увеличения расчетного оклада при повышении должности, также отсутствие плавной кривой подтверждается результатами моды и эксцесса. Мода составляет треть от среднего значения расчетного оклада и составляет 37 149 руб., показатель эксцесса равен 5,1 (при нормальном значении от 1 до - 1). Отметим общий разброс, так, максимальный расчетный оклад составил 626 127 руб. (5,5 раз больше среднего), а минимальный расчетный оклад составил 21 897 руб. (что составляет только 19,2% от среднего расчетного оклада). Итоговое отношение максимального расчетного оклада к минимальному по всему реестру ФГГС составляет 28,5 раза.

Сравнивая результаты статического анализа расчетного оклада с окладом денежного содержания, видно существенное расхождение в медиане. Так, медианное значение должностного оклада отличается от среднего значения на 9%, в меньшую сторону (40 390 руб. и 36 972 руб. соответственно). Мода, в отличие от расчетного оклада, выше среднего значения на 40% (57 887 руб.), показатель эксцесса – - 0,1.

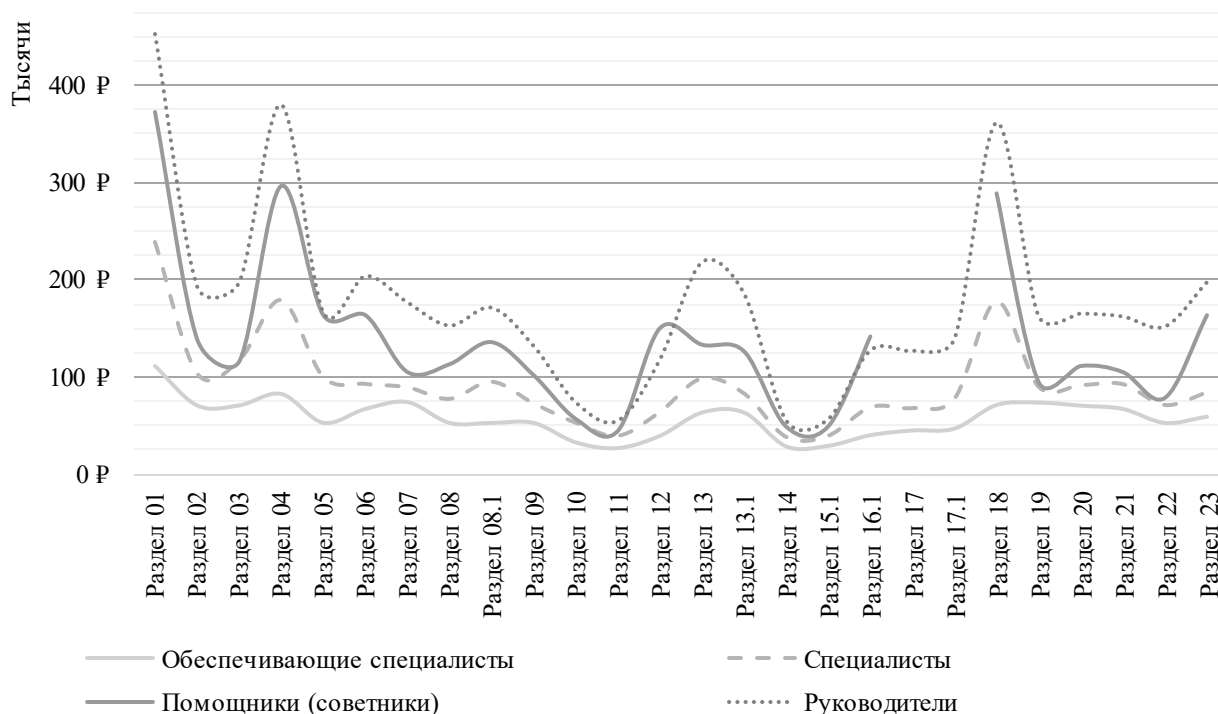
Сравнительная визуализация результатов представлена на рисунке 7, с дополнительным срезом по разделам.

(составлено автором)

Рисунок 7 - Средний показатель оклада денежного содержания и расчетного оклада

Средний расчетный оклад в разрезе категорий должностей (рисунок 8) составил 175 289 руб. – руководители, 135 868 руб. – помощники (советники), 82 142 руб. – специалисты, 51 889 руб. – обеспечивающие специалисты.

(составлено автором)

Рисунок 8 - Средние расчетные оклады в разрезе категорий должностей

Несмотря на то, что между собой средние значения идут в сторону увеличения с равным интервалом, за исключением категории «помощники (советники)», видна неоднородность внутри каждой категории при их распределении по разделам. Так, руководители разделов 10, 11, 14, 15.1 по средним значениям расчетных окладов уступают специалистам шестнадцати других разделов и обеспечивающим специалистам разделов 01, 04, 18.

С повышением категории должностей наблюдается увеличение интервала 70% расчетных окладов, от всех должностей в категории при их нормальном распределении (распределение Гаусса). Так, стандартное отклонение в категории «обеспечивающие специалисты» составляло 33% от среднего показателя расчетного оклада, «специалисты» – 49 %, «помощники» – 58 % и «руководители» – 54 %.

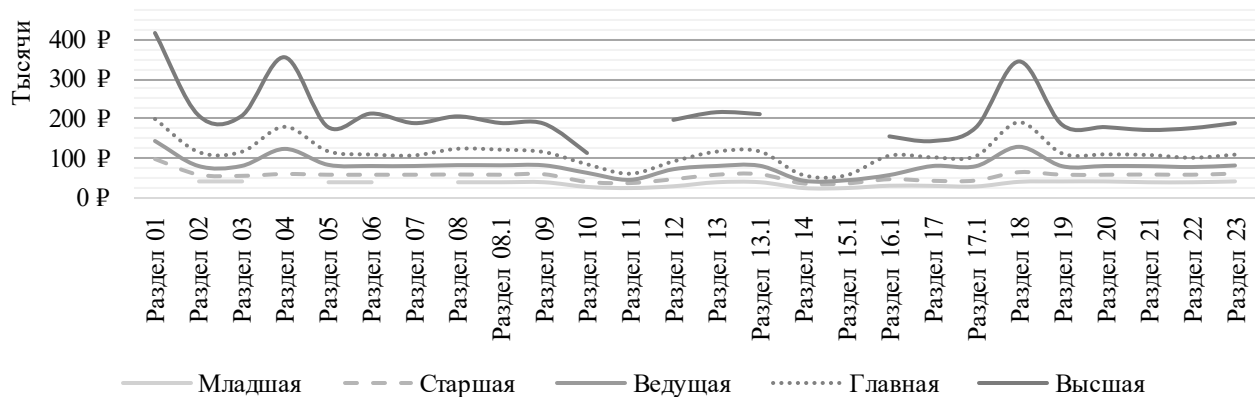
Схожие результаты наблюдаются также при построении расчетного оклада групп должностей в разрезе разделов (рисунок 9), за исключением некоторых особенностей.

Во-первых, рост среднего значения, от младшей к высшей группе, по первым 4 группам равномерен, в среднем на 46% от группы к группе, однако рост среднего расчетного оклада при переходе от главной к высшей группе составляет 87%.

Во-вторых, 70% от всего нормального распределения всех расчетных окладов в разрезе групп имеет в два раза меньший интервал в сравнении с данными в разрезе категорий. Так, стандартное отклонение в группах от среднего значения расчетного оклада по группе составило

по младшей – 19%, старшей – 24%, ведущей – 27%, главной – 30% и высшей – 33%.

Схожие значения прослеживаются в средних показателях расчетных минимальных и максимальных окладах. Минимальные расчетные оклады наблюдаются в разделах 10, 11, 15.1 и 14, а максимальные в максимальные – в разделах 01, 04, 18.

(составлено автором)

Рисунок 9 - Средние расчетные оклады в разрезе групп должностей

Анализом расчетных окладов установлены должности, наиболее массово встречающиеся в реестре с учетом разделов и групп должностей: начальник департамента, заместитель начальника департамента, начальник управления, заместитель начальника управления, начальник отдела, заместитель начальника отдела, советник, главный специалист-эксперт.

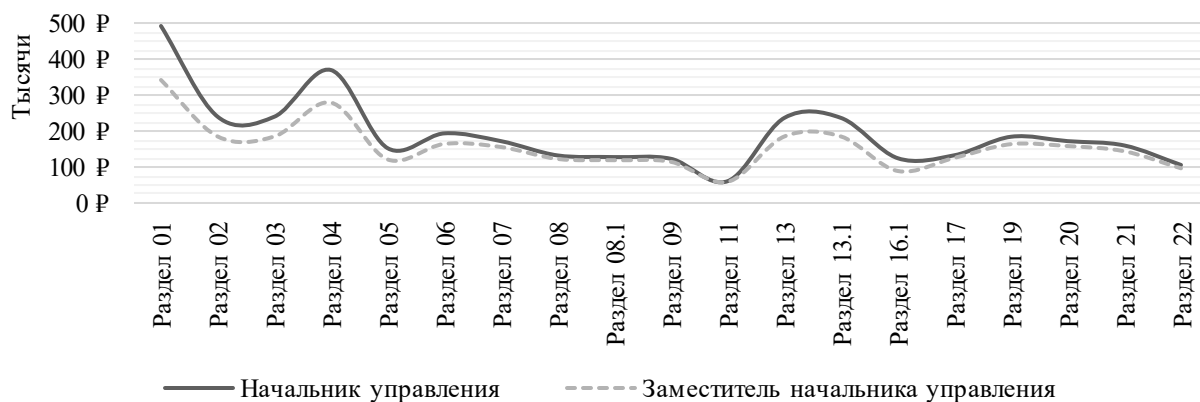
Кривые диаграмм начальника отдела и его заместителя повторяют друг друга, а в некоторых случаях и вовсе имеют минимальные различия, как в разделах 11 и 14 (рисунок 10). Так, расчетный оклад начальника отдела территориального органа межрегионального уровня составляет 50 716 руб., а его заместителя – 48 629 руб.

(составлено автором)

Рисунок 10 - Средний расчетный оклад по должностям начальников и заместителей начальников отделов

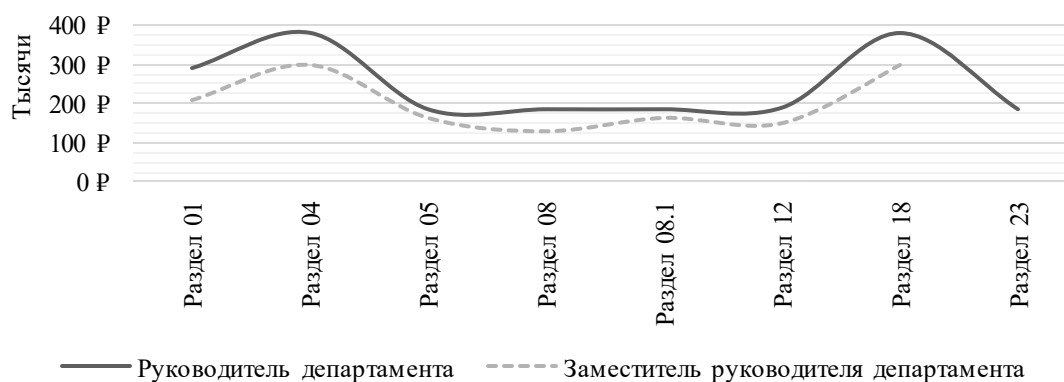
По должностям начальника управления и заместитель начальника управления (рисунок 11) встречаются разделы, где разница между ними незначительна. Так, расчетные оклады в Прокуратуре субъекта Российской Федерации составляют 85 105 руб. и 82 630 руб., в Министерстве юстиции Российской Федерации субъекта Российской Федерации – 70 493 руб. и 60 484 руб., в федеральной службе (кроме СВР России, ФСО России) – 123 250 руб. и 113105 руб.

(составлено автором)

Рисунок 11 - Средний расчетный оклад по должностям начальников и заместителей начальников управлений

В части анализа расчетных окладов должности руководителя и заместителя руководителя департамента (рисунок 12) видна их сбалансированность. Расчетный оклад увеличивается от заместителя к руководителю среднем на 14%, а также внутри каждой должности видна двукратная разница между минимальными и максимальными расчетными окладами.

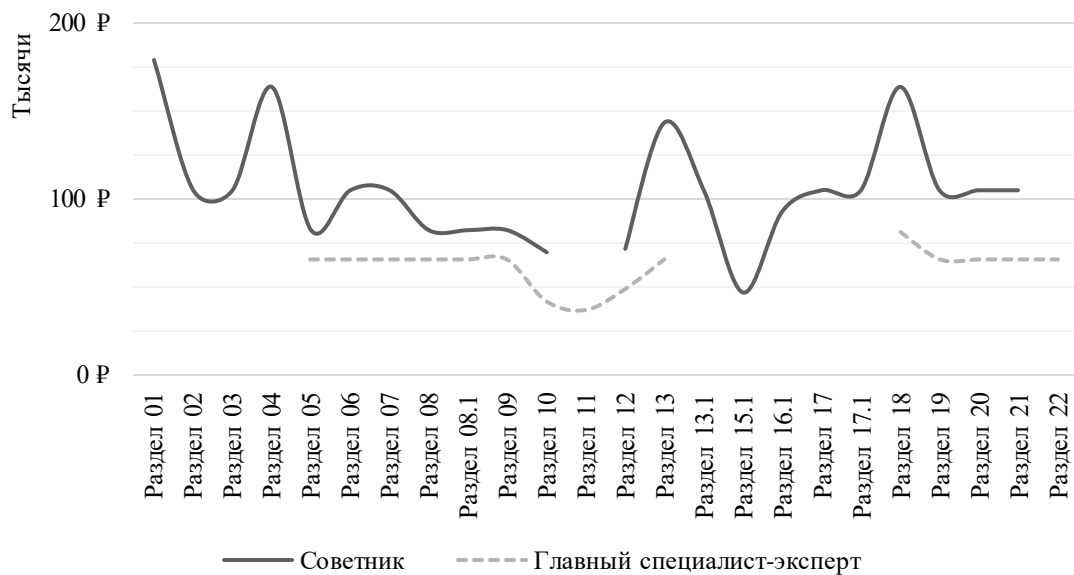
(составлено автором)

Рисунок 12 - Средний расчетный оклад по должностям руководителей и заместителей руководителей департаментов

В качестве справочной информации дополним: по итогу анализа расчетных окладов выявлено отсутствие в разделе 01 должности начальник отдела, заместитель начальника отдела.

Полагаем, что в рамках иерархии должностей данного раздела аналогичный функционал выполняют должности начальника отдела и его заместителя должности руководитель департамента, а также заместитель руководителя департамента.

Завершая анализ расчетных окладов, рассмотрим отдельно должности советника и главного специалиста-эксперта (рисунок 13). Отметим, что они имеют наибольшее количество равных расчетных окладов. Так, должности советника встречаются в 22 группах, где в 11 случаях расчетный оклад составляет 104 506 руб., наибольшие значения установлено в разделах 13, 01, 04, 18 (в среднем 171 648 руб.), а наименьшее – в 15.1, 12, 10 разделах (в среднем 62 434 руб.).

(составлено автором)

Рисунок 13. Средний расчетный оклад по должностям советник и главный специалист-эксперт

Схожие результаты наблюдаются по должностям главных специалистов-экспертов. Должность упоминается в 16 разделах, в 12 из которых с одинаковым значением расчетного оклада – 65 849 руб., максимальное значение выявлено в 18 разделе – 81 443 руб., минимальное – в 11 разделе – 37 149 руб.

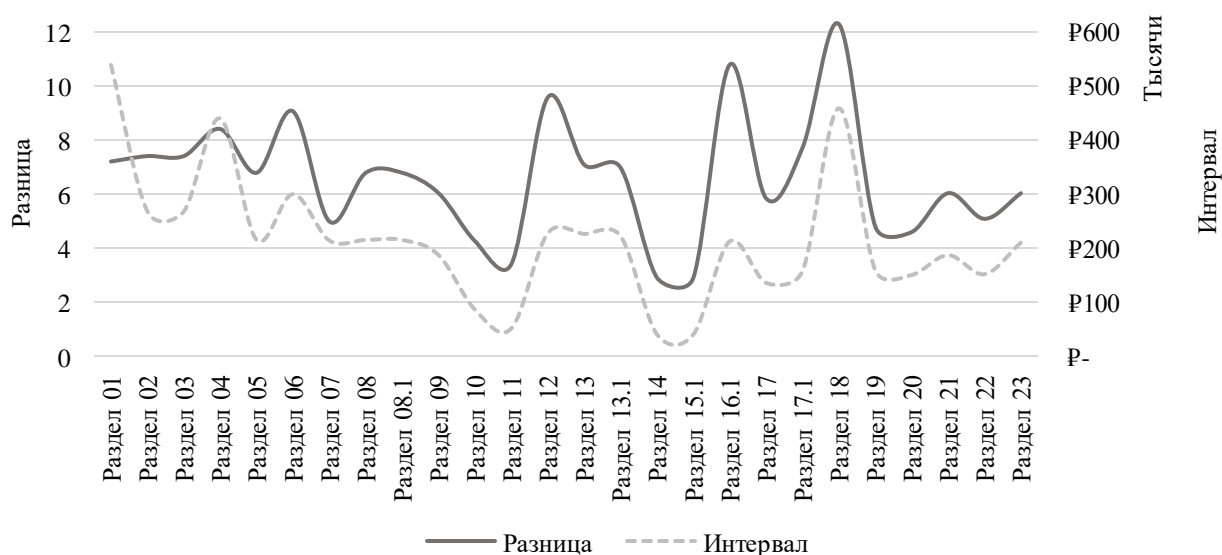
В целом, по выделенным должностям установлено, что самый большой разброс расчетных окладов наблюдается у группы начальник, заместитель начальника управления и составляет 8 и 6 раз соответственно, наиболее массовые должности – начальник и заместитель начальника отдела (встречаются 25 раз в реестре), наиболее однородные расчетные оклады у главного специалиста-эксперта.

В свою очередь, по реестру должностей ФГГС сравнительным анализом установлен значительный разрыв в должностных и расчетных окладах. Так, разница по наименьшему значению составляет 2,4 раза (9 286 руб. к 21 897 руб.), а наибольшему – в 10,5 раз (59 916 руб. к 626 128 руб.) в среднем по медиане 3,6 раза (22 886 руб. к 81 882 руб.). Наиболее сильная корреляционная зависимость при формировании расчетного оклада выявлена у размера ежемесячного денежного поощрения (показатель – 0,98), хотя стоит отметить, что оклад за классный чин и надбавка за особые условия гражданской службы также показывают сильное

влияние (корреляционная зависимость – 0,82 и 0,77 соответственно). Особо отметим, что корреляционная зависимость ежемесячного денежного поощрения к расчетному окладу оказалась сильнее корреляционной зависимости должностного оклада (показатель – 0,92).

4. Анализ оплаты труда ФГГС показал, что при простом механизме системы формирования гарантированной части оплаты труда процесс ее фактического расчета неоднороден. Видно определенное сходство системы оплаты ФГГС и военнослужащих. Однако, если в системе оплаты труда военнослужащих главенствующей базовой формой, от которой рассчитываются все остальные надбавки, является оклад денежного содержания, то в системе оплаты труда ФГГС подобным базисом выступает должностной оклад. Подобный подход, по нашему мнению, принижает значения классного чина и переводит его из разряда, характеризующего уровень профессионализма, опыта и компетентности государственного служащего в класс рядовых надбавок, подобная точка зрения также высказывалась учеными и практиками [Патова, 2021, 54-56; Гулецкий, www].

Одним из принципов системы государственной службы является единство ее правовых и организационных основ, предполагающее законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы. В то же время расчетный оклад показывает 9-кратную разницу расчетных окладов между разделами реестра и разницу в 28,5 раз между минимальным и максимальным расчетным окладом по реестру ФГГС, разница по всем разделам приведена на рисунке 14.

(составлено автором)

Рисунок 14 - Разница и интервал между максимальным и минимальным расчетным окладом

Средняя разница, по расчетным окладам, внутри разделов составляет 6,6 раз. Кратность, превышающая 10, наблюдается в разделах 16.1 и 18, когда интервал между минимальным и максимальным расчетным окладом в тех же разделах составляет 214 087 руб. и 459 499 руб. соответственно.

Несмотря на то, что предельный уровень соотношения среднемесячной заработной платы

руководителей, их заместителей, замещающих должности ФГГС, и среднемесячной заработной платы ФГГС того же органа законодательно не установлен, мы можем провести сравнение с предельными уровнями, установленными в отношении государственных внебюджетных фондов, федеральных учреждений и унитарных предприятий. Подобные показатели определены в отношении 422 организаций, а их среднее значение предельного уровня составляет 6,7. Так, сравнивая каждый раздел в отдельности, видно, что различие в предельных уровнях схожи с требованиями установленными для указанных выше учреждений, однако при рассмотрении реестра с точки зрения единой системы усматривается существенное отклонение от показателей, установленных законодательством в отношении государственных внебюджетных фондов, федеральных учреждений и федеральных унитарных предприятий.

Стоит отметить, что в работе применялся расчетный оклад, который моделировал одинаковые условия системы оплаты труда по всем органам, в которых предусмотрено прохождение ФГГС, в то же время на практике на фактических размер гарантированной части оплаты труда могут оказывать влияние районные коэффициенты, наличие надбавки за работу со сведениями составляющими государственную тайну и надбавки за выслугу лет, а также иные надбавки, назначаемые отдельными нормативными актами.

Так, применение территориальной надбавки в отношении должностей ФГГС территориального органа федерального органа исполнительной власти, расположенного в г. Байконуре в среднем по подразделу, увеличивает размер расчетного оклада на 61%. Расчетный оклад главного специалиста-эксперта с 37 149 руб. увеличивается до 62 206 руб., а начальника отдела – с 46 525 руб. до 76 219 руб.

Заключение

Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2021 № 749 «О совершенствовании оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих» оказал существенное влияние на размер гарантированной части оплаты труда и значимость дополнительных выплат. Полагаем, что дальнейшее развитие системы оплаты труда ФГГС может заключаться в ее синхронизации с системой оплаты труда военнослужащих и выражаться в пересмотре значения, от которого назначаются дополнительные выплаты, а также балансировки системы ежемесячного денежного поощрения.

Подобная корректировка, по нашему мнению, будет способствовать повышению престижа ФГГС, а также окажет влияние на снижение риска возможного совершения коррупционных правонарушений и должностных преступлений федеральными государственными гражданскими служащими [Киселев, 2020].

Библиография

1. Гулецкий С. Чин по чину / Интернет-издание «Кадровый совет». 2021. URL: <https://kadrov.ru/all/tekhnologii/3905-chin-po-chinu> (дата обращения: 25.11.2023).
2. Киселев С.Г. Противодействие коррупции на государственной службе: зарубежный и отечественный опыт. М., 2020. 166 с.
3. Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019 – 2021 годы: указ Президента Российской Федерации от 24 июня 2019 г. № 288. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102561996&rdk=&intelsearch=%D3%EA%E0%E7+%CF%F0%E5%E7%E8%E4%E5%ED%F2%E0+%D0%D4+%E5%F2+24.06.2019+N+288> (дата обращения: 31.10.2023).
4. Патова Е.М. «Классный чин»: содержание понятия и его трансформация в сфере государственной гражданской службы XVIII-XXI вв. // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3.

5. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства: поручение Президента РФ от 8 марта 2021 г. № Пр-366. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65129> (дата обращения: 15.12.2023).
6. Проект «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140634> (дата обращения: 14.12.2023).
7. Чевтаева Н.Г. Система материальной и моральной мотивации в деятельности государственных гражданских служащих (на примере Свердловской области). Екатеринбург, 2018. 136 с.
8. Чекин М.А. Оплата служебной деятельности государственных гражданских служащих России: история, практика, эксперименты, перспективы. М., 2014. 197 с.
9. Численность и оплата труда федеральных государственных гражданских служащих в условиях внедрения программно-целевых и проектных методов. М., 2018. 148 с.
10. Kolomoets T., Stetsenko V., Kushnir S. Bonus for a public servant—is it scheduled raise to official salary or effective method for motivation? There should be regulatory “filters” for its use//Baltic journal of Economic studies. – 2018. – Т. 4. – №. 4. – С. 173-180.

On remuneration and positions of the federal state civil service

Yurii Yu. Orlov

Assistant of the Department of State and Municipal Management,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: orlov.yu.yu@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the payment analysis of the remuneration of federal civil servants, the register of positions of the federal civil service. It provides a descriptive description of the formation of remuneration for federal government civil servants, reflected in the legislation of the Russian Federation. The results of the analysis of the structure of the register of positions of the federal state civil service, guaranteed part of the remuneration for filling the positions indicated in it, are presented.

For citation

Orlov Yu.Yu. (2024) Ob oplate truda i dolzhnostyakh federal'noi gosudarstvennoi grazhdansko i sluzhby [On remuneration and positions of the federal state civil service]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 141-158. DOI: 10.34670/AR.2024.83.91.039

Keywords

Official salary, salary, remuneration, payments to civil servants, positions of civil servants, comparative analysis, register of positions.

References

1. Chekin M.A. (2014) Oplata sluzhebnoi deyatelnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossii: istoriya, praktika, eksperimenty, perspektivy [Payment for official activities of state civil servants of Russia: history, practice, experiments, prospects]. Moscow.
2. Chevtaeva N.G. (2018) Sistema material'noi i moral'noi motivatsii v deyatelnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh (na primere Sverdlovskoi oblasti) [The system of material and moral motivation in the activities of state

- civil servants (using the example of the Sverdlovsk region)]. Ekaterinburg.
3. Chislennost' i oplata truda federal'nykh gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh v usloviyakh vnedreniya programmno-tselevykh i proektnykh metodov [The number and remuneration of federal civil servants in the context of the implementation of program-targeted and project methods] (2018). Moscow.
 4. Guletskii S. (2021) Chin po chinu / Internet-izdanie «Kadrovyyi sovet» [Rank by rank / Internet publication “Personnel Council”]. Available at: <https://kadrsov.ru/all/tekhnologii/3905-chin-po-chinu> [Accessed 25/11/2023].
 5. Kiselev S.G. (2020) Protivodeistvie korruptsii na gosudarstvennoi sluzhbe: zarubezhnyi i otechestvenny opyt [Anti-corruption in the public service: foreign and domestic experience]. Moscow.
 6. Ob osnovnykh napravleniyakh razvitiya gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii na 2019 – 2021 gody: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 24 iyunya 2019 g. № 288 [On the main directions of development of the state civil service of the Russian Federation for 2019 – 2021: Decree of the President of the Russian Federation of June 24, 2019 No. 288]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102561996&rdk=&intelsearch=%D3%EA%E0%E7+%CF%F0%E5%E7%E8%E4%E5%ED%F2%E0+%D0%D4+%EE%F2+24.06.2019+N+288> [Accessed 31/10/2023].
 7. Patova E.M. (2021) «Klassnyi chin»: sodержanie ponyatiya i ego transformatsiya v sfere gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby XVIII-XXI vv. [“Class rank”: the content of the concept and its transformation in the sphere of state civil service in the 18th-21st centuries]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie [State power and local government], 3.
 8. Perechen' poruchenii po itogam soveshchaniya s chlenami Pravitel'stva: poruchenie Prezidenta RF ot 8 marta 2021 g. № Pr-366 [List of instructions based on the results of the meeting with members of the Government: Order of the President of the Russian Federation of March 8, 2021 No. Pr-366]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65129> [Accessed 15/12/2023].
 9. Proekt «O vnesenii izmenenii v stat'yu 16 Federal'nogo zakona «Ob individual'nom (personalizirovannom) uchete v sistemakh obyazatel'nogo pensionnogo strakhovaniya i obyazatel'nogo sotsial'nogo strakhovaniya» [Project “On amendments to Article 16 of the Federal Law “On individual (personalized) accounting in the systems of compulsory pension insurance and compulsory social insurance”]. Available at: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140634> [Accessed 14/12/2023].
 10. Kolomoets, T., Stetsenko, V., & Kushnir, S. (2018). Bonus for a public servant—is it scheduled raise to official salary or effective method for motivation? There should be regulatory “filters” for its use. *Baltic journal of Economic studies*, 4(4), 173-180.

УДК 338.22.021.1

DOI: 10.34670/AR.2024.58.89.040

Опыт зарубежных стран по формированию мер государственной политики поддержки малого и среднего бизнеса

Сергиенко Наталья Сергеевна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: ssergienko@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению программных мер по поддержке развития малого и среднего бизнеса за рубежом в условиях кризиса пандемии и ее влияния. Пандемия COVID-19 имела серьезные экономические последствия, в том числе из-за прекращения коммерческой деятельности, связанной с мерами сдерживания, снижением спроса и сбоями цепочек создания стоимости. Комплекс принятых законодательных и нормативных актов в отдельных странах и формирование опыта разработки системных документов позволяют суммировать изменения в мерах поддержки финансирования МСП и предпринимательства как во время пандемии COVID-19, так и для восстановления предпринимательской деятельности. В статье рассматривается роль национальных программ стимулирования в решении проблем и различные инструменты, используемые для оказания помощи субъектам МСП. Меры помощи были направлены не только на устранение традиционных сбоев рынка, влияющих на малые и средние предприятия, но и на расширение возможностей малых и средних предприятий финансировать инвестиции, необходимые для развития посредством инвестиций в цифровую трансформацию, устойчивость, навыки и инновации. Сделан вывод о том, что часть мер была отменена, а остальные были продлены для закрепления стимулирующего характера их воздействия при предоставлении финансовой помощи малым и средним предприятиям.

Для цитирования в научных исследованиях

Сергиенко Н.С. Опыт зарубежных стран по формированию мер государственной политики поддержки малого и среднего бизнеса // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 159-173. DOI: 10.34670/AR.2024.58.89.040

Ключевые слова

Бизнес, бюджет, малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, государственная политика, налоги, занятость, пандемия.

Введение

В целях поддержки экономики и обеспечения экономического роста, повышения устойчивости в условиях негативного проявления новых рисков и проблем многие страны мира внедрили программы стимулирования для предоставления помощи национальной экономике. Такие планы значительно различаются в зависимости от страны с точки зрения структуры, типа помощи и масштабов. Их влияние также направлено и на оказание помощи малым и средним предприятиям и предпринимателям в преодолении их финансовых и инвестиционных трудностей.

Анализ опыта отдельных стран показал, что в целом содержание пакетов поддержки, несмотря на их большую неоднородность, в системе мер стимулирования присутствуют мероприятия по поддержке малого и среднего предпринимательства (МСП), при этом, в отличие от чрезвычайных мер, в пакетах стимулирования много места отводится стартапам. Кроме того, типы финансовых инструментов, используемых в пакетах стимулирования для оказания целевой поддержки МСП, различны и по применению, и по структуре долговых инструментов для поддержки денежных потоков МСП.

Следует отметить, что анализ перечня мер государственной поддержки позволяет говорить о незначительной их роли в программах стимулирования для МСП. Как показывают исследования, в целом, и особенно на начальном этапе кризиса, чрезвычайные меры не позволили мобилизовать альтернативные источники и инструменты финансирования МСП. На этапе стимулирования такая ситуация в целом сохраняется, что показывает, что такие меры вряд станут драйвером для расширения использования альтернативных способов финансирования малого и среднего бизнеса, которые получили широкое распространение до кризиса, вызванного COVID-19, однако перестали действовать в период пандемии и в последующие годы.

Кроме того, в пакетах стимулирования некоторых альтернативных инструментов финансирования, таких как факторинг, лизинг и коммерческая аренда, финансирование торговли, присутствуют также инструменты акционерного и квазиказначейского капитала. Стратегии стимулирования также предусматривают внесение изменений в нормативные акты для поощрения использования этих инструментов. Следует отметить, что в основных направлениях программ стимулирования основная доля мер, касающихся малого и среднего бизнеса, приходится на инновации, а цифровая трансформация – на объем финансовой поддержки.

Нормативное регулирование поддержки МСП в Бельгии

Меры, принимаемые государственными органами в Бельгии в области финансирования малого и среднего бизнеса, включены в федеральные и региональные программы. Программы гарантий защищают обеспечительные интересы, возникающие у предпринимателей и МСП, и служат страховочным инструментом для банков, желающих положительно рассмотреть заявки на получение кредита от предприятий, гарантии которых не считаются достаточными по традиционным критериям. Такой подход обычно является одним из основных оснований для отказа.

С момента регионализации «Фонда долевого участия» 1 июля 2014 года администрирование кредитов и государственных гарантий осуществляется регионами [Балынин, 2023]. Таким

образом, критерии предоставления кредитов и гарантий могут варьироваться в зависимости от региональных приоритетов.

Так, в рамках фламандского пакета меры, принятые государственными органами, программа стимулов «Vlaamse veerkracht» ParticipatieMaatschappij Vlaanderen (PMV, инвестиционная организация Фламандского региона) наращивает свои инвестиции в предприятия за счет займов, капитала и гарантий. Правительство Фландрии выделило дополнительный бюджет в размере 250 млн евро на субординированные ссуды предприятиям на начальном этапе и этапе развития, с одной стороны, и малым и средним предприятиям. Эти ссуды предоставляются сроком на три года. Они предназначены для компаний, находящихся в процессе становления и развития, а также для зрелых компаний, столкнувшихся с временными трудностями из-за кризиса с коронавирусом. Заявки должны быть поданы до 15 октября 2021 года. Только здоровые и жизнеспособные фламандские малые и средние предприятия, которые сталкиваются или столкнутся с финансовыми трудностями в результате вспышки коронавируса и принятых в результате защитных мер, могут получить выгоду. Условия, регулирующие получение кредита, различаются в зависимости от целевой категории предприятий.

Другим инструментом программы стимулирования выступает гарантийный потенциал Gigarant (гарантийный механизм на суммы более 1,5 млн евро), предполагаемый для увеличения до 3 млрд евро, а 100 млн евро будут выделены для продления действующего гарантийного режима PMV/z (на суммы до 1,5 млн евро).

Кроме того, в регионе был создан «Welvaartsfonds» (фонд процветания), в рамках которого PMV обеспечивает сотрудничество с консорциумом сильных финансовых партнеров. В основе принципа работы Фонда – рыночный механизм. Правительство Фландрии выделяет ему начальный капитал в размере 240 млн евро, а частные партнеры инвестируют в него 260 млн евро. Запуск предполагался в несколько этапов. На начальном этапе – сбор консорциума сильных партнеров. На втором и третьем этапах, начиная со второго квартала 2021 года, фонд получает юридическое оформление и расширение. Затем институциональные инвесторы (этап 2) и частные вкладчики (этап 3) смогут совместно инвестировать в них. Фонд направляет свою поддержку на перспективные инновационные компании, столкнувшиеся с финансовыми проблемами. В нем основное внимание будет уделяться трем типам финансирования, которые могут укрепить баланс компаний и повысить их кредитоспособность, а именно привлечению капитала, квази-капитала и субординированные ссуды. Объем финансирования составит от 1,25 млн до 50 млн евро. Компании во всех секторах и на всех этапах своего развития смогут извлечь из этого выгоду. Однако приоритет будет отдаваться тем, которые переходят к устойчивым и этичным деловым операциям.

В качестве мер стимулирования осуществляется продление срока действия Winwinlening (беспроигрышный заем) и введение «дружеских инвестиций» (Vriendenaandeel) [Демидова, Блошенко, 2022]. С помощью Winwinlening правительство Фландрии с 2006 года поощряет частных лиц предоставлять субординированные ссуды самозанятым лицам и малым и средним предприятиям. Инвесторам предоставляется ежегодный налоговый кредит в размере 2,5% от остатка кредита, и они получают возмещение в размере 30% от оставшейся основной суммы долга, если заемщик не может этого сделать. В начале октября 2020 года механизм был расширен. Теперь частные лица могут инвестировать до 75 000 евро вместо 50 000 евро в малые и средние предприятия и выбрать срок погашения кредита от пяти до десяти лет вместо восьми лет. В рамках этого механизма малые и средние предприятия могут занимать до 300 000 евро вместо 200 000 евро. Физические лица, предоставившие эти ссуды в кризисный период (с 15

марта 2020 г. по 31 декабря 2020 г.), также получают единовременный налоговый кредит в размере 40% плюс. Благодаря 4166 займам на сумму более 100 млн евро схема достигла беспрецедентного успеха в 2020 году. С момента его расширения интерес к этому инструменту явно возрос.

В феврале 2021 года также физические лица получили возможность инвестировать в МСП в рамках программы *Vriedenaandeel*, имея возможность инвестировать до 75 000 евро и получать налоговый кредит в размере 2,5% на срок до пяти лет. Таким образом, компания может привлечь капитал на сумму до 300 000 евро. Как физическое лицо, инвестор может объединить «дружеские инвестиции» с «беспроигрышным кредитом» при условии, что общий вклад не превышает 75 000 евро. Следует отметить и работу LRM (инвестиционная компания Лимбурга), которая также предоставляет компаниям, испытывающим трудности, финансовые и индивидуальные консультации.

Фламандское агентство инноваций и предпринимательства (VLAIO) также оказывает поддержку предпринимателям и предприятиям во время кризиса, в частности, в виде советов, рекомендаций, грантов, а также ссуд. Кроме того, с мая 2021 г. предприниматели могут подать заявку на получение кредита на перезапуск (*heropstartlening*). Эта схема позволяет тем, кто должен покупать товары, таким как розничные торговцы, владельцы отелей и ресторанов, и испытывает нехватку денежных средств, получить кредит для финансирования покупки товаров, инвентаря и других начальных затрат. Кредит предоставляется сроком на два или три года с процентной ставкой 1%. Его сумма ограничена 25% от покупок товаров, учтенных в базовом 2019 году, а срок ограничен 24 месяцами для ссуд на сумму до 50 000 евро и 36 месяцами для ссуд на сумму выше этой суммы. Погашение производится ежеквартальными платежами в равных количествах после 12-месячного периода освобождения от уплаты налогов с даты заключения кредитного соглашения. Сумма кредита составляет от минимум 10 000 евро до максимум 750 000 евро. Только те компании, которые были в основном успешны до кризиса, имеют право на участие в этой схеме.

Отметим и систему мер, принятых для поддержки при оплате аренды, для чего была создана система *Handelshuurlening*. Этот механизм основан на добровольном соглашении между арендатором и владельцем коммерческого помещения, в соответствии с которым арендодатель отказывается от арендной платы за один или два месяца, а правительство Фландрии затем авансирует арендную плату за несколько месяцев в виде ссуды арендатору (через *PMV/z-Leningen*). Арендная плата выплачивается непосредственно владельцу. Вышеупомянутые ссуды предоставляются в рамках сотрудничества между VLAIO и PMV. Заявки должны подаваться в VLAIO, но соглашения заключаются PMV (/Z).

В Брюссельском Столичном регионе (*Région Bruxelles-Capitale*) Программой мер было предусмотрено кредитование под умеренные проценты в условиях кризиса в области здравоохранения, вызванного Covid-19 с 11 июня 2020 г. до 28 февраля 2022 г., с условиями финансирования: минимальная сумма 75 000 евро, максимальная – 600 000 евро, а применяемые процентные ставки составили от 2% до 6%. Бенефициар должен выплатить ссуду в течение максимум пяти лет. При этом к участию были допущены только те компании, которые имеют не менее 10 сотрудников, эквивалентных полной занятости (первоначально установленное число равным 50, до внесения изменений). Производственные единицы, для которых предприятию предоставляется ссуда, расположены в Брюссельском столичном регионе. Заявитель должен подтвердить влияние негативных и существенных последствий кризиса, вызванного Covid-19. Первоначально ссуда была предоставлена только компаниям сектора

HoReCa и их поставщикам, но позже она была распространена на все отрасли.

Кроме того, было предусмотрено предоставление кредитов под коммерческую аренду в условиях кризиса в области здравоохранения, вызванного Covid-19. Кредит предлагался под коммерческую аренду в размере до 75 000 евро на все виды коммерческой аренды с годовой процентной ставкой 2%. В качестве условия программы было обязательным то, что арендодатель здания, в котором размещается предприятие, соглашается полностью отказаться от арендной платы за один, два, три или четыре месяца (включая расходы) и соглашается с тем, что оплата дополнительной арендной платы за один, два, три или четыре месяца (включая расходы) покрывается ссудой в размере 100 000 евро. Право на участие получили компании, которые арендуют коммерческое здание, расположенное в Брюссельском столичном регионе. Программа была закончена в конце 2022 г.

На федеральном уровне правительство, финансовый сектор Бельгии и Национальный банк Бельгии договорились временно помочь компаниям в рамках соглашения, основанного на двух принципах, и отложить уплату социальных взносов и корпоративного налога. Так, федеральное правительство ввело мораторий на выплаты по корпоративным кредитам, а именно отсрочку погашения основного долга. Это, в частности, означает, что финансовый сектор обязуется предоставить компаниям, столкнувшимся с платежными трудностями из-за COVID-19, крайний срок для осуществления таких выплат. Однако проценты остаются причитающимися. Эта схема применяется ко всем нефинансовым предприятиям, малым и средним предприятиям, самозанятым лицам и некоммерческим организациям, расположенным в Бельгии и признанным здоровыми. Все кредиты с фиксированным планом амортизации, кредиты наличными и фиксированные авансы могут быть использованы. Первоначально период отсрочки составлял шесть месяцев, если заявка была подана до 30 апреля 2020 г., или действовала до 31 октября 2020 г. (эта вторая дата была фиксированной, даже если заявка была подана после 30 апреля 2020 г., и, следовательно, период отсрочки составлял менее шести месяцев). За использование отсрочки платежа административные сборы не взимались. Мораторий вводился два раза, что позволило компаниям получить возможность превысить максимальный девятимесячный срок отсрочки погашения основного долга.

Мораторий распространялся на все нефинансовые компании, малые и средние предприятия, самозанятых лиц и некоммерческие организации. Таким образом, не проводится различий между малыми и средними предприятиями и крупными компаниями. Для получения права на участие требовалось выполнение трех условий: компания выполнила все свои кредитные договорные обязательства в течение 12 месяцев, предшествовавших 31 января 2020 года, и не подвергается активной реструктуризации кредита; компания не имеет задолженности по своим кредитам, налогам или взносам на социальное обеспечение по состоянию на 1 февраля 2020 г. или имеет задолженность менее чем за 30 дней по состоянию на 29 февраля 2020 г.; компания была ослаблена кризисом: ее бизнес или оборот сократились, ей пришлось прибегнуть к системе временной безработицы (частичной или полной.) или пришлось закрыться из-за правительственных мер.

Помимо моратория на погашение долга, федеральное правительство активировало два гарантийных механизма для новых кредитов, за исключением кредитов на рефинансирование. Первый, на общую сумму 50 миллиардов евро, применялся к банковским кредитам на срок до двенадцати месяцев, предоставляемым до 31 декабря 2020 г. нефинансовым предприятиям, малым и средним предприятиям, независимым и нежизнеспособным некоммерческим организациям. Вторая схема применялась только к кредитам, предоставляемым банками

нефинансовым МСП. В то время как практически все категории предприятий могли использовать первый механизм без какого-либо различия между МСП и крупными предприятиями, второй применяется только к новым кредитам, предоставляемым МСП (а не к кредитам, предоставляемым крупным предприятиям).

Гарантийные режимы, установленные федеральным правительством, также имели определенные условия. Если компания хочет использовать первую схему, она должна соответствовать следующим критериям: не предъявлять задолженность по своим кредитам, налогам или взносам на социальное обеспечение по состоянию на 1 февраля 2020 г. или не предъявлять задолженность менее чем за 30 дней по состоянию на 29 февраля 2020 г.; по состоянию на 31 января 2020 г. активная реструктуризация кредита не проводилась и не быть «проблемным предприятием» в смысле, определенном Европейской комиссией в Постановлении 651/2014.

Все малые и средние предприятия (за исключением крупных компаний) имеют право на участие во второй схеме, за исключением малых и средних предприятий, являющихся объектами производства по делу о коллективной несостоятельности, компании, получившие финансовую помощь, которая не возвращается и компании, получившие помощь в реструктуризации и все еще находящиеся в рамках плана реструктуризации и др.

Третья федеральная мера, направленная на повышение ликвидности бизнеса, – это отсрочка уплаты социальных взносов и корпоративного налога. Он применялся ко всем предприятиям, попавшим в беду из-за изоляции, без какого-либо различия между малыми и средними предприятиями и крупными компаниями. Федеральное правительство ввело меры стимулирования инвестиций, специально разработанные для малого и среднего бизнеса. Эта федеральная программа не инвестирует напрямую в экономику, но делает инвестиции в бизнес более привлекательными. В частности, он предусматривает новый механизм налоговых льгот, который предоставляет налоговые льготы при приобретении акций МСП, оборот которых сократился как минимум на 30% в результате пандемии. Сумма, имеющая право на скидку, ограничена 100 000 евро, а налоговая скидка составляет 20% внесенных средств за вычетом любых связанных с этим расходов. В рамках этой схемы МСП могут получить максимальную сумму в размере 250 000 евро.

Особенности регулирования господдержки МСП в Канаде

В 2020 году в Канаде в малые предприятия численностью от 1 до 99 сотрудников приходилось 98,0% предприятий, в которых было занято 7,7 млн человек, или 67,7% рабочей силы в частном секторе. В 2020-2021 годах правительство Канады продолжало принимать меры поддержки предпринимательства и роста малого и среднего бизнеса. Банк развития Канады (BDC) – это королевская корпорация, миссия которой заключается в поддержке предпринимательства. Таким образом, по состоянию на 31 марта 2020 года она предоставила 36,5 млрд канадских долларов в виде финансирования и инвестиций 62000 клиентам на всей территории Канады. В ответ на пандемию COVID-19 BDC от имени правительства управлял Программой кредитования бизнеса и Программой кредитования наиболее пострадавших секторов. В рамках этих программ канадские компании смогли получить кредиты в размере 60 млн канадских долларов для удовлетворения своих потребностей в операционном денежном потоке. BDC также предоставил новые кредиты на оборотный капитал, расширил свою платформу онлайн-финансирования и запустил свою программу промежуточного

финансирования, предназначенную для компаний, финансируемых венчурным капиталом, чтобы помочь своим клиентам. и увеличить предложение капитала на рынке.

Правительство Канады также инвестировало 371 миллион канадских долларов в Инициативу по стимулированию венчурного капитала (ICCR), чтобы увеличить доступ к венчурному капиталу для канадских компаний, находящихся на продвинутой стадии развития. В развитие этого импульса правительство закрепило в бюджете на 2021 год выделение до 450 млн канадских долларов в рамках обновленной ICCR, направленной на поддержку будущих инвестиций в венчурный капитал.

Правительство Канады разработало несколько программ для оказания адресной помощи предпринимателям отдельных категорий. В общей сложности он инвестировал почти 6 миллиардов канадских долларов в Стратегию в интересах женщин в предпринимательстве (SFE), не менее 272,8 млн канадских долларов – в Программу развития предпринимательства в общинах чернокожих (PECN) и 58,1 млн канадских долларов – в Futurpreneur, программу поддержки молодых предпринимателей. Стремясь упростить и рационализировать программы господдержки и помочь предпринимателям получить доступ к финансированию и капиталу, наставничеству, финансовому планированию и бизнес-обучению, правительство запустило Программу развития малого бизнеса и предпринимательства и инвестирование в развитие малого предпринимательства.

В 2020-2021 годах правительство Канады сохраняло приверженность предпринимательству и росту малого и среднего бизнеса. Столкнувшись с пандемией COVID-19, оказание поддержки предприятиям было представлено широким спектром сопутствующих мер. Так, через канадский чрезвычайный счет для бизнеса (CUEC) были предоставлены ссуды с нулевой процентной ставкой с возможностью частичного дисконтирования более чем 850 000 малых предприятий Канады.

Программа кредитования бизнеса (PCE) – это совместная программа кредитования и гарантий, которая предлагает финансирование малым и средним предприятиям. Канада по экспорту и развитию (EDC) работает в сотрудничестве с финансовыми учреждениями, чтобы гарантировать 80% новых операционных кредитов и срочных займов наличными (на сумму 6,25 млн канадских долларов), предоставляемых малым и средним предприятиям. Эта финансовая помощь предназначена для покрытия операционных расходов и предназначена как для экспортирующих, так и для неэкспортирующих компаний. В рамках Программы совместного кредитования малых и средних предприятий Банк развития Канады (BDC) сотрудничает с финансовыми учреждениями в предоставлении компаниям срочных кредитов на сумму 12,5 млн канадских долларов для удовлетворения их потребностей в денежных средствах.

Правительство Канады также ввело в действие Программу кредитования наиболее пострадавших секторов (PCSTT), которая позволяет предприятиям, сильно пострадавшим от COVID-19, получать обеспеченные ссуды под низкие проценты на сумму от 25 000 до 1 млн канадских долларов. PCSTT предназначен для компаний, работающих во всех секторах, включая те, которые больше всего пострадали от кризиса, такие как туризм, гостиничный бизнес, общественное питание, и те, которые в основном полагаются на услуги, связанные с прямым контактом с клиентами. Компании могут получать выгоду от процентной ставки в размере 4% и срока погашения до 10 лет. Правительство поручило BDC предоставить финансовому учреждению гарантию, покрывающую 100% суммы кредита.

Канадская чрезвычайная субсидия на заработную плату (SSUC) помогла защитить миллионы рабочих мест в стране и поддержала предприятия всех размеров по всей стране на

протяжении всей пандемии COVID-19. Канадский работодатель, доходы которого упали во время пандемии, может получить субсидию в размере до 75% от заработной платы работника для сохранения или повторного найма работников, предотвращения дальнейшей потери работы, и способствовать возвращению к нормальной жизни. SSUC позволил более чем 5,3 млн канадцев сохранить свои рабочие места и предоставил более 73 млрд канадских долларов на поддержку национальной экономики. В бюджете на 2021 год правительство продлило эту программу до 25 сентября 2021 года.

Банк развития Канады (BDC) отвечает за поддержку предпринимательства в Канаде и, в частности малого и среднего бизнеса. Он предлагает прямое кредитование, капитал на цели развития и переходный период, венчурный капитал, секьюритизацию и консультационные услуги. Его финансовые продукты и консультационные услуги дополняют предложения частных игроков. Кроме того, он играет антициклическую роль, усиливая поддержку канадских предпринимателей во времена экономических потрясений. Столкнувшись с пандемией COVID-19, BDC в десять раз увеличил объем операций по прямому кредитованию, мобилизовав свою платформу онлайн-финансирования и новые займы для финансирования потребностей в оборотном капитале.

После более чем восьми лет роста подряд инвестиции в венчурный капитал в Канаде достигли 6,2 млрд канадских долларов в 2019 году, а затем снизились до 4,1 млрд канадских долларов в 2020 году. Это обусловлено успехом Плана действий в области венчурного капитала, инициированного правительством в 2012 году, прямыми и косвенными инвестициями в венчурный капитал, осуществленными BDC с помощью портфеля примерно в 2,3 млрд канадских долларов, а также достижение зрелости сектора венчурного капитала. канадский.

В развитие PACR и первоначальной Инициативы по стимулированию венчурного капитала (ICCR) правительство объявило в бюджете на 2021 год о выделении 450 млн канадских долларов в рамках обновленной ICCR, направленной на поддержку канадской экосистемы венчурного капитала. Он создаст портфель, основанный на трех компонентах: компоненте крупных фондов, компоненте инклюзивного роста и компоненте венчурных инвестиций в технологии наук о жизни. Ожидается, что обновленный ICCR привлечет более 1,5 млрд канадских долларов на канадский рынок инновационного капитала за счет привлечения средств государственного и частного секторов.

Программа финансирования малого бизнеса продолжает расширять доступ малого бизнеса к финансированию. В бюджете на 2021 год предусмотрены были улучшение и модернизация программы путем внесения поправок в Закон Канады о финансировании малого бизнеса и его положения, что нацелено было на увеличение ежегодного финансирования на 560 млн канадских долларов и оказание помощи еще примерно 2900 малым предприятиям.

Futurpreneur Canada, некоммерческая организация, предлагающая молодым предпринимателям финансирование, услуги наставничества и инструменты оперативной поддержки, также получила финансирование в размере 38 млн канадских долларов в течение пяти лет, начиная с 2019-2020 гг., для продолжения оказания поддержки новому поколению предпринимателей Канады. Агентство предлагает молодым людям в возрасте от 18 до 39 лет ссуды на сумму до 20 000 канадских долларов для открытия своего бизнеса. Эти ссуды на срок от трех до пяти лет предоставляются на гибких условиях и обязательно сопровождаются репетиторскими услугами на срок не менее двух лет. Получатели также могут подать заявку на получение дополнительной ссуды в размере 40 000 канадских долларов в BDC. В 2020 году правительство инвестировало дополнительно 20,1 млн канадских долларов, чтобы позволить Futurpreneur Canada оказывать финансовую помощь молодым предпринимателям, которые

сталкиваются с трудностями из-за COVID-19.

Поддержка женщин-предпринимателей остается одним из приоритетных направлений деятельности правительства Канады. В 2018 году была запущена Стратегия в интересах женщин в предпринимательстве (SFE), в которой используется подход, предполагающий мобилизацию всего правительства для оказания устойчивой поддержки женщинам-предпринимателям. В бюджете на 2021 год правительство объявило новых инвестициях в размере 146,9 млн канадских долларов в SFE, в результате чего общий объем инвестиций в эту программу составит почти 6 миллиардов канадских долларов. Это расширение позволит предлагать доступное финансирование и обогащать данные, а также будет способствовать наращиванию потенциала в рамках предпринимательской экосистемы. В рамках стратегии партнеры SFE, в первую очередь Банк развития Канады и Export and Development Canada, поставили новые амбициозные цели.

Правительство Канады в сотрудничестве с национальными финансовыми учреждениями инвестировало не менее 221 млн канадских долларов, чтобы помочь тысячам чернокожих владельцев бизнеса и предпринимателей расширить свой бизнес по всей стране. Программа развития предпринимательства в общинах чернокожих (PECN) состоит из трех компонентов: 53 млн канадских долларов в Фонд национальной экосистемы, чтобы помочь некоммерческим коммерческим организациям, возглавляемым представителями чернокожего сообщества, по всей стране расширить их возможности по предоставлению вспомогательных услуг, в том числе в рамках Программы поддержки малого и среднего предпринимательства, Ссудный фонд, Центр поддержки малого и среднего бизнеса в Канаде, инвестиции в размере 291,3 млн канадских долларов (33,3 млн канадских долларов от правительства Канады, 130 млн канадских долларов от BDC и 128 млн канадских долларов от различных финансовых учреждений) на развитие черного предпринимательства. В рамках бюджета на 2021 год правительство выделяло еще до 51,7 млн долларов в течение четырех лет, начиная с 2021-2022 годов, в Фонд экосистем, чтобы помочь большему числу предприятий, возглавляемых чернокожими, и чернокожих предпринимателей.

В целях упрощения и оптимизации программ государственной поддержки и оказания помощи предпринимателям, стремящимся к справедливости, таким как расово настроенные канадцы, молодежь и другие, в получении доступа к финансированию и капиталу, а также к наставничеству финансовому планированию и другим услугам в рамках обучения управлению бизнесом правительство запускает программу развития малого бизнеса и предпринимательства. Этот инструмент, который получает финансирование в размере 101,4 млн канадских долларов в течение пяти лет, будет способствовать оказанию постоянной помощи малым предприятиям и малым предпринимателям на всей территории страны. Это даст всем канадцам равные шансы на успех и внесет вклад в восстановление и экономический рост.

Осенью 2018 года правительство также запустило стратегию диверсификации экспорта. Это инвестиции на общую сумму 1,1 млрд канадских долларов в течение шести лет, призванные помочь канадским компаниям выйти на новые рынки и увеличить канадский экспорт на 50% к 2025 году. Цели стратегии заключаются в инвестировании в инфраструктуру, расширении возможностей компаний для реализации своих экспортных проектов и улучшении бизнес-услуг. В рамках этого плана правительство выделяет 10 млн канадских долларов в течение трех лет на программы обеспечения готовности к экспорту и наращивания экспортного потенциала, реализуемые в партнерстве с местными организациями, чтобы помочь компаниям с высоким экспортным потенциалом воспользоваться преимуществами новых международных рынков. Кроме того, в течение пяти лет будет выделено 50 млн канадских долларов, чтобы помочь

малым и средним предприятиям освоить новые экспортные ниши. Стратегия также предусматривает выделение 100 млн канадских долларов в течение шести лет на CanExport и связанные с ним программы финансирования, чтобы помочь малым и средним предприятиям в поиске новых рынков за рубежом. Это финансирование добавлено к первоначальному пятилетнему взносу в размере 50 млн канадских долларов, выделенному CanExport при его создании в 2016 году. Созданная в 2016 году программа финансирования CanExport Службы торговых представителей ежегодно предоставляет канадским МСП, новаторам, ассоциациям и сообществам 33 млн канадских долларов в виде грантов и взносов, чтобы помочь им диверсифицировать свой экспорт и расширить свое международное присутствие. В соответствии со стратегией диверсификации экспорта, эта программа направлена на диверсификацию направлений экспорта, а также компаний-экспортеров. С этой целью недавно была открыта служба экспертных рекомендаций для женщин-предпринимателей и предпринимателей из числа коренных народов, чтобы разнообразить круг заявителей и лучше поддерживать тех, кто особенно пострадал от кризиса, вызванного COVID-19. В ответ на экспортные проблемы, связанные с COVID-19, CanExport 3 ноября 2020 года обновила свои руководящие принципы, чтобы предоставить более гибкое финансирование, особенно для виртуальной деятельности. Это положение позволило компаниям перейти от физических стратегий продаж к цифровым платформам.

Организация господдержки МСП в Канаде

В Швейцарии насчитывается всего 0,8% крупных компаний, а малые и средние предприятия, на которые приходится 99,2% компаний, продолжают доминировать в сфере предпринимательства. Парламент внес поправки в Федеральный закон о финансовой помощи организациям, предоставляющим облигации: с 1 июля 2019 года он разрешает облигации на сумму 1 млн швейцарских франков.

Федеральный совет, в частности, принял три меры для поддержки финансирования малого и среднего бизнеса во время пандемии: предоставление промежуточных займов в рамках программы гарантий, предоставление кредитов в рамках программы гарантий, специально предназначенной для стартапов, и программа поддержки (невозвратные взносы) в основном компаниям, которые по характеру своей экономической деятельности особенно пострадали от последствий кризиса, вызванного COVID-19.

В Швейцарии нет законодательства, конкретно применимого к совместному финансированию, поскольку оно обычно регулируется основными банковскими правилами, что может создать множество нормативных препятствий. Федеральный совет, осознавая важность инновационных финансовых технологий, в 2017 году пересмотрел Постановление о банках, чтобы снизить барьеры для выхода на рынок компаний, работающих в этой области, и повысить конкурентоспособность швейцарского финансового центра. Продление срока хранения средств для целей исполнения с семи до 60 дней и отмена требования о получении банковской лицензии («зона свободы») для приема государственных депозитов на сумму менее 1 млн швейцарских франков вступили в силу 1 августа 2017 года. Это решение стало важной вехой в развитии финансовых технологий в Швейцарии.

Еще одна поправка к Закону о банках вступила в силу в январе 2019 года, согласно которой появилась новая категория разрешений для компаний, которые принимают депозиты от населения на сумму до 100 млн швейцарских франков, но не инвестируют и не выплачивают вознаграждения по этим депозитам. Он направлен на упрощение требований к лицензированию

и осуществлению деятельности для компаний этой категории по сравнению с другими (имеющими обычные банковские лицензии) в области бухгалтерского учета, аудита и защиты вкладов. По данным Федерального совета, устойчивое развитие финансового сектора представляет собой большую возможность для финансового центра Швейцарии. Сочетание устойчивых финансовых услуг и цифровых технологий (экологически чистых финансовых технологий) является особенно многообещающим. Вот почему 3 ноября 2020 года он запустил «Сеть зеленых финтех» в сотрудничестве с представителями отрасли. Кроме того, было введено упрощение регулирования (пространство свободы) для страхового сектора (страховые технологии). Таким образом, в своем коммюнике от 21 октября 2020 г., касающемся Закона о страховом надзоре, Федеральный совет предложил, чтобы небольшие страховые компании, использующие инновационную бизнес-модель, были полностью или частично освобождены от надзора., сохраняя при этом защиту страхователей.

Важно отметить, что Швейцария – одна из передовых стран в области технологий распределенного реестра (DLT) и блокчейна. В 2021 году вступил в силу Федеральный закон об адаптации федерального законодательства к технологическим изменениям в децентрализованных электронных реестрах и соответствующий приказ.

К числу мер, принятых государственными органами, можно отнести финансирование кооперативных облигационных обществ для того, чтобы помочь эффективным и устойчивым малым и средним предприятиям получить банковские ссуды. Эти компании облегчают доступ МСП к банковским кредитам. Гарантия действует максимум 10 лет, а ее сумма ограничена 500 000 швейцарских франков на компанию (1 миллион швейцарских франков с 1 июля 2019 года). Процентная ставка устанавливается банками-кредиторами и зависит от рисков, связанных с проектом. Помимо процентной ставки, компания обычно должна выплачивать кооперативу комиссию в размере 1,25%.

Средства в основном предназначены для финансирования оборотного капитала, расширения, инвестиций или открытия бизнеса. В случае дефолта Органы государственной власти проводят мероприятия по рекапитализации облигационных кооперативов в размере 65% понесенных убытков. На конец 2020 года число бенефициаров составило 1866 компаний с общей непогашенной гарантией в размере 316 млн швейцарских франков. На долю программы пришлось около 205 млн швейцарских франков в качестве непогашенной задолженности и 3,7 млн швейцарских франков в качестве убытков по облигациям в 2020 году, к которым добавилось 1,8 млн швейцарских франков в качестве отсрочки предыдущих убытков, что составляет коэффициент чистых убытков 1,2%. Конфедерация также покрывает часть убытков, связанных с передачей обязательств, часть административных расходов кооперативов по облигациям в размере 3 млн швейцарских франков. В Швейцарии есть четыре кооперативных поручительских общества, которые помогают перспективным малым и средним предприятиям получать банковские ссуды. Три из них являются региональными, а четвертое – это национальная структура, услуги которой ориентированы исключительно на женщин. Объемы гарантий неуклонно увеличивались в период с 2007 по 2010 год, затем немного снизились в 2011 году; затем они возобновили рост до 2016 года, стабилизировались в 2017 году, а затем снова выросли в период с 2018 по 2020 год.

В мае 2019 года Федеральный совет принял решение о вступлении в силу пересмотренного Закона о финансовой помощи организациям, предоставляющим облигации, в пользу малого и среднего бизнеса, в результате чего с 1 июля 2019 года был повышен лимит облигаций до 1 млн швейцарских франков. Последствия этого изменения уже видны: объем государственных гарантий по займам увеличился с 285 млн швейцарских франков на конец 2019 года до 315 млн

швейцарских франков – на конец 2020 года., рост – на 10,5%.

Промежуточные кредиты были ключевой мерой Конфедерации, позволяющей компаниям справляться с проблемами с денежными потоками, вызванными кризисом COVID-19. В частности, малые и средние предприятия, пострадавшие от кризиса, смогли подать в свои банки заявку на получение кредита на сумму до 10% от их оборота, до 20 млн швейцарских франков (19,4 млн евро) в период с 26 марта по 31 июля 2020 года. Основные кредиты на сумму 500 000 швейцарских франков (485 000 евро) были предоставлены быстро и с очень простыми формальностями. Они полностью гарантированы Конфедерацией и имеют нулевую процентную ставку. Кредиты на сумму более 500 000 швейцарских франков гарантируются на уровне 85% Конфедерацией и 15% соответствующим банком; они предоставляются с процентной ставкой 0,5%. В целом было предоставлено около 138 000 промежуточных кредитов на общую сумму 17 миллиардов швейцарских франков (в процентах). 16,5 млрд евро). Около 20% швейцарских компаний воспользовались этой программой.

Кредиты для стартапов, еще одна мера поддержки, связанная с кризисом COVID-19, на 65% гарантированы Конфедерацией и на 35% – кантонами. За период применения этой меры, с 7 мая по 31 августа 2020 года, было предоставлено 359 кредитов на общую сумму около 99 млн швейцарских франков (96 млн евро).

Кроме того, в ноябре 2020 года была введена в действие «Программа помощи в чрезвычайных ситуациях» для оказания помощи компаниям, которые в результате своей экономической деятельности особенно пострадали от последствий кризиса, вызванного COVID. Местные органы власти несут ответственность за разработку и реализацию своих собственных программ. Компании, отвечающие критериям приемлемости для «крайних случаев», могут подавать заявки на получение ссуд, гарантий, поручительств, или отчисления в убыток. Затраты и убытки, связанные с этими региональными программами помощи, в основном покрываются Швейцарской Конфедерацией.

Заключение

Национальная государственная политика в поддержку доступа МСП к финансированию в 2020 году существенно изменилась в связи с пандемией COVID-19. Органы государственной власти сыграли ведущую роль в реагировании на кризис, увеличив прямую финансовую помощь малым и средним предприятиям, одновременно инициировав значительное увеличение финансирования, предоставляемого через финансовые учреждения, и в первую очередь через банки. Государства активизировали использование существующих инструментов политики, которые до кризиса способствовали устранению структурных ограничений, препятствующих финансированию малого и среднего бизнеса. Однако были приняты новые краткосрочные меры для обеспечения экстренной поддержки корпоративных денежных потоков до окончания кризисных условий. В преддверии кризиса государства продолжали внедрять механизмы кредитных гарантий и усилили поддержку альтернативных инструментов финансирования для малого и среднего бизнеса. После мирового финансового кризиса многие государства приняли меры по облегчению доступа МСП к кредитам, укрепили существующие механизмы, такие как механизмы обеспечения, посредничества в финансировании МСП и предпринимателей. кредитные или прямые займы. Однако эти механизмы в значительной степени сохранились в последующие годы, приоритет государственных действий изменился по мере того, как восстановление набирало обороты. К концу кризиса популярность долевых инструментов возросла, а меры, связанные с кредитованием (кредитные гарантии, прямые ссуды и т.д.), в

основном ориентируются на определенные подкатегории МСП, целевые группы. При этом банки остаются важными партнерами в развертывании программ стимулирования, как и цифровые платформы, учитывая их способность охватить более широкий круг бенефициаров и видов предоставляемой помощи.

Библиография

1. Балынин И.В. Развитие малого предпринимательства в Российской Федерации в 2011-2013 гг. // *Theoretical & Applied Science*. 2015. № 1 (21). С. 184-189.
2. Балынин И.В. Совершенствование финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // *Финансы*. 2023. № 7. С. 52-58.
3. Бухвальд Е.М. Переживет ли малый бизнес России шок 2020 года? // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. № 5. С. 1319-1336. DOI: 10.18334/epp.10.5.110134.
4. Демидова С.Е., Блошенко Т.А. Анализ мер поддержки системообразующих организаций в период пандемии // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2022. Т. 8. № 4 (32). С. 160-181.
5. Мусинова Н.Н., Сергиенко Н.С. Государственная поддержка малых и средних предприятий в условиях пандемии: зарубежная и российская практика // *Вестник университета*. 2021. № 2. С. 5-12. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-5-12.
6. Мусинова Н.Н., Сираждинов Р.Ж. Особенности реализации политики государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. // *Вестник университета*. 2019. № 9. С. 20-25.
7. Сергиенко Н.С. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в условиях пандемии коронавируса: опыт развитых стран // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 5 (118). С. 752-755.
8. Шохин А.Н., Маякина С.С., Проскурин А.В. Государственные инициативы в развитии малого и среднего предпринимательства в условиях кризиса на примере пандемии COVID-19 в мегаполисах (Москва, Нью-Йорк, Лондон, Гонконг и Токио) // *Бизнес. Общество. Власть*. 2021. № 3 (41). С. 72-95.
9. Bank of Canada, Senior Loan Officer Survey. URL: www.bankofcanada.ca/publications-research/periodicals/slos.
10. Creditreform, Presseletter 6.09.2021, "Firmen und Privatkonkurse 2021". URL <https://www.creditreform.ch/news/news/news-details/show/presseletter-05-firmeninsolvenzen-bleiben-auf-tiefem-niveau>.
11. Innovation, Science and Economic Development Canada, Credit Conditions Survey. URL http://www.ic.gc.ca/eic/site/061.nsf/eng/h_02192.html.
12. Institute of Financial Services Zug (IFZ), "Crowdfunding Monitor Switzerland 2021". URL: <https://blog.hslu.ch/retailbanking/crowdfunding>.
13. SECO, Press release 26.02.2021, "Gross domestic product in the 4th quarter of 2020: a slowdown in recovery". URL: <https://www.seco.admin.ch/seco/en/home/seco/nsb-news/medienmitteilungen-2021.msg-id-82489.html>.
14. Swiss Federal Department of Economic Affairs (2021), "Switzerland's SME support". Bern October 2021. URL: https://www.seco.admin.ch/dam/seco/en/dokumente/Publikationen_Dienstleistungen/Publikationen_Formulare/Standortfoerderung/Broschueren/kmu-foerderung-schweiz.pdf.download.pdf/KMU-Fo%CC%88rderung-Schweiz_EN.pdf.

The experience of foreign countries in the formation of public policy measures to support small and medium-sized businesses

Natal'ya S. Sergienko

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ssergienko@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of programmatic measures to support the development of small and medium-sized businesses abroad in the context of the pandemic crisis and its impact. The COVID-19 pandemic has had serious economic consequences, including due to the cessation of commercial activities related to containment measures, reduced demand and disruptions of value chains. The set of adopted legislative and regulatory acts in individual countries and the formation of experience in the development of system documents make it possible to summarize changes in measures to support the financing of SMEs and entrepreneurship both during the COVID-19 pandemic and for the restoration of entrepreneurial activity. The article examines the role of national incentive programs in solving problems and various tools used to assist SMEs. The assistance measures were aimed not only at eliminating traditional market failures affecting small and medium-sized enterprises, but also at increasing the ability of small and medium-sized enterprises to finance the investments needed for development through investments in digital transformation, sustainability, skills and innovation. The article concludes that some of the measures were canceled, and the rest were extended to consolidate the stimulating nature of their impact in providing financial assistance to small and medium-sized enterprises.

For citation

Sergienko N.S. (2024) Opyt zarubezhnykh stan po formirovaniyu mer gosudarstvennoi politiki podderzhki malogo i srednego biznesa [The experience of foreign countries in the formation of public policy measures to support small and medium-sized businesses]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 159-173. DOI: 10.34670/AR.2024.58.89.040

Keywords

Business, budget, small and medium-sized businesses, government support, government policy, taxes, employment, pandemic.

References

1. Balynin I.V. (2015) Razvitie malogo predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii v 2011-2013 gg. [Development of small business in the Russian Federation in 2011-2013]. *Theoretical & Applied Science* [Theoretical & Applied Science], 1 (21), S. 184-189.
2. Balynin I.V. Sovershenstvovanie finansovoi podderzhki sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Improving financial support for small and medium-sized businesses]. *Finansy* [Finance]. 2023. № 7. S. 52-58.
3. *Bank of Canada, Senior Loan Officer Survey*. Available at: www.bankofcanada.ca/publications-research/periodicals/slos [Accessed 30/04/2024].
4. Bukhval'd E.M. (2020) Perezhivet li maliy biznes Rossii shok 2020 goda? [Will small businesses in Russia survive the shock of 2020?]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo* [Economics, entrepreneurship and law], 5, S. 1319-1336. DOI: 10.18334/epp.10.5.110134.
5. *Creditreform, Presseletter 6.09.2021, "Firmen und Privatkonkurse 2021"*. Available at: <https://www.creditreform.ch/news/news/news-details/show/presseletter-05-firmeninsolvenzen-bleiben-auf-tiefem-niveau> [Accessed 30/04/2024].
6. Demidova S.E., Bloshenko T.A. (2022) Analiz mer podderzhki sistemoobrazuyushchikh organizatsii v period pandemii [Analysis of measures to support systemically important organizations during the pandemic]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research], 8, 4 (32), S. 160-181.
7. *Innovation, Science and Economic Development Canada, Credit Conditions Survey*. Available at http://www.ic.gc.ca/eic/site/061.nsf/eng/h_02192.html [Accessed 30/04/2024].
8. *Institute of Financial Services Zug (IFZ), "Crowdfunding Monitor Switzerland 2021"*. Available at:

- <https://blog.hslu.ch/retailbanking/crowdfunding> [Accessed 12/04/2024].
9. Musinova N.N., Sergienko N.S. (2021) Gosudarstvennaya podderzhka malyykh i srednykh predpriyatii v usloviyakh pandemii: zarubezhnaya i rossiiskaya praktika [State support for small and medium-sized enterprises in a pandemic: foreign and Russian practice]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2, pp. 5-12. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-5-12.
 10. Musinova N.N., Sirazhdinov R.Zh. (2019) Osobennosti realizatsii politiki gosudarstvennoi podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii. [Features of the implementation of the policy of state support for small and medium-sized businesses in the Russian Federation]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 9, S. 20-25.
 11. SECO, Press release 26.02.2021, "Gross domestic product in the 4th quarter of 2020: a slowdown in recovery". Available at: <https://www.seco.admin.ch/seco/en/home/seco/nsb-news/medienmitteilungen-2021.msg-id-82489.html> [Accessed 30/04/2024].
 12. Sergienko N.S. (2020) Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego biznesa v usloviyakh pandemii koronavirusa: opyt razvitykh stran [State support for small and medium-sized businesses in the context of the coronavirus pandemic: the experience of developed countries]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 5 (118), S. 752-755.
 13. Shokhin A.N., Mayakina S.S., Proskurin A.V. (2021) Gosudarstvennye initsiativy v razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v usloviyakh krizisa na primere pandemii COVID-19 v megapolisakh (Moskva, N'yu-York, London, G'ongkong i Tokio) [Government initiatives in the development of small and medium-sized businesses in times of crisis using the example of the COVID-19 pandemic in megacities (Moscow, New York, London, Hong Kong and Tokyo)]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power], 3 (41), pp. 72-95.
 14. Swiss Federal Department of Economic Affairs (2021), "Switzerland's SME support". Bern October 2021. Available at: https://www.seco.admin.ch/dam/seco/en/dokumente/Publikationen_Dienstleistungen/Publikationen_Formulare/Standortfoerderung/Broschueren/kmu-foerderung-schweiz.pdf.download.pdf/KMU-Foerderung-Schweiz_EN.pdf [Accessed 18/04/2024].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.60.66.042

Правовая основа развития коренных малочисленных народов Российской Федерации

Разумова Екатерина Валерьевна

Кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры
государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: EkVRazumova@fa.ru

Токмурзин Тимур Маратович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: ttokmurzin@fa.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению разработанной на федеральном уровне нормативно-правовой базы по вопросам управления и регулирования прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Анализируются документы стратегического планирования в сфере развития коренных малочисленных народов. Выявлены особенности сформированной в России системы национального законодательства в сфере регулирования и защиты прав коренных народов.

Для цитирования в научных исследованиях

Разумова Е.В., Токмурзин Т.М. Правовая основа развития коренных малочисленных народов Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 174-184. DOI: 10.34670/AR.2024.60.66.042

Ключевые слова

Коренные малочисленные народы, нормативно-правовая база, регулирование и защита прав, направления развития коренных малочисленных народов.

Введение

Российская Федерация является одним из самых многонациональных государств мира. Многонациональность нашей страны неоднократно отмечается в Конституции Российской Федерации, уже в Преамбуле основного закона на ней акцентируется внимание [Конституция Российской Федерации, www].

Многонациональность, этнокультурное разнообразие, многоязычие России подтверждаются результатами проводимых раз в десять лет Всероссийских переписей населения. Так, по итогам переписи 2020 года на территории Российской Федерации проживают 194 народа, самыми многочисленными из них являются русские (103,57 млн чел.), татары (4,71 млн чел.), чеченцы (1,67 млн чел.), башкиры (1,57 млн чел.), чувашаи (1,06 млн чел.). Важно отметить, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации национальная принадлежность указывается каждым человеком исключительно на основе самоопределения [Конституция Российской Федерации, www].

В настоящее время особое внимание со стороны органов публичной власти и высших должностных лиц уделяется вопросу значимости этнокультурного многообразия и обеспечения национального и гражданского единства. Так, в рамках общероссийского голосования в июле 2020 года были внесены дополнения в статью 69 Конституции Российской Федерации: отдельным пунктом статьи были закреплены государственные гарантии защиты культурной самобытности и сохранения этнокультурного и языкового многообразия. На заседании Совета по межнациональным отношениям в мае 2023 года Президент России В.В. Путин подчеркнул, что культурное и национальное многообразие – это всепобеждающая сила России.

Основная часть

В Российской Федерации создана обширная нормативно-правовая база, способствующая развитию представителей различных этносов и национальностей. Особую роль в развитии любого многонационального (полиэтнического) государства играют коренные народы. Отдельные характеристики коренных малочисленных народов в динамике результатов переписей населения 2010 и 2020 годов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Характеристики коренных малочисленных народов России

Показатели	Всероссийская перепись населения 2010 года	Всероссийская перепись населения 2020 года	Темп роста, %
Общая численность коренных малочисленных народов России, чел.	316011	315161	99,7
из них:			
Городское население, чел.	106329	99200	93,3
Сельское население, чел.	209682	215961	102,9
<i>Наиболее многочисленные народы, чел.</i>			
Ненцы	44640	49787	111,5
Абазины	43341	41874	96,6
Эвенки	37843	39420	104,2
Ханты	30943	31600	102,1
Эвены (ламуты)	22383	19975	89,2

Показатели	Всероссийская перепись населения 2010 года	Всероссийская перепись населения 2020 года	Темп роста, %
<i>Наиболее малочисленные народы, чел.</i>			
Кереки	4	23	575
Водь	64	105	164,1
Сету (сето)	214	242	113,1
Энцы	227	203	89,4
Тазы	274	236	86,1
Алоторцы	-	97	-

Источник: составлено авторами на основе [Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками, www; Итоги ВПН-2010. Том 4 Национальный состав и владение языками, гражданство, www].

Данные, представленные в таблице 1, позволяют сделать вывод, что численность коренных малочисленных народов составляет около 0,2% от общей численности населения Российской Федерации. При этом численность коренных малочисленных народов сократилась на 0,3% за 10 лет, а также изменилась на 3% структура населения в сторону сельского населения. Во многом текущее состояние и динамика развития коренных малочисленных народов зависят от качества нормативно-правовой базы, разработанной в государстве и формирующей основу экономического и социального развития данной части населения страны.

Представляется необходимым выделить несколько компонентов, составляющих законодательную основу федерального уровня и регламентирующих правовое положение и статус коренных народов.

1. Конституция Российская Федерация.

Конституция России (в частности, статьи 19, 26, 29, 68, 69) создает фундамент правового регулирования в сфере обеспечения и гарантий прав коренных малочисленных народов, а также защиты культурной самобытности всех народов России.

2. Федеральные законы.

Ключевым нормативно-правовым актом в рассматриваемой сфере является Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ. Именно в данном нормативно-правовом акте законодательно закрепляет базис правового статуса коренных малочисленных народов.

Российская практика правового регулирования предусматривает несколько критериев, обязательное наличие которых в своей совокупности составляет содержание понятия «коренные малочисленные народы», а именно:

- 1) Критерий малочисленности – представителей данного народа должно насчитываться менее 50 тыс. чел.;
- 2) Критерий расселения на определенной территории – представители данного народа должны населять традиционные для проживания своих предков местности;
- 3) Критерий ведения традиционного хозяйства и сохранения исторически сложившегося образа жизни;
- 4) Критерий самоопределения – представители данного народа должны осознавать себя в качестве самостоятельных этнических общностей.

Элементы правового статуса коренных малочисленных народов, закрепленные ФЗ-82, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Комплекс прав коренных малочисленных народов Российской Федерации

Группа прав	Правомочия	Условия реализации права
Социально-экономические	Безвозмездное пользование землями и полезными ископаемыми, относящимися к группе общераспространенных	При использовании земель в рамках ведения традиционного хозяйства
	Получение финансовой поддержки (от любых лиц, органов и организаций)	При использовании средств в целях социально-культурного и экономического развития
	Получение возмещения ущерба	При нанесении ущерба исконной среде обитания
	Получение государственной поддержки	При использовании средств в целях проведения реформ воспитательно-образовательной сферы
	Замена военной службы альтернативной гражданской	
	Обращение к традициям и обычаям при судебной защите своих интересов	При непротиворечии законодательству России
Политические	Участие в разработке и принятии органами публичной власти управленческих решений через уполномоченных представителей	При решении вопросов, связанных с жизнедеятельностью коренных малочисленных народов
	Осуществление территориального общественного самоуправления	
	Создание общины на добровольной основе	
	Делегирование представителей в советы при региональных и местных органах власти	
	Участие в реализации контрольных функций: – за использованием земель; – за соблюдением экологического законодательства	– при использовании земель в рамках ведения традиционного хозяйства; – при использовании земель и ресурсов в промышленных целях
	Участие в реализации экспертиз (этнологической и экологической)	При разработке программных документов, связанных с освоением ресурсов в местах проживания и хозяйствования коренных малочисленных народов
Культурные	Развитие, сохранение родных языков, обмен информацией на родных языках, организация СМИ	
	Создание фондов, культурных центров и других общественных объединений	
	Совершение религиозных обрядов и соблюдение традиций	При непротиворечии законодательству России
	Создание учебных групп из представителей коренных малочисленных народов в целях обучения традиционным промыслам и ремеслам	
	Сотрудничество и взаимодействие с другими коренными малочисленными народами	

Источник: составлено авторами на основе [Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ, www].

Среди политических прав, представленных в таблице 1, выделяется право коренных малочисленных народов на создание общин на добровольной основе. Подробная нормативная регламентация реализации данного права в части установления порядка создания, ликвидации и реорганизации общин, а также выстраивания их взаимоотношений с физическими и юридическими лицами, органами публичной власти содержится в Федеральном законе № 104-ФЗ [Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ, www].

В связи с тем, что ведение традиционных промыслов и хозяйствования является неотъемлемой чертой коренных малочисленных народов, а территория проживания имеет первостепенное значение, отдельным Федеральным законом № 49-ФЗ в России регламентируется порядок образования таких территорий, их виды и правовой режим территорий традиционного природопользования [Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ, www].

3. Нормативно-правовые акты Правительства Российской Федерации.

Данный компонент нормативно-правовой базы достаточно обширен и представлен различными постановлениями и распоряжениями. Прежде всего необходимо отметить правовые акты, утверждающие перечень коренных малочисленных народов: Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» и Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р, www].

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации № 1488, в случае причинения ущерба коренным малочисленным народам компенсация убытков происходит на основании соглашений между хозяйствующими субъектами, с одной стороны, и советами представителей коренных малочисленных народов, с другой стороны, таким образом, данный нормативно-правовой акт конкретизирует реализацию права, закрепленного в п. 8 ч. 1 ст. 8 ФЗ-82.

В соответствии со ст. 7.1 ФЗ-82, лица, относящиеся к группе малочисленных народов, подлежат учету Федеральным агентством по делам национальностей посредством ведения в электронном виде списка таких лиц. Порядок учета и объем вносимых в список сведений регламентируются Постановлением Правительства № 1520 [Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ, www].

4. Приказы федеральных органов исполнительной власти.

В качестве примера можно привести Приказ ФАДН России от 29.05.2020 № 65 «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по учету лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации».

Отдельно необходимо отметить нормы международного права, действующие в сфере защиты прав коренных народов. Одним из значимых документов является Конвенция № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая в 1989 году Генеральной конференцией Международной организации труда. Именно в данном законодательном акте содержится определение коренных народов. В международном правовом поле содержание этого понятия включает две обязательные характеристики:

1. Коренные народы в обязательном порядке должны являться потомками тех, кто проживал в данной стране (или на части ее территории) в период ее колонизации/завоевания/установления современных государственных границ.

2. Коренные народы в обязательном порядке должны сохранять полностью или частично собственные культурные традиции и обычаи, социально-экономические элементы жизни и

хозяйствования, а также политические элементы.

Кроме того, в качестве характерных черт коренных народов Конвенция рассматривает особую важность связи данных народов с землей в контексте духовно-культурной составляющей, а также низкий уровень интеграции в современную экономическую систему государства и политическую жизнь страны [Конвенция № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», www].

Другим важнейшим международным документом в сфере регулирования и защиты прав коренных народов является Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Данный документ не содержит определения коренных народов, но при этом подробно регламентирует всю совокупность их прав [Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, www]. Примечательно, что при голосовании по резолюции Российская Федерация воздержалась, а такие страны, как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия проголосовали против. Как следует из официального сообщения для СМИ, размещенного на официальном сайте МИД России, трудности вызвали положения статей 26-28 Декларации, закрепляющие земельно-ресурсные права коренных народов и порядок возмещения убытков.

Рассмотрение правовой основы развития коренных малочисленных народов России было бы неполным без системы документов стратегического планирования, представленных в таблице 3.

Таблица 3 – Документы стратегического развития коренных малочисленных народов Российской Федерации

Утверждающий НПА	Стратегический документ	Срок реализации
Документы целеполагания		
Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р	Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации	2009-2025 гг.
Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666	Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации	2012-2025 гг.
Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645	Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года	2020-2035 гг.
Документы планирования и программирования		
Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532	Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»	2017-2030 гг.
Распоряжение Правительства РФ от 15.04.2021 № 978-р	Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации	2021-2026 гг.
Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 № 484	Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»	2021-2030 гг.
Утвержден ФАДН России 01.07.2019	План деятельности Федерального агентства по делам национальностей	2019 – 2024 гг.

Источник: составлено авторами.

Анализ документов, рассмотренных в таблице 3, позволяет сформулировать следующие стратегические направления развития коренных малочисленных народов:

- формирование условий для устойчивого развития коренных малочисленных народов в области демографии, образования и культуры, а также повышение качества и уровня жизни;
- обеспечение конкурентоспособности традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов;
- участие коренных малочисленных народов в управлении делами, связанными с реализацией их прав и законных интересов посредством избрания представителей, формирования общин и создания других форм самоуправления;
- межрегиональное и международное сотрудничество между коренными малочисленными народами.

Заключение

Подводя итог, представляется возможным выделить следующие особенности правового регулирования развития коренных малочисленных народов Российской Федерации:

- Наличие четкого определения понятия «коренные малочисленные народы» с выделением его сущностных характеристик. Некоторые государства в своем национальном законодательстве не закрепляют определение данного понятия, а перечисляют непосредственно сами этносы/народы. Например, в Конституционном Акте Канады 1982 года к коренным народам относятся индейцы, инуиты и метисы.
- Присутствие в определении содержания понятия «коренные малочисленные народы» критерия, отражающего численность населения. В зарубежной практике используется понятие «коренные народы», в России – «коренные малочисленные народы».
- Законодательное закрепление двух перечней коренных малочисленных народов: в Российской Федерации сформирован перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, включающий наименования 40 народов, а также Единый перечень коренных малочисленных народов России, состоящий из 47 наименования народов.
- Правовое закрепление территорий проживания каждого коренного малочисленного народа с указанием не только субъекта Российской Федерации, на территории которого он проживает, но и территории конкретного муниципального образования.
- Наличие в правовом статусе коренных малочисленных народов права, связанного с реализацией воинской обязанности.
- Широкий спектр программно-целевых документов, определяющих цели, задачи и механизмы развития коренных малочисленных народов на стратегическую перспективу.

Библиография

1. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 30.01.2024).
2. Заседание совета по межнациональным отношениям. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71165> (дата обращения: 30.01.2024).
3. Итоги ВПН-2010. Том 4 Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612.htm (дата обращения: 30.01.2024).
4. Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.01.2024).
5. Конвенция № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах».

- URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/io1169.shtml (дата обращения: 30.01.2024).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lw1x19dx4k414621252 (дата обращения: 25.01.2024).
 7. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федер. закон от 30.01.1999 № 82-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/?ysclid=lw1wz78sv14588950 (дата обращения: 25.01.2024).
 8. О принятии 61-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1607746/ (дата обращения: 30.01.2024).
 9. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/?ysclid=lw1z3pgom3672210480 (дата обращения: 02.01.2024).
 10. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/?ysclid=lw1z4suwyo212687971 (дата обращения: 02.01.2024).
 11. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 07.01.2001 № 49-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/?ysclid=lw1wy7jrcg509233771 (дата обращения: 25.01.2024).
 12. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/?ysclid=lw1wxbrxn6395444286 (дата обращения: 25.01.2024).
 13. Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по учету лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации: приказ ФАДН России от 29.01.2020 № 65 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74626544/?ysclid=lw1yvgnuyx622101173> (дата обращения: 30.01.2024).
 14. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики: постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/?ysclid=lw1z5zsfhk611449889 (дата обращения: 29.01.2024).
 15. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 30.03.2021 № 484 (ред. от 30.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381261/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=lw1zag1l3q116848819 (дата обращения: 02.01.2024).
 16. Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 17.01.2006 № 536-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59703/3f82cd68de4903c3be21ef88ebc86f7582cf857f/?ysclid=1w1yrf5kbj588092 (дата обращения: 02.01.2024).
 17. Об утверждении Правил ведения списка лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, предоставления содержащихся в нем сведений, а также осуществляемого в связи с его ведением межведомственного взаимодействия: постановление Правительства РФ от 23.09.2020 № 1520 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363124/?ysclid=lw1yrhewk5307629589 (дата обращения: 29.01.2024).
 18. Об утверждении Программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 15.01.2021 № 978-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382421/?ysclid=lw1z79z2oc630860632 (дата обращения: 02.01.2024).
 19. План деятельности Федерального агентства по делам национальностей на 2019 - 2024 годы» (утв. ФАДН России 01.07.2019) (вместе с «Планом-графиком по реализации документов стратегического планирования Федерального агентства по делам национальностей на 2019 - 2024 годы») // СПС «КонсультантПлюс». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328372/?ysclid=lw1zblhu9o834079896 (дата обращения: 30.01.2024).

Legal basis for the development of indigenous minorities of the Russian Federation

Ekaterina V. Razumova

PhD in Economics,
Senior Lecturer of the Department of Public Administration
and Municipal Management,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: EkVRazumova@fa.ru

Timur M. Tokmurzin

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ttokmurzin@fa.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the regulatory and legal framework developed at the federal level on the issues of management and regulation of the rights of small indigenous minorities of the Russian Federation. The article analyzes strategic planning documents in the sphere of development of small indigenous minorities. The article reveals the peculiarities of the Russian system of national legislation in the sphere of regulation and protection of the rights of indigenous peoples.

For citation

Razumova E.V., Tokmurzin T.M. (2024) *Pravovaya osnova razvitiya korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii* [Legal basis for the development of indigenous minorities of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 174-184. DOI: 10.34670/AR.2024.60.66.042

Keywords

Indigenous minorities, legal framework, regulation and protection of rights, directions of development of indigenous minorities.

References

1. *Deklaratsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii o pravakh korennykh narodov* [United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml [Accessed 30/01/2024].

2. O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 30.04.1999 № 82-FZ [On guarantees of the rights of indigenous peoples of the Russian Federation: federation. Law of April 30, 1999 No. 82-FZ]. SPS «Konsul'tantPlyus» [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/?ysclid=lw1wzr78sv14588950 [Accessed 25/01/2024].
3. *Itogi VPN-2010. Tom 4 Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [Results of VPN-2010. Volume 4 National composition and language proficiency, citizenship]. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [Accessed 30/01/2024].
4. *Itogi VPN-2020. Tom 5 Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami* [Results of VPN-2020. Volume 5 National composition and language proficiency]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami [Accessed 30/01/2024].
5. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. SPS «Konsul'tantPlyus» [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lw1x19dx4k414621252 [Accessed 25/01/2024].
6. *Konventsiya № 169 «O korennykh narodakh i narodakh, vedushchikh plemennoi obraz zhizni v nezavisimykh stranakh»* [Convention No. 169 “On Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries”]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml [Accessed 30/01/2024].
7. Ob obshchikh printsipakh organizatsii obshchin korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 20.07.2000 № 104-FZ [On the general principles of organizing communities of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: Federal Law of July 20, 2000 No. 104-FZ]. SPS «Konsul'tantPlyus» [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/?ysclid=lw1wx6pxn6395444286 [Accessed 25/01/2024].
8. Ob utverzhdenii administrativnogo reglamenta predostavleniya gosudarstvennoi uslugi po uchetu lits, otnosyashchikhsya k korennykh malochislennym narodam Rossiiskoi Federatsii: prikaz FADN Rossii ot 29.01.2020 № 65 [On approval of the administrative regulations for the provision of public services for the registration of persons belonging to the indigenous peoples of the Russian Federation: Order of the FADN of Russia of May 29, 2020 No. 65]. SPS «Garant» [SPS Consultant]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74626544/?ysclid=lw1yvgnyux622101173> [Accessed 30/01/2024].
9. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Realizatsiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2016 № 1532 [On approval of the state program of the Russian Federation “Implementation of state national policy: Decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2016 No. 1532]. SPS «Konsul'tantPlyus» [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/?ysclid=lw1z5zsfhk611449889 [Accessed 29/01/2024].
10. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii»: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.03.2021 № 484 (red. ot 30.11.2023) [On approval of the state program of the Russian Federation “Socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation”: Decree of the Government of the Russian Federation of March 30, 2021 No. 484 (as amended on November 30, 2023)]. SPS «Konsul'tantPlyus» [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381261/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=lw1zag1l3q116848819 [Accessed 02/01/2024].
11. Ob utverzhdenii perechnya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.04.2006 № 536-r [On approval of the list of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: order of the Government of the Russian Federation dated April 17, 2006 No. 536-r]. SPS «Konsul'tantPlyus» [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59703/3f82cd68de4903c3be21ef88ebc86f7582cf857f/?ysclid=1w1ypf5kbj588092 [Accessed 02/01/2024].
12. Ob utverzhdenii Pravil vedeniya spiska lits, otnosyashchikhsya k korennykh malochislennym narodam Rossiiskoi Federatsii, predostavleniya sodержashchikhsya v nems vedenii, a takzhe osushchestvlyаемого v svyazi s ego vedeniem mezhdvedomstvennogo vzaimodeistviya: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.09.2020 № 1520 [On approval of the Rules for maintaining a list of persons belonging to indigenous peoples of the Russian Federation, providing the information contained in it, as well as interdepartmental interaction carried out in connection with its maintenance: Decree of the Government of the Russian Federation dated September 23, 2020 No. 1520]. SPS «Konsul'tantPlyus» [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363124/?ysclid=lw1yrhewk5307629589 [Accessed 29/01/2024].
13. Ob utverzhdenii Programmy gosudarstvennoi podderzhki traditsionnoi khozyaistvennoi deyatelnosti korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii, osushchestvlyаемoi v Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2021 № 978-r [On approval of the Program of state support for traditional economic activities of indigenous peoples of the Russian Federation, carried out in the Arctic zone of the Russian Federation].

- Federation: Order of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2021 No. 978-r]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]; Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382421/?ysclid=lw1z79z2oc630860632 [Accessed 02/01/2024].
14. Plan deyatelnosti Federal'nogo agentstva po delam natsional'nostei na 2019 - 2024 gody (utv. FADN Rossii 01.07.2019) (vmeste s Planom-grafikom po realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya Federal'nogo agentstva po delam natsional'nostei na 2019-2024 gody) [Activity plan of the Federal Agency for National Affairs for 2019-2024 (approved by the FADN of Russia on July 1, 2019) (together with the Schedule for the implementation of strategic planning documents of the Federal Agency for National Affairs for 2019-2024)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328372/?ysclid=lw1zblhu9o834079896 [Accessed 30/01/2024].
 15. O prinyatii 61-i sessiei General'noi Assamblei OON Deklaratsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii o pravakh korennykh narodov [On the adoption by the 61st session of the UN General Assembly of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples.]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1607746/ [Accessed 30/01/2024].
 16. O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 [On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/?ysclid=lw1z3pgom3672210480 [Accessed 02/01/2024].
 17. O Strategii razvitiya Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii i obespecheniya natsional'noi bezopasnosti na period do 2035 goda: ukaz Prezidenta RF ot 26.10.2020 № 645 [On the Strategy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period until 2035: Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2020 No. 645]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/?ysclid=lw1z4suwyo212687971 [Accessed 02/01/2024].
 18. O territoriyakh traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 07.01.2001 № 49-FZ [On the territories of traditional environmental management of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: Federal Law of May 07, 2001 No. 49-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/?ysclid=lw1wy7jreg509233771 [Accessed 25/01/2024].
 19. *Zasedanie soveta po mezhnatsional'nym otnosheniyam* [Meeting of the Council on Interethnic Relations]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71165> [Accessed 30/01/2024].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.64.19.035

Борьба с киберпреступностью как задача государства и гражданского общества

Багрецов Дмитрий Николаевич

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: Bagretsov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются киберпреступность и борьба с ней как с одним из ведущих вызовов современности. Оценивается важность данной задачи и инновационных подходов к ней. Киберпреступность включает в себя широкий спектр деяний, включая компьютерные атаки, кражу личных данных, финансовые мошенничества, распространение вредоносного программного обеспечения и многие другие формы противоправной деятельности в сети. Подобные преступления не только угрожают финансовой безопасности и личным данным индивидуумов, но также имеют потенциал нанести серьезный ущерб бизнес-сектору и даже государствам. По выводам автора, борьба с киберпреступностью требует постоянного развития и применения инновационных методов. Внедрение искусственного интеллекта, блокчейна и квантовых компьютеров открывает новые горизонты в области кибербезопасности, улучшая защиту информации и снижая уязвимость перед угрозами киберпреступников. Объединение этих методов позволяет создать эффективную систему, способную отвечать вызовам современного цифрового мира и обеспечивать защиту цифровых активов.

Для цитирования в научных исследованиях

Багрецов Д.Н. Борьба с киберпреступностью как задача государства и гражданского общества // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 185-190. DOI: 10.34670/AR.2024.64.19.035

Ключевые слова

Киберпреступность, IT-преступления, защита информации, информационное общество.

Введение

Цифровизация – это внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. В конце 90-х годов XX века в мире начали говорить о технологиях IoT и цифровой экономике, тогда как в России в это время только начали появляться первые мобильные телефоны. С тех пор прошло более двадцати лет, и Интернет вещей стал для нас привычным явлением: практически у каждого есть дома умные устройства, которых во всем мире насчитывается уже более 26 миллиардов единиц, а в России только за последний год было куплено почти 20 миллионов SIM-карт для IoT-оборудования. Производственная цифровизация занимается сокращением монотонного физического труда для человека, организует и контролирует трудовые и производственные процессы и обеспечивает безопасность сотрудников компании. Допустим, простой рабочий идет на свое место к станку, но почему-то включается сирена, а самому сотруднику сообщают о нарушении техники безопасности. Это «умная» система видеоаналитики заметила, что работник вошел в цех без каски, подала сигнал и спасла человеку жизнь. «Умные» системы при помощи машинного зрения выявляют бракованные детали, а система видеонаблюдения следит за соблюдением техники безопасности. Такие же системы применяются в непромышленных компаниях и даже в маленьких офисах [Багрецов, 2023]. Цифровизация широко распространена и в быту: количество новых образцов домашней техники постоянно растет. Государство внедряет цифровизацию во все свои структуры. Для борьбы с коррупцией чрезвычайно эффективной исследователи считают систему электронной подачи обращений «одно окно». Система анализа данных давно уже эффективно используется в исполнительной власти. Яркий пример – розыск преступников с использованием онлайн-камер на улицах или возможность отправить обращение в нужные инстанции по Интернету. Одна из главных заслуг цифровизации государства – это снижение количества бумажной волокиты и бюрократии при оформлении документов. Справки и паспорта можно заказывать через приложение, там же хранить и обновлять все данные [Багрецов, 2023].

Параллельно с цифровизацией развивается и киберпреступность. В настоящее время киберпреступность стала одной из самых значительных проблем в области безопасности, представляя серьезную угрозу для международного сообщества. Развитие информационных технологий и всеобщее проникновение Интернет в повседневную жизнь людей создали идеальную почву для развития различных видов киберугроз.

Основная часть

Киберпреступность включает в себя широкий спектр деяний, в том числе компьютерные атаки, кражу личных данных, финансовые мошенничества, распространение вредоносного программного обеспечения и многие другие формы противоправной деятельности в сети. Подобные преступления не только угрожают финансовой безопасности и личным данным индивидуумов, но также имеют потенциал нанести серьезный ущерб бизнес-сектору и даже государствам [Что такое киберпреступность? Защита от киберпреступности, www].

Одной из главных причин роста киберпреступности является быстрый технологический прогресс и все большая зависимость общества от цифровой инфраструктуры. Такие явления, как интернет-банкинг, онлайн-покупки и социальные сети, стали неотъемлемой частью нашей жизни, предоставляя злоумышленникам бесчисленные возможности для совершения преступлений. Киберпреступники активно используют уязвимости в системах безопасности,

проявляя высокую квалификацию и часто оперируя на глобальном уровне [Рубанов, 2022].

Однако, помимо технологических аспектов киберпреступности, следует также уметь оценивать факторы, вызывающие мотивацию преступников. Часто кибератаки совершаются с целью получения финансовой выгоды, но также могут быть проведены из политических мотивов или с целью причинения ущерба репутации определенного лица, организации или государства.

Для борьбы с киберугрозами всем участникам общества требуется внимательность и подготовка. Государства должны разрабатывать и укреплять соответствующие правовые нормы, а также сотрудничать с другими государствами для координации действий и обмена информацией [Эксперты назвали низкую цифровую грамотность россиян причиной роста киберпреступности, [www](#)]. Бизнес-сектор должен внедрять современные меры безопасности, чтобы минимизировать уязвимости своих систем, а обычные пользователи должны обладать базовыми навыками и знаниями по защите своих данных онлайн.

Только взаимодействие и совместные усилия государств, бизнеса и граждан могут обеспечить эффективную защиту от киберпреступности и минимизировать ее воздействие на общество в целом.

Итак, киберпреступность является одной из наиболее острых проблем современного общества. Вместе с развитием информационных технологий и всемирной паутины киберугрозы становятся все более серьезными, труднопреодолимыми и разнообразными. Каждый год миллионы людей и организаций по всему миру сталкиваются с киберпреступлениями, причиняющими серьезный ущерб их безопасности, финансам и доверию.

Для борьбы с киберпреступностью существуют различные методы и подходы. Один из них – разработка эффективной правовой системы и улучшение законодательства. Государства продолжают принимать строгие законы и нормативные акты, которые квалифицируют киберпреступления, определяют и наказывают их. Кроме того, важно сотрудничество между странами для экстрадиции и судебного преследования отдельных лиц, которые выполняют киберпреступные действия в зарубежных юрисдикциях [Багрецов, 2023].

Однако исключительно юридические меры недостаточны для эффективности борьбы с киберугрозами. Необходимо укреплять сотрудничество между государствами, правоохранительными органами и частными компаниями. Совместные усилия по обмену информацией и опытом позволят лучше понимать и предотвращать новые виды киберпреступлений, которые появляются по мере развития технологий.

Наиболее распространенными методами борьбы с киберпреступностью являются использование современных технологий защиты и применение сертифицированных систем безопасности. Компании и организации вынуждены регулярно обновлять свое программное и аппаратное обеспечение, чтобы минимизировать уязвимости и предотвращать атаки. Также важно обучение пользователей основам кибербезопасности, чтобы они могли распознавать и избегать подозрительных действий и мошеннических попыток [Багрецов, Шунякова, Альтшулер-Феррейра, 2023; Эксперты назвали низкую цифровую грамотность россиян причиной роста киберпреступности, [www](#)].

В современной фантастике предложен радикальный выход из сложного положения с киберпреступностью: писатель Андрей Рубанов предполагает в обозримом будущем появление «фразумных денег» [Рубанов, 2022], украсть которые будет невозможно. Более того, в конце года такие деньги будут автоматически списываться со счетов, что делает невозможным накопление средств. Вариант с ажиотажным спросом на любые товары к концу года писатель не рассматривает, как и появление квазиденег, разного рода взаимозачетов и в итоге возвращение

к натуральному товарообмену.

Между тем борьба с киберпреступностью продолжается. Она теперь требует активного содействия киберсообщества. «Белые хакеры» и специалисты по кибербезопасности играют все более важную роль в обнаружении и реагировании на угрозы. Они могут проникать в системы для тестирования их уязвимостей и разрабатывать меры по предотвращению атак.

Наконец, формирование глобальных партнерств, как государственных, так и частных, также является неотъемлемой частью борьбы с киберпреступностью. Международные организации, такие как Интерпол, осуществляют координацию действий по различным аспектам сотрудничества и обмену информацией. Компании должны также активно участвовать в разработке и реализации стандартов безопасности, чтобы минимизировать риски для своих клиентов и партнеров.

Заключение

В целом, борьба с киберпреступностью требует комплексного подхода, включающего правовые, технические и образовательные меры. Только в единстве и сотрудничестве мы сможем защитить себя и весь мир от киберугроз и обеспечить безопасность в Интернете.

В настоящем информационном веке, где зависимость общества от технологий с каждым днем усиливается, киберпреступность становится одной из наиболее серьезных угроз. Киберпреступники постоянно совершенствуют свои методы вторжения и махинирования, поэтому необходимы инновационные методы борьбы с ними.

Киберпреступность может нанести значительный ущерб как отдельным лицам, так и для организациям, государствам и даже всему международному сообществу. Возможность потерять ценные информационные активы и причинить значительный ущерб репутации становится все более реальной. Поэтому создание эффективных и инновационных систем защиты и предотвращения кибератак становится вопросом жизненной важности.

Одним из инновационных методов борьбы с киберпреступностью является использование искусственного интеллекта (ИИ) в качестве средства для обнаружения и предотвращения атак. Искусственный интеллект не может иметь корыстного умысла, следовательно, он не подвержен коррупции; при этом ИИ обладает всеми современными умениями, знаниями и компетенциями, в частности возможностью проанализировать большой объем данных и выявить аномальные шаблоны и поведение, которые могут указывать на нападение или вторжение. Системы на основе ИИ могут автоматически реагировать на такие угрозы и принимать соответствующие меры для защиты информации.

Другим инновационным методом является применение блокчейна для обеспечения безопасности и надежности цифровой информации. Блокчейн – это децентрализованная система хранения данных, которая гарантирует целостность и невозможность подмены или подделки информации. Путем использования блокчейна можно создать систему, в которой все транзакции и доступ к информации записываются и отслеживаются, обеспечивая прозрачность и безопасность данных.

Также одним из новейших инновационных методов борьбы с киберпреступностью является использование квантовых компьютеров. Квантовые компьютеры используют принципы квантовой механики, что их делает значительно более мощными и быстрыми по сравнению с традиционными компьютерами. Это открывает новые возможности для разработки алгоритмов и систем защиты, которые могут справиться с сложными шифрованными алгоритмами, используемыми киберпреступниками.

В конечном итоге, борьба с киберпреступностью требует постоянного развития и применения инновационных методов [Багрецов, Шунякова, 2023]. Внедрение искусственного интеллекта, блокчейна и квантовых компьютеров открывает новые горизонты в области кибербезопасности, улучшая защиту информации и снижая уязвимость перед угрозами киберпреступников. Объединение этих методов позволяет создать эффективную систему, способную отвечать вызовам современного цифрового мира и обеспечивать защиту цифровых активов.

Библиография

1. Багрецов Д.Н. Некоторые аспекты цифровизации в области народного образования // Молодежь и наука. 2023. № 7.
2. Багрецов Д.Н. Общественный порядок и коллективная безопасность как центральные идеологемы для консолидации общества и основа педагогической деятельности в гуманитарной сфере // Молодежь и наука. 2023. № 7.
3. Багрецов Д.Н., Шунякова О.В., Альтшулер-Феррейра О.Л. Коммуникативные стратегии киберпреступности // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальное и технико-криминалистическое обеспечение для борьбы с киберпреступлениями в современном обществе». Тамбов: Перо, 2023. С. 8-11.
4. Рубанов А. Аз Иванов. Выход в деньги // Время вышло. Современная русская антиутопия. М.: Альпина-нонфикшн, 2022. С. 23.
5. Что такое киберпреступность? Защита от киберпреступности // Kaspersky. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime>.
6. Эксперты назвали низкую цифровую грамотность россиян причиной роста киберпреступности // Форбс. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/455881-eksperty-sprognozirovali-rost-userba-ot-kiberprestupnosti-v-rossii-do-165-mlrd-rublej>.
7. Holt T., Bossler A. Cybercrime in progress: Theory and prevention of technology-enabled offenses. – Routledge, 2015.
8. Das S., Nayak T. Impact of cybercrime: Issues and challenges // International journal of engineering sciences & Emerging technologies. – 2013. – Т. 6. – №. 2. – С. 142-153.
9. Gordon S., Ford R. On the definition and classification of cybercrime // Journal in computer virology. – 2006. – Т. 2. – С. 13-20.
10. Anderson R. et al. Measuring the cost of cybercrime // The economics of information security and privacy. – 2013. – С. 265-300.

The fight against cybercrime is one of the most important modern tasks of the state and civil society

Dmitrii N. Bagretsov

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66 Korepina str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: Bagretsov@mail.ru

Abstract

The article examines cybercrime and the fight against it as one of the leading challenges of our time. The importance of this task and innovative approaches to it are assessed. Cybercrime includes a wide range of activities, including computer attacks, identity theft, financial fraud, distribution of malware and many other forms of illegal activity online. Such crimes not only threaten the financial

The fight against cybercrime is one of the most important ...

security and personal data of individuals, but also have the potential to cause serious damage to the business sector and even states. According to the author's conclusions, the fight against cybercrime requires constant development and application of innovative methods. The introduction of artificial intelligence, blockchain and quantum computers opens up new horizons in the field of cybersecurity, improving information security and reducing vulnerability to cybercriminal threats. Combining these methods allows you to create an effective system that can meet the challenges of the modern digital world and ensure the protection of digital assets.

For citation

Bagretsov D.N. (2024) Bor'ba s kiberprestupnost'yu kak odna iz vazhneishikh sovremennykh zadach gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva [The fight against cybercrime is one of the most important modern tasks of the state and civil society]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 185-190. DOI: 10.34670/AR.2024.64.19.035

Keywords

Cybercrime, it-crimes, information protection, information society.

References

1. Bagretsov D.N. (2023) Nekotorye aspekty tsifrovizatsii v oblasti narodnogo obrazovaniya [Some aspects of digitalization in the field of public education]. *Molodezh' i nauka* [Youth and Science], 7.
2. Bagretsov D.N. (2023) Obshchestvennyi porядok i kollektivnaya bezopasnost' kak tsentral'nye ideologemy dlya konsolidatsii obshchestva i osnova pedagogicheskoi deyatel'nosti v gumanitarnoi sfere [Public order and collective security as central ideologies for the consolidation of society and the basis of pedagogical activity in the humanitarian sphere]. *Molodezh' i nauka* [Youth and Science], 7.
3. Bagretsov D.N., Shunyakova O.V., Altshuler-Ferreira O.L. (2023) Kommunikativnye strategii kiberprestupnosti [Cybercrime Communication Strategies]// *Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ugolovno-protsessual'noe i tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie dlya bor'by s kiberprestupleniyami v sovremennom obshchestve»* [Proc. All-Russian Conf. "Criminal procedural and technical forensic support for combating cybercrime in modern society."]. Tambov: Pero Publ., pp. 8-11.
4. Chto takoe kiberprestupnost'? Zashchita ot kiberprestupnosti [Time's up. Modern Russian dystopia]. *Kaspersky*. Available at: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime> [Accessed 12/03/2024].
5. Eksperty nazvali nizkuyu tsifrovuyu gramotnost' rossiyan prichinoy rosta kiberprestupnosti [Experts called the low digital literacy of Russians the reason for the increase in cybercrime]. *Forbs*. Available at: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/455881-eksperty-sprognozirovali-rost-userba-ot-kiberprestupnosti-v-rossii-do-165-mlrd-rublej> [Accessed 12/03/2024].
6. Rubanov A. (2022) Az Ivanov. Vykhod v den'gi [Az Ivanov. Out of money]. *Vremya vyshlo. Sovremennaya russkaya antiutopiya* [Time's up. Modern Russian dystopia]. Moscow: Al'pina-nonfikshn, Publ.
7. Holt, T., & Bossler, A. (2015). *Cybercrime in progress: Theory and prevention of technology-enabled offenses*. Routledge.
8. Das, S., & Nayak, T. (2013). Impact of cybercrime: Issues and challenges. *International journal of engineering sciences & Emerging technologies*, 6(2), 142-153.
9. Gordon, S., & Ford, R. (2006). On the definition and classification of cybercrime. *Journal in computer virology*, 2, 13-20.
10. Anderson, R., Barton, C., Böhme, R., Clayton, R., Van Eeten, M. J., Levi, M., ... & Savage, S. (2013). Measuring the cost of cybercrime. *The economics of information security and privacy*, 265-300.

УДК 332, 342

DOI: 10.34670/AR.2024.98.11.043

Управление развитием региональной инновационной подсистемы: институционально-правовое обеспечение

Москвитина Екатерина Ильинична

Кандидат экономических наук,
ассистент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: eimoskvitina@fa.ru

Аннотация

В статье институционально-правовое обеспечение рассматривается как одно из ключевых условий развития региональной инновационной подсистемы, которое выступает одновременно и внутренним параметром, измеряемым качественно и количественно, и фактором внешней среды, формируемым на федеральном и региональном уровнях. В общей системе рейтинговой оценки инновационного развития региона выявлены показатели, характеризующие институционально-правовое обеспечение региональной инновационной подсистемы, и установлена их принадлежность к блоку индикаторов качества инновационной политики. На примере Республики Татарстан исследованы во взаимосвязи следующие вопросы: значения показателей, характеризующих институционально-правовое обеспечение инновационного развития, содержание соответствующих ключевых нормативных правовых актов и их влияние на формирование системных свойств региональной инновационной подсистемы. Выявлены разделы Концепции технологического развития на период до 2030 года, положения которых содержат системный подход к научно-технологическому и инновационному развитию, в разной степени реализуемый на уровне субъектов Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Москвитина Е.И. Управление развитием региональной инновационной подсистемы: институционально-правовое обеспечение // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 191-201. DOI: 10.34670/AR.2024.98.11.043

Ключевые слова

Региональная инновационная подсистема, институционально-правовое обеспечение, нормативные правовые акты, институты развития, управление инновационным развитием, концепция технологического развития.

Введение

Особенности формирования модели инновационной подсистемы и ее отдельных территориально-отраслевых параметров на уровне региона и макрорегиона были описаны автором ранее в публикациях [Москвитина. Разработка основ матричной модели региональной инновационной подсистемы, 2023; Москвитина. Управление развитием патентно-технологического потенциала для стимулирования цифровой трансформации промышленности на макрорегиональном уровне, 2023]. В продолжение исследования инновационных подсистем регионов Приволжского федерального округа (далее – ПФО) цель данной работы состоит в углублении результатов анализа институционально-правового обеспечения формирования и развития региональной инновационной подсистемы на примере «макрорегионального лидера», установленного по последним данным Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации [Абашкин и др., 2023], согласно которому по интегральному показателю в первую тройку вошли сразу два региона ПФО – Республика Татарстан и Нижегородская область.

Основная часть

В рамках предложенной автором модели региональная инновационная подсистема объединяет три группы параметров (рис. 1), характеризующихся соответствующими количественными и качественными показателями.

Источник: составлено автором

Рисунок 1 – Параметры региональной инновационной подсистемы

Институционально-правовое обеспечение, с одной стороны, выступает внутренним параметром региональной инновационной подсистемы, отражающим потенциал развития правового регулирования соответствующих отношений и институциональной поддержки

(институт управления, институты развития); с другой стороны, является одновременно внешним условием ее формирования и развития и служит одним из индикаторов качества инновационной политики на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации, что находит отражение в соответствующей методологии рейтингования регионов, как показано на рис. 2.

Нормативная правовая база научно-технической и инновационной политики

- Наличие стратегии (концепции) научно-технологического и/или инновационного развития или профильного раздела по научно-технологическому и/или инновационному развитию в стратегии развития региона
- Наличие в схеме территориального планирования выделенных зон (территорий) приоритетного развития научно-технической и/или инновационной деятельности
- Наличие специализированного законодательного акта, определяющего основные принципы, направления и меры государственной поддержки научно-технической и/или инновационной деятельности в регионе
- Наличие специализированной программы или комплекса мер государственной поддержки развития науки, технологий и инноваций

Организационное обеспечение научно-технической и инновационной политики

- Наличие специализированных координационных (совещательных) органов по научной, научно-технической и/или инновационной политике при высшем должностном лице или его заместителях или высшем исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации
- Наличие специализированных региональных институтов развития (фондов, агентств, корпораций развития и пр.) с функционалом по поддержке субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности и/или реализации научных, научно-технических и инновационных проектов

Участие в федеральной научно-технической и инновационной политике

- Число научных, научно-технических и инновационных проектов, поддержанных федеральными органами власти и институтами развития, в расчете на 1 тыс. занятых в экономике региона
- Объем финансирования научных, научно-технических и инновационных проектов в субъекте Российской Федерации, привлеченного со стороны федеральных органов власти и институтов развития, в расчете на 1 тыс. руб. ВРП
- Число территорий развития научно-образовательной деятельности, которым присвоены федеральные статусы
- Число территорий инновационного развития, которым присвоены федеральные статусы
- Число территорий промышленного развития, которым присвоены федеральные статусы
- Число объектов инновационной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, получавших поддержку из федерального бюджета

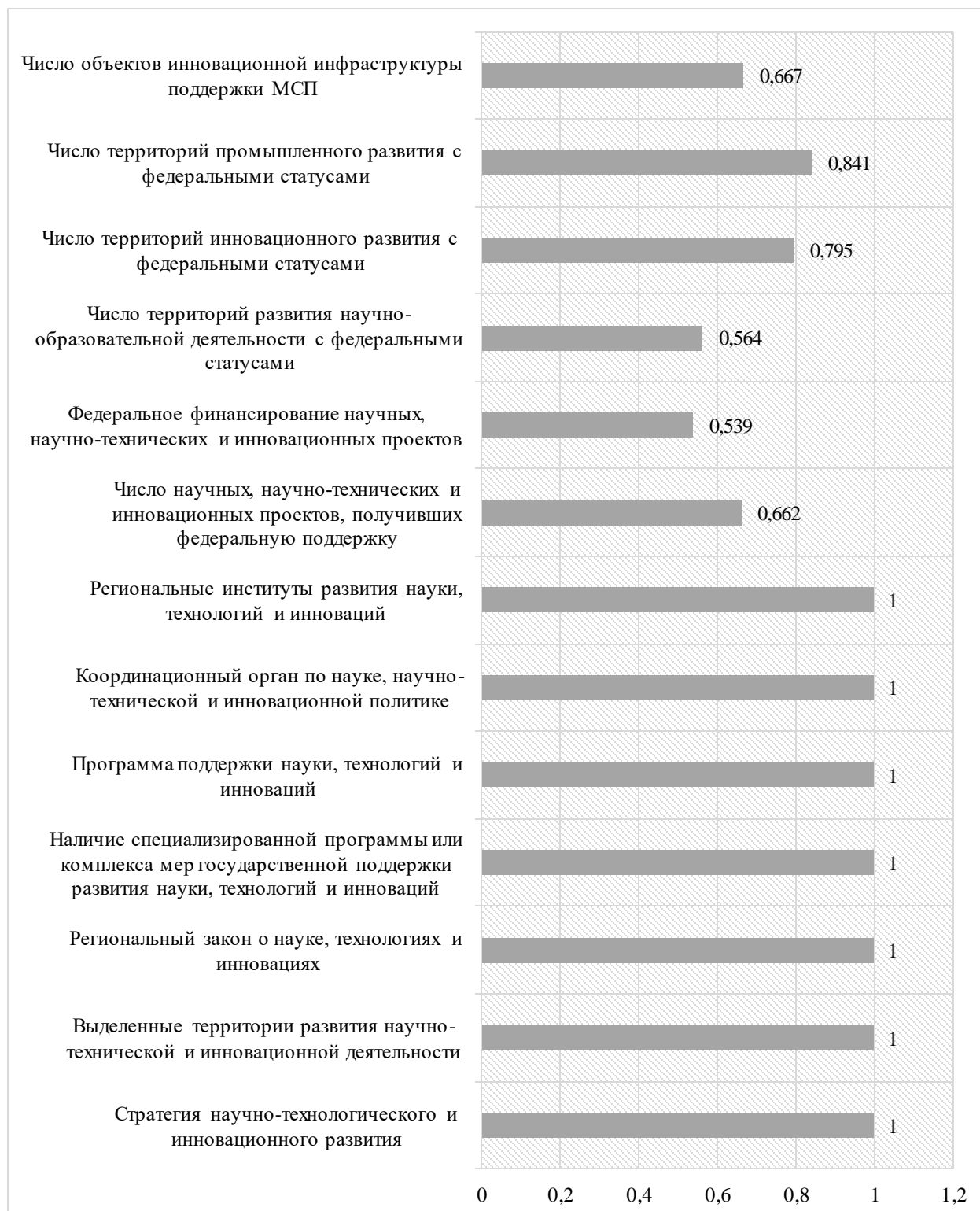
Источник: составлено автором на основе [Абашкин и др., 2023]

Рисунок 2 – Показатели качества инновационной политики региона

Анализ результатов оценки данных показателей (рис. 3) и их сопоставления со значениями других показателей рейтинга (социально-экономические условия, научно-технический потенциал, инновационная деятельность, экспортная активность) позволяет охарактеризовать уровень институционально-правового обеспечения региональной инновационной подсистемы Республики Татарстан как достаточно высокий.

Более детальный анализ институционально-правового обеспечения инновационного развития Республики Татарстан позволил выявить ключевые нормативные правовые акты и

элементы региональной инновационной подсистемы, нашедшие в них отражение (рис. 4), а также ключевые институты инновационного развития (рис. 5).

Источник: составлено автором на основе [Абашкин и др., 2023]

Рисунок 3 – Ранжирование показателей, характеризующих качество инновационной политики в Республике Татарстан

Цели, задачи, принципы инновационной политики и отношения, возникающие в связи с установлением и реализацией мер государственной поддержки инновационной деятельности	Региональные институты развития	Эффективность использования результатов интеллектуальной деятельности
Приоритетные направления развития науки, технологий и техники	Финансирование НИОКР и инновационных проектов	Инновационная инфраструктура
Поддержка МСП (субсидии на возмещение расходов, связанных с получением кредитов под залог прав на интеллектуальную собственность)	Категорирование и стимулирование спроса на инновационную, в т.ч. нанотехнологическую, продукцию	Поддержка НКО (порядок предоставления субсидии из бюджета республики для НКО на мероприятия в сфере инновационной и инвестиционной деятельности)

Источник: составлено автором на основе [Нормативно-правовые документы в сфере инноваций, www]

Рисунок 4 – Вопросы инновационного развития, нашедшие отражение в НПА Республики Татарстан

Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан

- Государственное автономное учреждение «Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк»

Министерство экономики Республики Татарстан

- Некоммерческая организация «Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан»
- Государственное унитарное предприятие Республики Татарстан «Татарстанский центр научно-технической информации»
- Некоммерческая микрокредитная организация «Фонд поддержки предпринимательства Республики Татарстан»
- Некоммерческая организация «Гарантийный фонд Республики Татарстан»
- Закрытое акционерное общество «Инновационно-производственный Технопарк «Идея»

Источник: составлено автором на основе [Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.11.2020 № 2573-р, www]

Рисунок 5 – Региональные институты инновационного развития с указанием органов исполнительной государственной власти Республики Татарстан, осуществляющих координацию их деятельности

В результате анализа содержания правовых положений ключевых НПА Республики Татарстан в сфере инновационного развития (ранее представлены на рис. 4) установлено, что

они охватывают широкий спектр вопросов инновационного развития. Вместе с тем в рассмотренных НПА недостаточно выражена направленность на формирование «системности» как особого параметра региональной инновационной подсистемы. На рис. 6 отражены системные свойства и их проявление в РИП.

Эмерджентность (Э)

- Свойства РИП не могут быть сведены отдельно к свойствам ее субъектов, объектов, институтов, инструментов и т.п.

Целостность (Ц)

- Каждый элемент РИП выполняет свою определенную роль; исключение одного из элементов повлечет невозможность реализации целей и задач РИП.

Структурированность (С)

- РИП состоит из подсистем, характеризующихся внутренними связями и внешними (с другими подсистемами и с внешней средой).

Организованность (О)

- Для организации взаимодействия элементов РИП служат механизмы: нормативные правовые, организационно-методологические, финансовые, производственно-технологические, экспертно-консалтинговые, оценочные.

Функциональность (Ф)

- Основная функция РИП состоит в генерации инновационных ресурсов для обеспечения интенсивного развития региона как структурного элемента национальной экономики.

Источник: составлено автором

Рисунок 6 – Проявление базовых системных свойств в региональной инновационной подсистеме

Таблица 1 содержит результаты оценки влияния ключевых нормативных правовых актов Республики Татарстан на формирование системных свойств региональной инновационной подсистемы; использованы следующие условные обозначения: «+» – оказывает прямое влияние; «+/-» – оказывает косвенное влияние; «-» – не оказывает влияние / оказывает слабое косвенное влияние.

Таблица 1 – Оценка влияния ключевых нормативных правовых актов Республики Татарстан на формирование системных свойств региональной инновационной подсистемы

Нормативный правовой акт в сфере инновационного развития	Э	Ц	С	О	Ф
Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан (далее – КМ РТ) от 27.11.2020 № 2573-р об утверждении перечня региональных институтов инновационного развития с указанием органов исполнительной государственной власти Республики Татарстан, осуществляющих координацию их деятельности	-	-	+	+	+
Распоряжение КМ РТ от 01.11.2014 № 2233-р о повышении эффективности использования результатов интеллектуальной деятельности	-	-	+	+	+

Нормативный правовой акт в сфере инновационного развития	Э	Ц	С	О	Ф
Распоряжение КМ РТ от 14.11.2017 № 2 957-р-р о приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в Республике Татарстан	-	-	+	+	+
Закон РТ от 2 августа 2010 г. № 63-ЗРТ «Об инновационной деятельности в Республике Татарстан»	-	-	+	+	+
Приказ Министерства экономики РТ от 06.06.2019 № 272 «О мерах повышения эффективности и совершенствования системы расходования средств бюджета Республики Татарстан на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и реализацию инновационных проектов»	-	-	+/-	+	+/-
Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2019 года № 533 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета субъектам малого и среднего предпринимательства на возмещение расходов, связанных с получением кредитов под залог прав на интеллектуальную собственность»	-	-	+/-	+	+/-
Постановление КМ РТ от 04.06.2013 № 384 «Об аккредитации субъектов инновационной инфраструктуры Республики Татарстан»	-	-	+	+	+
Постановление КМ РТ № 587 от 09.07.2012 «О мерах по стимулированию спроса на инновационную, в том числе нанотехнологическую, продукцию в Республике Татарстан»	-	-	+/-	+	+
Распоряжение Правительства РФ от 07.07.2011 N 1192-р «Об утверждении категорий продукции nanoиндустрии в части товаров и услуг»	-	-	+/-	+	+

Источник: составлено автором.

В результате оценки влияния правовых положений рассмотренных НПА на формирование системных свойств РИП выявлены следующие особенности:

- недостаточно выражена направленность на укрепление целостности региональной инновационной подсистемы и ее уникальных свойств как цельного образования; при этом ярко выражена приоритизация отдельных вопросов и направлений;
- положения рассмотренных НПА призваны способствовать укреплению организованности как системного свойства, выраженного во многом в четком и прозрачном порядке взаимодействия субъектов региональной инновационной подсистемы в рамках различных вопросов;
- прямо или косвенно рассмотренные НПА обеспечивают развитие структурированности и функциональности региональных инновационных подсистем.

Вопрос оценки степени влияния НПА на каждое отдельно взятое свойство региональной инновационной подсистемы на текущем этапе исследования может быть охарактеризован скорее как потенциал для дальнейшей проработки методики оценки, чем как возможность практического использования для целей развития РИП Республики Татарстан и других субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем важность укрепления «системности» в региональном инновационном развитии обусловлена научно доказанной гипотезой о соответствующем системному подходу и «системным» моделям РИП [Валинурова, Орешников, 2023] положительном синергетическом эффекте в социально-экономическом развитии региона [Гранберга, Валентя, 2006] и всего государства [Москвитина, Пронузо, 2023; Золотова, 2023].

Важно отметить, что необходимость формирования «системности» в инновационном и технологическом развитии во многом нашла признание в Концепции технологического развития на период до 2030 года, как показано на рис. 7.

Отражение системного подхода в разделах Концепции

- *Раздел «Основные понятия»*

Отмечается системное значение критических технологий; в содержании НТИ отражены системные аспекты; технологическое развитие видится в качестве экосистемы

- *Раздел «Вызовы технологического развития»*

Отмечаются системный характер глобальных трендов национальной экономики и неэффективность национальной инновационной системы

- *Раздел «Этапы технологического развития»*

Обозначены системные действия РФ по реформированию научно-технологической и инновационной сфер

- *Раздел «Принципы технологического развития»*

Выделен принцип цельности инновационного цикла в рамках экосистемы технологического развития

- *Раздел «Подготовка кадров и развитие компетенций на основе долгосрочной мотивации»*

Обозначен системный подход к подготовке кадров, лежащий в основе обозначенных мероприятий

- *Раздел «Настройка деятельности институтов инновационного развития»*

Предложены мероприятия направленные на достижение цели по настройке системы институтов инновационного развития

- *Раздел «Создание условий для роста малых технологических компаний»*

Предусмотрено мероприятие по развитию системы акселерации технологических команд

- *Раздел «Поддержка приоритетных проектов в ключевых отраслях экономики (проекты технологического суверенитета)»*

Признана необходимость сочетания комплексного и системного подходов к организации инновационного цикла

- *Раздел «Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации»*

Выделены мероприятия системного характера, направленные на укрепление международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации

- *Раздел «Управление технологическим развитием функциональная модель»*

Предполагается системный подход к формированию модели управления технологическим развитием

Источник: составлено автором на основе [Концепция технологического развития на период до 2030 года, www]

Рисунок 7 – Отражение системного подхода к инновационному развитию в Концепции технологического развития на период до 2030 года

Заключение

Таким образом, вектор на укрепление «системности» в региональном инновационном развитии заложен на федеральном уровне и в той или иной степени декомпозировано реализуется на уровне субъектов Российской Федерации [Власова и др., 2024; Ладыгина, Стрябкова, 2022]. Усилить «системность» может развитие институционально-правового обеспечения целостности региональной инновационной подсистемы и ее уникальных свойств как цельного образования.

Библиография

1. Абашкин В.Л. и др. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 8. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 260 с.
2. Валинурова Л.С., Орешников В.В. Подход к моделированию инновационной деятельности региона // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2023. Т. 18. № 3. С. 275-291. DOI: 10.17072/1994-9960-2023-3-275-291.
3. Власова В.В. и др. Индикаторы инновационной деятельности: 2024: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2024.
4. Гранберг А.Г., Валентей С.Д. Движение регионов России к инновационной экономике. М.: Наука, 2006. 401 с.
5. Золотова В.А. Национальная инновационная система России: современный облик среды, инновационный потенциал участников // СТИН. 2023. № 9. С. 42-46.
6. Концепция технологического развития на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р). URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf>.
7. Ладыгина И.А., Стрябкова Е.А. Формирование методики поиска полюсов роста региональных инновационных систем // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 6 (107). С. 63-67.
8. Москвитина Е., Пронузо Ю. Активизация инновационной деятельности и цифровой трансформации промышленных предприятий в России и Беларуси // Наука и инновации. 2023. № 7 (245). С. 31-37.
9. Москвитина Е.И. Разработка основ матричной модели региональной инновационной подсистемы // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22. № 6 (537). С. 1175-1193.
10. Москвитина Е.И. Управление развитием патентно-технологического потенциала для стимулирования цифровой трансформации промышленности на макрорегиональном уровне // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2023. № 3. С. 90-95.
11. Нормативно-правовые документы в сфере инноваций // Министерство экономики Республики Татарстан. URL: https://mert.tatarstan.ru/Normativno-pravovie_documenti_v_sfere_innovacii?page=1
12. Об утверждении перечня региональных институтов инновационного развития с указанием органов исполнительной государственной власти Республики Татарстан, осуществляющих координацию их деятельности: распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.11.2020 № 2573-р // СПС «Гарант».

Managing the development of the regional innovation subsystem: institutional and legal support

Ekaterina I. Moskvitina

PhD in Economics,
Assistant of the Department of State and Municipal Administration,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: emoskvitina@fa.ru

Abstract

The article considers institutional and legal support as one of the key conditions for the development of the regional innovation subsystem, which is both an internal parameter, measured qualitatively and quantitatively, and an external environment factor formed at the federal and regional levels. The indicators characterizing the institutional and legal support of the regional innovation subsystem have been identified in the general system of rating assessment of innovation development of the region, and their belonging to the block of indicators of innovation policy quality has been established. On the example of the Republic of Tatarstan the following issues are studied in interrelation: the values of indicators characterizing the institutional-legal support of innovation development, the content of the relevant key normative legal acts and their influence on the formation of system properties of the regional innovation subsystem. The paper identifies the sections of the Concept of Technological Development for the period until 2030, the provisions of which contain a systemic approach to scientific-technological and innovative development, implemented to varying degrees at the level of the subjects of the Russian Federation.

For citation

Moskvitina E.I. (2024) Upravlenie razvitiem regional'noi innovatsionnoi podsystemy: institutsional'no-pravovoe obespechenie [Managing the development of the regional innovation subsystem: institutional and legal support]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 191-201. DOI: 10.34670/AR.2024.98.11.043

Keywords

Regional innovation subsystem, institutional and legal support, normative legal acts, development institutions, innovation development management, technological development concept.

References

1. Abashkin V.L. et al. (2023) *Reiting innovatsionnogo razvitiya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Rating of innovative development of subjects of the Russian Federation], 8. Moscow: Institute of Statistical Research and Economics of Knowledge.
2. Granberg A.G., Valentei S.D. (2006) *Dvizhenie regionov Rossii k innovatsionnoi ekonomike* [The movement of Russian regions towards an innovative economy]. Moscow: Nauka Publ.
3. *Kontseptsiya tekhnologicheskogo razvitiya na period do 2030 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 20 maya 2023 g. № 1315-r)* [Concept of technological development for the period until 2030 (approved by order of the Government of the Russian Federation of May 20, 2023 No. 1315-r)]. Available at: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/technological-2023.pdf>.
4. Ladygina I.A., Stryabkova E.A. (2022) Formirovanie metodiki poiska polyusov rosta regional'nykh innovatsionnykh sistem [Formation of a methodology for searching for growth poles of regional innovation systems]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 6 (107), S. 63-67.
5. Moskvitina E., Pronuzo Yu. (2023) Aktivizatsiya innovatsionnoi deyatel'nosti i tsifrovoi transformatsii promyshlennykh predpriyatii v Rossii i Belarusi [Activation of innovation activity and digital transformation of industrial enterprises in Russia and Belarus]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 7 (245), S. 31-37.
6. Moskvitina E.I. (2023) Razrabotka osnov matrichnoi modeli regional'noi innovatsionnoi podsystemy [Development of the foundations of a matrix model of a regional innovation subsystem]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 22, 6 (537). S. 1175-1193.
7. Moskvitina E.I. (2023) Upravlenie razvitiem patentno-tekhnologicheskogo potentsiala dlya stimulirovaniya tsifrovoi transformatsii promyshlennosti na makroregional'nom urovne [Managing the development of patent and technological potential to stimulate the digital transformation of industry at the macroregional level]. *Kuznechno-shtampovochnoe proizvodstvo. Obrabotka materialov davleniem* [Forging and stamping production. Pressure processing of materials], 3, pp. 90-95.

8. Normativno-pravovye dokumenty v sfere innovatsii [Regulatory documents in the field of innovation]. *Ministerstvo ekonomiki Respubliki Tatarstan* [Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan]. Available at: https://mert.tatarstan.ru/Normativno-pravovie_documenti_v_sfere_innovacii?page=1
9. Ob utverzhdenii perechnya regional'nykh institutov innovatsionnogo razvitiya s ukazaniem organov ispolnitel'noi gosudarstvennoi vlasti Respubliki Tatarstan, osushchestvlyayushchikh koordinatsiyu ikh deyatel'nosti: rasporyazhenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 27.11.2020 № 2573-r [On approval of the list of regional institutions for innovative development, indicating the executive government bodies of the Republic of Tatarstan that coordinate their activities: Order of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of November 27, 2020 No. 2573-r]. *SPS «Garant»* [SPS Garant].
10. Valinurova L.S., Oreshnikov V.V. (2023) Podkhod k modelirovaniyu innovatsionnoi deyatel'nosti regiona [An approach to modeling the innovative activity of the region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Perm University. Series: Economics], 18 (3), pp. 275-291. DOI: 10.17072/1994-9960-2023-3-275-291.
11. Vlasova V.V. et al. (2024) *Indikatoriy innovatsionnoi deyatel'nosti: 2024: statisticheskii sbornik* [Indicators of innovation activity: 2024: statistical collection]. Moscow: Higher School of Economics.
12. Zolotova V.A. (2023) Natsional'naya innovatsionnaya sistema Rossii: sovremennyyi oblik sredy, innovatsionnyi potentsial uchastnikov [National innovation system of Russia: modern appearance of the environment, innovative potential of participants]. *STIN*, 9, pp. 42-46.

УДК 352.075

DOI: 10.34670/AR.2024.96.68.045

Особенности управления инновационным развитием муниципального образования

Комов Валерий Энгельсович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: com.valeri@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей управления инновационным развитием муниципального образования. Как показывает исторический опыт разных стран, в том числе и России, местное самоуправление всегда являлось проводником социальных изменений в обществе. Институты местного самоуправления всегда играли важную роль не только в продвижении демократических ценностей, но и в ускорении темпов общественного развития. Будучи выборными по своему характеру, они позволяют эффективно участвовать в развитии местных территорий и вовлекать в этот процесс местное население. На современном этапе развития для ускорения темпов социально-экономического развития экономики выдвигаются задачи повышения действенности муниципального управления, которое может быть достигнуто на основе разработки и внедрения органами власти инновационных инструментов и технологий.

Для цитирования в научных исследованиях

Комов В.Э. Особенности управления инновационным развитием муниципального образования // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 202-211. DOI: 10.34670/AR.2024.96.68.045

Ключевые слова

Местное самоуправление, муниципальная инновационная политика, правовая основа местного самоуправления, информационно-коммуникационные технологии.

Введение

Структурные трансформации, происходящие в глобальной экономике, стали движущей силой экономического развития, что обуславливается переходом ко все более сложным технологическим процессам. Повсеместное внедрение технологий и технологический прогресс, которые наблюдаются в растущем количестве стран, позволяют применять новые методы производства и повышать уровень конкурентоспособности, что способствует улучшению качества жизни населения.

На современном этапе развития для ускорения темпов социально-экономического развития экономики выдвигаются задачи повышения действенности муниципального управления, которое может быть достигнуто на основе разработки и внедрения органами власти инновационных инструментов и технологий. Для решения этих задач целесообразно сосредоточить внимание на инновационной деятельности муниципального образования, рациональном использовании социально-экономического потенциала, создании благоприятной инновационной среды в системе органов власти.

Под инновацией понимается результат научных исследований и разработок, которыми, в свою очередь, являются усовершенствованные и конкурентоспособные технологии, научно-технические решения, услуги или продукция, способствующие получению экономического, социального, политического, экологического, научно-технологического или иного вида эффекта, что в целом повышает качество жизни населения. Безусловно, инновации – наиболее эффективное средство повышения научно-технологического развития страны, обеспечение сильных позиций и существенных конкурентных преимуществ.

Инновационное развитие – непрерывный процесс качественных и количественных изменений результатов научных исследований и разработок, способствующих научно-технологическому развитию. Можно утверждать, что инновационное развитие позволяет своевременно реагировать на вызовы общественных потребностей.

Основная часть

Инновационное развитие муниципального образования представляет собой системный подход к определению приоритетных направлений модернизации и трансформации территории с целью решения долгосрочных задач, обеспечения комплексного управления и размещения производительных сил. Успешное развитие муниципалитетов во многом определяется их способностью внедрять инновации во все сферы деятельности: от управления и организации до инфраструктурного обеспечения, производства и сбыта продукции. Использование инновационных подходов позволяет не только поддерживать устойчивый рост, но и влиять на динамику социально-экономического развития на региональном и федеральном уровнях.

Инновации в контексте муниципального развития играют многогранную роль. Так, инновации позволяют ускорять экономический рост за счет внедрения инновационных технологий, процессов и бизнес-моделей, повышают производительность и конкурентоспособность местных предприятий. В конечном итоге это стимулирует рост экономики и позволяет создавать новые рабочие места.

В рамках улучшения инфраструктуры инновации позволяют модернизировать транспортную, коммунальную, социальную и другую инфраструктуру муниципального образования, обеспечивая тем самым комфортные условия для жизни и деятельности населения.

В контексте развития человеческого капитала инновационные образовательные программы

и современные подходы к обучению способствуют повышению квалификации и адаптации рабочей силы к новым вызовам рынка.

Инновации во многом направлены на позитивные изменения в муниципальной социальной трансформации через их использование в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура), они помогают улучшить качество жизни населения, повысить его активность и включенность в общественную деятельность.

Инновации обеспечивают экологическую устойчивость, так как инновационные технологии позволяют снизить негативное воздействие на окружающую среду, сократить выбросы парниковых газов и сохранить природные ресурсы.

Успешное внедрение и реализация инноваций в муниципальных образованиях зависят от ряда факторов. Прежде всего, речь идет о политической воле муниципалитетов, выражающейся в поддержке инновационного развития со стороны органов местного самоуправления. Такая поддержка является критически важной для создания благоприятной среды для реализации инициатив [Адамская, Овчинников, 2022, 642].

Успех внедрения и реализации инноваций на муниципальном уровне также зависит от наличия экономических ресурсов. Наличие достаточных финансовых средств и иных экономических ресурсов позволяет муниципалитетам инвестировать в инновационные проекты и инфраструктуру.

Успех инновационного развития также определяет технологический уровень территории.

Инновационный потенциал муниципалитета, включающий образовательные и научные учреждения, высококвалифицированные кадры и развитую инновационную экосистему, также создает благоприятные условия для генерирования и внедрения инновационных идей.

Немаловажную роль играет и сотрудничество, партнерство с различными субъектами рыночной экономики. Установление партнерских отношений с бизнесом, научными организациями и вузами способствует обмену опытом, привлечению внешних ресурсов и повышению эффективности инновационной деятельности.

К субъектам инновационного развития муниципального образования относятся различные участники (рис. 1).

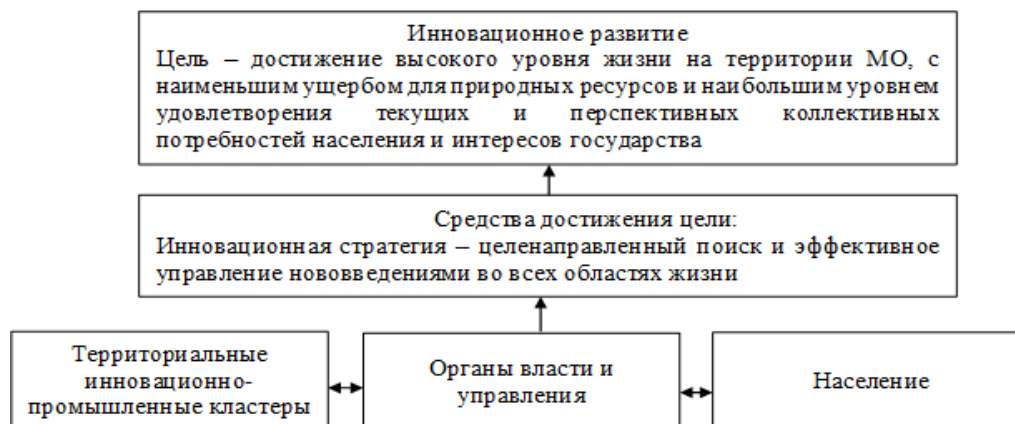

Рисунок 1 - Цели и участники инновационного развития муниципального образования

На формирование инновационного развития муниципального образования большое влияние, с одной стороны, оказывает инфраструктура обеспечения, а с другой стороны, инвестиционный, трудовой и природно-ресурсный потенциалы муниципального образования

при положительных внутренних и внешних обстоятельствах может быть направлен на реализацию нововведений.

Нормативно-правовая основа инновационного развития муниципального образования чрезвычайно многообразна. Ведущую роль здесь играют нормативно-правовые акты государственных органов. Речь идет об указах Президента Российской Федерации от 18.06.2012 № 878, от 01.12.2016 № 642, от 28.04.2008 № 607, федеральных законах РФ от 23.08.1996 № 127-ФЗ, от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ, от 14.07.2022 № 271-ФЗ, постановлениях правительства РФ от 26.08.1995 № 827, от 15.04.2014 № 316 и др. Например, в соответствии с указом Президента РФ от 18.06.2012 № 878 (ред. от 22.11.2016) «О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России» Совету поручено обеспечить связь между государственными органами и различными организациями при рассмотрении вопросов в сфере инноваций, подготовить предложения по установлению направлений и методов совершенствования экономики, уточнить важные направления, формы и методы государственного законодательства.

В соответствии с Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» регулируются взаимоотношения между субъектами научной и научно-технической деятельности, органами власти и потребителями научной и научно-технической продукции, деятельности и услуг, включая предоставление государственной поддержки творческой деятельности. Закон определяет, что творческой работой считается в том числе научная, технологическая, организационная, финансовая и коммерческая. То есть речь идет о работе, направленной на запуск новых проектов, а также создание новой инфраструктуры и обеспечение ее функционирования.

Инновационный процесс является обязательной составной частью инновационной деятельности, определяемой функцией управления, инновационным потенциалом, ресурсами, обратными связями и их взаимодействием, отражающими в совокупности процесс создания и распространения инноваций. Среди важных направлений обеспечения инновационной деятельности муниципального образования целесообразно выделить следующие.

1. Реализация инновационной кадровой политики муниципальным образованием при осуществлении их деятельности. Инновационная деятельность управленцев зависит не только от соблюдения инструкций и владения знаниями, но и от наличия стратегического видения, лидерских качеств, открытости к инновациям и готовности служащих ежедневно учиться и внедрять нововведения. В процессе осуществления инновационной деятельности муниципальным образованиям следует реализовывать кадровую политику, которая позволит сформировать необходимые профессиональные компетентности у служащих. Следует подчеркнуть, что реализация инновационной кадровой политики муниципального образования должна основываться на управлении профессиональной компетентностью служащих путем оценки уровня этой компетентности и при необходимости – повышения уровня компетентности служащих с использованием различных методов и форм профессионального обучения, повышением квалификации, самообразования. Кроме того, обязательно повышение уровня мотивации служащих по получению и применению ими новых компетентностей при осуществлении инновационной деятельности.

2. Использование современных информационно-коммуникационных технологий муниципального образования при осуществлении инновационной деятельности. В процессе осуществления инновационной деятельности для повышения качества предоставления услуг необходимо обязательно использовать современные информационно-коммуникационные

технологии. Это связано, во-первых, с тем, что применение технологий является необходимым условием «электронного правительства» как основы построения информационного общества; во-вторых, с тем, что применение технологий в системе профессионального обучения служащих (например, e-learning, Smart-технологии) позволит обеспечить высокий уровень профессиональной мобильности, в частности, для быстрого овладения необходимыми компетентностями при внедрении инноваций и при необходимости его переквалификации.

3. Введение управленческих инноваций муниципальным образованием на основе смены парадигмы управления. Современный мир все больше концентрируется на предпочтениях потребителя, приобретая социально ответственный характер, и, следовательно, на сочетании экономических и социальных выгод.

4. Повышение финансовой состоятельности муниципального образования на основе активизации их проектной деятельности. Так, активизация органов публичной власти по разработке и реализации различных проектов позволит им не только решить неотложные проблемы на основе привлечения средств организаций и фондов, но и повысить финансовую состоятельность.

5. Ужесточение институционального обеспечения инновационной деятельности в муниципальном образовании на основе создания результативных институциональных подразделений в сфере инноваций, в частности офиса инновационной деятельности.

Факторы эффективного осуществления муниципального образования раскрываются через методологические основы его функционирования. Для формирования интегрированной модели системы управления инновационным развитием предлагается подход, учитывающий особенности управления муниципальным образованием. Подход к построению эффективной модели предполагает, что определенные по содержанию функции реализуются во времени по этапам процесса инновационного развития: этап формирования потенциала и инфраструктуры инновационного развития; этап формирования риск-ориентированной стратегии и ее реализация; этап мониторинга и оценки.

Процесс управления муниципальным инновационным развитием на каждом этапе предполагает реализацию последовательно выполняемых функций.

Этап формирования потенциала инновационного развития. Инновационно-процессная функция заключается в формировании инновационного базиса для разработки стратегии развития муниципального образования. Результатом реализации являются абсолютные инновации (новые знания, обуславливающие научно-технический прогресс) и относительные инновации (адаптация характерных для экономики знаний процессов, ресурсов, инфраструктуры, передового опыта и лучших практик).

Инновационно-процессная функция напрямую связана с системой целей при формировании стратегий развития муниципального образования. Целевым базисом выступает определение миссии и стратегического видения развития. Стратегическое видение как определенная идеальная модель, отражающая основополагающие ориентиры развития муниципального образования, должно базироваться не только на реальных финансово-экономических возможностях, но и на технико-технологических и управленческих возможностях развития. Определение таких возможностей опирается на имеющийся инновационный потенциал. То есть инновационный потенциал муниципального образования является предпосылкой для определения реальных целей, достижение которых обеспечивается уровнем его развития.

Инновационно-инфраструктурная функция. Указанная функция имеет задачу институционализации инновационной деятельности, а результатом ее реализации является

создание надлежащей инновационной инфраструктуры. Очевидно, что инновационная инфраструктура частично пересекается с рыночно-предпринимательской инфраструктурой, но включает в себя структурные единицы, относящиеся к сфере публичного управления. К таким могут быть отнесены соответствующие подразделения, научно-исследовательские организации, образовательно-учебные организации и центры повышения квалификации государственных служащих муниципального образования, государственные и международные фонды по поддержке инноваций (в том числе венчурные), ресурсные центры и банки инноваций, проектные офисы, консультационные и информационные агентства, юридические фирмы, агентства регионального развития, общественные организации с миссией содействия внедрению инноваций.

Реализация инновационно-инфраструктурной функции предполагает создание специальных систем управления развитием муниципального образования, системы управления проектами развития или системы поддержки проектов развития, системы электронных коммуникаций, системы дистанционного обучения на основе электронных платформ [Панина, 2023, 167]. Развитая инфраструктура инновационной деятельности обеспечивает инвестиционную привлекательность, привлечение дополнительных ресурсов для подготовки и реализации инновационных проектов в составе стратегий развития, аккумуляции инновационных идей и формирования банков инноваций в различных формах.

Этап формирования риск-ориентированной стратегии и ее реализации. Управленческо-антикризисная функция является ведущей функцией управления процессом инновационного развития муниципального образования, учитывая, что именно в ходе ее реализации осуществляется переход от накопленного инновационного потенциала к результатам, которые представляют полезные изменения в среде и полученный социально-экономический эффект инновационного развития.

Формирование стратегии предполагает определение миссии, стратегического видения, стратегических приоритетов. При этом инновационный характер развития обеспечивается несколькими способами. Прежде всего, ориентация стратегии на принципы устойчивого развития приводит к применению инновационных подходов:

- технико-технологического направления: альтернативная энергетика, энергосбережение, электромобили, экологические системы защиты от загрязнения среды, системы электронных коммуникаций, в частности, в сфере предоставления государственных услуг, smart-communities;
- управленческо-организационного направления: стратегическая экологическая оценка, риск-ориентированные стратегии на проектной основе, общественный мониторинг деятельности органов власти и управления, модели-подходы самооценки деятельности, сообщества практиков.

Далее, инновационность развития в стратегиях обеспечивается с учетом накопленного потенциала инноваций при определении планируемого уровня основных целевых ориентиров стратегии для обеспечения реальности и достигаемости целей.

Особенностью управленческо-антикризисной функции является то, что именно в рамках ее реализации осуществляется предотвращение рисков и реагирование на их возникновение [Короткова, Красюкова, 2019, 158]. Основными предпосылками по реализации управленческо-антикризисной функции являются целесообразность формирования стратегии развития на проектной основе; возможность при помощи проектных технологий анализировать будущие риски и планировать реакцию на них.

Технология управления проектами предполагает при их формировании выполнение

проектного анализа, в ходе которого вместе с другими факторами анализируются потенциальные риски проекта, имеющего антикризисный контекст по отношению к стратегии в целом.

По проектным технологиям через анализ на начальном этапе управленческого цикла исследуются будущие риски реализации стратегии. На основании этого для каждого проекта разрабатываются планы реакции на риски, которые могут предусматривать уклонение от рисков; диверсификацию или страхование рисков, их переадресацию другой стороне с перезаключением контрактов для пересмотра компенсации уровня ответственности за риски; уменьшение вероятности наступления рисков, в частности, за счет снижения сложности работ и решений, ослабления последствий наступления рисков; принятие рисков и формирование резервов на возможные потери.

Инновационно-инструментальная функция реализуется и в других аспектах поддержки выполнения управленческо-антикризисной функции. Инновационные управленческие технологии открывают содержательные предпосылки инновационного развития, а именно: увеличивается спектр альтернатив выбора стратегических приоритетов, разнообразие выбора проектов развития. Результатом реализации инновационно-инструментальной функции может быть реализация проектов создания интегрированных, в частности, научно-технологических структур: технопарков, бизнес-инкубаторов, технополисов, центров трансфера технологий [Сергиенко, 2021, 647].

Информационно-коммуникативная функция заключается в налаживании системы коммуникаций и обмене информацией в процессах управления инновационным развитием муниципального образования. По содержанию основное предназначение данной функции – формирование и доведение до целевых адресатов информации об имеющихся и потенциальных инновациях с учетом их перспективы и стратегических намерений. К числу важных средств реализации данной функции относятся целевые коммуникативные мероприятия: конференции, круглые столы, дистанционные учебные и научные мероприятия.

Этап мониторинга и оценки. Мониторинг является функцией обратной связи и обеспечивает соблюдение запланированной траектории выполнения стратегии развития через ее корректировку. Мониторинг можно определить как процесс наблюдения за реализацией установленных требований к конкретному виду деятельности, которая опирается на индикаторы ее успешности.

Интеграционно-оценочная функция. Под оценкой необходимо понимать процесс, реализуемый на основании информации мониторинга и заключающийся в измерении стратегических достижений и установлении их значимости с использованием критериев и индикаторов. Функциональный аспект оценки состоит в определении уровня и степени использования инновационного потенциала муниципального образования с помощью индикаторов, определяемых по сбалансированной системе показателей (BSC), среди которых можно выделить следующие: показатели инновационного потенциала по направлениям ресурсов; показатели степени использования инновационного потенциала, инновационная активность; показатели динамики внешних и внутренних инвестиций; показатели динамики повышения квалификации персонала, динамики обучения персонала, динамики учебно-образовательных мероприятий.

Таким образом, управление инновационным развитием муниципальных образований – это системный процесс организационного воздействия со стороны органов местного самоуправления на развитие инновационной деятельности, реализующий преимущества

экономики муниципального образования, обеспечивающий устойчивый экономический рост, повышение качества и уровня жизни населения посредством гармонизации интересов его участников.

Заключение

Формирование и функционирование инновационных систем на уровне муниципальных образований играет решающую роль в обеспечении их устойчивого и конкурентоспособного развития. Для этого необходимо создать благоприятную среду, способствующую активизации инновационной деятельности, росту инновационной компетенции и развитию инновационного сектора во всех областях экономики и социальной сферы.

Инновационная система муниципального образования включает в себя ряд взаимосвязанных элементов:

- Благоприятную среду для инновационной деятельности. Благоприятная среда предполагает включение в себя политических, экономических и социальных условий, стимулирующих развитие инноваций. Речь идет о стабильной законодательной базе, доступе к финансированию, квалифицированным кадрам и развитой инфраструктуре.
- Инновационную компетенцию, предполагающую высокий уровень знаний, навыков и опыта в сфере инноваций у предпринимателей, ученых, инженеров и других участников инновационного процесса.
- Инновационную активность, нацеленную на постоянную разработку и внедрение новых продуктов, услуг и процессов, а также новых организационных форм и подходов.
- Развитие инновационной деятельности в экономике и социальной сфере, предполагающее охват всех секторов муниципального хозяйства, включая промышленность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение и культуру.
- Развитие сектора исследований и разработок, включающее наличие научно-исследовательских институтов, университетов и других организаций, проводящих исследования и разработки, соответствующие приоритетным направлениям научно-технической политики.
- Инфраструктуру инноваций, предполагающую материально-техническое обеспечение инновационной деятельности и включающую в себя лаборатории, бизнес-инкубаторы, технопарки и другие объекты, поддерживающие инноваторов и предпринимателей.

Библиография

1. Адамская Л.В., Овчинников Н.К. Влияние развития организационных структур как фактор гармонизации управленческих процессов и принятия эффективных решений // Самоуправление. 2022. № 2 (130). С. 641-644.
2. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Короткова Ю.А., Красюкова Н.Л. Преобразование муниципальных образований: проблемы и перспективы // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 3 (116). С. 156-159.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 14.07.2022 № 271-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
6. О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России: указ Президента РФ от 18.06.2012 № 878 (ред. от 22.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
7. О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 01.12.2016 №

- 642 (ред. от 15.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
8. О Федеральном фонде производственных инноваций: постановление Правительства РФ от 26.08.1995 № 827 (ред. от 10.07.1998) // СПС «КонсультантПлюс».
 9. Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
 10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
 11. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 // СПС «КонсультантПлюс».
 12. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (ред. от 22.05.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
 13. Панина О.В. Нормативно-правовое регулирование процессов цифровизации государственного управления // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 5-1. С. 163-170.
 14. Сергиенко Н.С. Проекты развития комфортной городской среды: проблемы реализации // Самоуправление. 2021. № 4 (126). С. 646-649.

Features of management of innovative development of the municipality

Valerii E. Komov

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: com.valeri@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of management of innovative development of a municipality. As the historical experience of different countries, including Russia, shows, local self-government has always been a conductor of social changes in society. Local government institutions have always played an important role not only in promoting democratic values, but also in accelerating the pace of social development. Being elective in nature, they make it possible to effectively participate in the development of local territories and involve the local population in this process. At the present stage of development, in order to accelerate the pace of socio-economic development of the economy, tasks are being put forward to increase the effectiveness of municipal management, which can be achieved through the development and implementation by government authorities of innovative tools and technologies.

For citation

Komov V.E. (2024) Osobennosti upravleniya innovatsionnym razvitiem munitsipal'no go obrazovaniya [Features of management of innovative development of the municipality]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 202-211. DOI: 10.34670/AR.2024.96.68.045

Keywords

Local self-government, municipal innovation policy, legal basis of local self-government, information and communication technologies.

References

1. Adamskaya L.V., Ovchinnikov N.K. (2022) Vliyaniye razvitiya organizatsionnykh struktur kak faktor garmonizatsii upravlencheskikh protsessov i prinyatiya effektivnykh reshenii [The influence of the development of organizational structures as a factor in the harmonization of management processes and making effective decisions]. *Samoupravlenie* [Self-government], 2 (130), pp. 641-644.
2. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. Available at: <http://www.consultant.ru> [Accessed 14/04/2024].
3. Korotkova Yu.A., Krasnyukova N.L. (2019) Preobrazovanie munitsipal'nykh obrazovaniy: problemy i perspektivy [Transformation of municipalities: problems and prospects]. *Samoupravlenie* [Self-government], 2, 3 (116), pp. 156-159.
4. O Federal'nom fonde proizvodstvennykh innovatsii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.08.1995 № 827 (red. ot 10.07.1998) [On the Federal Fund for Production Innovation: Decree of the Government of the Russian Federation dated August 26, 1995 No. 827 (as amended on July 10, 1998)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
5. O nauke i gosudarstvennoi nauchno-tekhnicheskoi politike: feder. zakon ot 23.08.1996 № 127-FZ (red. ot 24.07.2023) [On science and state scientific and technical policy: federation. Law of August 23, 1996 No. 127-FZ (as amended on July 24, 2023)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
6. O Sovete pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po modernizatsii ekonomiki i innovatsionnomu razvitiyu Rossii: ukaz Prezidenta RF ot 18.06.2012 № 878 (red. ot 22.11.2016) [On the Council under the President of the Russian Federation for the modernization of the economy and innovative development of Russia: Decree of the President of the Russian Federation of June 18, 2012 No. 878 (as amended on November 22, 2016)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
7. O strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 (red. ot 15.03.2021) [On the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642 (as amended on March 15, 2021)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
8. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiiskoi Federatsii» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 14.07.2022 № 271-FZ [On amendments to the Federal Law “On Territories of Rapid Socio-Economic Development in the Russian Federation” and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 14, 2022 No. 271-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
9. Ob innovatsionnykh nauchno-tekhnologicheskikh tsentrakh i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 29 iyulya 2017 g. № 216-FZ [On innovative scientific and technological centers and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 29, 2017 No. 216-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
10. Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. ot 30.12.2021) [On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: federation. Law of October 6, 2003 No. 131-FZ (as amended on December 30, 2021)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
11. Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov: ukaz Prezidenta RF ot 28.04.2008 № 607 [On assessing the effectiveness of local government bodies of urban districts and municipal districts: Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 2008 No. 607]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
12. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika»: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 316 (red. ot 22.05.2019) [On approval of the state program of the Russian Federation “Economic development and innovative economy”: Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 316 (as amended on May 22, 2019)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
13. Panina O.V. (2023) Normativno-pravovoe regulirovanie protsessov tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya [Regulatory and legal regulation of the processes of digitalization of public administration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (5-1), pp. 163-170.
14. Sergienko N.S. (2021) Proekty razvitiya komfortnoi gorodskoi sredy: problemy realizatsii [Projects for the development of a comfortable urban environment: problems of implementation]. *Samoupravlenie* [Self-government], 4 (126), pp. 646-649.

УДК 352.075

DOI: 10.34670/AR.2024.14.71.047

Принципы и методы управления инновационным развитием муниципального образования

Комов Валерий Энгельсович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: com.valeri@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена основным принципам и методам управления инновационным развитием муниципального образования. Без внедрения соответствующих инноваций в системе муниципального образования органы власти не смогут обеспечить предоставление качественных услуг населению страны, а также достичь высокого уровня общественного развития. Инновационное развитие в современных условиях является основным условием повышения конкурентоспособности, предполагает внедрение технических, технологических и других инноваций. Инновационный тип муниципального управления предполагает использование разнообразных методов и признаков управления – сетевую организацию, программно-целевой метод, стратегическое планирование и управление, поддержку инвестиционных проектов.

Для цитирования в научных исследованиях

Комов В.Э. Принципы и методы управления инновационным развитием муниципального образования // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 212-221. DOI: 10.34670/AR.2024.14.71.047

Ключевые слова

Местное самоуправление, муниципальная инновационная политика, показатели эффективности местного самоуправления, децентрализация управления, экономическая основа местного самоуправления, муниципальный правовой акт.

Введение

К важным условиям формирования благоприятной среды в инновационной деятельности можно отнести стимулирование спроса на инновации и результаты научной деятельности в экономике; создание инновационных сетей, кластеров научно-производственных кооперационных связей; создание благоприятной среды для технологической модернизации предприятий; реализацию приоритетных направлений науки, техники с помощью частно-государственного партнерства.

Муниципальная инновационная политика должна быть направлена в первую очередь на достижение конкурентоспособности большинства предприятий на всей территории муниципалитета. Органы государственной власти также должны оказывать существенную поддержку в инновационной и научно-технической деятельности муниципальных предприятий:

1. Административная поддержка. Органы административной власти должны использовать по максимуму свои должностные обязанности, используя административные ресурсы, для поддержки инновационной и научно-технической деятельности.

2. Законодательное обеспечение. Для создания благоприятного развития муниципальной инновационной среды важно развивать нормативно-правовую базу и принимать соответствующие нормативные акты. В данном контексте важными составляющими представляются совершенствование федерального законодательства с целью улучшения деятельности предприятий, осуществляющих инновационную деятельность в целом по стране; совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей защиту авторских прав, интеллектуальной собственности; разработка предложений для совершенствования нормативно-правовой базы частно-государственного партнерства при осуществлении деятельности на территории муниципалитета; разработка предложений для увеличения объема использования технологичной продукции в госзаказе; финансовая поддержка в части ориентации бюджетных средств муниципалитета на создание условий, при которых научно-техническая и инновационная деятельность станет более выгодной, чем какая-либо другая. Для более эффективного использования финансовых возможностей стоит создать систему стимулирования для субъектов научно-технической и инновационной деятельности. Система должна обеспечить участников различными видами льгот: налоговых, на аренду земельных участков и помещений.

Основная часть

Формирование муниципальной политики инновационного развития должно осуществляться с соблюдением определенных принципов, подходов и правил, положенных в ее основу, должно отражать как тактические, так и стратегические ориентиры, которые могут быть стабильными в течение длительного промежутка времени или корректироваться, изменяться в соответствии с ситуацией в государстве.

Наиболее важным принципом организации управленческих инноваций в местном самоуправлении является принцип актуальности нововведения, когда его проект должен быть органически зависим от необходимости совершенствования системы местного самоуправления. Кроме того, среди общих принципов организации управленческих инноваций следует отметить принцип системности инноваций, что означает не только определенную последовательность их разработки, внедрения и реализации, но и возможность и эффективность подключения к ним стимулирующих параллельных процессов, оказавших значительное влияние на итоговые

результаты инноваций.

Основные принципы и методы управления инновационным развитием муниципального образования изложены в важнейших государственных нормативно-законодательных актах. Речь прежде всего идет об указах Президента Российской Федерации от 18.06.2012 № 878, от 01.12.2016 № 642, от 28.04.2008 № 607, федеральных законах РФ от 23.08.1996 № 127-ФЗ, от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ, от 14.07.2022 № 271-ФЗ, постановлениях правительства РФ от 26.08.1995 № 827, от 15.04.2014 № 316 и др. Например, в соответствии с указом Президента «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 01.12.2016 № 642 предполагается, что стратегия определяет цель и основные задачи развития науки и технологий Российской Федерации, устанавливает принципы, приоритеты, основные направления и меры реализации государственной политики в этой области, а также ожидаемые результаты реализации стратегии.

В Федеральном законе от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулируются отношения, возникающие при создании новых научно-технических учреждений и обеспечении их деятельности в целях реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации.

Делая акцент на общих принципах организации управленческих инноваций, нельзя оставлять без внимания методы организации этих инноваций, разработаны и проверены способы воздействия субъекта на объект инноваций с целью получения инновационного эффекта.

Методы инновационной деятельности в управлении развитием могут формироваться либо как результат специальных научных исследований, либо как обобщение определенного опыта, полученного благодаря практической апробации тех или иных нововведений [Адамская, 2019, 77].

Также следует выделить три уровня принципов инновационного развития муниципального образования, соблюдение которых будет обеспечивать его эффективность для достижения сбалансированного динамического развития:

- общие принципы политики муниципального образования: легитимность, объективность, целеустремленность, ответственность, партнерство, научная обоснованность, прозрачность и публичность, эффективность;
- принципы развития муниципального образования: общее видение, системность, альтернативность, ведущая роль инновационной деятельности, ответственность;
- принципы инновационной деятельности муниципального образования: непрерывность, обратная связь, учет особенностей муниципального образования, сотрудничество, интегрированность, долгосрочность, концентрация.

Инновационное развитие муниципальных образований – ключевой фактор обеспечения экономического роста, повышения уровня жизни населения и решения социально-экономических проблем. Эффективное инновационное развитие опирается на следующие принципы:

1. Создание благоприятной среды для активизации инновационной деятельности. Данный принцип предполагает предоставление налоговых льгот и других преференций для инновационных предприятий, разработку и реализацию программ поддержки стартапов и малых инновационных предприятий, формирование благоприятного инвестиционного климата, привлекательного для инвесторов в инновации.

2. Формирование инновационной компетенции предполагает интеграцию инновационного предпринимательства в учебные программы образовательных учреждений, реализацию масштабных проектов по обучению инновационному предпринимательству для различных целевых групп, разработку механизмов поощрения и стимулирования инновационного поведения.

3. Повышение инновационной активности. Данный принцип направлен на создание центров поддержки инноваций, которые предоставляют консультационные, образовательные и другие услуги для предпринимателей, модернизацию существующих предприятий и содействию внедрению инновационных технологий, поддержку создания новых инновационных компаний, в том числе через механизмы венчурного финансирования, разработку и реализацию программ и инициатив по стимулированию инновационного развития приоритетных секторов экономики.

4. Развитие инновационной деятельности во всех сферах предполагает расширение сфер применения инноваций, охватывая не только экономику, но и социальную сферу (образование, здравоохранение, культура), разработку и реализацию инновационных программ и проектов, направленных на улучшение качества жизни населения.

5. Развитие сектора исследований и разработок предполагает увеличение государственных расходов на научные исследования и разработки, модернизацию научно-исследовательской инфраструктуры и создание условий для эффективной работы учёных и исследователей, реализацию соответствия научных исследований приоритетным направлениям развития науки и технологий, определяемым государством.

6. Развитие инфраструктуры инноваций связано с развитием механизмов финансовой поддержки инновационных проектов через венчурные фонды, гранты и другие инструменты, строительством и модернизацией инновационной инфраструктуры, включающей бизнес-инкубаторы, технопарки и научные центры, укреплением международного научно-технического сотрудничества и привлечением иностранных инвестиций в инновационные проекты.

Новыми современными тенденциями в инновационном развитии являются ускорение технологического прогресса на основе внедрения искусственного интеллекта, машинного обучения, блокчейна и других прорывных технологий. Также в последнее время растёт интерес к социальным инновациям – инновациям, направленным на решение социальных проблем и улучшение качества жизни людей [Панина, 2023, 92].

Акцент в инновационном развитии делается на обеспечение устойчивого развития муниципалитета. В данном контексте основные усилия направлены на создание инноваций, которые способствуют защите окружающей среды и обеспечивают долгосрочный экономический рост.

Также важной современной особенностью является интеграция инноваций и цифровых технологий. Причем использование цифровых технологий необходимо для повышения эффективности и доступности инновационных решений.

Важной особенностью является персонализация инноваций, реализуемая через разработку и внедрение инноваций, адаптированных к индивидуальным потребностям и предпочтениям пользователей.

Внедрение данных принципов и реализация новых тенденций позволит муниципальным образованиям создать благоприятную среду для инновационного развития, повысить инновационный потенциал и обеспечить устойчивый экономический рост и повышение уровня

жизни населения.

Инновационная деятельность в муниципальном образовании нуждается в создании эффективного и действенного механизма инновационного развития. Это определяет важность исследования всех его составляющих, где ведущее место занимает финансовый механизм. Именно финансовый механизм с эффективной системой финансирования инноваций в муниципальном образовании позволяет мобилизовать все источники финансовых ресурсов, направленных на активизацию его инновационной деятельности, повышение уровня их конкурентоспособности и социально-экономического развития. К источникам финансирования инновационного развития относятся собственные средства компаний, бюджетные средства, иностранные инвестиции, венчурный капитал и кредитные ресурсы.

Следует отметить, что действенный финансовый механизм невозможен без финансового регулирования и стимулирования инновационного развития муниципального образования. Универсальными инструментами регулирования инновационного развития муниципального образования следует считать налоги, дотации и субсидии. Наиболее распространенными финансовыми стимулами считаются льготное кредитование, налоговые льготы, выплата компенсаций. К методам государственной поддержки развития инноваций относятся дотационное финансирование, создание благоприятного инновационного климата, налоговые и кредитные льготы, страхование инновационных рисков.

Можно утверждать, что в современных условиях все более важное значение приобретает поиск различных источников финансирования, то есть именно финансовая составляющая механизма инновационного развития с использованием организационных мер по их аккумуляции с целью полного финансирования инновационных проектов [Сергиенко, 2022, 667].

Устойчивое развитие муниципального образования возможно только в условиях достаточного ресурсного обеспечения и внедрения разных инноваций. Это требует внедрения новейших инструментов и эффективного управления деятельностью, которые создают возможности для инноваций, в частности разработка и реализация инновационной стратегии; трансформация организационной структуры; повышение компетентности персонала и креативности персонала; усовершенствование корпоративной культуры.

Исходя из сказанного, основными группами факторов инновационного развития муниципального образования можно считать следующие:

- факторы прямого воздействия (факторы микросреды) – совокупность факторов, непосредственно влияющих на функционирование муниципального образования как системы, на которое оно оказывает прямое или непосредственное влияние. К этим факторам необходимо отнести потребителей, поставщиков, конкурентов, контактные аудитории (население, органы муниципального образования);
- факторы опосредованного влияния (факторы макросреды), формирующие общие условия существования системы во внешней среде. К таким факторам можно отнести государственно-политические, международные, правовые, экономические, научно-технические, социально-демографические, природно-климатические, экологические ресурсы.

Анализ теорий по реализации инновационной деятельности муниципального образования позволяет выделить такие инновационные инструменты, формы и методы их работы, управленческие технологии, подходы к управлению, как аутсорсинг (передача органам власти

определенных функций другой специализирующейся организации соответствующей сфере); лизинг персонала (привлечение временно свободного компетентного персонала к деятельности органа власти с помощью кадровых агентств, занимающихся предоставлением таких услуг); бенчмаркинг; электронное управление; сбалансированная система характеристик; концепция экономного управления; реинжиниринг; управление по целям и результатам; методология управления проектами; государственно-частное партнерство.

Следует заметить, что использование инновационного инструмента, управленческих технологий, подходов к управлению, форм, методов работы должно базироваться не только на учете накопленного опыта и имеющихся финансовых ресурсов, но и на учете особенностей их работы, что обеспечит действенность и результативность инновационной деятельности муниципального образования. При этом эффективность инновационной деятельности муниципального образования заключается в создании благоприятных условий для устойчивого развития экономики в соответствии со стратегическими целями и задачами государства при минимальных затратах на осуществление деятельности при постоянном совершенствовании управленческих процессов.

Для повышения качества инновационной деятельности муниципального образования требуется надлежащее методическое обеспечение:

- гармонизация нормативно-правового обеспечения в стране на основе обеспечения эффективной реализации механизмов публично-частного партнерства, развитие научно-инновационного сотрудничества государственного и негосударственного секторов науки, учреждений высшего образования, научных учреждений с реальным сектором экономики;
- усовершенствование институционального обеспечения инновационной деятельности в муниципальном образовании на основе создания виртуальных результативных подразделений в рамках организационных структур управления, в частности офисов инновационной деятельности;
- реализация полноценной муниципальной инновационной кадровой политики, которая будет направлена не только на усиление профессиональной подготовленности и активизацию труда муниципальных чиновников, но и на создание мотивационной среды для активизации внедрения инноваций, от чего напрямую зависит социально-экономическое развитие экономики, а также- конкурентоспособность страны в целом;
- повышение мотивации к применению инноваций в муниципальном образовании, что позволит добиться значительного социального и экономического эффектов при реализации государственной экономической политики. Кроме мотивации служащих, инновационные изменения в управлении должны затрагивать показатели КРІ служащих и руководителей, вопросы корпоративной культуры с формированием новой этики государственной службы;
- усиление научно-методического обеспечения инновационной деятельности в муниципальном образовании на основе внедрения инновационной культуры для достижения открытости и готовности кадров к нововведениям;
- усовершенствование информационно-коммуникационного обеспечения инновационной деятельности в муниципальном образовании на основе внедрения современных информационно-коммуникационных технологий, что повысит уровень профессиональной мобильности служащих во время инновационной деятельности;

- усовершенствование финансового обеспечения инновационной деятельности в муниципальном образовании на основе активного внедрения методологии проектного подхода. Это поможет уменьшить финансовую нагрузку на бюджет и будет способствовать большей государственной поддержке.

Учитывая вышесказанное, можно проследить взаимосвязь между процессом достижения устойчивого развития и процессом обеспечения инновационной деятельности муниципального образования, основанной на реализации эффективного муниципального управления. При этом отдельное место занимает процесс реализации инновационной кадровой политики, который базируется на управлении профессиональной компетентностью служащих; оценке состояния готовности государственных служащих к нововведениям.

Следовательно, именно инновационная деятельность определяет уровень развития муниципального образования и ответственных чиновников за выполнение управленческих функций.

Заключение

Муниципальное инновационное развитие ориентированно на ближайшую и отдаленную перспективу. В стратегии муниципального социально-экономического развития до 2030 года инновационное развитие является одним из ключевых приоритетов. Для его реализации предполагаются следующие меры:

- Создание условий для развития приоритетных направлений науки и техники, критических и перспективных технологий с целью перехода к шестому технологическому укладу.
 - Популяризация науки, технологий и инноваций, технологического предпринимательства, достижений ученых и инженеров.
 - Формирование системы государственной поддержки муниципальной инновационной деятельности, включающей в себя гранты, субсидии и налоговые льготы.
 - Развитие научно-исследовательской инфраструктуры, включая создание новых лабораторий, исследовательских центров и технопарков.
 - Подготовка высококвалифицированных кадров для инновационной сферы через систему образования и профессиональной переподготовки.
 - Создание благоприятной среды для привлечения инвестиций в инновационные проекты.
- Дополнительные аспекты инновационного развития муниципалитетов.

Помимо указанных выше элементов, для успешного инновационного развития муниципалитетов необходимо учитывать ряд дополнительных факторов:

- Международное сотрудничество в виде установления связей с зарубежными исследовательскими центрами, университетами и компаниями для обмена знаниями, технологиями и опытом.
- Региональная интеграция в контексте участия в региональных инновационных кластерах и сетях для доступа к более широким рынкам, ресурсам и знаниям.
- Социальная устойчивость как обеспечение равных возможностей для всех и содействие инклюзивному инновационному развитию, обеспечивающему социальную справедливость и благополучие населения.
- Экологическая ответственность в виде учета экологических последствий инноваций и разработка экологически безопасных и устойчивых технологий.

Инновационное развитие муниципальных образований является сложным и многогранным процессом, требующим комплексного подхода и вовлечения всех заинтересованных сторон. Создание благоприятной среды, повышение инновационной компетенции, развитие инновационной деятельности во всех сферах, включая исследования и разработки, и создание современной инфраструктуры являются ключом к успешному переходу к инновационной экономике.

Библиография

1. Адамская Л.В. Кадровая работа органов местного самоуправления: приоритетные направления // Самоуправление. 2019. Т. 1. № 2 (115). С. 75-79.
2. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Короткова Ю.А., Красюкова Н.Л. Преобразование муниципальных образований: проблемы и перспективы// Самоуправление. 2019. Т. 2. № 3 (116). С. 156-159.
4. О внесении изменений в Федеральный закон "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 14.07.2022 № 271-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
6. О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России: указ Президента РФ от 18.06.2012 № 878 (ред. от 22.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
7. О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
8. О Федеральном фонде производственных инноваций: постановление Правительства РФ от 26.08.1995 № 827 (ред. от 10.07.1998) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021)// СПС «КонсультантПлюс».
11. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (ред. от 22.05.2019) // СПС «Консультант плюс».
13. Панина О.В. Модель реализации стратегии цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2023. № 2. С. 85-96.
14. Сергиенко Н.С. Доходы местных бюджетов в контексте реформирования организации местного самоуправления // Самоуправление. 2022. № 3 (131). С. 665-668.

Principles and methods of management of innovative development of the municipality

Valerii E. Komov

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: com.valeri@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the basic principles and methods of management of innovative development of a municipality. Without the introduction of appropriate innovations in the municipal education system, the authorities will not be able to provide high-quality services to the population of the country, as well as achieve a high level of social development. Innovative development in modern conditions is the main condition for increasing competitiveness, involves the introduction of technical, technological and other innovations. The innovative type of municipal management involves the use of various methods and features of management - network organization, program-target method, strategic planning and management, support for investment projects.

For citation

Komov V.E. (2024) Printsipy i metody upravleniya innovatsionnym razvitiem munitsipal'no go obrazovaniya [Principles and methods of management of innovative development of the municipality]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 212-221. DOI: 10.34670/AR.2024.14.71.047

Keywords

Local self-government, municipal innovation policy, performance indicators of local self-government, decentralization of management, economic basis of local self-government, municipal legal act.

References

1. Adamskaya L.V. (2019) Kadrovaya rabota organov mestnogo samoupravleniya: prioritetye napravleniya [Personnel work of local self-government bodies: priority directions]. *Samoupravlenie* [Self-government], 1, 2 (115). pp. 75-79.
2. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. Available at: <http://www.consultant.ru> [Accessed 12/03/2024].
3. Korotkova Yu.A., Krasnyukova N.L. (2019) Preobrazovanie munitsipal'nykh obrazovaniy: problemy i perspektivy [Transformation of municipalities: problems and prospects]. *Samoupravlenie* [Self-government], 2., 3 (116), pp. 156-159.
4. O Federal'nom fonde proizvodstvennykh innovatsii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.08.1995 № 827 (red. ot 10.07.1998) [On the Federal Fund for Production Innovation: Decree of the Government of the Russian Federation of August 26, 1995 No. 827 (as amended on July 10, 1998)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
5. O nauke i gosudarstvennoi nauchno-tekhnicheskoi politike: feder. zakon ot 23.08.1996 № 127-FZ (red. ot 24.07.2023) [On science and state scientific and technical policy: federation. Law of August 23, 1996 No. 127-FZ (as amended on July 24, 2023)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
6. O Sovete pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po modernizatsii ekonomiki i innovatsionnomu razvitiyu Rossii: ukaz Prezidenta RF ot 18.06.2012 № 878 (red. ot 22.11.2016) [On the Council under the President of the Russian Federation for the modernization of the economy and innovative development of Russia: Decree of the President of the Russian Federation of June 18, 2012 No. 878 (as amended on November 22, 2016)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
7. O strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 (red. ot 15.03.2021) [On the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated December 1, 2016 No. 642 (as amended on March 15, 2021)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
8. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiiskoi Federatsii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 14.07.2022 № 271-FZ [On amendments to the Federal Law "On Territories of Rapid Socio-Economic Development in the Russian Federation" and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 14, 2022 No. 271-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
9. Ob innovatsionnykh nauchno-tekhnologicheskikh tsentrakh i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 29 iyulya 2017 g. № 216-FZ [On innovative scientific and technological centers and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 29, 2017 No. 216-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].

10. Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 6.10.2003 № 131-FZ (red. ot 30.12.2021) [On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: federation. Law of October 6, 2003 No. 131-FZ (as amended on December 30, 2021)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
11. Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov: ukaz Prezidenta RF ot 28.04.2008 № 607 [On assessing the effectiveness of the activities of local governments of urban districts and municipal areas: Decree of the President of the Russian Federation dated April 28, 2008 No. 607]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
12. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika»: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 316 (red. ot 22.05.2019) [On approval of the state program of the Russian Federation “Economic development and innovative economy”: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2014 No. 316 (as amended on May 22, 2019)]. *SPS «Konsul'tantplyus»* [SPS Consultant].
13. Panina O.V. (2023) Model' realizatsii strategii tsifrovoi transformatsii gosudarstvennogo upravleniya v Rossiiskoi Federatsii [Model for implementing the strategy of digital transformation of public administration in the Russian Federation]. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye* [Management and business administration], 2, pp. 85-96.
14. Sergienko N.S. (2022) Dokhody mestnykh byudzhetov v kontekste reformirovaniya organizatsii mestnogo samoupravleniya [Revenues of local budgets in the context of reforming the organization of local self-government]. *Samoupravlenie* [Self-government], 3 (131), pp. 665-668.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.22.66.046

Анализ системы управления устойчивым развитием в Российской Федерации

Зуденкова Светлана Александровна

Кандидат экономических, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: Zudenkova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению системы управления устойчивым развитием в Российской Федерации. Автором рассматривается деятельность органов власти по достижению целей устойчивого развития, включению целей устойчивого развития в законодательные и стратегические документы. На основе проведенного анализа выделены особенности и проблемы сложившейся в РФ системы управления устойчивым развитием, предложены направления ее совершенствования.

Для цитирования в научных исследованиях

Зуденкова С.А. Анализ системы управления устойчивым развитием в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 222-229. DOI: 10.34670/AR.2024.22.66.046

Ключевые слова

Устойчивое развитие, цели устойчивого развития, социально-экономическое развитие, государственное управление, органы власти.

Введение

Вопросы устойчивого развития уже более полувека являются центральной темой в специальной литературе, но не потеряли своей актуальности. Необходимость обеспечения устойчивого развития была принята и зафиксирована в докладе «Наше общее будущее» (1987 г.) [Брунтланд, 1988], а также в рамках подписанных и принятых рекомендаций комиссии Брунтланд, озвученных на конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.). С этого времени государства стали брать на себя обязательства по созданию условий и изменению/корректировке национальных целей развития в соответствии с принципами устойчивого развития. Российская Федерация не является исключением. Среди первых шагов РФ для реализации целей устойчивого развития следует назвать принятие Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденной в 1996 году [Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440, www].

В научной литературе обсуждаются различные проблемы организации управления устойчивым развитием. Значительную часть исследований составляют работы, направленные на уточнение и содержательное наполнение понятия «устойчивое развитие» применительно к территориальным образованиям (государства, регионы, муниципалитеты или отдельные города) [Данилов-Данильян, Лосев, 2000; Глазовский и др., 2002], субъектам хозяйствования – компаниям, корпорациям и т.д. или отраслевым комплексам. Анализируются и разрабатываются составляющие механизма управления устойчивым развитием, причем значительная часть работ посвящена исследованиям особенностей региональных механизмов устойчивого развития [Панина, Добрина, 2014; Шедько и др., 2022]; осуществляется формализация принципов управления устойчивым развитием. Как отмечается в работе Красюковой Н.Л., «принципы устойчивого развития содержат научную идею, но не определяют механизмов и инструментов реализации для достижения устойчивого развития» [Красюкова, 2014], что ведет к необходимости изучения практической деятельности органов власти по достижению целей устойчивого развития.

Основная часть

Анализируя путь, пройденный Российской Федерацией по достижению целей устойчивого развития, следует отметить следующее.

1. Получили отражение в действующих нормативно-правовых актах, целях и приоритетах национального развития все семнадцать целей устойчивого развития (ЦУР), принятые при поддержке ООН в 2015 году в рамках «Повестки дня на период до 2030 года» [Цели в области устойчивого развития, www]; отдельные цели устойчивого развития включены как подцели и задачи в национальные проекты, программы, а также в стратегические и программные документы регионального и муниципального уровней.

Конституция РФ не содержит прямого указания на обеспечение устойчивого развития, но затрагивает большинство социальных ЦУР, прежде всего, таких как закрепление гендерного равенства, ликвидация нищеты и другие. Федеральные законы и другие нормативные правовые акты, принятые в РФ, в целом позволяют обеспечить достижение целей устойчивого развития. Подобная ситуация не является чем-то исключительным, поскольку цели устойчивого развития сформулированы достаточно обобщенно, что, как отмечается в работе Чеботаревой И.Ю. и др., «приводит к диффузии смысла концепции и дает почву для спекулятивных интерпретаций»

[Чеботарева, Удычак, Тхаркахо М.М., Марков, 2023]. Формальный подход к реализации целей устойчивого развития, т.е. «отсутствие институциональных рамок и действенных правовых рычагов», как указывают Чеботарева И.Ю. и соавторы, во многих странах мира объясняется необходимостью перестройки системы государственного управления в стране, что ставит вопрос о дискусионности самой идеи устойчивого развития.

Рассматривая стратегические документы, принятые в РФ, следует отметить, что достижение национальных целей развития также согласуется с ЦУР. Например, достижение национальной цели развития «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», определенной Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», связано с реализацией таких целей устойчивого развития, как ЦУР 1 «Ликвидация нищеты», ЦУР 2 «Ликвидация голода», ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие». Далее, следуя логике стратегического управления, реализуемой в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ, принятые национальные проекты, федеральные проекты и программы детализируют и расширяют перечень ЦУР. В качестве обобщения следует указать результаты расчёта Индекса SDG для России, где отмечается ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» как достигнутая, также к этой отметке почти приближается ЦУР 4 «Качество образования» [Устойчивое развитие стран: отношение к ESG в мире, www].

Оценивая деятельность государственных органов в РФ с позиций критериев оценки готовности национальной системы стратегического планирования к внедрению ЦУР, стоит указать на отсутствие национальной стратегии устойчивого развития (НСУР) как самостоятельного высокоуровневого документа стратегического планирования. Указанное обстоятельство, согласно международной практике, существенно снижает национальные достижения в части устойчивого развития, хотя прямая зависимость между качеством национальных стратегий устойчивого развития и реальными достижениями в области устойчивого развития, как отмечают Комаров В.М., Волошинская А.А. [Комаров, Волошинская, 2021], отсутствует. Национальные стратегии устойчивого развития приняты большинством стран Европейского Союза, а также в Великобритании, Канаде, Сингапуре и других странах. Стоит напомнить, что государственная стратегия устойчивого развития страны была подготовлена и рассмотрена во второй половине 1990-х гг. в рамках указа Президента РФ от 1 апреля 1996 г., однако не была принята, и в настоящее время явные планы по разработке подобного документа отсутствуют. Среди причин отсутствия национальной стратегии устойчивого развития Комаров В.М. и Волошинская А.А. указывают противодействие групп влияния, инертность государственного аппарата, отсутствие должной координации федеральных министерств, короткий горизонт планирования, низкую эффективность общественного участия и др.

Следует согласиться с позицией Абаниной Е.Н. и Петрова Д.Е. [Абанина, Петров, 2023], что существенными проблемами действующего законодательства является конкуренция экологических и экономических целей и недостаточное регулирование социальных интересов в экологическом законодательстве. Авторы отмечают, что активная правотворческая деятельность в рамках экологической политики является следствием ухудшения экологической ситуации и углублением экологических проблем. Особую тревогу, по мнению данных исследователей, вызывает недостаточное правовое урегулирование эколого-социальных вопросов по сравнению с эколого-экономическим и социально-экономическим направлениями.

2. В РФ создана система управления социально-экономическим развитием территории,

позволяющая решать существующие проблемы устойчивого развития.

Как известно, прерогатива целеполагания в РФ отдана Президенту РФ, а также в отдельных вопросах – Правительству РФ. Хотя в мировой практике имеются примеры наличия специального органа, осуществляющего координацию и управление деятельностью по достижению целей устойчивого развития, в составе Правительства РФ специальный орган, занимающийся вопросами устойчивого развития, не выделяется. Полномочиями по достижению целей устойчивого развития в рамках компетенций, установленных Президентом Российской Федерации и Правительством, наделены соответствующие федеральные органы исполнительной власти. При этом действующая система федеральных органов исполнительной власти способствует достижению поставленных целей устойчивого развития. Для координации деятельности ФОИВов в 2012 была создана Межведомственная рабочая группа при Администрации Президента Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития.

Среди отдельных проблем сложившейся в Российской Федерации системы управления устойчивым развитием следует указать сложности межведомственного взаимодействия по достижению целей устойчивого развития. Так, с достижением ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» связаны полномочия таких ФОИВов, как Минтруд России, Минэкономразвития, а также МЧС, что предъявляет определенные требования к их взаимодействию. Также стоит указать, что разные ФОИВы участвуют в достижении разного количества целей устойчивого развития, причем наибольшее количество ЦУР связано с деятельностью Минэкономразвития (ЦУР 1, ЦУР 5, ЦУР 7, ЦУР 8, ЦУР 9, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 13, ЦУР 16, ЦУР 17). Вместе с тем анализ деятельности ФОИВов в рамках реализации Повестки устойчивого развития в соответствии с их полномочиями значительно затруднен в результате отсутствия специальных нормативных актов, фиксирующих участие ФОИВ в достижении конкретных ЦУР, а также отсутствия порядка взаимодействия ФОИВов между собой по вопросам достижения ЦУР.

Одной из проблем достижения устойчивого развития для Российской Федерации является планирование мероприятий и оценка достижений на уровне регионов, поскольку индикаторы, предлагаемые ООН и другими международными организациями, затрагивают глобальный и национальный уровни. В этой связи следует согласиться с позицией И.В. Коршунова [Коршунов, 2023], что решение проблемы измерения устойчивого развития для регионального уровня еще предстоит, а пока исследователи предлагают различные способы и методики, ориентируясь в большей степени на экспертные представления об особенностях устойчивого развития регионов. Исследование Коршунова И.В., выполненное на примере регионов Северо-Западного федерального округа, показало недостаточную концептуальную обоснованность стратегических планов регионов и отражение целей устойчивого развития, приоритет экономической составляющей по сравнению с социальной и экологической компонентами устойчивого развития, низкую имплементацию целей устойчивого развития в региональные стратегии, несмотря на большее внимание к ЦУР на федеральном уровне. Фактически, подчеркивает Коршунов И.В., наблюдается «объективная проблема в методологии регионального стратегического планирования, ограничивающая мотивацию и возможности регионов по интеграции идеи устойчивого развития в свои стратегии» [Коршунов, 2023].

В работах современных авторов (И.В. Ильин, А.Д. Урсул и Т.А. Урсул) [Ильин, Урсул, Урсул, 2015] отмечается недостаточность принятых ООН целей устойчивого развития, а также необходимость их корректировки и дополнения, например, в части формирования целей устойчивого развития, связанных с достижением мира и обеспечением международной

безопасности.

Как справедливо отмечает С.Н. Митяков [Митяков, 2023], сложившаяся в мире система управления устойчивым развитием нуждается в корректировке, поскольку не обеспечивает достижения целей устойчивого развития; например, тесная взаимосвязь между голодом и нищетой (ЦУР 1 и ЦУР 2) и единый подход (методы и инструменты) к их преодолению позволяет выдвинуть предположение о целесообразности их объединения в одну цель. Проведенное исследование позволило С.Н. Митякову предложить авторский подход к построению новых целей устойчивого развития России, подробно раскрыв их соответствие действующим ЦУР ООН.

3. В РФ создан организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием, позволяющий реализовывать все функции управления: планирование и прогнозирование, организацию, мотивацию, учет и контроль.

Важнейшими специальными принципами управления устойчивым развитием в РФ являются:

- непрерывность осуществляемых изменений для достижения целей устойчивого развития;
- взаимная увязка экономических, экологических и социальных направлений деятельности государства путем согласования различных стратегических и программных документов федерального, регионального и муниципального уровней, а также отраслевых и корпоративных документов (одним из примеров является принятие Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года);
- открытость и доступность информации о реализации целей устойчивого развития.

Среди методов управления, используемых в рамках данного механизма, можно выделить экономические, административные, организационные, социально-психологические. Не менее широким является набор инструментов, используемых для управления устойчивым развитием: стратегии, целевые программы как основной инструмент реализации стратегий, административные регламенты и меры запрета, субсидии, дотации и льготы и другие. Среди инструментов следует особо выделить «зеленое» финансирование, расширение практики государственно-частного партнерства, бенчмаркинг.

4. Организован сбор и обобщение информации о достигнутых результатах в части реализации целей устойчивого развития, осуществляется подготовка статистических отчетных данных и их публикация (Статистический ежегодник «Цели устойчивого развития в Российской Федерации»). В частности, Росстат уполномочен осуществлять координацию деятельности по субъектам статистического учета, формирование и предоставление официальной статистической информации по достижению целей устойчивого развития в международные организации.

В рамках деятельности Аналитического центра при Правительстве РФ были созданы рабочие экспертные группы по каждой цели устойчивого развития, что позволило осуществить подготовку добровольного национального обзора (2020 г.) достижения ЦУР [Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, www] в рамках реализации Повестки устойчивого развития.

5. Отдельно следует отметить вклад научных и общественных организаций в достижение устойчивого развития. В РФ проводятся научные исследования по различным проблемам устойчивого развития территории, в том числе в части разработки научно-обоснованных подходов к организации управления процессами устойчивого развития на государственном и

муниципальном уровне. Данные исследования используются в ходе деятельности ФОИВов по достижению ЦУР и отдельных компаний (корпораций).

Еще одной формой использования научных достижений при реализации Повестки устойчивого развития в РФ следует считать привлечение экспертного сообщества, а именно представителей РАНХиГС, ВШЭ, МГУ им. Ломоносова и представителей других вузов, к разработке стратегических документов, связанных с достижением целей устойчивого развития. Вместе с тем потенциал участия экспертных и особенно общественных организаций не исчерпан.

Заключение

Среди направлений совершенствования сложившейся системы управления устойчивым развитием в РФ следует отметить:

- необходимость повышения согласованности действий отдельных федеральных органов исполнительной власти в вопросах устойчивого развития, путем повышения интенсивности их взаимодействия;
- более активное привлечение экспертного и научного сообщества для обсуждения проектов стратегических и проектных документов, затрагивающих вопросы устойчивого развития;
- популяризацию и повышение информированности о деятельности государства по вопросам устойчивого развития, в том числе региональных и муниципальных практик, отражающих использование механизмов и инструментов, с учетом особенностей социально-экономического развития;
- следует обеспечить более полное соответствие показателей национальных и федеральных проектов и программ показателям, определяющим достижение ЦУР, что позволит более полно отслеживать динамику достижения показателей ЦУР и осуществлять межстрановые сравнения.

Реализация представленных предложений позволит повысить эффективность системы управления устойчивым развитием, а также внесет существенный вклад в достижение целей устойчивого развития на территории РФ.

Библиография

1. Брунтланд Г.Х. Наше общее будущее. Доклад Комиссии ООН по окружающей среде и развитию 1987 г. М.: Прогресс, 1988.
2. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., 2000.
3. Глазовский Н.В. и др. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни, зарубежный опыт и проблемы России. М., 2002.
4. Панина О.В., Добринина Л.Р. Механизм управления устойчивым развитием экономики региона // Вестник университета. 2014. № 17. С. 71-75.
5. Шедько Ю.Н. и др. Устойчивое развитие регионов России в условиях цифровизации. М., 2022.
6. Красюкова Н.Л. Механизмы и инструменты государственного управления устойчивым развитием социальной сферы // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 5. С. 58 – 68.
7. Цели в области устойчивого развития. 2023. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.
8. Чеботарева И.Ю., Удычак Ф.Н., Тхаркахо М.М., Марков П.Н. Устойчивое развитие и конституционные приоритеты современной России // Закон и власть. 2023. № 1. С. 18-22.
9. Устойчивое развитие стран: отношение к ESG в мире. URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe->

- razvitiye/ustoychivoe-razvitiye-stran-otnoshenie-k-esg-v-mire.
10. Комаров В.М., Волошинская А.А. Национальные стратегии устойчивого развития: сравнительный анализ // ЭКО. 2021. № 1 (559). С. 112-129.
 11. Абанина Е.Н., Петров Д.Е. Политика государства в сфере устойчивого развития: поиск баланса интересов // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 59-68.
 12. Коршунов И.В. Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения // Экономика региона. 2023. № 19(1). С. 15-28.
 13. Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Новые глобальные цели устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия XXVII «Глобалистика и геополитика». 2015. № 3/4. С. 60-84.
 14. Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. 2023. № 1. С. 21- 35.
 15. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf.
 16. Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 // СПС «КонсультантПлюс».

Analysis of the sustainability management system in the Russian Federation

Svetlana A. Zudenkova

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Zudenkova@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the sustainable development management system in the Russian Federation. The author examines the activities of the authorities to achieve the goals of sustainable development, the inclusion of the goals of sustainable development in legislative and strategic documents. On the basis of the analysis, the features and problems of the existing sustainable development management system in the Russian Federation are highlighted, and directions for its improvement are proposed.

For citation

Zudenkova S.A. (2024) Analiz sistemy upravleniya ustoichivym razvitiem v Rossiiskoi Federatsii [Analysis of the sustainability management system in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 222-229. DOI: 10.34670/AR.2024.22.66.046

Keywords

Sustainable development, sustainable development goals, socio-economic development, public administration, authorities.

References

1. Abanina E.N., Petrov D.E. (2023) Politika gosudarstva v sfere ustoichivogo razvitiya: poisk balansa interesov [State policy in the field of sustainable development: searching for a balance of interests]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], 3, pp. 59-68.
2. Brundtland G.Kh. (1988) *Nashe obshchee budushchee. Doklad Komissii OON po okruzhayushchei srede i razvitiyu 1987 g.* [Our common future. Report of the UN Commission on Environment and Development 1987] Moscow: Progress

Publ.

3. Chebotareva I.Yu., Udychak F.N., Tkharakho M.M., Markov P.N. (2023) Ustoichivoe razvitie i konstitutsionnye priority sovremennoi Rossii [Sustainable development and constitutional priorities of modern Russia]. *Zakon i vlast'*, 1, pp. 18-22.
4. Danilov-Danil'yan V.I., Losev K.S. (2000) *Ekologicheskii vyzov i ustoichivoe razvitie* [Environmental challenge and sustainable development]. Moscow.
5. *Dobrovol'nyi natsional'nyi obzor khoda osushchestvleniya Povestki dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 goda* [Voluntary National Review of the 2030 Agenda for Sustainable Development]. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf [Accessed 14/04/2024].
6. Glazovskii N.V. et al. (2002) *Perekhod k ustoichivomu razvitiyu: global'nyi, regional'nyi i lokal'nyi urovni, zarubezhnyi opyt i problemy Rossii* [Transition to sustainable development: global, regional and local levels, foreign experience and problems of Russia]. Moscow.
7. Il'in I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. (2015) Novye global'nye tseli ustoichivogo razvitiya [New global goals for sustainable development]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya XXVII «Globalistika i geopolitika»* [Bulletin of Moscow University. Series XXVII "Global Studies and Geopolitics"], 3(4), pp. 60-84.
8. Komarov V.M., Voloshinskaya A.A. (2021) Natsional'nye strategii ustoichivogo razvitiya: sravnitel'nyi analiz [Sustainable development and constitutional priorities of modern Russia]. *EKO*, 1 (559), pp. 112-129.
9. Korshunov I.V. (2023) Ustoichivoe razvitie v strategiyakh regionov: vybiraemye podkhody i resheniya [Sustainable development in regional strategies: selected approaches and solutions]. *Ekonomika regiona* [Economics of the region], 19(1), pp. 15-28.
10. Krasnyukova N.L. (2014) Mekhanizmy i instrumenty gosudarstvennogo upravleniya ustoichivym razvitiem sotsial'noi sfery [Mechanisms and tools of state management of sustainable development of the social sphere]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and applied studies of the cooperative sector of the economy], 5, pp. 58 – 68.
11. Mityakov S.N. (2023) Novye tseli ustoichivogo razvitiya Rossii [New goals for sustainable development of Russia]. *Razvitie i bezopasnost'* [Development and security], 1, pp. 21- 35.
12. Panina O.V., Dobrina L.R. (2014) Mekhanizm upravleniya ustoichivym razvitiem ekonomiki regiona [Mechanism for managing sustainable development of the regional economy]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 17, pp. 71-75.
13. Shed'ko Yu.N. i dr. (2022) *Ustoichivoe razvitie regionov Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii* [Sustainable development of Russian regions in the conditions of digitalization]. Moscow.
14. *Tseli v oblasti ustoichivogo razvitiya* [Sustainable Development Goals]. 2023. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals> [Accessed 14/04/2024].
15. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 1 aprelya 1996 g. № 440 [Decree of the President of the Russian Federation of April 1, 1996 No. 440]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
16. *Ustoichivoe razvitie stran: otnoshenie k ESG v mire* [Sustainable development and constitutional priorities of modern Russia]. Available at: <https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe-razvitie/ustoychivoe-razvitie-stran-otnoshenie-k-esg-v-mire> [Accessed 18/04/2024].

УДК 316.334.3

DOI: 10.34670/AR.2024.52.13.048

**Влияние новаций в региональном законодательстве о
государственной социальной поддержке военнослужащих на
результаты социальной помощи в Московской области за 2021-
2023 гг.**

Зубец Антон Желькович

Кандидат экономических наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: AZZubets@fa.ru

Аннотация

В представленной работе проводится анализ результатов и динамики социальной поддержки в Московской области и влияния на них сформированных мер для военнослужащих, участвующих в специальной военной операции (СВО). Разбираются нормативно-правовые акты, которые были разработаны и приняты в Московской области с момента начала СВО. Для анализа применяется исследование временных рядов на базе данных о системе социальной поддержки региона, представленных в системе единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО). Полученные выводы, дополненные графическим анализом данных, опровергают поставленную гипотезу о значительном росте нагрузки на региональную систему социальной защиты после начала СВО.

Для цитирования в научных исследованиях

Зубец А.Ж. Влияние новаций в региональном законодательстве о государственной социальной поддержке военнослужащих на результаты социальной помощи в Московской области за 2021-2023 гг. // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 230-237. DOI: 10.34670/AR.2024.52.13.048

Ключевые слова

Социальная поддержка, социальная политика, СВО, социальная поддержка военнослужащих, социальная поддержка семей, государственная социальная политика, региональная социальная политика, закон.

Введение

В текущий период времени наша страна продолжает защищать свои рубежи, ценности и людей. Важнейшую роль в этом сегодня играют бойцы, участвующие в специальной военной операции (далее – СВО). Для того чтобы они могли продолжать свое опасное и важное дело, они должны быть уверены в том, что их семьи, их близкие находятся под надёжной защитой и опекой государства. Именно эту задачу решает политика государственной и региональной социальной поддержки военнослужащих и их семей в регионах России.

В нашей работе в качестве примера мы рассмотрим функционирование мер социальной поддержки, направленных на бойцов и членов их семей, проживающих на территории Московской области. Ключевая гипотеза исследования: если появились новые меры социальной поддержки для военнослужащих СВО и их семей, то объем финансовых обязательств для мер социальной защиты (поддержки) в регионе вырос на 10% в 2022 и 2023 г. к 2021 г.

Основная часть

С момента начала СВО было предпринято множество законодательных новаций с целью поддержать семьи, в которых многие военнослужащие могли быть не только родителями, но и единственными кормильцами в семье. Для этого было предпринято множество мер, часть которых была сформирована на региональном уровне. Соотношение нормативно-правовых актов, регламентирующих социальную поддержку военнослужащих и их семей до и после конфликта, отражено в сравнительной таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение нормативно-правовой базы социальной поддержки военнослужащих до начала СВО и после

НПА социальной поддержки военнослужащих и их семей до начала СВО	НПА социальной поддержки военнослужащих и их семей после начала СВО
ЗМО № 36/2006-ОЗ, ЗМО № 258/2017-ОЗ, ЗМО № 151/2004-ОЗ, ЗМО № 162/2014-ОЗ	ЗМО № 12/2022-ОЗ, ЗМО № 31/2022-ОЗ ПГМО № 317-ПГ от 05.10.2022

Источник: [Парсиева, Гацалова, Кусов, 2014; Чепурной, 2013; Шевченко, Попов, Ленцова, Харлан, 2008]

Следует отметить, что предшествующие законы принимались с большими перерывами, в несколько лет, в то время как другие НПА после СВО приняты в одном только 2022 году. Но при это количество НПА сбалансировано. Губернатор Московской области Андрей Юрьевич Воробьёв постановлением от 5 октября 2022г. № 317-ПГ «О социальной поддержке граждан Российской Федерации, участвующих в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, также членов их семей» сформировал следующие инструменты поддержки для военнослужащих и их семей [Постановление Губернатора Московской области от 05.10.2022 № 317-ПГ, [www](http://www.govmoscow.ru)]:

- единовременная выплата в размере 200000 руб., которая выплачивается в течение пяти рабочих дней с дня предоставления в Министерство обороны списков военнослужащих;
- право на внеочередное зачисление детей военнослужащих в детские сады и компенсации

- платы, взимаемой за присмотр и уход за ребёнком в данных дошкольных образовательных учреждениях;
- предоставление бесплатного питания школьникам и студентам, в том числе и предоставление компенсации для последних за их обеды и завтраки;
 - зачисление школьников Московской области в группы продлённого дня и также компенсация стоимости их обучения по дополнительным образовательным программам;
 - для родителей с детьми инвалидами – первоочередное направление на стационарные социальное обслуживание либо финансирование предоставления социальных услуг на дому;
 - получение экстренной социальной помощи;
 - получение медицинской помощи (протезирование и др.);
 - организация профессионального обучения по программам дополнительного профессионального образования для официально числящихся безработными, в том числе и содействие в поиске работы;
 - оказание бесплатной психологической, юридической помощи и содействие в оформлении иных мер социальной поддержки.

Необходимо отметить, что спектр данных мер достаточно обширный и представляет собой объёмный набор инструментов социальной поддержки. Также у данного документа есть определённые фильтры, ограничители, которые снижают его эффективность и широту охвата целевой аудитории:

Во-первых, в начале самого постановления выделены группы военнослужащих, для которых работают данные меры поддержки. Если попытаться объединить все эти подгруппы в одну, то это будут военнослужащие призваны в период от 21 сентября 2022 г. и до 31 декабря 2023 г. включительно. С учётом того, что СВО началась 24 февраля 2022 г., а с 31 декабря 2023 г. на момент написания данной работы прошло уже четыре месяца, в течение которых, возможно, также уже могли прийти новобранцы, тем самым данный пункт создает определённые риски в реализации мер социальной поддержки населения.

Во-вторых, в самом документе многие меры, например компенсация расходов на медицинские операции, обеды для студентов или обучение по программам ДПО, реализуются исключительно в организациях Московской области или для обучающихся в образовательных организациях региона. То есть на студентов Московской области, обучающихся в московских вузах, данные меры уже распространяться не будут. Во втором пункте решение законодателя ориентировано на поддержку экономики региона.

Кроме указанного постановления, среди правовых новаций Московской области в сфере социальной поддержки военнослужащих необходимо отметить два закона. Первый, «Дополнительные меры социальной поддержки членов семей погибших (умерших) военнослужащих», служит помощью в случае трагического исхода участия военнослужащего в СВО, а именно его гибели. Данный документ предусматривает в качестве социальной поддержки выплату 3000000 руб., которая равномерно будет разделена между членами семьи погибшего военнослужащего [Закон Московской области от 25.03.2022 № 31/2022-ОЗ, [www](#)].

Второй закон – «О предоставлении дополнительных мер поддержки отдельных категорий граждан по осуществлению газификации индивидуальных жилых домов Московской области» [Закон Московской области от 21 февраля 2022 года № 12/2022-ОЗ, [www](#)]. Данный закон

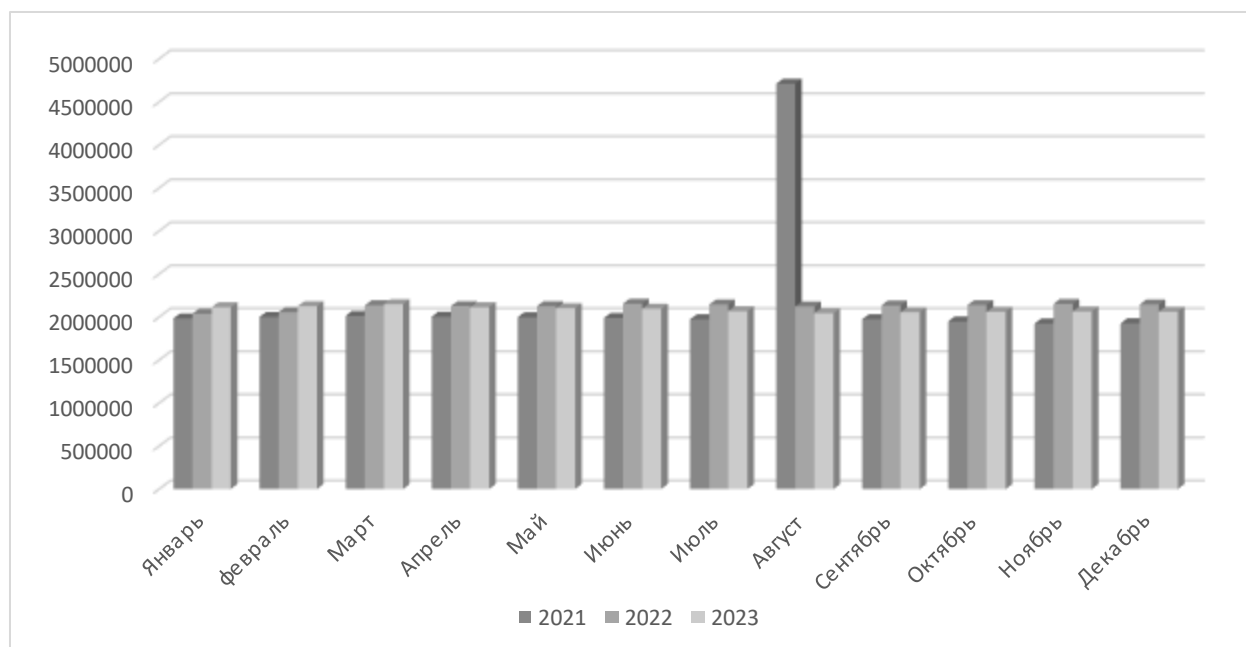
предполагает компенсацию газификации индивидуальных жилых домов в данном субъекте Российской Федерации в объеме стопроцентной стоимости выполненных работ по проектированию подключения сети газопотребления и оплату приобретение внутридомового газового оборудования, прибора учёта газа на сумму не более 80085 руб.

Говоря о последнем нормативно-правовом акте, необходимо отметить среди основных рисков такой, как работа посредников на рынке газификации и сравнительно высокий разброс цен на данную услугу. Обратившись к источнику [Шабашев, www], где представлен опыт подключения индивидуального жилого дома к газораспределительным сетям, стоит отметить, что разница цен, по которым услугу предоставляет АО «Мосэнергосбыт», и стоимости, которую требуют за ту же услугу посредники, может быть десятикратной. И оплачивает данную разницу бюджет Московской области.

Ознакомившись с нормативными правовыми новациями в системе социальной поддержки военнослужащих и членов семей, проживающих на территории Московской области, проанализируем влияние данных инструментов и мер поддержки на функционирование и результаты работы системы социальной поддержки. Для данного анализа мы будем использовать данные из единой государственной информационной системы социального обеспечения (далее – ЕГИССО) [Клемешев, Козлов, Федоров, 2004; Портал «Единой государственной информационной системы социального обеспечения», www].

Выбрав в системе раздел «Регионы», «Вводная информация по субъекту РФ», мы проанализируем динамику основных показателей функционирования социальной поддержки Московской области за 2021, 2022 и 2023 годы.

Необходимо представить то количество получателей средств, которое проходило через данную систему в течение указанных трех лет (рисунок 1).

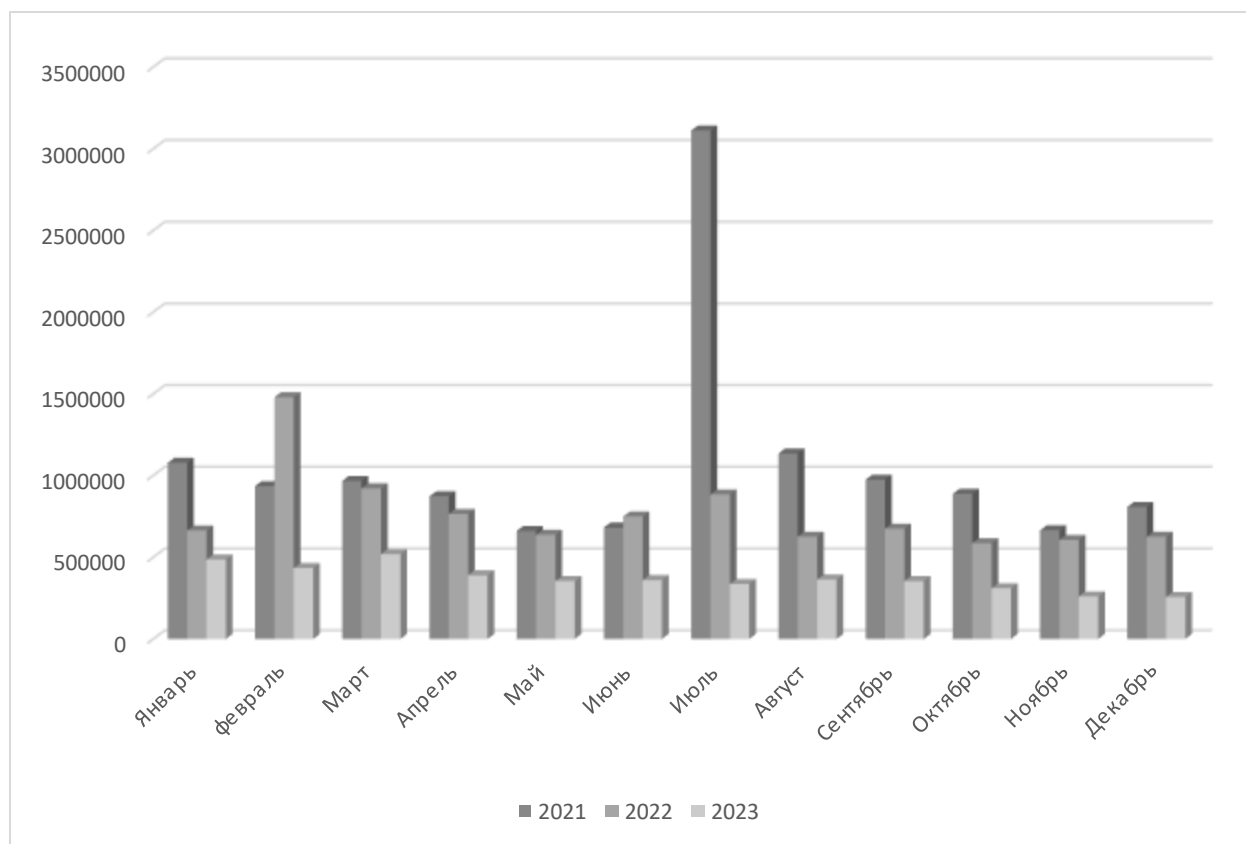
Источник: составлено автором на базе данных из ЕГИССО [Портал «Единой государственной информационной системы социального обеспечения», www]

Рисунок 1 – Количество получателей в текущем месяце, чел.

Как мы можем видеть на диаграмме, количество получателей немного (на несколько тысяч человек) выше в среднем по месяцам начиная с марта 2022 года, т.е. через несколько недель после начала СВО.

Также мы можем видеть на рисунке 2, что количество самих назначений мер социальной защиты имеет два ключевых максимума: это связанный с началом СВО рост назначений в феврале 2022 года и экстремум, представленный в июле 2021 года.

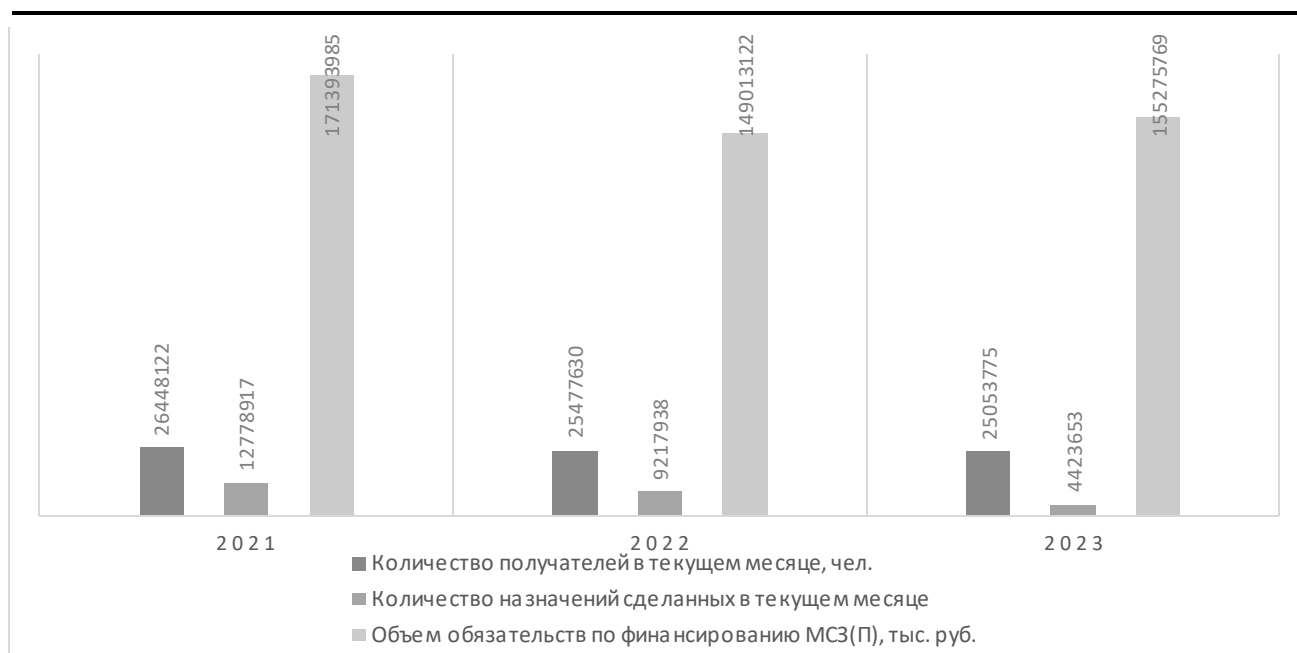
Здесь необходимо отметить, что оба максимума на рисунке 1 в августе и на рисунке 2 в июле связаны, поскольку именно в августе 2021 года начинает предоставляться выплата всем семьям с детьми на подготовку к школе в объеме 10000 рублей. Кроме указанной меры, были представлены и другие новации (субсидирование авиабилетов, рост пенсий), но средний размер выплаты на одного получателя, который за все три года находился в пределах от 5400 до 6600 рублей и только в августе 2021г. вырос до 10652 рублей, говорит о том, что именно первая мера возымела такую популярность у населения. Также об этом косвенно говорит постепенно снижение количества назначений только в ноябре, поскольку право на подачу заявления на выплату было у родителей начиная с летних месяцев до октября включительно.

Источник: составлено автором на базе данных из ЕГИССО [Портал «Единой государственной информационной системы социального обеспечения», www]

Рисунок 2 – Количество назначений, сделанных в текущем месяце

Однако, если мы попытаемся сравнить все три года по данным трем показателям, используя их суммарные итоги за год, мы получим график на рисунке 3.

Источник: составлено автором на базе данных из ЕГИССО [Портал «Единой государственной информационной системы социального обеспечения», www]

Рисунок 3 – Сравнение суммарных итогов работы системы социальной поддержки Московской области за 2021-2023 гг.

Данная столбиковая диаграмма демонстрирует нам ошибочность нашей гипотезы о росте финансовых обязательств на 10% после начала СВО. Скорее наоборот: в сравнении с 2021 г. объем обязательств по финансированию в 2022 г. уменьшился на 13% и на 9% соответственно. Также спад демонстрируют и другие показатели на диаграмме.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что система социальной поддержки населения в Московской области сегодня обладает особым запасом прочности, что даже на примере военнослужащих и их семей объясняется ее избирательностью. Однако указанные в работе риски в реализации НПА в данной системе уже сейчас реализуются, нанося ей как имиджевый, так и финансовый ущерб.

Библиография

1. Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М. Социальная ориентация региональной стратегии для Калининградской области // Регион сотрудничества. 2004. № 12. С. 36-69.
2. О дополнительной мере социальной поддержки членам семей погибших (умерших) военнослужащих: закон Московской области от 25.03.2022 № 31/2022-ОЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5000202203280002?ysclid=lv0psg8rvq234277986> (дата обращения: 14.01.2024).
3. О предоставлении дополнительной меры поддержки отдельных категорий граждан по осуществлению газификации индивидуальных жилых домов в Московской области: закон Московской области от 21 февраля 2022 года N 12/2022-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/728245820?ysclid=lv0p m f q 7 o w 5 4 9 2 1 3 0 7 4> (дата обращения: 14.01.2024).
4. О социальной поддержке граждан Российской Федерации, призванных Военным комиссариатом Московской

- области и призывными комиссиями по мобилизации граждан в Московской области на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, граждан Российской Федерации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, а также членов их семей: постановление Губернатора Московской области от 05.10.2022 № 317-ПГ. URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyato-gubernatorom/postanovleniya/05-10-2022-17-40-21-postanovlenie-gubernatora-moskovskoy-oblasti-ot?ysclid=lv0pumxtrs953171819> (дата обращения: 14.01.2024).
5. Парсиева Л.К., Гадалова Л.Б., Кусов Т.Э. Инновационные методы реализации региональной социальной политики по поддержке многодетной семьи // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 3. С. 392.
 6. Портал «Единой государственной информационной системы социального обеспечения». URL: <http://egisso.ru/#/> (дата обращения: 14.01.2024).
 7. Чепурной А.Г. Об опыте и перспективах взаимодействия общественных организаций ветеранов-инвалидов войны, боевых действий и военной травмы с региональными органами власти и органами местного самоуправления в сфере социальной защиты и реабилитации инвалидов войны // *Право и государство: теория и практика*. 2013. № 11(107). С. 99-103.
 8. Шабашев Г. Как я газифицировал загородный дом в Подмосковье. Уложился в три месяца и даже смог сэкономить. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/new-gaz/> (дата обращения: 14.01.2024).
 9. Шевченко С.И., Попов Н.Д., Ленцова С.В., Харлан Г.Г. О государственной поддержке семей, имеющих детей (Ямало-Ненецкий автономный округ) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2008. № 6(124). С. 36-54.
 10. Taylor S. E. et al. Social support: A review // *The Oxford handbook of health psychology*. – 2011. – Т. 1. – С. 189-214.

Impact of innovations in regional legislation on state social support for military personnel on the results of social assistance in the Moscow region for 2021-2023

Anton Zh. Zubets

PhD in Economics,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: AZZubets@fa.ru

Abstract

The presented work analyzes the results and dynamics of social support in the Moscow region and the impact on them of the measures taken for military personnel participating in a special military operation (SMO). The regulatory legal acts that have been developed and adopted in the Moscow region since the beginning of the SVO are analyzed. The analysis uses a time series study based on data on the region's social support system, presented in the Unified State Information System for Social Security (USISSS). The findings, supplemented by graphical analysis of the data, refute the hypothesis about a significant increase in the load on the regional social protection system after the start of the SMO.

For citation

Zubets A.Zh. (2024) Vliyanie novatsii v regional'nom zakonodatel'stve o gosudarstvennoi sotsial'noi podderzhke voennosluzhashchikh na rezultaty sotsial'noi pomoshchi v Moskovskoi oblasti za 2021-2023 gg. [Impact of innovations in regional legislation on state social support for military personnel on the results of social assistance in the Moscow region for 2021-2023]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 230-237. DOI: 10.34670/AR.2024.52.13.048

Keywords

Social support, social policy, SMO, social support for military personnel, social support for families, state social policy, regional social policy, law.

References

1. Chepurnoi A.G. (2013) Ob opyte i perspektivakh vzaimodeistviya obshchestvennykh organizatsii veteranov-invalidov voyny, boevykh deistvii i voennoi travmy s regional'nymi organami vlasti i organami mestnogo samoupravleniya v sfere sotsial'noi zashchity i reabilitatsii invalidov voyny [On the experience and prospects of interaction between public organizations of disabled veterans of war, combat and military trauma with regional authorities and local governments in the field of social protection and rehabilitation of war disabled people]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 11(107), pp. 99-103.
2. Klemeshev A.P., Kozlov S.D., Fedorov G.M. (2004) Sotsial'naya orientatsiya regional'noi strategii dlya Kaliningradskoi oblasti [Social orientation of the regional strategy for the Kaliningrad region]. *Region sotrudnichestva* [Region of cooperation], 12, pp. 36-69.
3. *O dopolnitel'noi mere sotsial'noi podderzhki chlenam semei pogibshikh (umershikh) voennosluzhashchikh: zakon Moskovskoi oblasti ot 25.03.2022 № 31/2022-OZ* [On an additional measure of social support for family members of fallen (deceased) military personnel: Law of the Moscow Region of March 25, 2022 No. 31/2022-OZ]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5000202203280002?ysclid=lv0psg8rvq234277986> [Available at 14/04/2024].
4. *O predostavlenii dopolnitel'noi mery podderzhki otdel'nykh kategorii grazhdan po osushchestvleniyu gazifikatsii individual'nykh zhilykh domov v Moskovskoi oblasti: zakon Moskovskoi oblasti ot 21 fevralya 2022 goda N 12/2022-OZ* [On providing additional measures of support for certain categories of citizens for the implementation of gasification of individual residential buildings in the Moscow region: Law of the Moscow Region of February 21, 2022 No. 12/2022-OZ]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/728245820?ysclid=lv0pmfq7ow549213074> [Available at 14/01/2024].
5. *O sotsial'noi podderzhke grazhdan Rossiiskoi Federatsii, prizvannykh Voennym komissariatom Moskovskoi oblasti i prizyvnymi komissiyami po mobilizatsii grazhdan v Moskovskoi oblasti na voennuyu sluzhbu po mobilizatsii v Vooruzhennye Sily Rossiiskoi Federatsii, grazhdan Rossiiskoi Federatsii, zaklyuchivshikh kontrakt o dobrovol'nom soдейstvii v vypolnenii zadach, vozlozhennykh na Vooruzhennye Sily Rossiiskoi Federatsii, a takzhe chlenov ikh semei: postanovlenie Gubernatora Moskovskoi oblasti ot 05.10.2022 № 317-PG* [On social support for citizens of the Russian Federation called up by the Military Commissariat of the Moscow Region and conscription commissions for the mobilization of citizens in the Moscow Region for military service for mobilization into the Armed Forces of the Russian Federation, citizens of the Russian Federation who have entered into a contract for voluntary assistance in fulfilling the tasks assigned to the Armed Forces of the Russian Federation, as well as members of their families: Decree of the Governor of the Moscow Region of October 05, 2022 No. 317-PG]. Available at: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyato-gubernatorom/postanovleniya/05-10-2022-17-40-21-postanovlenie-gubernatora-moskovskoy-oblasti-ot?ysclid=lv0pumxtrs953171819> [Available at 14/01/2024].
6. Parsieva L.K., Gatsalova L.B., Kusov T.E. (2014) Innovatsionnye metody realizatsii regional'noi sotsial'noi politiki po podderzhke mnogodetnoi semi [Innovative methods for implementing regional social policy to support large families]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 3, p. 392.
7. Portal «Edinoi gosudarstvennoi informatsionnoi sistemy sotsial'nogo obespecheniya» [Portal of the “Unified State Social Security Information System”]. Available at: <http://egisso.ru/#/> [Available at 14/01/2024].
8. Shabashev G. *Kak ya gazifitsiroval zagorodnyi dom v Podmoskov'e. Ulozhilsya v tri mesyatsa i dazhe smog sekonomit'* [How I gasified a country house in the Moscow region. I did it in three months and even managed to save money]. Available at: <https://journal.tinkoff.ru/guide/new-gaz/> [Available at 14/01/2024].
9. Shevchenko S.I., Popov N.D., Lentsova S.V., Kharlan G.G. (2008) O gosudarstvennoi podderzhke semei, imeyushchikh detei (Yamalo-Nenetskii avtonomnyi okrug) [On state support for families with children (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions], 6(124), pp. 36-54.
10. Taylor, S. E. (2011). Social support: A review. *The Oxford handbook of health psychology*, 1, 189-214.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.13.21.049

Актуальные вопросы развития клиентоцентричного подхода в органах власти Российской Федерации

Воронова Екатерина Игоревна

Ассистент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: EIVoronova@fa.ru

Аннотация

В настоящее время клиентоцентричный подход получает широкое распространение не только в коммерческих компаниях, но и в органах власти государственного и муниципального уровня. Развитие системы предоставления государственных и муниципальных услуг, формирование новых требований, механизмов и ценностей их оказания предполагают применение новых подходов к государственному менеджменту. Развитие данного направления в настоящее время является одним из приоритетов совершенствования государственного и муниципального управления. В этой связи особую ценность несет изучение теоретических и прикладных аспектов клиентоцентричного подхода к государственному менеджменту, выделение факторов, сдерживающих развитие рассматриваемой концепции. Данное исследование проведено с целью анализа практики внедрения клиентоцентричного подхода, в том числе в части выявления ограничений, а также для разработки рекомендаций по развитию клиентоцентричности в государственном и муниципальном управлении. Исследование основано на результатах анализа инструментов федерального проекта «Государство для людей», декларации и стандартов клиентоцентричности Минэкономразвития России, а также научных трудов отечественных ученых в сфере государственного менеджмента.

Для цитирования в научных исследованиях

Воронова Е.И. Актуальные вопросы развития клиентоцентричного подхода в органах власти Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 238-247. DOI: 10.34670/AR.2024.13.21.049

Ключевые слова

Цифровая экономика, клиентоцентричность, клиентоцентричное государство, государственные и муниципальные услуги, государственная гражданская служба, гибкий подход.

Введение

Клиентоцентричный подход к государственному управлению предполагает выстраивание государственной политики таким образом, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие с гражданами, предоставить качественные и востребованные услуги и сервисы, разработанные с учетом пожеланий населения. При этом с развитием клиентоцентричного подхода потребности граждан становятся такими же значимыми для государства, как потребности клиентов в бизнесе. Клиентоцентричность представляет собой построение такой бизнес-модели, в которой все продукты, услуги и процессы будут создаваться и работать исходя из потребностей клиента [Практика применения проектного управления, www].

В центре концепции находится клиент, которым может выступить гражданин, бизнес или государственный служащий. Такая трактовка позволяет утверждать, что концепция затрагивает интересы каждого гражданина Российской Федерации независимо от рода его деятельности, что подтверждает актуальность проведенного исследования.

Инструменты формирования и развития клиентоцентричного управления в Российской Федерации

Концепция «клиентоцентричное государство» предполагает реализацию государственного управления на основе ценностей и принципов, закрепленных в Декларации клиентоцентричности, представленной Минэкономразвития России. Одним из механизмов трансформации государственного управления в сторону клиентоцентричности является федеральный проект «Государство для людей». Проект реализуется при помощи инструментов, рассмотренных в таблице 1.

Таблица 1 – Инструменты федерального проекта «Государство для людей»

Инструмент	Характеристика	Потенциальный эффект
Правила и культура	Направлен на формирование в органах власти клиентоцентричной служебной культуры, внедрение системы оценки эффективности и результативности на основе показателей клиентоцентричности, применение стандартов и принципов клиентоцентричности	Методическое сопровождение внедрения клиентоцентричного подхода позволит обеспечить системность реализуемых мер, а также установить соответствие госслужащих ценностям и культуре клиентоцентричности
HR-платформа	Направлен на создание усовершенствованной кадровой работы в органах власти, включающей в себя отбор, адаптацию, мотивацию и развитие служащих. Важным элементом HR-платформы выступает создание цифрового профиля госслужащего, отражающего достижения, компетенции и портрет ценностей	Кадровая работа – приоритетное направление реализации мероприятий по внедрению клиентоцентричного подхода в органах власти. Внедрение HR-платформы позволит создать систему управления кадровым составом органов власти, что обеспечит «клиентоцентричное государство» кадрами, обладающими необходимыми знаниями, навыками и компетенциями
Профиль клиента и обратная связь	Направлен на создание ИТ-системы профиля клиента, включающей в себя агрегированные данные о клиентах и их обратную связь	Применение данных инструментов позволит обеспечить создание продуктов, сервисов и услуг на основе информации о потребностях клиентов и их обратной

Инструмент	Характеристика	Потенциальный эффект
Создание Реестра жизненных ситуаций	Направлен на формирование Реестра жизненных ситуаций в форме ИТ-системы	связи. Создание профиля клиента и Реестра жизненных ситуаций позволяет повысить эффективность госуслуг, удовлетворять потребности граждан в проактивном режиме, подбирать услуги на основе анализа потребностей, а также сформировать базу данных, необходимых для принятия клиентоориентированных государственных решений
Лаборатория пользовательского тестирования услуг	Направлен на формирование сети лабораторий пользовательского тестирования, производящих оценку и сертификацию государственных услуг, оказываемых по всем каналам гражданам и организациям	Результаты проводимых в лаборатории исследований позволят специалистам принимать решения о внесении изменений в цифровые продукты, что повысит эргономичность госуслуг. Особую ценность данный инструмент несет при проектировании интерфейсов цифровых сервисов
Мониторинг услуг	Направлен на обеспечение мониторинга на любых стадиях взаимодействия органов власти и клиентов	Позволит внедрить систему комплексного мониторинга по принципам клиентоцентричности, а значит, обеспечить и оценить результативность реализации всех мероприятий федерального проекта

Источник: составлено автором по материалам Минэкономразвития России [Федеральный проект «Государство для людей», www]

Анализ инструментов реализации федерального проекта позволяет выявить инструменты формирования и развития клиентоцентричного управления в России. Рассмотрим каждый представленный в таблице инструмент на примере.

Одним из элементов инструмента «Правила и культура» является применение стандартов внедрения клиентоцентричного подхода в государственном и муниципальном управлении при взаимодействии с людьми, субъектами экономической деятельности и внутренними клиентами, которыми выступают государственные и муниципальные служащие, сотрудники подведомственных органов власти организаций, уполномоченных осуществлять взаимодействие с внешними клиентами (гражданами и бизнесом). В соответствии с рассматриваемым федеральным проектом, все федеральные и региональные органы исполнительной власти должны внедрить данные стандарты в свою деятельность. В субъектах Российской Федерации реализация необходимых мероприятий проводится в соответствии с дорожными картами по внедрению принципов и стандартов клиентоцентричности. В рамках исследования практики применения рассматриваемого инструмента особый интерес вызвал опыт МФЦ по всей России. Действительно, именно МФЦ выступают связующим звеном между органами власти и клиентами при реализации государственных и муниципальных услуг. Можно сказать, что МФЦ выступили «пилотами» клиентоцентричности задолго до утверждения Минэкономразвития России стандартов для органов власти. Так, например, в МФЦ Ростовской области активно прорабатываются вопросы клиентоориентированности с 2015 года, ключевые вопросы клиентоцентричного подхода к внутренним клиентам освещены в «Кодексе работы МФЦ».

Инструмент «HR-платформа» позволяет обеспечить клиентоцентричное государство необходимыми кадрами, реализующими свою деятельность на основе стандартов

клиентоцентричности. Одним из важных этапов перехода на клиентоцентричное государственное управление является обучение. Например, в РАНХиГС в рамках федерального проекта реализуется программа «Стратегия клиентоцентричности», направленная на обучение заместителей руководителей субъектов Российской Федерации, ответственных за внедрение клиентоцентричности.

Все инструменты федерального проекта взаимосвязаны и дополняют друг друга. Так, инструменты «Профиль клиента и обратная связь» и «Создание Реестра жизненных ситуаций» позволяют сформировать цифровую систему оказания государственных и муниципальных услуг, основанную на потребностях граждан. Особый потенциал данных инструментов виден в рамках развития суперсервисов. Портал государственных услуг включает в себя «суперсервисы» – услуги, которые оказываются в проактивном режиме гражданам, оказавшимся в определенной жизненной ситуации. Примерами суперсервисов являются государственные услуги по жизненным ситуациям «Рождение ребенка», «Поступление в вуз онлайн», «Оформление европротокола онлайн» и другие. Для развития суперсервисов необходим перечень жизненных ситуаций, для которых они необходимы, и данные об ожиданиях клиента. Создание Реестра жизненных ситуаций, профиля клиентов, а также механизмов сбора, обработки и учета в работе обратной связи позволит внедрять суперсервисы, действительно необходимые гражданам, на основе их потребностей. Данные инструменты обеспечат внедрение персонализированного подхода к работе с внешними клиентами.

В рамках федерального проекта на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации создаются лаборатории пользовательского тестирования услуг, в которых будут проходить оценку все новые государственные услуги. Например, в июне 2023 года в Санкт-Петербурге создана лаборатория, в которой с помощью специальных приборов будут определять эмоциональную реакцию клиентов при работе с госуслугами. Лаборатория создана совместно Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации и ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр». Работа в лаборатории позволяет объективно оценить удобство сервисов для пользователей и обеспечивать доработку цифровых продуктов. Результатом работы лаборатории будет служить выпуск государственных услуг, которые будут положительно восприняты клиентами и удовлетворят их потребности, что в полной мере соответствует клиентоцентричному подходу.

Мониторинг услуг также выступает одним из ключевых элементов внедрения клиентоцентричного подхода. Мониторинг позволяет выявить отклонения в процессах, а также убедиться, что процессы соответствуют ожиданиям внутренних и внешних клиентов.

Таким образом, реализация рассмотренных инструментов предполагает комплексный подход и затрагивает все сферы государственного менеджмента.

Факторы, затрудняющие внедрение клиентоцентричного подхода, и рекомендации по минимизации их влияния

Внедрение клиентоцентричности в органах власти имеет ряд ограничений, формирующих барьеры применения нового подхода, ориентированного на удовлетворение потребностей граждан и бизнеса. Анализ факторов, препятствующих внедрению клиентоцентричности, имеет ценность для дальнейшего развития подхода. В рамках исследования выделены следующие:

- Кадровые: традиционная служебная культура; недостаток мотивации внедрения клиентоцентричного подхода; недостаточно высокий уровень методического

- сопровождения; высокая загруженность сотрудников органов власти;
- Организационно-управленческие: внедрение в условиях бюрократизации процессов и необходимости использования регламентов; разный уровень гибкости в разных органах государственной власти; различные цели клиентов и субъектов управления; разрозненное внедрение цифровых сервисов.

Рассмотрим выявленные в ходе анализа кадровые и организационно-управленческие факторы.

Служебная культура в органах власти основана на единообразии и субординации участников управленческих процессов, что затрудняет изменение подходов к взаимодействию с гражданами. Комплекс мер по внедрению клиентоцентричного подхода в органах власти включает в себя мероприятия, направленные на формирование клиентоцентричной культуры в органах власти и организациях, подведомственных им и взаимодействующих с гражданами. Тем не менее, важно отметить, что трансформация служебной культуры – длительный сложный комплексный процесс, который требует системных мер. При реализации процессов, направленных на формирование клиентоцентричной культуры, органы власти могут столкнуться с сопротивлением со стороны самих государственных и муниципальных служащих. Негативное восприятие трансформации служебной культуры может быть обусловлено недостаточностью реализуемых мероприятий по повышению мотивации внедрения клиентоцентричного подхода, а также высокой загруженностью государственных и муниципальных служащих. Принципы и ценности клиентоцентричности выступают социокультурным ориентиром для сотрудников органов власти, в этой связи мероприятия по кадровому развитию должны быть направлены не столько на развитие служебной культуры в целом, сколько на личностные изменения сотрудников, осуществляющих взаимодействие с клиентами.

Помимо развития действующих сотрудников, необходимо уделить особое внимание соискателям. В качестве рекомендации предлагаем при отборе на государственную и муниципальную службу считать релевантным опыт работы в сфере услуг, колл-центрах, а также в иных сферах в должности, предполагающей прямое взаимодействие с клиентами или изучение их потребностей. Такой опыт локально применяется при модернизации региональных центров занятости и уже показал свою эффективность.

Стандарты клиентоцентричности, утвержденные Минэкономразвития России, содержат типовые показатели эффективности и результативности, которые заложены в систему мотивации сотрудников, взаимодействующих с внутренними и внешними клиентами. Часть показателей основана на обратной связи от клиентов. Тем не менее, важно учитывать, что отказы от предоставления госуслуг по объективным причинам, например, из-за несоответствия поданных документов требованиям или фальсификации, негативно скажутся на общей оценке деятельности служащих. В этой связи считаем целесообразным перенять опыт коммерческих компаний и создавать в клиентских службах отделы контроля качества. Система мониторинга при этом может сопровождаться выборочным прослушиванием (прочтением) коммуникации с клиентом и принятием решения об учете в общей оценке эффективности и результативности сотрудников показателей удовлетворенности клиентов. Результаты оценки могут быть учтены при формировании стимулирующих выплат.

Также считаем целесообразным внесение в должностные регламенты государственных и муниципальных служащих показателей клиентоцентричности. Анализ вакансий на портале

«Госслужба» и изучение должностных регламентов позволили выявить, что показатели клиентоцентричности не отражены в проектах должностных регламентов соискателей, в должностные обязанности которых входит взаимодействие с внешними или внутренними клиентами.

Одним из факторов, затрудняющих внедрение клиентоцентричного подхода, является необходимость развития методического сопровождения. Важно сформировать единую базу знаний, с помощью которой сотрудники самостоятельно смогут проводить работу по повышению персональных показателей эффективности результативности. База знаний может включать образовательный контент, лучшие практики внедрения клиентоцентричного подхода, типовые алгоритмы взаимодействия с клиентами и скрипты для ведения коммуникации. Важно создать условия, в которых сотрудники смогут заниматься саморазвитием и самостоятельно совершенствовать необходимые навыки, знания и компетенции.

Рассмотрим организационно-управленческие факторы. Один из них – внедрение клиентоцентричности в условиях бюрократизации процессов и использования регламентов. Необходимость обеспечения благосостояния граждан, общественной безопасности и правопорядка требует соблюдения определённых процедур и регламентов, что замедляет процесс внедрения клиентоориентированного подхода. Более того, строгая иерархия управления и бюрократия не соответствуют гибкой культуре клиентоцентричности, где потребности граждан важнее исчерпывающей документации. В этой связи необходимо четкое организационное разграничение деятельности органов власти и подведомственных им организаций на тех, кто осуществляет взаимодействие с внешними и внутренними клиентами, и тех, чья деятельность его не предусматривает. Также важно отметить, что цифровизация процессов применения клиентоцентричного подхода положительно скажется на преодолении рассматриваемого фактора.

Клиентоцентричным выступает государство, функции и услуги которого организованы удобным для населения образом, позволяют эффективно удовлетворять потребности человека и, что особенно важно, постоянно совершенствуются на основе анализа клиентского опыта. В этой связи вызывает интерес сочетание клиентоцентричности и гибкости как одних из ключевых характеристик государственного управления в современной России. В рамках исследования был проведен сравнительный анализ Agile-манифеста и Декларации клиентоцентричности, который позволил выявить сходства рассматриваемых подходов к управлению. Полученные выводы позволяют утверждать, что клиентоцентричный подход в государственном управлении во многом основан на принципах и ценностях agile. Например, один из принципов agile «agile-процессы позволяют использовать изменения для обеспечения заказчику конкурентного преимущества» [Manifesto for Agile Software Development, [www](#)] имеет сходство с принципом клиентоцентричности «необходимость адаптации функций и услуг под потребности человека» [Декларация клиентоцентричности, [www](#)]. По результатам анализа все принципы agile нашли отражение в теоретико-методических аспектах клиентоцентричного подхода. Применение клиентоцентричности предполагает доработку и изменение продуктов, сервисов и услуг на основе предпочтений клиентов, их обратной связи. В этой связи развитие концепции клиентоцентричного государства возможно при применении гибких методов проектного управления.

Также одним из важных организационно-управленческих факторов, препятствующих внедрению клиентоцентричного подхода, является различие между целями внешних клиентов

и субъектов управления. Романова Д.Е. в своем исследовании провела анализ показателей результативности и эффективности деятельности ФТС России, который позволил прийти к выводам, что большая их часть (почти 70%) ориентирована на цели государства, а не на участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) [Романова, 2023]. Для ФТС России участники ВЭД выступают клиентами, в этой связи клиентоцентричный подход предполагает ориентацию на удовлетворение их потребностей. Автор в своей научной работе отмечает расхождение целей как один из барьеров внедрения клиентоцентричности в ведомстве и предлагает пересмотреть показатели результативности и эффективности деятельности. Считаем, что проведение оценки и пересмотр показателей на предмет соответствия целям клиентов могут быть рекомендованы для всех органов власти в контексте формирования клиентоцентричного государства. Данная мера позволит обеспечить декомпозицию целей и задач ведомства с учетом применения клиентоцентричного подхода.

В настоящее время большая часть государственных решений, направленных на совершенствование системы государственного и муниципального управления, сопровождается реализацией проектов цифровой трансформации. Внедрение клиентоцентричного подхода в органах власти не является исключением. Анализ инструментов реализации федерального проекта «Государство для людей» позволил выявить, что цифровизация в разной степени выступает важным элементом каждого инструмента. Рассмотрим влияние данного фактора на примере HR-платформы. В стандарте внутреннего клиента Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации (ЕИСУКС) рассмотрена в контексте необходимости анализа данных при реализации мероприятий по привлечению сотрудников. Тем не менее, анализ показал, что задачи HR-платформы и ЕИСУКС во много схожи, следовательно, разделение на две отдельные платформы может привести к дублированию функций и путанице при реализации мероприятий по внедрению клиентоцентричности. В этой связи считаем необходимым проработать вопрос о рассмотрении ЕИСУКС в качестве основы HR-платформы, выступающей одним из инструментов федерального проекта «Государство для людей». Необходимо обеспечить интеграцию HR-платформы и ЕИСУКС.

Многообразие государственных информационных систем, с одной стороны, формирует возможности для применения современных цифровых инструментов при реализации мер государственного управления, с другой стороны, предполагает проведение дополнительных мероприятий, направленных на интеграцию цифровых платформ для избежания дублирования функций и более эффективной работы.

Таким образом, внедрение клиентоцентричного подхода – процесс, который может сопровождаться влиянием негативных факторов. Тем не менее, как показал анализ, переход к новому клиентоцентричному управлению в России реализуется с применением системных мер, которые предупреждают и минимизируют их влияние.

Заключение

Реализация концепции «клиентоцентричное государство» – актуальное направление совершенствования системы государственного и муниципального управления в России. Эффективное слаженное функционирование рассмотренных в статье инструментов позволят обеспечить государственное управление в России преимуществами концепции

клиентоцентричного государства, среди которых улучшение качества обслуживания граждан и повышение удовлетворённости пользователей; ориентация на потребности клиентов и учёт их мнений при разработке и улучшении государственных услуг; прозрачность и подотчётность государственных органов перед гражданами; сокращение бюрократии и упрощение процессов взаимодействия внешних клиентов с государством; развитие сотрудничества между государственными органами и гражданским обществом; создание благоприятной среды для инноваций и развития технологий в государственном секторе.

Библиография

1. Богатырева Т.Г., Мартынова С.Э. Внедрение ценностей клиентоцентричности в деятельность органов власти: концептуальные подходы и инструменты // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 3. С. 42-70. DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-3-42-70.
2. Декларация клиентоцентричности // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/960f181e39e8b5100ecea7107eb7fe92/deklaraciya_cennostey_klientocentrichnosti.pdf (дата обращения: 01.01.2024).
3. Картавцев В.В. и др. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: навигатор цифровой трансформации // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. URL: <https://cx.cdto.ranepa.ru> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Котлярова О.В., Баранов А.В. Принцип клиентоцентричности в процессе подготовки кадров на государственной службе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 41-48. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-41-48.
5. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2020 г. № 210-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2024).
6. Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 год: распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
7. Об утверждении методических рекомендаций по совершенствованию интерфейсов (в части навигации, поиска, предоставления информации) федеральной государственной информационно-системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и официальных сайтов федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов, используемых при предоставлении государственных услуг в электронном виде: приказ Минкомсвязи России от 16 октября 2015 г. № 405 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.01.2024).
8. Практика применения проектного управления // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_ч.2_web.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
9. Романова Д.Е. Методика оценки качества таможенных услуг в условиях клиентоцентричности // Вестник Российской таможенной академии. 2023. № 1(62). С. 111-122. DOI: 10.54048/20727240_2023_01_111.
10. Рошупкина В.В., Клушина Н.П. Модель партнерского взаимодействия предпринимателя и налогового органа с позиции клиентоцентричности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 8-2. С. 181-185. DOI: 10.17513/vaael.1827.
11. Стандарт «Государство для бизнеса» // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/1c2a46f36cdb6a10d60077df579e12c6/standart_gosudarstvo_dlya_biznesa.pdf (дата обращения: 01.01.2024).
12. Стандарт «Государство для людей» // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/00db16ac60dcff6084d1bcf2e611703e/standart_gosudarstvo_dlya_lyudey.pdf (дата обращения: 01.01.2024).
13. Стандарт для внутреннего клиента // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/7a1ea4e73feb468654274385902d9610/standart_dlya_vnutrennego_klienta.pdf (дата обращения: 01.01.2024).
14. Федеральный проект «Государство для людей» // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey (дата обращения: 01.04.2024).
15. Manifesto for Agile Software Development. URL: <https://agilemanifesto.org> (дата обращения: 01.01.2024).

Topical issues of the development of a client-centered approach in the authorities of the Russian Federation

Ekaterina I. Voronova

Assistant at the Department of State and Municipal Administration,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: EIVoronova@fa.ru

Abstract

At present, the client-centric approach is becoming widespread not only in commercial companies, but also in state and municipal authorities. The development of the system for the provision of state and municipal services, the formation of new requirements, mechanisms and values for their provision, involves the application of new approaches to public management. The development of this area is currently one of the priorities for improving state and municipal administration. In this regard, the study of theoretical and applied aspects of the client-centric approach to public management, the identification of factors restraining the development of the concept under consideration is of particular value. This study was carried out in order to study the practice of applying a client-centric approach, including in terms of identifying limitations, as well as to develop recommendations for the development of a client-centric approach in state and municipal administration. The study is based on the results of the analysis of the tools of the federal project "The State for People", the declaration and standards of client-centricity of the Ministry of Economic Development of Russia, as well as scientific works of domestic scientists in the field of public management.

For citation

Voronova E.I. (2024) Aktual'nye voprosy razvitiya klientotsentrichnogo podkhoda v organakh vlasti Rossiiskoi Federatsii [Topical issues of the development of a client-centered approach in the authorities of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 238-247. DOI: 10.34670/AR.2024.13.21.049

Keywords

Digital economy, client-centricity, client-centric state, state and municipal services, state civil service, agile approach.

References

1. Bogatyreva T.G., Martynova S.E. (2022) Vnedrenie tsennostei klientotsentrichnosti v deyatelnost' organov vlasti: kontseptual'nye podkhody i instrumenty [Introducing customer-centric values into government activities: conceptual approaches and tools]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 17 (3), pp. 42-70. DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-3-42-70.
2. Deklaratsiya klientotsentrichnosti [Declaration of client-centricity]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/960f181e39e8b5100ecea7107eb7fe92/deklaraciya_cennostey_klientocentrichnosti.pdf [Accessed 01/01/2024].
3. Federal'nyi projekt «Gosudarstvo dlya lyudei» [Federal project "State for People"]. *Ministerstvo ekonomicheskogo*

- razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/ [Accessed 01/04/2024].
4. Kartavtsev V.V. et al. (2022) Klientotsentrichnyi podkhod v gosudarstvennom upravlenii: navigator tsifrovoi transformatsii [Client-centric approach in public administration: navigator of digital transformation]. *Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii* [Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation]. Available at: <https://cx.cdto.ranepa.ru> [Accessed 10/01/2024].
 5. Kotlyarova O.V., Baranov A.V. Printsip klientotsentrichnosti v protsesse podgotovki kadrov na gosudarstvennoi sluzhbe [The principle of client-centricity in the process of training personnel in the public service]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scientific notes], 3, pp. 41-48. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-41-48.
 6. *Manifesto for Agile Software Development*. Available at: <https://agilemanifesto.org> [Accessed 01/01/2024].
 7. Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: feder. zakon ot 27 iyulya 2020 g. № 210-FZ [Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: Federal Law of 27 July 2020 No. 210-FZ]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: <http://www.consultant.ru> [Accessed 17/01/2024].
 8. Ob utverzhenii Edinogo plana po dostizheniyu natsional'nykh tselei razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda i na planovyi period do 2030 god: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 1 oktyabrya 2021 g. № 2765-r [On approval of the Unified Plan for achieving the national development goals of the Russian Federation for the period until 2024 and for the planning period until 2030: Decree of the Government of the Russian Federation of October 1, 2021 No. 2765-r]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: <http://www.consultant.ru> [Accessed 15/02/2024].
 9. Ob utverzhenii metodicheskikh rekomendatsii po sovershenstvovaniyu interfeisov (v chasti navigatsii, poiska, predostavleniya informatsii) federal'noi gosudarstvennoi informatsionnoi sistemy «Edinyi portal gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug (funktsii)» i ofitsial'nykh saitov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti i gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov, ispol'zuemykh pri predostavlenii gosudarstvennykh uslug v elektronnom vide: prikaz Minkomsvyazi Rossii ot 16 oktyabrya 2015 g. № 405 [On approval of methodological recommendations for improving interfaces (in terms of navigation, search, provision of information) of the federal state information system “Unified portal of state and municipal services (functions)” and the official websites of federal executive authorities and state extra-budgetary funds used in the provision of state services in electronic form: Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia of October 16, 2015 No. 405]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: <http://www.consultant.ru> [Accessed 23/01/2024].
 10. Praktika primeneniya proektnogo upravleniya (2023) [Practice of application of project management]. *Analiticheskiĭ tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii* [Analytical Center for the Government of the Russian Federation]. Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_ch.2_web.pdf [Accessed 23/01/2024].
 11. Romanova D.E. Metodika otsenki kachestva tamozhennykh uslug v usloviyakh klientotsentrichnosti [Methodology for assessing the quality of customs services in a client-centric environment]. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Bulletin of the Russian Customs Academy], 1(62), pp. 111-122. DOI: 10.54048/20727240_2023_01_111.
 12. Roshchupkina V.V., Klushina N.P. (2021) Model' partnerskogo vzaimodeistviya predprinimatelya i nalogovogo organa s pozitsii klientotsentrichnosti [Model of partnership interaction between an entrepreneur and a tax authority from a client-centric position]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 8-2, pp. 181-185. DOI: 10.17513/vaael.1827.
 13. Standart «Gosudarstvo dlya biznesa» [Standard “Government for Business”]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/1c2a46f36cdb6a10d60077df579e12c6/standart_gosudarstvo_dlya_biznesa.pdf [Accessed 01/01/2024].
 14. Standart «Gosudarstvo dlya lyudei» [Standard “State for people”]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/00db16ac60dcff6084d1bcf2e611703e/standart_gosudarstvo_dlya_lyudey.pdf [Accessed 01/01/2024].
 15. Standart dlya vnutrennego klienta [Standard for the internal client]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/7a1ea4e73feb468654274385902d9610/standart_dlya_vnutrennego_klienta.pdf [Accessed 01/01/2024].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.39.75.050

Итерационный подход к разработке и развитию цифровых сервисов: новация для государственного управления

Воронова Екатерина Игоревна

Ассистент кафедры государственного и муниципального управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: EIVoronova@fa.ru

Аннотация

В настоящее время разработка цифровых сервисов выступает одной из важных задач, координация реализации которых возлагается на органы власти. Цифровизация государственного управления не только приводит к развитию электронного правительства, но и стимулирует развитие новых подходов к реализации «цифровых» проектов и модернизацию необходимой информационной инфраструктуры. Актуальность научного исследования обусловлена необходимостью применения гибкого подхода к управлению проектами цифровой трансформации, позволяющего создавать и развивать информационные системы, соответствующие требованиям клиентов, которыми в соответствии с концепцией «клиентоцентричного государства» выступают граждане, бизнес и сами органы власти. В данной статье рассмотрены актуальные тенденции развития цифровой экономики, исследованы предпосылки применения итерационного подхода к разработке и развитию цифровых сервисов, его преимущества и недостатки, а также даны рекомендации по развитию исследуемого направления. Особое внимание в статье уделено исследованию платформы «ГосТех» в контексте развития практики применения итерационного подхода к разработке и развитию цифровых сервисов в органах власти Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Воронова Е.И. Итерационный подход к разработке и развитию цифровых сервисов: новация для государственного управления // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 248-256. DOI: 10.34670/AR.2024.39.75.050

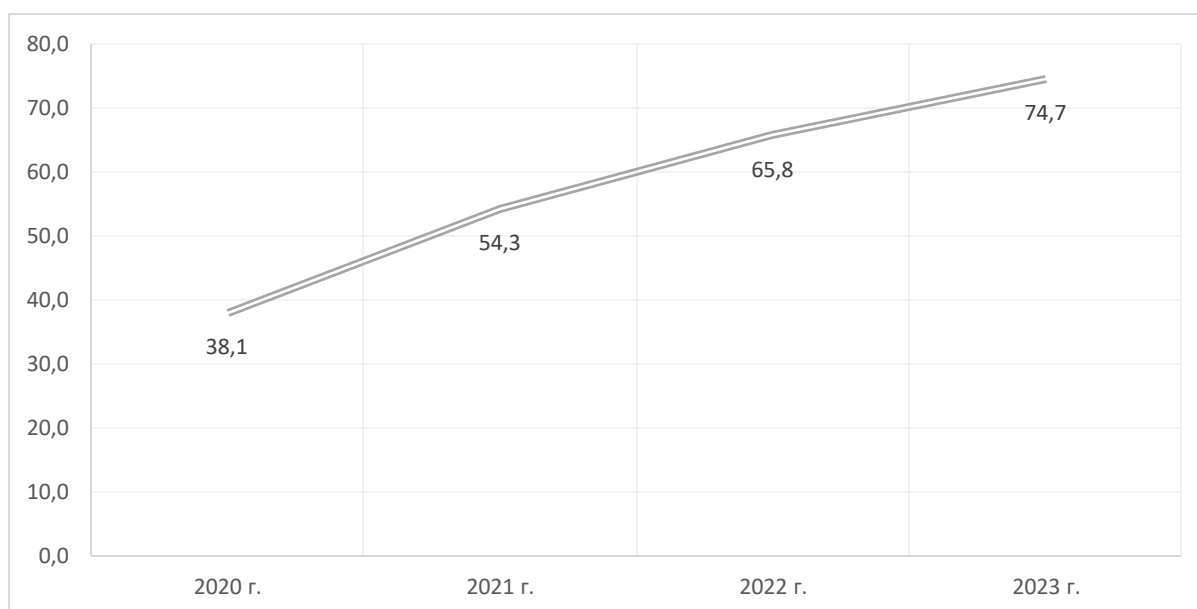
Ключевые слова

Цифровая экономика, государственные информационные системы, цифровая трансформация, клиентоцентричность, итерационный подход, гибкие методы проектного управления, платформа «Гостех».

Введение. Актуальность совершенствования подходов к разработке и развитию цифровых сервисов в органах власти

Одним из важных факторов развития цифровой экономики и цифровой трансформации государственного управления является совершенствование информационной инфраструктуры, которая оказывает значительное влияние на достижение поставленных целей и задач. В настоящее время сфера информационно-коммуникационных технологий активно развивается, а цифровые сервисы выступают неотъемлемым инструментом управления как в коммерческой среде, так и в государственном менеджменте.

В рамках исследования проведен анализ достижения «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, результаты которого представлены на рисунке 1.

Источник: составлено автором на основе данных ЕМИСС

Рисунок 1 – Достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления (в процентах) [Единая межведомственная информационно-статистическая система, www]

По состоянию на декабрь 2023 года показатель превысил 74 процента, что свидетельствует о высоком уровне цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы. За четыре года реализации мероприятий, направленных на цифровую трансформацию, показатель вырос почти в два раза. Анализ данного показателя позволяет утверждать, что в Российской Федерации уже сформирована современная система цифровизации государственного управления, которая является результативной и готова к дальнейшим преобразованиям. Положительная тенденция повышения уровня «цифровой зрелости» свидетельствует о высоком потенциале развития информационной инфраструктуры.

В части исследования цифровизации государственного управления важное значение имеет анализ системы предоставления государственных услуг в электронном виде. По данным ЕМИСС [Единая межведомственная информационно-статистическая система, www], в период

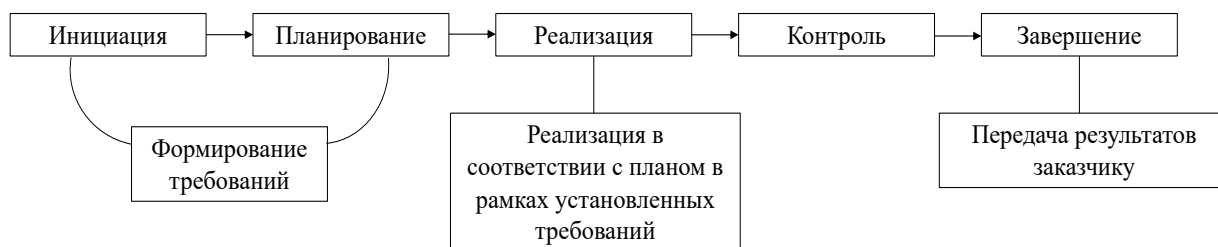
с 2020 по 2023 год доля массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, выросла с 10,8 до 99,96 процентов, при этом наиболее значимый рост наблюдался в 2021-2022 годах. Доля госуслуг, оказываемых онлайн, по состоянию на начало марта 2024 года составляет 36,19 процента. За год данный показатель вырос более чем в три раза. Увеличение рассмотренных показателей свидетельствует об эффективности мероприятий, направленных на цифровизацию государственного управления, и повышении спроса на цифровые услуги и сервисы, предоставляемые органами власти. Актуальность совершенствования подходов к разработке и развитию цифровых сервисов в органах власти обусловлена высоким уровнем цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы и цифровизации системы предоставления государственных услуг.

Активное развитие цифровой экономики не только открывает новые возможности для государства, бизнеса и общества, но и формирует предпосылки для совершенствования действующей информационной инфраструктуры. Стремительная цифровая трансформация предполагает такое же стремительное создание цифровых продуктов, соответствующих актуальным тенденциям цифровой экономики и запросам органов власти и граждан. Широко распространенные в государственном секторе методы по созданию цифровых решений устаревают, назревает необходимость в применении новых, более гибких и современных подходов.

Единый план достижения национальных целей развития Российской Федерации закрепляет необходимость формирования гибкой эффективной и современной системы управления проектами, в том числе в области цифровой трансформации [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р, [www](http://www.gov.ru)]. Актуальность применения итерационного подхода при разработке цифровых продуктов обусловлена возможностью реализации «гибких» проектов в интересах органов государственной власти и общества.

Характеристика итерационного подхода к разработке и развитию цифровых сервисов

До недавнего времени разработка и развитие цифровых сервисов органов власти реализовывались преимущественно с применением каскадного подхода, сущность которого заключается в последовательной реализации этапов проекта. Недостатком данного подхода является низкий уровень гибкости, реализация проекта на основе утвержденных требований и отсутствие возможности внесения изменений в проект на этапе реализации. Схематически этапы реализации проекта на основе каскадного подхода представлены на рисунке 2.

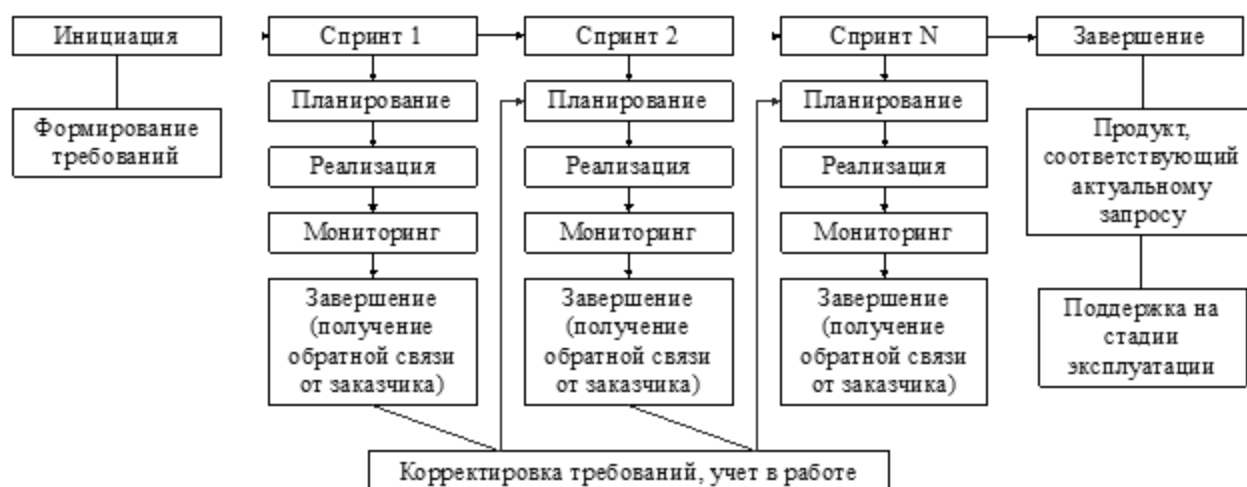
Источник: составлено автором

Рисунок 1 – Этапы проекта, реализуемого на основе каскадного подхода

Каскадный подход к реализации проектов предполагает четкую последовательность выполнения задач. Он хорошо подходит для работы с предсказуемыми и повторяющимися процессами, реализации проектов, где требования прозрачны и точно определены на начальной стадии проекта. Данный подход имеет преимущества для команды разработчиков: требования фиксированы, стоимость проекта и объем работ определены заранее.

Тем не менее, в стремительно меняющихся условиях реализации проекта применение данного подхода не позволит оперативно управлять изменениями и создавать цифровые сервисы, соответствующие не только изначальным требованиям заказчиков, которыми выступают органы власти, но и актуальным тенденциям и внешним и внутренним факторам. Для заказчика реализация проекта с применением каскадного подхода означает отсутствие возможности изменения требований к реализации проекта. В этой связи при реализации проектов цифровой трансформации, предполагающих создание уникальных цифровых продуктов, целесообразно применение более гибкого подхода, например итерационного.

Итерационный подход представляет собой «подход, основанный на выполнении необходимого числа итераций для поиска и реализации наиболее эффективных технических, эргономических и (или) технико-экономических решений по созданию системы (очереди системы)» [Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. № 676, www]. В нормативных правовых актах подход закреплен с 2022 года и является относительно новым для государственного и муниципального управления. Исследуемый подход предполагает реализацию тех же этапов, что и при каскадном подходе, но детализированных и сформированных в небольшие циклы, реализация которых сопровождаются получением обратной связи и внесением изменений в проект в случае необходимости (рисунок 3).

Источник: составлено автором.

Рисунок 1 – Этапы проекта, реализуемого на основе итерационного подхода

Результатом каждого спринта является инкремент, выступающий своего рода промежуточным результатом, на основе которого вносятся необходимые корректировки в проект. Применение итерационного подхода позволяет создавать и развивать цифровые сервисы, которые будут соответствовать ожидаемому результату реализации проекта в сфере информационно-коммуникационных технологий, даже если он будет изменен на одной из стадий реализации проекта.

Предпосылки применения итерационного подхода в государственном и муниципальном управлении

В рамках исследования выявлены следующие предпосылки применения итерационного подхода при разработке и развитии цифровых сервисов органов власти: развитие государственных и муниципальных услуг; реализация концепции «клиентоцентричного государства»; активное взаимодействие с ИТ-компаниями; применение гибких методов проектного управления в органах власти; запуск платформы «ГосТех».

Одной из ключевых предпосылок применения итерационного подхода является стремительное развитие государственных и муниципальных услуг. По данным Высшей школы экономики, по состоянию на конец 2022 года доля населения, получающего государственные и муниципальные услуги, в электронной форме составляет 86,6% от численности населения в возрасте от 15 до 72 лет, получающего государственные и муниципальные услуги [Абашкин и др., 2024]. Это свидетельствует о высоком спросе граждан на цифровые сервисы органов власти и может говорить об имеющихся ожиданиях относительно качества оказываемых госуслуг. Применяемые ранее подходы к разработке цифровых продуктов не позволяют в полной мере удовлетворить запросы граждан и оперативно совершенствовать цифровые сервисы на основе обратной связи.

В настоящее время активно развивается концепция «клиентоцентричного государства», одной из особенностей которой является удовлетворение требований «клиентов» при управлении проектами по созданию и развитию цифровых сервисов. Клиентами при этом выступают граждане, бизнес и сами органы власти в зависимости от специфики проекта. Реализация концепции «клиентоцентричного государства» не представляется возможной без применения гибких методов проектного управления. В этой связи итерационный подход выступает связующим звеном между концепцией «клиентоцентричного государства» и цифровизацией государственного управления.

В процессе исследования также было выявлено, что отказ от применения гибких подходов к управлению проектами цифровой трансформации может привести к затруднениям во взаимодействии с ИТ-компаниями. Реализация совместных проектов усложняется отставанием органов власти от компаний ИТ-сектора в части применения современных подходов к разработке цифровых продуктов, в то время как их сотрудничество необходимо для достижения целей и задач проектов по созданию и развитию цифровых сервисов, где государство выступает заказчиком, а ИТ-компании – исполнителями. Использование разных подходов и методологии может приводить к снижению эффективности реализации проектов. Единый подход к проектированию цифровых продуктов позволяет существенно повысить качество получаемого результата, что на практике подтверждается кейсами органов власти. Так, например, в ФНС России итерационный подход применяется при разработке цифровых сервисов для быстрой реакции на внешние изменения и учета потребностей граждан. Подрядчиком ФНС России уже 40 лет выступает Главный научный инновационный внедренческий центр. Исполнитель совместно с заказчиком корректируют проект, вносят неформализованные требования. Приоритезация и чистка задач регулярно проводится вместе с ФНС России (не реже чем 1 раз в 2 недели) для новых проектов. ФНС России проводит анализ промежуточных версий цифровых продуктов и предлагает корректировки, выдвигает новые требования. Важно отметить, что госконтракт не выступает ограничением для такого рода взаимодействия между заказчиком и исполнителем: работа ведется по госконтракту, который делится на несколько итераций

(например, годовой проект делят на кварталы, в которые проводят двухнедельные спринты), которые сдаются по приоритетности.

В процессе исследования было выявлено, что итерационный подход был законодательно закреплён в период, когда происходил запуск платформы «ГосТех». Изменения, внесенные в Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. № 676 в декабре 2022 года, разрешили разрабатывать государственные информационные системы с помощью итераций, а также вводить в эксплуатацию не всю систему, а ее отдельные части. Платформа «ГосТех», которая призвана повысить эффективность разработки и развития государственных информационных систем, предполагает повышение их надежности и защищенности, сокращение сроков их создания и введения в эксплуатацию. Ее внедрение – значимый шаг в цифровизации государственного управления, преобразования государственного менеджмента в функциональную цифровую экосистему [Еремин, 2023]. При этом особенностью разработки и развития цифровых сервисов на основе платформы является применение итерационного подхода и принципов клиентоцентричности, что является новацией для современного государственного управления. Справедливо утверждать, что развитие платформы стало толчком для внедрения итерационного подхода в проекты органов власти. На платформе «ГосТех» размещены образовательные продукты и методические рекомендации, которые позволяют освоить итерационный подход и применять его на практике при реализации проектов в сфере цифровизации государственного управления. Несмотря на связь с платформой «ГосТех», итерационный подход может использоваться при создании любых информационных систем, в том числе и тех, которые не будут размещены на платформе.

Достоинства и недостатки итерационного подхода к разработке и развитию цифровых сервисов в органах власти

Анализ теоретических основ и практики применения итерационного подхода к разработке и развитию цифровых сервисов позволил выявить достоинства и недостатки, которые могут быть учтены при внедрении подхода в органах власти.

Сильными сторонами применения итерационного подхода выступают возможность управления рисками на ранних стадиях реализации проекта; учет обратной связи на всех этапах создания продукта; повышение скорости ввода цифрового продукта в эксплуатацию; создание продуктов на основе потребностей клиентов; повышение мотивации у участников проектных команд.

Недостатками применения итерационного подхода выступают необходимость освоения новых знаний, навыков и компетенций сотрудниками органов власти; необходимость корректировки нормативно-правовой базы в части возможности заключения гибких госконтрактов на создание цифровых продуктов; изменение сроков и бюджета проекта в зависимости от внесенных изменений; эффективное применение подхода только в случае высокого уровня цифровизации органов власти.

Важно отметить, что выявленные недостатки выступают факторами, которые сдерживают развитие итерационного подхода к разработке и развитию цифровых сервисов органов государственной власти. Методология и методическое сопровождение итерационного подхода в государственном и муниципальном управлении находятся в стадии формирования. Тем не менее, анализ методических материалов и образовательных продуктов платформы «ГосТех» продемонстрировал, что рассмотренные ограничения могут быть компенсированы за счет

методического сопровождения реализации проектов по созданию и развитию цифровых сервисов.

Заключение

Цифровизация в настоящее время является одним из главных треков экономического развития страны. Подходы, которые применяются в рамках цифровой трансформации государственного управления, должны также активно развиваться, как и сама сфера, которая в настоящее время достаточно динамична. Итерационный подход к разработке цифровых сервисов соответствует актуальным трендам развития цифровой экономики и выступает связующим звеном между цифровой трансформацией и гибкой системой государственного и муниципального управления.

В настоящее время уже сформирована база для внедрения итерационного подхода в органы власти, в том числе за счет активного развития платформы «ГосТех». Тем не менее, системное эффективное применение подхода возможно только в случае реализации мер органов власти, на это направленных, например, в форме методического сопровождения и формирования новых моделей взаимодействия между заказчиками и исполнителями проектов по разработке и созданию цифровых сервисов: гибких и адаптивных.

Библиография

1. Абашкин В.Л. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Единая цифровая платформа «ГосТех. URL: <https://platform.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Еремин С.Г. Анализ и оценка принципов, направлений и инструментов механизма цифровой трансформации государственного управления на федеральном уровне в Российской Федерации // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2023. № 2. С. 66-73. DOI: 10.33983/2075-1826-2023-2-66-73.
5. Картавец В.В. и др. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: навигатор цифровой трансформации // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. URL: <https://cx.cdto.ranepa.ru> (дата обращения: 10.03.2024).
6. Методические рекомендации по организации производственного процесса разработки государственных информационных систем с учетом применения итерационного подхода к разработке. URL: https://platform.gov.ru/wp-content/uploads/2023/01/2022_12_23_%D0%9C%D0%A0_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81_.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
7. О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации: постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. № 676 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.02.2024).
8. Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
9. Об утверждении Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех», плана мероприятий («дорожной карты») по созданию единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 3102-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
10. Панина О.В. и др. Цифровизация государственного управления. М.: Прометей, 2023. 348 с.

Iterative approach to the design and development of digital services: an innovation for public administration

Ekaterina I. Voronova

Assistant at the Department of State and Municipal Administration,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: EIVoronova@fa.ru

Abstract

Currently, the development of digital services is one of the important tasks, the coordination of the implementation of which is entrusted to the authorities. The digitalization of public administration not only leads to the development of e-government, but also stimulates the development of new approaches to the implementation of "digital" projects and the modernization of the necessary information infrastructure. The relevance of the research is due to the need to apply an agile approach to the management of digital transformation projects, which makes it possible to create and develop information systems that meet the requirements of customers, which, in accordance with the concept of a "client-centric state", are citizens, business and the authorities themselves. This article discusses current trends in the development of the digital economy, examines the prerequisites for applying an iterative approach to the design and development of digital services, its advantages and disadvantages, and gives recommendations for the development of the area under study. Particular attention is paid to the study of the GosTech platform in the context of the development of the practice of applying an iterative approach to the design and development of digital services in the authorities of the Russian Federation.

For citation

Voronova E.I. (2024) Iteratsionnyi podkhod k razrabotke i razvitiyu tsifrovyykh servisov: novatsiya dlya gosudarstvennogo upravleniya [Iterative approach to the design and development of digital services: an innovation for public administration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 248-256. DOI: 10.34670/AR.2024.39.75.050

Keywords

Digital economy, data systems, digital transformation, customer-centricity, iterative approach, agile methods of project management, platform «GosTech».

References

1. Abashkin V.L. et al. (2024) *Indikatory tsifrovoi ekonomiki: 2024: statisticheskii sbornik* [Indicators of the digital economy: 2024: statistical collection]. Moscow: Institute of Statistical Research and Economics of Knowledge, Higher School of Economics.
2. *Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya Sistema* [Unified interdepartmental information and statistical system]. Available at: <https://www.fedstat.ru> [Accessed 10/03/2024].
3. *Edinaya tsifrovaya platforma «GosTekh»* [Unified digital platform "GosTech"]. Available at: <https://platform.gov.ru> [Accessed 10/03/2024].
4. Eremin S.G. (2023) Analiz i otsenka printsipov, napravlenii i instrumentov mekhanizma tsifrovoi transformatsii

- gosudarstvennogo upravleniya na federal'nom urovne v Rossiiskoi Federatsii [Analysis and assessment of the principles, directions and tools of the mechanism of digital transformation of public administration at the federal level in the Russian Federation]. *Menedzhment i biznes-administrirovanie* [Management and business administration], 2, pp. 66-73. DOI: 10.33983/2075-1826-2023-2-66-73.
5. Kartavtsev V.V. et al. Klientotsentrichnyi podkhod v gosudarstvennom upravlenii: navigator tsifrovoy transformatsii [Client-centric approach in public administration: navigator of digital transformation]. *Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii* [Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation]. Available at: <https://cx.cdto.ranepa.ru> [Accessed 10/03/2024].
 6. *Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii proizvodstvennogo protsessa razrabotki gosudarstvennykh informatsionnykh sistem s uchetom primeneniya iteratsionnogo podkhoda k razrabotke* [Methodological recommendations for organizing the production process of developing government information systems, taking into account the use of an iterative approach to development]. Available at: https://platform.gov.ru/wp-content/uploads/2023/01/2022_12_23_%D0%9C%D0%A0_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81_.pdf (data obrashcheniya: 10.03.2024).
 7. O trebovaniyakh k poryadku sozdaniya, razvitiya, vvoda v ekspluatatsiyu, ekspluatatsii i vyvoda iz ekspluatatsii gosudarstvennykh informatsionnykh sistem i dal'neishogo khraneniya sodержashcheisya v ikh bazakh dannykh informatsii: postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 6 iyulya 2015 g. № 676 [On the requirements for the procedure for creation, development, commissioning, operation and decommissioning of state information systems and further storage of information contained in their databases: Decree of the Government of the Russian Federation of July 6, 2015 No. 676]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: <http://www.consultant.ru> [Accessed 18/02/2024].
 8. Ob utverzhenii Edinogo plana po dostizheniyu natsional'nykh tselei razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda i na planovyi period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 1 oktyabrya 2021 g. № 2765-r [On approval of the Unified Plan for achieving the national development goals of the Russian Federation for the period until 2024 and for the planning period until 2030: order of the Government of the Russian Federation of 1 October 2021 No. 2765-r]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: <http://www.consultant.ru> [Accessed 15/02/2024].
 9. Ob utverzhenii Kontseptsii sozdaniya i funktsionirovaniya edinoi tsifrovoy platformy Rossiiskoi Federatsii «GosTekh», plana meropriyatii («dorozhnoi karty») po sozdaniyu edinoi tsifrovoy platformy Rossiiskoi Federatsii «GosTekh»: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 10 oktyabrya 2022 g. № 3102-r [On approval of the Concept for the creation and operation of a unified digital platform of the Russian Federation “GosTech”, an action plan (“road map”) for the creation of a unified digital platform of the Russian Federation “GosTech”: Decree of the Government of the Russian Federation of October 10, 2022 No. 3102-r]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant]. Available at: <http://www.consultant.ru> [Accessed 15/02/2024].
 10. Panina O.V. et al. (2023) *Tsifrovizatsiya gosudarstvennogo upravleniya* [Digitalization of public administration]. Moscow: Prometei Publ.

УДК 34.096

DOI: 10.34670/AR.2024.95.70.051

Развитие Интернета вещей и проблемы обеспечения его безопасности

Акапьев Виктор Львович

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры информационно-компьютерных технологий
в деятельности ОВД,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
308024, Российская Федерация, Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: nazhukova2008@yandex.ru

Савотченко Сергей Евгеньевич

Доктор физико-математических наук, доцент,
профессор кафедры математики,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: nazhukova2008@yandex.ru

Жукова Наталья Алексеевна

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминалистики,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: nazhukova2008@yandex.ru

Аннотация

Широкомасштабное внедрение Интернета вещей требует от законодателя совершенствования правового обеспечения информационной безопасности личности и глобального переосмысления юристами процесса становления информационного общества. Объектом исследования стали уязвимости Интернета вещей в контексте обеспечения информационной безопасности профессиональной деятельности на фоне повсеместного и динамично развивающегося использования компьютерной техники, информационных технологий и средств коммуникации, пересечения с пространством IoT критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Акапьев В.Л., Савотченко С.Е., Жукова Н.А. Развитие Интернета вещей и проблемы обеспечения его безопасности // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 257-267. DOI: 10.34670/AR.2024.95.70.051

Ключевые слова

Базовые принципы IoT, защита информации, интернет вещей, информационная система, кибербезопасность, операционные технологии, технологии IoT, требования к системам IoT, уязвимости IoT.

Введение

Глобальная сеть позволяет вести мониторинг транспорта, всевозможных товаров, осуществлять почти автономное строительство и многое другое. По данным исследований, в 2020 году самый высокий уровень проникновения информационных технологий наблюдался в транспорте, энергетике, ритейле, управлении жизнью города, здравоохранении и промышленности [Коммуникационные технологии Интернета вещей. Что это такое, www].

Глобальная сеть является фундаментом, на который опирается информационная технология под названием «Интернет вещей», которая по своей сути представляет собой процесс объединения мелких сетей в крупные и, наконец, в одну глобальную мировую сеть, где реализуется тесная интеграция виртуального и реального миров, обеспечивающая общение между людьми и устройствами [Что такое интернет вещей и как он устроен, www].

Интернет вещей все активнее входит в нашу жизнь: умные часы, умный чайник и др. Даже умный дом. Но, оказывается, и это не предел. В настоящее время Интернет вещей может существовать и без Интернета. В тех же проездных билетах есть радиомодуль, но отсутствует интернет-протокол.

Технология Интернета вещей может быть использована для автоматизации процесса производства, управления логистикой и движением продукции, осуществления дистанционного мониторинга состояния удаленных объектов (телеметрия, видеонаблюдение, контроль доступа, диагностика состояния технических систем).

Основная часть

В настоящее время специалисты выделяют уже четыре уровня Интернета вещей. Каждый из них является частью следующего:

BAN – все, что находится на человеке: умные часы, кроссовки, футболки, очки и т.д.;

LAN – по сути это умный дом, т.е. различные устройства, объединенные в одну сеть;

WAN – умные города, общественный транспорт, объединенный в одну сеть и имеющий выход в Интернет, электростанции, автоматически перераспределяющие нагрузку и т.д.;

VWAN – умная планета, где каждое устройство может взаимодействовать с любым другим [Актуальность проблемы обеспечения безопасности информации, www].

Если с первым и вторым уровнями все понятно, то третий и четвертый пока выглядят как утопия. Но это пока. Двадцать лет назад никто не мог предсказать, что будет с Интернетом, а он везде. Тоже следует ожидать и с автоматизацией всех областей человеческой деятельности.

Противники такого подхода ссылаются на угрозы, которые несет рассматриваемая технология. Одна из них – слежка. Уже сейчас браузер записывает буквально каждый шаг пользователя в сети и атакует контекстной рекламой. В будущем крупные компании будут знать весь ваш распорядок дня, чем вы интересуетесь, что вы едите, как долго спите и куда идете.

При использовании облачных сервисов для реализации Интернета вещей могут возникнуть

проблемы с доступом, и, что значительно важнее, вы не являетесь хозяином своих данных, поскольку все ваши данные сливаются на облачный сервер и повлиять на решение компании, владеющей этим сервисом, вы уже не можете. Фактически пользователь передает свои данные в доверительное управление не совсем понятно кому. Таким образом, эти данные могут быть не только просто перехвачены, но и физически уничтожены.

Возникает правовой парадокс: приобретая какой-нибудь товар в Интернете вещей, вы не становитесь его собственником, вы его арендуете. Примером может служить изменение наименования «иконки» на рабочем столе операционной системы Windows. Если раньше использовалось название «Мой компьютер», то в новых версиях этот значок обозначается как «Компьютер» или «Этот компьютер».

Но самый распространенный страх – это страх взлома устройств. Для одного бытового гаджета это не так страшно, но атаки на коммунальные системы, предприятия промышленного производства, базы и банки данных государственных министерств и ведомств могут обернуться глобальной катастрофой.

В 2008 году национальная разведка США назвала технологию Интернета вещей разрушительной и причислила к главным мировым угрозам информационной безопасности [Шиков, 2017, 29].

С Интернетом вещей связана и другая проблема – киберпреступность. Подключение всего и вся к Интернету открыло для киберпреступников сказочные возможности. В 2016 году мир узнал о первом в истории виртуальном угоне: хакеры получили доступ к управлению автомобилем, когда за рулем был водитель, и просто остановили его [Езда по воле хакера, [www](#)].

Приведем наиболее известные примеры успешных кибератак на IoT.

В 2016 году сотни тысяч скомпрометированных сетевых устройств были вовлечены в ботнет Mirai, который превратил их в прокси-серверы для вредоносного трафика.

В 2018 году вредоносная программа VPNFilter заразила более полумиллиона маршрутизаторов, установив на устройства IoT вредоносное ПО, которое перехватывает трафик и крадет пароли [Вирус VPNFilter: описание, возможности, список уязвимых устройств, [www](#)].

В 2018 году через умный термометр декоративного аквариума в фойе хакеры смогли проникнуть в локальную сеть казино и скопировать базу данных хайроллеров (VIP-игроков на высоких ставках), представляющую коммерческую тайну [Казино взломали через термостат в аквариуме, [www](#)].

Впрочем, вопрос, как предотвращать подобные ситуации в будущем, так и остался открытым. Но переход к Интернету вещей в том или ином виде уже идет. Количество «умных» устройств, подключенных к сети, уже сегодня в три раза превышает население Земли, и в будущем их число будет только увеличиваться [Тенденции технологии IoT в 2023 году, [www](#)].

Разработка алгоритмов взаимодействия и внедрения в новые сферы – только вопрос времени, поэтому актуализируется необходимость решения проблемы уязвимости Интернета вещей с точки зрения кибербезопасности.

Кибербезопасность относится к числу направлений деятельности, развивающихся чрезвычайно быстрыми темпами. Этому способствуют как общий прогресс развития информационных технологий, так и постоянное противоборство различных сторон в процессе сохранности и приобретения информации. Поэтому проблемы, связанные с кибербезопасностью, с каждым годом становятся все более насущными и сложными.

Широкое внедрение информационных технологии получили и в деятельности государственных органов. Огромный объем аккумулируемой информации (открытой,

конфиденциальной, служебной, персональных данных, государственной тайны) ставит нормальное функционирование государственных структур в зависимость от различного рода информационных угроз. При этом защитные меры оказываются значительно более дешевыми и эффективными в случае, если они встроены в информационные системы и сервисы на стадиях задания требований и проектирования.

Когда данный момент упущен и информационная система уже находится в эксплуатации, необходимо понимать, что зачастую реальная стоимость информации, циркулирующей в системе, может в разы превышать стоимость самой системы, поэтому актуализируется необходимость защиты информации в составе информационных систем.

Помимо всего прочего, на передний план борьбы за обеспечение информационной безопасности выходят следующие мотивирующие основания:

- обостряющиеся противоречия между все возрастающими потребностями общества в свободном обмене информацией и ограничениями (чрезмерным или, наоборот, недостаточным) на её распространение и использование;
- повсеместное и динамично развивающееся использование компьютерной техники, информационных технологий и средств коммуникации;
- использование информационных систем в критических областях деятельности;
- консолидация в рамках единого информационного пространства все большего числа граждан и организаций;
- концентрация огромных объёмов жизненно важной информации различного назначения и принадлежности на электронных носителях;
- количественное и качественное совершенствование способов доступа пользователей к информационным ресурсам;
- превалирование доли информационных услуг в формировании валового национального продукта ведущих стран мира, создание и развитие цифровой экономики, цифровой энергетики и др.;
- превращение информации в товар и переход к рыночным отношениям в области предоставления информационных услуг;
- расширение многообразия видов угроз и возникновение новых возможных каналов утечки информации;
- рост числа квалифицированных пользователей современных информационных технологий, обладающих достаточно сформированной информационно-технологической компетентностью, позволяющей им создавать нежелательные воздействия на системы обработки информации;
- увеличение ущерба от уничтожения, фальсификации, разглашения или незаконного тиражирования информации [Портал iot.ru «Новости Интернета вещей», www].

Несмотря на существенные изменения законодательства в последние годы в сфере информационной безопасности и защиты информации от противоправных действий, проблемы не ликвидированы полностью. Существуют противоправные действия, по которым отсутствует понятийная база, что позволяет преступникам уходить от уголовного преследования. Используются методы социальной инженерии, которые выводят преступника из-под преследования, создавая ситуации якобы добровольной передачи денег, материальных ценностей или информации.

Отсутствие стройной и непротиворечивой системы законодательно-правового

регулирования отношений в сфере оборота и защиты информации создаёт условия для возникновения и широкого распространения «компьютерного хулиганства» и «компьютерной преступности» [Рогачева, 2021, 558].

Возрастает количество противоправных действий, совершаемых преступными группами по заранее составленному плану и соответствующему алгоритму. Это деятельность мошенников по получению доступа к банковским картам населения, принявшая в последние годы массовый характер. Шифрование информационных ресурсов, взлом сайтов и серверов с последующим вымогательством денежных средств. Также в составе преступных групп осуществляются попытки доступа к информационным ресурсам государственных органов, промышленный шпионаж. Существенная часть противоправных действий осуществляется под кураторством или непосредственным руководством иностранных разведок. В ряде иностранных государств, таких как США, Великобритания, Украина, созданы специализированные подразделения для проведения противоправных действий в информационном пространстве других стран и, в первую очередь, России.

В эпоху всеобщей цифровизации пространство Интернета захватывает новая информационно-коммуникационная технология – Интернет вещей, где информационные процессы проходят практически без участия человека. В отличие от Интернета людей, в Интернете вещей ведущую роль играют программно-аппаратные комплексы, способные взаимодействовать друг с другом и с управляющим сетевым ПО.

Конечная точка – это однозначно идентифицируемое в сетевом пространстве устройство, способное самостоятельно обрабатывать данные для взаимодействия с человеком, с другими устройствами или с внешней физической средой.

В Интернете вещей сетевыми конечными точками являются сенсоры, сервоприводы, контроллеры производственных операций; бытовые приборы; датчики систем пожарной и охранной сигнализации; камеры систем компьютерного зрения; point-of-sale терминалы; компоненты систем искусственного интеллекта и т.п.

Интернет вещей – инфраструктура взаимосвязанных сущностей, АИС и ИР, а также служб, позволяющих обрабатывать информацию о физическом и виртуальном мире и реагировать на нее.

Технические устройства для сбора данных – сенсоры или датчики. Датчики собирают данные, преобразуют их в сигнал и отправляют сигнал платформе.

Шлюз IoT – сетевое устройство, предназначенное для передачи данных между устройствами IoT и сетью Интернет.

Концепция IoT предполагает тесную взаимосвязь между информационными технологиями и операционными технологиями.

Операционные технологии – это процессы, методы и средства управления в *киберфизических системах*, где вычислительные ресурсы интегрированы с физическими сущностями любого вида, включая биологические и рукотворные объекты.

Технологии IoT используются в различных отраслях: производство, автомобилестроение, здравоохранение, транспорт, логистика, энергетика, сельское хозяйство и др. В зависимости от целей конкретной системы IoT интеллектуальные устройства могут варьироваться от простых датчиков освещенности до оборудования для анализа ДНК. Все чаще вокруг встречаются технологии умного дома, умного города, бодинет.

На абстрактном уровне IoT можно сравнить с информационной моделью человека. Тело собирает информацию об окружающей среде через сенсоры – органы чувств (зрение, слух,

осязание, обоняние, вкус). Мозг осмысливает поступающие данные, сравнивает с известными образами в своей базе знаний и принимает решение по управлению частями тела. Если принятые образы отсутствуют в базе знаний, то мозг пытается их осознать, пользуясь накопленным опытом и правилами логики, и включить в базу знаний. В 2018 году в сферах транспорта, производства, систем автоматизации и других платформ корпоративного класса во всем мире использовалось около 8 млрд устройств («точек») IoT, в 2020 году их было около 12 млрд, к 2025 году, по разным прогнозам, подключенных устройств будет 25 млрд или почти 60 млрд [Интернет вещей, www]

Базовые принципы IoT:

распределенная сетевая инфраструктура, позволяющая доставлять данные в конечные точки IoT по оптимальным маршрутам;

уникальный идентификатор для любого устройства IoT;

наличие пользовательского интерфейса для ручного управления устройствами IoT;

гарантированная доступность каждого устройства IoT и возможность коммуникации с управляющим ПО или пользователем в режиме реального времени;

экономическая эффективность.

По сути, IoT – это новая концепция информационно-телекоммуникационных сети, объединяющей на основе архитектуры Интернет множество датчиков и исполнительных устройств для управления технологическими процессами в автоматическом режиме с минимальным участием человека. При этом требования к архитектуре, надежности и функциональным возможностям IoT в некоторых случаях выходят за рамки Интернета людей.

С точки зрения информационной безопасности архитектура IoT подразделяется на несколько уровней.

Физический уровень (уровень вещей) представляет два типа операций – сбор информации (датчики) и механические действия (актуаторы, исполнительные механизмы).

На физическом уровне функционируют относительно простые датчики (световые, звуковые, емкостные, индуктивные, электрические, концевые выключатели, измерители угла поворота, скорости вращения и т.п.) и сложные сенсоры-анализаторы (спектра, химического состава, компьютерное зрение), собирающие данные в реальном времени.

Актуаторы IoT – это, как правило, электронные ключи и контроллеры различных механизмов и технических систем.

Примерные требования к устройствам IoT различного применения: минимальная цена; надежность, защищенность от климатических воздействий; низкое энергопотребление и автономное электропитание; минимальные затраты на установку и обслуживание; машинное обучение; для видеокамер – первичная обработка изображения с принятием решения на основе искусственного интеллекта и т.п.

Как видно из примера, в некоторых случаях требования могут быть противоречивыми.

Сетевой уровень обеспечивает обмен данными «вещей» с управляющим ПО.

Некоторые системы IoT предполагают размещение устройств и управляющего ПО в одной сети или прямое подключение через сотовую связь, но чаще устройства IoT подключаются к управляющим приложениям в сети Интернет через шлюзы (gateway), которые выступают в роли агрегаторов исходных данных и маршрутизаторов пакетов.

Прикладной уровень представляет набор служб и приложений, обеспечивающих автоматизацию бизнес-процессов в IoT.

В последнее время возникли дополнительные требования к системам IoT: данные имеют

неограниченный объем; данные являются разнородными (количественными, качественными, текстовыми); результаты должны быть конкретны и понятны; инструменты для обработки сырых данных должны быть просты в использовании; методы традиционной математической статистики не подходят для анализа и прогнозирования поведения систем.

В этой связи интеллектуальные возможности IoT расширяются за счет технологий анализа больших данных, в том числе глубинного, а также машинного обучения.

В качестве наглядного примера можно рассмотреть популярную концепцию «умного дома» с автоматическим управлением его инженерной инфраструктурой.

Глобальная задача Интернета вещей заключается в том, чтобы взять на себя управление огромными по объему данными, оставив человеку контрольные функции. Это подразумевает не просто обмен сигналами, а генерацию управляющих советов для людей [Nozari, Fallah, Kazemipour, Najafi, 2021, 80].

Главная сложность сейчас заключается в том, чтобы научиться доверять Интернету вещей. Уход от отработанных алгоритмов формальной логики и методов компьютерно-математического моделирования создает барьер в доверии к данной технологии.

Другой барьер касается кибербезопасности: из-за того, что данные становятся глобальными, из-за того, что в эту сферу вовлекается все большее количество людей и организаций, которые ревностно стараются оберегать свои данные, происходит обратный эффект – далеко не все готовы делиться с другими своей информацией.

Корректное функционирование технологии Интернета вещей опирается на неукоснительную реализацию следующих принципов: конфиденциальность информации; доступность информации; целостность информации.

Нарушение любого из перечисленных принципов приводит к возможности негативных последствий для пользователя IoT, а основной причиной является недостаточный уровень обеспечения информационной безопасности IoT, которая подразумевает защиту устройств и сетей, к которым они подключены, от сетевых атак и взломов.

Повышение данного уровня достигается путем выявления, мониторинга и устранения потенциальных уязвимостей безопасности IoT, к которым относятся ненадежные или несменяемые пароли доступа к устройствам IoT; сохранение заводских (общеизвестных) паролей; сквозная авторизация – для взлома сети достаточно взломать одно устройство; отсутствие шифрования сетевого трафика; использование небезопасного ПО и протоколов сетевого обмена; наличие потенциально опасных сетевых сервисов и открытых портов; небезопасные настройки по умолчанию и ограниченное управление устройством; отсутствие технической поддержки и безопасных механизмов обновления ПО; отсутствие средств защиты от сетевых атак и вредоносного ПО; возможность физического доступа к устройству посторонних; типовые уязвимости мобильных технологий и облачной инфраструктуры.

Требования к кибербезопасности промышленного IoT устанавливаются государством или эксплуатирующими организациями, исходя из оценки рисков. В значительной степени с пространством IoT пересекается критическая информационная инфраструктура Российской Федерации, но государство по каким-то причинам не обращает серьезного внимания на нарастающую проблемную ситуацию.

В настоящее время основная с точки зрения информационной безопасности проблема IoT заключается в следующем: нередко заказчики и разработчики думают о безопасности в последнюю очередь: сначала разработка и внедрение продукта, затем безопасность. Необходимо сразу разрабатывать структуру так, чтобы она была безопасной, важно

взаимодействие команды разработки IoT и команды ИБ на всех этапах, анализ угроз на этапе разработки и применение необходимых средств, как встроенных, так и дополнительных.

Подход к защите разделяется на две части: защита от устройств; защита самого IoT.

Перечень мер защиты IoT должен включать следующие элементы: физическая безопасность; доверенная загрузка; безопасная операционная система; защита на уровне приложений; управление учетными записями; шифрование; безопасность каналов связи; контроль взаимодействия; обновление программного обеспечения, прошивок; проведение аудита.

Заключение

Безопасность Интернета вещей принципиально не отличается от международного стандарта ISO27001 [ISO/IEC 27001 Системы менеджмента информационной безопасности, www], но необходимо создавать отдельный раздел этого стандарта, ориентированного именно на обеспечение безопасности технологии IoT. В нем должны быть указаны следующие элементы защиты информации в сфере Интернета вещей: все компоненты системы IoT, как технические, так и информационные, должны быть учтены, должна быть реализована точная идентификация и классификация всех IoT устройств; безопасность должна быть приоритетом при создании IoT не зависимо от ее масштаба; безопасность следует учитывать на этапе проектирования, чтобы лучше ее интегрировать во все аспекты системы; каждое устройство, подключаемое к сети, должно быть настроено с точки зрения обеспечения безопасности; обнаружение аномалий и уязвимостей; применение политик безопасности на основе информации об IoT устройствах; стратегия безопасности организации должна строиться на допущении компромисса: защита устройств, безусловно, важна, но нет абсолютной защиты; корпоративная сеть должна быть защищена от самих устройств IoT, которые несут угрозу.

Размытие границы между технической и личной информацией актуализирует развитие правовой составляющей обеспечения информационной безопасности, ориентированной не только на регламентацию принципов сбора и обработки информации, но и, в первую очередь, на защиту персональных данных.

В целом, регулирование IoT не требует создания специального законодательства, а соответствующие нормы могут быть включены в существующие нормативно-правовые акты.

Библиография

1. Актуальность проблемы обеспечения безопасности информации. URL: <https://searchinform.ru/informatsionnaya-bezopasnost/osnovy-ib/osnovnye-aspekty-informatsionnoj-bezopasnosti/osnovnye-printsipy-obespecheniya-informatsionnoj-bezopasnosti/problemy-obespecheniya-bezopasnosti-informatsii>.
2. Верещагина Е.А., Капецкий И.О., Ярмонов А.С. Проблемы безопасности Интернета вещей. М.: Мир науки, 2021. URL: <https://izd-mn.com/PDF/20MNNPU21.pdf>.
3. Вирус VPNFilter: описание, возможности, список уязвимых устройств. URL: <https://networkguru.ru/virus-vpnfilter-opisanie-vozmozhnosti-ustroystva>.
4. Езда по воле хакера. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2773532>.
5. Интернет вещей. URL: https://sber.pro/digital/education/internet_vesshei.
6. Информационная безопасность автоматизированных систем: понятие, методы обеспечения. URL: <https://gb.ru/blog/informatsionnaya-bezopasnost-avtomatizirovannykh-sistem>.
7. Казино взломали через термостат в аквариуме. URL: <https://habr.com/ru/companies/globalsign/articles/354256>.
8. Коммуникационные технологии интернета вещей. Что это такое. URL: <https://tulasprav.ru/articles/kommunikatsionnye-tehnologii-interneta-veschey-cto-eto-takoe.html>.
9. Пиковер А.В. Интернет вещей и промышленный интернет вещей в КНР // Сборник статей ежегодной научной

- конференции Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН «Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016-2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021-2025 гг.)». М., 2021. С. 195-209.
10. Портал iot.ru «Новости Интернета вещей». URL: <https://iot.ru>.
11. Рогачева Н.В. Интернет вещей: обзор основных проблем и задач // Languages in professional communication. 2021. С. 558-563.
12. Суомалайнен А. Интернет вещей: видео, аудио, коммутация. М.: ДМК Пресс, 2019. 122 с.
13. Тенденции технологии IoT в 2023 году. URL: <https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/691610>.
14. Что такое интернет вещей и как он устроен. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5db96f769a7947561444f118>.
15. Шиков С.А. Проблемы информационной безопасности: интернет вещей // Вестник Мордовского университета. 2017. Т. 27. № 1. С. 27-40.
16. Шумбасов А.М., Свешников И.А. Блокчейн и криптовалюта интернет вещей // Молодежь. Общество. Современная наука, техника и инновации. 2022. № 21. С. 190-191.
17. ISO/IEC 27001 Системы менеджмента информационной безопасности. URL: <https://www.iso.org/ru/standard/27001>.
18. Nozari H., Fallah M., Kazemipoor H., Najafi S.E. Big data analysis of iot-based supply chain management considering fmcg industries // Biznes-Informatika. 2021. Vol. 15. No 1. P. 78-96.

The development of the Internet of Things and the problems of ensuring its security

Viktor L. Akap'ev

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of
the Department of Internal Affairs,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putilin,
308024, 71 Gor'kogo str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: nazhukova2008@yandex.ru

Sergei E. Savotchenko

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Mathematics,
Russian State Geological Exploration University
named after Sergo Ordzhonikidze,
117485, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nazhukova2008@yandex.ru

Natal'ya A. Zhukova

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Forensic Examination and Criminology,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: nazhukova2008@yandex.ru

Abstract

The large-scale introduction of the Internet of Things requires the legislator to improve the legal provision of personal information security and a global rethinking by lawyers of the process of formation of the information society. The object of the study is the vulnerabilities of the Internet of Things in the context of ensuring the information security of professional activity against the background of the widespread and dynamically developing use of computer equipment, information technologies and means of communication, the intersection with the IoT space of the critical information infrastructure of the Russian Federation.

For citation

Akap'ev V.L., Savotchenko S.E., Zhukova N.A. (2024) Razvitie Interneta veshchei i problemy obespecheniya ego bezopasnosti [The development of the Internet of Things and the problems of ensuring its security]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 257-267. DOI: 10.34670/AR.2024.95.70.051

Keywords

Basic principles of IoT, information security, Internet of things, information system, cybersecurity, operational technologies, IoT technologies, requirements for IoT systems, IoT vulnerabilities.

References

1. *Aktual'nost' problemy obespecheniya bezopasnosti informatsii* [The relevance of the problem of ensuring information security]. Available at: <https://searchinform.ru/informatsionnaya-bezopasnost/osnovy-ib/osnovnye-aspekty-informatsionnoj-bezopasnosti/osnovnye-printsipy-obespecheniya-informatsionnoj-bezopasnosti/problemy-obespecheniya-bezopasnosti-informatsii> [Accessed 12/03/2024].
2. *Chto takoe internet veshchei i kak on ustroen* [What is the Internet of Things and how does it work]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5db96f769a7947561444f118> [Accessed 14/03/2024].
3. *Ezda po vole khakera* [Driving at the behest of a hacker]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2773532> [Accessed 12/03/2024].
4. *Informatsionnaya bezopasnost' avtomatizirovannykh sistem: ponyatie, metody obespecheniya* [Information security of automated systems: concept, methods of provision]. Available at: <https://gb.ru/blog/informatsionnaya-bezopasnost-avtomatizirovannykh-sistem> [Accessed 16/03/2024].
5. *Internet veshchei* [Internet of things]. Available at: https://sber.pro/digital/education/internet_veshchei [Accessed 12/03/2024].
6. *ISO/IEC 27001 Sistemy menedzhmenta informatsionnoi bezopasnosti* [ISO/IEC 27001 Information security management systems]. Available at: <https://www.iso.org/ru/standard/27001> [Accessed 12/03/2024].
7. *Kazino vzlomali cherez termostat v akvariume* [The casino was hacked through the thermostat in the aquarium]. Available at: <https://habr.com/ru/companies/globalsign/articles/354256> [Accessed 12/03/2024].
8. *Kommunikatsionnye tekhnologii interneta veshchei. Chto eto takoe* [Communication technologies of the Internet of things. What it is]. Available at: <https://tulasprav.ru/articles/kommunikatsionnye-tehnologii-interneta-veshchei-chto-eto-takoe.html> [Accessed 23/03/2024].
9. Nozari H., Fallah M., Kazemipoor H., Najafi S.E. (2021) Big data analysis of IOT-based supply chain management considering FMCG industries. *Biznes-Informatika* [Business-Informatics], 15 (1), pp. 78-96.
10. Pikover A.V. (2021) Internet veshchei i promyshlennyy internet veshchei v KNR [Internet of Things and Industrial Internet of Things in the People's Republic of China]. *Sbornik statei ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Tsentra ekonomicheskikh i sotsial'nykh issledovaniy Kitaya Instituta Dal'nego Vostoka RAN «Sotsial'no-ekonomicheskie itogi 13-i pyatiletki KNR (2016-2020 gg.) i zadachi 14-i pyatiletki (2021-2025 gg.)»* [Proc. Conf. "Sotsial'no-ekonomicheskie itogi 13-i pyatiletki KNR (2016-2020) i zadachi 14-i pyatiletki (2021 -2025 gg.)"]. Moscow, pp. 195-209.
11. *Portal iot.ru «Novosti Interneta veshchei»* [Portal iot.ru "Internet of Things News"]. Available at: <https://iot.ru> [Accessed 12/03/2024].
12. Rogacheva N.V. (2021) Internet veshchei: obzor osnovnykh problem i zadach [Internet of Things: overview of the main problems and challenges]. *Languages in professional communication* [Languages in professional communication], pp.

-
- 558-563.
13. Shikov S.A. (2017) Problemy informatsionnoi bezopasnosti: internet veshchei [Problems of information security: Internet of things]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of Mordovian University], 27 (1), pp. 27-40.
 14. Shumbasov A.M., Sveshnikov I.A. (2022) Blokchein i kriptovalyuta internet veshchei [Blockchain and cryptocurrency Internet of things]. *Molodezh'. Obshchestvo. Sovremennaya nauka, tekhnika i innovatsii* [Youth. Society. Modern science, technology and innovation], 21, pp. 190-191.
 15. Suomalainen A. (2019) *Internet veshchei: video, audio, kommutatsiya* [Internet of things: video, audio, switching]. Moscow: DMK Press Publ.
 16. *Tendentsii tekhnologii IoT v 2023 godu* [IoT technology trends in 2023]. Available at: <https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/691610> [Accessed 12/03/2024].
 17. Vereshchagina E.A., Kapetskii I.O., Yarmonov A.S. (2021) *Problemy bezopasnosti Interneta veshchei* [Internet of Things security issues]. Moscow: Mir nauki,. Available at: <https://izd-mn.com/PDF/20MNNPU21.pdf> [Accessed 12/03/2024].
 18. *Virus VPNFilter: opisaniye, vozmozhnosti, spisok uyazvimykh ustroystv* [VPNFilter virus: description, capabilities, list of vulnerable devices]. Available at: <https://networkguru.ru/virus-vpnfilter-opisaniye-vozmozhnosti-ustroystva> [Accessed 22/03/2024].

УДК 342.922

DOI: 10.34670/AR.2024.42.53.054

Особенности дисциплинарного производства в случае незаконного ограничения прав и свобод граждан сотрудниками полиции в особых условиях

Никифоров Кирилл Евгеньевич

Аспирант,
Московский инновационный университет,
119017, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Ордынка, 7;
e-mail: 7293734@gmail.com

Аннотация

В статье проанализированы особенности дисциплинарного производства в полиции в особых условиях. Раскрыта актуальность исследования особенностей дисциплинарного производства в органах полиции, обусловленная спецификой несения службы работниками полиции в особых условиях. Доказано, что дисциплинарное производство выступает структурным элементом административного юрисдикционного процесса. Подчеркнуто важное значение правового урегулирования механизма приостановления сроков давности привлечения к дисциплинарной ответственности, что способствует эффективной реализации принципа неотвратимости наказания за совершение дисциплинарного проступка. Выделены типичные нарушения законности и дисциплины в деятельности работников полиции. Предложены пути их устранения.

Для цитирования в научных исследованиях

Никифоров К.Е. Особенности дисциплинарного производства в случае незаконного ограничения прав и свобод граждан сотрудниками полиции в особых условиях // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 268-274. DOI: 10.34670/AR.2024.42.53.054

Ключевые слова

Административная юрисдикция, дисциплинарное производство, дисциплинарный проступок, дисциплинарная ответственность.

Введение

Обеспечение дисциплины и законности в органах полиции выступает важным условием качественного и эффективного выполнения задач, возложенных на полицию в соответствии с Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

С того времени как была образована полиция в качестве центрального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по борьбе с преступностью, охране свобод и прав человека, охране общественного порядка и безопасности, законодателем создана большая законодательная база в виде нормативных правовых актов, призванная урегулировать порядок и основания привлечения полицейских к дисциплинарной ответственности.

Наравне с Законом «О полиции», к правовым предписаниям можно отнести Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» и другие нормативные правовые акты, определяющие порядок и основания реализации механизма дисциплинарного производства в органах полиции.

Стоит подчеркнуть, что дисциплинарное регулирование в органах полиции служит важным структурным элементом административного юрисдикционного процесса и формой привлечения сотрудников полиции к ответственности [Кавелин, 2023, 312].

Актуальность изучения особенностей дисциплинарного производства в полиции обусловлена специфическими условиями несения службы в особых условиях, а также неутешительными статистическими данными по привлечению полицейских к дисциплинарной ответственности.

В частности, по результатам проведения социологического опроса, среди различных видов нарушений законности со стороны работников полиции, с которыми чаще всего сталкиваются граждане, доминируют использование служебного положения в личных целях, злоупотребление служебными полномочиями (93,7%), нарушение норм профессиональной этики работниками полиции (87,2%), превышение полицейскими власти и служебных полномочий (79,3%), бюрократизм и формализм в полицейской деятельности (78,9%), шантаж и угрозы применения насилия (71,1%). Более того, тревожными являются факты незаконного административного задержания граждан; нарушение требований закона при применении спецсредств при задержании лиц; безосновательного содержания задержанных более трех часов и случаи внесения в протоколы об административном задержании недостоверного времени фактического задержания нарушителей; безосновательная остановка транспортных средств; игнорирование требований по информированию регионального центра по предоставлению бесплатной правовой помощи о задержании лица; неуведомление родственников граждан, задержанных за совершение административных правонарушений, о месте их пребывания; нарушение требований относительно сроков и порядка рассмотрения дел, пределов наложения взысканий, содержания постановлений, вручения их нарушителям; превышение полицейскими власти и служебных полномочий; нарушение норм профессиональной этики и т.п. [Воскресенский, 2023, 39]. Итак, научная проблема по выделению особенностей дисциплинарного производства в полиции в особых условиях выступает актуальной задачей научного поиска в рамках науки административного права.

Административно-правовые аспекты осуществления дисциплинарного производства в органах полиции выступили предметом научного поиска в работах А.Н. Бандурина, В.Ю. Кикинчука, С.С. Ковалева, А.В. Кузьмина, Н.В. Медведева, В.А. Михайлова, А.Д. Новикова, И.И. Суханова, Н.Н. Тищенко, А.А. Шевченко и некоторых других специалистов в области

административного права. Остаются неурегулированными отдельные вопросы, касающиеся особенностей административно-правового обеспечения механизма осуществления дисциплинарного производства в органах полиции в особых условиях, чем и обусловлена цель этого исследования.

Цель исследования данной статьи заключается в том, чтобы на базе действующего административного законодательства и практики его реализации выделить и охарактеризовать некоторые особенности нормативно-правового обеспечения дисциплинарного производства в полиции в особых условиях.

Основная часть

В научной литературе сформировалась устоявшаяся концепция относительно понимания дисциплинарного производства в качестве юрисдикционной процедуры в рамках административного процесса, последствиями которой является привлечение лица к дисциплинарной ответственности.

А.В. Кузьмин обращает внимание, что административные явления объединяются по наличию или отсутствию в них конфликта в две группы: конфликтные и неконфликтные. К конфликтной группе административных производств относятся следующие: производство по административным делам; производство по рассмотрению заявлений и жалоб; дисциплинарное производство [Тихомиров, 2023, 210].

А.Н. Бандурин и Н.Н. Тищенко, исходя из понимания административного производства и административного процесса, под дисциплинарным производством понимают совокупность юридических норм, регламентирующих общественные отношения в связи с правоприменительной деятельностью в отношении решения вопроса о дисциплинарной ответственности за допущенное правонарушение [Матузова, 2022, 354].

Ю.В. Кикинчук считает, что процессуальные нормы, регулирующие дисциплинарное производство в полиции, имеют ряд особенностей: у них отсутствует кодификация; они ориентированы на оперативность внедрения; применяются исключительно к работникам полиции; применяются общественными организациями и должностными лицами, наделенными дисциплинарной властью; применяются в связи с наступлением дисциплинарной ответственности нарушителя, основу которой составляют как дисциплинарные проступки, так и другие правонарушения; результат применения данных норм – дисциплинарные взыскания, регулирующие порядок реализации не только дисциплинарно-правовых, но и норм морали [Лаптева, 2023, 48].

Н.В. Медведев под дисциплинарным производством в органах полиции понимает регламентированную правовыми нормами деятельность компетентных должностных лиц органов внутренних дел, направленную на установление оснований привлечения к ответственности и решение вопроса о применении предусмотренных мер дисциплинарного воздействия к сотрудникам МВД России [Домаков, 2022, 101].

Под дисциплинарным расследованием в ОВД А.А. Шевченко понимает административно-юрисдикционную деятельность уполномоченных субъектов по решению вопроса о дисциплинарной ответственности работников органов полиции за совершенный дисциплинарный проступок, а также применение мер поощрения за успешное исполнение обязанностей полицейским, а также за другие заслуги перед государством и обществом [Оршанский, 2022, 85]. Аналогичной позиции относительно сущности дисциплинарного

производства в органах полиции как структурного элемента административного юрисдикционного процесса придерживаются и другие ученые [Новицкий, 2022, 34].

Анализ научных позиций относительно сущности дисциплинарного производства в органах полиции дает основания сформулировать его авторскую дефиницию как совокупность урегулированных нормами административного процессуального права последовательных взаимосвязанных действий участников дисциплинарного производства, направленных на рассмотрение и решение дисциплинарного производства по привлечению сотрудников к дисциплинарной ответственности.

Центральным этапом осуществления дисциплинарного производства является служебное расследование, процедура проведения которого урегулирована нормами Дисциплинарного устава ОВД РФ. Проведение служебных расследований в период действия особых условий имеет свои особенности. Уставом регламентировано следующее:

1. В период действия особых условий значительно сокращены сроки дисциплинарного производства. При этом Уставом урегулирован и вопрос о приостановлении сроков давности привлечения к дисциплинарной ответственности.

Так, на служебное расследование выделяется 30 календарных дней. Возможно продление срока, но не более чем на 30 календарных дней. К сроку проведения служебного расследования не засчитывается документально подтвержденное время пребывания подследственного сотрудника в командировке или на стационарном лечении в учреждениях охраны здоровья, расположенных на подконтрольных органам государственной власти территориях.

2. Урегулирован и механизм вызова для дачи объяснений полицейского, сведущего об обстоятельствах совершения дисциплинарного проступка. В частности, вызов осуществляется в случае отсутствия полицейского на службе, путем непосредственного вручения вызова полицейскому или отправки почтовой связью или с использованием электронной коммуникации.

Отправка вызова с использованием электронной коммуникации осуществляется исключительно на адрес электронной почты полицейского или по другим контактными данным, указанным в его личном деле или имеющимся в распоряжении его непосредственного руководителя. Причем вызов направляется с таким расчетом, чтобы вызываемый полицейский имел не менее одних суток для прибытия по указанному в вызове адресу.

Таким образом, вызов полицейского осуществляется тремя способами, а именно путем: а) непосредственного вручения вызова; б) оказания вызова почтовой связью; в) отправления вызова с использованием средств электронной коммуникации.

Данная норма направлена на реализацию принципа оперативности в процессе осуществления дисциплинарного производства. Вместе с тем она не лишена и существенного пробела в механизме вызова полицейских для дачи объяснений в рамках дисциплинарного производства, что проявляется в отсутствии нормативно определенной формы бланка вызова, который должен использоваться для оповещения полицейского и закреплять официальный характер такого оповещения.

3. В период действия особых условий на время следствия полицейскому может быть поручено временное исполнение обязанностей по другой должности. Анализ указанной нормы свидетельствует, что существует потребность относительно уточнения правовой конструкции «по другой должности», поскольку из вышеуказанной нормы непонятно, речь идет о должности равнозначной, нижестоящей или же вообще вышестоящей. Кроме того, неопределенным остается и организационное подчинение отстраненного полицейского, который может временно исполнять обязанности как в этом же структурном подразделении, так и в другом.

Заключение

Подводя итоги, считаем целесообразным сформулировать следующие выводы и предложения.

Дисциплинарное производство выступает структурным элементом административного юрисдикционного процесса и понимается автором в качестве совокупности урегулированных нормами административного процессуального права последовательных взаимосвязанных действий участников дисциплинарного процесса, направленных на рассмотрение и решение дел по привлечению сотрудников к дисциплинарной ответственности.

Важный аспект дисциплинарного производства в полиции в период действия особых условий касается возможности приостановления сроков давности привлечения к дисциплинарной ответственности, что способствует эффективной реализации принципа неотвратимости закона за совершение дисциплинарного проступка. При этом стоит сказать и об одновременной реализации принципа оперативности, проявляющегося в сокращении сроков дисциплинарного взыскания до 30 дней.

Требуется уточнения механизм вызова полицейских для дачи объяснений в рамках дисциплинарного производства, поскольку он не предлагает наличия нормативно определенной формы бланка вызова, который должен использоваться для извещения полицейского, а следовательно, закреплять официальный характер такого извещения.

Анализ статей Дисциплинарного устава органов внутренних дел МВД РФ свидетельствует, что существует потребность относительно уточнения правовой конструкции «другая должность» в контексте временного исполнения обязанностей отстраненным от основной должности полицейским, поскольку из вышеуказанной нормы непонятно, речь идет о должности равнозначной, нижестоящей или же вообще вышестоящей. Кроме того, неопределенным остается и организационное подчинение отстраненного полицейского, который может временно исполнять обязанности как в этом же структурном подразделении, так и в другом.

Библиография

1. Воскресенский И.О. Обеспечение законности и дисциплины в деятельности полиции. М.: Право, 2023. 298 с.
2. Домаков О.В. Административный процесс органов внутренних дел. Буква, 2022. 228 с.
3. Кавелин А.А. Относительно понимания дисциплинарного производства в органах полиции // Тезисы участников научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной науки в исследованиях молодых ученых». М., 2023. С. 310-315.
4. Лаптева О.Д. Правовые основы дисциплинарной ответственности сотрудников полиции. Смоленск: Право, 2023. 200 с.
5. Матузовва С.С. Понятие и особенности дисциплинарного производства: принципы, субъекты, стадии // Форум права. 2022. № 2. С. 352-357.
6. Новицкий В.Е. Понятие публичной безопасности и порядка как объекта взаимодействия территориальных подразделений полиции с органами местного самоуправления // Московский юридический журнал. 2022. № 4. Т. 1. С. 32-38.
7. Оршанский О.В. Понятие и признаки публичной безопасности и порядка как объектов административно-правовой охраны // Научный вестник Курского юридического университета. 2022. Вып. 29. Ч. 2. Т. 3. С. 84-89.
8. Тихомиров Д.Г. Права и обязанности полиции при несении службы по охране общественного порядка. М., 2023. 248 с.
9. Cajda-Roszczyńska K., Markiewicz K. Disciplinary proceedings as an instrument for breaking the rule of law in Poland // Hague Journal on the Rule of Law. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 451-483.
10. Jones E. The rule of lawyers: Applying therapeutic jurisprudence at the intersections of wellbeing, disciplinary proceedings and professionalism // European Journal of Current Legal Issues. – 2021. – Т. 25. – № 1.

Features of disciplinary proceedings in the case of illegal restriction of the rights and freedoms of citizens by police employees in special conditions

Kirill E. Nikiforov

Postgraduate Student,
Moscow Innovation University,
119017, 7 Malaya Ordynka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 7293734@gmail.com

Abstract

The study analyzes the features of disciplinary proceedings in the police under special conditions. The relevance of the study of the characteristics of disciplinary proceedings in the police, due to the specifics of the service of police officers in special conditions, is revealed. It has been proven that disciplinary proceedings are a structural element of the administrative jurisdictional process. The importance of the legal regulation of the mechanism for suspending the statute of limitations for bringing disciplinary liability is emphasized, which contributes to the effective implementation of the principle of the inevitability of punishment for committing a disciplinary offense. Typical violations of the law and discipline in the activities of police officers are highlighted. Ways to eliminate them are proposed.

For citation

Nikiforov K.E. (2024) Osobennosti distsiplinarnogo proizvodstva v sluchae nezakonno go ogranicheniya prav i svobod grazhdan sotrudnikami politsii v osobykh usloviyakh [Features of disciplinary proceedings in the case of illegal restriction of the rights and freedoms of citizens by police employees in special conditions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 268-274. DOI: 10.34670/AR.2024.42.53.054

Keywords

Administrative jurisdiction, disciplinary proceedings, disciplinary offense, disciplinary liability.

References

1. Domakov O.V. (2022) *Administrativnyi protsess organov vnutrennikh del* [Administrative process of internal affairs bodies]. Bukva Publ.
2. Kavelin A.A. (2023) Otnositel'no ponimaniya distsiplinarnogo proizvodstva v organakh politsii [Regarding the understanding of disciplinary proceedings in the police]. In: *Tezisy uchastnikov nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy sovremennoi nauki v issledovaniyakh molodykh uchenykh»* [Proc. Conf. "Current problems of modern science in the research of young scientists"]. Moscow, pp. 310-315.
3. Lapteva O.D. (2023) *Pravovye osnovy distsiplinarnoi otvetstvennosti sotrudnikov politsii* [Legal basis for disciplinary liability of police officers]. Smolensk: Pravo Publ.
4. Matuzovva S.S. (2022) Ponyatie i osobennosti distsiplinarnogo proizvodstva: printsipy, sub"ekty, stadii [Concept and features of disciplinary proceedings: principles, subjects, stages]. *Forum prava* [Forum of Law], 2, pp. 352-357.
5. Novitskii V.E. Ponyatie publichnoi bezopasnosti i poryadka kak ob"ekta vzaimodeistviya (2022)a territorial'nykh podrazdelenii politsii s organami mestnogo samoupravleniya [The concept of public security and order as an object of interaction between territorial police units and local governments]. *Moskovskii yuridicheskii zhurnal* [Moscow Legal Journal], 4 (1), pp. 32-38.
6. Orshanskii O.V. (2022) Ponyatie i priznaki publichnoi bezopasnosti i poryadka kak ob"ektov administrativno-pravovoi okhrany [The concept and signs of public security and order as objects of administrative and legal protection]. *Nauchnyi*

vestnik Kurskogo yuridicheskogo universiteta [Scientific Bulletin of Kursk Law University], 29 (2), 3, pp. 84-89.

7. Tikhomirov D.G. (2023) *Prava i obyazannosti politsii pri nesenii sluzhby po okhrane obshchestvennogo poryadka* [Rights and responsibilities of the police when performing public order protection services]. Moscow.
8. Voskresenskii I.O. (2023) *Obespechenie zakonnosti i distsipliny v deyatel'nosti politsii* [Ensuring legality and discipline in police activities]. Moscow: Pravo Publ.
9. Gajda-Roszczyńska, K., & Markiewicz, K. (2020). Disciplinary proceedings as an instrument for breaking the rule of law in Poland. *Hague Journal on the Rule of Law*, 12(3), 451-483.
10. Jones, E. (2021). The rule of lawyers: Applying therapeutic jurisprudence at the intersections of wellbeing, disciplinary proceedings and professionalism. *European Journal of Current Legal Issues*, 25(1).

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.40.82.055

К вопросу о полиморфизме парламентского контроля на примере Российской Федерации и Франции

Бельцева Екатерина Игоревна

Адюнкт кафедры конституционного и муниципального права,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: amega-007@yandex.ru

Аннотация

Парламентский контроль (не только за действиями правительства, но и за иными органами публичной администрации в целом) является одной из титульных функций законодательной власти, неразрывно связанной с парламентской системой, которая предусматривает так называемое «гибкое» разделение властей. Нельзя обойти стороной тот факт, что парламентский контроль – это контроль и в том числе политического характера; если его осуществление приравнять к простой цензуре, то он окажется неэффективным. В свете глобального реформирования института парламентского контроля в государственных аппаратах разных стран мира невольно задумываешься о переосмыслении «завещанной» последующим поколениям государствоведов идеи Шарля-Луи Монтескье о «наблюдении» за созданными законами, а также «перестройке» восприятия парламента в расширительную сторону, как «места оказания помощи».

Для цитирования в научных исследованиях

Бельцева Е.И. К вопросу о полиморфизме парламентского контроля на примере Российской Федерации и Франции // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 275-281. DOI: 10.34670/AR.2024.40.82.055

Ключевые слова

Функции органа законодательной власти, парламент, идея парламентского контроля, парламентский контроль, пределы осуществления парламентского контроля.

Введение

Чего требует демократия от законодательной власти в плане сосредоточения внимания на национальной легислатуре (вопрос именно о народном внимании, то есть людей далёких от компетенций функционеров), а также тщательного изучения и контроля важных решений публичной администрации? Избранный законодательный орган, как правило, должен поддерживать полный общественный контроль над государственными службами и их деятельностью, обеспечивая подотчетность власти народу. Общенациональная легислатура должна быть критически важным центром национальных политических дебатов, выражая "общественное мнение" таким образом, чтобы оно служило правительству полезным руководством при принятии сложных политических решений. Индивидуально и коллективно законодатели должны стремиться выявлять и предавать гласности вопросы, вызывающие общественный интерес, жалобы граждан, эффективно представляя взгляды как большинства, так и меньшинства, демонстрируя при этом единодушное отношение к общественным интересам.

Основное содержание

Как должен действовать законодательный орган, принимая законы и контролируя детальную политику исполнительной власти (здесь, конечно, мы ставим на первое место правительство как высший коллегиальный орган этой ветви, при этом не умаляя значение иных публичных администраций)? При подготовке новых законов, а также при последующем их контроле законодательный орган должен контролировать консультации с правительством и помогать обеспечивать эффективный контроль перед принятием закона, а также контролировать порядок применения уже вступившего в силу закона (проводить аналогию с предварительным, текущим и последующим парламентским контролем за публичными финансами не следует, однако схожесть в цикличности парламентского «сопровождения» всё же присутствует). При рассмотрении законодательства Парламент должен проводить тщательный анализ в атмосфере эффективного обсуждения, стремясь выявить и максимально усилить национальный консенсус, где это возможно. Законодатели должны регулярно анализировать текущую реализацию политики, своего рода её «аудит». За кажущейся простотой этих устоявшихся и уже в какой-то степени «прописных» истин стоит полноценный правовой институт публично-правовой науки, а именно парламентский контроль. Не вдаваясь на текущий момент в отдельно взятую сферу контрольной деятельности, важно понимать, почему в современном мире парламентский контроль за деятельностью органов власти – обязательное условие устойчивости конституционного строя [Червонюк, 2021, 474].

Вопрос появления на свет сначала идеи, а потом юридической формализации всего процесса парламентского контроля, его эволюционного движения как одного из детерминантов оценки подконтрольности власти народу неоднократно подвергался и продолжает подвергаться анализу со стороны учёных-конституционалистов всего мира, но ведь это и не удивительно: значительный интерес к данному вопросу объясняется многополярностью подходов к развитому институту парламентаризма. Зарождение, а потом и развитие понятия парламентского контроля началось одновременно с процессом создания законодательных представительных органов, при этом как всякое явление государственно-правовой жизни, на

разных этапах исторического процесса претерпевал изменения и впитывал черты тех политических и социальных событий страны, которые обуславливали его существование. Плюрализм мнений и оценок относительно конституционно-правовой природы парламентского контроля и вызван различием в исторических корнях и контекстах, анализируя которые можно отметить общую черту: большинство законодателей мира (в частности, рассматриваемые нами Французская Республика и Российская Федерация) избегают перманентной и унифицированной дефиниции парламентского контроля в законодательстве своей страны. При этом причина такого, кажущегося на первый взгляд, пробела в законодательном массиве лежит в неразрывном единстве работы государственного механизма и его органов в целом и контрольной деятельности за процессом государственного управления; без контроля и надзора за деятельностью органов государственной власти и их должностных лиц невозможно обеспечить бесперебойное функционирование и транспарентность системы власти, неукоснительное соблюдение прав и свобод граждан, обеспечение соблюдения и исполнения законов.

Полиморфизм парламентского контроля в конституционно-правовых доктринах Французской Республики как флагамена рационализированного парламентаризма и других стран (в том числе и Российской Федерации) объясняется «либеральными и прогрессивными требованиями свободы, связанными с необходимостью выражения современной юридической реальности» [Cornut-Gentile F., 2021, 101]. Для правильного и поступательного процесса правового анализа конституционно-правовой природы парламентского контроля необходимо начать с «главного условия, обеспечивающего хаотическое уравнивание правовой системы государства – законодательного положения, содержащегося в тексте основного закона страны - Конституции».

Во Франции парламентский контроль гарантирован частью 1 статьи 24 Конституции: «Парламент принимает законы. Он контролирует деятельность Правительства. Он дает оценку всех направлений деятельности органов публичной власти в интересах населения» [Constitution ..., www]. Параллельно мы можем наблюдать формулировку о парламентском контроле в основном законе Российской Федерации, которая была внесена поправками от 1 июля 2020 года, а именно в тексте статьи 103¹: «Совет Федерации, Государственная Дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц. Порядок осуществления парламентского контроля определяется федеральными законами и регламентами палат Федерального Собрания».

Как видно из текста 24 статьи Конституции Французской Республики, приведённой выше, законодательное положение о парламентском контроле изложено весьма кратко, с последующей возможностью законодателю расширительно толковать грани данного явления, как-то субъекты, формы, порядок, сферы парламентского контроля; по оценке современных конституционалистов Франции, данная статья наглядно демонстрирует по своей юридической технике воплощение Великой французской традиции на монополию исторической традиции древнегреческого лаконизма [Viala A, 2023, 9]. В современных французских учебных изданиях высшего профессионального образования по Конституционному праву Франции даётся не менее ёмкое, но достаточно простое для понимания основ конституционного строя определение парламентского контроля через множество его инструментариев, совокупность способов и

средств, которыми располагают члены Парламента для анализа, отслеживания, обсуждения и проверки деятельности правительства [Chabrier L., Haudrechy B., 2020, 103]. Если подходить к более научным современным концепциям понимания парламентского контроля, то необходимо отметить дефиницию заслуженного профессора конституционного права Франции Элизабет Золлер, которая рассматривает парламентский контроль как рудиментарную форму (*forme rudimentaire*) ответственности, введённую по аналогии с Англией и выраженную политической ответственностью, юридически зафиксированной в определённых формах и по делам, отнесённым законом к категории особенно серьёзных [Zoller É., 2021, 56]. Данное убеждение кажется не самым удачным ввиду его витиеватости и неопределённости, переадресации к иным законодательным актам, а также употребления неуместного сравнительного анализа с английским парламентаризмом.

Согласно лапидарному взгляду Филиппа Лово, сущностная природа (*la nature essentielle*) парламентского контроля заключается в возможности оспаривать задачи и деятельность исполнительной власти [Lauvaux P., 2010, 26]. С этой точки зрения, обычный контроль информационного характера, безусловно незаменимый и в остальном порой обязательный, по предназначению своему стоит выше по классу, поскольку не обладает акцидентным характером. Как было сказано в самом начале данной статьи, консолидированного определения парламентского контроля в Российской Федерации нет ни в законодательном обрамлении, ни в практике правоприменения. Национальный законодатель в Федеральном Законе № 77-ФЗ «О парламентском контроле» сразу переходит к целям, субъектам, формам контроля, минуя дескриптивное установление. Но если обратить внимание на профильное законодательство субъектов Российской Федерации, то можно встретить нормы, посвящённые (конечно же исходя из целостного анализа контента документа) контрольным полномочиям представительного органа. Однако, данные нормы не обладают юридической завершёностью и всеобъемлющим, многогранным характером.

На текущий момент на основе анализа современной конституционно-правовой доктрины можно выделить три основных аспекта интерпретации парламентского контроля в Российском государстве, которые (для фасилитации правопонимания) представляется в трех формах:

- Функция компетентного (контролирующего) органа.
- Правоотношение, в которое субъект вступает по поводу объекта (предмета) такого контроля, и осуществляет профильную деятельность.
- Правовой институт, содержащий на текущий момент и гипотетически предполагающий в себе юридическое и организационное обоснование оснований, форм, порядка и результативности контрольной деятельности.

Несмотря на схожесть некоторых параметров (функциональный аспект присущ всякому явлению, анализ в рамках правового института также традиционен безотносительно отраслевой принадлежности), всё-таки удивляет вариативность мнений специалистов. В частности, если обращаться к функциональному аспекту парламентского контроля (колонка № 1 в таблице), можно отметить позицию Ю.Ю. Болдырева, согласно которой толкование и анализ контрольных полномочий в рассматриваемой сфере опосредованы этимологическим содержанием понятий «представительный орган» и «представительная власть». При этом специалист отдаёт пальму первенства Конституционному Суду Российской Федерации в вопросе интерпретации термина «представительная власть» как неотъемлемо содержащего

функцию контроля за властью исполнительной [Болдырев, 1998, 52-56].

Рассматривая парламентский контроль и как функцию, и как правовую форму ее реализации (правоотношение) в едином моменте (колонка № 2), С.В. Бендюрина придерживается явно глобального восприятия. Ведь это процесс по установлению соответствия установленным Основным законом нашего государства целям и ценностям достигнутых результатов, имеющий своей целью предотвращение ошибок, устранение недостатков. В данном значении парламентский контроль предстаёт перед нами в качестве функционала стратегического назначения, самого весомого из всех возможных. В третьем из обозначенных – институционном – аспекте рассматривает парламентский контроль М.И. Пискотин. Автор констатирует, что, являясь высшим представительным органом государственной власти на территории Российской Федерации, Федеральное Собрание легитимизирует свое представительство народной воли и выражение народного суверенитета. Это обуславливает обязательность контроля законодательной власти над исполнительной, над всеми ее звеньями, включая силовые структуры. Соответственно, стремление вывести исполнительную власть в целом или отдельные ее звенья из-под такого контроля нельзя оправдать ни теоретически, ни практически. В данной связи ученый в качестве основного назначения парламентского контроля обосновывает обеспечение парламентом от имени избравшего его народа надлежащего контроля за деятельностью исполнительной власти.

Заключение

Понимая всю многополярность мнений, возникает сущностная необходимость в поиске истинного предназначения парламентского контроля, а также его унификации с точки зрения определительного компонента. Ведь пока не произойдет универсализации самого термина, правоприменительная практика и специалисты всегда будут оставлять свободное место для иной, отличной от остальных интерпретации.

Библиография

1. Эрскин М., Трактат о законе, привилегиях, процедурах и использовании парламента, Часть 1, Глава 1 Введение в состав парламента, история представительства в Англии. <https://erskinemay.parliament.uk/section/4500/history-of-representation-in-england>.
2. Червонюк В.И. Идея права и право в идеях: в 2-х томах. Т.II. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ. Книга 2. Организация публичной власти/ В.И. Червонюк {Текст}: монография. М.: Юстицинформ, 2021.
3. François Comut-Gentile. *Savoir pour pouvoir. Sortir de l'impuissance démocratique*// Éditeur: Gallimard .2021.
4. Constitution du 4 octobre 1958. Modifié par loi constitutionnelle n° 2008-724 du 23 juillet 2008 de modernisation des institutions de la Ve République. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
6. Viala A. Interpréter les droits et libertés, qu'est-ce à dire ?//Revue française de droit constitutionnel, Éditeur: Presses Universitaires de France. 2023/1 (N° 133).
7. Chabrier L., Haudrechy B. *Droit constitutionnel de la Ve République*// Éditeur : Ellipses.2020.
8. Zoller É., *Droit constitutionnel*//Paris: Édition: Presses Universitaires de France, 2021.
9. Lauvaux P. Le contrôle, source du régime parlementaire, priorité du régime présidentiel//Pouvoirs, Revue française d'études constitutionnelles et politiques, Éditeur: Le Seuil. 2010 (№ 134).
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2304.
11. Болдырев Ю.Ю. Реализация контрольных полномочий парламента в условиях действующей российской Конституции // Проблемы народного представительства в Российской Федерации. М.:Изд-во МГУ, 1998.

On the issue of polymorphism of parliamentary control using the example of the Russian Federation and France

Ekaterina I. Bel'tseva

Adjunct of department of constitutional and municipal law,
Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya,
117997, 12 Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: amega-007@yandex.ru

Abstract

Parliamentary control (not only over the actions of the government, but also over other bodies of public administration in general) is one of the titular functions of the legislature, inextricably linked with the parliamentary system, which provides for the so-called “flexible” separation of powers. We cannot ignore the fact that parliamentary control is control, including of a political nature; if its implementation is equated to simple censorship, then it will be ineffective. In the light of the global reform of the institution of parliamentary control in state apparatuses around the world, one involuntarily thinks about rethinking the idea of Charles-Louis Montesquieu, “bequeathed” to subsequent generations of state scientists, about “monitoring” the created laws, as well as “restructuring” the perception of parliament in an expansive direction, as a “place providing assistance”

For citation

Bel'tseva E.I. (2024) K voprosu o polimorfizme parlamentskogo kontrolya na primere Rossiiskoi Federatsii i Frantsii [On the issue of polymorphism of parliamentary control using the example of the Russian Federation and France]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 275-281. DOI: 10.34670/AR.2024.40.82.055

Keywords

Functions of the legislative authority, parliament, the idea of parliamentary control, parliamentary control, limits of parliamentary control

References

1. Erskine M., A Treatise on the Law, Privileges, Procedures and Use of Parliament, Part 1, Chapter 1 Introduction to the Composition of Parliament, History of Representation in England. <https://erskinemay.parliament.uk/section/4500/history-of-representation-in-england>.
2. Chervonyuk V.I. The idea of law and law in ideas: in 2 volumes. T.II. Theory of constitutional law: comparative legal and regional analysis. Book 2. Organization of public power / V.I. Chervonyuk {Text}: monograph. M.: Justitsinform, 2021.
3. François Cornut-Gentille. *Savoir pour pouvoir. Sortir de l'impuissance démocratique* // Éditeur: Gallimard .2021.
4. Constitution du 4 October 1958. Modifié par loi constitutionnelle n° 2008-724 du 23 juillet 2008 de modernization des institutions de la Ve République. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Reference legal system “ConsultantPlus”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

-
6. Viala A. Interpréter les droits et libertés, qu'est-ce à dire?//Revue française de droit constitutionnel, Éditeur: Presses Universitaires de France. 2023/1 (N° 133).
 7. Chabrier L., Haudrechy B. Droit constitutionnel de la Ve République//Éditeur: Ellipses.2020.
 8. Zoller E., Droit constitutionnel//Paris:Édition: Presses Universitaires de France, 2021.
 9. Lauvaux P. Le contrôle, source du régime parlementaire, priorité du régime présidentiel//Pouvoirs, Revue française d'études constitutionnelles et politiques, Éditeur: Le Seuil. 2010 (No. 134).
 10. Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. No. 19. Art. 2304.
 11. Boldyrev Yu.Yu. Implementation of the control powers of parliament under the current Russian Constitution // Problems of people's representation in the Russian Federation. M.: Moscow State University Publishing House, 1998.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.79.89.057

Правовое обеспечение научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях юридического профиля

Осинцев Дмитрий Владимирович

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административного права и административной
деятельности органов внутренних дел,
Уральский юридический институт МВД России
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: *dimios@mail.ru*

Аннотация

Более чем вековой опыт подготовки научных кадров в области юриспруденции имеет свои традиции и апробированные методики научения будущих исследователей, начиная с первых дней освоения юридической профессии. При этом современные условия обучения, многоуровневые образовательные программы, сдержанные искусственно подобранными сроками получения квалификаций и приобретения навыков научной работы в традиционных конференциальных и массовых формах её проведения зачастую приводят к изучению существующих известных и доступных источников вместо надлежащего научного исследования. В ходе научно-исследовательской работы студентов наибольшее внимание уделяется на организационно-массовые и эстетические аспекты задействования студенческого сообщества в работе с учеными-юристами, чем на содержательную часть, ведущую к открытиям, новому проектированию и юридическому моделированию. В ходе методологических разработок темы исследования на основании сопоставительного анализа моделей научно-исследовательской работы молодых ученых в сфере юриспруденции, посредством организационного проектирования и разработки программы «юридический текст — конструкция — проект — модель — концепция» может быть задана новая технологическая, а не просто ознакомительная практика создания научного продукта в сфере юриспруденции, сводящаяся к анализу уже существующих юридических конструкций и их классификации. Предлагается индивидуализировать практику научных исследований в области юриспруденции, осуществить «прикрепление» студенческой научной группы за ведущими учеными, а в дальнейшем — при подготовке кадров высшей квалификации — изменить структуру освоения «кандидатского минимума», который может быть расширен дидактическими единицами не только философского, но также методологического и логического плана, освоением профессионального языка науки, а не только иностранной лексики, а также истории отечественной юридической мысли.

Для цитирования в научных исследованиях

Осинцев Д.В. Правовое обеспечение научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях юридического профиля // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 282-290. DOI: 10.34670/AR.2024.79.89.057

Ключевые слова

Студенческая наука, организация научных исследований, подготовка научных кадров, юридические технологии.

Введение

Обратившись к источникам, посвященным данной теме, удалось обнаружить, что она не представляет интереса для юридической общественности, где специалистами лишь изредка обсуждаются вопросы, как подготовить выпускную квалификационную работу [Ракитина, 2008], частные методики обучения студента-юриста (вопрос больше педагогический, чем юридический) [Сирик, Шкредова, 2006; Егоров, 2008; Шевченко, 2011; Гришин, Зинченко, 2012; Зыкова, 2012], внедрение иноземных практик обучения, которые каким-то странным образом должны сочетаться с патриотической идеологией [Горбатова, Надыгина, Носакова, 2011], формы самоорганизации студенческого сообщества [Янова, 2008; Цалиев, 2014; Доронин, Чумакова, 2015], но об исследованиях, а тем более об унификации и стандартизации практик научно-исследовательской деятельности речь вовсе не идет.

Статья 72 Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" лишь номинально говорит о наличии научно-исследовательской деятельности и её интеграции в сфере образования, но какое она имеет содержание, в тексте базового правового акта не говорится совсем.

Недавняя парламентская дискуссия об уровнях образования (27 мая 2022 года), связанная с нестабильностью практики существования болонского процесса, не увенчалась коренным пересмотром содержания образовательного процесса, стандартизация уровней образования сохранена (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации по программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки).

Следует учесть, что сохраняется критерий такого рода стандартизации — это время обучения, т. е. тот хронологический период, в течение которого обучающийся должен ознакомиться, в какой-то мере освоить умещающиеся в этот временной лаг дисциплины, практикумы, практики и пр., имеющие отношение к той или иной специальности, профессии, квалификации.

Полнота дидактических единиц и знаниевых компонентов оказалась второстепенной, главная задача — уложиться в нормативные сроки обучения, соответственно, на этот хаотический набор информации еще одновременно наслаиваются требования по занятию научно-исследовательской деятельностью.

**Организация студенческих научных исследований в области
юриспруденции**

Практика организации студенческой юридической науки в советский период базировалась на трех принципах:

- информационная недостаточность и закрытость источников должна быть компенсирована конференциальной организацией распространения имеющихся (доступных) знаний, идей и доктрин;
- использование технологий андрогогики, так как студенты-юристы в большинстве своем

были люди с жизненным опытом, в том числе по юридической профессии, мужская половина — после службы в Вооруженных Силах СССР (не исключая офицерский состав и лиц, побывавших в боевых действиях); заочное обучение основывалось на сочетании приоритета профессиональной юридической практики и ее подкрепления знанияемыми продуктами, что позволяло результативно и эффективно преобразовать опыт в апробированную теорию;

- массовое распространение научно-исследовательской деятельности на все курсы обучения служил способом идеологической «прокачки» студентов-юристов, исключением было дипломирование — только для студентов с высокими показателями успеваемости.

Современная ситуация является полярной по отношению к представленной выше — юридическая наука творится в условиях информационной перенасыщенности и «цифровой макулатуры», пропаганда правовой информации вовсе не требуется, современные студенты-юристы — вчерашние школьники, в большинстве своем связанные с юридической профессией по семейно-генетической линии, более того, очевидно, что наука — не идеология, последняя доступна всем, а науку же делают единицы!

Ознакомившись с годовыми планами научно-исследовательской деятельности отдельных юридических вузов, насчитывающих сотни мероприятий, трудно представить их результативность и эффективность.

Для примера, проводится научно-практический семинар, посвященный научному исследованию, который организуют сотрудники деканата, не имеющие даже ученой степени или уровень образования «бакалавриат».

Еще интересней мероприятие «Форум законодателей», который проводит также деканат. Возникает вопрос: «А какая информация положена в основу этого форума»? Это будет юридическое фантазирование собрания начинающих избирателей и несовершеннолетних лиц, смутно представляющих себе из Интернет-источников, что скоро они также станут избирателями.

Конференций подобного типа достаточно много (актуальные проблемы прокурорской деятельности, управление юридическим бизнесом, вопросы оперативно-розыскной деятельности, технологическое присоединение к сетям инженерно-технического обеспечения, трансформация права в современном мире, обеспечение общественной безопасности в субъекте РФ, модели конституционного судопроизводства, ООН, представительных структур власти, правосудие современности и пр.).

Бесполезность представленных псевдодискуссий очевидна: разрешать проблемы соберутся те, кто не имеет ни квалификации, ни опыта, ни должной информации о деятельности правоохранительных органов; вопросы ОРД вовсе составляют государственную тайну; специальные вопросы, основанные на технических знаниях экспертного сообщества, юридической аудитории не интересны и не доступны, а о трансформации права могут рассуждать убежденные седины специалисты, пережившие несколько социальных эпох или обладающих энциклопедическими знаниями и т.д.

Иное мероприятие — семинар «Введение в науку» для первокурсников, которые представления не имеют о предметности профессии. Что же они будут исследовать, видимо, речи трибунов, точнее — фразы с трибуны? Мало того, что познающая аудитория слабо представляет, чем занимаются и чем они планируют заниматься в будущем как представители юридической профессии.

В этой части уместно было бы сказать, что полезным было бы знакомство с юридической профессией, а не с юридической наукой вначале построения карьеры. *В этой связи, полагаем, что нормативные сроки формирования образовательных программ должны включать то необходимое и достаточное количество обучающих единиц, которые, действительно, позволяют после получения освоения образовательной программы вступить в профессию без пресловутого набора стажа и опыта работы по специальности: не срок освоения дисциплин, а содержание дидактических единиц должны определять продолжительность и характер обучения, он не может быть одинаковым для всех направлений и специальностей обучения студентов. Важным является не переход от ступеньки к ступеньке, от уровня к уровню после формального преодоления временного периода, а верное сочетание форм обучения, где реальное правоприменение должно быть приоритетным по отношению к теоретическому обучению.*

«Интереснейшее» мероприятие — это олимпиада, задания которой вовсе не отличаются от обычной контрольной работы или другого среза знаний в рамках промежуточной аттестации студентов.

Также хотелось бы выяснить, чем заняты интересанты на собраниях, посвященных изучению отдельных правовых массивов, укладываемых в обычные практические и семинарские занятия (например, о защите средств индивидуализации, о вопросах международного гражданского процесса, о формировании института единого землепользования и пр.)? Такого рода мероприятия, в большинстве своем, носят не познавательный, а имитационный характер, — это разновидность игры, развлечения, интересного времяпрепровождения, но никак не почва для научного роста.

Точечный подход к научным исследованиям и персонализация студенческой научной активности

Прежде всего, требуется пересмотр первого принципа — занятие научно-исследовательской деятельностью студент должен заслужить, а не получить вследствие частоты посещения научно-исследовательского подразделения образовательной организации! О научных открытиях можно информировать, пропагандировать новые достижения и открытия, предлагать варианты участия в научно-исследовательской практике, но не заставлять участвовать в кружках СНО, круглых столах, конференциях и пр., где под скучные речи докладчика аудитория получает дополнительную возможность подремать.

Целесообразно перейти от массового участия в мероприятиях конференциального типа к мобильным исследовательским группам, где могут одновременно участвовать профессорско-преподавательский состав, юристы-практики, аспиранты, студенты всех форм и уровней обучения, иные лица, объединенные общим поисковым интересом.

Если конференция с сотней участников способна сконцентрировать внимание на одной исследовательской проблеме (в лучшем случае — теме), то мобильная группа способна в течение непродолжительного периода времени осилить сотню перспективных тем, так как меньше времени тратится на приветствия и пустословие, больше — на реальные достижения! Современные средства коммуникации беспрепятственно позволяют менять составы участников, задействовать любых интересантов с любого конца планеты.

Второе. Тематика исследований не должна доводиться до сведения заинтересованных лиц как навязываемая повестка дня. Задача научно-исследовательских подразделений — оперативно доводить до сведения разработки и достижения юридической науки в едином

централизованном источнике информирования, который, допустим, можно поименовать «Альманах перспективных исследований», в этом случае будет понятен интерес к исследуемому объекту, разрабатываемые проекты, «мертвые» зоны научно-исследовательских практик с нулевым или отрицательным результатом.

Третье. Интересным проектом, представляется, создание клуба историко-правовых исследований «Генезис права», в рамках которого:

во-первых, возможна работа с архивной информацией, которая не имеет широкого распространения и не всегда есть возможность широкого круга обучающихся получить к ней доступ;

во-вторых, сопоставительный хронологический анализ, касающийся однотипных правовых институтов, крайне интересен в выявлении или опровержении закономерностей развития юридических феноменов (например, динамика правового регулирования ответственности за идентичные правонарушения и преступления в различные периоды времени, регламентация деятельности местных властных структур, самозащита прав и последствия её неправомерной реализации и пр.);

в-третьих, значимыми будут мониторинговые акции, позволяющие создавать массивы правовой информации, показывающих динамику правоприменения, в этом случае возможно массовое участие студенческой аудитории как в ходе научно-исследовательской, так и учебной работы на протяжении длительных периодов времени; задание может быть сформулировано следующим образом: обобщение и анализ судебной практики приостановления производства по гражданским делам (наиболее часто встречающиеся основания, сроки, инстанции, спорные случаи и пр.), практика оспаривания отказа в уголовных возбуждении дел, судебная практика применения тех или иных статей правовых актов.

Результат такой работы позволит создать серьезный массив обработанной правовой информации, внушительный коллекционный фонд для будущих исследователей, освободит последних от обработки массы информационного «хлама».

Четвертое. Дискуссия о текущей научной активности. Одним из показателей эффективности деятельности профессорско-преподавательского состава является опубликование статей с индексом цитирования. Зачастую о наличии этих статей знают лишь сами авторы, или, в крайнем случае, их близкие коллеги. Даже в рамках образовательной организации, одной кафедры, тем более студенческих научных объединений обсуждения статей не проводятся, а получить отклик на публикацию от коллег вне стен университета можно минимум через полгода, когда будет опубликована ответная или смежная статья по сходной тематике, поэтому достижения или, наоборот, научные провалы и искажения «провисают» и диахронная реакция на них становится не нужной.

Опять же ситуацию достаточно легко изменить, создав страничку в соцсети или блог оперативной юридической информации под условным рубрикатом «Публикации и реакции», где станет возможным быстро и актуально откликаться на интересные мысли исследователей, ну, или предать незначимое забвению.

Пятое. В продолжение — возобновить практику обсуждения новых книг, вышедших из под пера ученых-правоведов. Да, их, безусловно, ныне публикуется очень много, но неужели не интересна работа коллег даже в рамках одной образовательной организации, неужели не значима реакция обучающихся на учебники ведущих лекторов и других преподавателей, неужели не интересно сопоставить достижения различных научных школ, отметить прорывы и ошибки!? Отсутствие подобных дискуссий равно пожару в библиотеке, хотя физически книги

не уничтожаются, но их как бы и вовсе не существует, явно что-то не ладно в образовательной организации...

Шестое. Создание банка данных юридической эмпирики. Вот что под силу и это нужно любому студенту — собственные наработки методик, которые могут быть использованы в будущей профессиональной практике. Язык современного законодательства — это бисер, выпавший из «дырявого мешка», обрывки норм, которые еще надо скомпоновать в определенном порядке и последовательности для того, чтобы действовать просто и законно. Не исключено, что будут полезны «секреты» профессии, если облечь в подобные методики вопросы исковой защиты, составления процессуальных документов, контрольных мероприятий и пр., а затем уже их транслировать и совершенствовать от одного поколения юристов к другому. Не исключено, что при таком подходе тексты правовых актов станут другими, а не разбитыми пазлами правотворчества, переполненными нейтральным, описательным или дублирующим юридическим содержанием.

Седьмое. Рутинная подготовка и практика интеллектуальных тренировок перспективного исследователя. Студента следует научить правильно читать. Ныне забыта практика конспектирования, выделения главной мысли в тексте (заменена на «реклез», то есть «вырезать» - «вклеить»), обоснования и критики, сопоставления, выявления пробелов, противоречий, тупиковых ситуаций, явных ошибок в юридических текстах, выработки собственного подхода к изучаемому предмету на основе практики правореализации, а не пресловутого плагиата и компиляций чужих текстов и пр.

Очевидно, что оставлять проблематику создания серьезной почвы для формирования кадров будущей юридической науки без внимания нельзя, но и подходы и приемы работы должны быть несколько иными, чем практикуются ныне. Третий век новой российской государственности, а юридические исследования на базовом (студенческом) уровне не только не развиваются, то все более и более угасают, хотя незначительное изменение организации научно-исследовательских практик студенческой аудитории способно вовсе поменять ситуацию.

Теперь о подготовке кадров высшей квалификации. Основными средствами научно-исследовательской работы сохраняется сдача «кандидатского минимума» [Приказ Минобрнауки России от 28.03.2014 №247 "Об утверждении Порядка прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня"]. Нормативное регулирование того положения, как должна быть построена работа аспиранта (адъюнкта, докторанта) с научным руководителем, исследовательскими объединениями, научным сообществом в целом напрочь отсутствует, знаниевая «накачка» всецело ложится на плечи и под индивидуальную ответственность научного руководителя (консультанта).

Освоение специальности — это не только знание текущей предметной литературы (монографической и периодической) и действующих нормативных актов, но знание истории юридической науки и навыков оперирования с имеющимися знаниями.

Философская осведомленность, безусловно, важна на уровне концептов и воззрений, но насколько умозрительные конструкции пригодны в построении юридических проектов, задача в разработке которых — быть реализованными и транслируемыми на уровне юридических технологий — это крайне сомнительный контекст, так как нет зависимости между знанием философии и созданием юридических конструкций, ибо «функция философа — не изобретать умозрительные теории, которые требуют обоснования в опыте, но извлекать следствия из нашего словоупотребления. То есть вопросы, с которыми связана философия, — это чисто логические вопросы; и хотя люди действительно спорят о логических вопросах, такие споры

всегда не оправданы» [Айер, 2009].

Наконец, об иностранном языке. Его знание было необходимо, когда в советское время недостаток переводчиков компенсировался самообразованием исследователей, чтобы знакомиться в рамках сопоставимых естественно-научных исследований с зарубежными разработками, так как природа вещей сопоставима. Любая правовая система суверенна, не имеет сличительных признаков, следовательно, ознакомление с иностранными образцами, порой, — пустая трата времени, а если правовые институты являются заимствованными, то сравнение одного и того же с самим собой бессмысленно. Более того, нет ответа на вопрос, правовые традиции какой страны, региона, континента и т. д. следует изучать и сопоставлять на современном этапе, в противном случае придется осваивать языки всех народов, что практически не достижимо.

Изучение двух-трех европейских языков в рамках программы кандидатского минимума при отсутствии необходимости заимствования чужого инструментария — это лишь отвлечение исследователя от проблемы, более важным было бы освоение языка науки и правил построения текстов с профессиональной юридической лексикой, но для изменения не только структуры, но и содержания программы кандидатских экзаменов следует создать нормативную основу, но не отдавать означенные вопросы на автономный откуп образовательным организациям и деятелям науки.

Заключение

Институты «западного» права, насильно внедренные в российскую правовую систему, не показали свою эффективность, разве что в рамках механизмов уголовно-правовой охраны (многое из того, что считалось преимущественным и позитивным, пришлось признать криминальным), они формировались как институты колониального права для общества потребления, представляются не пригодными для добывающей и производящей формации, являются симулякрами, но не реальными юридическими механизмами.

Поскольку юридическое познание — проектирование и трансляция правовых программ в рамках отечественных реалий, то не следует продвигать в рамках кандидатского минимума исключительно философско-методологические наработки, так как они пригодны для научной, но не для профессионально-практической или конструктивно-технической деятельности юриста, в свою очередь, логика работы с юридическими текстами и делание правильных выводов, безусловно, — важнейший инструментарий для юриста-исследователя. Кандидатские экзамены должны быть не по философии (или подменявшей её идеологии), сопутствующим ей языкам и беспрестанно меняющимся текстам законодательства, а предметно ориентирован на логику норм и оценок, разделы модальной и деонтической логик, обретению навыков юридического моделирования и апробации юридических проектов.

Библиография

1. Айер, Альфред. Язык, истина и логика. М.: Канон +. - 2009. - С.192.
2. Горбатова М.К., Надьгина Е.В., Носакова Е.С. Новые подходы к формированию правосознания студентов - юристов в контексте реформирования высшего юридического образования // "Юридическое образование и наука", 2011, №4. С.22 — 25.
3. Гришин С.П., Зинченко И.А. Задача - научить студентов учиться // Юридическое образование и наука. 2012. №2. С. 9 — 12.
4. Доронин Г.Н., Чумакова Л.П. Обновленная модель студенческого отряда охраны правопорядка при

- юридическом вузе // Юридическое образование и наука. 2015. №4. С. 13 - 16.
5. Егоров В.Е. Некоторые методы и особенности организации самостоятельной работы студентов туристского вуза при изучении правовых дисциплин // "Юридическое образование и наука", 2008, №2. С. 21 – 24.
 6. Зыкова И.В. Использование метода кейс-стади (case-study) при обучении студентов юридического факультета // Юридическое образование и наука. 2012. №1. С. 7 - 8.
 7. Ракитина Л.Н. Организация работы студента-юриста над выпускной квалификационной работой и роль научного руководителя в данном процессе // Юридическое образование и наука, 2008, №2. С. 10 — 13.
 8. Рычкова Н.Ю. Моделирование ситуаций как интерактивная форма обучения (по материалам пилотного проекта ЮИ СФУ (Красноярск) и Университета Аризоны (США) "Практикоориентированное обучение студентов юристов" при поддержке Американско-Российского фонда по экономическому и правовому развитию (USRF)) // Юридическое образование и наука. 2013. №2. С. 29 - 32.
 9. Сирик Н.В., Шкредова Э.Г. Использование компаративистского метода в обучении студентов юридического факультета (на примере гражданского и уголовного права) // Юридическое образование и наука, 2006, №3. С. 7 – 8.
 10. Шевченко О.М. Формирование общекультурных и профессиональных компетенций студентов при обучении предпринимательскому праву: вопросы методики преподавания // Юридическое образование и наука. 2011. №2. С. 26 — 30.
 11. Цалиев А.М. О совершенствовании профессиональной подготовки студентов юридических учебных заведений // Юридическое образование и наука. 2014. №1. С. 21 — 24.
 12. Янова Л.А. Самообразование как фактор формирования и развития личности студента // "Юридическое образование и наука", 2008, №2, С. 18 – 19.

Legal support of research activities in educational organizations of a legal profile

Dmitrii V. Osintsev

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Administrative Law,
and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: dimios@mail.ru

Abstract

More than a century of experience in training scientific personnel in the field of jurisprudence has its own traditions and proven methods of teaching future researchers, starting from the first days of mastering the legal profession. At the same time, modern learning conditions, multi-level educational programs, restrained by artificially selected terms for obtaining qualifications and acquiring scientific skills in traditional conference and mass forms of its conduct, often lead to the study of existing known and accessible sources instead of proper scientific research. During the research work of students, the greatest attention is paid to the organizational, mass and aesthetic aspects of involving the student community in working with legal scholars, rather than to the content, leading to discoveries, new design and legal modeling. In the course of methodological development of the research topic, based on a comparative analysis of the models of research work of young scientists in the field of jurisprudence, through organizational design and development of the program "legal text - design - project - model - concept", a new technological, and not just familiarization practice can be set creation of a scientific product in the field of jurisprudence, which is reduced to the analysis of existing legal structures and their classification. It is proposed to

individualize the practice of scientific research in the field of jurisprudence, to carry out the "attachment" of the student scientific group to leading scientists, and in the future - when training highly qualified personnel - to change the structure of mastering the "candidate minimum", which can be expanded by didactic units not only philosophical, but also methodological and logical plan, mastering the professional language of science, and not just foreign vocabulary, as well as the history of domestic legal thought.

For citation

Osintsev D.V. (2024) Pravovoe obespechenie nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh yuridicheskogo profilya [Legal support of research activities in educational organizations of a legal profile]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 282-290. DOI: 10.34670/AR.2024.79.89.057

Keywords

Student science, organization of scientific research, training of scientific personnel, legal technologies.

References

1. Ayer, Alfred. Language, truth and logic. M.: Canon +. - 2009. - P.192.
2. Gorbatova M.K., Nadygina E.V., Nosakova E.S. New approaches to the formation of the legal consciousness of law students in the context of reforming higher legal education // "Legal Education and Science", 2011, No. 4, pp. 22 — 25.
3. Grishin S.P., Zinchenko I.A. The task is to teach students to learn // Legal education and science. 2012. №2. pp. 9 - 12.
4. Doronin G.N., Chumakova L.P. An updated model of a student law enforcement unit at a law school // Legal Education and Science. 2015. No. 4. pp. 13 - 16.
5. Egorov V.E. Some methods and features of the organization of independent work of students of a tourist university in the study of legal disciplines // "Legal Education and Science", 2008, No. 2. pp. 21 – 24.
6. Zykova I.V. Using the case-study method in teaching students of the Faculty of Law // Legal Education and Science. 2012. No. 1. pp. 7 - 8.
7. Rakitina L.N. Organization of work of a law student on final qualification work and the role of a supervisor in this process // Legal education and science, 2008, no. 2. pp. 10 — 13.
8. Rychkova N.Yu. Situation modeling as an interactive form of learning (based on the materials of the pilot project of the Law Institute of Siberian Federal University (Krasnoyarsk) and the University of Arizona (USA) "Practice-oriented training of law students" with the support of the American-Russian Foundation for Economic and Legal Development (USRF)) // Legal Education and Science. 2013. No. 2. pp. 29 - 32.
9. Sirik N.V., Shkredova E.G. The use of the comparative method in teaching students of the Faculty of Law (on the example of civil and criminal law) // Legal Education and Science, 2006, No. 3, pp. 7 – 8.
10. Shevchenko O.M. Formation of General Cultural and Professional Competencies of Students in Teaching Entrepreneurial Law: Questions of Teaching Methods // Legal Education and Science. 2011. №2. pp. 26 - 30.
11. Tsaliyev A.M. On improving the professional training of students of legal educational institutions // Legal education and science. 2014. No. 1. pp. 21 - 24.
12. Yanova L.A. Self-education as a factor in the formation and development of a student's personality // "Legal Education and Science", 2008, No. 2, pp. 18 – 19.

УДК 342.9

DOI: 10.34670/AR.2024.85.51.058

К вопросу о тождестве источников доказательств в административном процессе

Кошелев Дмитрий Александрович

Адъюнкт,
преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: koshelev-dima1249@yandex.ru

Аннотация

Предлагаются изменения в законодательство, то есть сделать концептуальную юридическую модель административно-правового регламентирования в рамках юрисдикционной деятельности, предусматривая правила последовательного использования и признания доказательственных результатов одной процессуальной формы в рамках иных видов юридических процедур и производств, принимая во внимание не только доктрину, но и норму установления в рамках интегративной модели административного процесса. В заключении статьи показано, что Необходимо учесть, что целесообразно будет унифицировать законодательство в данной области, то есть сделать концептуальную юридическую модель административно-правового регламентирования в рамках юрисдикционной деятельности, предусматривая правила последовательного использования и признания доказательственных результатов одной процессуальной формы в рамках иных видов юридических процедур и производств, принимая во внимание не только доктрину, но и норму установления в рамках интегративной модели административного процесса.

Для цитирования в научных исследованиях

Кошелев Д.А. К вопросу о тождестве источников доказательств в административном процессе // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 291-301. DOI: 10.34670/AR.2024.85.51.058

Ключевые слова

Административная юрисдикция, государственный контроль (надзор), акт проверки, юрисдикционное производство, доказательства, контрольно-надзорные мероприятия, тождество.

Введение

Вопрос доказывания и институт доказательств занимает одну из ключевых позиций в теории юридического процесса, использование определенных средств доказывания и получения источников доказательств достаточно урегулированы как в оперативно-исполнительных, так и в административно-юрисдикционных производствах [Мельников, 2022]. Наиболее скрупулезно регламентированы процедуры доказывания в ходе контрольно-надзорных мероприятий и производстве по делам об административных правонарушениях [Елфимова, Осинцев, 2015].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №248–ФЗ «О государственном контроле (надзор) и муниципальном контроле в Российской Федерации» содержит в себе положения, связанные с осуществлением федерального государственного надзора, предполагающего фиксацию результатов действий по (контролю) надзору в акте проверки, хотя не исключено принятие иных процессуальных решений.

Если в ходе контрольных (надзорных) мероприятий выявляются признаки преступления или административного правонарушения, уполномоченное должностное лицо может направить информацию в государственный орган в соответствии со своей компетенцией или при наличии соответствующих полномочий принять меры по привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности. Отсюда следует, что данный акт является одним из оснований возбуждения дела об административном правонарушении – это закрепление нашло свое отражение в примечании к ст. 28.1 КоАП РФ.

Основная часть

Итак, по результатам проведения ряда мероприятий по контролю (надзору) контролируемое лицо может быть подвергнуто административному наказанию, хотя предварительно доказательная база должна быть сформирована в соответствии с КоАП РФ, но не по правилам ФЗ от 31.07.2020 №248-ФЗ.

Законодатель определяет, если по результатам проведения мероприятия по контролю (надзору) выявлено нарушение обязательных требований, в акте должно быть указано, какое именно обязательное требование нарушено, каким нормативным правовым актом и его структурной единицей оно установлено. Документы, иные материалы, являющиеся доказательствами нарушения обязательных требований, должны быть приобщены к акту согласно ч. 2 ст. 87 Федерального закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

В свою очередь ст.26.2 КоАП РФ гласит, информация, имеющаяся у должностного лица либо иного лица, который уполномочен рассматривать дело об административном правонарушении, может свидетельствовать о наличии или отсутствии события административного нарушения. Эти обстоятельства доказываются, прежде всего, материалами дела – протоколом об административном правонарушении, протоколами применения мер обеспечения производства, актами контрольно-надзорных мероприятий, объяснениями участников производства. Среди иных видов доказательств можно назвать заключение эксперта, иные документы, вещественные доказательства, показания специальных технических средств и др.

В отличие от большинства действующих процессуальных кодифицированных актов, КоАП РФ не содержит определения «письменного доказательства». Согласно ч.1, 2 ст. 26.7 КоАП РФ

документы признаются доказательствами, если сведения, изложенные или удостоверенные в них организациями, их объединениями, должностными лицами и гражданами, имеют значение для производства по делу об административном правонарушении. Кроме того, документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме. Таким образом, «документ» используется как источник, отражающий содержательную часть доказательства, а законодатель не акцентирует внимание на его форме, хотя ранее имела место иная тенденция [Голубкова, Никулин, 2022].

Исходя из смысла части 2 статьи 26.2 КоАП РФ, выделяют два превалирующих вида письменных доказательств – протоколы об административном правонарушении (другие протоколы) и иные документы. Отсюда следует вывод, что акт проверки есть документ, пригодный для производства по делу об административном правонарушении, включающий в себя не только формальные реквизиты, но и зафиксированные в нем события и доказательства по делу.

Материалы проверки сами по себе не подтверждают факта совершения административного правонарушения [см. например Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.04.2022 №Ф01-1258/2022 по делу №А29-9213/2021], но узаконивают его выявление [см. например Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2019 №09АП-70578/2019 по делу №А40-172535/2019], а наличие или отсутствие его состава выясняется исключительно в рамках КоАП РФ, в связи с этим возникают вопросы: 1) каким образом в ходе мероприятий по контролю (надзору) появляются достаточные данные, указывающие на наличие события административного правонарушения, 2) если дело возбуждено до окончания проверки или наличествуют признаки административного правонарушения, имеет ли смысл её продолжать, так как доказательственная база для целей юрисдикционного производства может быть сформирована исключительно по нормам КоАП РФ, 3) для каких целей следует уведомлять прокурора, когда акт проверки и иные сопутствующие материалы по её завершении, как правило, направляются в его адрес (ч.5 ст.87 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ), 4) наконец, рассматриваемые нормы имеют ограниченное применение, так как не соотносятся со специальными видами публичного контроля (надзора), тогда по каким правилам и нормам должно осуществляться параллельно контрольно-надзорное и юрисдикционное производства?

Положения частей 3.1 и 3.2 настоящей статьи распространяются на случаи возбуждения дел об административных правонарушениях, выражающихся в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля, порядок организации и осуществления которых регулируется Федеральным законом от 31 июля 2020 года №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» или Федеральным законом от 26 декабря 2008 года №294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Очевидно, что акт проверки (иной документ, составляемый по результатам проведения мероприятия по контролю) выступает в качестве транзитного административного документа, позволяющего перейти от оперативно-исполнительных процедур к юрисдикционным [Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29.10.2020 №Ф02-5406/2020 по делу №А33-29670/2019], он выступает генеральным юридическим основанием, подтверждающим допустимость возбуждения дела об административном правонарушении, при этом обстоятельство, что нарушение не связано с предметом проверки, в рамках которой оно

выявлено, не свидетельствует о нарушении закона [Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.10.2017 №Ф09-5922/17 по делу №А60-7297/2017]. Отсутствие акта проверки препятствует не только составлению протокола об административном правонарушении, но и любого другого процессуального акта (документа), которым может быть возбуждено дело об административном правонарушении [Осинцев, 2017].

В законодательстве содержится правило, нацеленное на корректировку неясностей и пробелов в сочетании процессуальных форм: дело об административном правонарушении может быть возбуждено до оформления результатов контрольного (надзорного) мероприятия, проверки, контрольного (надзорного) действия в рамках постоянного государственного контроля (надзора), постоянного рейда в случае необходимости применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных статьями 27.10, 27.14 и 27.16 КоАП РФ.

Обо всех случаях возбуждения дел об административных правонарушениях до оформления результатов проверки соответствующим актом, должностное лицо уведомляет прокурора в течение двадцати четырех часов. Допустим, по каждому факту досмотра транспортного средства, используемого в предпринимательской или иной экономической деятельности, сотрудник МВД России, Ространснадзора, Ростехнадзора и других административных ведомств обязан будет уведомлять прокурора, но зачем, ведь ранее проверка была согласована с органами прокуратуры, акт направлен в его адрес, т. е. прокурор уже знает о результатах проверки, стоит ли ему сообщать о том, что ему уже известно?

Данной нормой, по всей видимости, исключается возможность проведения какого-либо законного действия со стороны уполномоченных должностных лиц, так как если таковые применяют меры обеспечения, то возникает вопрос, почему не согласовали с органами прокуратуры внеплановую проверку, и наоборот, если же проводят последнюю, то возникает вопрос, почему не возбудили дело об административном правонарушении, когда имеются его признаки?

Налицо логический парадокс, который разрешается следующим образом: «Если в некоторой ситуации мы понуждаемся двумя обязанностями выполнить два несовместимых действия, то наиболее естественным выходом из этого затруднения является сравнение двух обязанностей и пренебрежение той из них, которая менее важна» [Ивин, 1973]. Перед нами не две эквивалентные обязанности, а два разрешения (полномочия) на совершение административных действий, одно осуществляемое исключительно и только по согласованию с органами прокуратуры, другое — самостоятельно, т. е. инициатива в первом случае находится под относительным запретом, во втором — наличие такового не предполагается, так как допустимо действие в зависимости от оперативной обстановки. Поскольку последняя требует немедленного реагирования в силу возможной утраты доказательств и (или) наступления вреда (ущерба), то несмотря на силу (акцентируем внимание) формального запрета, использование пресекательных средств является преимущественным по сравнению с контрольными (надзорными) действиями.

Возможно что меры обеспечения будут предприняты в отношении административных правонарушений, которые не были связаны с предметами проверки, тогда вопрос о легальности или нелегальности их использования не является актуальным, так как находится в зоне правовой незапрещенности для сотрудника правоохранительного органа.

Акт проверки (иной документ), составляемый по результатам контрольного (надзорного) действия, является необходимым, но далеко не достаточным основанием для доказательства или

опровержения обстоятельств административного правонарушения, следовательно, требуется уточнить правовую позицию о допустимости иных доказательств, полученных в ходе контрольно-надзорной деятельности, и их возможном закреплении в административно-юрисдикционной форме.

Дело об административном правонарушении, возбужденное до или после составления акта проверки, разрешается по нормам КоАП РФ, если же проверочные мероприятия продолжаются после начала юрисдикционного производства, то они проводятся по нормам законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле, но дифференциация процессуальных форм может вызвать несопоставимость оснований, условий, порядка и правил совершения отдельных действий и признания их результатов.

Статья 69 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ предполагает проведение выборочного контроля — контрольное (надзорное) мероприятие, проводимое по месту хранения, применения (эксплуатации) и (или) реализации продукции (товаров), представляющее собой инструментальное обследование и (или) отбор проб (образцов) продукции (товаров) в целях подтверждения их соответствия обязательным требованиям к безопасности и (или) качеству.

Данное мероприятие сопоставимо с мерой обеспечения, указанной в статье 27.8 КоАП РФ — осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю используемых для осуществления предпринимательской деятельности помещения, территорий и находящихся там вещей и документов. В свою очередь осмотр сопоставим с инспекционным визитом (ст.70 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ). Модификацией перечисленных мероприятий по контролю выступает рейдовый осмотр (статья 31 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ).

В ходе выборочного контроля могут совершаться следующие контрольные (надзорные) действия:

- осмотр — аналог в статье 27.8 КоАП РФ;
- получение письменных объяснений — ч.2 ст.26.2 КоАП РФ;
- истребование документов — ст.26.10 КоАП РФ;
- отбор проб (образцов) — ст.26.5 КоАП РФ;
- инструментальное обследование — 27.6 КоАП РФ;
- испытание — единственное действие, не имеющее аналога в КоАП РФ, что обусловлено его технической, а не юридической природой;
- экспертиза — 26.4 КоАП РФ.

В рамках инспекционного визита еще добавляется опрос, его аналоги имеются в статьях 25.2, 25.6, 25.7 КоАП РФ.

Если подобного рода средства доказывания были использованы в рамках мероприятий по контролю (надзору), следует ли их проводить заново по возбужденным делам об административных правонарушениях, ведь содержательная идентичность их прослеживается как тождественная?

Очевидно, что в целях реализации задачи своевременности разрешения дела об административном правонарушении (ст.24.1 КоАП РФ), а также в целях процессуальной экономии, принимая во внимание сходство (тождество) результатов и невозможность повторения ранее совершенных действий (эксперимент не всегда возможно повторить, а израсходованные при испытании образцы не восстановить), следует ввести правило взаимного признания

результатов ранее совершенных контрольных (надзорных) действий для целей административной юрисдикции и наоборот.

Отдельные частные различия в порядке совершения указанных действий не должны выступать препятствием для их легализации, так как резюмируется законность действий административного органа (статья 7 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ, ст.1.6 КоАП РФ).

В рамках рейдового осмотра может быть проведен досмотр (согласовано с прокуратурой). Согласно п.3 ст.27.1 КоАП РФ личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице, выступают в качестве мер обеспечения в производстве по делу об административном правонарушении, в результате применения которых возбуждается дело об административном правонарушении по усмотрению представителя власти [см. например: Постановление Верховного Суда РФ от 29.11.2018 №55-АД18-3, Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.03.2022 №16-1248/2022, Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2022 №88а-2114/2022, 88а-28739/2021, Постановление Кассационного военного суда от 17.07.2020 №16-122/2020.].

Досмотровые операции согласно ст.77 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ не свидетельствуют о возбуждении дела об административном правонарушении, выступают самостоятельным источником доказательственной информации, а не производной мерой обеспечения (гарантировании) законности совершения иных процессуальных действий, автономия административного органа исключается, так как большинство мероприятий по контролю проводится по согласованию с органами прокуратуры, они самостоятельно не оспариваются [Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», [www...](#)], а юрисдикционные досмотры могут быть оценены на предмет законности их проведения как в порядке, определенном КоАП РФ, так и самостоятельно в соответствии с положениями КАС РФ.

Налицо явно выраженное логическое противоречие, когда под одним и тем же термином скрываются различные сущности, что не является истинным суждением (эквивокация) [Ивин, 2008]. Такое положение вводит в заблуждение участников мероприятий по контролю (надзору) и юрисдикционной деятельности, блокируя правоохранительную активность, так как выбор действительного правового средства затруднен, отсутствует ясность, что следует делать в реальной ситуации: применять ли меру обеспечения либо начинать внеплановую проверку, обращаться или не обращаться за её согласованием в органы прокуратуры? [Красноглазов, 2015]

Разрешение представленной дилеммы возможно следующее: меры, направленные на получение доказательственной информации, преимущественно, не должны выступать в качестве мер обеспечения в производстве по делам об административных правонарушениях, так как являются первичными средствами выявления информации, необходимой для разрешения дела об административном правонарушении; номинально эквивалентные действия, тождественные по существу, но различные по порядку их совершения, не должны повторяться или дублироваться в ходе последующих производств [Кондратенко, 2019], законность их презюмируется, а содержание сведений, полученных в результате их совершения, выступает преюдициальным фактом для последующей деятельности административных органов (уполномоченных организаций).

В пункте 10) ч.1 ст.65 Федерального закона от 31.07.2020 №248-ФЗ назван эксперимент. Аналоги этой меры имеются в ином отраслевом законодательстве: следственный эксперимент (ст.181 УПК РФ), оперативный эксперимент (п.14 ст.6 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), эксперименты в таможенном деле предназначены в рамках для таможенных процедур и носят технический характер (п.25 ст.47, п.1 ч.4 ст.180 Федерального закона от 03.08.2018 №289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Идентичность мер прослеживается также в рамках главы 27 КоАП РФ.

В случае ведения производства по делу об административном правонарушении, а также в ходе внеплановой проверки в области дорожного движения (Постановление Правительства № 1101 от 30.06.2021) осуществляется досмотр.

На основании ст. 27.9 КоАП РФ досмотр транспортного средства является одной из мер обеспечения по делу. Кроме того, данная мера является одним из видов административно-правового воздействия, результатом которого является предупреждение и пресечение установленного законом порядка и норм, в частности, в области дорожного движения. Проверка в обоих случаях является одним из способов влияния на лицо, нарушившего требования в области дорожного движения.

Важным условием является соблюдение требований ч. 3 ст. 27.9 КоАП РФ — проведение досмотра в присутствии лица, подвергнутого воздействию, при контрольных досмотрах это правило также должно непреклонно соблюдаться. В обоих случаях результаты оформляются протоколом.

Должностные лица могут осуществлять иное процессуальное действие, которое подтверждает признак тождества юрисдикционных процедур, — осмотр принадлежащих юридическому лицу либо индивидуальному предпринимателю помещений, территорий (в том числе прилегающих к ним) и находящихся там вещей, и документов (ст.27.8 КоАП РФ).

В целом, внеплановая проверка или административное расследование, применение той или иной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях сходны в целях получения источников доказательств. Таким образом, действия, связанные с формированием доказательственной базы по делу об административном правонарушении, не отличаются от мероприятий по контролю (главы 26,27).

Внеплановая проверка в области дорожного движения проводится до 10 рабочих дней с момента ее начала, а административное расследование не может быть более одного месяца (исключение – продление в рамках ч. 5 ст. 28.7 КоАП РФ). Если принимать эти мероприятия как взаимоисключающие, то инспектор находится в заведомо невыгодном положении по отношению к должностному лицу, ведущему производство по делу об административном правонарушении, и наоборот, если эти процедуры последовательные, то в отличие от иных вариантов использования процессуальных форм, административное расследование *de facto* астрономически продлевается на срок проверки, в целях получения идентичных результатов, которые дублируются, что не соответствует требованию процессуальной экономии [Занин, 2021].

Стоит отметить, что акт контрольно-надзорного мероприятия носит констатирующий, но не конструирующий характер, при этом он содержит в себе предварительную квалификацию совершенного нарушения (несоблюдения обязательных требований) [Панченко, Петров, 2022]. В таком случае излишней становится стадия возбуждения дела об административном

правонарушении, что позволит сократить процессуальные сроки и сэкономить усилия в ходе юрисдикционного производства.

Имеет ли смысл впоследствии повторить и оформить протоколами уже задокументированные результаты выявленных нарушений? Возможно, для целей реализации дополнительных процессуальных гарантий (привлечения понятых, предупреждения отдельных участников об ответственности по ст.17.9 КоАП РФ, обеспечения присутствия защитника и ряд других), но эквивалентные меры уже были предприняты в ходе мероприятий по контролю (надзору), а новый процессуальный результат вряд ли будет получен, тем более, что органы прокуратуры косвенно подтверждают законность проведенных мероприятий по контролю, учитывая акты проверок, не принимая акты реагирования. Получается, что в ходе производства по делу об административном правонарушении будет оспариваться гарантия законности его ведения, что абсурдно!

Заключение

Таким образом, эффективность государственного контроля (надзор) «сводится на нет» из-за того, что в результате проведенных мероприятий, доказательства теряют свой смысл, поскольку после проверки начинается новое юрисдикционное производство только в рамках КоАП РФ.

Акт проверки содержательно сопоставим, во многом, с протоколом об административном правонарушении, следовательно, в силу их формально-юридического тождества можно пересмотреть отдельные правила производства по делам об административных правонарушениях в части сокращения дублирующих процедур, а именно предусмотреть возможность возбуждения дела и проведения юрисдикционных действий на основании акта проверки без составления протокола об административном правонарушении.

Еще один аспект рассматриваемого вопроса — идентификация доказательств в рамках используемых профилактических мер и в дальнейшем в ходе административной юрисдикции. В частности, это касается направления предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований.

Верховный Суд РФ в определении от 18 июня 2014 г. №82-КГПР14-2 поясняет, что предостережение выражается, прежде всего, как правовое средство, носящее превентивный характер, целью которого является предупреждение правонарушений путем указаний на необходимость изменения модели своей юридически значимой деятельности.

Согласно ст. 20 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предостережение как правовой инструмент является обязательным для выполнения для лица, в случае его невыполнения последнее привлекается к юридической ответственности. Мера воздействия устанавливается определенной моделью, в рамках которой лицо выполняет официальное задание по соблюдению закона, а также предотвращению каких-либо действий, создающих опасность для общества и граждан.

В силу ст. 49 Федерального закона от 21.07.2020 №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципального контроля в РФ» предостережение – это установленный формой акт государственного реагирования. Следовательно, два федеральных закона содержат в себе одно юридическое воздействие, одно правовое действие и единую цель их применения, конкретизирующее и персонализирующее состав обязательных требований для предостерегаемого лица. При этом само по себе отсутствие надлежащей системы управления

рисками выступает как административное правонарушение, т. е. по аналогии с вышеприведенными рассуждениями следует распространить возможность возбуждения дел об административных правонарушениях не только в связи с невыполнением условий предостережений, но и в связи с указанными в них отступлениями от требований по предотвращению рисков несоблюдения обязательных требований [Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 N 4-П // «Вестник Конституционного Суда РФ», N 3, 2014, www...].

Необходимо учесть, что целесообразно будет унифицировать законодательство в данной области, то есть сделать концептуальную юридическую модель административно-правового регламентирования в рамках юрисдикционной деятельности, предусматривая правила последовательного использования и признания доказательственных результатов одной процессуальной формы в рамках иных видов юридических процедур и производств, принимая во внимание не только доктрину, но и норму установления в рамках интегративной модели административного процесса [Стахов, 2021].

Библиография

1. Голубкова Ю.Г., Никулин М.И. Процессуальные документы, составляемые на стадии рассмотрения дел об административных правонарушениях // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-8. С. 34-38.
2. Барабанова А.А. Понятие и признаки документа как источника доказательств по делу об административном правонарушении // В сборнике: Документ в современном обществе: на пути к междисциплинарному изучению. Материалы XV Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Екатеринбург, 2022. С. 12-15.
3. Елфимова Е.В., Осинцев Д.В. Вновь о контроле, надзоре и административной юрисдикции // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 99-107.
4. Занин В.Е. Преклюзия в российской процессуальной доктрине: перспективы и проблемы рецепции // Образование и право. 2021. № 6. С. 80-86. Прилипко А.Г., Суховеров К.А. О принципах административного процесса // Эпомен. 2019. № 28. С. 175-180.
5. Ивин А.А. Логика норм. М.: изд-во МГУ. - 1973. - С.75.
6. Ивин А.А. Логика. М.: Оникс, Мир и Образование, - 2008 – С.333.
7. Кондратенко Ю.А. К вопросу о дублировании документов в области дорожного движения // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. Т. 4. № 11-2. С. 110-114.
8. Сучков А.В. К вопросу дублирования проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе // Наука XXI века: проблемы и перспективы. 2016. № 1 (4). С. 204-206.
9. Красноглазов А.Ю. Законность и целесообразность в применении административно-процессуальных мер // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2015. № 6. С. 42-44.
10. Мельников Д.Д. Понятие и сущность доказательств в административном процессе // Альманах молодого исследователя. 2022. № 12. С. 203-206.
11. Маилян С.С. О Доказательствах в административном процессе в российской федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 149-151.
12. Шорникова В.В. О необходимости законодательного определения доказательств в административном процессе. В книге: Проблемы совершенствования российского законодательства. Сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Под редакцией Ю.В. Анохина. Барнаул, 2022. С. 138-140.
13. Осинцев Д.В. Акты органов государственного контроля (надзора) и акты прокурорского реагирования: основания и условия принятия и реализации // Законность. 2017. № 5 (991). С. 24-27.
14. Панченко В.Ю., Петров А.А. Об оспаривании актов проверок как ненормативных правовых актов // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 3. С. 242-249.
15. Шерстобоев О.Н. Дискреционные административные акты: проблемы определения и судебного контроля // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 78-90.
16. Стахов А.И. Интегративная теория административного процесса - единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 313-327.

To the question of the identity of the sources of evidence in the administrative process

Dmitrii A. Koshelev

Adjunct,
Lecturer of the Department of Administrative Law
and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: koshelev-dima1249@yandex.ru

Abstract

It is proposed to amend the legislation, that is, to make a conceptual legal model of administrative and legal regulation within the framework of jurisdictional activities, providing for the rules for the consistent use and recognition of evidentiary results of one procedural form within the framework of other types of legal procedures and proceedings, taking into account not only the doctrine, but also the rule of establishment within the framework of the integrative model of the administrative process. In conclusion, the article shows that it is necessary to take into account that it would be advisable to unify the legislation in this area, that is, to create a conceptual legal model of administrative and legal regulation within the framework of jurisdictional activities, providing rules for the consistent use and recognition of evidentiary results of one procedural form within other types of legal procedures and proceedings, taking into account not only the doctrine, but also the norm of establishment within the framework of the integrative model of the administrative process.

For citation

Koshelev D.A. (2024) K voprosu o tozhdestve istochnikov dokazatel'stv v administrativnom protsesse [To the question of the identity of the sources of evidence in the administrative process]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 291-301. DOI: 10.34670/AR.2024.85.51.058

Keywords

Administrative jurisdiction, state control (supervision), act of inspection, jurisdictional production, evidence, control and supervisory measures, identity.

References

1. Golubkova Yu.G., Nikulin M.I. Procedural documents drawn up at the stage of consideration of cases of administrative offenses // Trends in the development of science and education. 2022. No. 85-8. pp. 34-38.
2. Barabanova A.A. The concept and features of a document as a source of evidence in an administrative offense case // In the collection: A Document in Modern Society: on the way to interdisciplinary study. Materials of the XV All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, 2022. pp. 12-15.
3. Elfimova E.V., Osintsev D.V. Again on control, supervision and administrative jurisdiction // Russian Law Journal. 2015. No. 4 (103). pp. 99-107.
4. Zanin V.E. Preclusion in the Russian procedural doctrine: prospects and problems of reception // Education and Law. 2021. No. 6. pp. 80-86. Prilipko A.G., Sukhoverov K.A. On the principles of the administrative process // Epomen. 2019. No. 28. pp. 175-180.

5. Ivin A.A. Logic of norms. M.: Publishing house of Moscow State University. - 1973. - p.75.
6. Ivin A.A. Logic. M.: Onyx, the World and Education, - 2008 – p.333.
7. Kondratenko Yu.A. On the issue of duplication of documents in the field of traffic // Bulletin of the Student Scientific Society of the Donetsk National University. 2019. Vol. 4. No. 11-2. pp. 110-114.
8. Suchkov A.V. On the issue of duplication of verification measures carried out at the stage of initiation of a criminal case in the Russian criminal process // Science of the XXI century: problems and prospects. 2016. No. 1 (4). pp. 204-206.
9. Krasnoglazov A.Yu. Legality and expediency in the application of administrative procedural measures // Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series: Jurisprudence. 2015. No. 6. pp. 42-44.
10. Melnikov D.D. The concept and essence of evidence in the administrative process // Almanac of a young researcher. 2022. No. 12. pp. 203-206.
11. Mailyan S.S. About the evidence in the administrative process in the Russian Federation // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 5. pp. 149-151.
12. Shornikova V.V. On the need for a legislative definition of evidence in the administrative process. In the book: Problems of Improving Russian legislation. Collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conference of cadets, trainees and students. Edited by Yu.V. Anokhin. Barnaul, 2022. pp. 138-140.
13. Osintsev D.V. Acts of state control (supervision) bodies and acts of prosecutorial response: grounds and conditions for adoption and implementation // Legality. 2017. No. 5 (991). pp. 24-27.
14. Panchenko V.Yu., Petrov A.A. On challenging inspection acts as non-normative legal acts // Siberian Anthropological Journal. 2022. Vol. 6. No. 3. pp. 242-249.
15. Sherstoboev O.N. Discretionary administrative acts: problems of definition and judicial control // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 6. pp. 78-90.
16. Stakhov A.I. Integrative theory of administrative process - the only true basis for building a model of administrative process // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18. No. 3. pp. 313-327.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.95.27.007

Отражение программ стратегического развития регионов в структуре муниципального законодательства

Кучковская Наталья Валерьевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: nk2@list.ru

Аннотация

Целевая политика и инициативы реализуются посредством долгосрочных планов регионального развития для достижения устойчивого экономического, социального и экологического роста в конкретной области. Эти планы формулируются региональными властями с учетом особых возможностей и проблем, существующих в каждом регионе. Цель состоит в том, чтобы способствовать региональному развитию путем определения важнейших приоритетов и их продвижения посредством четкого видения и дорожной карты. Эффективное распределение ресурсов для обеспечения устойчивого роста и развития является важнейшей целью программ стратегического развития. Эффективная реализация программ стратегического развития регионов во многом зависит от муниципального законодательства. Обязанностью местных органов власти является реализация большинства политик и инициатив, изложенных в этих программах, а разработка муниципального законодательства становится необходимой для гарантии их плодотворной реализации. Муниципальное законодательство может служить для местных органов власти основой для планирования и реализации политики и программ в соответствии с целями регионального стратегического развития. Надлежащий набор руководящих принципов и правил, установленных муниципальным законодательством, может способствовать единообразию целей местных органов власти и рационализировать использование ресурсов. Чтобы обеспечить успех программ стратегического развития регионов, российское правительство уделяет большое внимание муниципальному законодательству. Министерство экономического развития усердно работает над созданием правовых норм и государственной политики, которые поддерживают реализацию этих программ. Более того, многие местные органы власти являются получателями государственного финансирования, которое помогает им участвовать в стратегических инициативах регионального развития. Для обеспечения устойчивого роста и развития в Российской Федерации крайне важно улучшить разработку и реализацию муниципального законодательства. Без сомнения, региональные программы стратегического развития должны быть подкреплены нормативно-правовой базой, которая постоянно совершенствуется. Только тогда эти программы достигнут своих целей и окажут значимое влияние на рост и развитие страны.

Для цитирования в научных исследованиях

Кучковская Н.В. Отражение программ стратегического развития регионов в структуре муниципального законодательства // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 302-311. DOI: 10.34670/AR.2024.95.27.007

Ключевые слова

Программы, стратегическое развитие, структура, законодательство.

Введение

Инициативы развития различных регионов России при анализе демонстрируют разнообразный спектр стратегических программ. Целью этих программ является решение многих экономических, социальных и экологических проблем, распространенных в различных регионах страны. Эти инициативы формулируют основные стратегические цели, приоритетные задачи и ориентиры долгосрочного развития региона. Понять проблемы и приоритеты различных регионов страны можно, изучив сроки и этапы, указанные в программах стратегического развития. Подобные программы также служат руководством к достижению желаемых целей [Ильин, 1998].

Преодоление ограниченности финансовых ресурсов, бюрократических препон и политической нестабильности – сложная задача, которую необходимо решать при реализации программ регионального развития. Эти инициативы направлены на улучшение качества жизни граждан, содействие экономическому росту и развитию, а также поиск решений экологических проблем. Однако, несмотря на препятствия, эти программы предоставляют возможности для сотрудничества между различными уровнями правительства, представителями частного сектора и организациями гражданского общества. Работая вместе, эти заинтересованные стороны могут преодолеть препятствия и обеспечить желаемые результаты программы.

Основная часть

В Российской Федерации муниципальное законодательство отражает цели и задачи, детализированные в программах регионального развития. Правовая база стратегического планирования в стране установлена Федеральным законом № 172-ФЗ, который возлагает обязанности и ответственность на участников процесса планирования. Муниципалитеты интегрированы в государственную программу, направленную на реализацию стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Включение программ регионального развития в национальную правовую базу подчеркивает их неотъемлемую роль в устойчивом развитии как регионов, так и страны.

Достижение целей регионального развития требует интеграции программ стратегического развития регионов в муниципальное законодательство. Этот процесс предполагает приведение муниципальных законов и постановлений в соответствие с программами регионального развития и обеспечение их соответствия им. Объединение этих двух факторов позволяет муниципалитетам внести свой вклад в общий успех регионального развития, одновременно удовлетворяя особые потребности и проблемы своих местных сообществ. Кроме того, интеграция целей регионального развития в муниципальное законодательство может повысить подотчетность на местном уровне и гарантировать, что местные власти осведомлены и несут ответственность за реализацию этих программ. [Yarovi, 2019].

Для того чтобы программы регионального развития были должным образом интегрированы в муниципальное законодательство, крайне важно привести местные законы и правила в соответствие с этими программами. Это предполагает одобрение ключевых стратегических

инициатив, таких как разработка государственных, региональных и муниципальных программ энергосбережения, а также контроль за их выполнением. Кроме того, на муниципалитеты возложена задача обеспечить соответствие принимаемых ими правовых мер по формированию муниципальных программ и последующим изменениям Бюджетному кодексу Российской Федерации. Благодаря усилиям по синхронизации своего законодательства с программами регионального развития муниципалитеты могут оптимизировать успех этих программ в своих регионах [Ильин, 1998].

Для успеха программ регионального развития необходима помощь муниципальных властей. Активное участие муниципалитетов гарантирует, что при создании этих программ будут учтены их конкретные вопросы. Более того, реализация этих программ на местном уровне должна стать обязанностью этих органов власти, которые должны сотрудничать как с региональными, так и с федеральными властями для достижения желаемых целей программ регионального развития. Чтобы поддержать успех региона и удовлетворить уникальные потребности своих сообществ, муниципалитеты должны активно участвовать в программах развития. Для этого решающее значение имеет формирование стратегических целей на муниципальном уровне, которые в конечном итоге должны стать частью местного законодательства. По сути, успех региональных программ зависит от участия и стратегического планирования отдельных муниципалитетов.

На законодательство муниципальных образований на всей территории Российской Федерации во многом влияют инициативы стратегического развития регионов. Эти программы направлены на повышение социально-экономического развития регионов и муниципалитетов и впоследствии влияют на законодательство муниципалитетов. Эти инициативы развития определяют цели и задачи муниципального управления и социально-экономического прогресса, соответствующие приоритетам регионального развития. Следовательно, муниципальное законодательство должно согласовываться с программами регионального развития для достижения желаемых результатов [Эскиндарова, Сильвестрова, 2022].

Для достижения целей, поставленных программами регионального развития, муниципалитеты вносят изменения в свое законодательство. Целью этих изменений является обеспечение соблюдения целей и задач этих программ. Инициатива пространственного расширения России и различные другие программы регионального развития потребовали реализации планов и программ для конкретных муниципалитетов, которые теперь включены в законодательство этих территорий. Такое расширение законодательства позволяет органам местного самоуправления в каждом муниципалитете реализовывать указанные планы и программы, тем самым гарантируя достижение целей, намеченных программами регионального развития на муниципальном уровне.

Как препятствия, так и возможности связаны с изменением гражданского регулирования в соответствии с программами роста внутри регионов. Основная цель состоит в том, чтобы гарантировать эффективность и результативность внедрения модификаций. Эти изменения могут потребовать дополнительных ресурсов и навыков, что вызовет борьбу за конкретные муниципалитеты. Тем не менее, указанные изменения дают муниципалитетам возможность добиться прогресса в социально-экономическом развитии путем гармонизации своего законодательства с программами регионального роста. Изменения, внесенные в гражданское законодательство, создают основу для достижения муниципалитетами целей и стремлений, которые совпадают с программами, ориентированными на региональный прогресс.

В конкретном регионе Российской Федерации был проведен кейс по анализу программ регионального стратегического развития. Расследование включало перетасовку огромных

объемов информации, чтобы прийти к выводам о прогрессе в регионе. Принимая во внимание различные компоненты, анализ потребовал индивидуального подхода к каждому аспекту, выявления потенциальных недостатков и разработки мер по их устранению. В отчете также обсуждались общие сильные и слабые стороны региона, чтобы определить, как он может улучшить свои программы стратегического развития.

Ориентируясь на конкретный регион Российской Федерации, мы собираемся проанализировать, как программы развития повлияли на местное законодательство. Начав с краткого знакомства с регионом, мы затем углубимся в его программы регионального развития. Комплексная программа в исследуемом регионе предназначена для решения нескольких основных аспектов, таких как транспорт и экономический баланс, социальное развитие и экологическая устойчивость [Ильин, 1998].

Теперь мы углубимся в слияние стремлений регионального развития с законами муниципалитетов. Наше внимание будет сосредоточено на изучении того, отражены ли цели, перечисленные в программе регионального развития, в правовой базе муниципалитетов региона. Мы стремимся выяснить, насколько успешно программа регионального развития была внедрена в местную законодательную инфраструктуру.

В наших исследованиях мы акцентируем внимание на влиянии программы развития региона на местную законодательную базу. Это исследование призвано помочь нам понять, как программа регионального развития повлияла на эффективную реализацию ее целей. Наше исследование взаимодействия муниципального законодательства и программ регионального развития может дать нам полезную информацию об эффективности стратегий регионального развития и их последствиях для соседних сообществ. В результате данный конкретный пример призван раскрыть тонкости взаимодействия между региональными и муниципальными программами развития в Российской Федерации, а также подчеркнуть необходимость эффективной интеграции и реализации таких программ.

Программы регионального развития Российской Федерации показали успешные результаты, достойные упоминания.

Общий рост и процветание России способствуют программам регионального развития, которые успешны в различных регионах страны. Примером этого является правительственная программа «Развитие транспортной системы», которая эффективно создала транспортную инфраструктуру в стране. Правительство также приняло другие региональные программы, которые сыграли решающую роль в содействии экономическому росту, повышении региональной конкурентоспособности и улучшении качества жизни. Примерами таких программ являются «Национальная стратегия регионального развития на 2010-2020 годы» и «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2035 года» [Бухвальд, 2021; Гаврилюк, 2006; Гаврилюк, 2019; Глигич-Золотарева, Лукьянова, 2022].

Программы регионального развития Российской Федерации процветали благодаря нескольким факторам. В программах активно участвовали заинтересованные стороны из различных секторов, таких как государственные учреждения, местные сообщества и предприятия. Их сотрудничество и партнерство привели к беспрепятственной реализации этих инициатив. Помимо этого, программы дополнялись наличием таких ресурсов, как кадровая, финансовая и технологическая помощь. Более того, использование подходов, основанных на данных, и принятие решений на основе фактических данных обеспечили продуктивные результаты программ.

Из успешных программ регионального развития в Российской Федерации были извлечены ценные уроки, которые можно использовать для разработки будущих инициатив. В качестве альтернативы политики могут использовать опыт, полученный в рамках этих программ, для создания новой политики и программы, тем самым выявляя передовой опыт, которому могут подражать другие регионы или страны. Обсуждая успехи и препятствия, возникшие в ходе этих программ, политики могут разработать более практичную и устойчивую тактику развития, что приведет к устойчивому росту и процветанию регионов и страны в целом.

Отсутствие четких целей и недостаточное финансирование мешают многим российским программам регионального развития, несмотря на попытки их улучшить. Анализ неудачных инициатив показывает, что их основная проблема – плохая реализация. Одна из таких программ, кластерная политика, была направлена на содействие росту специализированных секторов экономики посредством благоприятных условий, но не имела эффективного плана реализации и подверглась резкой критике. В России Государственная политика регионального развития подверглась критике из-за отсутствия конкретики, что привело к широкой критике и множеству неэффективных программ.

Причины неудач программ регионального развития в России разнообразны. Заметной причиной является недостаточное сотрудничество и координация между различными уровнями правительства и заинтересованными сторонами. Кроме того, отсутствие достаточных местных ресурсов и возможностей подрывает продуктивное выполнение. Кроме того, большинство инициатив не учитывают долгосрочную перспективу и не соответствуют требованиям и предпочтениям близлежащих сообществ. В совокупности эти составляющие способствуют неэффективности программ регионального развития страны.

Из неудачных российских программ регионального развития можно извлечь множество уроков, несмотря на возникшие проблемы и неудачи. Эффективное планирование и реализация в сочетании с четкими целями и задачами являются ключевыми уроками, которые необходимо усвоить. Кроме того, крайне важно, чтобы местные сообщества и заинтересованные стороны играли ключевую роль в разработке и реализации программ регионального развития. Кроме того, крайне важно улучшить координацию и сотрудничество между уровнями правительства и заинтересованными сторонами, чтобы гарантировать успешную реализацию. Применение всех этих уроков приведет к повышению эффективности программ регионального развития России [Лашенов, Гаврилюк, 2004].

Выявление успешной интеграции и ее ключевых факторов стало серьезной проблемой в Российской Федерации, поскольку программы стратегического развития регионов интегрированы в муниципальное законодательство. Для оценки лучших практик в этой сфере был проведен анализ мировых тенденций и лучших практик развития муниципальных и региональных проектов. Цель заключалась в том, чтобы выявить истории успеха в интеграции и выделить ключевых факторов, способствующих ее успеху. Для успешной интеграции цели и задачи муниципальной политики, закрепленные в социально-экономическом плане муниципалитета, должны быть четко осмыслены. Региональные советы муниципалитетов для развития местного самоуправления названы в обзоре одним из нескольких передовых практик.

В Российской Федерации выявлено несколько примеров эффективной интеграции региональных программ стратегического развития в муниципальное законодательство. В частности, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре разработан ряд проектов, основанных на федеральных приоритетных планах по ключевым стратегическим направлениям развития страны. Кроме того, в регионе налажен порядок контроля и оценки исполнения

программ регионального развития на муниципальном уровне. Стоит отметить впечатляющие инициативы Республики Татарстан по развитию муниципальной инфраструктуры и услуг. В частности, их программа, направленная на улучшение жизни людей, содействие экономическому росту и поддержание устойчивости [Безруков и др., 2019], является замечательной тактикой.

Программы стратегического развития регионов могут быть легко интегрированы в муниципальное законодательство, если принять во внимание несколько существенных факторов. Чтобы обеспечить успешную интеграцию, необходимо уделить пристальное внимание следующему: определение ключевых факторов, которые способствуют процессу интеграции; обеспечение того, чтобы эти факторы были хорошо спланированы и правильно выполнены; сотрудничество между региональными и муниципальными заинтересованными сторонами; соблюдение любых соответствующих правил или политик; содействие коммуникации и прозрачности внутри сообщества.

Развитие региона продвигалось вперед благодаря непоколебимому политическому руководству. Эта неустанная приверженность стала краеугольным камнем прогресса в этой области.

Ключевое значение имеют сотрудничество и эффективная коммуникация между местными и региональными властями.

Для обеспечения успешной реализации необходимы достаточные человеческие и финансовые ресурсы.

Цели и задачи муниципальной политики должны быть четко сформулированы.

Необходимо проводить оценку прогресса и регулярный мониторинг.

Интеграция региональных программ стратегического развития в законодательство может способствовать общему успеху усилий по региональному развитию муниципальных образований в Российской Федерации. Учитывая различные факторы и опираясь на успешные примеры других регионов, эти муниципалитеты могут эффективно выполнить эту задачу.

Российская Федерация с трудом пытается реализовать программы стратегического развития на региональном уровне, сталкиваясь на этом пути со многими проблемами. Координация между региональными и муниципальными властями оказалась серьезной проблемой, поскольку они часто не могут эффективно взаимодействовать. Кроме того, ограниченность руководящих принципов и положений о том, как реализовать программы, еще больше снижает показатели успеха. Что еще хуже, существует значительная нехватка финансирования и ресурсов, что затрудняет выполнение муниципалитетами своих предложений. Все эти препятствия в конечном итоге приводят к значительному разрыву между запланированными и реализованными результатами программ регионального развития.

Улучшение программ регионального развития может показаться сложной задачей, но есть пути вперед. Определение четких ролей и обязанностей региональных и муниципальных органов власти через правовую основу является первым шагом. Такая структура может дополнительно содержать директивы по распределению ресурсов и финансирования, связанных с предлагаемыми инициативами. Привлечение местных сообществ и заинтересованных сторон к планированию и реализации программ также имеет решающее значение. Таким образом, инициативы будут соответствовать местным потребностям и приоритетам, что в конечном итоге приведет к увеличению вероятности успешной реализации.

Вот несколько советов по преодолению препятствий и использованию возможностей. Создание системы мониторинга и оценки имеет первостепенное значение – она гарантирует постоянный мониторинг инициатив, выявление возникающих проблем. Кроме того, построение

партнерских отношений между региональными и муниципальными властями имеет жизненно важное значение для эффективной коммуникации и координации. Успешно реализуя предлагаемые инициативы регионального развития, муниципалитеты могут добиться устойчивого развития своих регионов и страны в целом. Важным аспектом этого успеха является создание комплексной коммуникационной стратегии для информирования общественности о целях и задачах. Эти рекомендации помогут муниципалитетам устранить трудности и предоставить необходимые инструменты для развития.

В Российской Федерации тема интеграции программ развития регионов в муниципальное законодательство становится все более значимой и интригующей. Несмотря на определенный прогресс, в этой области еще предстоит проделать большую работу. На данный момент лишь небольшое количество муниципалитетов участвуют в государственных программах регионального развития. Тем не менее, существуют широкие возможности для расширения, поскольку преимущества сочетания программ регионального развития с муниципальным законодательством обширны и долгосрочны.

Тесная связь между муниципальным законодательством и программами регионального развития может быть взаимовыгодной как для муниципалитетов, так и для соответствующих регионов. Гармонизация местного законодательства с региональными целями может поддержать усилия муниципалитетов по комплексному развитию своего региона, обеспечивая более быстрый экономический и инфраструктурный рост наряду с более высоким качеством жизни граждан. Кроме того, объединение программ регионального развития с муниципальным законодательством может гарантировать более эффективное и эффективное распределение ресурсов, тем самым предлагая более специализированный подход к развитию с направлением ресурсов в наиболее достойные отрасли.

Внедрение программ регионального развития в муниципальное законодательство имеет потенциал положительного воздействия на всю территорию Российской Федерации, не ограничиваясь отдельными муниципалитетами и регионами. Этот подход способен способствовать более синхронизированному и комплексному развитию, что в конечном итоге может способствовать общему экономическому росту и стабильности страны. Например, Стратегия развития Северного Кавказа интегрирует учет современного состояния субъектов Российской Федерации с национальной экономикой для создания комплексного подхода к региональному развитию. Интеграция программ регионального развития в муниципальное законодательство может вдохновить на разработку более единой и организованной стратегии развития, которая в конечном итоге может привести к долгосрочному процветанию и стабильности страны.

Заключение

Интеграция программ стратегического развития регионов в муниципальное законодательство имеет решающее значение для роста российских регионов. Ценную информацию для будущей реализации можно получить, изучая как эффективные, так и неудачные программы. Муниципальное законодательство должно уделять приоритетное внимание коммуникации, взаимодействию с заинтересованными сторонами и долгосрочной устойчивости при достижении целей регионального развития. Несмотря на бюрократические барьеры и недостаточное финансирование, проблемы можно преодолеть с помощью федеральных программ. Значительные потенциальные выгоды можно получить за счет интеграции программ регионального развития в муниципальное законодательство. Результатом

может стать улучшение инфраструктуры, устойчивый экономический рост и повышение качества жизни местных жителей. Дальнейшая эффективная интеграция и реализация этих программ необходимы для содействия устойчивому развитию регионов Российской Федерации.

Библиография

1. Алексеев И.А., Цалиев А.М. Об усилении эффективности деятельности органов публичной власти// Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 25-30. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-6-25-30.
2. Безруков А.В. и др. Современная модель государственной власти в Российской Федерации. М.: Проспект, 2019. 192 с.
3. Бухвальд Е.М. Конституционные изменения и новый этап развития российского Федерализма // Федерализм. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 44-61. DOI: 10.21686/20731051-2021-1-44-61.
4. Гаврилюк М.Н. Правовое регулирование государственного кадастрового учета земельных участков: автореф. ... канд. юр. наук. М., 2006. 26 с.
5. Гаврилюк М.Н. Публичный сервитут: новое в земельном законодательстве // Черные дыры в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 66-70.
6. Глигич-Золотарева М.В., Лукьянова Н.И. Новые контуры трансформации публичной власти в Российской Федерации // Федерализм. 2022. Т. 27. № 1. С. 23-50. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-1-23-50.
7. Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82-95.
8. Комов Н.В., Носов С.И. Управление проектами пространственного развития. М.: ИП Осьминина Е.О., 2020. 538 с.
9. Лашенов А.В., Гаврилюк М.Н. О нормировании предельных размеров земельных участков // Государство и право. 2004. № 7. С. 100-103.
10. Липски С.А., Гаврилюк М.Н. Правовое обеспечение государственной регистрации недвижимости. М., 2021. 230 с.
11. Сильвестров С.Н. (ред.) Стратегическое планирование в государственном секторе экономики. М.: ИНФРА-М, 2022. 344 с.
12. Суворова А.К. Признаки и принципы органов исполнительной власти // Наукосфера. 2021. № 2. С. 230-233. EDN: OZUQZI.
13. Цыпкин Ю.А. и др. Пространственное развитие Российской Федерации: основа геостратегии и геополитики страны // Московский экономический журнал. 2023. № 4. URL: <https://qje.su/nauki-o-zemle/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-4-2023-52>.
14. Эскиндарова М.А., Сильвестрова С.Н. Институты обеспечения устойчивого развития Российской экономики. М.: Дашков и К, 2022. 466 с.
15. Yarovoi T. Analysis of ways to optimize approaches to ensuring public and national security// Sciences of Europe. 2019. No. 38-3 (38). P. 73-79. EDN: MBRNXS.

Reflection of the strategic development programs of the regions in the structure of municipal legislation

Natal'ya V. Kuchkovskaya

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nk2@list.ru

Abstract

Regional strategic development programs are long-term plans aimed at achieving sustainable economic, social and environmental growth in a particular region. These programs are developed by regional authorities and are designed to solve the unique problems and opportunities of each region.

The main purpose of these programs is to promote regional development by identifying key priorities and implementing targeted policies and initiatives. By creating a clear vision of the future and a roadmap to achieve it, regional strategic development programs can help ensure efficient and effective allocation of resources to support sustainable growth and development. Municipal legislation plays a crucial role in the implementation of strategic development programs of the regions. Local governments are responsible for implementing many of the policies and initiatives outlined in these programs, and the development of municipal legislation is essential to ensure the effective implementation of these policies. Municipal legislation can provide local authorities with a framework for the development and implementation of policies and programs that correspond to regional strategic development goals. By setting clear guidelines and rules, municipal legislation can help ensure that local authorities are working towards the same goals and using resources efficiently. The current state of municipal legislation in the Russian Federation reflects the importance of regional strategic development programs. The Ministry of Economic Development of Russia is actively developing state policy and legal norms to ensure the implementation of these programs. In addition, many municipalities are included in state programs that support the implementation of programs for the strategic development of regions. However, there are still opportunities to improve the development and implementation of municipal legislation. Continuous efforts to improve the legal and regulatory framework for regional strategic development programs will be essential to ensure that these programs can achieve their goals and contribute to sustainable growth and development in the Russian Federation.

For citation

Kuchkovskaya N.V. (2024) Otrazhenie programm strategicheskogo razvitiya regionov v strukture munitsipal'nogo zakonodatel'stva [Reflection of the strategic development programs of the regions in the structure of municipal legislation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 302-311. DOI: 10.34670/AR.2024.95.27.007

Keywords

Programs, strategic development, structure, legislation.

References

1. Alekseev I.A., Tsaliyev A.M. (2022) Ob usilenii effektivnosti deyatelnosti organov publichnoi vlasti [On strengthening the efficiency of public authorities]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 6, pp. 25-30. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-6-25-30.
2. Bezrukov A.V. i dr. (2019) *Sovremennaya model' gosudarstvennoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii* [Modern model of state power in the Russian Federation]. Moscow: Prospekt Publ.
3. Bukhval'd E.M. (2021) Konstitutsionnye izmeneniya i novyi etap razvitiya rossiiskogo Federalizma [Constitutional changes and a new stage in the development of Russian Federalism]. *Federalizm* [Federalism], 26, 1 (101). pp. 44-61. DOI: 10.21686/20731051-2021-1-44-61.
4. Eskindarova M.A., Sil'vestrova S.N. (2022) *Instituty obespecheniya ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi ekonomiki* [Institutes for ensuring sustainable development of the Russian economy]. Moscow: Dashkov i K Publ.
5. Gavrilyuk M.N. (2006) *Pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo kadastrnogo ucheta zemel'nykh uchastkov. Doct. Diss. Abstract* [Legal regulation of state cadastral registration of land plots. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
6. Gavrilyuk M.N. (2019) Publichnyi servitut: novoe v zemel'nom zakonodatel'stve [Public easement: new in land legislation]. *Chernye dyry v rossiiskom zakonodatel'stve* [Black holes in Russian legislation], 4, pp. 66-70.
7. Gligich-Zolotareva M.V., Luk'yanova N.I. (2022) Novye kontury transformatsii publichnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii [New contours of the transformation of public power in the Russian Federation]. *Federalizm* [Federalism], 27 (1), pp.

-
- 23-50. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-1-23-50.
8. Il'in M.V. (1998) Etapy stanovleniya vnutrennei geopolitiki Rossii i Ukrainy [Stages of formation of internal geopolitics of Russia and Ukraine]. *Polis*, 3, pp. 82-95.
 9. Komov N.V., Nosov S.I. (2020) *Upravlenie proektami prostranstvennogo razvitiya* [Management of spatial development projects]. Moscow: IP Os'minina E.O. Publ.
 10. Lashchenov A.V., Gavrilyuk M.N. (2004) O normirovanii predel'nykh razmerov zemel'nykh uchastkov [On standardization of maximum sizes of land plots]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 7, pp. 100-103.
 11. Lipski S.A., Gavrilyuk M.N. (2021) *Pravovoe obespechenie gosudarstvennoi registratsii nedvizhimosti* [Legal support for state registration of real estate]. Moscow.
 12. Sil'vestrov S.N. (ed.) (2022) *Strategicheskoe planirovanie v gosudarstvennom sektore ekonomiki* [Strategic planning in the public sector of the economy]. Moscow: INFRA-M Publ.
 13. Suvorova A.K. (2021) Priznaki i printsipy organov ispolnitel'noi vlasti [Signs and principles of executive authorities]. *Naukosfera*, 2, pp. 230-233. EDN: OZUQZI.
 14. Tsyarkin Yu.A. et al. (2023) Prostranstvennoe razvitie Rossiiskoi Federatsii: osnova geostrategii i geopolitiki strany [Spatial development of the Russian Federation: the basis of geostrategy and geopolitics of the country]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal* [Moscow Economic Journal], 4. Available at: <https://qje.su/nauki-o-zemle/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-4-2023-52> [Accessed 12/01/2024].
 15. Yarovoi T. (2019) Analysis of ways to optimize approaches to ensuring public and national security. *Sciences of Europe*, 38-3 (38), pp. 73-79. EDN: MBRNXS.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.67.36.008

Изготовитель фонограммы в праве РФ

Чамуха Илья Андреевич

Аспирант,
Московский финансово-юридический университет (МФЮА),
115191, Российская Федерация, Москва, ул. Серпуховский Вал, 17;
e-mail: ilyachamukha@gmail.com

Аннотация

Изготовитель фонограммы является первым правообладателем фонограммы как объекта интеллектуальной собственности. Однако определение изготовителя фонограммы, закрепленное в законе, не позволяет четко установить условия для приобретения такого статуса. В статье автор разбирает указанный вопрос, исходя из положения судебной практики и доктрины. Сделан вывод о том, что изготовителем фонограммы считается то лицо, которое организационно и финансово обеспечило изготовление фонограммы. Такими лицами могут быть юридические лица, например музыкальные лейблы, которые обеспечили и организовали звукозапись, а также физические лица. Если же не доказано иного, то изготовителем фонограммы будет признано лицо, имя или наименование которого указаны обычным образом на экземпляре фонограммы.

Для цитирования в научных исследованиях

Чамуха И.А. Изготовитель фонограммы в праве РФ // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 312-316. DOI: 10.34670/AR.2024.67.36.008

Ключевые слова

Фонограмма, изготовитель фонограммы, инициатива, ответственность, исключительное право.

Введение

Статус «изготовителя фонограммы» закреплен как на национальном, так и на международном уровне. Согласно пункту «с» ст. 3 Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций, заключенной в городе Рим 26 октября 1961 г., под производителем фонограммы следует понимать физическое или юридическое лицо, которое первым осуществило звуковую запись исполнения или иных звуков. Аналогичное определение содержится в ст. 1 Конвенции об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм 1971 г. (Женевская конвенция).

Однако российское законодательство к определению изготовителя фонограммы как лица, которое осуществило первую запись, добавляет указание на «инициативу» и «ответственность»: «Под изготовителем фонограммы следует понимать лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за первую запись исполнения или иных звуков» (ст. 1322 ГК РФ).

Основная часть

Дополнение к международно закрепленному понятию изготовителя фонограммы не внесло большей определенности, которой наверняка руководствовался законодатель. Наоборот, понятие «инициатива» является крайне неопределенным и может толковаться по-разному. Если руководствоваться общепринятым содержанием, которое обычно в него вкладывается («побуждение к началу какого-либо дела» [Кузнецов, www]), то к изготовителю фонограммы следует относить по крайней мере нескольких лиц, которые имеют отношение к осуществленной записи. Созданию и выпуску фонограммы «в свет» предшествует взаимодействие нескольких лиц, как физических, так и юридических. Например, таким лицом может быть артист, который предложил осуществить запись музыкального произведения, или звукорежиссер, который непосредственно осуществил запись. Возможно, что инициатива записи фонограммы исходит от лица, вообще не принявшего в ней ни личного, ни имущественного участия. Разумно ли наделять такое лицо исключительным и неимущественным правом на результат записи? Едва ли. Однако при буквальном прочтении закона вполне возможно.

Понятие «ответственности» также не вносит какую-либо определенность, тем более если воспринимать её в общепринятом, юридическом смысле.

Обратимся к правовой доктрине для разрешения вопросов толкования ст. 1322 ГК РФ. Так, Крашенинников П.В. утверждает, что данное лицо, указанное в определении в ст. 1322 ГК РФ, не просто записывает различного рода звуки либо создает исполнение, а делает нечто большее, вкладывает большие силы и средства в создание и продвижение данной записи. А ответственность и инициатива в этом смысле указывают на то, что ему подвластен данный процесс, что его звукозапись является предметом правовой охраны [Гонгало и др., 2014].

Иванов Н.В. применяет историческое толкование и указывает, что правовому формированию института смежных прав в Европе предшествовало значительное лоббирование со стороны предпринимателей, занимающихся записью и тиражированием музыкальных пластинок. Поэтому, учитывая исторический аспект, можно утверждать, что при определении субъекта прав на фонограмму определяющим является имущественный критерий. По действующему законодательству изготовителем фонограммы следует считать того, за чей счет осуществлена запись. В качестве имущественного вклада, факт внесения которого в создание фонограммы приводит к возникновению у субъекта исключительного права, может выступать

прежде всего принадлежащее ему имущество, задействованное в записи фонограммы, – деньги, аппаратура, музыкальные инструменты. Это означает, что лицо, оплатившее работу музыкантов и звукорежиссера или предоставившее безвозмездно необходимые для записи аппаратуру и инструменты, является обладателем исключительного права на фонограмму [Иванов, 2015].

В то же время такой существенный имущественный вклад может отсутствовать. Например, когда физическое лицо осуществляет создание музыкального произведения с помощью программного обеспечения на ноутбуке. Технически автор осуществляет одновременно написание, исполнение и изготовление фонограммы, что делает его правообладателем произведения, исполнения и фонограммы. Так, в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 25.05.2023 № С01-491/2023 по делу № А07-4936/2022 суд установил, что суды первой и апелляционной инстанций установили обстоятельства, подтверждающие принадлежность Шторцу К.А. прав на спорные фонограммы, в частности, Шторцем К.А. была взята инициатива и ответственность за первую запись звуков исполнения принадлежащих ему музыкальных произведений, что подтверждается размещением 6 видео на видеохостинге YouTube ранее момента выпуска ответчиком производных фонограмм. Истец также предоставил видеозапись, на которой заснят процесс работы на личном ноутбуке с приложением, в котором оригинальные фонограммы произведений были созданы, проигрывает их и демонстрирует дату создания; дополнительно истец представил исходные файлы проектов фонограмм произведений [Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.05.2023 № С01-491/2023 по делу № А07-4936/2022, [www](#)]. В данном случае инициатива и ответственность проявилась в намерении создать музыкальное произведение в форме фонограммы.

Можно говорить и о иных проявлениях инициативы. Например, при подготовке публикации (релиза) музыкального альбома артист может проявить инициативу и пригласить второго артиста-исполнителя на запись. Как правило, на музыкальных стриминговых площадках такие артисты указываются как «feat. (наименование приглашенного артиста)». Приглашенный артист физически может осуществить запись самостоятельно, без обеспечения такой записи от другого артиста. Таким образом, первый артист проявляет инициативу, но не ответственность, если понимать под ответственностью имущественный характер. Может ли суд признать изготовителем фонограммы первого артиста, чей музыкальный альбом подготавливается к релизу? Если отвечать на это с точки зрения буквального толкования, то нет. Фактически второй артист осуществляет запись своего исполнения и передает его первому. Он же, в свою очередь, осуществляет переработку путем сведения звуковых дорожек и создания мастер-версии фонограммы (мастер-запись), которая уже распространяется публично. Таким образом, первый артист будет обладать правом на мастер-запись, однако если юридически передача записи с исполнением второго артиста не будет оформлена договором, то такая переработка будет неправомерной.

Другие авторы научных статей проводят параллели между статусом продюсера как обладателем исключительного права на аудиовизуальное произведение и статусом изготовителя фонограммы, выделяя общий признак – организацию создания объектов авторских и смежных прав. Однако одного лишь указания на факт организации недостаточно, что подтверждается судебной практикой. Так, в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 26.05.2023 № С01-389/2021 по делу № А40-277840/2019 суд, отказывая истцу в признании за ним статуса изготовителя фонограммы, указал, что «в связи с тем, что применимое законодательство не приравнивает статус исполнительного продюсера к изготовителю фонограммы, у судов имелись основания указать на то, что сама по себе надпись "StasNamin" (Стас Намин) на исследованных диске и грампластинке не является бесспорным

доказательством обоснованности предъявленных по делу требований» [Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.05.2023 № С01-389/2021 по делу № А40-277840/2019, www].

Также суд воспользовался ссылкой на презумпцию в ст. 1322 ГК РФ, согласно которой при отсутствии доказательств иного изготовителем фонограммы признается лицо, имя или наименование которого указано обычным образом на экземпляре фонограммы и (или) его упаковке либо иным образом в соответствии со статьей 1310 настоящего Кодекса. Суд указал: «Довод истца об отсутствии в материалах дела доказательств, подтверждающих возникновение прав на одиннадцать спорных фонограмм у Белова А.Н., Яненкова А.С., Носкова Н.И., Львова А.Н., Минькова А.В., правомерно отклонен судами как не основанный на материалах дела, в которые представлен выпущенный компанией Polygram records. Inc. по соглашению с названными лицами от 22.11.1985 диск с записями этих фонограмм, на котором в соответствии с положениями статей 1305, 1310 ГК РФ проставлена латинская буква "P" в окружности и год первого опубликования» [там же].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что изготовителем фонограммы считается то лицо, которое организационно и финансово обеспечило изготовление фонограммы. Такими лицами могут быть юридические лица, например музыкальные лейблы, которые обеспечили и организовали звукозапись, а также физические лица. Если же не доказано иного, то изготовителем фонограммы будет признано лицо, имя или наименование которого указаны обычным образом на экземпляре фонограммы.

Библиография

1. Гонгало Б.М. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69-71. М.: Статут, 2014.
2. Иванов Н.В. Авторские и смежные права в музыке. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. 182 с.
3. Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения 11.03.2024).
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.05.2023 № С01-491/2023 по делу № А07-4936/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=111170>.
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.05.2023 № С01-389/2021 по делу № А40-277840/2019. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407255524>.
6. Bowker R. R. Copyright, Its History and Its Law. – BoD–Books on Demand, 2020.
7. Stokes S. Art and copyright. – Bloomsbury Publishing, 2021.
8. Saunders D. Authorship and copyright. – Routledge, 2023.
9. Barron A. Copyright law and the claims of art // Available at SSRN 346361. – 2020.
10. Wallace A. Copyright. – 2020.

Phonogram producer in the law of the Russian Federation

I'ya A. Chamukha

Postgraduate Student,
Moscow University of Finance and Law (MFUA),
115191, 17 Serpukhovskii Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ilyachamukha@gmail.com

Abstract

A phonogram producer is the first copyright holder of the phonogram as an object of intellectual property. However, the definition of a phonogram producer, enshrined in the law, does not clearly establish the conditions for acquiring such status. In the article, the author examines this issue based on the provisions of judicial practice and doctrine. It is concluded that a phonogram producer is considered to be the person who organizationally and financially ensured the production of the phonogram. Such persons may be legal entities, such as music labels that have provided and organized the recording, as well as individuals. Unless otherwise proven, the manufacturer of the phonogram will be recognized as the person whose name is indicated in the usual manner on the copy of the phonogram.

For citation

Chamukha I.A. (2024) Izgotovitel' fonogrammy v prave RF [Phonogram producer in the law of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 312-316. DOI: 10.34670/AR.2024.67.36.008

Keywords

Phonogram, phonogram manufacturer, initiative, responsibility, exclusive right.

References

1. Gongalo B.M. et al. (2014) Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii. Avtorskoe pravo. Prava, smezhnye s avtorskimi. Postateinyi kommentarii k glavam 69-71 [Civil Code of the Russian Federation. Copyright. Rights related to copyright. Article-by-article commentary on chapters 69-71]. Moscow: Statut, Publ.
2. Ivanov N.V. (2015) Avtorskie i smezhnye prava v muzyke [Copyright and related rights in music], 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.
3. Kuzntsov S.A. (ed.) Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> [Accessed 11/02/2024].
4. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 25.05.2023 № S01-491/2023 po delu № A07-4936/2022 [Resolution of the Intellectual Rights Court of May 25, 2023 No. S01-491/2023 in case No. A07-4936/2022]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=111170> [Accessed 23/02/2024].
5. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 26.05.2023 № S01-389/2021 po delu № A40-277840/2019 [Resolution of the Intellectual Rights Court of May 26, 2023 No. S01-389/2021 in case No. A40-277840/2019]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407255524> [Accessed 16/02/2024].
6. Bowker, R. R. (2020). Copyright, Its History and Its Law. BoD—Books on Demand.
7. Stokes, S. (2021). Art and copyright. Bloomsbury Publishing.
8. Saunders, D. (2023). Authorship and copyright. Routledge.
9. Barron, A. (2020). Copyright law and the claims of art. Available at SSRN 346361.
10. Wallace, A. (2020). Copyright.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.96.69.009

Правовая сущность, виды и условия патентоспособности объектов патентных прав

Озманян Юсуб Зограбович

Студент,
Институт философии и права,
Новосибирский государственный университет,
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Пирогова, 1;
e-mail: ozmanyan.y@mail.ru

Аннотация

Объекты патентного права разделяются на результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и в сфере дизайна. Они становятся таковыми даже до придания им правовой охраны в качестве изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Самым наиболее сложным объектом для патентования является изобретение, которое имеет наибольшее количество условий патентоспособности, его «облегченным вариантом» является полезная модель, не требующая изобретательского уровня и представляющая собой более прикладное изыскание. Промышленный образец же представляет собой особый пограничный объект между объектами авторского и патентного права. В статье приводится анализ условий патентования отдельных объектов патентных прав, построенных по позитивным и негативным моделям. Исходя из количества и содержания условий патентоспособности доказано, что изобретение является самым сложным объектом патентных прав. Промышленный образец представляет собой объект, вбирающий в себя черты как объектов патентного, так и объектов авторского права. Объекты патентного права разделяются на результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и в сфере дизайна. Они становятся таковыми даже до придания им правовой охраны в качестве изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Наиболее сложным объектом для патентования является изобретение, которое имеет наибольшее количество условий патентоспособности, его «облегченным вариантом» является полезная модель, не требующая изобретательского уровня и представляющая собой более прикладное изыскание. Промышленный образец же представляет собой особый пограничный объект между объектами авторского и патентного права.

Для цитирования в научных исследованиях

Озманян Ю.З. Правовая сущность, виды и условия патентоспособности объектов патентных прав // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 317-324. DOI: 10.34670/AR.2024.96.69.009

Ключевые слова

Патентное право, объекты патентного права, изобретения, полезная модель, промышленный образец.

Введение

Согласно ст. 1349 ГК РФ, чтобы результат интеллектуальной деятельности мог стать объектом патентных прав, он должен отвечать установленным требованиям. О соответствии результата таким требованиям свидетельствует выдача патента.

Такие требования (критерии) строятся как по позитивному принципу, т.е. которым результат должен соответствовать, так и по негативному принципу, т.е. которым результат категорически не должен соответствовать. Однако именно по негативной модели конструируется общее для всех объектов патентного права условие патентоспособности. В науке оно именуется моральной клаузой и представляет запреты, содержащиеся в п. 4 ст. 1349 ГК РФ, а именно запреты на патентование способов клонирования человека, использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях и др., если это противоречит общественным интересам, принципам гуманности и морали [Городов, 2011, 85]. Как антигуманное или антиобщественное изобретение может быть признано такое изобретение, что потенциально повлечет негативное воздействие на общество или окружающую среду, противоречит нормам общественной морали или наносит ущерб здоровью и благополучию людей. Например, изобретения, связанные с производством или распространением оружия массового уничтожения, изобретения, которые способствуют нарушению прав человека (например орудия пыток), изобретения, которые будут с большой долей вероятности использованы в противоправных целях (системы взлома замков) или приводят к экологическим проблемам,

Вышеуказанные критерии называют условиями патентоспособности. Патентоспособность – это важное свойство присущее РИД, еще не ставшими объектами патентного права. О.А. Городов определял патентоспособность, как свойство технического решения, необходимое для признания его в установленном законом порядке объектом правовой охраны [О применении части четвертой..., 2019, 104]. Патентоспособность есть важнейшее свойство для любого РИД в научно-технической сфере, который планируется запатентовать, без этого свойство в придании правового режима патентных прав и правовой защите этому решению будет отказано. В этой связи выходит двоякая ситуация, когда патентоспособность – это свойство объекта, еще не признанного объектом патентных прав быть запатентованным при соблюдении ряда критериев, но при этом условия патентоспособности представляют собой одновременно признаки существующего объекта патентных прав. Условия патентоспособности выступают в качестве связующего звена между тем, что еще не получило правовой охраны и тем, что уже получило правовую охрану.

Основная часть

У каждого вида интеллектуальных прав имеются свои собственные условия патентоспособности для чего предлагается рассмотреть условия патентоспособности каждого охраняемого объекта патентного права в отдельности:

1. Изобретение. Стоит отметить, что для патентного права характерно то, что те или иные условия патентоспособности для каждого объекта конструируются, как по позитивной модели, так и по негативной модели, через отрицание.

Негативные условия патентоспособности раскрываются в п.5 ст. 1350 ГК РФ, согласно которой в силу прямого указания на то закон не являются изобретениями, в частности:

открытия, правила и методы игр, программы для ЭВМ и т.д. Это объекты, которые не являются техническими решениями, они не изобретения в своей сути, а потому перечень в этом пункте является открытым, потому что нельзя перечислить все объекты, что не являются техническим решением.

В п. 6 этой статьи указано, что селекционным достижениям и топологиям интегральных микросхем не предоставляется правовая охрана в качестве изобретения. Эти объекты формально соответствуют критериям изобретения, но нуждаются в правовой защите *sui generis*. Например, селекционные достижения, представляют собой биологический материал, подверженный человеческому влиянию, но и в не меньшей степени подверженный естественным воздействиям, то есть продукт не только человеческого разума [Еременко, 2015, 35].

Итак, у изобретений есть два своих собственных негативно сконструированных условия патентоспособности, а равно есть одно общее, единое для всех патентных объектов условие, моральная клауза. В самой дефиниции определения в п. 1 ст. 1350 ГК РФ содержится четвертое условие патентоспособности.

Из п. 1 ст. 1350 ГК РФ следует, что изобретением должно быть техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу. Изобретение продукт относится к новому устройству или какому-то иному статичному явлению, которое имеет новые характеристики или функции. Это может быть новый товар, материал, механизм, аппарат или устройство. Например, новый вид медицинского прибора или химического соединения. Способ же представляет собой новый метод или процесс выполнения определенной задачи или достижения определенного результата. Это может быть новый метод производства, способ обработки материалов, метод лечения заболевания и т.д.

При проверке результата оно проходит проверку своей сущности как продукта или способа, техническое решение заключается в том, что это должно приводить к раскрытию той или иной идеи через практически осуществимый метод [Еременко, 2015, 57]. Детальное раскрытие того, что такое продукты, способы, а также их определенные подвиды имеется в подзаконных актах. Для соответствия этому условию патентуемый результат должен достигать должного технического эффекта и этот технический эффект должен быть прямым следствием применения патентуемого объекта.

Пятое, шестое и седьмое условие патентоспособности указаны в абз.2 п. 1 ст. 1350 ГК РФ: Изобретению предоставляется правовая охрана, если оно является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо. Зачастую, эти условия выделяются отдельно, как ключевые, а предыдущие условия – отпадают.

Новизна означает, что изобретение должно быть новым и отличаться от того, что уже существует в предшествующем уровне техники или состоянии техники. Иными словами, изобретение считается новым, если оно неизвестно в предшествующем техническом уровне на момент подачи заявки на патент. Уровень техники общедоступен, поскольку он состоит как из известных и ставших «устаревшими» изобретений, сведения о которых описаны в литературе, опубликованы в периодической печати и в целом возникли до момента, когда патенты стали консолидироваться в соответствующий реестр, а равно после него, так как патенты являются общедоступными.

Изобретательский уровень, представляет собой «неочевидность»: даже если решение является новым, оно может не носить творческий характер и быть очевидным для любого специалиста в рассматриваемой области. Более того именно в разрезе указанного условия охраноспособности и проявляется основное творческое начало изобретателя, что делает его

именно изобретателем, как придумывающего и воплощающего в жизнь новые и оригинальные идеи. При проверке изобретательского уровня осуществляется поиск ближайшего аналога, затем изобретение проверяется на тождественность аналогу, выявляются особенные признаки. Потом такие отличительные признаки сравниваются с решениями, которые имеют схожие отличительные признаки, а потом проверяется известность влияния признаков на патентуемый результат.

Кажется, что новизна и изобретательский уровень – это если не почти тождественные понятия, то взаимосвязанные понятия. Ситуация наличия новизны, при отсутствии изобретательского уровня возможна, если изобретатель берет уже известное средство и заменяет в нем один компонент на другой, но при этом известно, что глобально замена компонента приводит к подобному результату – но в контексте этого изобретения такая замена еще не была реализована. Например, в одном из дел Суд по интеллектуальным правам указал на то, что спорное изобретение не соответствует условию патентоспособности «изобретательский уровень», поскольку оно представляет собой модифицированный ближайший аналог, модификация которого заключалась в том, что в нем применяется определенный материал с заранее известными физическими свойствами для достижения результата, обусловленного именно этими известными свойствами этого материала. Заявитель решил запатентовать ту же спираль, но выполненную из другого сплава, свойства которого были известны задолго до подачи заявки.

Требование промышленной применимости означает, что изобретение можно воплотить не только на бумаге, но и в жизни и оно будет работоспособным [Чурилов, 2020, 48]. Изобретение не соответствует критерию промышленной применимости если его невозможно реализовать на текущем этапе развития знаний. Так, в одном из дел Суд по интеллектуальным правам рассматривал жалобу заявителя на отказ в регистрации его изобретения, генератора реактивной мощности. Роспатент отказался его регистрировать, поскольку указал на его техническую нереализуемость. СИП поддержал указанное ведомство и указал, что техническое решение характеризует изолированную систему, которая сначала вырабатывает энергию из аккумулятора, но далее генератор перестает получать энергию извне. Указанное положение вещей приводит к тому, что патентуемый генератор в действительности является разновидностью вечного двигателя, работа которого в отсутствие внешних воздействий невозможна ввиду нарушения закона сохранения и превращения энергии.

2. В качестве полезной модели охраняется техническое решение, относящееся к устройству. Изобретения и полезные модели схожи, в сущности, поскольку оба являются техническими решениями. В то же время различаются они друг с другом в сфере направленности этих технических решений. Если изобретения относятся к продукту или способу, то полезная модель относится к устройству. Устройство – это изделие, материальное воплощение некоего изобретения, при том совершенно неважно имеет ли устройство множество деталей, находящихся в компонентно-системном единстве или же нет. Устройства бывают совершенно разнообразными, и не всегда представляют собой какое-то механическое изделие. Например, кондитерское изделие из цукатов сосновых шишек было признано полезной моделью и получило соответствующую правовую охрану.

Совпадая практически по всем условиям патентоспособности с изобретением, полезная модель не требует изобретательского уровня. Полезная модель сама по себе представляет менее прорывное и менее инновационное решение, чем изобретение, а потому является менее ценным, что выражается в том числе в меньшем сроке правовой охраны. Заменяв один признак будет возможно придать патентную защиту такой новой патентоспособной полезной модели в то

время, как аналогичная замена у изобретений привела бы к отказу в патентовании по причине несоответствия критерию «изобретательский уровень» [Ворожевич, 2020, 170]. Однако в некоторых случаях ценно само по себе уже незначительное изменение чего-то уже изобретенного – это может создать большую привлекательность изделия в глазах потребителя, сделать изделие удобнее, проще в эксплуатации, но концептуально ничего в нем не менять.

3. Промышленный образец. Из-за того, что промышленный образец своей сутью уже отличается от двух иных охраняемых объектов патентных прав, промышленный образец имеет иные условия патентоспособности. Промышленный образец охватывает защиту внешнего вида изделия, в то время как предыдущие два объекта патентных прав охватывают содержательное воплощение некоего решения. Среди позитивных условий патентоспособности промышленного образца выделяются два: новизна и оригинальность. Оригинальность при этом нередко указывается как свойство объекта авторских прав, принципиально иной в своем содержании группы объектов интеллектуальной собственности, но новизна, как мы указали ранее, вовсе не обязательно должна быть у объекта авторского права, даже если сюжет или идея произведения будут не новы – оно все равно получит правовую охрану. Новизна – это условие придание правовой охраны именно традиционным объектам патентных прав. Вышеуказанное наводит на мысль о том, что промышленный образец своего рода промежуточным, срединным объектом, лежащим на границе авторского и патентного права.

Однако в науке патентного права для обособления промышленного образца от объектов авторского права предлагается понимать оригинальность через понятие «индивидуального характера», оригинальность здесь иная не та же самая, что оригинальность в праве авторском и представляет собой оригинальность формы, а не мысли и творческое начало для патентоспособности промышленного образца не имеет никакого значения, поскольку важно только то, какое впечатление образец производит на специалиста. Однако Суд по Интеллектуальным правам отмечает именно на творческое начало, как основы оригинальности. СИП указал, что использование существующего объекта в качестве части нового оригинально, но использование части существующего как новое целое не имеет творческого начала и потому не может признаваться оригинальным. Эта позиция заслуживает большей поддержки, поскольку те существенные признаки, по которым проводится анализ потенциальной патентоспособности промышленного образца (орнамент, сочетание цветов, линий, контуры изделия) нельзя реализовать в оригинальное решение без подключения творческого начала. Обязательность критерия творческого труда дизайнера напрямую следует из п. 3 ст. 1352 ГК РФ. Оригинальность должна быть результатом труда дизайнера, а не конструктивным требованием инженерного проектирования, т.е. должна быть личным самостоятельным трудом дизайнера, а не производственной и конструктивной необходимостью.

Нам полагается, что оригинальность промышленного образца есть отсутствие схожести одного внешнего вида изделия с другими существующими, она являет собой некий аналог изобретательского уровня у изобретений.

Во-первых, потому что оригинальность есть в той же степени выражение вклада дизайнера в его промышленный образец, сколько и вклад ученого в его изобретение. Оригинальность есть своего рода величина отражения творческого вклада в дизайн, и то насколько такой вклад делает рассматриваемый промышленный образец неповторимым, а изобретательский уровень – это величина превосходства мысли изобретателя над мыслью иных ученых, т.е. величина отражения такого же творческого вклада, но уже с технической точки зрения, как нестандартный подход к техническому решению.

Оригинальность дизайна должна быть очевидна для информированного потребителя ровно на столько же, на сколько неочевидным должно быть для специалиста Роспатента патентуемое изобретение. Особенность творческого труда в промышленном образце такова, что если этот объект патентных прав не имеет индивидуального характера и в какой-то степени воспроизводит уже имеющееся решение, пусть даже дизайнеру и не известное, то суд установит отсутствие творческого начала в таком дизайне.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что объекты патентного права разделяются на результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и в сфере дизайна. Они становятся таковыми даже до придания им правовой охраны в качестве изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Самым сложным объектом для патентования является изобретение, которое имеет наибольшее количество условий патентоспособности, его «облегченным вариантом» является полезная модель, не требующая изобретательского уровня и представляющая собой более прикладное изыскание. Промышленный образец же представляет собой особый пограничный объект между объектами авторского и патентного права.

Библиография

1. Близнец И.А., Витко В.С. О содержании понятия формы в авторском и патентном праве // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 44-52.
2. Богданов Д.Е. Технология биопринтинга как легальный вызов: определение модели правового регулирования // Lex russica. 2019. № 6. С. 80-91.
3. Ворожевич А.С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты. М.: Статут, 2020. 179 с.
4. Городов О.А. Право промышленной собственности. М.: Статут, 2011. 104 с.
5. Еременко В.И. Правовая охрана селекционных достижений в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2015. № 1. С. 34-67; № 2. С. 7-27.
6. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 7.
7. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.03.2024 № С01-2893/2023 по делу № СИП-324/2023.
8. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.06.2020 № С01-506/2019 по делу № СИП-844/2018.
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.12.2019 № С01-1261/2019 по делу № А27-25524/2018.
10. Приказ Минэкономразвития России от 21.02.2023 № 107.
11. Решение Суда по интеллектуальным правам от 26.03.2024 по делу № СИП-400/2023.
12. Чурилов А.Ю. Патентная охрана в индустрии видеоигр через призму патентования программ для ЭВМ // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 12. С. 42-50.

Legal essence, types and conditions of patentability of objects of patent rights

Yusub Z. Ozmanyayn

Student of the Institute of Philosophy and Law,
Novosibirsk State University,
630090, 1, Pirogova str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: ozmanyayn.y@mail.ru

Abstract

Objects of patent law are divided into the results of intellectual activity in the scientific and technical field and in the field of design. They become such even before they are given legal protection as inventions, utility models, or industrial designs. The most difficult object for patenting is an invention that has the largest number of conditions for patentability; its “light version” is a utility model that does not require an inventive step and represents a more applied research. An industrial design is a special boundary object between the objects of copyright and patent law. The article provides an analysis of the conditions for patenting individual objects of patent rights, built on positive and negative models. Based on the number and content of patentability conditions, it has been proven that the invention is the most complex object of patent rights. An industrial design is an object that incorporates features of both patent and copyright objects. Objects of patent law are divided into the results of intellectual activity in the scientific and technical field and in the field of design. They become such even before they are given legal protection as inventions, utility models, or industrial designs. The most difficult object for patenting is an invention that has the largest number of conditions for patentability; its “light version” is a utility model that does not require an inventive step and represents a more applied research. An industrial design is a special boundary object between the objects of copyright and patent law.

For citation

Ozmanyán Yu.Z. (2024) *Pravovaya sushchnost', vidy i usloviya patentosposobnosti ob'ektov patentnykh prav* [Legal essence, types and conditions of patentability of objects of patent rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 317-324. DOI: 10.34670/AR.2024.96.69.009

Keywords

Patent law, objects of patent law, inventions, utility model, industrial design.

References

1. Bliznets I.A., Vitko V.S. (2022) O soderzhanii ponyatiya formy v avtorskom i patentnom prave [On the content of the concept of form in copyright and patent law]. *Khozyaistvo i pravo* [Economy and Law], 3, pp. 44-52.
2. Bogdanov D.E. (2019) Tekhnologiya bioprintinga kak legal'nyi vyzov: opredelenie modeli pravovogo regulirovaniya [Bioprinting technology as a legal challenge: defining a model of legal regulation]. *Lex russica*, 6, pp. 80-91.
3. Churilov A.Yu. (2020) Patentnaya okhrana v industrii videoigr cherez prizmu patentovaniya programm dlya EVM [Patent protection in the video game industry through the prism of patenting computer programs]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'* [Intellectual Property. Industrial property], 12, pp. 42-50.
4. Eremenko V.I. (2015) Pravovaya okhrana selektsionnykh dostizhenii v Rossiiskoi Federatsii [Legal protection of selection achievements in the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 1, pp. 34-67; 2, pp. 7-27.
5. Gorodov O.A. (2011) *Pravo promyshlennoi sobstvennosti* [Industrial property law]. Moscow: Statut Publ.
6. (2019) O primeneniі chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.04.2019 № 10 [On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 7.
7. *Postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 25.03.2024 № S01-2893/2023 po delu № SIP-324/2023* [Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Rights dated March 25, 2024 No. S01-2893/2023 in case No. SIP-324/2023].
8. *Postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 25.06.2020 № S01-506/2019 po delu № SIP-844/2018* [Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Rights dated June 25, 2020 No. S01-506/2019 in case No. SIP-844/2018].
9. *Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 05.12.2019 № S01-1261/2019 po delu № A27-25524/2018* [Resolution

of the Intellectual Rights Court dated December 5, 2019 No. S01-1261/2019 in case No. A27-25524/2018].

10. *Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 21.02.2023 № 107* [Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated February 21, 2023 No. 107].
11. *Reshenie Suda po intellektual'nyim pravam ot 26.03.2024 po delu № SIP-400/2023* [Decision of the Intellectual Rights Court dated March 26, 2024 in case No. SIP-400/2023].
12. Vorozhevich A.S. (2020) *Zashchita isklyuchitel'nykh prav na patentookhranyaemye ob"ekty* [Protection of exclusive rights to patented objects]. Moscow: Statut Publ.

УДК 347.45

DOI: 10.34670/AR.2024.87.41.010

Составные произведения: понятие, признаки, общая характеристика

Белоусов Владимир Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Байкальский государственный университет
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
e-mail: BelousovVN@bgu.ru

Измestьев Владимир Александрович

Студент,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
e-mail: IzmestievVA@bgu.ru

Аннотация

В статье предложены и раскрыты общие признаки, свойственные производным и составным произведениям. Кроме того, определен перечень специальных признаков, которые характерны для составных произведений. На основе выявленных признаков сформулировано авторское определение составного произведения. Доказана необходимость закрепления в гражданском законодательстве нормы об обязательной письменной форме согласия правообладателя об использовании его произведения при создании производного или составного объекта авторского права. Критически осмыслен вывод, содержащийся в Постановлении Конституционного Суда РФ № 25-П, представлена нецелесообразность введения в 2023 г. нового абзаца п. 4 ст. 1260 Гражданского кодекса России. Названы критерии для отграничения составных и сложных произведений

Для цитирования в научных исследованиях

Белоусов В.Н., Измestьев В.А. Составные произведения: понятие, признаки, общая характеристика // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 325-331. DOI: 10.34670/AR.2024.87.41.010

Ключевые слова

Составное произведение, производное произведение, составитель, автор, правообладатель, согласие.

Введение

В ст. 1260 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) содержатся правила о производных и составных произведениях. Вместе тем, очевидно, что несмотря на закрепление их в одной статье речь идет о разных объектах авторского права. Нормативное регулирование производных и составных произведений в одной статье объясняется зависимостью таких результатов интеллектуальной деятельности от первоначальных произведений и похожим статусом переводчиков и составителей. Поэтому производным и составным произведениям присущи как общие, так и специальные признаки.

Основная часть

Обратимся к анализу общим признаков, свойственных данным произведениям.

Во-первых, произведение должно иметь творческий характер и объективную форму выражения. Действует презумпция, согласно которой, пока не доказано иное, предполагается, что результат интеллектуальной деятельности создан творческим трудом. При этом отсутствие уникальности, новизны не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом. Такой подход весьма логичен, поскольку у человека отсутствует конкретный алгоритм действий, каждое слово будет выстроено в индивидуальной последовательности. О. В. Исаева справедливо под оригинальностью предлагает понимать специальную характеристику объекта авторского права, достигнутую за счет проявления создателем своих творческих способностей, позволяющим отразить собственную личность и проявить индивидуальность, сделав результат особенным, уникальным, непохожим на другие» [Исаева, 2023].

Для более глубокого изучения проблемы, необходимо погрузиться в зарубежную практику. В США в отношении оригинальности подобных произведений суды рассматривают в частности такой фактор как характер использования произведения, а именно: достаточно ли изменений внесено в работу и в каких целях осуществлялась переработка [When Does an Artist's Appropriation Become Copyright Infringement?, [www...](#)]. Безусловно, в случае возникновения спорных ситуаций, связанных определением оригинальности и новизны производного или составного произведения следует провести экспертизу.

Во-вторых, требуется соблюдение прав авторов произведений, использованных для создания производного или составного произведения. Следовательно, необходимо волеизъявление правообладателя первоначального произведения, т.е. его согласие [Белькова, 2023]. Так, в деле против *Rogers v. Koons* суд посчитал, что невозможно без согласия правообладателя использовать результат интеллектуальной деятельности и выставить его в иной форме, превратив, например, из картины или фотографии в скульптуру и наоборот, подкрепляя новой идеей. В частности, используя объект авторского права для олицетворения недостатков общества, как в описываемом деле, но не изменяя при этом произведение существенным образом. Суд признал, что в таком случае добросовестным стало бы представление ее в новом, пародийном виде [*Rogers v. Koons* // 960 F.2d 301 (1992)., [www...](#)].

На страницах цивилистической литературы можно встретить вывод о том, что согласие правообладателя первоначального объекта авторского права следует квалифицировать в качестве односторонней абстрактной сделки [Елисеев, 2017]. В тоже время в законодательстве не содержится указаний на то, в какой форме должно быть выражено такое согласие. Отсутствие

правил о форме предоставления согласия может привести создателя таких произведений к серьезным правовым последствиям. Думается, что согласие должно быть только в письменной форме. Иначе возникнут трудности в доказывании факта дачи самого согласия правообладателем, условиях о размере вознаграждения и прочее. В этой связи в ст. 1260 ГК РФ целесообразно ввести императивное ограничение [Минниес, Ягофарова, 2017], а именно включить норму об обязательной письменной форме согласия правообладателя об использовании его произведения при создании производного или составного объекта авторского права.

В-третьих, авторские права создателя производного или составного произведения охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав независимо от охраны прав авторов произведений, на которых такие произведения основаны. Таким образом, данные произведения обладают свойством правовой защищенности. Возможны случаи, когда производный или составной результат интеллектуальной деятельности создан на основе произведения не охраняемого авторским правом, например, произведений народного творчества. Разумеется, в такой ситуации охране подлежит только производное или составное произведение.

Необходимо обратить внимание на то, что Постановлением Конституционного Суда РФ № 25-П (далее – Постановление) п. 3 ст. 1260 ГК РФ признан не соответствующим отечественной Конституции, поскольку в системе действующего правового регулирования он допускает отказ суда в защите авторских прав создателя программы для ЭВМ в споре с лицом, использующим указанную программу для ЭВМ в отсутствие его согласия, только на том основании, что названная программа является составным произведением и ее автором не выполнено условие о соблюдении прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для ее создания [Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2022 г. № 25-П // Рос. газ. 2022. № 140].

Из изложенного следует, что с одной стороны исключительные права на составные произведения возникают с момента их создания независимо от наличия согласия правообладателя первоначального произведения. Этот вывод в полной мере соответствует п. 88 Постановлению Пленума Верховного Суда «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Однако в этом же Постановлении отмечается: «использование производного или составного произведения, созданного с нарушением прав авторов (иных правообладателей) использованных произведений, является нарушением прав последних». Конституционный суд пришел к противоположному выводу по этому вопросу. При этом не указал на возникшее противоречие, а напротив, при формулировании своего вывода сослался на Постановление Пленума Верховного Суда в подтверждение своих суждений. Нельзя не согласиться с мнением В.И. Еременко о том, что Постановление Конституционного суда в части предоставления защиты создателю программы для ЭВМ при несоблюдении прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для ее создания не соответствуют положениям Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений [Еременко, 2023].

После опубликования Постановления в доктрине возникла полемика о пределах его действия. Оно распространяется только программы для ЭВМ или на составные произведения в целом? [Румянцев, 2022]. Обращает на себя внимание, что законодатель распространил действие нового правила в отношении любых составных и даже производных произведений, а не только программ для ЭВМ. В 2023 г. п. 4 ст. 1260 ГК РФ дополнен новым абзацем, согласно

которому в случае неправомерного использования производного или составного произведения защите подлежат как права авторов произведений, на которых оно основано, так и авторские права создателя производного или составного произведения.

В пояснительной записке к законопроекту отмечалось: «...включение данного абзаца позволит обеспечить соблюдение единого подхода к защите интеллектуальных прав, при котором авторские права на производное или составное произведение (как и в случае с любым другим произведением) возникают в момент его создания и должны пользоваться юридической защитой с момента возникновения» [О внесении изменения в статью 1260 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 09.12.2022): Проект Федерального закона № 254532-8].

По сути вывод Конституционного суда остался неучтенным. Дополнение п. 4 ст. 1260 ГК РФ новым абзацем не позволило решить возникающие проблемы в данной сфере, а лишь воспроизвело пункт из Постановления Пленума Верховного Суда «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Кроме того, остался без изменений п. 3 ст. 1260 ГК РФ согласно которому автор производного или составного произведения осуществляет свои авторские права при условии соблюдения прав авторов первоначальных произведений. И это отрадно, поскольку в противном случае авторы производных или составных произведений не стали бы получать согласия от авторов первоначальных произведений, что привело бы к повсеместному нарушению их прав.

В-четвертых, другие лица вправе создавать производные или составные произведения на базе того же оригинального произведения, что уже послужило ранее для создания производного или составного объекта авторского права. Такой подход соответствует ст. 44 Конституции РФ в которой провозглашается свобода творчества. В этом случае новому автору, решившему создать еще одно составное или производное произведение следует получить согласие автора первоначального произведения. Это соответствует теории «Запрещено все и всем, кроме правообладателя», сформировавшейся исходя из положений об авторском праве. В то же время по общему правилу нет необходимости получения разрешения от автора производного или составного произведения. Однако можно предположить следующую ситуацию. Изображение персонажа, созданное на основании описания из литературного произведения, является производным произведением. У автора производного произведения возникают авторские права на осуществленную переработку. Иной субъект гражданского права может изъявить желание творчески изменить этот персонаж, т.е. осуществить переработку переработки оригинального объекта авторского права [Смирнова, Шишанова, 2018]. Думается, что в целях исключения нарушений прав автора первой переработки нужно получать его согласие для дальнейшей переработки.

Составным произведениям как самостоятельным объектам авторского права присущи и специфические признаки.

Так, основополагающим признаком составного произведения является разработанная автором система подбора и (или) расположения материала. В результате появляются сборники, базы данных, антологии, атласы, энциклопедии, интернет-сайты, хрестоматии и др. Безусловно такой подбор, расположение материала должен представлять собой результат творческого труда. Для этого требуется реализация новаторского подхода, оригинальных творческих идей при компоновке материала [Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики), 2021]. По этой причине не признаются составными произведениями, в частности, телефонные справочники, собранные в алфавитном порядке.

Принципиальное значение имеет разграничение составных и сложных произведений. Интересный вывод на этот счет можно встретить в отечественной юриспруденции: «...составные произведения относятся к сложным, но не все сложные являются составными произведениями» [Шостак, 2019]. На самом деле сложные и составные произведения – это самостоятельные объекты. Интеллектуальные права распространяются не в целом на само составное произведение, а на осуществленное автором составительство (подбор и творческое расположение материала). Сложное произведение состоит из нескольких объектов авторского права, но охраняются как единый результат интеллектуальной деятельности. Например, аудиовизуальное произведение. При этом встречаются случаи, когда один объект авторского права, а именно база данных, квалифицируется одновременно и как составное и как сложное произведение. Б. Е. Семенюта для схожего объекта (программы для ЭВМ) в котором использована другая программа предлагает по опыту Испании ввести понятие «комбинированное» произведение [Семенюта, 2023]. Несмотря на дискуссионную природу программы для ЭВМ (как в прочем и базы данных) сомнительным на сегодняшний день видится включение института комбинированного произведения в ГК РФ, поскольку такое нововведение будет усложнять функционирование гражданского оборота [Виниченко, 2025]. Целесообразнее в уже имеющихся нормах об авторском праве исключить противоречия и четко обозначить правовой режим каждого произведения.

Еще одним специальным признаком является то, что автор первоначального произведения вправе использовать его независимо от составного. Норма закона является диспозитивной, поскольку иное может быть предусмотрено договором с создателем составного произведения. В частности, следующее: «указанное произведение будет использоваться только в составе этого сборника». Специально в законодательстве закреплены права создателей энциклопедий, словарей и других периодических изданий. Предусмотрено право создателя указывать свое наименование или требовать его указания и авторов произведений, вошедших в их состав.

Заключение

Учитывая изложенное можно предложить авторскую дефиницию составного произведения. Под ним предлагаем понимать охраняемый результат интеллектуальной деятельности, имеющий творческий характер и объективную форму выражения, созданный с письменного согласия автора первоначального произведения и представляющий собой оригинально разработанную составителем систему подбора и (или) расположения материала.

Библиография

1. Белькова Е. Г. Производные произведения науки, литературы и искусства // Академический юридический журнал. 2023. № 2. С. 193-201.
2. Виниченко Ю. В. О соотношении гражданского и экономического оборота // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 5. С. 879-887.
3. Елисеев В.И. Гражданско-правовой режим производных объектов интеллектуальных прав: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 245 с.
4. Еременко В. И. Вопросы правовой охраны производных и составных произведений // ИС. Авторское право и смежные права. 2023. № 5. С. 5-12.
5. Исаева О.В. Пределы свободы автора производного произведения: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 167 с.
6. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П. Д. Багрянская, О. А. Беляева, С. А. Бурлаков и др.; отв. ред. В. М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. Вып. 28. 200 с.

7. Минникес И. А., Ягофарова И. Д. Императивные ограничения в праве // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8, № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).20.
8. Румянцев А. Г. Принцип равенства и объекты авторских прав: комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 25-П // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022. № 5. С. 132. (С. 127-141).
9. Семенюта Б. Е. О квалификации программ для ЭВМ как составных произведений // *Закон*. 2023. № 5. С. 74-82.
10. Смирнова Е. А., Шишанова А. А. О сложной юридической судьбе персонажей мультипликационных фильмов // *ИС. Авторское право и смежные права*. 2018. № 6. С. 19-30.
11. Шостак И.В. Проблемы правового регулирования составных произведений в РФ // *ИС. Авторское право и смежные права*. 2019. № 1. С. 13-22.

Composite works: concept, features, general characteristics

Vladimir N. Belousov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Baikal State University,
664003, 11, Lenin str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: BelousovVN@bgu.ru

Vladimir A. Izmet'ev

Student
Baikal State University,
664003, 11, Lenin str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: IzmetievVA@bgu.ru

Abstract

The article proposes and reveals common features characteristic of derivative and composite works. In addition, a list of special features that are characteristic of composite works has been defined. Based on the identified features, the author's definition of a composite work is formulated. The necessity of enshrining in civil legislation the rule on the mandatory written consent of the copyright holder to use his work when creating a derivative or composite object of copyright has been proven. The conclusion contained in the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P is critically comprehended, and the inappropriateness of introducing a new paragraph of paragraph 4 of Art. in 2023 is presented. 1260 of the Civil Code of Russia. Criteria for distinguishing between composite and complex works have been named.

For citation

Belousov V.N., Izmet'ev V.A. (2024) Sostavnye proizvedeniya: ponyatie, priznaki, obshchaya kharakteristika [Composite works: concept, features, general characteristics]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 325-331. DOI: 10.34670/AR.2024.87.41.010

Keywords

Composite work, derivative work, compiler, author, copyright holder, consent.

References

1. Belkova E. G. Derivative works of science, literature and art // Academic legal journal. 2023. No. 2. P. 193-201.
2. Vinichenko Yu. V. On the relationship between civil and economic turnover // News of the Irkutsk State Economic Academy. 2015. T. 25. No. 5. P. 879-887.
3. Eliseev V.I. Civil legal regime of derivative objects of intellectual rights: dissertation. ...cand. legal Sci. M., 2017. 245 p.
4. Eremenko V.I. Issues of legal protection of derivative and composite works // IS. Copyright and related rights. 2023. No. 5. P. 5-12.
5. Isaeva O.V. Limits of freedom of the author of a derivative work: diss. ...cand. legal Sci. M., 2023. P. 167 p.
6. Commentary on the practice of considering economic disputes (judicial and arbitration practice) / P. D. Bagryanskaya, O. A. Belyaeva, S. A. Burlakov and others; resp.ed. V. M. Zhuikov. M.: IZiSP, CONTRACT, 2021. Issue.28. 200 p.
7. Minnikes I. A., Yagofarova I. D. Imperative restrictions in law // Baikal Research Journal. 2017. T. 8, No. 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).20.
8. Rumyantsev A. G. The principle of equality and objects of copyright: commentary on the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2022 No. 25-P // Comparative Constitutional Review. 2022. No. 5. P. 132. (P. 127-141).
9. Semenyuta B. E. On the qualification of computer programs as composite works // Law. 2023. No. 5. P. 74-82.
10. Smirnova E. A., Shishanova A. A. On the complex legal fate of characters in animated films // IS. Copyright and related rights. 2018. No. 6. P. 19-30.
11. Shostak I.V. Problems of legal regulation of composite works in the Russian Federation // IS. Copyright and related rights. 2019. No. 1. P. 13-22.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.91.91.025

Исследование правовой природы доли в уставном капитале коммерческой корпорации в трудах российских ученых в XIX–XX веках

Калабин Вячеслав Сергеевич

Аспирант,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: info@mfua.ru

Аннотация

На основе описанных в статье позиций отечественных ученых-юристов можно заключить, что сначала, исторически понимание доли участия в корпорации зависело от двух основных факторов: (а) от развития организационно-правовых форм объединения людей и их капиталов, и (б) от преобладающей на определенном историческом этапе доктрины юридического лица в конкретном обществе и государстве. Эти факторы влияют производно на понимание доли. Российское право, с некоторыми оговорками, следовало общеевропейскому развитию учения о доле в корпорации. Кроме того, в результате сопоставления позиций следует, что понимание доли постепенно эволюционировало от вида неотчуждаемого «недвижимого имущества» до способных к быстрому обороту движимого имущества в виде совокупности имущественных прав и обязанностей участника по отношению к соответствующей корпорации. Развитие в течение XIX–XX веков в доктрине понятия доли в коммерческой корпорации (в виде акции или пая) не предложило полноценного и внутренне непротиворечивого понимания правовой природы исследуемого института, что связано с его многоаспектностью, многогранностью и особым положением.

Для цитирования в научных исследованиях

Калабин В.С. Исследование правовой природы доли в уставном капитале коммерческой корпорации в трудах российских ученых в XIX–XX веках // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 332-341. DOI: 10.34670/AR.2024.91.91.025

Ключевые слова

Доля, правовая природа, уставной капитал, коммерческая корпорация, история права.

Введение

Значимость исследования правовой природы доли в уставном капитале коммерческой корпорации является значимым вопросом науки корпоративного права, поскольку помогает выявить наиболее оптимальные способы защиты прав, вытекающих из владения долей, а также сущность изучаемого правового явления в его развитии. Долгое время в теории гражданского права широко используется концепция деления правоотношений на абсолютные и относительные. Абсолютные и относительные гражданские правоотношения выделяются в соответствии с критерием того, насколько определены субъекты данных правоотношений. Относительно того, связана ли деятельность обязанного лица с определенными материальными благами или нет, выделяются имущественные и неимущественные правовые отношения. В зависимости от способа удовлетворения интересов управомоченного лица, различают вещные и обязательственные правовые отношения. Основываясь на характере взаимосвязи между управомоченным и обязанным субъектами, выделяются абсолютные и относительные правовые отношения.

Вещные правовые отношения закрепляют статическое имущественное положение субъектов, где вещи являются материальным объектом таких отношений. К числу юридических отношений этого вида относятся, например, правоотношения собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления и другие. Вещные правоотношения считаются абсолютными, поскольку третьи лица обязаны воздерживаться от нарушения этих вещных прав. В обязательственных правоотношениях, которые имеют относительный характер, определены конкретные должники, на которых возлагаются обязанности, как правило, активного типа. Обязательственные правоотношения являются посредниками динамики имущественных отношений.

Абсолютные права противостоят всем другим лицам вне зависимости от того, имеют ли они какие-либо обязательства перед владельцем этих прав.

Относительные права, напротив, устанавливаются между определенными лицами и связаны с определенными обязанностями. Такие права действуют только между конкретными лицами, которые обязаны соблюдать свои обязательства по отношению к друг другу.

Основная часть

Профессор Райхер В.К. в своей статье поставил под сомнение правомерность классификации прав на вещные и обязательственные [Райхер, 1928; Толстой, Сергеев, 1996, 80]. В качестве основного аргумента он использовал тот факт, что многие права не могут быть полностью отнесены ни к первой, ни ко второй группе.

В качестве примера он приводил право залога, содержащее элементы и вещных и обязательственных отношений. Позже к таким промежуточным правоотношениям были отнесены и отношения, возникающие в связи с наймом жилого помещения [Прокопченко, 1979; Гонгало, 1989, 128]. Райхер В.К. отдавал предпочтение делению прав на абсолютные и относительные. Однако вскоре выяснилось, что и оно не является безупречным. Право родителей истребовать своих детей от всех третьих лиц, которые безосновательно их удерживают, Иоффе О.С. назвал относительным правом с качествами абсолютного характера [Иоффе, 1965, 195].

К таким правам Рясенцев В.А. отнес право супругов на общее совместное имущество,

которое как субъективное семейное право является относительным, но одновременно, как и всякое иное право собственности, имеет абсолютный характер [Рясенцов, 1967, 27].

Особая природа корпоративных отношений, вытекающих из обладания долей (акциями), следует из того, что в течение XIX–XX веков ученые по-разному определяли их правовую природу, что следует из представленных ниже правовых позиций.

Несмотря на то, что «юридические лица были в течение всего XIX века одной из излюбленных тем в цивилистической литературе» [Покровский, 2001], вопрос правовой природы доли¹ в корпорации не был среди тех вопросов, которые исследовали отечественные ученые в первую очередь. Сперва активно исследовался вопрос природы юридического лица в целом. Развитие понятия доли в современном понимании зависело от развития восприятия сущности юридического лица.

Наиболее активно природа юридического лица начала исследоваться в XVIII–XIX столетиях, и в этот же период была сформирована критика возникших исследований. В дореволюционный период России и в иных странах было сформировано значительное количество теорий юридического лица [Корягина, 2012].

Вместе с развитием понимания юридического лица проводились исследования, посвященные пониманию и правовой природе доли в уставном капитале коммерческой корпорации, которые тогда представляли из себя акции либо паи в товариществах.

Из работы Квачевского А.В. следует, что в XIX веке в отечественном законодательстве отсутствовало понятие «доля», однако для обозначения размера вклада в товарищество использовались термины «пай» и «акция» – в зависимости от вида товарищества. При этом, применительно к акционерной компании допустимо было использование термина «пай» для обозначения количества взноса от каждого товарища [Квачевский, 1880, 36]. Аналогов обществ (товариществ) с ограниченной ответственностью в императорской России не существовало, однако в проектной документации по совершенствованию гражданского законодательства были так называемые «товарищества с переменным составом» [Гражданское уложение..., 1899].

В начале XX века существовали акционерные компании, капитал которых разделен не на акции, а только на определенные части.

Это следует, в том числе, из работы Бертгольда Г.В., который привел ссылку из кассационного решения Правительственного Сената, согласно которому термины «пай» и «акция» смешиваются, так как в общем под паем именуется сумма, вносимая в товарищество. «В таком случае наименование товарищества акционерной компании или товарищества на паях для существа дела безразлично, ибо обоим терминам означают одно и то же. Основой паевого товарищества, как и акционерной компании, является ограниченная ответственность. Неизбежность тождества и принадлежностей и свойств паевых товариществ и акционерных компаний вытекает именно из указанного принципа ограниченной ответственности, ибо этим принципом все обуславливается, от этого принципа зависит весь строй и организация товарищества» [Бертгольдт, 1900, 51].

Ниже представлены позиции отечественных ученых, на основании которых можно попытаться сформировать общую картину конца XIX века, отражающую историческое понимание правовой природы доли в уставном капитале коммерческой корпорации.

¹ По тексту настоящей статьи термин «доля» используется в широком понимании, под которым стоит иметь в виду пакет акций, пай и другие формы разделения сформированных капиталов коммерческих корпораций.

Так, например, Писемский П.А. понимал акцию в трех значениях: как доля участия лица в предприятии; как известная доля общественного капитала; как документ, свидетельствующий об участии лица в компании [Писемский, 1876, 58].

Описывая акцию в смысле участия в акционерном предприятии, Писемский П.А. придерживался позиции, что права акционера, из которых вытекает участие в предприятии, относятся к правам собственника (т.е. акционер является собственником имущества общества). Обосновывается эта точка зрения тем, что в договоре товарищества, на основании которого учреждается предприятие, никто не лишается своего имущества подобно тому, как, например, в договоре купли-продажи [там же].

«Акционеры есть товарищи, хозяева предприятия; они пользуются всеми его выгодами и несут весь его риск. В естественном смысле они есть собственники имущества компании (*dominium naturale, ex jure naturali*)» [там же].

В понимании Писемского П.А. признание компании юридическим лицом не исключает права собственности акционеров, так как «компания не есть субъект чуждый акционерам, но лишь совокупность их, рассматриваемая как одно лицо» [там же]. В период деятельности компании право собственности акционеров выражается лишь в праве на доходы с имущества, право распоряжения отходит от них и переход на компанию, а по прекращении компании вклады возвращаются акционерам. Писемский П.А. считал, что право собственности компании – фикция, введенная для юридических целей (*legume subtilitate*), которая в некоторой степени устраняет действительность, но не в состоянии совершенно ее уничтожить (*non enim ideo rei veritas deleta vel confusa est*).

Рассматривая акцию как документ, подтверждающий права участия в акционерном предприятии, Писемский П.А. писал о том, что свойство акционера связано с обладанием документа: «Компания имеет право и обязанность платить дивиденды каждому предъявителю акции, не требуя от него удостоверения в правомерности его обладания» [там же, 67]. Несмотря на такую важную функцию акции, Писемским П.А. также отмечалось следующее: «Для понятия об акционерной компании вовсе не существенно, чтобы компания выпускала документы; право участия акционера может доказываться запиской имени акционера в книгах компании, где и отмечаются все переходы права» [там же, 65].

Акция в смысле вклада в капитал предприятия рассматривалась Писемским П.А. как доля, на которую разделяется капитал предприятия: «Каждой акции должен соответствовать известный вклад...» [там же, 72]. Вклады в капитал предприятия могут быть выражены во всякого рода ценностях: денежные и неденежные вклады и даже вклады в виде личного участия акционера.

Белов В.А., комментируя позицию Писемского П.А. справедливо отмечает: «В этой характеристике для нас принципиальны три ключевые вещи: 1) права акционеров точно не являются обязательственными; 2) в правах акционеров нет возможности усмотреть каких-то «смешанных» субстанций (вещно-обязательственного свойства) и 3) права акционеров лишь называются правами собственности, но с точки зрения своего содержания имеют мало общего с классическим правом собственности» [Белов, 2009, 164].

Тарасов И.Т. в своей работе «Учение об акционерных компаниях» определял акцию как «документ на участие в акционерном предприятии с определенной долей акционерного капитала, дающее определенные права и возлагающие определенные обязанности, которые составляют содержание так называемого акционерного права» [Тарасов, 1879-1880, 41].

Также он указывал, что большинство определений акции сводится к следующему: 1) акция

– доля акционерного капитала; 2) акция – участие в акционерном предприятии в качестве акционера; 3) акция – документ, удостоверяющий право как на долю акционерного капитала, так и на участие в предприятии. В свою очередь, он подчеркивал, что признает за акцией только значение документа, указывающего на участие в акционерном предприятии в качестве акционера [там же].

Раскрывая содержание акционерного права, Тарасов И.Т. указывает, что оно состоит из прав и обязанностей акционера и акционеров в совокупности, в большинстве и в меньшинстве, однако он не раскрывает природу таких отношений. В тоже время, Тарасов И.Т. приводит позиции других ученых, которые по-своему определяли содержание акционерного права, основанного на акции.

Например, он указывает, что Молле, считая акционерное право за вещное, разделяет его на две составные части: 1) право совокупной собственности, которое заключается в том, что владельцы акций принимают участие в соответствии с ценой акции в общей собственности в прибылях и убытках компании и 2) право сочленства с правом голоса в общих собраниях в соответствии с уставом [там же, 88].

Также Тарасовым И.Т. представлена позиция Беккера, который определял акционерное право как право акционера 1) на долю имущества компании при ее ликвидации; 2) до ликвидации компании – на участие в управлении и участие в прибылях и выгодах компании.

С одной стороны, Тарасовым И.Т. отрицается обязательственная природа этого права: «...акционер, подобно кредитору, не имеет права требовать у акционерной компании своей доли капитала до срока, на который она дана, и в течение этого срока компания считается собственницей своего капитала». С другой стороны, он отрицает вещно-правовую природу этого права: «...несмотря как на отсутствие права с их стороны на получение обратно своей доли капитала, так и на отсутствие права со стороны кредиторов их на требование удовлетворения из акционерного капитала, причем подобное правоотношение было бы совершенно невозможно, если бы акционеры были бы совладельцами или общими собственниками».

Но, установив проблему, И.Т. Тарасов никакого ее решения не предлагает: «...правовые отношения, вырабатываемые в акционерных компаниях, следует осторожно подводить под известные, старые юридические конструкции, имея всегда в виду, что новые формы соединства вызывают и новые юридические отношения» [Тарасов, 1880, 410-411].

Цитович П.П., анализируя права акционера, приходит к выводу, что акция имеет двойкий смысл: материальный – акция есть совокупность всех прав акционера (членство и два участия); формальный – акция есть документ, в котором заключены (вмещены) права акционера. Этот вывод Цитович П.П. делает на основе того, что членство, участие в складочном капитале, как будущее участие в имуществе компании при ликвидации и, наконец, участие в прибылях – единоличные права акционера. При этом, все эти права заключены в акцию [Цитович, 1891, 152].

Так же, как и другие ученые того времени, акцию Цитович П.П. определял как имущество движимое, находящееся в полном распоряжении акционера. В свою очередь, однозначного вывода о том являются ли права акционера обязательственными или вещными Цитович П.П. не формулировал.

Победоносцев К.П. также отмечал двойственную функцию акции: акция выступает знаком участия в акционерном обществе и удостоверяет право акционера на участие. При этом, сама по себе акция означает наименьшую цельную долю капитала, служащего основанием предприятия

[Победоносцев, 1896, 522].

Обращая внимание на то, что владелец акции приобретает право, связанное с владением, в виде участия в выгодах предприятия и голоса на общих собраниях акционеров, и возможности подачи иска в предусмотренных случаях, Победоносцев К.П. приходит к выводу, что акционер не считается совладельцем имущества, составляющего достояние общества, по крайней мере до тех пор, пока общество существует и действует. «Разве в минуту ликвидации и раздела акционер может предъявить права свои на участие в этом разделе.»

Определяя природу акции, Победоносцев К.П. приходит к выводу, что акцию нельзя причислить к обязательствам, так как она происходит не из договора между членами; «...акцию правильнее причислить (Savigny, Renaud) к вещным правам – это право на известную долю в достоянии общества, но право это во всяком случае есть движимость».

Петражицкий Л.И., исследуя субъективное право акционера, прямо делает вывод, что есть такие гражданские права, которые не относятся ни к вещным, ни к обязательствам [Петражицкий, 1898, 52]. Тем самым выделяет корпоративные права в самостоятельный вид, существующий наряду с вещными и обязательственными.

К началу XX столетия акционерные компании являлись широко распространенным институтом, с которым освоились и теория, и практика.

Благодаря работе Бертольдта Г.В. «Акционерные общества и товарищества на паях по кассационным решениям Правительственного Сената», написанной в самом начале XX века, можно видеть правовую квалификацию доли в хозяйственном обществе со стороны высшей инстанции того времени. Так, Правительствующим Сенатом в решении гражданского кассационного департамента за 1887 год № 81 признано, что именные акции и паи представляют собою одно и то же и что они представляют из себя род движимого имущества.

Одновременно с этим, в решении также указано, что к паевым товариществам и акционерным компаниям нельзя применять нормы и разъяснения, касающиеся права общей собственности.

Каминка А.И. считал разделение акционерного капитала на акции в качестве одной из особенностей, которые в совокупности образуют акционерную форму предприятия. При этом, он отмечал важность в экономическом отношении овеществление права членства в документе, через отчуждение которого переносится и само право собственности [Каминка, 1902, 4].

Описывая, особенности этой формы предприятия, Каминка А.И. указывал, что сделавший взносы теряет какие-либо непосредственные права на это имущество и судьба последнего становится совершенно отличной от судьбы остального имущества акционера. «Непосредственная связь его со сделанным взносом, растворившимся в компанейском имуществе, не может быть восстановлена до прекращения компании».

В другой своей работе Каминка А.И. сделал вывод о том, что акционер по отношению к компании имеет самостоятельные права на управление и на имущество. «Права эти представляют своеобразные особенности сравнительно со структурой индивидуальных обязательственных прав, они носят специфическую корпоративную окраску, сущность которой заключается в элементе господства компании, как таковой, над отдельными ее участниками» [Каминка, 1912, 353].

Свой вывод Каминка А.И. сделал с помощью исследований немецких ученых (Гирке, Герман, Отто Бэр) и отечественного профессора Пахмана В.П., которые признавали специальный статус отношений между корпорацией и ее участником.

В частности, Каминка А.И. основывался на том, что если рассмотреть существо особых

отношений члена к своей корпорации, то видна основная особенность этих отношений, придающую им совершенно своеобразную окраску, заключающуюся в том, что «здесь нет той свободы, того равенства отношений, которое характеризует собой всю область обязательственных отношений» [там же, 351].

На основании теоретических позиций Каминки А.И. можно попытаться обобщить его понимание существа доли в уставном капитале хозяйственного общества. Это часть сформированного участниками хозяйственного общества капитала, фиксирующая принадлежность управленческих и имущественных прав участника по отношению к хозяйственному обществу, с которым участник находится в особых правоотношениях, не похожих на обязательные отношения.

Шершеневич Г.Ф. в своей работе «Курс торгового права» в понятие акции вкладывал двойное значение: 1) как право участие в данном торговом предприятии и 2) как документ, свидетельствующий об этом праве [Шершеневич, 1908, 414].

Шершеневич Г.Ф. определяет акцию как движимость в чем бы ни заключалось имущество товарищества. «Фабрики, копи шахты и пр. принадлежат на праве собственности акционерному товариществу, как юридическому лицу. Акционер же имеет право при жизни товарищества на часть прибыли, при ликвидации – на денежную ценность. Поэтому к акции, как движимости, должны быть применяемы правила об обращении движимых вещей» [там же, 418].

Из этого следует, что Шершеневич Г.Ф. не признает право, основанное на акции, обязательством. Более того, прибегает в характеристике юридической природы этого права к такому неюридическому понятию, как хозяин, которое ближе к понятию собственника, но собственником акционера он не считает. В тоже время, эта мысль им далее не раскрывается [там же, 392].

Вместе с тем стоит заметить, что вопрос о правах акционеров Шершеневичем Г.Ф. помещен в раздел обязательственного права учебника гражданского права [Шершеневич, 1995, 387-391].

Розенберг В.В. исследовал необходимость введения в отечественное правовое регулирование новый вид юридического лица – товарищество с ограниченной ответственностью, которое представляло прообраз современного общества с ограниченной ответственностью.

Применительно к товариществам с ограниченной ответственностью Розенберг В.В. указывал, что пай дает право 1) на участие в прибылях товарищества, 2) на участие в товарищеском имуществе в случае ликвидации товарищества, 3) на участие в управлении делами товарищества [Розенберг, 1912, 158].

Розенберг В.В. не высказывается относительно рода прав, указывая только на то, что вышеперечисленные права, вытекающие из обладания паем, могут быть названы общими правами товарищей и каждому товарищу принадлежит притязание на одинаковое со всеми другими правовое положение в отношении товарищества [там же].

Исходя из того, что Синайский В.И. поместил вопросы, посвященные товариществу по участкам (акционерным компаниям) в главу «обязательства по договорам», то допустимо предположить, что Синайский В.И. определял правоотношения товарищей (акционеров), вытекающие из факта участия их в таком юридическом лице как обязательственные [Синайский, 1915-1917].

Агарков М.М. обособил право членства в акционерном обществе, не отнеся его ни к вещным, ни к обязательным правам [Агарков, 1927, 175]. По его мнению, акционерное правоотношение имеет совершенно особый характер, включая в себя элементы абсолютных и

относительных правоотношений. Поэтому попытка включить их в известные классификационные группы будет обречена на неудачу.

Заключение

На основе вышепредставленных позиций отечественных ученых-юристов следует, что сначала, исторически понимание доли участия в корпорации зависело от двух основных факторов: (а) от развития организационно-правовых форм объединения людей и их капиталов, и (б) от преобладающей на определенном историческом этапе доктрины юридического лица в конкретном обществе и государстве.

Эти факторы влияют производно на понимание доли. Российское право, с некоторыми оговорками, следовало общеевропейскому развитию учения о доле в корпорации.

Кроме того, в результате сопоставления позиций следует, что понимание доли постепенно эволюционировало от вида неотчуждаемого «недвижимого имущества» до способных к быстрому обороту движимого имущества в виде совокупности имущественных прав и обязанностей участника по отношению к соответствующей корпорации.

Развитие в течение XIX–XX веков в доктрине понятия доли в коммерческой корпорации (в виде акции или пая) не предложило полноценного и внутренне непротиворечивого понимания правовой природы исследуемого института, что связано с его многоаспектностью, многогранностью и особым положением.

Библиография

1. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М., 1927. С. 175.
2. Белов В.А. Гражданско-правовая форма корпоративных отношений (к проблеме так называемых корпоративных правоотношений) // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 164.
3. Бертгольдт Г.В. Акционерные общества и товарищества на паях по кассационным решениям Правительственного Сената. М., 1900. С. 51.
4. Гонгало Б.М. Структура жилищного обязательства // Проблемы обязательного права. Свердловск, 1989. С. 128.
5. Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. IV. Ст. 719-921. С объяснениями. СПб.: Государственная типография, 1899. С. 401-511.
6. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Часть III. Л., 1965. С. 195.
7. Каминка А.И. Акционерные компании. Юридическое исследование. Том 1. СПб., 1902. С. 4.
8. Каминка А.И. Очерки торгового права. Выпуск 1. СПб., 1912. С. 353.
9. Квачевский А. О товариществах вообще и акционерных обществах в особенности по началам права, русским законам и судебной практике // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. № 4. С. 36.
10. Корягина А.В. История развития понятия доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 17-22.
11. Петражицкий Л.И. Акционерная компания. СПб, 1898. С. 52.
12. Писемский П. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876. С. 58.
13. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть 3. СПб., 1896. С. 522.
14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. 354 с.
15. Прокопченко И.П. Жилищное законодательство союзных республик. М., 1979. С. 58-59.
16. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Выпуск I (XXV). 1928. С. 273-306.
17. Розенберг В.В. Товарищество с ограниченной ответственностью (о необходимости введения этой формы в России). СПб., 1912. С. 158.
18. Рясенцев В.А. Семейное право. М., 1967. С. 27.
19. Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1915-1917. 442 с.
20. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. Вып. II. Ярославль, 1880. С. 410-411.
21. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. Ярославль, 1879-1880. С. 41.
22. Толстой Ю.К. (ред.) Гражданское право. СПб., 1996. С. 80.

23. Цитович П.П. Учебник торгового права. Киев, 1891. С. 152.
24. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. I. М., 1908. С. 414.
25. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 387-391.

A study of the legal nature of a share in the authorized capital of a commercial corporation in the works of Russian scientists in the 19th-20th centuries

Vyacheslav S. Kalabin

Postgraduate,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@mfua.ru

Abstract

Based on the positions of domestic legal scholars described in the article, we can conclude that at first, historically, the understanding of the share of participation in a corporation depended on two main factors: (a) on the development of organizational and legal forms of association of people and their capital, and (b) on the prevailing a certain historical stage of the doctrine of a legal entity in a particular society and state. These factors have a derivative effect on the understanding of the share. Russian law, with some reservations, followed the pan-European development of the doctrine of shares in a corporation. In addition, as a result of a comparison of positions, it follows that the understanding of a share has gradually evolved from the type of inalienable “real estate” to movable property capable of rapid turnover in the form of a set of property rights and obligations of a participant in relation to the relevant corporation. The development during the 19th-20th centuries in the doctrine of the concept of a share in a commercial corporation (in the form of a share or share) did not offer a full-fledged and internally consistent understanding of the legal nature of the institution under study, which is associated with its multifaceted nature, versatility and special position.

For citation

Kalabin V.S. (2024) *Issledovanie pravovoi prirody doli v ustavnom kapitale kommercheskoi korporatsii v trudakh rossiiskikh uchenykh v XIX–XX vekakh* [A study of the legal nature of a share in the authorized capital of a commercial corporation in the works of Russian scientists in the 19th-20th centuries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 332-341. DOI: 10.34670/AR.2024.91.91.025

Keywords

Share, legal nature, authorized capital, commercial corporation, legal history.

References

1. Agarkov M.M. (1927) *Uchenie o tsennykh bumagakh* [The doctrine of securities]. Moscow.
2. Belov V.A. (2009) *Grazhdansko-pravovaya forma korporativnykh otnoshenii (k probleme tak nazyvaemykh*

- korporativnykh pravootnoshenii) [Civil legal form of corporate relations (to the problem of so-called corporate legal relations)]. In: *Korporativnoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Corporate law: current problems of theory and practice]. Moscow.
3. Bertgol'dt G.V. (1900) *Aktsionernye obshchestva i tovarishchestva na payakh po kassatsionnym resheniyam Pravitel'stvennogo Senata* [Joint-stock companies and partnerships on shares according to cassation decisions of the Government Senate]. Moscow.
 4. Gongalo B.M. (1989) *Struktura zhilishchnogo obyazatel'stva* [Structure of housing obligation]. In: *Problemy obyazatel'nogo prava* [Problems of compulsory law]. Sverdlovsk.
 5. (1899) *Grazhdanskoe ulozhenie. Kniga pyataya. Obyazatel'stva. Proekt Vysochaishe uchrezhdennoi Redaktsionnoi komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya. T. IV. St. 719-921. S ob'yasneniyami* [Civil Code. Book five. Obligations. Project of the Highest Established Editorial Commission for the drafting of the Civil Code. Vol. IV. Art. 719-921. With explanations]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya Publ.
 6. Ioffe O.S. (1965) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Chast' III* [Soviet civil law. Part III]. Leningrad.
 7. Kaminka A.I. (1902) *Aktsionernye kompanii. Yuridicheskoe issledovanie. Tom 1* [Joint stock companies. Legal research. Volume 1]. St. Petersburg.
 8. Kaminka A.I. (1912) *Ocherki torgovogo prava. Vypusk 1* [Essays on commercial law. Issue 1]. St. Petersburg.
 9. Koryagina A.V. (2012) *Istoriya razvitiya ponyatiya doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu* [History of the development of the concept of share in the authorized capital of a limited liability company]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial Law], 4, pp. 17-22.
 10. Kvachevskii A. (1880) *O tovarishchestvakh voobshche i aktsionernykh obshchestvakh v osobennosti po nachalam prava, russkim zakonam i sudebnoi praktike* [About partnerships in general and joint-stock companies in particular according to the principles of law, Russian laws and judicial practice]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava* [Journal of civil and criminal law], 4, p. 36.
 11. Petrazhitskii L.I. (1898) *Aktsionernaya kompaniya* [Joint-stock company]. St. Petersburg.
 12. Pisemskii P. (1876) *Aktsionernye kompanii s tochki zreniya grazhdanskogo prava* [Joint-stock companies from the point of view of civil law]. Moscow.
 13. Pobedonostsev K.P. (1896) *Kurs grazhdanskogo prava. Chast' 3* [Civil law course. Part 3]. St. Petersburg.
 14. Pokrovskii I.A. (2001) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main problems of civil law]. Moscow: Statut Publ.
 15. Prokopchenko I.P. (1979) *Zhilishchnoe zakonodatel'stvo soyuznykh respublik* [Housing legislation of the Union republics]. Moscow.
 16. Raikher V.K. (1928) *Absolyutnye i odnositelnye prava* [Absolute and relative rights]. In: *Izvestiya ekonomicheskogo fakul'teta Leningradskogo politekhnicheskogo instituta. Vypusk I (XXV)* [News of the Faculty of Economics of the Leningrad Polytechnic Institute. Issue I (XXV)].
 17. Rozenberg V.V. (1912) *Tovarishchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu (o neobkhodimosti vvedeniya etoi formy v Rossii)* [Limited liability partnership (about the need to introduce this form in Russia)]. St. Petersburg.
 18. Ryasentsev V.A. (1967) *Semeinoe pravo* [Family law]. Moscow.
 19. Shershenevich G.F. (1908) *Kurs torgovogo prava. T. I* [Trade law course. Vol. I]. Moscow.
 20. Shershenevich G.F. (1995) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.)* [Textbook of Russian civil law (according to the 1907 edition)]. Moscow.
 21. Sinaiskii V.I. (1915-1917) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. Kiev.
 22. Tarasov I.T. (1880) *Uchenie ob aktsionernykh kompaniyakh. Vyp. II* [Teaching about joint stock companies. Vol. II]. Yaroslavl.
 23. Tarasov I.T. (1880) *Uchenie ob aktsionernykh kompaniyakh* [Teaching about joint stock companies]. Yaroslavl.
 24. Tolstoi Yu.K. (ed.) (1996) *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. St. Petersburg.
 25. Tsitovich P.P. (1891) *Uchebnik torgovogo prava* [Textbook of commercial law]. Kiev.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.61.53.030

Интеграция криптовалютных бирж в систему российского права**Глухов Илья Александрович**

Магистрант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: gluhov.ilia2011@yandex.ru

Арсланов Камил Маратович

Доктор юридических наук, профессор,
завкафедрой гражданского права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: kamil.arslanov@kpfu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу новейшей правовой базы Российской Федерации в сфере реализации оборота криптовалюты в общественных отношениях для определения современного российского правового статуса международных криптовалютных бирж как площадок по обмену и торговле криптоактивами, а также выявлению особых требований, соблюдение которых необходимо для организации легальной деятельности по торговле криптовалютой на территории России. В ходе исследования использованы технико-юридический метод для понимания и интерпретации представленных в законодательстве юридических терминов, таких как «цифровой финансовый актив», «цифровая валюта», «оператор обмена цифровых финансовых активов» и иных; сравнительно-правовой метод для определения взаимосвязей законодательства о криптовалюте и, в частности, института оборота криптовалюты и законодательства о банковской деятельности; метод нормативно-правового анализа для идентификации выбранного законодателем правового подхода к регулированию правового статуса лиц, профессиональной деятельностью которых является обеспечение оборота криптоактивов. Итоговым результатом стало определение места современных криптоактивов и лиц, занимающихся их оборотом, в российской правовой системе, а также условий и способов государственного регулирования общественных отношений по обороту криптоактивов на территории страны. В ходе исследования было выявлено, что законодатель рассматривает криптовалюты в двух разносторонних аспектах: как цифровую валюту и как цифровой финансовый актив. Цифровой финансовый актив, в отличие от цифровой валюты, подтвержден строгому государственному регулированию, а к операторам обмена цифровых финансовых активов предъявлены жесткие требования, которые сопоставимы с требованиями к кредитным организациям. Но, несмотря на это, ни одна из современных криптовалют не признается Российской Федерацией в качестве цифрового финансового актива, так как она не соответствует законодательным требованиям о выпуске цифровых финансовых активов.

По этой же причине современные криптовалютные биржи также не признаются российским государством как операторы обмена цифровых финансовых активов.

Для цитирования в научных исследованиях

Глухов И.А., Арсланов К.М. Интеграция криптовалютных бирж в систему российского права // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 342-354. DOI: 10.34670/AR.2024.61.53.030

Ключевые слова

Право, финансы, криптовалюта, криптовалютные биржи, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, оператор обмена цифровых финансовых активов, оборот цифровой валюты.

Введение

На настоящий момент вопросы правовой природы криптовалюты остаются спорными не только в рамках теоретической догматики, но также и на уровне законодательного регулирования во всех странах мира.

Тем не менее участники гражданского оборота активно вступают в криптовалютные отношения. Вынося за скобки технологическую ценность криптовалюты, многие лица рассматривают этот инструмент в качестве финансового актива. Учитывая феноменальную волатильность криптовалютного рынка, которая может достигать сотни и даже тысячи процентов в год у отдельных криптоактивов, участники гражданского оборота рассматривают их в качестве долгосрочных инвестиционных вложений или используют для краткосрочных сделок. Но цель такого использования одна – получение прибыли. Даже институциональные инвесторы многих стран мира, такие как инвестиционные фонды, пенсионные фонды, банки и некоторые государственные (публичные) образования, покупают криптовалюту в качестве финансового актива наравне с валютой, акциями, фьючерсами, долговыми обязательствами, недвижимостью и т.д., а корпорации, которые владеют блокчейн платформами и являются эмитентами токенов, становятся партнерами банковских холдингов и иных крупных компаний [Официальный сайт SBI Group. Announcing the Successful Completion of RC Cloud Pilot By Japan Bank Consortium -- Moving into the Commercial Phase, 2017, www, с. 1].

Публичное признание криптовалюты обязывает государство определиться с выбором категории, к которой этот инструмент принадлежит: товар, имущество, ценная бумага или иное. Определенность в этом напрямую влияет на способы регулирования обмена активом на национальном и международном уровне. А выбранный подход в регулировании влияет на особые требования, которые предъявляются к криптовалютным биржам, например к государственной регистрации, налоговому режиму, к обеспечению защиты нарушенных прав пользователей.

Материалы и методы

Криптовалютная биржа – это площадка, которая предоставляет возможность пользователям совершать спотовые и деривативные (фьючерсы, свопы, опционы) операции по купле-продаже, мене и хранению криптоактивов.

Централизованная криптовалютная биржа (CEX) – это разновидность криптовалютной

биржи, которая является посредником между пользователями при проведении операций. При этом все ключи доступа к криптоактивам находятся на кошельках, которые принадлежат площадке, клиенты же только пользуются ими. При этом орган управления биржи имеет полный контроль над всеми предоставляемыми функциями и операциями, а все сделки проходят не напрямую между пользователями, а при посредничестве биржи.

Децентрализованная криптовалютная биржа (DEX) – это разновидность криптовалютной биржи, которая работает по системе DeFi, т.е. все сделки и операции на площадке происходят без участия финансовых посредников, а сама биржа не имеет центрального органа управления, ключи доступа к криптоактивам находятся на личных кошельках пользователей, а сама площадка только выполняет функцию вывода запросов и предложений от пользователей, после чего эти лица самостоятельно заключают сделку.

Криптовалюта и криптовалютные биржи – это объективные явления реального мира, которые создают огромный экономический пласт современного общества. В определенное время общая рыночная капитализация криптовалютного рынка достигала 3 трлн. долларов США (рис. 1). А общемировой объем торгов на криптовалютных биржах за 24 часа на настоящий момент составляет примерно 70 миллиардов долларов (рис. 2).

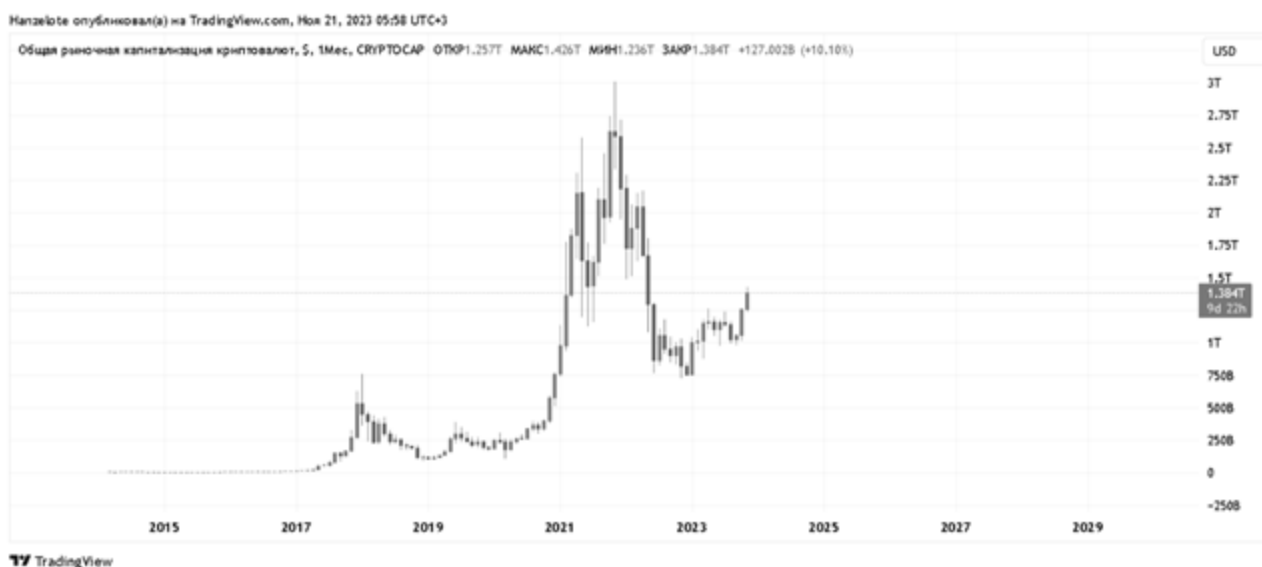

Рисунок 1 - Общая рыночная капитализация криптовалют [Общая рыночная капитализация криптовалют. Графики рыночной капитализации криптовалют и монет DeFi в реальном времени, www]

Многие государства смогли быстро отреагировать на новое явление и создали правовой базис регулирования криптоактивов, с помощью которого они получили возможность непосредственного влияния на эту сферу правоотношений, в том числе и возможность организовывать деятельность криптосистемы в удобном государственными органам налоговом режиме.

Законодательным фундаментом российского права в сфере криптовалют и их оборота стал Федеральный закон от 31 июля 2020 года «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон).

#	Наименование	Пары	Объем (за 24ч)	Объем (за 7д)	Доля на рынке	Обновление
1	 Binance	2166	\$10.73B		14.49%	44 seconds ago
2	 Bybit	455	\$2.53B		3.42%	44 seconds ago
3	 OKX	982	\$2.1B		2.84%	44 seconds ago
4	 Coinbase Exchange	628	\$1.82B		2.46%	44 seconds ago
5	 Gate.io	3368	\$1.2B		1.61%	44 seconds ago
6	 HTX	1637	\$1.12B		1.51%	44 seconds ago
7	 KuCoin	1669	\$793.36M		1.07%	44 seconds ago

Рисунок 2 - Статистика объема торгов всех криптовалютных бирж за 24 часа на дату 21.11.2023 [Статистика объема торгов всех криптовалютных бирж за 24 часа на дату 21.11.2023, www]

Исходные первичные данные исследования были получены посредством следующих методов:

1. сбор статистики об изменении общей капитализации рынка криптовалют и об объеме дневных торгов криптовалютных бирж от независимых информационных платформ, осуществляющих свою деятельность в сфере криптовалюты и смежных ей;

2. формализованные и глубинные интервью с экспертами в области гражданского права, предпринимательского права, банковского права, криптовалюты, финансов и экономики;

3. изучение и анализ российской и иностранной научной и учебной литературы в сфере публичного и частного регулирования криптовалюты и оборота криптовалюты;

4. изучение и анализ российского и иностранного законодательства в указанной сфере;

5. изучение и анализ российской и иностранной научной и учебной литературы в сфере блок-чейн технологии, в сфере функционирования криптовалютной экосистемы, в сфере экономики оборота криптовалюты;

6. проведение собственных опытных исследований по функционированию блок-чейн системы, по работе и условиям работы множества централизованных и децентрализованных криптовалютных бирж, по функционированию криптовалютных кошельков, как сервисов, на которых хранится информация о публичных и частных ключах доступа к криптоактивам пользователей.

Правовая природа криптовалюты

Как одно из наиболее точных, как с технической, так и с юридической точки зрения, можно выделить определение криптовалюты как цифровой (виртуальной) валюты, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах (математических алгоритмах), в отношении которой установлена полная децентрализация (отсутствие внешнего или

внутреннего администратора в сети, гарантирующего (подтверждающего) корректность операций системы, в том числе отсутствие возможности воздействовать на транзакции участников системы) [Цинделиани И.А., Нигматулина, 2018, с. 36]. Данное определение раскрывает криптоактивы непосредственно как «валюту». Хотя сам по себе программный код, который стоит за определенными токенами, собственной стоимости не имеет, при этом он выступает в сложившихся общественных отношениях как аналог денежных средств [Егорова М.А., Ефимова, 2019, с. 14].

Если рассматривать правовую природу криптовалюты большинство юристов склоняются к классификации её в качестве вещи [Новоселова, 2017, с. 11]. При этом оспаривается юридическая догма об исключительно материальном характере вещей как объектов гражданского права, раскрывая криптовалюту как новый вид бестелесных вещей [Саженов, 2019, с. 161].

При этом законодатель разделяет криптовалюту, обозначая цифровые финансовые активы (далее ЦФА) в качестве цифровых прав, а цифровую валюту (далее ЦВ) оставляет в неопределенном виде, и хоть истинная их природа едина, разделение оказалось необходимо для установления особого правового статуса ЦФА. Следовательно, пока законодатель самостоятельно не установит подходящий статус для ЦВ, либо пока российская юридическая парадигма не сменится в сторону полноценного признания бестелесных вещей, цифровая валюта регулируется как имущество без определенного правового статуса.

Цифровой финансовый актив (токен) и цифровая валюта (криптовалюта)

Закон в ч. 2, 3 ст. 1 определяет криптоактивы в две отдельные категории: цифровой финансовый актив и цифровая валюта. Первостепенным принципом разделения является субъект эмиссии криптоактива.

I. Цифровыми финансовыми активами в Законе признаются цифровые права, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в установленном Законом порядке.

Понятием цифровой финансовый актив обозначили такое явление как токены, соответствующие российскому законодательству. У токенов есть эмитент, это лицо, которое владеет собственной блок-чейн сетью и на её основе создает и выпускает определенную криптовалюту. В данном случае эмиссия и первичная реализация криптоактивов централизована, поэтому многие страны предъявляют к эмитентам особые требования, в пример можно привести небезызвестный регламент Европейского Союза MiCA [Даудрих, 2022, с. 247].

Эмитента легальных токенов законодательство называет оператором информационной системы, который соответствует указанным в Законе условиям (ч. 1 ст. 5 Закона). Он должен быть зарегистрирован в качестве юридического лица, его личным законом должно быть российское право, а его регулятором и надзорным органом будет являться Банк России (ЦБ РФ) (ч. 2, ч. 4 ст. 5 Закона), при этом порядок выпуска токена (ЦФА) должен соответствовать достаточно строгим законодательным условиям, в ином же случае токен не получит в российском правовом поле статус цифрового финансового актива.

II. Цифровой валютой в Законе признается совокупность электронных данных, которые предполагаются в качестве средства платежа (но при этом не являются денежной единицей), или в качестве инвестиций, но в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым

обладателем таких электронных данных в чем либо, кроме обеспечения соответствия порядка их выпуска и осуществления действий по внесению записей в информационную систему по ее правилам.

Под цифровой валютой в Законе подразумевается криптовалюта с децентрализованной эмиссией, которая осуществляется на данный момент за счет майнинга [Егорова М.А., Белицкая, 2020, с. 132] или стейкинга [Иванов, 2022, с. 201]. Майнерами или стейкерами могут быть множество совершенно несвязанных друг с другом лиц, которые с помощью своих ресурсов (компьютерных вычислений (майнинг) или доли криптовалюты в сети (стейкинг)) проводят валидацию транзакций и создают новые блоки, с помощью которых и выпускаются новые монеты.

Промежуточные итоги: в российской правовой действительности используются две категории криптоактивов: цифровые финансовые активы и цифровая валюта. При этом токены, которые не соответствуют требованиям законодательства, т.е. криптовалюта с определенным эмитентом (централизованной эмиссии), который осуществляет свою деятельность, но при этом не включен ЦБ РФ в реестр операторов информационных систем, не признаются Российской Федерацией подлежащей регулированию в качестве цифрового финансового актива, а поэтому автоматически входят в категорию цифровой валюты.

В пример можно привести компанию Ripple Labs, Inc., которая является разработчиком и единственным эмитентом токена XRP. Корпорация Ripple распространяла свой токен в том числе и с использованием инвестиционных контрактов, что говорит о наличии прямых признаков выпуска и оборота ценных бумаг. Но отсутствие государственной регистрации в соответствии с нормами российского законодательства лишает инвесторов надлежащей защиты их цифровых прав кроме права владения криптоактивами, что вводит данный токен в категорию цифровой валюты.

Оборот цифровой валюты

После эмиссии криптоактивы могут выходить на свободный рынок. Для реализации обращения ЦФА и ЦВ российский Закон предлагает разные условия. В ч. 3 ст. 14 Закона сказано, что организация обращения ЦВ – это «деятельность по оказанию услуг, направленных на обеспечение совершения гражданско-правовых сделок или операций, влекущих за собой переход цифровой валюты от одного обладателя к другому, с использованием объектов российской информационной инфраструктуры». Слова «организация обращения» и «оказание услуг» говорят об отдельном лице, которое занимается обеспечением сделок с цифровой валютой. Под это подпадает и деятельность по сбору заявок на покупку и продажу, чем и занимается криптовалютная биржа. Условий к организационно-правовой форме нет, а значит этой деятельностью может заниматься любое лицо в соответствии с законодательством, например, на сайте, в приложении или в отдельном помещении (как в случае с обменниками), единственным условием является «использование объектов российской информационной инфраструктуры», что значит, что сайт или приложение должны использовать сервера, которые находятся на территории Российской Федерации. В системе P2P (person to person), т.е. прямого обмена цифровой валюты, ограничений нет, за исключением предусмотренного ч. 5 ст. 14 Закона запрета на использование её в качестве средства платежа за выполнение работ или оказание услуг.

Промежуточный итог: цифровая валюта (криптовалюта децентрализованной эмиссии)

может спокойно обращаться в Российской Федерации, но, чтобы полностью легализовать свою деятельность по обороту активов, криптовалютным биржам, как централизованным (крипто-кошельки принадлежат биржам, клиенты только пользуются ими), так и децентрализованным (крипто-кошельки принадлежат клиентам, а биржа только выводит заявки, поступающие от лиц), необходимо только использовать российские сервера или иные объекты российской информационной инфраструктуры.

При этом особого налогового режима не предусмотрено как для осуществления деятельности по обороту, так и для прямого обмена. А значит, что приобретение и хранение цифровой валюты не облагается налогом. А при реализации действует только стандартный налог на прибыль в 13-15 % для физических лиц и 20 % для юридических лиц.

Организация обращения и операторы обмена ЦФА

В случае обращения признанных токенов предусмотрены отдельные более суровые условия. В ч. 1 ст. 10 Закона указано, что сделки с ЦФА совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов, который обеспечивает заключение сделок путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок, либо путем участия за свой счет в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц [Рождественская Т.Э., Гузнов, 2021, с. 131]. Это как раз подходит под трактовку той деятельности, которую осуществляют криптовалютные биржи. А следовательно, криптовалютные биржи, которые легально занимаются оборотом признанных токенов, в российском праве называются операторами обмена цифровых финансовых активов.

Отметим, что норма о том, что «сделки с ЦФА совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов» выстроена императивным образом, что говорит, вероятно, об исключительной юрисдикции операторов обмена в обороте признанных токенов. При этом российское законодательство разрешает внебиржевые сделки с ценными бумагами, а можно ли законно обмениваться ЦФА, не прибегая к использованию услуг посредника – это большой вопрос.

Законодательство предъявляет особые требования к лицам, которые хотят стать операторами обмена цифровых финансовых активов. Ч. 2 ст. 10 Закона говорит, что ими могут быть:

I. Кредитные организации, например банки, клиринговые организации, центральные контрагенты.

II. Организаторы торговли, например биржи.

III. Иные юридические лица, которые соответствуют требованиям Закона.

Требования к кредитным организациям и организаторам торговли известны и понятны российскому праву, исходя из их анализа можно заметить, насколько более жесткие условия применяются к обороту токенов (ЦФА) в сравнении с иной криптовалютой (ЦВ). Анализируя требования Закона к иным юридическим лицам, которые хотят стать операторами обмена ЦФА, можно более точно понять, что именно интересует Российскую Федерацию в регулировании оборота легальных токенов.

1. Ч. 2 ст. 10 Закона говорит, что организация должны быть включена Банком России в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. Таким образом регулятором и, в соответствии с ч. 12 ст. 10, надзорным органом всех операторов обмена ЦФА будет ЦБ РФ.

2. Ч. 4 ст. 2 Закона указывает, что номинальным держателем цифровых финансовых активов (депозитарием на лицевом счете которого учитываются права на ЦФА, которые принадлежат другим лицам), что подходит под деятельность централизованных криптовалютных бирж (СЕХ), может быть только лицо имеющее лицензию на осуществление депозитарной деятельности. Это свидетельствует о том, что отдельные аспекты торговой деятельности операторов обмена ЦФА подлежат лицензированию, что отсылает нас к аналогичной норме о лицензировании депозитарной деятельности на рынке ценных бумаг [федер. закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ, 1996, с. 7], в соответствии положением Банка России от 27 июля 2015 года № 481-П [положение Банка России от 27.07.2015 № 481-П, 2015, с. 1].

3. Личным законом юридического лица должно быть российское право (пп. «а» п. 1 ч. 3, пп. «а» п. 2 ч. 3 ст. 10 Закона). Что означает, что юридическое лицо либо должно быть учреждено в России [Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3 от 26.11.2001 № 146-ФЗ, 2001, с. 1202], либо при государственной регистрации в РФ должно принять российское право в качестве личного в соответствии с ч. 1 ст. 4 ФЗ о «Международных компаниях и международных фондах» [федер. закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ, 2018, с. 4].

4. Для коммерческих организаций размер уставного капитала должен составлять не менее 50 миллионов рублей, а также дополнительно размер чистых активов хозяйственного общества должен составлять не менее 50 миллионов рублей (пп. «б», пп. «в» п. 1 ч. 3 ст. 10 Закона).

Для некоммерческих организаций совокупный ежегодный размер имущественных взносов учредителей (участников, членов) в имущество юридического лица должен составлять не менее 50 миллионов рублей (пп. «б» п. 2 ч. 3 ст. 10 Закона).

Для сравнения, минимальный размер уставного капитала для небанковской кредитной организации (не центрального контрагента) составляет 90 миллионов рублей [федер. закон от 02.12.1990 № 395-1, 1990, с. 11]. Исходя из этого можно сказать, что по минимальному размеру уставного капитала требования к оператору обмена ЦФА сопоставимы с кредитными организациями.

5. Участниками (учредителями, членами, акционерами) юридического лица не могут быть юридические лица, которые зарегистрированы в офшорных зонах (пп. «г» п. 1, пп. «в» п. 2 ч. 3 ст. 10 Закона).

6. В юридическом лице должен быть создан коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет), а также созданы служба внутреннего контроля и служба управления рисками, либо назначены контролер и должностное лицо, ответственное за организацию системы управления рисками (пп. «д» п. 1, пп. «г» п. 2 ч. 3 ст. 10 Закона).

7. Должностные лица юридического лица должны соответствовать требованиям к квалификации и деловой репутации, которые сравнимы чуть ли не с требованиями к должностным лицам кредитных организаций (пп. «е» п. 1, пп. «д» п. 2, ч. 3 ст. 10, ч. 4, ч. 5 ст. 10 Закона).

8. Лица, которые в соответствии со своей долей в компании могут распоряжаться 10 и более процентами голосов, также должны соответствовать требованиям к деловой репутации, установленными Законом (пп. «ж» п. 1 ч. 3 ст. 10 Закона).

9. Юридическое лицо должно согласовывать внутренние правила обмена ЦФА с ЦБ РФ (ч. 1 ст. 11 Закона).

10. А ч. 11 ст. 10 дает ЦБ РФ право устанавливать дополнительные требования к деятельности операторов обмена цифровых финансовых активов, в которое в том числе входит

и право требования предоставления отчетности.

Исходя из требований Закона к операторам обмена цифровых финансовых активов, можно сделать вывод, что эти требования вполне сопоставимы с теми, что предъявляются в российском праве к кредитным организациям. А значит, что криптовалютные биржи для легальной деятельности по обороту признанных токенов в России должны будут проделать большую работу по государственной регистрации и при исполнении всех сопровождающих деятельность условий.

На настоящий момент в этом нет необходимости, так как пока в России нет легальных токенов, организацию обращения которых можно было бы совершать. Тем более с учетом предъявленных требования высока вероятность, что международные криптовалютные биржи не будут заинтересованы во включении ЦФА в собственный список торгуемых криптоактивов.

Также достойно упоминания, что налоговая база по доходам физических лиц по сделкам с цифровыми финансовыми активами ч. 6 ст. 214.11 НК РФ отнесена к «особенностям исчисления налога в отношении отдельных видов доходов» [Налоговый кодекс Российской Федерации часть от 5.08.2000 № 117-ФЗ, 2000, с. 228].

Результаты

1. Базисом национального законодательного регулирования сферы криптовалют и их оборота стал Федеральный закон от 31 июля 2020 года «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2. На данный момент российское законодательство определяет криптоактивы как:

А. цифровая валюта, к ней относятся все современные криптовалюты, как выпускаемые децентрализованно, так и созданные определенной организацией-эмитентом;

Б. цифровые финансовые активы, они представляют из себя криптовалюту, которая выпущена в соответствии с решением о выпуске цифровых финансовых активов оператором информационной системы, который должен пройти особую процедуру государственной регистрации в строгом соответствии с законодательством, в этом случае владение криптовалютой включает в себя дополнительные права: возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право денежного требования, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

3. Организация деятельности по обращению цифровой валютой в России относительно свободна, единственным условием является использование объектов российской информационной инфраструктуры. Иной оборот цифровой валюты не ограничен, за исключением запрета на её использование физическими и юридическими лицами, подпадающими под российскую юрисдикцию, в качестве средства платежа.

4. Сделки с цифровыми финансовыми активами могут совершаться только через операторов обмена цифровых финансовых активов. В соответствии с этим, положение оборота цифровых финансовых активов можно сопоставить со статусом оборота ценных бумаг в российском законодательстве, при этом требования к обороту предъявляются даже более строгие, чем к ценным бумагам, так как норма говорит об обязательном участии оператора обмена цифровых активов в качестве посредника в сделках с ЦФА. Также и к самим обязательным посредникам предъявлен ряд суровых законодательных требований, сравнимые с требованиями к деятельности кредитных организаций.

Обсуждение

На данный момент все криптовалютные биржи, которыми пользуются россияне или иные лица, не занимаются легальной деятельностью по обороту криптоактивов на территории России: они не являются операторами обмена цифровых финансовых активов, так как не выполняют указанные в Законе требования к организационно-правовой форме, особой процедуре регистрации и видам торгуемых активов, а также не занимаются легальным оборотом даже цифровой валюты.

Но при этом нельзя сказать, что кто-то из участников нарушает действующее законодательство, так как исходя из трактовки нормы об обороте ЦВ, не используя объекты российской информационной инфраструктуры, криптовалютные биржи просто не занимаются организацией обращения цифровой валюты (криптовалюты) в Российской Федерации несмотря на то, что их услугами активно пользуются граждане РФ. Стоит прояснить, что при этом они также не занимаются незаконным оборотом ЦФА, так как в соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном в исключительном соответствии с российским законодательством», а значит, что ни один из современных токенов, торгуемых на биржах, не признается Российской Федерацией в качестве цифрового финансового актива, а поэтому регулируется в качестве цифровой валюты.

На основании результатов, полученных из анализа современного законодательства, можно сделать вывод о том, что для законного ведения своей деятельности на территории РФ криптовалютным биржам достаточно использовать российские сервера или иные объекты российской информационной инфраструктуры, никаких иных обременяющих требований не предусмотрено. Но, конечно, легализация повлечет за собой издержки по уплате налогов.

Заключение

До выполнения всех предусмотренных Законом условий, организация обращения криптоактивов регулируется аналогично режиму оборота имущества без особого правового статуса. Участвуя в сделках с криптоактивами, лица не совершают преступление или правонарушение, а просто теряют возможность защиты со стороны Российской Федерации в реализации некоторых особых прав, закрепленных в российском законодательстве. В том числе теряют право на государственную защиту, если биржи откажут в доступе к предоставлению услуг и совершению операций с криптоактивами, а также если их кошельки, находящиеся на криптовалютных биржах, будут заморожены или аннулированы.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3 от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 24.07.2023 N 362-ФЗ) // Российская газета. 2001. № 233.
2. Даудрих Я. Правовой статус эмитентов криптоактивов с точки зрения проекта регламента MiCA // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 244–263.
3. Егорова М.А., Белицкая А.В. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 4 (68). С. 129-136.
4. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие и особенности правового регулирования криптовалют // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 11-16.
5. Иванов К.О. Правовая природа стейкинга в инвестиционном аспекте // Образование и право. 2022. № 11. С. 200-206.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 14.11.2023 N 533-ФЗ) // Российская газета. 2000. № 153-154.
7. Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 3-15.
8. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 (в ред. от 04.08.2023 № 417-ФЗ) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.
9. О лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, ограничениях на совмещение отдельных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также о порядке и сроках представления в Банк России отчетов о прекращении обязательств, связанных с осуществлением профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, в случае аннулирования лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг: положение Банка России от 27.07.2015 № 481-П (ред. от 16.12.2020) (зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2015 № 38673) // Вестник банка России. 2015. № 75.
10. О международных компаниях и международных фондах: федер. закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ (в ред. от 04.08.2023 № 452-ФЗ) // Российская газета. 2018. № 170.
11. О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 19.12.2022 № 519-ФЗ) // Российская газета. 1996. № 79.
12. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (в ред. от 14.07.2022 № 331-ФЗ) // Российская газета. 2020. № 173.
13. Общая рыночная капитализация криптовалют. Графики рыночной капитализации криптовалют и монет DeFi в реальном времени. URL: <https://ru.tradingview.com/chart/GNuTkKgH/?symbol=CRYPTOCAP%3ATOTAL> (дата обращения 21.11.2023).
14. Официальный сайт SBI Group. Announcing the Successful Completion of RC Cloud Pilot By Japan Bank Consortium -- Moving into the Commercial Phase, 2017. URL: https://www.sbigroup.co.jp/english/news/pdf/2017/0302_a_en.pdf (дата обращения: 01.11.2023).
15. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 9 (85). С. 124-134.
16. Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право. М.: Статут, 2019. С. 157-180.
17. Статистика объема торгов всех криптовалютных бирж за 24 часа на дату 21.11.2023. URL: <https://coindataflow.com/ru/биржи> (дата обращения 21.11.2023).
18. Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 18-25.

Integration of cryptocurrency exchanges into the system of Russian law

Il'ya A. Glukhov

Master's Student,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya str., Kazan', Russian Federation;
e-mail: gluhov.ilia2011@yandex.ru

Kamil' M. Arslanov

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of civil law,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya str., Kazan', Russian Federation;
e-mail: kamil.arslanov@kpfu.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the latest legal framework of the Russian Federation in the sphere of implementation of cryptocurrency circulation in public relations in order to determine the modern Russian legal status of international cryptocurrency exchanges as platforms for the exchange and trading of crypto assets, as well as identifying special requirements, compliance with which is necessary for organizing legal activities for trading cryptocurrency on territory of Russia. The study used a technical-legal method to understand and interpret legal terms presented in legislation, such as “digital financial asset”, “digital currency”, “digital financial asset exchange operator” and others; a comparative legal method for determining the relationship between legislation on cryptocurrency and, in particular, the institution of cryptocurrency circulation and legislation on banking activities; a method of regulatory analysis to identify the legal approach chosen by the legislator to regulate the legal status of persons whose professional activity is ensuring the circulation of crypto-assets. The result was the determination of the place of modern crypto-assets and persons involved in their circulation in the Russian legal system, as well as the conditions and methods of state regulation of public relations regarding the circulation of crypto-assets in the country. The study revealed that the legislator considers cryptocurrencies in two diverse aspects: as a digital currency and as a digital financial asset. A digital financial asset, unlike a digital currency, is subject to strict government regulation, and strict requirements are imposed on digital financial asset exchange operators, which are comparable to the requirements for credit institutions. But, despite this, none of the modern cryptocurrencies is recognized by the Russian Federation as a digital financial asset, since it does not meet the legal requirements for the issuance of digital financial assets. For the same reason, modern cryptocurrency exchanges are also not recognized by the Russian state as operators of the exchange of digital financial assets.

For citation

Glukhov I.A., Arslanov K.M. (2024) Integratsiya kriptovalyutnykh birzh v sistemu rossiiskogo prava [Integration of cryptocurrency exchanges into the system of Russian law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 342-354. DOI: 10.34670/AR.2024.61.53.030

Keywords

Law, finance, cryptocurrency, cryptocurrency exchanges, digital currency, digital financial assets, digital financial assets exchange operator, digital currency turnover.

References

1. Daudrikh Ya. (2022) Pravovoi status emitentov kryptoaktivov s tochki zreniya proekta reglamenta MICA [Legal status of issuers of crypto assets from the point of view of the draft MICA regulations]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 15 (2), pp. 244–263.
2. Egorova M.A., Belitskaya A.V. (2020) Maining kriptovalyuty v Rossii i v mire: ponyatie i pravovoe regulirovanie [Cryptocurrency mining in Russia and in the world: concept and legal regulation]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the University named after O.E. Kutafin], 4 (68), pp. 129-136.
3. Egorova M.A., Efimova L.G. (2019) Ponyatie i osobennosti pravovogo regulirovaniya kriptovalyut [Concept and features of legal regulation of cryptocurrencies]. *Predprinimatel'skoe parvo* [Business Law], 3, pp. 11-16.
4. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii chast' 3 ot 26.11.2001 № 146-FZ (v red. ot 24.07.2023 N 362-FZ) [Civil Code of the Russian Federation, part 3 of November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended by No. 362-FZ of July 24, 2023)] (2001). *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper], 233.
5. Ivanov K.O. (2022) Pravovaya priroda steikinga v investitsionnom aspekte [Legal nature of staking in the investment aspect]. *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 11, pp. 200-206.

6. Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 5.08.2000 № 117-FZ (v red. ot 14.11.2023 N 533-FZ) [Tax Code of the Russian Federation dated August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on November 14, 2023 N 533-FZ)] (2000). *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper], 153-154.
7. Novoselova L.A. (2017) O pravovoi prirode bitkoina [On the legal nature of Bitcoin]. *Khozyaistvo i parvo* [Economy and Law], 9, pp. 3-15.
8. O bankakh i bankovskoi deyatelnosti: feder. zakon ot 02.12.1990 № 395-1 (v red. ot 04.08.2023 № 417-FZ) [About banks and banking activities: Federal Law of December 02, 1990 No. 395-1 (as amended on 04.08.2023 No. 417-FZ)] (1990). *Vedomosti s"ezda narodnykh deputatov RSFSR. St. 357* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR. Art. 357], 27.
9. O litsenzyonnykh trebovaniyakh i usloviyakh osushchestvleniya professional'noi deyatelnosti na rynke tsennykh bumag, ogranicheniyakh na sovmeshchenie otdel'nykh vidov professional'noi deyatelnosti na rynke tsennykh bumag, a takzhe o poryadke i srokakh predstavleniya v Bank Rossii otchetov o prekrashchenii obyazatel'stv, svyazannykh s osushchestvleniem professional'noi deyatelnosti na rynke tsennykh bumag, v sluchae annullirovaniya litsenzii professional'nogo uchastnika rynka tsennykh bumag: polozhenie Banka Rossii ot 27.07.2015 № 481-P (red. ot 16.12.2020) (zaregistrovano v Minyuste Rossii 25.08.2015 № 38673) [On licensing requirements and conditions for carrying out professional activities in the securities market, restrictions on combining certain types of professional activities in the securities market, as well as on the procedure and deadlines for submitting reports to the Bank of Russia on the termination of obligations related to carrying out professional activities in the securities market securities, in case of cancellation of the license of a professional participant in the securities market: Regulation of the Bank of Russia of July 27, 2015 No. 481-P (as amended on December 16, 2020)]. *Vestnik banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 75. (2015)
10. O mezhdunarodnykh kompaniyakh i mezhdunarodnykh fondakh: feder. zakon ot 03.08.2018 № 290-FZ (v red. ot 04.08.2023 № 452-FZ) [About international companies and international funds: Federal Law of August 03, 2018 No. 290-FZ] (2018). *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper], 170.
11. O rynke tsennykh bumag: feder. zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ (red. ot 19.12.2022 № 519-FZ) [About the securities market: Federal Law of April 22, 1996 No. 39-FZ (as amended on December 19, 2022 No. 519-FZ)] (1996). *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper], 79.
12. O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ (v red. ot 14.07.2022 № 331-FZ) [On digital financial assets, digital currency and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on July 14, 2022 No. 331-FZ)] (2020). *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper], 173.
13. Obshchaya rynochnaya kapitalizatsiya kriptovalyut. Grafiki rynochnoi kapitalizatsii kriptovalyut i monet DeFi v real'nom vremeni [Total market capitalization of cryptocurrencies. Real-time market cap charts for cryptocurrencies and DeFi coins]. Available at: <https://ru.tradingview.com/chart/GNuTkKgH/?symbol=CRYPTOCAP%3ATOTAL> [Accessed 12/11/2023].
14. *Ofitsial'nyi sait SBI Group. Announcing the Successful Completion of RC Cloud Pilot By Japan Bank Consortium -- Moving into the Commercial Phase, 2017* [SBI Group official website. Announcing the Successful Completion of RC Cloud Pilot By Japan Bank Consortium -- Moving into the Commercial Phase, 2017]. Available at: https://www.sbigroup.co.jp/english/news/pdf/2017/0302_a_en.pdf [Accessed 01/11/2023].
15. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. (2021) Osobennost' pravovogo statusa operatora informatsionnoi sistemy, v kotoroi osushchestvlyaetsya vypusk tsifrovyykh finansovykh aktivov, i operatora obmena tsifrovyykh finansovykh aktivov kak organizatsii, obespechivayushchikh tsifrovyye finansovyye tekhnologii [Features of the legal status of the operator of the information system in which digital financial assets are issued, and the operator of the exchange of digital financial assets as organizations providing digital financial technologies]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of the O. E. Kutafin University], 9 (85), pp. 124-134.
16. Sazhenov A.V. (2019) Kriptovalyuty kak novyi vid bestelesnykh veshchei [Cryptocurrencies as a new type of incorporeal things]. *Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i parvo* [Modern information technologies and law]. M.: Statut., pp. 157-180.
17. *Statistika ob"ema trgov vsekh kriptovalyutnykh birzh za 24 chasa na datu 21.11.2023* [Statistics of trading volume of all cryptocurrency exchanges for 24 hours as of November 21, 2023]. Available at: <https://coindataflow.com/ru/birzhi> (data obrashcheniya 21.11.2023).
18. Tsindeliani I.A., Nigmatulina L.B. (2018) Kriptovalyuta kak ob"ekt grazhdansko-pravovogo i finansovo-pravovogo regulirovaniya [Cryptocurrency as an object of civil and financial legal regulation]. *Finansovoe parvo* [Financial Law], 7, pp. 18-25.

УДК 347

DOI: 10.34670/AR.2024.90.19.034

Актуальные вопросы определения системы источников правового регулирования инвестиционных платформ в Российской Федерации

Галишин Радик Рушанович

Аспирант кафедры предпринимательского и энергетического права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: rgalishi@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена вопросам, связанным с системой источников правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием новых инвестиционных платформ. Определение ряда источников несет как теоретическое, так и практическое значение для эффективности правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений. Правовое регулирование инвестиционных платформ усложнено фактами: межнациональный характер деятельности инвестиционных платформ, отсутствие полного и точного правового регулирования инвестиционных платформ в России, а также тем, что деятельность инвестиционных платформ происходит исключительно в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Цель исследования выражается в виде формирования общего представления о системе источников правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием инвестиционных платформ, в соответствии с чем задачами исследования выступают представление и проведение краткого анализа отдельных видов источников правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием инвестиционных платформ. В результате исследования сформирован вывод о том, что современное состояние российского законодательства содержит сравнительно небольшое количество норм права, направленных на полное всестороннее регулирование деятельности инвестиционных платформ. Тем не менее, деятельность Банка России имеет очень большое значение для регулирования данной инвестиционной деятельности, принимая большое количество правовых актов, направленных на регламентацию рассматриваемых общественных отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Галишин Р.Р. Актуальные вопросы определения системы источников правового регулирования инвестиционных платформ в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 355-360. DOI: 10.34670/AR.2024.90.19.034

Ключевые слова

Инвестиции, система правового регулирования, инвестиционная платформа, законодательство, иные регуляторы общественных отношений, саморегулирование.

Введение

В Российской Федерации предпринимательская деятельность с использованием инвестиционных платформ представляет собой сравнительно новое направление хозяйственной деятельности. Инвестиционную платформу можно характеризовать как определенную структуру, существующую для заключения договоров инвестирования, имеющих как предпринимательский, так и социальный окрас, которая действует в рамках информационно-телекоммуникационной сети Интернет, что предполагает использование субъектами общественных отношений, желающих пользоваться платформой, определенных информационных технологий и технических средств, имеющих ограниченный доступ, предоставляемый государством и Банком России, посредством операторов инвестиционной платформы. В литературе отмечают, что инвестиционные платформы становятся ядром инновационного развития [Алтухов, Ершова, Кашкин, 2020, с. 20], что также подтверждает практическую значимость проводимого научного исследования.

Изучение системы источников правового регулирования отношений предпринимательства с использованием инвестиционных платформ несет крайне важную функцию с точки зрения науки и практики юриспруденции, позволяет обнаружить пробелы правового регулирования и отграничить указанные правоотношения от смежных отношений.

Актуальность исследования проявляется также в том, что современное состояние законодательства предпринимательской деятельности с использованием инвестиционных платформ характеризуется небольшим количеством норм, направленных на непосредственное регулирование указанного вида деятельности. В научной литературе совершенно справедливо указывают, что модель правового регулирования инвестиций в информационной сети «Интернет», предусмотренная в Законе об инвестиционных платформах, представляет собой «упрощенный» вариант организации инвестиционной деятельности квалифицированных и неквалифицированных инвесторов [Гаврин, 2022, 34].

Также необходимо отметить, что, помимо законодательного регулирования общественных отношений, связанных с использованием инвестиционных платформ, важное значение для регулирования имеют иные правовые регуляторы. Не вдаваясь в подробности, правовые регуляторы представляют собой определенные юридические инструменты, явления правовой действительности разных уровней, содержащие юридические предписания, которым должны подчиняться субъекты общественных отношений определенной области. В литературе к правовым регуляторам в предпринимательском праве относят нормативно-правовые и правовые акты, правовые позиции судов вышестоящих инстанций и судебную практику, обычаи, корпоративные (локальные акты), договоры, а также некоторые квазирегуляторы [Михайлов, 2015, с. 135].

В рамках настоящего исследования будут рассмотрены следующие регуляторы предпринимательской деятельности с использованием инвестиционных платформ: нормативно-правовые акты, правовые акты Банка России и корпоративные (локальные) правовые акты. Стоит отметить, что в научной литературе к регуляторам относят также судебную практику, обычаи, международно-правовые акты [Русскова, Чайкина, Чайкин, 2019, 29].

Основная часть

Переходя к исследованию отдельных источников правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием инвестиционных платформ, стоит

отметить, что все общественные отношения в Российской Федерации регулируются Конституцией Российской Федерации. В аспекте рассмотрения темы осуществления предпринимательской деятельности инвестиционными платформами стоит сказать, что Конституция также имеет свое регулятивное значение. В частности, статья 34 устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, статья 19 устанавливает, что все равны перед законом и судом, и иные базовые принципы, которые позволяют создавать инвестиционные платформы, осуществлять предпринимательскую деятельность с использованием инвестиционных платформ и возлагать справедливое наказание в случае нарушения участниками рассматриваемых правоотношения противоправных деяний.

Основополагающим нормативно-правовым актом является Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который уже подвергался неоднократным изменениям. Данный законодательный акт включает в себя двадцать шесть статей и закрепляет следующие положения: предмет регулирования; основные понятия; правила деятельности инвестиционных платформ; способы инвестирования с использованием инвестиционных платформ; ограничение инвестирования и особенности инвестирования физических лиц; особенности инвестирования, связанные с утилитарными правами; требования к инвестиционной платформе и к операторам инвестиционной платформы, создается реестр операторов инвестиционных платформ, а также их правовая ответственность; порядок и условия инвестирования с использованием инвестиционной платформы.

Стоит отметить, что указанный правовой акт содержит крайне мало положений и норм, характеризуясь как точечный правовой акт, обладающий минимальным уровнем правового регулирования. Данный факт можно связывать с тем, что инвестиционные платформы – сравнительно новый инструмент предпринимательской деятельности, который в российском правовом поле не обрел большой популярности. Однако считаем необходимым его дополнять и обновлять с учетом того, что инвестиционные платформы являются альтернативным способом кредитования банковскому кредитованию предпринимателей, что позволяет развивать общественные отношения и создает серьезную конкурентную среду. Данный тезис поддерживается также в научной литературе, указывая, что дополнительный источник заемных средств провоцирует развитие малого и среднего бизнеса в России [Лаптева, Скворцов, 2019, 91].

В литературе пишут, что предлагаемая модель законодательного регулирования инвестиционных платформ в России мало чем отличается от опыта правового регулирования за рубежом, но тем не менее обладает своими особенностями (регулирование утилитарных цифровых прав, цифровых свидетельств и т.п.) [Санникова, Харитоновна, 2020, 101]. Инвестиционная деятельность на базе инвестиционной платформы основывается на базе взаимодействия нескольких субъектов правоотношений: оператора инвестиционной платформы, инвестиционной платформы и лиц, непосредственно осуществляющих инвестиции. Но стоит учитывать, что для осуществления инвестиционной деятельности заключается договор (договор оказания услуг или смешанный договор) с инвестиционной платформой.

Одним из наиболее значимых нормативных актов, регламентирующих деятельность инвестиционных платформ в России, является Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 содержит общие положения о регулировании сделок, которые в том числе заключаются в рамках инвестиционных платформ, часть 2 содержит положения о правовом регулировании отдельных видов сделок, например, договора займа, который является частой конструкцией,

используемой инвестиционными платформами. Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации содержит важные положения, касающиеся наследования и международного частного права.

Большую роль в регулировании рассматриваемой сферы общественных отношений имеют правовые акты Центрального Банка Российской Федерации. В качестве примера будет приведен один правовой акт Банка России – Информационное письмо от 18 октября 2021 г. № ИН-015-34/79 о вопросах, связанных с деятельностью по организации привлечения инвестиций с использованием инвестиционных платформ. Указанный правовой акт регламентирует правовые и организационные вопросы, возникающие в процессе деятельности операторов инвестиционных платформ и самих инвестиционных платформ, а также предлагаются рекомендации осуществления хозяйственной деятельности указанных лиц. В частности, в п. 4 Банк России указывает на необходимость соблюдения операторами инвестиционных платформ требований к лицам, привлекающим инвестиции, в соответствии с чем регулятор рекомендует операторам инвестиционных платформ предпринимать необходимые разумные меры для проверки лиц, привлекающих инвестиции, а также лиц, с которыми оператор инвестиционной платформы намеревается заключить договор об оказании услуг по привлечению инвестиций, например, запрашивать справки об отсутствии судимости и иные меры.

Корпоративные (локальные) правовые акты можно считать регулятором и в некотором смысле даже источником предпринимательской деятельности с использованием инвестиционных платформ. В качестве примера возьмем для исследования некоторые корпоративные (локальные) правовые акты довольно известной в России инвестиционной платформы «Поток», оператором которой является ООО «ПотокДиджитал».

Устав является основополагающим локальным правовым актом, в соответствии с которым осуществляется вся деятельность операторов инвестиционных платформ и, как следствие, самой инвестиционной платформы [Блажеев, Егорова, 2020, С. 238]. В указанном акте устанавливаются права и обязанности Общества при осуществлении ими своей хозяйственной деятельности, закрепляются особенности выхода участников из Общества, перехода доли участника в уставном капитале к другим участникам Общества или третьим лицам и т.д. Стоит сказать, что закрепленные в уставе положения действительно имеют важное значение для деятельности Общества. Например, нарушение порядка перехода доли участника Общества другому участнику может являться основанием для обращения в суд.

Большее значение для регулирования общественных отношений, связанных с предпринимательской деятельностью с использованием инвестиционных платформ, имеет локальный правовой акт «Правила инвестиционной платформы "Поток"». Данные правила устанавливают основы информационно-технологического взаимодействия между оператором платформы и участниками платформы в процессе использования функционала платформы, определяют порядок присоединения участников платформы к правилам и порядок заключения договоров. Интересно отметить, что одновременно с тем, что указанные правила являются нормативным локальным актом, регламентирующим деятельность оператора инвестиционной платформы и самой инвестиционной платформы, они также представляют собой договор присоединения в той части, в которой правила устанавливают взаимные права и обязанности участников платформы в отношении друг друга. Данный тезис также поддерживается в научной литературе [Андреев, 2020, 18].

В предпринимательском праве договор – довольно известный и хорошо изученный регулятор общественных отношений, а особую роль он играет в инвестиционных правоотношениях, связанных с использованием инвестиционных платформ [Майфат, 2020, 80].

В литературе пишут, что инвестиционный договор представляет собой один из основополагающих источников предпринимательской деятельности [Попондопуло, 2019, 29], и с данным мнением нельзя не согласиться.

Заключение

Таким образом, нами были рассмотрены некоторые из источников правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием инвестиционных платформ. Стоит отметить, что основополагающим источником является нормативно-правовой акт, однако с учетом того, что современное законодательство России относительно неполно регламентирует рассматриваемые общественные отношения, иные регуляторы также имеют большое регулятивное значение, в особенности правовые акты Банка России и локально-правовые акты отдельных инвестиционных платформ.

Библиография

1. Алтухов А.В., Ершова И.В., Кашкин С.Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17-24.
2. Андреев В.К. Договоры инвестирования, заключаемые с использованием инвестиционных платформ путем приобретения утилитарных цифровых прав // Юрист. 2020. № 1. С. 15-21.
3. Блажеев В.В., Егорова М.А. (ред.) Цифровое право. М.: Проспект, 2020. 640 с.
4. Гаврин Д.А. Особенности правового регулирования инвестиционных платформ // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 33-41.
5. Лаптева А.М., Скворцов О.Ю. Инвестиционное право: учеб. для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. 535 с.
6. Майфат А.В. Инвестирование: способы, риски, субъекты. М.: Статут, 2020. 176 с.
7. Михайлов А.В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Ученые записки Казанского ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157 (6). С. 133-141.
8. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29-36.
9. Русскова Е.Г., Чайкина Е.В., Чайкин В.Ю. Инвестиционные платформы в инфраструктуре финансового рынка Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика., 2019. Т. 21. № 2. С. 90-98.
10. Санникова Л.И., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. М.: 4 принт, 2020. 303 с.

Current issues of determining the system of sources of legal regulation of investment platforms in the Russian Federation

Radik R. Galishin

Postgraduate Student of the Department of Business and Energy Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya str., Kazan', Russian Federation;
e-mail: rgalishi@gmail.com

Abstract

The article is devoted to issues related to the system of sources of legal regulation of business activities using new investment platforms. The identification of a number of sources has both theoretical and practical significance for the effectiveness of legal regulation of the considered sphere of social relations. The legal regulation of investment platforms is complicated by facts: the

transnational nature of the activities of investment platforms, the lack of complete and precise legal regulation of investment platforms in Russia, as well as the fact that the activities of investment platforms occur exclusively on the information and telecommunications network "Internet". The purpose of the study is expressed in the form of forming a general idea of the system of sources of legal regulation of business activities using investment platforms, according to which the objectives of the study are to present and conduct a brief analysis of certain types of sources of legal regulation of business activities using investment platforms. As a result of the study, a conclusion was drawn that the current state of Russian legislation contains a relatively small number of legal norms aimed at fully comprehensive regulation of the activities of investment platforms. However, the activities of the Bank of Russia are very important for regulating this investment activity, adopting a large number of legal acts aimed at regulating the social relations in question.

For citation

Galishin R.R. (2024) Aktual'nye voprosy opredeleniya sistemy istochnikov pravovogo regulirovaniya investitsionnykh platform v Rossiiskoi Federatsii [Current issues of determining the system of sources of legal regulation of investment platforms in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 355-360. DOI: 10.34670/AR.2024.90.19.034

Keywords

Investments, legal regulation system, investment platform, legislation, other regulators of public relations, self-regulation.

References

1. Altukhov A.V., Ershova I.V., Kashkin S.Yu. (2020) Platformnoe pravo kak draiver razvitiya innovatsii [Platform law as a driver for the development of innovation]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Business law], 4, pp. 17-24.
2. Andreev V.K. (2020) Dogovory investirovaniya, zaklyuchaemye s ispol'zovaniem investitsionnykh platform putem priobreteniya utilitarnykh tsifrovyykh prav [Investment agreements concluded using investment platforms through the acquisition of utilitarian digital rights]. *Yurist* [Lawyer], 1, pp. 15-21.
3. Blazheev V.V., Egorova M.A. (red.) (2020) *Tsifrovoe pravo* [Digital Law]. Moscow: Prospekt Publ.
4. Gavrin D.A. (2022) Osobennosti pravovogo regulirovaniya investitsionnykh platform [Features of legal regulation of investment platforms]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science], 1, pp. 33-41.
5. Lapteva A.M., Skvortsov O.Yu. (2019) *Investitsionnoe pravo: ucheb. dlya bakalavriata i magistratury* [Investment law: textbook for bachelor's and master's degrees]. Moscow: Yurait Publ.
6. Maifat A.V. (2020) Investirovanie: sposoby, riski, sub"ekty [Investing: methods, risks, subjects]. M.: Statut., 176 s.
7. Mikhailov A.V. (2015) Regulyatory v sfere deistviya predprinimatel'skogo prava [Regulators in the scope of business law]. *Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Scientific notes of Kazan University. Series "Humanities"], 157 (6), pp. 133-141.
8. Popondopulo V.F. (2019) Pravovye formy tsifrovyykh otnoshenii [Legal forms of digital relations]. *Yurist* [Lawyer], 6, S. 29-36.
9. Russkova E.G. Chaikina E.V. Chaikin V.Yu. (2019) Investitsionnye platformy v infrastrukture finansovogo rynka Rossiiskoi Federatsii [Investment platforms in the infrastructure of the financial market of the Russian Federation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Volgograd State University. Economics], 21 (2), pp. 90-98.
10. Sannikova L.I., Kharitonova Yu.S. (2020) *Tsifrovye aktivy: pravovoi analiz* [Digital assets: legal analysis]. Moscow: 4 print Publ.

УДК 349.414

DOI: 10.34670/AR.2024.93.99.036

Понятие публичного сервитута и его место среди иных обременений сервитутного типа

Никитина Юлия Сергеевна

Аспирант,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева,
302026, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, 95;
старший юрисконсульт,
ООО «АгроГард-РЦ»,
119333, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр-кт, 55/1;
e-mail: yuliya.nikitina.1996@bk.ru

Аннотация

В гражданском обороте часто возникает объективная необходимость в ограниченном пользовании чужой недвижимостью конкретными лицами, определенными категориями лиц, неопределенным кругом лиц. При этом, если речь идет о земельных участках, мы понимаем, что их количество ограничено, следовательно, ограничение суверенитета землевладельцев неизбежно. Одним из инструментов урегулирования возникающих коллизий служит публичный сервитут. В статье проводится анализ ключевых особенностей и правовой природы публичного сервитута через сравнительный анализ с иными обременениями сервитутного типа (резервирование земельного участка с целью изъятия и изъятие для государственных и муниципальных нужд, частный сервитут, аренда, зоны с особыми условиями использования территорий). Автор приходит к выводу о том, что публичный сервитут представляет собой ограниченное вещное право пользования земельным участком, которое необходимо отнести к обременениям права собственности, а не к его пределам, а его уникальная особенность состоит в том, что он позволяет сервитутарию использовать земельный участок, сохраняя при этом возможность использования участка по назначению собственником и может быть установлен в том числе в отношении земель, собственность на которые не разграничена.

Для цитирования в научных исследованиях

Никитина Ю.С. Понятие публичного сервитута и его место среди иных обременений сервитутного типа // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 361-372. DOI: 10.34670/AR.2024.93.99.036

Ключевые слова

Публичный сервитут, сервитутное право, недвижимость, земельный участок, собственность.

Введение

В литературе высказываются различные точки зрения в отношении правовой природы публичных сервитутов в российском законодательстве. Как отмечает В.А. Майборода [Майборода, www], до введения в Земельный кодекс РФ [Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ, 2001] (далее – ЗК РФ) главы V.7 доминирующей в доктрине являлась точка зрения Е.А. Суханова, по мнению которого публичный сервитут в силу отсутствия определенного субъектного состава сервитуария является ограничением прав собственника обременяемого земельного участка, не подпадает под признаки сервитута, выработанные классическими канонами цивилистики и не ведет к появлению ограниченных вещных прав.

В то же время, некоторые авторы высказывали идею о том, что целевое использование публичного сервитута в интересах неопределенного круга лиц не отрицает конструкции субъективного права на чужую вещь (М.Н. Малеина [Малеина, 2004]), а публичный характер сервитута не делает его ограничением права, а только свидетельствует об общегосударственных целях его установления (Г.А. Волков [Волков, www], М. Бочаров [Иванов и др., 2018]).

С появлением публичного сервитута, устанавливаемого в отдельных целях по правилам главы V.7 ЗК РФ появилась и третья точка зрения, согласно которой в силу того, что новый публичный сервитут устанавливается в пользу определенных лиц (как правило – субъектов естественных монополий), он не является публичным, а представляет собой обычный частный сервитут, устанавливаемый в административном порядке (А.О. Рыбалов [Рыбалов, 2016], А.А. Завьялов [Завьялов, 2019], А.В. Кривоzubов [Кривоzubов, 2018], Р. Бевзенко, А. Иванов, Д. Некрестьянов [Иванов и др., 2018]), что противоречит внутренней сущности института ограниченного вещного права и нарушает одно из основополагающих конституционных прав граждан – право частной собственности (Р. Бевзенко, А. Иванов [Иванов и др., 2018]).

Представляется, что дискуссия по поводу истинной сущности и правовой природы публичного сервитута содержит в себе определенный научный интерес в силу того, что в зависимости от отнесения упомянутой конструкции к «обременениям» или «пределам» права собственности будет существенным образом изменяться порядок защиты интересов неопределенного круга лиц и определенных категорий лиц в ограниченном пользовании чужой недвижимостью.

Основная часть

В рамках предмета настоящего исследования обратимся к анализу соотношения таких юридических категорий как публичный сервитут, устанавливаемый в отдельных целях в сравнении с частным сервитутом, резервированием земельных участков для государственных и муниципальных нужд, изъятием земельных участков у правообладателей и установлением охранных зон линейных объектов.

1. Резервирование с целью последующего изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. По своему составу институт резервирования земель имеет существенное сходство с институтом нового публичного сервитута по следующим элементам:

1) может осуществляться в случаях, связанных с необходимостью размещения объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктур (пп. ст. 49, п.1 ст. 70.1 ЗК РФ); 2)

осуществляется на основании решения органа исполнительной власти (п. 2 Положения о резервировании земель для государственных или муниципальных нужд [постановление Правительства РФ от 22 июля 2008 г. № 561, 2008]); 3) допускается только на основании документации по планировке территории (п. 2 ст. 70.1 ЗК РФ); 4) допускается установление в отношении части земельного участка (п. 6 Положения о резервировании земель для государственных или муниципальных нужд); 5) предполагает наложение определенных ограничений в пользовании собственником зарезервированным участком / частью земельного участка (ст. 56.1 ЗК РФ); 6) является срочной мерой (п. 3 ст. 70.1 ЗК РФ); 7) предоставляет определенному кругу лиц права пользования в отношении земельного участка / части земельного участка для выполнения ограниченного перечня работ (ст. 56.7 ЗК РФ).

Цель резервирования земель состоит в том, чтобы предупредить участников гражданского оборота о планах по развитию муниципальных / региональных / федеральных земель, чтобы последние имели возможность заранее организовывать деятельность по освоению земельных участков с учетом риска утраты объекта, попадающего в границы резервирования. Фактически, государство (в лице своих органов власти), в чью пользу устанавливается резервирование, не получает в отношении таких земель прав пользования, в то время как собственник утрачивает часть своих прав в отношении своего земельного участка или его части¹ что позволяет отнести резервирование к «пределам» собственности.

Таким образом, резервирование земельных участков для государственных и муниципальных нужд частично включает в себя правомочия, присущие публичному сервитуту в части предоставления доступа к земельному участку третьих лиц для проведения предпроектных работ, но в то же время служит иной цели, которая не состоит в предоставлении бенефициару каких-либо прав пользования.

2. Изъятие земельного участка в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд. Данный инструмент является наиболее радикальной формой обеспечения интересов государства в вопросах землепользования, так как фактически нарушает основополагающий принцип неприкосновенности частной собственности и допускает принудительное отчуждение имущества.

Одна из целей изъятия земельных участков для государственных / муниципальных нужд совпадает с целью установления нового публичного сервитута и состоит в организации строительства и реконструкции линейных объектов, объектов энергетики, транспорта, автомобильных дорог (пп. 2 ст. 49 ЗК РФ).

Процедура изъятия земельных участков близка к установлению публичного сервитута в части регулирования самой процедуры как определенного порядка действий уполномоченного органа и иных участвующих в процедуре лиц. Инициатором изъятия в силу п. 1 ст. 56.4 ЗК РФ может быть частное лицо, действующее в публичных интересах (компания, за чей счет будет размещаться линейный объект). Изъятие земельного участка предполагает возмещение имущественных потерь собственнику земельного участка.

¹ Зарезервированные в соответствии с законодательством земельные участки ограничиваются в обороте (ст. 27, 28 ЗК РФ) и в использовании (ст. 56.1 ЗК РФ). В частности, на земельном участке, в отношении которого принято решение о резервировании для государственных и муниципальных нужд, собственник утрачивает право возводить объекты капитального строительства, строить водные объекты и проводить мелиоративные работы (пп. 2 и 3 п. 1 ст. 40 ЗК РФ), что во многих случаях фактически приводит к невозможности использования земельного участка по назначению

Изъятие нельзя отнести ни к «обременениям», ни к «пределам» в силу полной утраты бывшим собственником своих полномочий в отношении изымаемого объекта недвижимости. Из приведенного анализа видно, что процедура изъятия земельного участка для государственных / муниципальных нужд с целью размещения линейного объекта имеет много общего с новым публичным сервитутом. В литературе высказывается мнение, что по существу и последствиям установление публичного сервитута в целях развития инженерной и коммунальной инфраструктур представляет собой механизм изъятия земельных участков из частной собственности [Синицын, 2018].

Несмотря на совпадение ключевых элементов, определяющих внутреннюю сущность института изъятия земельных участков и института нового публичного сервитута, на наш взгляд, с таким утверждением нельзя согласиться. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд является наиболее трудоемким, затратным по времени и материальным ресурсам способом приобретения прав пользования в отношении земельного участка для обеспечения государственных интересов. Логично предположить, что прибегать к такому способу целесообразно только в случае отсутствия иных правовых инструментов для реализации поставленной задачи. В том случае, если возможно сохранить за правообладателем большую часть его правомочий, но существует необходимость обеспечения пользования таким участком третьими лицами целесообразно предоставить такие права посредством публичного сервитута [пояснительная записка к проекту федерального закона № 187920-7, www].

Таким образом, из приведенного выше анализа можно сделать вывод о том, что институт изъятия земельных участков и институт публичного сервитута внутренне различаются по своим целям: изъятие предполагает получение бенефициаром полного объема прав в отношении земельного участка и лишение таковых бывшего правообладателя, тогда как установление публичного сервитута не влечет изменение юридического титула правообладателя и призвано обеспечить баланс интересов частного собственника и лица, в чью пользу необходимо установить ограниченное право пользования для обеспечения государственных интересов без исключительного лишения прав одной из сторон. Следовательно, юридически не корректно квалифицировать публичный сервитут в качестве разновидности изъятия имущества, несмотря на существование в литературе такой точки зрения [Кривоzubов, 2018].

3. Частный сервитут. Данный инструмент является классическим примером «обременения» права собственности, в силу которого третье лицо получает ограниченное право пользования чужим объектом недвижимости.

Установление ограниченных прав пользования земельным участком в пользу неопределенного круга лиц посредством конструкции частного сервитута представляется невозможным в силу отсутствия конкретного сервитуария, уполномоченного вносить платежи за такое пользование. Но когда речь идет об установлении ограниченных прав пользования в отношении конкретного хозяйствующего субъекта, сервитуарий может выбрать более удобный для себя инструмент: публичный или частный сервитут.

Например, как публичным, так и частным земельным сервитутом могут быть обеспечены: право прохода, проезда; право эксплуатации (в том числе ремонта) коммунальных, инженерных, электрических и других линий и сетей; право обеспечения водоснабжения (забор воды и водопой); право мелиорации (проведение дренажных работ), право размещать линейные объекты (п. 1 ст. 274 ГК РФ, пп. 1 ст. 39.37 ЗК РФ). Об альтернативности указанных конструкций также свидетельствует позиция Верховного суда РФ, высказанная им в обзоре судебной практики (п. 4) [Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на

земельный участок, www]), в соответствии с которой в отсутствие нормативного правового акта об установлении публичного сервитута собственник линейного объекта вправе обратиться к собственнику земельного участка за установлением сервитута в целях эксплуатации и ремонта линейного объекта.

На практике в том случае, если правообладатель земельного участка, планируемого под размещение публичного сервитута, известен, но не согласен с предлагаемыми условиями размещения линейного объекта, собственнику инфраструктуры проще обратиться в суд с требованием об установлении частного сервитута, что подтверждается судебной практикой [Определение Верховного Суда РФ от 08.11.2019 № 307-ЭС19-19738 по делу № А56-49429/2018, www].

В то же время размещение линейного объекта, как правило, связано с частичным занятием большого количества земельных участков и земель, собственность на которые может быть не разграничена, а границы земельных участков не определены. Как было указано в пояснительной записке к законопроекту о введении в ЗК РФ главы 5.7 ЗК РФ, приоритет публичного сервитута над частным состоит в том, что его владельцу не требуется проводить кадастровых и регистрационных работ по образованию земельных участков, приведения их категории и разрешенного вида использования в соответствии с заявленными целями, что существенно сокращает срок и стоимость оформления доступа к земельным участкам [Пояснительная записка к проекту федерального закона № 187920-7, www].

Рассмотрим теоретические аспекты публичного сервитута в сравнении с частным. По мнению М.Н. Малеиной [Малеина, 2004], эти два института объединяют следующие характеристики: а) объем предоставляемых сервитуарию прав (ограниченные вещные права на чужое имущество); б) содержание (правомочие пользования чужим имуществом, правомочие на сохранение сервитута в случае перехода к другому лицу права собственности на обремененный объект, правомочие на защиту от посягательств любых третьих лиц); в) объект обременения (земельный участок).

При этом разграничение частного и публичного сервитутов можно провести по а) бенефициарам (частный или публичный интерес); б) порядку введения и прекращения (гражданско-правовой и административный); в) кругу управомоченных лиц (частный сервитут в отличие от публичного не может быть установлен в пользу неограниченного круга лиц).

После введения в действие главы V.7 ЗК РФ, де факто допустившей установление публичного сервитута в пользу компаний, отвечающих за размещение линейного объекта, некоторые исследователи выразили сомнение в «общественной» природе устанавливаемого сервитута, указав на то, что в силу определенности сервитуария публичный сервитут, устанавливаемый в отдельных целях, является обычным частноправовым сервитутом с единственной особенностью – установление властным распоряжением государственного / муниципального органа (Р. Бевзенко, А. Иванов [Иванов и др., 2018]).

Основным аргументом авторов, придерживающихся позиции о том, что публичный сервитут в отдельных целях представляет собой частный сервитут, выступает то обстоятельство, что в случае установления ограниченного права пользования земельным участком для размещения и эксплуатации линейного объекта конкретный управомоченный субъект преследует, прежде всего, личный интерес направленный на извлечение прибыли, который только опосредованно может быть признан общественным, следовательно, оснований для предоставления сервитуарию прав пользования чужим земельным участком в обход процедуры согласования границ такого обременения с землепользователем, нет никаких

оснований.

Публичный сервитут, устанавливаемый в отдельных целях, уникален тем, что позволяет использовать механизм получения ограниченных прав пользования определенному кругу лиц в том случае, когда гражданско-правовые методы оказываются неоправданно трудоемкими. В.А. Майборода в своем исследовании обращает внимание на эту особенность и отмечает, что публичный сервитут, устанавливаемый в отдельных целях, – это особое субъективное право, реализуемое через инструменты публичного управления, возможность к реализации которого заключена в элементах специальной дееспособности отдельных видов субъектов [Майборода, www]. Одновременно с этим общественный интерес, лежащий в основе установления публичного сервитута, предполагает наличие административного порядка его установления, призванного упростить и ускорить процесс переговоров между сторонами.

Таким образом, публичный сервитут позволяет решать общественно значимые задачи посредством применения специальных императивных методов, в силу чего заменить данный институт частным сервитутом не представляется возможным. При этом, несмотря на ограничение прав собственников земельных участков, возникающее в силу применения административного порядка установления публичного сервитута, последний наряду с частным сервитутом скорее тяготеет к «обременениям» права собственности так как предоставляет своим владельцам ограниченные вещные права.

4. Аренда. Право пользования земельным участком на основании аренды, как и частный сервитут, является «обременением» права собственника земельного участка.

Сервитуарий публичного сервитута так же, как и арендатор земельного участка, получает права пользования объектом недвижимости, однако, в отличие от арендатора, его право ограничено. «Ограниченность» выражается в том, что собственник обремененной публичным сервитутом недвижимости не утрачивает права пользования ей, а имеет право также пользоваться частью земельного участка с некоторыми ограничениями, в то время как арендатор выступает полноценным землепользователем, а арендодатель утрачивает правомочие пользования в отношении обременяемого арендой земельного участка полностью на время аренды, если иное не предусмотрено договором.

Еще одно отличие аренды от публичного сервитута в отдельных целях состоит в том, что установление права аренды является добровольным для арендодателя и арендатора и зависит исключительно от интересов сторон – оно не может быть уставлено против их воли, как и любая другая диспозитивная сделка, за исключением случаев, специально оговоренных в законе. Напротив, установление публичного сервитута должно быть обусловлено наличием публичного интереса, а его границы определяются наименее обременительным образом и отсутствием иного возможного доступа, кроме как предоставляемого этим сервитутом.

Кроме того, арендатор по договору аренды получает возможность извлекать полезные свойства из земельного участка для собственной выгоды и не обязан указывать в договоре конкретную цель использования арендуемого земельного участка, в то время как сервитуарий публичного сервитута в отдельных целях вправе пользоваться объектом недвижимости в строго определенных целях, которые обуславливаются необходимостью размещения и /или обслуживания линейного объекта.

Следовательно, можно сделать вывод, что аренда наряду с публичным сервитутом представляет собой один из способов обеспечения интересов собственника линейного объекта, но является более обременительной для титульного владельца земельного участка.

5. Зоны с особыми условиями использования территорий (далее – ЗОУИТ), которые

устанавливаются либо на основании решения об установлении зоны, либо на основании федерального закона (пп. 4 ст. 1 ГрК РФ, ст. 105 ЗК РФ).

Актуальным представляется проанализировать соотношение норм права, регулирующих правовой режим зон с особыми условиями использования территорий, устанавливаемых для охраны объектов инженерной инфраструктуры и публичного сервитута в отдельных целях.

Из пп. 2 п. 1 ст. 104 ЗК РФ можно сделать вывод о том, что целью установления ЗОУИТ для эксплуатации объектов транспорта, связи, и энергетики является обеспечение безопасности линейных объектов посредством *наложения ограничений в использовании обремененных земельных участков правообладателями*.

Помимо явных ограничений в использовании земельных участков, расположенных в границах ЗОУИТ, некоторые положения об охранных зонах содержат нормы, фактически предоставляющие организациям, отвечающим за эксплуатацию соответствующих объектов, *права ограниченного пользования земельными участками*. В частности, п. 25 Правил охраны газораспределительных сетей [Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2000 г. № 878, 2000] предусмотрено право эксплуатационных организаций в охранных зонах проводить техническое обслуживание и ремонт сетей, устройство дорог и подъездов к сетям, проведение земляных работ с целью определения технического состояния сети, а п. 26 – обязанность организации содержать охранные зоны в пожаробезопасном состоянии и осуществлять за свой счет расчистку трасс от древесно-кустарниковой растительности. Из анализа приведенных норм можно сделать вывод о том, что фактически эксплуатационные организации при условии уведомления собственника, земельный участок которого попадает в границы охранной зоны газораспределительной сети, получают права ограниченного пользования земельным участком на безвозмездной основе. Аналогичные по содержанию права ограниченного пользования в отношении земельных участков, попадающих в охранную зону, получают предприятия, в ведении которых находятся линии связи и линии радиофикации [Постановление Правительства РФ от 9 июня 1995 г. № 578, 1995, п. 39-41], электросетевые организации, организации, эксплуатирующие магистральные газопроводы [Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2017 г. № 1083, 2017. п. 19-21] и магистральные трубопроводы [Правила охраны магистральных трубопроводов, [www](http://www.gazprom.ru), п. 4.5]. В нормативно-правовых актах, определяющих порядок пользования земельными участками, находящимися в границах зон с особыми условиями использования, содержится упоминание о том, что для получения доступа в охранную зону собственники инженерных сооружений должны оформить право прохода / проезда в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации [Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2000 г. № 878, 2000, п. 28], однако про необходимость оформления таких прав для пользования участком в границах охранной зоны упоминаний нет. Н.Н. Мельников в своем исследовании приходит к выводу о том, что такие права пользования, получаемые упомянутыми предприятиями в рамках реализации полномочий по ремонту и обслуживанию линейных объектов, представляют собой подразумеваемый (легальный) сервитут, особенностью которого выступает тот факт, что для его возникновения достаточно стечения упомянутых в законе обстоятельств [Мельников, 2019].

Сравнивая частный сервитут и охранную зону линейного объекта, Т.С. Краснова [Краснова, 2018] пишет, что охранный зона линейного объекта представляет собой публично-правовое *ограничение* права собственности, в то время как сервитут представляет собой частноправовое обременение с возникновением субъективного вещного права на земельный участок у третьего лица. Следовательно, сравниваемые конструкции имеют различную

правовую природу и должны иметь различные последствия. Во избежание смешения двух принципиально разных по целям видов ограничений права собственности охранные зоны линейных объектов не должны предоставлять собственникам этих объектов возможность ограниченно пользоваться служащими земельными участками (за исключением ряда аварийных, экстренных и чрезвычайных ситуаций). Данный вывод подтверждается Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.04.2018 № 306-ЭС17-20590, подвергшимся тщательному анализу со стороны научного сообщества. В указанном Определении Верховный суд указал на недопустимость приравнивания целевого назначения охранных зон и сервитутов и сделал вывод о том, что для приобретения прав по использованию земельного участка с целью ремонта и эксплуатации линейного объекта наличия охранной зоны не достаточно и права ограниченного пользования необходимо оформлять в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, пользование земельным участком в интересах обслуживающих линейный объект организаций на основании решения об установлении охранной зоны будет противоречить принципу платности использования земли, установленному в п. 1 ст. 65 ЗК РФ, и приведет к появлению необоснованной выгоды на стороне такой компании.

Заключение

Таким образом, земельное законодательство РФ содержит широкий перечень инструментов для регулирования отношений между лицами, являющимися собственниками земельных участков, и лицами, чьи права им противопоставляются. Государство на основании закона уполномочено зарезервировать земельный участок для своих нужд в целях предупреждения участников оборота о предстоящем планировании территории, а затем изъять его, что представляет собой наиболее трудоемкий и дорогостоящий инструмент обеспечения общественных интересов. Кроме того, данный перечень включает *«пределы»* права собственности, которые накладывают значительные ограничения на обременяемый объект недвижимости и цель которых состоит в недопущении общественно опасного использования определенных территорий (ЗООИТ) и *«обременения»* права собственности, в силу которых третьи лица получают ограниченные права пользования земельным участком (частный сервитут).

Публичный сервитут, на наш взгляд, относится к *«обременениям»* и представляет собой ограниченное вещное право пользования земельным участком, своей основной целью установления является удовлетворение публичных нужд либо непосредственно (через публичный сервитут, устанавливаемых в интересах неопределенного круга лиц) или опосредованно (через публичных сервитут, устанавливаемый в интересах определенного субъекта). Его уникальной характеристикой является то обстоятельство, что он позволяет сервитутарию использовать земельный участок, не лишая такого права лица, чья собственность обременяется сервитутом. При этом способ установления публичного сервитута (на основании закона или акта органа муниципальной власти) позволяет в кратчайшие сроки удовлетворять общественные нужды, для обеспечения которых устанавливается такое ограниченное вещное право.

Библиография

1. Волков Г.А. Земельные сервитуты: развитие и проблемы гарантий прав // Ученые записки Казанского ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 1. URL: <https://cyberleNetiy-prav.ru/article/№/zemel№eye-servituty-razvitie-i-problemy-garaNetiy-prav> (дата обращения: 26.02.2024).
2. Завьялов А.А. Публичные сервитуты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 9. С. 92-99.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
4. Иванов А. и др. Новая жизнь публичных сервитутов // Закон. 2018. № 10. С. 17-37.
5. Краснова Т.С. Сервитут для размещения и эксплуатации линейного объекта. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.04.2018 по делу № 306-ЭС17-20590 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 10-19.
6. Кривокубов А.В. Принудительное установление сервитута для публичных нужд // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 1. URL: <https://cyberleNetiy-prav.ru/article/№/priNeuditel№oe-usta№ovle№ie-servituta-dlya-publich№yh-№uzhd> (дата обращения: 26.02.2024).
7. Майборода В.А. Комментарий к главе V.7 «Установление публичного сервитута в отдельных целях» Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СПС «Гарант».
8. Малеина М.Н. Публичные сервитуты // Законодательство. 2004. № 4. С. 8-16.
9. Мельников Н.Н. Проблемы применения отдельных положений Федерального закона об упрощении размещения линейных объектов в свете обзора судебной практики за 2018 год // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 75-85.
10. Мельников Н.Н. Элементы подразумеваемого сервитута в отношениях, связанных с размещением линейных объектов: обзор доктринальных положений, законодательства и судебной практики // Хозяйство и право. 2019. № 6. С. 49-61.
11. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов: пояснительная записка к проекту федерального закона № 187920-7 // СПС «Гарант».
12. О некоторых вопросах, связанных с резервированием земель для государственных или муниципальных нужд: постановление Правительства РФ от 22 июля 2008 г. № 561 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (часть II). Ст. 3646.
13. О порядке установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон: постановление Правительства РФ от 24 февраля 2009 г. № 160 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 10. Ст. 1220.
14. Об особо охраняемых природных территориях: федер. закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.
15. Об утверждении Правил охраны газораспределительных сетей: постановление Правительства РФ от 20 ноября 2000 г. № 878 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 48. Ст. 4694.
16. Об утверждении Правил охраны линий и сооружений связи Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 9 июня 1995 г. № 578 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 25. Ст. 2396.
17. Об утверждении Правил охраны магистральных газопроводов...: постановление Правительства РФ от 8 сентября 2017 г. № 1083 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 38. Ст. 5621.
18. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Верховного Суда РФ от 08.11.2019 № 307-ЭС19-19738 по делу № А56-49429/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Письмо Росреестра от 14.05.2010 № 14-3738-ГЕ «К поручениям Правительства Российской Федерации от 15.04.2010 № ВП-П9-2485, Минэкономразвития России от 20.04.2010 № 27745» // СПС «Консультант Плюс».
21. Правила охраны магистральных трубопроводов (утв. Минтопэнерго РФ 29.04.1992, Постановлением Госгортехнадзора РФ от 22.04.1992 № 9) // СПС «КонсультантПлюс».
22. Рыбалов А.О. Крымский сервитут // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 69-76.
23. Сеницын С.А. Частные и публичные сервитуты в российском и зарубежном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 26-45.
24. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

The concept of a public easement and its place among other easement-type encumbrances

Yuliya S. Nikitina

Postgraduate Student,
Orel State University named after I. S. Turgenev,
302026, 95 Komsomol'skaya str., Orel, Russian Federation;
Senior Legal Adviser,
AgroGard-RC LLC,
119333, 55/1 Leninsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: yuliya.nikitina.1996@bk.ru

Abstract

In civil turnover, there is often an objective need for limited use of someone else's real estate by specific persons, certain categories of persons, an indefinite circle of persons. At the same time, if we are talking about land plots, we understand that their number is limited, therefore, the limitation of the sovereignty of landowners is inevitable. One of the tools for resolving emerging conflicts is a public easement. This study analyzes the key features and the legal nature of a public easement through a comparative analysis with other easement-type encumbrances (reservation of land for the purpose of seizure and seizure for state and municipal needs, private easement, lease, zones with special conditions for the use of territories). The author concludes that a public easement is a limited proprietary right to use a land plot, which must be attributed to encumbrances of ownership, and not to its limits, and its unique feature is that it allows the easement to use the land plot, while maintaining the possibility of using the participant for its intended purpose by the owner and can It can be established, among other things, in relation to lands whose ownership is not delimited.

For citation

Nikitina Yu.S. (2024) Ponyatie publichnogo servituta i ego mesto sredi inykh obremeneni servitutnogo tipa [The concept of a public easement and its place among other easement-type encumbrances]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 361-372. DOI: 10.34670/AR.2024.93.99.036

Keywords

Public easement, easement law, real estate, land plot, property.

References

1. Chast' pervaya Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (1994) [Part one of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. St. 3301 [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 3301], 32..
2. Ivanov A. et al. (2018) *Novaya zhizn' publichnykh servitutov* [New life of public easements]. *Zakon* [Law], 10, pp. 17-37.
3. Krasnova T.S. (2018) *Servitut dlya razmeshcheniya i ekspluatatsii lineinogo ob"ekta*. Kommentarii k Opredeleliyu Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 17.04.2018 po delu № 306-ES17-20590 [Easement for the placement and operation of a linear facility. Commentary on the Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 17, 2018 in case No. 306-ES17-20590]. *Vestnik*

- ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 7, pp. 10-19.
4. Krivozubov A.V. (2018) Prinuditel'noe ustanovlenie servituta dlya publichnykh nuzhd [Forced establishment of an easement for public needs]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 13 (1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/N/priNuditel'noe-ustanovlenie-servituta-dlya-publichnykh-nuzhd> (data obrashcheniya: 26.02.2024).
 5. Maiboroda V.A. Kommentarii k glave V.7 «Ustanovlenie publichnogo servituta v otdel'nykh tselyakh» Zemel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii ot 25 oktyabrya 2001 g. № 136-FZ [Commentary on Chapter V.7 “Establishment of a public easement for certain purposes” of the Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-FZ]. *SPS «Garant»* [SPS Garant].
 6. Maleina M.N. (2004) Publichnye servituty [Public easements]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 4, pp. 8-16.
 7. Mel'nikov N.N. (2019) Elementy podrazumevaemogo servituta v otnosheniyakh, svyazannykh s razmeshcheniem lineinykh ob"ektov: obzor doktrinal'nykh polozhenii, zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki [Elements of implied easement in relations related to the placement of linear objects: a review of doctrinal provisions, legislation and judicial practice]. *Khozyaistvo i parvo* [Economy and Law], 6, S. 49-61.
 8. Mel'nikov N.N. (2019) Problemy primeneniya otdel'nykh polozhenii Federal'nogo zakona ob uproshchenii razmeshcheniya lineinykh ob"ektov v svete obzora sudebnoi praktiki za 2018 god [Problems of applying certain provisions of the Federal Law on simplifying the placement of linear objects in the light of a review of judicial practice for 2018]. *Khozyaistvo i parvo* [Economy and Law], 4, S. 75-85.
 9. O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s rezervirovaniem zemel' dlya gosudarstvennykh ili munitsipal'nykh nuzhd: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22 iyulya 2008 g. № 561 [On some issues related to the reservation of land for state or municipal needs: Decree of the Government of the Russian Federation of July 22, 2008 No. 561] (2008). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 3646* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 3646], 30 (2).
 10. O poryadke ustanovleniya okhrannykh zon ob"ektov elektrosetevogo khozyaistva i osobykh uslovii ispol'zovaniya zemel'nykh uchastkov, raspolozhennykh v granitsakh takikh zon: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 fevralya 2009 g. № 160 (2009) [On the procedure for establishing security zones of power grid facilities and special conditions for the use of land plots located within the boundaries of such zones: Decree of the Government of the Russian Federation of February 24, 2009 No. 160]. *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 1220* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 1220], 10.
 11. O vnesenii izmenenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti uproshcheniya stroitel'stva, rekonstruktsii, kapital'nogo remonta i (ili) ekspluatatsii lineinykh ob"ektov: poyasnitelnaya zapiska k projektu federal'nogo zakona № 187920-7 [On amendments to some legislative acts of the Russian Federation in terms of simplification of construction, reconstruction, major repairs and (or) operation of linear facilities: Explanatory Note to the draft federal law No. 187920-7]. *SPS «Garant»* [SPS Garant].
 12. Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh: feder. zakon ot 14 marta 1995 g. № 33-FZ (1995) [On specially protected natural areas: Federal Law of March 14, 1995 No. 33-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 1024* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 1024], 12.
 13. Ob utverzhenii Pravil okhrany gazoraspredelitel'nykh setei: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20 noyabrya 2000 g. № 878 [On approval of the Rules for the protection of gas distribution networks: Decree of the Government of the Russian Federation of November 20, 2000 No. 878] (2000). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4694* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 4694], 48.
 14. Ob utverzhenii Pravil okhrany linii i sooruzhenii svyazi Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 9 iyunya 1995 g. № 578 [On approval of the Rules for the protection of communication lines and structures of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of June 9, 1995 No. 578] (1995). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 2396* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 2396], 25.
 15. Ob utverzhenii Pravil okhrany magistral'nykh gazoprovodov...: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 sentyabrya 2017 g. № 1083 [On approval of the Rules for the protection of main gas pipelines...: Decree of the Government of the Russian Federation of September 8, 2017 No. 1083] (2017). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 5621* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 5621], 38.
 16. Obzor sudebnoi praktiki po delam ob ustanovlenii servituta na zemel'nyi uchastok (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 26.04.2017) [Review of judicial practice in cases of establishing an easement on a land plot (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 26, 2017)]. *SPS «Konsul'tantPlyus* [SPS Consultant].
 17. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 08.11.2019 № 307-ES19-19738 po delu № A56-49429/2018 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 8, 2019 No. 307-ES19-19738 in case No. A56-49429/2018]. *SPS «Konsul'tantPlyus* [SPS Consultant].
 18. Pis'mo Rosreestra ot 14.05.2010 № 14-3738-GE «K porucheniya Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 15.04.2010 № VP-P9-2485, Minekonomrazvitiya Rossii ot 20.04.2010 № 27745» [Letter of Rosreestr dated May 14, 2010 No. 14-3738-GE “To the instructions of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2010 No. VP-P9-2485, Ministry of Economic Development of Russia dated April 20, 2010 No. 27745”]. *SPS «Konsul'tantPlyus* [SPS Consultant].

Consultant].

19. Pravila okhrany magistral'nykh truboprovodov (utv. Mintopenergo RF 29.04.1992, Postanovleniem Gosgortekhna dzora RF ot 22.04.1992 № 9) [Rules for the protection of main pipelines (approved by the Ministry of Fuel and Energy of the Russian Federation on April 29, 1992, by Resolution of the State Mining and Technical Supervision of the Russian Federation dated April 22, 1992 No. 9)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
20. Rybalov A.O. (2016) Krymskii servitut [Crimean easement]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of economic justice of the Russian Federation], 10, S. 69-76.
21. Sinitsyn S.A. (2018) Chastnye i publichnye servituty v rossiiskom i zarubezhnom prave [Private and public easements in Russian and foreign law]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Journal of the Higher School of Economics], 2, pp. 26-45.
22. Volkov G.A. (2019) Zemel'nye servituty: razvitie i problemy garantii prav [Land easements: development and problems of guarantees of rights]. *Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Scientific notes of Kazan University. Series "Humanities"], 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/N/zemelnye-servituty-razvitie-i-problemy-garantiy-prav> (data obrashcheniya: 26.02.2024).
23. Zav'yaov A.A. (2019) Publichnye» servituty [Public easements]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property relations in the Russian Federation], 9, S. 92-99.
24. Zemel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 25 oktyabrya 2001 g. № 136-FZ [Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FZ] (2001). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4147* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 4147], 44.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.96.76.060

Способы защиты прав потребителей коммунальных услуг

Светлополянский Владимир Романович

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14;
e-mail: svetlopvr@gmail.com

Аннотация

В статье на основании исследования форм защиты прав потребителей коммунальных услуг показано, что Споры с поставщиками услуг часто обусловлены их монопольным положением, что делает потребителей уязвимыми. Введение единой информационной системы ГИС ЖКХ в 2018 году направлено на упорядочение отношений и начисление платы за услуги. Потребители могут использовать ГИС ЖКХ для жалоб и претензий. За последние годы зафиксировано множество административных нарушений, основные из которых связаны с нормами предоставления коммунальных услуг. Также сделан вывод, что одним из ключевых направлений улучшения системы защиты прав потребителей может стать расширение возможностей для коллективных действий потребителей, позволяя им выступать единым фронтом при решении проблем с поставщиками коммунальных услуг. Это способствует увеличению силы и влияния потребителей, делая их более защищенными и способными эффективно добиваться исполнения своих прав. Показано, что важно продолжать развивать информационные системы, такие как ГИС ЖКХ, для обеспечения прозрачности и доступности информации о предоставляемых услугах, тарифах и правах потребителей. Это поможет улучшить взаимодействие между поставщиками услуг и потребителями, а также повысить ответственность сторон за соблюдение законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Для цитирования в научных исследованиях

Светлополянский В.Р. Способы защиты прав потребителей коммунальных услуг // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 373-379. DOI: 10.34670/AR.2024.96.76.060

Ключевые слова

Права потребителей, коммунальные услуги, поставщики коммунальных услуг, информационные системы, жилищно-коммунального хозяйство.

Введение

Сфера жилищно-коммунального хозяйства в России всегда вызывала дискуссии в общественном, политическом и законодательном поле. Прямое влияние на состояние отрасли оказал распад СССР, в результате перед новообразовавшимся государством возникло множество вызовов и трудностей требующих полного переосмысления и выстраивания заново нормативно-правовой и материально-технической базы. Жилищно-коммунальное хозяйство в тот момент перешло из под контроля государства в плоскость рыночных отношений и переход этот не был плавным. В результате чего, это повлекло за собой упадок отрасли, произвол ново созданных управляющих организаций, целью которых являлось извлечение прибыли при полном отсутствии оказания каких либо услуг бытовым потребителям.

С тех пор произошло существенное улучшение законодательства, появилось множество отраслевых законов, призванных урегулировать различные отрасли энергоснабжения, предоставления жилищно-коммунальных услуг, значительно усилился контроль органов государственного управления и надзорных органов за отраслью. Такими законами являются: Федеральный закон "О теплоснабжении" от 27.07.2010 N 190-ФЗ, Федеральный закон "Об электроэнергетике" от 26.03.2003 N 35-ФЗ, Федеральный закон "О газоснабжении в Российской Федерации" от 31.03.1999 N 69-ФЗ и другие. Качество предоставляемых жилищно-коммунальных услуг значительно улучшилось, в том числе и благодаря появлению различных информационных порталов и электронных сервисов, через которые жители многоквартирных домов могут обращаться в органы государственной и муниципальной власти для разрешения возникающих проблем.

Основное содержание

Согласно статистическим данным, опубликованным агентством ВЦИОМ с 2010 по 2019 год произошло значительное улучшение показателей удовлетворенности потребителей, а именно по некоторым параметрам оно выросло более чем в два раза, однако это не отменяет того факта, что около трети от людей участвовавших в опросе оценивают данную сферу негативно и положительных изменений не видят.

Одним из таких интернет-порталов является сайт «Решаем проблемы вместе». С помощью него, каждый житель Московской области может оставить заявку по поводу возникшей проблемы связанной с жилищно-коммунальным хозяйством, будь это невовремя вывезенный мусор, отсутствие уличного и подъездного освещения и множества других проблем. При этом, стоит отметить, что согласно правилам, размещенном на сайте данного портала, сообщения которые на него поступают не являются обращениями граждан и рассматриваются в порядке, установленном Положением о Единой системе приема и обработки сообщений по вопросам деятельности исполнительных органов государственной власти Московской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области, утверждаемым Правительством Московской области.

Фактически – данный портал представляет собой способ не официального взаимодействия граждан и органов государственной и муниципальной власти, а скорее, используется как возможность обращения внимания на существующие и возникающие проблемы. Стоит отметить, что данный метод потребителя жилищно-коммунальных услуг действительно может оказать существенное воздействие на управляющие организации, которые не реагируют на обращения собственников помещений, однако в других ситуациях проблемы будут оставаться

не разрешенными и тогда потребитель будет вынужден прибегать к другим способам отстаивания своих прав и законных интересов.

В сфере жилищно-коммунального обслуживания одной из ключевых проблемных зон, связанных с защитой прав и законных интересов потребителей, являются споры. Федеральный закон от 07.02.1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» устанавливает основные нормы качества и сроков предоставления услуг в сфере ЖКХ, а также обязательство предоставления информации о них. Правила предоставления коммунальных услуг, утвержденные Правительством РФ, содержат требования безопасности и экологичности. Согласно Закону о защите прав потребителей, основными правами потребителей в том числе и жилищно-коммунальных услуг являются:

- 1) Право на продукцию надлежащего качества. Данное право выражается в том, что потребитель услуг ЖКХ должен получать услуги, соответствующие стандартам качества, которые установлены в специальных отраслевых нормативно-правовых актах. При этом, данные стандарты не применяются в классическом понимании, как если бы это был договор купли-продажи, когда потребитель покупает телефон или стиральную машину. В таком случае, у потребителя есть возможность объективно оценить, что если телефон перестал работать по независящим от потребителя причинам, он может обратиться к продавцу для ремонта данного устройства или возврата денежных средств. Однако, с коммунальными услугами ситуация выглядит несколько иначе, поскольку данные взаимоотношения носят длящийся характер, а объектом выступают различного рода услуги, которые оказывают как правило множество поставщиков. Так, претензии могут возникнуть к качеству водопроводной воды или же к температуре в жилом помещении, при этом доказать, что данные нарушения возникли по вине поставщика в данном случае, будет более затруднительно, поскольку чтобы определить качество воды, необходимо проводить экспертизу, а на температурный режим в помещении будет влиять не только температура батарей, но и, например класс энергоэффективности дома, работа вентиляционной системы, качество оконного остекления.
- 2) Право на получение информации, отвечающей критериям доступности, достоверности о количестве, качестве и исполнителе услуг. Эти положения регламентируют обязанность предприятия, предоставляющего коммунальные услуги, предоставлять потребителю сведения о качественных характеристиках услуг. То есть при наличии требования потребителя коммунальное предприятие обязано предоставить ему, например, информацию о состоянии выполнения текущего ремонта дома, о давлении воды, о свойствах природного газа и тому подобное. Данная обязанность исполнителей не установлена на прямую в отраслевых актах, таких как Федеральный закон "О теплоснабжении" от 27.07.2010 N 190-ФЗ, Федеральный закон "Об электроэнергетике" от 26.03.2003 N 35-ФЗ, однако, она установлена в Постановлении Правительства РФ от 06.05.2011 N 354 (ред. от 11.04.2024) "О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов" (вместе с "Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов"). При этом, получить информацию относительно управляющей организации, которая обслуживает конкретный МКД проще, поскольку данную информацию можно найти на сайте ГИС

ЖКХ.

- 3) Право на возмещение вреда (убытков), возникших в результате дефектов или фальсификации продукции, а также имущественного и морального(неимущественного) вреда, причиненного опасной для жизни и здоровья продукцией в случаях, предусмотренных законодательством. Примером реализации данного права может служить ситуация, при которой из-за гидроудара в системе теплоснабжения происходит прорыв батареи или полотенцесушителя. В таком случае, если подтопление произошло в квартире и затопило соседа снизу, потребители могут подать иск к теплоснабжающей организации о возмещении ущерба, причинённого залитием. При этом, зачастую теплоснабжающие организации отрицают свою вину и ссылаются на то, что то место, где произошел прорыв находится вне зоны их ответственности. Отдельной ситуацией, заслуживающей внимания является споры потребителей с управляющей организацией по залитию квартиры из-за протечек крыши. Согласно Федеральным законам "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" от 30.12.2004 N 214-ФЗ, если многоквартирный дом был построен менее пяти лет назад, ответственность за протечку крыши будет нести застройщик. В данном случае, потребитель может самостоятельно провести экспертизу и обратиться в суд с требованием возместить ущерб и произвести ремонт крыши. В случае, если многоквартирному дому больше пяти лет, ответственность будет нести управляющая организация.
- 4) Право на судебную защиту своих интересов как потребителя. У потребителей коммунальных услуг существует право как требовать возврата излишне уплаченных средств, так и право на возмещение морального вреда. Проблемой в данном случае будет определение размера стоимости некачественно оказанных услуг. Если в случае с ресурсами сделать будет проще, то вот определить, стоимость и степень услуг, которые оказывает управляющая компания по услугам по управлению многоквартирным домом будет практически невозможно.
- 5) На неуплату стоимости жилищно-коммунальных услуг за период временного отсутствия потребителя и/или членов его семьи при соответствующем документальном оформлении, а также за период фактического отсутствия жилищно-коммунальных услуг. Действующее законодательство позволяет временно отказаться от получения коммунальных услуг. Потребитель имеет право на временный отказ от получения услуг по водоснабжению, водоотведению, газоснабжению в случае отсутствия в квартире счетчика. Соответственно, в такой период потребитель освобождается от оплаты указанных услуг. Для временного отказа в получении указанных коммунальных услуг потребитель должен обратиться с заявлением к предприятию, которое предоставляет этот вид коммунальных услуг.

В сфере жилищно-коммунального хозяйства употребляются следующие гражданско-правовые способы защиты прав потребителей:

- 1) Потребитель может требовать прекращения или изменения правоотношения (договора) как способ защиты гражданских прав.

При этом, стоит отметить, что данный способ защиты гражданских прав в сфере жилищно-

коммунального хозяйства не всегда может быть реализован. Так например, собственник квартиры в многоквартирном доме не может полностью отказаться от договора теплоснабжения, поскольку даже в случае снятия батарей, через его квартиру будет проходить стояк теплоносителя. Другим примером, может являться недовольство жителя многоквартирного-дома управляющей организацией, который не может просто взять и расторгнуть договор в индивидуальном порядке, поскольку данный вопрос относится к компетенции общего собрания дома.

- 2) Еще одним способом защиты является возможность потребителя обратиться за возмещением убытков и взысканием неустойки. При этом, стоит отметить что данный способ является скорее дополнительным и применяется совместно с иными способами защиты прав потребителей. Основное отличие данного способа защиты заключается в том, что законодательство о защите прав потребителей предусматривает взыскание убытков в полном объеме сверх неустойки. При этом, помимо оплаты вышеуказанных неустойки и убытков, ответчик будет вынужден исполнить обязательство в натуре.
- 3) Закон предусматривает судебный порядок защиты нарушенных прав потребителя по иску самого потребителя, а также федерального антимонопольного органа, федеральных органов исполнительной власти (их территориальных органов), осуществляющих контроль за качеством и безопасностью товаров (работ, услуг), органов местного самоуправления, общественных объединений потребителей (их ассоциаций, союзов) по искам, предъявляемым в интересах потребителя, группы потребителей или неопределенного круга потребителей.

Во всех указанных случаях истцы освобождаются от уплаты государственной пошлины при предъявлении исков (ч. 3 ст. 17 Закона о защите прав потребителей).

При обращении в суд необходимо иметь в виду, что нарушенные права граждан и организаций защищаются лишь в течение определенного срока исковой давности.

Заключение

Споры с поставщиками услуг часто обусловлены их монопольным положением, что делает потребителей уязвимыми. Введение единой информационной системы ГИС ЖКХ в 2018 году направлено на упорядочение отношений и начисление платы за услуги. Потребители могут использовать ГИС ЖКХ для жалоб и претензий. За последние годы зафиксировано множество административных нарушений, основные из которых связаны с нормами предоставления коммунальных услуг.

Одним из ключевых направлений улучшения системы защиты прав потребителей может стать расширение возможностей для коллективных действий потребителей, позволяя им выступать единым фронтом при решении проблем с поставщиками коммунальных услуг. Это способствует увеличению силы и влияния потребителей, делая их более защищенными и способными эффективно добиваться исполнения своих прав.

Кроме того, важно продолжать развивать информационные системы, такие как ГИС ЖКХ, для обеспечения прозрачности и доступности информации о предоставляемых услугах, тарифах и правах потребителей. Это поможет улучшить взаимодействие между поставщиками услуг и потребителями, а также повысить ответственность сторон за соблюдение законодательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Библиография

1. Комаров С. С. Способы защиты прав потребителей коммунальных услуг: общие и специальные //Черные дыры в Российском законодательстве. – 2013. – №. 1. – С. 81-84.
2. Абрамов А. А. Особенности защиты прав потребителей жилищно-коммунальных услуг //Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. – 2008. – №. 76-1. – С. 11-16.
3. Шехтер А. И. Защита прав потребителей при оказании коммунальных услуг //Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – №. 12. – С. 31-38.
4. Полупанова Е. А., Шивыдкина Т. Л. Защита прав потребителей в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг //Здоровье. Медицинская экология. Наука. – 2015. – Т. 62. – №. 4. – С. 46-50.
5. Мухаметгалиева С. Х. Некоторые вопросы защиты прав потребителей в сфере жилищно-коммунальных услуг //ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. – 2020. – С. 14-16.
6. Павленко В. В. Защита прав потребителей в сфере торговли и услуг. Практическое пособие. – " Издательство" " Проспект""", 2016.
7. Кривоносова А. С. Особенности осуществления и защиты прав потребителя в сфере коммунальных услуг //Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – №. 5 (69). – С. 285-290.
8. Богдан В. В. Права потребителей: понятие, виды, общая характеристика //Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. – 2012. – №. 2-2. – С. 14.
9. Синцов Г. В., Казакова Е. Б. К вопросу о законодательстве о защите прав потребителей //Актуальные проблемы Российского права на современном этапе. – 2017. – С. 3-10.
10. Ситников Е. С. Способы защиты прав потребителей в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг //NovaUm. Ru. – 2017. – №. 10. – С. 236-239.

Ways to protect the rights of consumers of utility services

Vladimir R. Svetlopolyanskii

Postgraduate student,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
129090, 9/14 Meshchanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: svetlovr@gmail.com

Abstract

The article, based on a study of forms of protection of the rights of consumers of utility services, shows that Disputes with service providers are often due to their monopoly position, which makes consumers vulnerable. The introduction of a unified information system GIS housing and communal services in 2018 is aimed at streamlining relations and charging for services. Consumers can use the Housing and Communal Services GIS for complaints and claims. In recent years, many administrative violations have been recorded, the main of which are related to the standards for the provision of utility services. It is also concluded that one of the key areas for improving the system of consumer protection could be expanding opportunities for collective action by consumers, allowing them to act as a united front when solving problems with utility providers. This helps increase the power and influence of consumers, making them more secure and able to effectively enforce their rights. It is shown that it is important to continue to develop information systems, such as GIS housing and communal services, to ensure transparency and accessibility of information about the services provided, tariffs and consumer rights. This will help improve interaction between service providers and consumers, as well as increase the responsibility of the parties for compliance with legislation in the field of housing and communal services.

Vladimir R. Svetlopolyanskii

For citation

Svetlopolyanskii V.R. (2024) Sposoby zashchity prav potrebiteli kommunal'nykh uslug [Ways to protect the rights of consumers of utility services]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 373-379. DOI: 10.34670/AR.2024.96.76.060

Keywords

Consumer rights, utilities, utility providers, information systems, housing and communal services.

References

1. Komarov S.S. Methods of protecting the rights of consumers of utility services: general and special // Black holes in Russian legislation. – 2013. – No. 1. – pp. 81-84.
2. Abramov A. A. Features of protecting the rights of consumers of housing and communal services // News of the Russian State Pedagogical University named after. AI Herzen. – 2008. – No. 76-1. – pp. 11-16.
3. Shekhter A.I. Protection of consumer rights in the provision of utility services // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2012. – No. 12. – pp. 31-38.
4. Polupanova E. A., Shivydkina T. L. Protection of consumer rights in the provision of housing and communal services // Health. Medical ecology. The science. – 2015. – T. 62. – No. 4. – pp. 46-50.
5. Mukhametgalieva S. Kh. Some issues of protecting the rights of consumers in the field of housing and communal services // LEGAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION AND STRENGTHENING OF THE RUSSIAN STATE. – 2020. – pp. 14-16.
6. Pavlenko V.V. Protection of consumer rights in the field of trade and services. Practical guide. – "Publishing house" "Prospect", 2016.
7. Krivonosova A. S. Features of the implementation and protection of consumer rights in the field of public utilities // Skif. Questions of student science. – 2022. – No. 5 (69). – pp. 285-290.
8. Bogdan V.V. Consumer rights: concept, types, general characteristics // News of the South-Western State University. Series: history and law. – 2012. – No. 2-2. – P. 14.
9. Sintsov G.V., Kazakova E.B. On the issue of legislation on the protection of consumer rights // Current problems of Russian law at the present stage. – 2017. – P. 3-10.
10. Sitnikov E. S. Methods of protecting consumer rights in the sphere of providing housing and communal services // NovaUm. Ru. – 2017. – No. 10. – pp. 236-239.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.85.79.011

Понятие и элементы механизма противодействия незаконному обороту цифровых активов

Боков Руслан Альбертович

Магистр,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина,
123242, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: mr.bokov.rus@bk.ru

Аннотация

В свете появления цифровых валют на международном уровне количество преступлений, связанных с их использованием, неизбежно возрастает каждый год. Прокуратура активно работает над пресечением таких действий, хотя уникальный характер этих преступлений означает, что традиционные методы борьбы не всегда эффективны. Из-за отсутствия устоявшегося подхода к борьбе с этим новым видом преступности правоохранительным органам необходимо разработать систематизированный подход и унифицированные стратегии для повышения эффективности их усилий. Эффективное противодействие возможно лишь при условии всеобщего понимания основ и принципов законного оборота цифровых активов среди населения и специалистов, а также при наличии сильного законодательного регулирования и международного сотрудничества.

Для цитирования в научных исследованиях

Боков Р.А. Понятие и элементы механизма противодействия незаконному обороту цифровых активов // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 380-388. DOI: 10.34670/AR.2024.85.79.011

Ключевые слова

Блокчейн, цифровые активы, криптовалюта, криптопреступления.

Введение

В современном мире цифровые активы становятся все более значимым элементом экономической системы, однако их анонимность и легкость передачи открывают широкие возможности для незаконного оборота. Проблема незаконного оборота цифровых активов вызывает озабоченность у государственных регуляторов, финансовых институтов и ученых по всему миру [Иванов, 2022]. Важность разработки и внедрения эффективного механизма противодействия этой проблеме не подлежит сомнению, поскольку она напрямую касается вопросов национальной и международной безопасности, а также защиты прав собственности [Петрова, 2023].

Существуют различные подходы и модели механизма противодействия незаконному обороту цифровых активов, которые включают в себя комплекс мер правового, технического и организационного характера [Кузнецов, 2021]. Важную роль в этом процессе играют международные стандарты и законодательные акты, направленные на регулирование цифровых активов, такие как FATF Recommendations и Европейский регламент о криптоактивах (MiCA) [Международные стандарты FATF и Европейский регламент о крипто-активах (MiCA): анализ и перспективы, 2023]. Особое внимание ученые уделяют необходимости адаптации существующих правовых норм к быстро меняющемуся цифровому ландшафту, а также разработке новых подходов к идентификации и отслеживанию незаконных транзакций с использованием цифровых активов [Смирнова, 2022].

Основная часть

Незаконный оборот цифровых активов представляет собой одну из актуальных проблем в современной эпохе развития цифровой экономики. Этот феномен обусловлен целым рядом факторов, среди которых анонимность транзакций, отсутствие четкого регулирования во многих юрисдикциях и высокая ликвидность цифровых активов. В рамках данной статьи важным является выделить основные определения, связанные с незаконным оборотом цифровых активов, и проанализировать мнения научного сообщества по данному вопросу.

В первую очередь, цифровые активы – это цифровые представления стоимости, которые могут торговаться или передаваться и использоваться в качестве средства обмена или хранения стоимости [Виртуальные валютные схемы, 2012]. Соответственно, незаконный оборот этих активов включает в себя действия, проводимые в обход установленных правил и норм, что часто связано с отмыванием денег, финансированием терроризма, мошенничеством и другими преступлениями [Международные стандарты по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма & распространение оружия массового уничтожения, 2012].

Ученые подчеркивают важность разграничения между легальным и нелегальным оборотом цифровых активов для разработки эффективных механизмов регулирования и контроля. Гринберга А. опирается на анализ действующих нормативных актов и судебной практики, указывая на сложность квалификации деяний, связанных с использованием криптовалют в нелегальных операциях [Гринберг, 2011]. Также важным является мнение Вайнича К.М., который выделяет ряд признаков незаконного оборота, среди которых ключевыми являются анонимность и отсутствие прозрачности транзакций с цифровыми активами [Вайнич, 2019].

Значительную роль в определении контуров незаконного оборота цифровых активов играют законодательные акты различных уровней. Например, в Российской Федерации Федеральным

законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» (далее – Закон № 259) были внесены изменения в некоторые законодательные акты РФ, направленные на регулирование оборота цифровых активов [Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, www]. Тем не менее, вопрос о борьбе с незаконным оборотом по-прежнему остается открытым.

Функционирование международной правовой базы также представляет собой фундамент для противодействия незаконным операциям с цифровыми активами. На уровне Евросоюза были приняты поправки к Пятой Директиве по борьбе с отмыванием денег (AML), которые расширяют ее действие на обмен криптовалютой на фиатные деньги и обратно [Пятая директива по борьбе с отмыванием денег, 2019].

Для разработки эффективного механизма регулирования и контроля незаконного оборота цифровых активов важно их понимание и определение. Определение признаков незаконного оборота, оценка существующего законодательства и международного опыта, а также анализ научных исследований в этой области являются ключевыми составляющими в борьбе с нелегальными операциями в сфере цифровых активов.

Поиск механизмов противодействия незаконному обороту цифровых активов является актуальной проблемой, требующей комплексного подхода и международного сотрудничества. Цифровые активы, в том числе криптовалюта, стали инструментом для различных незаконных операций, таких как отмывание денег, финансирование терроризма и мошенничество. Учитывая анонимность и сложность отслеживания транзакций в блокчейне, вопрос борьбы с иллюзорной анонимностью и создания механизмов прозрачности стоит особенно остро [Эпплбаум, 2022].

Один из ведущих механизмов противодействия заключается в разработке и внедрении нормативно-правовой базы. В различных странах принимаются законы, направленные на регулирование оборота цифровых активов. Примером может служить Закон № 259, который вводит понятие цифровых активов и устанавливает правила их обращения [Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, www]. На международном уровне значительную роль играет Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), которая разрабатывает рекомендации для стран по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, включая рекомендации по регулированию криптовалют [Руководство по риск-ориентированному подходу к виртуальным активам и поставщикам услуг виртуальных активов, 2020].

Не менее важное значение имеет применение современных технологий для отслеживания и анализа транзакций в блокчейне. Разработки в области искусственного интеллекта и машинного обучения позволяют обнаруживать подозрительные операции и анализировать большие массивы данных для выявления необычных паттернов поведения, связанных с незаконными транзакциями. Это подтверждается исследованиями в области цифровой экономики [Эрнандес и др., 2021]. Использование таких систем становится неотъемлемой частью работы регуляторов и финансовых учреждений.

Особое место в механизме противодействия занимает вопрос обеспечения прозрачности и отчетности для криптовалютных платформ. В этой связи краеугольным камнем является требование к обменным платформам и криптовалютным кошелькам о идентификации и верификации своих пользователей, что существенно усложняет использование цифровых активов в незаконных целях. Мнения ученых в этой области различаются: некоторые считают, что текущий уровень регулирования и контроля является избыточным и ограничивает преимущества блокчейн-технологий [Смит, 2019], в то время как другие подчеркивают необходимость таких мер для предотвращения преступлений [Джонсон, Пост, 2020].

В рамках международного сотрудничества существенную роль играют инициативы по обмену информацией и координации действий различных государств. Это включает разработку единых стандартов и подходов, обмен опытом и координацию усилий правоохранительных органов. Примером такого взаимодействия является Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN) в США, которая активно сотрудничает с международными партнерами [Роль FinCEN в борьбе с глобальной угрозой отмывания денег, 2021].

Важно отметить, что механизмы противодействия должны развиваться с учетом изменений в технологиях и паттернах использования цифровых активов. Это требует непрерывного мониторинга рынка, исследований и адаптации правовой базы и инструментов анализа.

Цифровые активы, по сути, представляют собой значения, созданные в электронной форме и имеющие юридическое значение для обращения или как объект гражданских прав [Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, www]. Они включают в себя криптовалюты, токены, цифровые финансовые активы и другие. Незаконный оборот данных активов охватывает широкий спектр преступных действий, включая отмывание денег, финансирование терроризма и мошенничество.

Законодательное регулирование в сфере противодействия незаконному обороту цифровых активов различается по странам, однако общей тенденцией является стремление к ужесточению норм и правил. В Российской Федерации действует Федеральный Закон № 259-ФЗ, который является основополагающим в регулировании оборота цифровых активов. Однако, несмотря на принятие данного закона, многие аспекты борьбы с незаконным оборотом цифровых активов остаются недостаточно разработанными и требуют дальнейшего углубления и конкретизации.

Ученые и эксперты в области цифровой экономики выделяют необходимость разработки комплексных механизмов, направленных на превентивное противодействие незаконному обороту цифровых активов. В частности, блокчейн и другие технологии распределенного реестра представляют значительный потенциал для усиления прозрачности и отслеживания транзакций с цифровыми активами, тем самым обеспечивая механизмы для противодействия незаконным операциям [Иванова, 2021].

Кроме того, в научной литературе обсуждается значимость международного сотрудничества и обмена информацией между регулирующими органами разных стран как ключевой элемент борьбы с трансграничным оборотом незаконных цифровых активов [Смирнова, 2021].

Своеобразной проблемой в законодательном регулировании является стремительное развитие технологий и появление новых видов цифровых активов, что требует своевременного пересмотра и адаптации нормативных актов. Например, вопросы регулирования и классификации стабильных монет (stablecoins) и их роль в финансовой системе все еще находятся в процессе обсуждения [Левин, 2021].

Значительное внимание в научной литературе и законодательной практике уделяется также мерам по идентификации участников рынка цифровых активов. Так, к примеру, KYC (Know Your Customer) процедуры рассматриваются как важный инструмент для предотвращения использования цифровых активов в преступных целях [Петрова, 2019].

Итак, законодательные аспекты борьбы с незаконным оборотом цифровых активов представляют собой сложную и многогранную задачу, требующую совместных усилий на национальном и международном уровнях, а также учета постоянно развивающихся технологий и новых видов цифровой активности.

В рамках борьбы с незаконным оборотом цифровых активов финансовые институты и

технологические компании разрабатывают и внедряют различные технические решения. Эти решения целятся на обеспечение прозрачности, отслеживаемости и законности операций с цифровыми активами, тем самым минимизируя риски их использования в незаконных целях.

Одним из ключевых технических инструментов является использование блокчейн-технологии для отслеживания транзакций. Блокчейн обеспечивает децентрализованное и надежное хранение данных о каждой транзакции, делая их прозрачными и неизменными [Накамото, 2008]. Это особенно эффективно для препятствия отмыванию денег и финансированию терроризма через цифровые активы. Исследования показывают, что применение блокчейна значительно усиливает контроль над движением цифровых валют и активов, снижая возможности их злоупотребления [Свон, 2015].

Другой важной мерой является использование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) для анализа транзакций. Системы, основанные на ИИ, способны анализировать огромные объемы данных на предмет обнаружения подозрительной активности, что является ключевым аспектом выявления попыток незаконного оборота [Шао, Чжан, Ван, Ян, 2019]. По мнению ученых, использование ИИ может значительно повысить эффективность систем предотвращения мошенничества и отмывания денег [Чен, 2020].

Эффективность технических мер значительно зависит от соблюдения нормативно-правовой базы. В этом контексте Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) разработала рекомендации по регулированию цифровых активов, которые включают требования к лицензированию и регулированию поставщиков услуг по переводу цифровых активов, а также к проведению контроля клиентов и отслеживанию транзакций [Руководство по риск-ориентированному подходу к виртуальным активам и поставщикам услуг виртуальных активов, 2020]. Эти меры направлены на создание глобальной системы противодействия незаконному обороту цифровых активов через прозрачность и ответственность.

Следует отметить, что применение технических решений для предотвращения незаконного оборота цифровых активов требует комплексного подхода, который включает в себя разработку международных стандартов, обмен информацией между странами, а также обучение специалистов. Такой подход позволит не только обеспечить безопасность транзакций с цифровыми активами, но и способствовать их легитимизации и интеграции в глобальную финансовую систему.

В рамках противодействия незаконному обороту цифровых активов важность приобретают образование и информирование населения и специалистов в данной области. В эпоху цифровизации эта задача стоит особенно остро, ведь с каждым днём виртуальные активы становятся всё более популярными и доступными широким массам. Опыт развитых стран показывает, что одним из самых эффективных методов борьбы с незаконным оборотом является повышение уровня информированности и образованности населения в вопросах кибербезопасности и цифровой грамотности [Дэвис, 2018].

Повышение уровня информированности необходимо для формирования у пользователей Интернета устойчивой мотивации избегать участия в сомнительных цифровых операциях и пользоваться только законными способами приобретения, хранения и обмена цифровыми активами. Данным аспектам уделяется внимание как в научной литературе, так и в законодательных актах многих стран [Законодательство в области цифровых активов: международный опыт, 2020].

Примером может служить исследование, проведенное группой ученых под руководством Гордона М.С., которое подчеркивает значимость образовательных программ, направленных на

повышение осведомленности пользователей о рисках и опасностях, связанных с незаконной криптовалютой деятельностью [Гордон, и др., 2019]. Авторы указывают на то, что улучшение образовательной базы способствуют не только сокращению количества совершаемых киберпреступлений, но и укреплению общественного доверия к цифровым финансам.

Заключение

В конечном счете, важность образования и информирования в борьбе против незаконного оборота цифровых активов невозможно недооценить. Эффективное противодействие возможно лишь при условии всеобщего понимания основ и принципов законного оборота цифровых активов среди населения и специалистов, а также при наличии сильного законодательного регулирования и международного сотрудничества.

Библиография

1. Вайнич К.М. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав: проблемы правового регулирования // Журнал Российского права. 2019.
2. Виртуальные валютные схемы // Европейский Центральный Банк. 2012.
3. Гордон М.С. и др. Влияние образовательных мер на уровень кибербезопасности при использовании криптовалют // Вестник экономической безопасности. 2019.
4. Гринберг А. Криптовалюты: Новые возможности для отмыwania денег // Журнал финансового права. 2011.
5. Джонсон Д., Пост Дж. Необходимость строгого регулирования на рынке криптовалют // Регулирование финансового рынка. 2020.
6. Дэвис Дж. Роль цифровой грамотности в борьбе с незаконными операциями с криптовалютами // Международный журнал кибербезопасности. 2018.
7. Законодательное Собрание ООН. Международные стандарты по борьбе с отмыwанием денег и финансированием терроризма & распространение оружия массового уничтожения // FATF, 2012.
8. Законодательство в области цифровых активов: международный опыт // Финансовое право. 2020.
9. Иванов С.И. Цифровые активы в современной экономике: проблемы и перспективы. 2022.
10. Иванова Е.В. Применение блокчейн технологий для урегулирования вопросов противодействия отмыwанию денежных средств. М.: Наука, 2021.
11. Кузнецов А.Б. Механизмы противодействия незаконному обороту цифровых активов: международный опыт. 2021.
12. Левин М.Ш., Регулирование стабильных монет в условиях цифровой экономики // Экономика и право. 2021. № 4.
13. Международные стандарты FATF и Европейский регламент о крипто-активах (MiCA): анализ и перспективы // Аналитический обзор. 2023.
14. Мирнова М.О. Правовое регулирование цифровых активов: вызовы и решения // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2.
15. Накамото С. Биткоин: Одноранговая система электронных денежных средств. 2008.
16. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
17. Петрова А.П. Применение процедур KYC и AML в сфере обращения цифровых активов // Финансовый журнал. 2019. № 2.
18. Петрова Е.В. Борьба с незаконным оборотом цифровых активов как элемент обеспечения национальной безопасности // Право и Интернет. 2023. № 4.
19. Пятая директива по борьбе с отмыwанием денег. The Fifth Anti-Money Laundering Directive (AML5), 2019, Европейский Союз.
20. Руководство по риск-ориентированному подходу к виртуальным активам и поставщикам услуг виртуальных активов. FATF. 2020.
21. Свон М. Блокчейн: план новой экономики. O'Reilly Media, 2015.
22. Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN). Роль FinCEN в борьбе с глобальной угрозой отмыwания денег // Министерство финансов США. 2021.
23. Смирнова О.И. Международное сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом цифровых активов // Вестник международных организаций. 2020.

24. Смит П. Регулирование криптовалют: баланс безопасности и инноваций // Обзор законодательства о блокчейне, 2019.
25. Чен Ю., Беллавитис С. Разрушение блокчейна и децентрализованные финансы: рост децентрализованных бизнес-моделей // Журнал Business Venturing Insights. 2020.
26. Шao,З., Чжан Л., Ван Ю., Ян Л. Технология блокчейна и ее приложения // Наука. Информационные науки Китая. 2019.
27. Эпплбаум А. Проблемы регулирования криптовалют и борьбы с отмыванием денег // Международный журнал финансовых преступлений. 2022.
28. Эрнандес Г. и др. Искусственный интеллект в финансовых услугах: приложения и вызовы // Журнал финансовых технологий. 2021.

The concept and elements of the mechanism for combating illegal circulation of digital assets

Ruslan A. Bokov

Master`s Student,
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin,
123242, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mr.bokov.rus@bk.ru

Abstract

With the emergence of digital currencies internationally, the number of crimes associated with their use is bound to increase every year. Prosecutors are actively working to stop such activities, although the unique nature of these crimes means that traditional methods of combating are not always effective. Due to the lack of an established approach to combating this new type of crime, law enforcement agencies need to develop a systematic approach and unified strategies to increase the effectiveness of their efforts. Effective counteraction is possible only if there is a general understanding of the basics and principles of the legal circulation of digital assets among the population and specialists, as well as with strong legislative regulation and international cooperation.

For citation

Bokov R.A. (2024) Ponyatie i elementy mekhanizma protivodeistviya nezakonnomu oborotu tsifrovyykh aktivov [The concept and elements of the mechanism for combating illegal circulation of digital assets]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 380-388. DOI: 10.34670/AR.2024.85.79.011

Keywords

Blockchain, digital assets, cryptocurrency, cryptocurrency crimes.

References

1. Applebaum A. (2022) Problemy regulirovaniya kriptovalyut i bor'by s otmyvaniem deneg [Problems of regulating cryptocurrencies and combating money laundering]. *Mezhdunarodnyi zhurnal finansovykh prestuplenii* [International Journal of Financial Crimes].
2. Chen Yu., Bellavitis S. (2020) Razrushenie blokcheina i detsentralizovannye finansy: rost detsentralizovannykh biznes-modelei [Blockchain disruption and decentralized finance: the rise of decentralized business models]. *Zhurnal Business Venturing Insights* [Journal of Business Venturing Insights].

3. Devis Dzh. (2018) Rol' tsifrovoy gramotnosti v bor'be s nezakonnymi operatsiyami s kriptovalyutami [The role of digital literacy in the fight against illegal transactions with cryptocurrencies]. *Mezhdunarodnyi zhurnal kiberbezopasnosti* [International Journal of Cyber Security].
4. Dzhonson D., Post Dzh. (2020) Neobkhodimost' strogogo regulirovaniya na rynke kriptovalyut [The need for strict regulation in the cryptocurrency market]. *Regulirovanie finansovogo rynka* [Financial Market Regulation].
5. Gordon M.S. et al. (2019) Vliyanie obrazovatel'nykh mer na uroven' kiberbezopasnosti pri ispol'zovanii kriptovalyut [The influence of educational measures on the level of cybersecurity when using cryptocurrencies]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security].
6. Grinberg A. (2011) Kriptovalyuty: Novye vozmozhnosti dlya otmyvaniya deneg [Cryptocurrencies: New opportunities for money laundering]. *Zhurnal finansovogo prava* [Journal of Financial Law].
7. Hernandez G. et al. (2021) Iskusstvennyi intellekt v finansovykh uslugakh: prilozheniya i vyzovy [Artificial intelligence in financial services: applications and challenges]. *Zhurnal finansovykh tekhnologii* [Journal of Financial Technologies].
8. Ivanov S.I. (2022) *Tsifrovye aktivy v sovremennoi ekonomike: problemy i perspektivy* [Digital assets in the modern economy: problems and prospects].
9. Ivanova E.V. (2021) *Primenenie blokchein tekhnologii dlya uregulirovaniya voprosov protivodeistviya otmyvaniyu denezhnykh sredstv* [Application of blockchain technologies to resolve anti-money laundering issues]. Moscow: Nauka Publ.
10. Kuznetsov A.B. (2021) *Mekhanizmy protivodeistviya nezakonnomu oborotu tsifrovyykh aktivov: mezhdunarodnyi opyt* [Mechanisms to combat illicit trafficking in digital assets: international experience].
11. Levin M.Sh. (2021) Regulirovanie stabil'nykh monet v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Regulation of stable coins in the digital economy]. *Ekonomika i pravo* [Economics and Law], 4.
12. Mezhdunarodnye standarty FATF i Evropeiskii reglament o kripto-aktivakh (MiCA): analiz i perspektivy [International FATF standards and the European Regulation on Crypto-Assets (MiCA): analysis and prospects] (2023). *Analiticheskii obzor* [Analytical review].
13. Mirmova M.O. (2022) Pravovoe regulirovanie tsifrovyykh aktivov: vyzovy i resheniya [Legal regulation of digital assets: challenges and solutions]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2.
14. Nakamoto S. (2008) *Bitkoin: Odnorangovaya sistema elektronnykh denezhnykh sredstv* [Bitcoin: Peer-to-peer system of electronic funds].
15. O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmenenii v ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 259-FZ [On digital financial assets, digital currency and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ]. *SPS «Konsul'tantPhus»* [SPS Consultant].
16. Petrova A.P. (2019) Primenenie protsedur KYC i AML v sfere obrashcheniya tsifrovyykh aktivov [Application of KYC and AML procedures in the sphere of circulation of digital assets]. *Finansovyi zhurnal* [Financial Journal], 2.
17. Petrova E.V. (2023) Bor'ba s nezakonnym oborotom tsifrovyykh aktivov kak element obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [The fight against illegal circulation of digital assets as an element of ensuring national security]. *Pravo i Internet* [Law and the Internet], 4.
18. *Pyataya direktiva po bor'be s otmyvaniem deneg. The Fifth Anti-Money Laundering Directive (AML5), 2019, Evropeiskii Soyuz* [Fifth Anti-Money Laundering Directive. The Fifth Anti-Money Laundering Directive (AML5), 2019, European Union].
19. Rukovodstvo po risk-orientirovannomu podkhodu k virtual'nykh aktivam i postavshchikam uslug virtual'nykh aktivov [Guidance on a risk-based approach to virtual assets and virtual asset service providers] (2020). *FATF*.
20. Set' po bor'be s finansovymi prestupleniyami (FinCEN). Rol' FinCEN v bor'be s global'noi ugrozoi otmyvaniya deneg [Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN). The role of FinCEN in combating the global threat of money laundering] (2021). *Ministerstvo finansov SSHA* [US Department of the Treasury].
21. Shao, Z., Zhang L., Wang Y., Yang L. (2019) Tekhnologiya blokcheina i ee prilozheniya [Blockchain technology and its applications]. *Nauka. Informatsionnye nauki Kitaya* [Science. Information Sciences of China].
22. Smirnova O.I. (2020) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s nezakonnym oborotom tsifrovyykh aktivov [International cooperation in the fight against illicit trafficking of digital assets]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* [Bulletin of international organizations].
23. Smit P. (2019) Regulirovanie kriptovalyut: balans bezopasnosti i innovatsii [Regulation of cryptocurrencies: balancing security and innovation]. *Obzor zakonodatel'stva o blokcheine* [Review of blockchain legislation].
24. Svon M. (2015) *Blokchein: plan novoi ekonomiki* [Blockchain: a plan for a new economy]. O'Reilly Media.
25. Vainich K.M. (2019) Tsifrovye aktivy v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav: problemy pravovogo regulirovaniya [Digital assets in the system of objects of civil rights: problems of legal regulation]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law].
26. Virtual'nye valyutnye skhemy [Virtual currency schemes] (2012). *Evropeiskii Tsentral'nyi Bank* [European Central Bank].
27. Zakonodatel'noe Sobranie OON. Mezhdunarodnye standarty po bor'be s otmyvaniem deneg i finansirovaniem

terrorizma & rasprostranenie oruzhiya massovogo unichtozheniya [Legislative Assembly of the UN. International Standards to Combat Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation of Weapons of Mass Destruction] (2012). *FATF*.

28. Zakonodatel'stvo v oblasti tsifrovyykh aktivov: mezhdunarodnyi opyt [Legislation in the field of digital assets: international experience] (2020). *Finansovoe parvo* [Financial law].

УДК 347.963

DOI: 10.34670/AR.2024.75.63.012

Международное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации: история и тенденции развития

Докучаева Елизавета Владимировна

Аспирант,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: s0158683@msal.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные трудности, с которыми в настоящее время сталкивается Прокуратура Российской Федерации при осуществлении международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. Автор раскрывает вопросы, требующие особого внимания при решении данных проблем. Международное сотрудничество органов прокуратуры было и остается одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры России, невзирая на сложную внешнеполитическую ситуацию. Обращение к истории возникновения международного сотрудничества органов прокуратуры в сфере борьбы с преступностью помогает сформировать понимание природы данного института, современного состояния, а также дальнейших тенденций развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Докучаева Е.В. Международное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации: история и тенденции развития // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 389-397. DOI: 10.34670/AR.2024.75.63.012

Ключевые слова

Международное сотрудничество, международный розыск, выдача лица, экстрадиция.

Введение

Вопросам изучения международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью посвящено множество работ отечественных и зарубежных ученых.

Среди отечественных правоведов, труды которых посвящены указанной теме, можно выделить следующих: А.Н. Штиглиц («Исследование о выдаче преступников», СПб., 1882); Никольский Д. («О выдаче преступников по началам международного права», СПб., 1884); Э.К. Симсон («О невыдаче собственных подданных. Международно-правовое исследование», СПб., 1892); Ф.Ф. Мартенс («Современное международное право цивилизованных народов», в 2 т., СПб., 1883).

Значительный вклад в развитие научных исследований по проблемам международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью внесли своими основательными работами более позднего периода В.К. Звирбуль и В.П. Шупилов («Выдача уголовных преступников», М., 1974); Р.М. Валеев («Выдача преступников в современном международном праве (некоторые вопросы теории и практики)», Казань, 1976); И.И. Лукашук и А.В. Наумов («Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве», М., 1998).

На современном этапе развития отечественной науки к ученым, посвятившим свои работы названному выше вопросу, можно отнести следующих: Т.И. Отческа, М.Ю. Тарасов, С.П. Щерба, И.В. Смолькова, Н.В. Несмачаня, А.И. Джигирь, А.К. Строганова, О.В. Воронина, Л.В. Иногамова-Хегай.

Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью имеет глубокие исторические корни, которые восходят к тем временам, когда международного права, представляющего собой систему норм, не существовало вовсе. Выдача лиц скорее сводилась к частным случаям передачи политических или уголовных преступников, основывалась на разовых договоренностях.

Для достижения такой цели, как борьба с преступностью, государствами на первоначальном этапе развития стали создаваться международно-правовые нормы. Появление института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства неотделимо связано с возникновением такой отрасли международного права, как международное уголовное право.

Становление вышеупомянутой отрасли права можно отнести к XIX веку. Однако отдельные институты начали формироваться гораздо раньше.

Основная часть

Считаем необходимым отметить, что одним из ключевых и динамично развивающихся направлений международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, в том числе и на первоначальном этапе развития института международного сотрудничества, являлась выдача лица для уголовного преследования. Факты выдачи первоначально преимущественно носили разрозненный характер, а развитию института международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью препятствовало множество факторов: взаимное отчуждение древних народов, их обособленность, приоритет охраны самобытности. Гостеприимство очень долгое затрудняло развитие взаимности по вопросам выдачи лица для уголовного преследования между народами, поскольку представляло собой один из древнейших обычаев во множестве культур, и выдача беглого чужестранца считалась нарушением этой священной традиции [Волженкина, 2002].

Говоря о периодизации норм, регулирующих данную сферу отношений, необходимо

указать, что среди учёных существуют различные подходы.

Так, А.Г. Волеводз развитие международного сотрудничества в сфере уголовного процесса разделяет на шесть этапов:

1) с древнейших времен до конца XVII века (на этот период приходится начало правового оформления института выдачи лиц);

2) XVIII – начало XIX века (на данном этапе начинает формироваться как отрасль международное уголовное право, со своими общими и специальными принципами, складываются общепризнанные начала международно-правового сотрудничества, в том числе института выдачи лица);

3) с 1833 до 1919 г. (появление общегосударственных норм, регулирующих выдачу, правовую помощь, а также расширение международно-правового регулирования данных отношений);

4) с 1919 по 1945 г. (распространение получила практика заключения двусторонних договоров в данной сфере, стали создаваться международно-правовые основы сотрудничества в борьбе с отдельными видами преступлений);

5) с 1945 до начала 1990 гг. (в этот период формировалась многосторонняя международно-правовая база сотрудничества в сфере уголовного процесса на универсальном и региональном уровнях);

6) с начала 1990-х гг. до настоящего времени (государства активно сотрудничают в сфере уголовного судопроизводства) [Волеводз, 2002].

Однако в связи с тем, что процесс формирования института международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью имеет некоторые особенности в российской истории по сравнению с мировой, некоторые отечественные ученые предлагают иную периодизацию.

Необходимо отметить, что с учетом особенностей по названному направлению деятельности А.В. Марченко выделяет пять периодов:

1) с 911 г. (договор князя Олега с Византией) до Отечественной войны России с Францией 1812 г.);

2) с 1815 г. до 1864 г (Судебная реформа Александра II);

3) с 1865 г. до 1911 г. (в 1911 году Россией был принят закон «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств», что является исключительным случаем, поскольку сравнительно небольшое количество государств принимали отдельные законодательные акты по вопросам выдачи лица для уголовного преследования);

4) с 1917 по 1991 гг. (в эпоху существования СССР формируется система договоров и соглашений между социалистическими и капиталистическими государствами по вопросам оказания правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства);

5) с 1992 года по настоящее время (современный этап международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью) [Марченко, www].

Вместе с тем в своем исследовании А.И. Джигирь выделяет три этапа:

1) с X века до первой половины XVII века (государственная власть использовала институт выдачи лица для обеспечения прав собственника, в основном производилась выдача холопов и иных зависимых людей своим хозяевам, а также выдача лиц, посягнувших на права собственника);

2) со второй половины XVII века по первую половину XIX века (выдача лица перестала расцениваться только как инструмент борьбы с политическими противниками, данный институт

стал трансформироваться в правовой);

3) вторая половина XIX века – начало XXI века (институт борьбы с преступностью сформировался окончательно) [Джигирь, 2008].

В существовавших международных договорах Руси с Византией – договор Олега с Грецией 911 года, договор князя Игоря с Византией 945 года, договор Святослава с Византией 971 года – содержатся первые упоминания о выдаче лица для уголовного преследования.

Считаем необходимым обратить внимание, что институт международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью формировался и во внутригосударственном законодательстве. Ярким тому примером является Русская Правда, определившая правовой статус иностранцев, а также неподсудность церковной юрисдикции споров между иностранцами.

Необходимо отметить, что в науке существуют дискуссии относительно первого упоминания о выдаче лица в целях уголовного преследования на Руси. Не все согласны с общепринятой точкой зрения, что ст. 14 Договора 911 года, заключенного князем Олегом с Византией, содержит норму о выдаче.

Сторонники противоположной позиции (К.С. Родионов, А.И. Джигирь, Д.О. Никольский) полагают, что в договоре идёт речь о возвращении должника кредиторам, и это, по сути, представляет собой исполнение гражданско-правовых обязательств, а не выдачу преступника. Неоднократная перепись первоисточника, множество вариантов перевода Повести временных лет, в которую был включен текст Договора 911 года, ошибки при переводе, разное толкование терминов, содержащихся в историческом памятнике – все это могло привести к искаженному представлению об исходной норме.

Однако, несмотря на вышеуказанную точку зрения, полагаем, что данное положение Договора с Византией 911 года можно рассматривать как некий предшественник института международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, поскольку наметилось сотрудничество государств в сфере оказания помощи друг другу при поимке лиц, преступивших закон, пусть даже в интересах частных субъектов, чьей основной целью было возвращение «нарушителя условий гражданской частной сделки» [Родионов, 2006] на Русь.

Д.О. Никольский же в качестве первого договора, содержащего нормы о выдаче, называет Договорную запись от 19 октября 1649 г. между Россией и Швецией о выдаче перебежчиков.

В период раздробленности на Руси, когда княжества по отношению друг к другу являлись самостоятельными субъектами, практически отдельными государствами, происходит активное развитие норм, регулирующих сотрудничество в сфере борьбы с преступностью: Уставная грамота Василия Дмитриевича Двинской земле (1397 г.), Докончание великого князя Василия Васильевича с князем Галицким Дмитрием Юрьевичем (1441 г.), Грамота Великого князя Василия Васильевича королю польскому и Великому князю Литовскому Казимиру IV (1449 г.), Докончание великого князя Рязанского Ивана Васильевича с князем Фёдором Васильевичем (1496 г.) [Джигирь, 2008].

Даже в церковных исторических памятниках того времени содержались нормы о международном сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью. Например, в Правосудие Митрополичье регулировало процедуры возврата холопа и вора. Их возврат носил целью суд на родной земле.

Со временем становились более разнообразными отношения государств по противодействию преступности, что привело к совершенствованию правовых норм в данной сфере.

В Судебник 1497 года было введено понятие «розыск», что заложило правовые основы

международного сотрудничества в этом направлении. Соборное Уложение 1649 года содержало главу, посвященную правовой регламентации выезда за пределы территории Московского государства, установило правовой статус иностранца, определило порядок выкупа пленных. То есть Соборное уложение создало правовую основу для сотрудничества с другими странами по вопросам выдачи.

В VII веке Россией был заключен вышеупомянутый Договор со Швецией о выдаче перебежчиков. А спустя 50 лет в 1689 году подобный договор был заключен с Китаем. Однако оба эти договора содержали некую правовую неопределенность, поскольку не определяли, кто является перебежчиком, что также свидетельствует о том, что выдача могла носить и политический характер.

Следует отметить, что пик активности сотрудничества Российской империи по вопросам международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью пришелся на XIX век. Российской империей было заключено свыше 20 двусторонних договоров со множеством государств: Европейских (Италия, Испания, Швейцария, Бельгия, Великобритания, Пруссия и др.) и не только (США, Япония).

В целом, международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью в то время отчасти еще носило политические мотивы. Так, постановления о намерении по выдаче лиц встречаются по большей части в союзных трактатах о дружбе.

Вместе с тем существовали договоры, в которых были условия о невыдаче политических преступников.

Однако ситуация существенно изменилась после убийства Александра II в 1881 году: Россия предусматривала в заключаемых договорах, что преступные деяния, совершенные с политической целью, не могут служить причиной отказа в выдаче [Гришин, 2010].

Учитывая изложенное, по нашему мнению, особого внимания заслуживает Закон Российской империи 1911 года «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств», состоящий из 25 статей. На тот момент Россия вошла в то небольшое число государств, которые имели специальный закон об экстрадиции. В Законе содержались практически все общие положения, составляющие неотъемлемую часть договоров о выдаче: объект и субъекты выдачи; ее правовая база; деяния, совершение которых может стать причиной выдачи; условия и принципы, которых будет придерживаться Россия в своей деятельности по осуществлению выдачи [Несмачная, 2016].

В начале существования СССР законодателей и правоприменителей вопросы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью интересовали мало. Так, с приходом к власти большевиков в 1917 году председатель Совета Народных комиссаров Владимир Ленин подписал Декрет от 29.08.1918 № 698 «Об отказе от договоров правительства быв. Российской империи с правительствами: Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцогств Гессена, Ольденбурга и Саксен-Мейнингена и г. Любека». Вышеупомянутый декрет прекратил все действия и исполнения по указанным в нем международным договорам, многие из которых содержали нормы о сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью.

Ситуация в очередной раз кардинально изменилась во время Второй мировой войны. 13 января 1942 г. союзные державы приняли «Межсоюзническое заявление о наказании за военные преступления», известное как Сент-Джеймская декларация.

В 1943 году Московская декларация установила обязанность участников отсылать военных преступников «в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того

чтобы они могли быть судимы и наказаны» [Соглашение между правительствами СССР, США и Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси, www].

Генеральная Ассамблея ООН 13 февраля 1946 г. резолюцией «О выдаче и наказании военных преступников» обязала все государства – члены ООН принять необходимые меры для ареста и высылки военных преступников в те страны, где они совершили преступления, для суда и наказания по законам этих стран.

Автор считает нужным отметить, что впоследствии вопросы выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора были урегулированы в том числе Европейской конвенцией 1957 года, в Скандинавском договоре о выдаче 1962 года (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция).

В послевоенный период, сопровождавшийся «холодной войной», СССР были заключены двусторонние договоры с Корейской Народно-Демократической Республикой, Польской Народной Республикой и Чехословацкой Социалистической Республикой (все 1957 г.), а также с Народной Республикой Албанией, Румынской Народной Республикой и Венгерской Народной Республикой (все – 1958 г.).

В последующем был заключен ряд международных соглашений о выдаче со многими странами (Федеративная Народная Республика Югославия (1962), Иракская Республика (1973), Народная Республика Болгария (1975) и Финляндская Республика (1978), Республика Вьетнам и Греческая Республика (1981), Алжирская Народная Демократическая Республика (1982), Республика Кипр, Республика Куба, Тунис (1984 г.).

В 1991 г. произошел распад СССР. Российская Федерация, как правопреемник по международным обязательствам, осталась стороной международных соглашений о правовой помощи, участником которых был СССР. В период с 1992 года по 1993 год Россия заключила соглашения о правовой помощи с государствами, которые образовались после распада СССР, а также многостороннюю Минскую конвенцию 1993 года. В этот период появляется тенденция к заключению международных договоров, касающихся исключительно выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора (Китай (1995), Индией (1998 г.) и Бразилией (2002 г.).

В 1999 году Российская Федерация присоединилась к Европейской конвенции о выдаче 1957 года.

Автор считает необходимым отметить, что Российская Федерация 07.10.2002 также подписала Кишиневскую конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

Вместе с тем следует обратить внимание, что Кишиневская конвенция ратифицирована Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 452-ФЗ.

Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2023 г. № 349 определены центральные, территориальные и другие органы Российской Федерации, уполномоченные на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами других государств – участников Конвенции, к которым относится и прокуратура Российской Федерации.

Российская Федерация 30.05.2024 уведомила Исполнительный комитет СНГ о завершении внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу Конвенции, и 28.06.2024 Конвенция вступила в силу для Российской Федерации [Сообщение МИД России от 30 мая 2023 г., www].

Генеральная прокуратура Российской Федерации в настоящее время ведет активную международную деятельность в сфере борьбы с преступностью.

Совместно с Генеральной прокуратурой Исламской Республики Иран реализуется программа сотрудничества, утвержденная в 2022 году, функционирует рабочая группа Генеральных прокуратур двух государств по противодействию преступлениям.

Кроме того, работники Генеральной прокуратуры Российской Федерации в мае 2023 года в Каире приняли участие в круглом столе, посвященном международно-правовому сотрудничеству, включая трансграничную борьбу с информационной преступностью и отмыванием преступных доходов, что свидетельствует о тесном сотрудничестве Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Арабской Республики Египет.

Состоялись встречи Генеральных прокуроров Российской Федерации и Вьетнама, Королевства Таиланд, с которыми обновлены соглашения о сотрудничестве, подписан меморандум о взаимопонимании с Антикоррупционной комиссией Республики Союз Мьянма.

Также работники Генеральной прокуратуры Республики Куба в июне 2023 года приняли участие в семинаре по обмену опытом применения законодательства о противодействии коррупции.

Считаем необходимым обратить внимание на достижение беспрецедентно высокого уровня международного сотрудничества генеральных прокуратур Российской Федерации и Китайской Народной Республики, поскольку многие международные вызовы схожи для России и Китая.

Россией совместно с КНДР реализовано пять программ сотрудничества, и в 2023 году подписана программа сотрудничества между Генеральной прокуратурой и Верховной народной прокуратурой Китая на 2023-2024 годы.

Также планируется налаживание контактов в трехстороннем формате: Россия – Китай – Монголия.

Также на современном этапе особенно важна научная деятельность такого структурного подразделения Университета прокуратуры РФ, как Научно-исследовательский институт, в состав которого входит отдел научного обеспечения международного сотрудничества прокуратуры и сравнительного правоведения. Отдельные аспекты международного сотрудничества органов прокуратуры были отражены в работах представителей данного института: С.П. Щербы, Г.Л. Куликовой, Э.Б. Хатова, Т.А. Решентниковой и многих других.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что обращение к истории возникновения международного сотрудничества органов прокуратуры в сфере борьбы с преступностью помогает сформировать понимание природы данного института, современного состояния, а также дальнейших тенденций развития.

Рост и интернационализация таких явлений, как организованная преступность, экстремизм, терроризм, повышают роль института международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. На расширенном заседании коллегии Генеральной Прокуратуры РФ, состоявшемся в 2023 году, Генеральный прокурор И.В. Краснов отметил, что, невзирая на дестабилизацию института со стороны недружественных Российской Федерации стран, прокурорам необходимо «при поступлении запросов от компетентных иностранных органов во всех случаях следовать нормам международного права, сохраняя объективность и беспристрастность, разумеется, не причиняя вреда интересам нашей страны» [Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры, www].

Библиография

1. Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. М., 2002. 462 с.
2. Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2002. 332 с.
3. Гришин А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юр. Наук. М., 2010. 24 с.
4. Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: дисс. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2008. 209 с.
5. Марченко А.В. Проблемы развития и деятельности института экстрадиции: правовой аспект. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=1252/>
6. Несмачная Н.В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. Наук. Саратов, 2016. 25 с.
7. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70678>.
8. Родионов К.С. Были ли Договор 911 г. Киевской Руси с Византией нормой о выдче? // Государство и право. 2006. № 3. С. 75-85.
9. Соглашение между правительствами СССР, США и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси. URL: http://www.prokrh.ru/nyurnbergskiy-process/documents/detail.php?ELEMENT_ID=6636.
10. Сообщение МИД России от 30 мая 2023 г. «О вступлении в силу Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в г. Кишиневе 7 октября 2002 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406856508>.

International cooperation of the prosecutor's office of the Russian Federation: history and development trends

Elizaveta V. Dokuchaeva

Graduate student,
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin,
123001, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: s0158683@msal.edu.ru

Abstract

The paper examines common problems, which nowadays the prosecutor office of the Russian Federation has to face during arranging international cooperation in combating crimes. The author reveals issues that need special attention during solving such problems. International cooperation of the prosecutor office of the Russian Federation remains one of the most significant fields of activity in spite of current complicated political situation. Turning to the history of the emergence of international cooperation between prosecutors in the fight against crime helps to form an understanding of the nature of this institution, the current state, as well as future development trends.

For citation

Dokuchaeva E.V. (2024) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii: istoriya i tendentsii razvitiya* [International cooperation of the prosecutor's office of the Russian Federation: history and development trends]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 389-397. DOI: 10.34670/AR.2024.75.63.012

Keywords

International cooperation, international search, extradition of a person, extradition.

References

1. Dzhigir' A.I. (2008) *Institut vydachi lits, sovershivshikh prestuplenie: problemy ugovovno-pravovoi reglamentatsii. Dokt. Diss.* [Institute for the extradition of persons who have committed a crime: problems of criminal legal regulation. Doct. Diss.]. Krasnodar.
2. Grishin A.S. (2010) *Organizatsionno-pravovoi mekhanizm vydachi lits dlya ugovovnogo presledovaniya v rossiiskom ugovovnom protsesse. Dokt. Diss. Abstract* [Organizational and legal mechanism for the extradition of persons for criminal prosecution in Russian criminal proceedings. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
3. Marchenko A.V. *Problemy razvitiya i deyatelnosti instituta ekstraditsii: pravovoi aspekt* [Problems of development and activity of the extradition institution: legal aspect]. Available at: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=1252> [Accessed 24/01/2024].
4. Nesmachnaya N.V. (2016) *Vydacha litsa dlya ugovovnogo presledovaniya ili ispolneniya prigovora: pravovoe regulirovanie i poryadok osushchestvleniya v Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss. Abstract* [Extradition of a person for criminal prosecution or execution of a sentence: legal regulation and procedure for implementation in the Russian Federation. Doct. Diss. Abstract]. Saratov.
5. *Rasshirennoe zasedanie kollegii General'noi prokuratury* [Extended meeting of the board of the Prosecutor General's Office]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70678> [Accessed 16/01/2024].
6. Rodionov K.S. (2006) Byli li Dogovor 911 g. Kievskoi Rusi s Vizantieï normoi o vydche? [Was the Treaty of 911 between Kievan Rus and Byzantium a norm on extradition?]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 3, pp. 75-85.
7. *Soglasenie mezhdru pravitel'stvami SSSR, SShA i Soedinennogo Korolevstva Velikobritanii i Severnoi Irlandii i Vremennym Pravitel'stvom Frantsuzskoi Respubliki o sudebnom presledovanii i nakazanii glavnykh voennykh prestupnikov evropeiskikh stran osi* [Agreement between the governments of the USSR, the USA and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Provisional Government of the French Republic on the prosecution and punishment of the main war criminals of the European Axis countries]. Available at: http://www.prokrh.ru/nyumbergskiy-process/documents/detail.php?ELEMENT_ID=6636 [Accessed 16/01/2024].
8. *Soobshchenie MID Rossii ot 30 maya 2023 g. «O vstuplenii v silu Konventsii o pravovoi pomoshchi i pravovykh otnosheniyakh po grazhdanskim, semeinym i ugovovnym delam, podpisannoi v g. Kishineve 7 oktyabrya 2002 goda»* [Message from the Russian Ministry of Foreign Affairs dated May 30, 2023 "On the entry into force of the Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters, signed in Chisinau on October 7, 2002"]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406856508> [Accessed 21/01/2024].
9. Volevodz A.G. (2002) *Pravovye osnovy novykh napravlenii mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovovnogo sudoproizvodstva* [Legal basis for new areas of international cooperation in the field of criminal proceedings]. Moscow.
10. Volzhenkina V.M. (2002) *Vydacha v rossiiskom ugovovnom protsesse* [Extradition in Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.95.44.019

Проблемы стадии возбуждения уголовного дела

Даниленко Ирина Анатольевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: irinadanilenko35@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена отдельным процессуальным проблемам, возникающим на стадии возбуждения уголовного дела, связанным с сущностью и содержанием рассматриваемого первоначального этапа уголовного процесса. В настоящее время сложились различные, абсолютно противоположные противоположные точки зрения на то, каким должно быть будущее начальной стадии уголовного судопроизводства. Рассматриваются проблемы, которые являлись предметом многолетнего обсуждения, приводятся мнения различных исследователей по поводу обозначенных проблем, на основании чего автор делает вывод о том, что возникающие процессуальные вопросы могут быть решены только путем реформирования рассматриваемой стадии. Последовательно изучив все представленные в научной литературе мнения, автор склоняется к точке зрения о необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела. За последние десять лет законодателем была предпринята попытка расширить перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно при осуществлении доследственной проверки, для чего в уголовно-процессуальный кодекс был внесен ряд изменений и дополнений, которые, тем самым, лишили рассматриваемую стадию первоначального значения. Безусловно, реформирование стадии возбуждения уголовного дела должно носить комплексный характер. Уголовно-процессуальное законодательство даже после внесения ряда изменений по-прежнему содержит пробелы и противоречия в процессуальной регламентации производства следственных действий на рассматриваемой стадии. Постоянное расширение законодателем перечня этих действий не приводит к желаемому результату.

Для цитирования в научных исследованиях

Даниленко И.А. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 398-403. DOI: 10.34670/AR.2024.95.44.019

Ключевые слова

Возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, начало предварительного расследования, досудебное производство, процессуальная деятельность.

Введение

Возбуждение уголовного дела является первой, самостоятельной и обязательной стадией, с которой начинается уголовно-процессуальная деятельность должностных лиц. Специально уполномоченные законом органы при принятии сообщения о преступлении обязаны установить наличие или отсутствие оснований для начала расследования дела.

Данная стадия не начинается, а заканчивается вынесением постановления следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении уголовного дела, но у практических работников возникает вопрос касательно регламентации осуществления доследственной проверки, объема полномочий должностных лиц до вынесения такого решения, ведь УПК РФ, например, прямо запрещает производство следственных действий до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Зачастую, должностные лица на данной стадии не могут проводить следственные действия и вынуждены осуществлять действия непроцессуальные, которые не закреплены в УПК (досмотр, получение объяснений). В дальнейшем для получения доказательств по уголовному делу следователю придется по сути проводить повторно данные действия, дабы придать им необходимую уголовно-процессуальную форму.

Выявленные противоречия послужили началом непрекращающейся дискуссии о необходимости ликвидации или сохранения в уголовно-процессуальном законодательстве России стадии возбуждения уголовного дела. Данная дискуссия стала возможным еще в связи и с тем, что на территории постсоветского пространства некоторые государства отказались от стадии возбуждения уголовного дела (Киргизия, Казахстан).

Основная часть

Для разьяснения сложившихся противоречий стоит обратиться к историческим предпосылкам формирования стадии возбуждения уголовного дела.

В ходе реформы, которая была начата в 1860 г., предварительное производство было разделено на дознание и предварительное следствие. Так сформировались две формы предварительного расследования, существующие и по сей день в Российском законодательстве. Дознание осуществлялось только полицией, а вот предварительное следствие проводилось судебными следователями. В дореволюционной России на досудебных стадиях основные функции по собиранию доказательств осуществлял как раз судебный следователь. Он осуществлял полномочия по раскрытию и расследованию преступлений. Судебный следователь мог прибегать для производства следственных действий к помощи полиции и даже в случае необходимости военных команд. Однако сбор и оценку всех доказательств, собранных по уголовному делу, должен был осуществлять только судебный следователь единолично, при этом выполняя функции предварительного расследования. Как можно убедиться, в дореволюционном законодательстве стадии возбуждения уголовного дела в современном понимании не существовало.

Данная стадия получила свое законодательное закрепление только в УПК РСФСР 1960 года, хотя предпосылки для формирования рассматриваемой стадии возникли еще в 1920 годах, когда появилась потребность в разграничении процессуальной и непроцессуальной видов деятельности. Как отмечает Россинский С.Б., в тот период в России из-за смешивания разных моделей и вариантов уголовно-процессуальной деятельности сформировалась система досудебного производства, которая выразилось в интеграции функций «полиции» и «юстиции» и наделении силовых министерств и ведомств процессуальными полномочиями

судебноследственного характера по собиранию полноценных доказательств и их депонированию для предстоящего судебного разбирательства [Россинский, 2021].

Стадия возбуждения уголовного дела представляет собой некий переходный этап между непроцессуальной (оперативно-розыскной и административной) и процессуальной деятельностью одних и тех же государственных органов.

Как указывал Чельцов М.А., в учебных пособиях еще в начале 50-ых годов прошлого века «только после принятия решения о возбуждении уголовного дела орган власти приобретает право на производство всех тех процессуальных действий, на которые его уполномочивает УПК» [Чельцов, 1951]. В рассматриваемый исторический период моментом начала уголовного процесса являлось возбуждение уголовного дела (преследования). Как писал тот же автор, стадия возбуждения уголовного дела представляет собой вынесение единственного процессуального документа – постановления прокурора о возбуждении.

Достаточно интересно, что Чельцов М.А. неоспоримым достоинством советского уголовно-процессуального кодекса считал как раз наличие четко обрисованного акта возбуждения уголовного преследования, которым начинается каждое уголовное дело. Он полагал, что отсутствие рассматриваемой стадии дает органам полиции буржуазных государств широкую возможность начинать и вести уголовное дело, не отразив в официальном акте наличия достаточных данных для этого оснований.

Строгович М.С. [Строгович, 1970] и Савицкий В.М. [Савицкий, 1975] в своих работах ни раз высказывали точку зрения, что стадия возбуждения уголовного дела – необходимый этап для осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Данная стадия, по мнению авторов, имеет своей основной задачей оградить граждан от возможного произвола властей. Как мы видим, советские процессуалисты не допускали сомнений в необходимости существования стадии возбуждения уголовного дела.

Законодатель, принимая в 2001 г. УПК РФ, не захотел отказываться от национальной системы досудебного производства и не стал реформировать стадию возбуждения уголовного дела.

В действующем УПК РФ только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела следователь и дознаватель получают право осуществлять любые следственные действия для собирания доказательств по делу.

На стадии возбуждения уголовного дела отсутствует безусловная регламентации процессуального порядка осуществления доследственной проверки, должностные лица должны осуществить проверку полученного сообщения о преступлении. Безусловно, круг обстоятельств, которые подлежат обязательному установлению, при возбуждении уголовного дела ограничен в сравнении с другими стадиями уголовного процесса. На данном этапе не важно кто совершил преступления, у должностных лиц иная задача: необходимо установить сведения, достаточные для утверждения о совершении преступления.

Здесь возникает еще одна проблема, с которой сталкивается правоприминитель, ведь в законе не раскрывается понятие «достаточные данные», оно является оценочным.

Некоторые ученые нередко в научной литературе сводят полномочия должностных лиц на рассматриваемой стадии только к осуществлению проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. На данном этапе, как мы упоминали ранее, законом установлен четкий перечень следственных и процессуальных действий, производство которых возможно до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. По сути, законодатель вынуждает правоприминителя подменять понятия, осуществляя вместо следственных действий действия непроцессуальные, не закрепленные в уголовно-процессуальном кодексе.

Непонятна логика законодателя при включении тех или иных следственных действий, в перечень возможных до вынесения решения о возбуждении уголовного дела. Как нам кажется, указанные процессуальные действия должны, прежде всего, обеспечивать эффективность досудебного производства. На данной стадии у правоприминителя нет задачи установить факта совершения преступления. Так, до возбуждения уголовного дела допрос проводить нельзя, а опрос можно; производство обыска подменяется досмотром и примеров таких в практической деятельности можно найти массу.

Проблема в том, что данная конструкция уголовно-процессуального закона приводит к необходимости получения одних и тех же сведений, установления одних и тех же обстоятельств, повторно, что негативно сказывается на эффективности расследования, затягивает сроки производства по уголовному делу, приводит к необоснованному увеличению как объема уголовного дела, так и нагрузки на органы дознания и следователей.

Совершенно непонятно, почему в сегодняшних реалиях органы предварительного расследования лишены права возбудить уголовное дела незамедлительно при получении сообщения о преступлении. Зачастую на стадии возбуждения уголовного дела следователь, дознаватель, орган дознания пытаются установить подозреваемого, провести следственные действия, направленные на сбор доказательств, хотя данные действия не решают задач проверки сообщений о преступлениях, а лишь оттягивают момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Стоит отметить, что процессуальный статус участвующие в уголовном судопроизводстве лица получают только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. На данном этапе нет и не может быть такого участника, как обвиняемый, потому что таковым он может быть признан соответствующим постановлением следователя только после возбуждения уголовного дела. Свидетель пока именуется очевидцем, он не может быть допрошен, ведь такое следственное действие возможно провести тоже после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

На современном этапе развития уголовно-процессуальной науки можно сделать вывод о наличии двух прямо противоположных точек зрения, касающихся реформирования стадии возбуждения уголовного дела: исключить ее, и, напротив, оставить без изменений.

В своих работах А. П. Кругликов [Кругликов, 2011], например, указывает, что на стадии возбуждения уголовного дела бесполезна на современном этапе развития уголовного процесса. Он предлагает началом предварительного расследования считать факт получения должностным лицом сообщения о преступлении. Ю.В. Деришев и К.А. Наумов [Деришев, Наумов, 2016] тоже выступают за реформирование рассматриваемой стадии и отмечают, что стадия возбуждения уголовного дела трансформируется в своеобразный прообраз предварительного расследования и высказывают идею об исключении рассматриваемой стадии из уголовного судопроизводства.

По мнению других ученых, данная стадия необходима уголовно-процессуальному праву России. Так, Зяблина М.В. указывает, что не стоит оказываться от апробированных и проверенных институтов взамен непонятных национальному законодательству уголовно-процессуальных механизмов [Зяблина, 2017].

Подводя итог дискуссии по рассматриваемому вопросу, хотелось бы согласиться с мнением В.А. Лазаревой, которая полагает, что доследственная проверка последние десятилетия получила некоторое разрастание и это привело к размыванию границ между процессуальной и полицейской деятельностью и только усугубило вопроса о месте следственных органов в структуре государственной власти [Лазарева, 2016].

Заключение

Последовательно изучив все представленные в научной литературе мнения, автор склоняется к точке зрения о необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела. За последние десять лет законодателем была предпринята попытка расширить перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно при осуществлении доследственной проверки, для чего в уголовно-процессуальный кодекс был внесен ряд изменений и дополнений, которые, тем самым, лишили рассматриваемую стадию первоначального значения. Безусловно, реформирование стадии возбуждения уголовного дела должно носить комплексный характер. Уголовно-процессуальное законодательство даже после внесения ряда изменений по-прежнему содержит пробелы и противоречия в процессуальной регламентации производства следственных действий на рассматриваемой стадии. Постоянное расширение законодателем перечня этих действий не приводит к желаемому результату.

Библиография

1. Деришев Ю.В., Наумов К.А. Предусматривает ли УПК отмену руководителем следственного органа постановления о возбуждении уголовного дела? // *Законность*. 2016. № 7. С. 54.
2. Зяблина М.В. К вопросу об исключении из российского уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела // *Российская юстиция*. 2017. № 7. С. 66-69.
3. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // *Российская юстиция*. 2011. № 6. С. 58.
4. Лазарева В.А. Доследственная проверка // *Уголовное судопроизводство*. 2016. № 4. С. 11-16.
5. Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 6. С. 133-139.
6. Ростова В.Н. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела: зарубежный опыт // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 4. С. 104-109.
7. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. С. 102.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1970. Т. 2. 516 с.
9. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951. 511 с.
10. Maskor A. R., Jellema H., Van Koppen P. J. Explanation-based approaches to reasoning about evidence and proof in criminal trials // *Law and mind: A survey of law and the cognitive sciences*. – 2021. – С. 431-70.

Problems at the stage of initiating a criminal case

Irina A. Danilenko

PhD in Law,
Associate Professor the Department of Criminal Procedure,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: irinadanilenko35@gmail.com

Abstract

This article is devoted to certain procedural problems that arise at the stage of initiating a criminal case, related to the essence and content of the initial stage of the criminal process under consideration. Currently, there are different, completely opposite, opposing points of view on what the future of the initial stage of criminal proceedings should be. The problems that have been the

Irina A. Danilenko

subject of many years of discussion are considered, the opinions of various researchers on the identified problems are given, on the basis of which the author concludes that emerging procedural issues can only be resolved by reforming the stage under consideration. Having consistently studied all the opinions presented in the scientific literature, the author is inclined to the point of view about the need to reform the stage of initiating a criminal case. Over the past ten years, the legislator has tried to expand the list of investigative and other procedural actions, the production of which is possible during a pre-investigation check, for which a number of changes and additions were made to the Criminal Procedure Code, which, thereby, deprived the stage in question of its original meaning. Of course, reforming the stage of initiating a criminal case should be comprehensive. Criminal procedural legislation, even after making a number of changes, still contains gaps and contradictions in the procedural regulation of investigative actions at the stage under consideration. Constant expansion by the legislator of the list of these actions does not lead to the desired result.

For citation

Danilenko I.A. (2024) Problemy stadii vobuzhdeniya ugovnogo dela [Problems at the stage of initiating a criminal case]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 398-403. DOI: 10.34670/AR.2024.95.44.019

Keywords

Initiation of a criminal case, pre-investigation check, initiation of a preliminary investigation, pre-trial proceedings, procedural activities.

References

1. Chel'tsov M.A. (1951) *Sovetskii ugovnyi protsess* [Soviet criminal trial]. Moscow.
2. Derishev Yu.V., Naumov K.A. (2016) Predumtrivaet li UPK otmenu rukovoditelem sledstvennogo organa postanovleniya o vobuzhdenii ugovnogo dela? [Does the Code of Criminal Procedure provide for the cancellation by the head of the investigative body of a decision to initiate a criminal case?]. *Zakonnost'* [Legality], 7, p. 54.
3. Kruglikov A.P. (2011) Nuzhna li stadiya vobuzhdeniya ugovnogo dela v sovremennom ugovnom protsesse Rossiï? [Is the stage of initiating a criminal case necessary in the modern criminal process in Russia?]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 6, p. 58.
4. Lazareva V.A. (2016) Dosledstvennaya proverka [Pre-investigation check]. *Ugovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings], 4, pp. 11-16.
5. Mackor, A. R., Jellema, H., & Van Koppen, P. J. (2021). Explanation-based approaches to reasoning about evidence and proof in criminal trials. *Law and mind: A survey of law and the cognitive sciences*, 431-70.
6. Rossinskii S.B. (2021) Stadiya vobuzhdeniya ugovnogo dela: bezogovorochno uprazdnit' libo popytat'sya ponyat' podlinnye prichiny ee vozniknoveniya? [Stage of initiating a criminal case: unconditionally abolish it or try to understand the real reasons for its occurrence?]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Current problems of Russian law], 16, 6, pp. 133-139.
7. Rostova V.N. (2019) Pravovoe regulirovanie stadii vobuzhdeniya ugovnogo dela: zarubezhnyi opyt [Legal regulation of the stage of initiating a criminal case: foreign experience]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Current problems of Russian law], 4, pp. 104-109.
8. Savitskii V.M. (1975) *Ocherk teorii prokurorskogo nadzora* [Essay on the theory of prosecutorial supervision]. Moscow.
9. Strogovich M.S. (1970) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [Course of Soviet criminal procedure]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 2.
10. Zyablina M.V. (2017) K voprosu ob isklyuchenii iz rossiiskogo ugovnogo protsessa stadii vobuzhdeniya ugovnogo dela [On the issue of excluding the stage of initiating a criminal case from the Russian criminal process]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 7, pp. 66-69.

УДК 341.4

DOI: 10.34670/AR.2024.80.68.020

Международное сотрудничество и борьба с инфекционными заболеваниями и биотерроризмом

Тищенко Екатерина Владимировна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42;
e-mail: tok_mak@mail.ru

Саядова Асмик Саргисовна

Старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42;
e-mail: asmik_sayadova@mail.ru

Аннотация

В последние несколько лет достижения в области генетики микроорганизмов усилили обеспокоенность по поводу возможного злоупотребления новыми технологиями. Серьезную озабоченность вызывает потенциальная угроза биотерроризма: когда агенты, а также последние разработки в области технологий для выявления и борьбы с эпидемиями, могут быть использованы в деструктивных целях, в том числе в террористических. Биотерроризм представляет собой наиболее опасный международный вызов среди различных угроз, связанных с оружием массового уничтожения. Биотерроризм отличается от ядерного или химического терроризма рядом существенных особенностей: отсутствием географических границ, бесшумностью нападения, потенциально неясными намерениями и сложностью идентификации. В статье рассматривается широкий спектр национальных и международных программ и возможностей по борьбе с биотерроризмом и укреплению биологической защиты. Авторы особое внимание уделяют вопросам международного содействия по проведению целенаправленной подготовки сотрудников правоохранительных органов и соответствующих национальных ведомств в организации предотвращения, подготовки и реагирования на биотеррористические атаки. Основное внимание уделяется повышению осведомленности о триггерах и индикаторах биологических угроз с целью предотвращения биологических инцидентов. Сотрудничество между правоохранительными органами и другими секторами будет способствовать обмену информацией, выработке общей практики и координации совместных ответных мер.

Для цитирования в научных исследованиях

Тищенко Е.В., Саядова А.С. Международное сотрудничество и борьба с инфекционными заболеваниями и биотерроризмом // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 404-411. DOI: 10.34670/AR.2024.80.68.020

Ключевые слова

Биотерроризм, эпидемия инфекционных заболеваний, готовность, реагирование, меры биозащиты, технологии здравоохранения.

Введение

В последние несколько лет достижения в области генетики микроорганизмов усилили обеспокоенность по поводу возможного злоупотребления новыми технологиями. Серьезную озабоченность вызывает потенциальная угроза биотерроризма: когда агенты, а также последние разработки в области технологий для выявления и борьбы с эпидемиями, могут быть использованы в деструктивных целях, в том числе в террористических. Потеря контроля над программой биологического оружия на мировой арене может позволить различным террористическим организациям или группам, поддерживающих международный терроризм получить доступ как к оружию, так и к передовым научным знаниям. Уже есть ряд документированных случаев биотерроризма. Так, в 1984 году религиозная секта в США намеренно заразила блюда в ресторанах *Salmonella typhimurium*, намереваясь сорвать местные выборы. В результате атаки было зарегистрировано несколько сотен случаев заболевания сальмонеллезом. Инцидент с письмами о сибирской язве в 2001 году в США привел к 11 случаям ингаляционного заражения сибирской язвой, пять из которых закончились смертельным исходом. В 1993 году секта в Японии провела атаку с использованием спор сибирской язвы без физических жертв, но позже у жертв нападения были обнаружены признаки синдрома посттравматического стресса. Преступники, по-видимому, планировали использовать другие агенты, такие как бактерии Q fever, ботулинический токсин и вирусы Эбола, но они были задержаны до того, как смогли осуществить дальнейшие атаки¹.

И Организация Объединенных Наций, и Совет Европы предупреждают о возможных биотеррористических атаках. В заключении комитета СЕ по борьбе с терроризмом 2021 г. указывается: «Пандемия COVID-19 показала, как современное общество уязвимо перед вирусными инфекциями и какое потрясение они могут потенциально вызвать»². Они также выразили мнение, что ущерб для людей и экономики может быть намного существеннее, чем в результате «традиционных» терактов.

В этой связи потенциальную опасность вызывает разновидность биотерроризма – агротерроризм или агродиверсия. Агротерроризм – использование химического или биологического оружия против предприятий сельского хозяйства или пищевой индустрии с основной целью - вызвать экономическую дестабилизацию, посеять панику и страх. При этом агротерроризм ориентирован на использования низкотехнологичных и недорогих методов, что существенно привлекательно для террористов. Многие из инфекционных агентов можно получить довольно легко, и для заражения животных не требуется особых знаний. А концентрированные и интенсивные современные методы ведения сельского хозяйства могут способствовать быстрому распространению инфекционных агентов.

¹ <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8864962/> Piero Olliaro, Els Torreele. Global challenges in preparedness and response to epidemic infectious diseases. 2022 May 4; 30(5): 1801–1809.

² <https://www.coe.int/en/web/counter-terrorism/-/covid-19-pandemic-the-secretariat-of-the-committee-on-counter-terrorism-warns-against-the-risk-of-bioterrorism> Контртеррористическая стратегия Совета Европы (2018-2022)

Основная часть

Анализ основополагающих международных правовых актов в сфере запрещения применения биологического и токсинного оружия, позволяет выделить следующие основные направления международного сотрудничества в сфере противодействия биологическому терроризму: - предотвращение распространения биологически опасных агентов и токсинов, а также средств их доставки и технологий разработки; - межгосударственный обмен информацией; - предупреждение актов биотерроризма; - устранение последствий актов биотерроризма. Тем не менее, многие ученые (Симонова А. Е., 2007; Маркович И. В., 2015; Меркурьев В. В., Закомолдин Р. В., 2023) отмечают неадекватность существующей международно-правовой базы в сфере борьбы с биотерроризмом и считают необходимым разработать и принять самостоятельный акт, который не был бы ограничен в применении и находился бы на стыке нераспространения, разоружения ОМУ-оружия и антитеррористических усилий. В 2016 г. Министр иностранных дел России С.В. Лавров на Конференции по разоружению в Женеве представил российскую инициативу по разработке подобной конвенции, которая призвана укрепить международно-правовую базу противодействия ОМУ-терроризму, и которая является многопрофильной в плане решаемых ею задач. За резолюцию голосовали Россия и Китай, против были США, Великобритания и Франция. Большая часть делегаций (девять) воздержались. Такая позиция вызывает вопросы в степени беспристрастности и независимости высказывания мнений.

Тем временем, многие государства проводят интенсивные меры по предупреждению биотерроризма. Так, в Японии принята Доктрина комплексной безопасности, в Европейском Союзе ведется общеевропейское консультирование, связанное с выработкой эффективных мер в целях минимизации возможных рисков опасных биоматериалов. Важнейшим направлением борьбы с биотерроризмом в США в настоящее время является разработка интеллектуальных систем немедленного реагирования на биологические террористические атаки.

Тем не менее, невозможно создать совершенную систему защиты от использования террористами биологического агента исключительно законодательными мерами. Важным фактором выступает социальный контроль.

Поскольку биотеррористическая атака представляет собой событие с низким риском и высокой отдачей, эффективная и устойчивая готовность является важным компонентом как сдерживания, так и управления атакой. Биотеррористическая атака имеет много общего с естественными чрезвычайными ситуациями в области общественного здравоохранения, вызванными инфекционными заболеваниями. Однако есть некоторые важные различия. Прежде всего это преднамеренное действие с целью причинения вреда. И возникшая в результате вспышка, более вероятно, будет из точечного источника, вызванная одновременным воздействием на многих людей. Используемый инфекционный агент, вероятно, является необычным и, возможно, не эндемичным для региона, возможно, был генетически модифицирован, чтобы сделать его устойчивым к современным лекарствам и вакцинам, и произведен способом, усиливающим его передачу или вирулентность. Таким образом, ранние клинические симптомы и признаки после заражения агентом биотерроризма могут быть необычными, что затрудняет как распознавание заболевания, так и ведение болезни. Эти факторы могут вызвать большую панику среди населения.

В 2013 году Конгресс США поручил Министерству юстиции США провести имитацию атаки с применением биологического оружия и привлечь ключевых высокопоставленных

чиновников для ликвидации последствий. Учения включали реагирование на скрытый выброс аэрозольных бацилл чумы в Денверском центре исполнительских искусств. Участники отметили основные проблемы, выявленные во время этих учений: значительную путаницу в отношении ролей различных органов власти и процессов принятия решений, конфликт между государственными и федеральными агентствами, проблемы со связью, отсутствие координации и нехватку ресурсов. Больницы, участвовавшие в учениях, «вышли за рамки возможностей менее чем за 24 часа после начала эпидемии». Основной проблемой было отсутствие обязательного плана сдерживания распространения заболевания. Аналогичные учения, включавшие имитацию заражения оспой, проводились в 2021 году. И в ходе этих учений были выявлены аналогичные трудности. На этот раз отметили и правовые проблемы, которые, могут возникнуть в результате биотеррористической атаки, такие как неопределенный правовой объем ответственности плохо подготовленных медицинских учреждений и служб, а также ответственности производителей лекарств и вакцин³.

Местные и международные меры реагирования на эпидемии инфекционных заболеваний, таких как тяжелый острый респираторный синдром и эпидемия вируса Эбола в Западной Африке, также выявили серьезные недостатки, которыми могут воспользоваться потенциальные преступники.

В обзоре федеральных инициатив (США) по обеспечению готовности к биотерроризму основное внимание уделяется усилиям по повышению потенциала, созданию Сети оповещения о состоянии здоровья и Национальной программе создания запасов лекарственных средств. В одном из разделов этого документа рассматривается состояние готовности Техаса к биологической атаке. По ряду направлений предпринимались усилия по модернизации межведомственных и межправительственных систем связи, обеспечению медицинской готовности и межведомственному обучению. Наиболее существенной проблемой, выявленной для Техаса, является текущая нехватка ресурсов штата для отражения крупной атаки. Почти все государственные службы, которые могли бы сыграть важную роль в противодействии биологической атаке, достаточно сильно загружены, т.е. больницы, медицинский персонал, лаборатории и службы экстренной помощи. Была дана рекомендация политикам и общественным лидерам сосредоточиться на поиске дополнительных ресурсов для отражения биотеррористической атаки и проявить лидерство в разумном распределении этих ресурсов.

В связи с неопределенностью понимания воздействия биологического оружия важно организация моделирования вероятных результатов различных биотеррористических атак. Поскольку это дает представление о серьезности угрозы, создаваемой распространением биологического оружия, и позволяет оценить эффективность различных защитных ответных мер (и, следовательно, приоритет, который следует присвоить каждому из них). Усилия по моделированию за последнее десятилетие, по крайней мере те, которые доступны общественности, как правило, подчеркивают наихудшие сценарии – широкомасштабные атаки, влекущие за собой миллионы человеческих жертв, если не смертельные исходы. Хотя такие сценарии могут быть возможны при правильных обстоятельствах, они, вероятно, менее вероятны, чем локализованные угрозы. В любом случае, требуется более широкий спектр симуляций, чтобы охватить диапазон возможных результатов. Здесь существует серьезная

³ <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/bioterrorism-preparedness-policy-brief> Официальный веб-сайт правительства Соединенных Штатов, Министерства юстиции.

потребность в обучении; критическая масса компетентных научных знаний в области эпидемиологического моделирования на сегодняшний день не получила адекватной поддержки.

Более того, инкубационный период (и его дозовая зависимость) для различных агентов может варьироваться в 2 или более раз; а суточные колебания и погодные условия могут легко повлиять на загрязненную территорию на порядок величины или больше при выбросах в открытый воздух (как правило, сценарии с наибольшим количеством жертв). Наконец, неопределенность, связанная с количеством и чистотой агента, эффективностью аэрозолизации частиц размером от 1 до 5 микрон, повторным аэрозолизацией агентов, осевших на земле, по сравнению с другими поверхностями, факторами защиты, связанными со зданиями, и частотой дыхания, может легко повлиять на вдыхаемую дозу на порядок и более.

Эти факторы создают непреодолимую неопределенность на несколько порядков величины в отношении числа людей, которые будут инфицированы при выбросе в открытый воздух. Более того, начало заболевания может наступить в несколько раз быстрее или медленнее, чем прогнозировалось, и это может оказать значительное влияние на эффективность медицинской профилактики, проводимой в определенное время после освобождения. Когда принимаются во внимание пределы этих неопределенностей, среднее значение и дисперсия различных исходов атаки могут дать различную картину масштабов медицинского реагирования, необходимого для отражения атак – другими словами, возможно, что варианты реагирования могут быть относительно нечувствительными к этим неопределенностям. Тем не менее, психосоциальные последствия нападения с применением биологического оружия (т. е. разрушения и ужас, вызванные этим событием), вероятно, останутся очень значительными и их трудно поддается количественной оценке. Другие способы передачи (вода, продукты питания, переносчики от животных) создают аналогичные неопределенности, как и нападения, направленные на домашний скот или посевы. Тем не менее, моделирование и построение сценариев будут необходимы городам и штатам для оценки и улучшения их способности реагировать⁴.

Таким образом, учреждениям, обладающим соответствующим опытом (например Министерство обороны), следует разрабатывать и поддерживать разработку моделей – с учетом ряда инкубационных периодов, динамики передачи и переменных климата, численности населения и миграции – для моделирования высвобождения заразных и незаразных агентов. Такое моделирование может устранить многие неопределенности в отношении воздействия биологического оружия.

Добросовестная подготовка – в максимально возможной степени, насколько позволяют бюджеты и доступные методы, – уменьшит беспокойство и значительно смягчит последствия реальной атаки. Часть этой подготовки должна включать исследования и разработки необходимых инструментов и подходов. К ним относятся методы моделирования, биозащита, методы определения угроз, специфические антибиотики широкого спектра действия и новые противовирусные агенты, а также средства для быстрого внедрения вакцины. В случае реальной атаки, потребуется более подготовленная и усиленная система реагирования в области здравоохранения и сельского хозяйства, а также надежный и последовательный план коммуникации. Для тех, кто подвергся воздействию, должны быть доступны протоколы лечения и дезактивации. А при воздействии на животных и растения должен быть разработан эффективный план утилизации и обеззараживания.

⁴ <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK221142/> Prevention, Response, and Recovery - Countering Bioterrorism - NCBI Bookshelf // National Academies Press (US); 2002.

При реагировании на глобальные угрозы здоровью правительства и их органы здравоохранения, естественно, отвечают за определение стратегий реагирования и мер по борьбе со вспышками, от немедикаментозных вмешательств, таких как физическое дистанцирование, защитные барьеры, ограничения на поездки и карантин, до стратегий тестирования, лечения и вакцинации. Ожидается, что органы общественного здравоохранения также должны (1) определить, какой тип фармацевтических вмешательств им необходим, т.е. определить профиль целевого продукта; (2) координировать портфель научно-исследовательских проектов, охватывающих приоритетные потребности здравоохранения, с целью выявления и содействия разработке наиболее подходящих продуктов; (3) осуществлять надзор за методологией исследований и проектами исследований, чтобы гарантировать, что они своевременно решают наиболее важные вопросы общественного здравоохранения; и (4) обеспечивать наличие, доступность и оптимальное развертывание медицинских вмешательств для обеспечения готовности к эпидемии и реагирования на нее.

Необходимо провести исследования для разработки правил принятия решений и процедур для карантина. Эти исследования должны проводиться с целью в конечном итоге привлечь сообщества к активному участию задолго до того, как произойдет какое-либо событие. Это поможет уменьшить панику и иррациональное поведение в случае фактического или предполагаемого события биотерроризма. Необходимо организовать дополнительное обучение и коммуникацию в клинических лабораториях, которые будут действовать в качестве дозорных для обнаружения возможной угрозы биотерроризма.

Кроме того, необходимы более эффективные средства защиты медицинских работников, работающих в опасных условиях, особенно в районах с неразвитой инфраструктурой. Необходимо разработать новые и усовершенствованные подходы к эпиднадзору, раннему выявлению, реагированию, эффективной изоляции пациентов, контролю за передвижением потенциально инфицированных людей и информированию о рисках. Доступ к опасным патогенам должен надлежащим образом регулироваться, не снижая прогресса в разработке контрмер. Мы приходим к выводу, что готовность к преднамеренным вспышкам имеет важное дополнительное значение в виде повышения готовности к природным эпидемиям, и наоборот.

Заключение

Таким образом, международная готовность к биотерроризму имеет двойное преимущество – укрепление инфраструктуры реагирования на естественные эпидемии высокопатогенных организмов. Все страны должны сотрудничать для устранения коренных причин терроризма и разработки соответствующих превентивных стратегий. Эффективная готовность сама по себе является сдерживающим фактором биотерроризма, поскольку снижает стимул к применению биологического оружия, превращая страну или регион в труднодоступную мишень. Национальные и региональные ресурсы и возможности будут различаться, но для всех потребуется инфраструктура, способная распознавать различные биологические агенты и работать с ними.

Библиография

1. Каратуева Е.Н. Биотерроризм: проблемы идентификации // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 7 (59). С. 2171-2183.
2. Кобец П.Н. О важности разработки комплексных мер, наиболее эффективно противодействующих угрозам биотерроризма // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 75-80.
3. Онищенко Г.Г. и др. Биотерроризм: национальная и глобальная угроза // Вестник Российской академии наук.

2002. Т. 73. № 3. С. 195-204.
4. Розбери Т. Мир или чума: биологическая война и как предотвратить ее. М., 1956. 140 с.
 5. Annas G. J. Bioterrorism, public health, and civil liberties //Bioterrorism: The History of a Crisis in American Society. – Routledge, 2020. – С. 61-66.
 6. Dagen H. A. Bioterrorism: Perfectly Legal //Bioterrorism: The History of a Crisis in American Society. – Routledge, 2020. – С. 243-281.
 7. Koch L. et al. Natural outbreaks and bioterrorism: How to deal with the two sides of the same coin? //Journal of Global Health. – 2020. – Т. 10. – №. 2.
 8. Oliveira M. et al. Biowarfare, bioterrorism and biocrime: A historical overview on microbial harmful applications //Forensic science international. – 2020. – Т. 314. – С. 110366.
 9. Rathjen N. A., Shahbodaghi S. D. Bioterrorism //American Family Physician. – 2021. – Т. 104. – №. 4. – С. 376-385.
 10. Roffey R., Lantorp K., Tegnell A. Biological weapons and bioterrorism preparedness: importance of public-health awareness and international cooperation // Review. 2002. Vol. 8. Is. 8. P. 522-528.

International cooperation and combating infectious diseases and bioterrorism

Ekaterina V. Tishchenko

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Southern Federal University,
344006, 105/42, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: tok_mak@mail.ru

Asmik S. Sayadova

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology,
Southern Federal University,
344006, 105/42, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: asmik_sayadova@mail.ru

Abstract

In the past few years, advances in microbial genetics have heightened concerns about the possible misuse of new technologies. Of serious concern is the potential threat of bioterrorism: when agents, as well as recent developments in technology for detecting and combating epidemics, can be used for destructive purposes, including terrorist ones. Bioterrorism presents probably the most international challenges among the various WMD threats. Bioterrorism differs from nuclear or chemical terrorism in a number of significant ways in its lack of geographical boundaries, in the silence of its attack, in its potentially unclear intent and difficulty in identifying perpetrators or even whether an attack has actually occurred, in its potential non-specificity of symptoms. The article examines a wide range of national and international programs and capabilities to combat bioterrorism and strengthen biological defense. A major part of author's efforts is the facilitation of targeted training for law enforcement and relevant national agencies on how to prevent prepare and respond to a bioterrorist attack. The focus is on building and training activities not only serve to establish collaboration on the national and regional levels, but also seek to promote a multi-agency approach. This will strengthen cooperation among law enforcement bodies and other sectors, thereby making it easier to share information, establish common practices and coordinate joint responses.

For citation

Tishchenko E.V., Sayadova A.S. (2024) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i bor'ba s infektsionnymi zabolevaniyami i bioterrorizmom [International cooperation and combating infectious diseases and bioterrorism]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 404-411. DOI: 10.34670/AR.2024.80.68.020

Keywords

Bioterrorism, infectious disease epidemic, preparedness, response, biodefense measures, health technologies.

References

1. Annas, G. J. (2020). Bioterrorism, public health, and civil liberties. In *Bioterrorism: The History of a Crisis in American Society* (pp. 61-66). Routledge.
2. Dagen, H. A. (2020). Bioterrorism: Perfectly Legal. In *Bioterrorism: The History of a Crisis in American Society* (pp. 243-281). Routledge.
3. Karatueva E.N. (2020) Bioterrorizm: problemy identifikatsii [Bioterrorism: problems of identification]. *Voprosy politologii* [Issues of political science], 10, 7 (59), pp. 2171-2183.
4. Kobets P.N. (2021) O vazhnosti razrabotki kompleksnykh mer, naibolee effektivno protivodeistvuyushchikh ugrozam bioterrorizma [On the importance of developing comprehensive measures that most effectively counter the threats of bioterrorism]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 1 (96), pp. 75-80.
5. Koch, L., Lopes, A. A., Maiguy, A., Guillier, S., Guillier, L., Tournier, J. N., & Biot, F. (2020). Natural outbreaks and bioterrorism: How to deal with the two sides of the same coin?. *Journal of Global Health*, 10(2).
6. Oliveira, M., Mason-Buck, G., Ballard, D., Branicki, W., & Amorim, A. (2020). Biowarfare, bioterrorism and biocrime: A historical overview on microbial harmful applications. *Forensic science international*, 314, 110366.
7. Onishchenko G.G. et al. (2002) Bioterrorizm: natsional'naya i global'naya ugroza [Bioterrorism: national and global threat]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 73, 3, pp. 195-204.
8. Rathjen, N. A., & Shahbodaghi, S. D. (2021). Bioterrorism. *American Family Physician*, 104(4), 376-385.
9. Roffey R., Lantorp K., Tegnell A. (2002) Biological weapons and bioterrorism preparedness: importance of public-health awareness and international cooperation. *Review*, 8, 8, pp. 522-528.
10. Rosebery T. (1956) *Mir ili chuma: biologicheskaya voina i kak predotvratit' ee* [Peace or pestilence: biological warfare and how to avoid it]. Moscow.

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2024.71.50.021

**Особенности получения заключения
и показаний эксперта и специалиста в уголовном
судопроизводстве**

Сухомлинов Александр Владимирович

Преподаватель кафедры огневой подготовки,
Краснодарский университет МВД России
350005, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: nyjnodIR@yandex.ru

Белецкий Александр Александрович

Старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
Волгоградская академия МВД России,
400089, Российская Федерация, Волгоград, ул. Историческая, 130;
e-mail: I.beleckaya@bk.ru

Лайпанов Ахмат Исламович

Преподаватель кафедры специальных дисциплин,
Волгодонский филиал,
Ростовский юридический институт МВД России,
347360, Российская Федерация, Волгодонск, ул. Степная, 40;
e-mail: Pirogova-81@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования показаний и заключений экспертов и специалистов в уголовном судопроизводстве. Проводится анализ процедуры экспертизы, выделяются ключевые аспекты и предлагаются рекомендации для улучшения судебного процесса. Отмечено, что законодатель до сих пор не ответил на вопросы о реализации заявленных изменений в законодательстве Российской Федерации, а именно отличия между специалистом и экспертом, требования к нему и способы его использования в уголовных делах нормы, касающиеся содержания заключений и показаний специалиста, не достаточно четко сформулированы, что ведет к разным толкованиям этих уголовно-процессуальных понятий и препятствует их эффективному использованию. В отличие от экспертиз (согласно статье 198 УПК РФ), где закон предоставляет гарантии объективности и соблюдения прав сторон, в случае заключений специалистов такие нормы отсутствуют. Кроме того, закон не устанавливает четких правил для формулирования вопросов к специалистам. В заключении настоящей статьи указано, что решение рассмотренных проблем позволит суду более справедливо оценивать различные методы исследования, что, в свою очередь, содействует более точному установлению истины в уголовных делах.

Для цитирования в научных исследованиях

Сухомлинов А.В., Белецкий А.А., Лайпанов А.И. Особенности получения заключения и показаний эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 412-418. DOI: 10.34670/AR.2024.71.50.021

Ключевые слова

Доказательства, заключение специалиста, исследование, специалист, уголовное дело, эксперт, экспертиза.

Введение

Заключения и показания эксперта и специалиста имеют большое значение для рассмотрения и разрешения уголовных дел [Гришина, 2005, 49]. Для получения доказательств часто используются методы сравнения, описания, эксперимента, измерения и моделирования. В уголовном судопроизводстве эти методы должны быть проверяемыми, а источники доказательств – сохранять точность и надежность. Непроверенные данные не признаются в качестве доказательств, поскольку они должны соответствовать уголовно-процессуальным требованиям законодательства РФ.

В случае использования специальных знаний для установления фактов и обстоятельств, суд и органы расследования могут получить помощь от эксперта и специалиста. Эксперт и специалист играют свои уникальные роли в уголовно-процессуальной сфере. Они применяют свои специальные знания для помощи в проверке и сборе доказательств, способствуя установлению существенных фактов и обстоятельств, критических для дела.

Основная часть

Заключение специалиста как вид уголовно-процессуального доказательства было введено в уголовно-процессуальную деятельность достаточно давно – еще Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003 № 92-ФЗ. На протяжении длительного времени эксперт был единственным участником уголовного процесса со специальными знаниями, и только органы уголовного судопроизводства могли привлекать его и специалиста к делу. С 2003 года специалисты также могут быть привлечены к уголовному делу по инициативе государственных лиц, вовлеченных лиц и представляющих их интересы. Внедряя эти изменения, «законодатель пытался уравнивать стороны обвинения и защиты в возможности привлечения лиц, обладающих специальными знаниями» [Лазарева, 2010, 503]. Из-за резкого изменения в уголовном процессе по вмешательству законодателя сложилось неоднозначное отношение к заключениям специалистов. Это связано как с устоявшимся мнением о специалистах, рассматриваемых как «недоэксперты» и технические исполнители, основываясь на прежних нормах, так и с недостаточной законодательной ясностью относительно этого нового элемента уголовного процесса.

Часть ученых «признают за заключением специалиста доказательственное значение» [Петрухин, 2008, 661].

При этом законодатель до сих пор не ответил на вопросы о реализации заявленных изменений, включая отличия между специалистом и экспертом, требования к нему и способы его использования в уголовных дел нормы, касающиеся содержания и показаний специалиста, недостаточно четко сформулированы, что ведет к разным толкованиям этих уголовно-процессуальных понятий и препятствует их эффективному использованию.

Внесенные изменения в уголовно-процессуальный кодекс противоречат традиционному пониманию специалиста как научно-технического помощника. Однако, с возможностью давать заключения, равные по доказательственной силе заключениям эксперта, функции и роль специалиста значительно изменились. Эти изменения не полностью восприняты теорией и практикой. Закон не предоставляет ясного ответа на вопросы относительно того, кто может инициировать привлечение специалиста, что может являться предметом его заключения, и на каких основаниях специалист должен выносить свое заключение.

Эксперт и специалист имеют специальные знания, но на практике их сложно различить. Это ведет к затруднениям при использовании заключений специалистов. В отличие от экспертиз (согласно статье 198 УПК РФ), где закон предоставляет гарантии объективности и соблюдения прав сторон, в случае заключений специалистов такие нормы отсутствуют. Кроме того, закон не устанавливает четких правил для формулирования вопросов к специалистам.

Из-за отсутствия необходимой нормативной ясности в области деятельности специалиста в соответствии с УПК РФ и множества нерешенных вопросов судебная и следственная практика единогласно приходит к единственному выводу – отказу в предоставлении заключению специалиста полноценного статуса доказательства. В большинстве случаев такие заключения редко применяются при принятии решений в уголовных делах и в ходе их расследования, что создает юридическое разногласие и усложняет процесс получения показаний специалиста или его заключения, а также их дальнейший анализ.

Заключение, представленное защитником и подготовленное специалистом, систематически подвергается отклонению по незаконным основаниям. Некоторые авторы считают, что получение защитником этого заключения может усилить состязательность. Также есть мнение о необходимости расширения рамок допустимости доказательств, формируемых стороной защиты [Кронов, 2009, 64]. На основании этого необходимо согласиться с тем, что «реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве невозможна без обеспечения состязательности в использовании специальных знаний, и законодатель хоть и медленно, но предпринимает определенные шаги в данном направлении» [Орлов, 2022, 69].

Рассмотрим различия между заключением специалиста и заключением эксперта. Согласно законодательным определениям, можно отметить, что заключение эксперта представляет собой более сложный документ, содержащий подробности хода экспертизы, ее результаты и используемые методы. В отличие от этого, содержание заключения специалиста ограничивается выражением собственного мнения по поставленным вопросам, и закон не обязывает специалиста проводить какие-либо конкретные исследования.

Заключение специалиста будет отличаться от заключения эксперта тем, что не имеет законодательно закрепленной формы. Форма экспертного заключения регламентируется ст. 204 УПК РФ, а в законодательстве не описано, как стороны могут привлекать специалиста для получения заключения. Из-за таких отличий и сомнений в их эффективности, эти доказательства не всегда используются [Кудрявцев, 2021, 14].

С нашей точки зрения, в области права возникает острая проблема – отсутствие четкого регулирования получения показаний от специалиста, что является пробелом в законодательстве, как на судебной стадии, так и на этапе предварительного расследования по УПК РФ.

Для завершения доказательственной базы, включая показания специалиста, требуется провести его допрос. Однако стоит отметить, что допрос специалиста не учтен в перечне следственных действий, предусмотренных УПК РФ. Решение этой проблемы существенно улучшит правовое поле и повысит эффективность судебных процессов [Кудрявцев, 2021, 14].

Допрос эксперта в суде регламентирован статьей 282 УПК РФ. Согласно первому пункту этой статьи, цель допроса эксперта заключается в том, чтобы понять его мнение, выраженное в экспертном заключении.

Предварительный этап подготовки обязателен для успешного и эффективного допроса эксперта. На этапе подготовки следует выполнить следующие шаги:

- внимательно изучить заключение эксперта, а не ограничиваться только поставленными вопросами и выводами;
- ознакомиться с методиками, а также научной литературой, на которые эксперт будет ссылаться в своем заключении [Россинская, 2019, 407].

Допрос эксперта, как и участника уголовного процесса, – это своеобразное процессуальное действие, требующее определенных предварительных действий для подготовки. Однако этот процесс обладает своими особенностями из-за того, что эксперт обладает специальными знаниями в определенной области науки, техники, ремесла или искусства. Говоря по-другому, при допросе эксперта мы имеем дело с областью, в которой эксперт обладает глубокими и более расширенными знаниями, превосходящими понимание лица, его допрашивающего.

Статьи 53 и 168 УПК РФ устанавливают требования к разъяснениям специалиста и его показаниям. Защитник может привлечь специалиста по первой статье, а следователь – по второй. Специалист выступает как помощник, предоставляя необходимую информацию, но доказательства, предоставленные им, не будут являться основным источником доказательств.

Согласно части 4 статьи 271 УПК РФ, суд не имеет права отклонить ходатайство о допросе специалиста. Эти действия не считаются полноценными доказательствами, но заключение и показания специалиста учитываются в перечне доказательств для обеспечения баланса интересов сторон в уголовном процессе [Семенов, 2022, 213-215].

Решение указанных проблем позволит суду более справедливо оценивать различные методы исследования, что, в свою очередь, содействует более точному установлению истины в уголовных делах [Коновалова, 2022, 474].

Таким образом, заключение и показания специалиста в уголовном процессе представляют собой независимые формы доказательств. Их оценка не зависит от статуса участников, вовлеченных в их формирование, а осуществляется с учетом соответствия критериям и требованиям, установленным законом. Должность «эксперта» и государственный статус экспертного учреждения не обязательно гарантируют обладание специальными знаниями на более высоком уровне. Компетентность лица с особыми знаниями должна оцениваться исключительно на основе данных, которые предусмотрены законом, в рамках судебного процесса. Доказательная ценность информации, полученной от эксперта или специалиста, не зависит от формы применения их специальных знаний. Важно отметить, что специалист, как правило, не проводит исследование материалов, изъятых в рамках уголовного дела, но имеет

возможность анализировать проведенные им экспертные исследования, отраженные в его заключении и показаниях.

Заключение

Для того чтобы решить проблемы, возникающие при получении показаний специалиста, считаем необходимым законодательно закрепить следующие моменты:

- заключение эксперта должно быть формализовано в соответствии с требованиями закона, оформлено письменно и включать в себя выводы, основанные на проведенных исследованиях;
- определить, как применять санкции в отношении специалиста за то, что он дает сознательно неправильные заключения;
- Установить порядок получения заключения от специалиста до суда и в судебном процессе.

Библиография

1. Гришина Е.П. Логико-гносеологическая сущность заключения специалиста и его доказательственное значение в уголовном процессе // Современное право. 2005. № 12. С. 49-55.
2. Коновалова Т.А. Проблема привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод // Социально-правовые преобразования в современной России. Ростов-на-Дону, 2022. С. 474-478.
3. Кронов Е.В. Заключение специалиста в деятельности защитника // Адвокат. 2009. № 11. С. 64-73.
4. Кудрявцев Ю.С. Компетентность эксперта как критерий оценки экспертного заключения судом // Эксперт-криминалист. 2021. № 3. С. 14-16.
5. Кудрявцева А.В. Заключение эксперта и специалиста в уголовном процессе: общее и особенное // Вопросы правовой теории и практики. Омск, 2016. С. 121-132.
6. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2010. 503 с.
7. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ.
8. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28.
9. Орлов А.А. Заключения и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном процессе // Вестник. Государство и право. 2022. № 1 (32). С. 69-73.
10. Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М.: Велби; Проспект, 2008. 661 с.
11. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М.: Проспект, 2019. 407 с.
12. Семенов Е.А. Заключение специалиста в уголовном процессе: новый взгляд правоприменителя // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 213-215.

Features of obtaining the opinion and testimony of an expert and a specialist in criminal proceedings

Aleksandr V. Sukhomlinov

Lecturer of the Department of Fire Training,
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia,
350005, 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: nyjnodIR@yandex.ru

Aleksandr A. Beletskii

Senior Lecturer of the Department of Fire Training,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
400089, 130, Istoricheskaya str., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: I.beleckaya@bk.ru

Akhmat I. Laipanov

Lecturer of the Department of Special Disciplines,
Volgodonsk Branch,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
347360, 40, Stepnaya str., Volgodonsk, Russian Federation;
e-mail: Pirogova-81@mail.ru

Abstract

The article examines the peculiarities of the formation of testimony and conclusions of experts and specialists in criminal proceedings. The examination procedure is analyzed, key aspects are highlighted and recommendations are made to improve the judicial process. It is noted that the legislator has not yet answered questions about the implementation of the announced changes in the legislation of the Russian Federation, namely, the differences between a specialist and an expert, the requirements for him and the ways of his use in criminal cases, the norms concerning the content of conclusions and testimony of a specialist are not clearly formulated, which leads to different interpretations of these criminalprocedural concepts and prevents their effective use. Unlike examinations (according to Article 198 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), where the law provides guarantees of objectivity and respect for the rights of the parties, in the case of expert opinions, there are no such norms. In addition, the law does not establish clear rules for the formulation of questions to specialists. In conclusion, this article indicates that solving the problems considered will allow the court to more fairly evaluate various research methods, which, in turn, contributes to a more accurate establishment of the truth in criminal cases.

For citation

Sukhomlinov A.V., Beletskii A.A., Laipanov A.I. (2024) Osobennosti polucheniya zaklyucheniya i pokazanii eksperta i spetsialista v ugolovnom sudoproizvodstve [Features of obtaining the opinion and testimony of an expert and a specialist in criminal proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 412-418. DOI: 10.34670/AR.2024.71.50.021

Keywords

Evidence, expert opinion, research, specialist, criminal case, expert, expertise.

References

1. Grishina E.P. (2005) Logiko-gnoseologicheskaya sushchnost' zaklyucheniya spetsialista i ego dokazatel'stvennoe znachenie v ugolovnom protsesse [The logical and epistemological essence of a specialist's conclusion and its evidentiary value in criminal proceedings]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 12, pp. 49-55.

2. Konovalova T.A. (2022) Problema privlecheniya k ugovolnoi otvetstvennosti za zavedomo lozhnye pokazaniya, zaklyuchenie eksperta, spetsialista ili nepravil'nyi perevod [The problem of bringing to criminal liability for knowingly false testimony, the conclusion of an expert, specialist or incorrect translation]. In: *Sotsial'no-pravovye preobrazovaniya v sovremennoi Rossii* [Social and legal transformations in modern Russia]. Rostov-on-Don.
3. Kronov E.V. (2009) Zaklyuchenie spetsialista v deyatelnosti zashchitnika [Conclusion of a specialist in the activities of a defender]. *Advokat* [Lawyer], 11, pp. 64-73.
4. Kudryavtsev Yu.S. (2021) Kompetentnost' eksperta kak kriterii otsenki ekspertnogo zaklyucheniya sudom [Expert competence as a criterion for assessing an expert opinion by a court]. *Ekspert-kriminalist* [Expert-criminologist], 3, pp. 14-16.
5. Kudryavtseva A.V. (2016) Zaklyuchenie eksperta i spetsialista v ugovolnom protsesse: obshchee i osobennoe [Conclusion of an expert and specialist in criminal proceedings: general and special]. In: *Voprosy pravovoi teorii i praktiki* [Questions of legal theory and practice]. Omsk.
6. Lazareva V.A. (2010) *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse* [Evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurait Publ.
7. *O sudebnoi ekspertize po ugovolnym delam: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 21 dekabrya 2010 g. № 28* [On forensic examination in criminal cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2010 No. 28].
8. *O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 04.07.2003 № 92-FZ* [On introducing amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 92-FZ dated 04.07.2003].
9. Orlov A.A. (2022) Zaklyucheniya i pokazaniya eksperta i spetsialista kak dokazatel'stva v ugovolnom protsesse [Conclusions and testimony of an expert and specialist as evidence in criminal proceedings]. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo* [Bulletin. State and law], 1 (32), pp. 69-73.
10. Petrukhin I.L. (2008) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Criminal procedural law of the Russian Federation]. Moscow: Velbi; Prospekt Publ.
11. Rossinskaya E.R. (2019) *Sudebnaya ekspertiza: tipichnye oshibki* [Forensic examination: typical mistakes]. Moscow: Prospekt Publ.
12. Semenov E.A. (2022) Zaklyuchenie spetsialista v ugovolnom protsesse: novyi vzglyad pravoprimenatelya [Conclusion of a specialist in criminal proceedings: a new view of a law enforcement officer]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Public service and personnel], 1, pp. 213-215.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.43.54.023

О месте преюдиции в процессуальных отраслях российского права

Мартынова Ольга Анатольевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Российский государственный университет правосудия
(Дальневосточный филиал),
600000, Российская Федерация, Хабаровск, Восточное шоссе, 49;
e-mail: olgamartynoff@mail.ru

Дядяева Диана Сергеевна

Студент,
Российский государственный университет правосудия
(Дальневосточный филиал),
600000, Российская Федерация, Хабаровск, Восточное шоссе, 49;
e-mail: dds16082002@gmail.com;

Аннотация

Правила юридической техники, их грамотное, последовательное, целесообразное использование, определяют насколько высок уровень развития права в государстве. Преюдиция – один из таких приемов юридической техники – прием спорный и многогранный, но при этом, малоисследованный и неоднозначный. Преюдиция в переводе с латинского (praecedens) означает «предыдущее судебное решение». Квинтэссенция преюдиции заключается в том, что обстоятельства, установленные ранее вынесенным решением, используются в данном, рассматриваемом судом, деле, без необходимости их повторного доказывания. В статье исследуются вопросы применения институтов преюдиции уголовно-, гражданско-, арбитражно-, административно-процессуального законодательства, проводится их сравнение, определяются проблемы правоприменения и пути их решения. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что преюдиция – это сложное правовое явление, и ее межотраслевой характер является сравнительно новым для отечественной науки, однако, официальная законодательно закрепленная дефиниция отсутствует во всех вышеуказанных отраслях права. Авторы приходят к выводу, что судебные институты уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального права требуют унификации и пристального исследования с учетом специфики различных отраслей судопроизводства. Методологическая основа: наряду с диалектическим методом, статистическим и логическим методами познания, особую роль играет сравнительно-правовой метод.

Для цитирования в научных исследованиях

Мартынова О.А., Дядяева Д.А. О месте преюдиции в процессуальных отраслях российского права // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 419-428. DOI: 10.34670/AR.2024.43.54.023

Ключевые слова

Преюдиция, юридическая техника, уголовный процесс, гражданский процесс, административный процесс, арбитражный процесс, пределы преюдициальности.

Введение

Правила юридической техники, их грамотное, последовательное, целесообразное использование, определяют насколько высок уровень развития права в государстве. Преюдиция – один из таких приемов юридической техники – прием спорный и многогранный, но при этом, малоисследованный и неоднозначный.

Преюдиция в переводе с латинского (*praejudicio*) означает «предыдущее судебное решение». Квинтэссенция преюдиции заключается в том, что обстоятельства, установленные ранее вынесенным решением, используются в данном, рассматриваемом судом, деле, без необходимости их повторного доказывания. Данный термин не является новеллой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹, поскольку подходы к пониманию преюдиции складывались исторически, уходя корнями в римское право. И в нашем недалеком советском законодательном прошлом уголовно-процессуальные кодексы закрепляли правило о обязательности решения, определения или постановления суда, вступившего в законную силу по гражданскому делу, для суда, прокурора или лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу, но только по вопросу, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого².

Основная часть

Если рассматривать термин «преюдиция» с позиции теории права, то наиболее предпочтительным представляется определение, данное А.В. Карданец. По его мнению, «преюдиция – это прием юридической техники, представляющий собой правило доказывания о том, что вступившее в законную силу правоприменительное решение уполномоченного органа, принятое в установленном процессуальном порядке о наличии или отсутствии юридического факта, обязательно для всех правоприменительных органов, разрешающих юридическое дело, связанное с ранее разрешенным по поводу этого факта» [Карданец, 2002, 30].

Однако, законодатель предоставил почву для неоднозначного понимания данного явления в науке российского уголовного процесса – понятие «преюдиция» законом не закреплено, данный термин содержится только в ст. 90 УПК РФ. А, помимо закона, существует процесс правоприменения – то есть толкования, использования в конкретном уголовном деле – в итоге, на практике, результаты зачастую получаются сомнительными.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (ред. от 11.03.2024)

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г.

В юридической науке под преюдицией понимается обязательное для всех судов, рассматривающих дело, принятие без проверки и доказательств фактов, установленных ранее утвержденным и вступившим в законную силу судебным актом по какому-либо другому делу, если указанные факты имеют значение для разрешения текущего дела. Преюдициальность означает не только необязательность подтверждения установленных ранее фактов, но и не допускает их оспаривания до тех пор, пока судебный акт, в котором эти факты установлены, не будет отменен в регламентированном законом порядке. При этом суд не должен давать правовую оценку этим фактам, но может учитывать их при рассмотрении второго дела. Если суд, при рассмотрении второго дела, придет к иным выводам, он должен указать мотивы своего решения. Таким образом законодатель обеспечил возможность использования реальных обстоятельств текущего дела для рассмотрения впоследствии других споров без дополнительной проверки.

Не являются преюдициальными факты предыдущего дела, которые не были предметом доказывания и в отношении которых сторонами не было предоставлено никаких доказательств. Если одна из сторон судебного процесса приводит доказательства, подтверждающие определенный факт по предшествующему делу, которые не оценивались в судебном разбирательстве, то суд имеет все основания дать им правовую оценку в новом деле.

В пределах системы права можно выделить три типа преюдиций: общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Общеправовые преюдиции распространяют свое действие на все отрасли права, хотя и могут иметь свои отличительные особенности в зависимости от того, в каких видах судопроизводства они применяются. Межотраслевые, или перекрестные представляют собой преюдиции, которые возникают между различными видами судебных процессов. Отраслевые преюдиции действуют в пределах одного судопроизводства.

Преюдициальность имеет свои объективные и субъективные пределы. Субъективные пределы преюдициальности определяются участием одних и тех же лиц, либо их правопреемников, в первоначальных и последующих процессах. Объективные пределы преюдициальности относятся к обстоятельствам, которые были предметом доказывания и установлены вступившим в законную силу судебным актом по предшествующему делу и при этом входят в предмет доказывания по текущему делу³.

Основная проблема межотраслевой преюдиции, по мнению авторов, исследующих данную категорию [Азаренок, 2018], заключается в том, что норма ст. 90 УПК РФ не требует от обстоятельств, установленных судом в рамках дел гражданского, административного или арбитражного производства, проверки их доказанности и достоверности. Подобное утверждение может повлечь за собой проблемы в сфере правоприменения, поскольку разница между уголовным, гражданским, административным и арбитражным процессами очевидна, особенно в сфере доказывания – разный порядок сбора доказательств, порядок их исследования и оценки – все это приводит нас к мысли, что невозможно «неопровержимо» принять результаты, полученных в рамках вышперечисленных видов судопроизводства, без предварительной проверки при разрешении уголовного дела. И, как следствие, сегодня судебная практика применения межотраслевой преюдиции складывается крайне противоречивая.

В процессуальных кодексах Российской Федерации термин «преюдиция» также отсутствует, однако они содержат нормы, определяющие случаи, когда не требуется доказывать

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 декабря 2018 г. № С01-31/2018 по делу № А40-125323/2017

обстоятельства рассматриваемого в судебном разбирательстве дела (в данном случае они поименованы как «основания освобождения от доказывания»). К ним относятся: ст. 61 Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ⁴), ст.69 Арбитражно-процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ⁵), ст. 64 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ⁶).

В уголовном судопроизводстве, согласно ст. 90 УПК РФ, преюдициальными признаются обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда. В соответствии с указанной статьей такие обстоятельства должны быть признаны судом, прокурором, следователем и дознавателем без дополнительной проверки. Вместе с тем приговор суда не может предопределять виновность лиц, которые не принимали участие в ранее рассматриваемом уголовном деле.

Если в процессе разбирательства в суде второго дела выявляются новые обстоятельства, противоречащие указанным в приговоре по первому делу, они должны быть подвергнуты дополнительной проверке. При установлении убедительных доказательств наличия состава преступления по вновь открывшимся обстоятельствам, инициируется новое уголовное дело, результаты которого могут привести к пересмотру решения суда, вынесенного по первому делу, и вступившему в законную силу (п. 1 ст. 413 УПК РФ).

Кроме того, при наличии убедительных доказательств о совершении преступления участниками уголовного процесса, возможно инициирование нового уголовного дела на основании вновь открывшихся обстоятельств и проведения их отдельного расследования в соответствии с установленными формами уголовно-процессуального законодательства. Результаты такого расследования могут позволить пересмотреть закончившееся судебное решение по данному делу, которое приобрело законную силу (п.1 ст. 413 УПК РФ).

Если при рассмотрении уголовного дела устанавливаются лица, совершившие преступление в соучастии с подсудимым по первому уголовному делу, то в дальнейшем, при рассмотрении дел в отношении этих лиц, суд не имеет права признавать их виновными на основании предыдущего приговора. В этом случае должны быть исследованы доказательства виновности в отношении этих лиц, иначе будет нарушено право гражданина на защиту в уголовном процессе. Тем не менее, в судебной практике бывают ситуации, когда гражданин принимал участие в процессе по первому делу в качестве свидетеля, но его показания были не приняты судом как заведомо ложные. Но и тут выводы суда по первому делу не должны иметь преюдициального значения при последующем возбуждении уголовного дела в отношении такого лица. В данном случае доказательства виновности гражданина должны быть установлены в соответствии с нормами уголовного права.

В уголовном судопроизводстве не имеют преюдициального значения:

- обстоятельства дел, по которым проводилось сокращенное дознание или было принято решение в особом порядке (главы 40 и 40.1 УПК РФ). Прежде всего, это касается соучастников преступления. При этом вступивший в законную силу приговор, вынесенный в особом порядке относительно одного из соучастников, не будет иметь значения при рассмотрении дела другого соучастника, виновность которого устанавливается в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации;

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ

⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ

- факты, установленные в определении об утверждении мирового соглашения, так как, ввиду компромисса сторон, такие обстоятельства не исследуются и судом не оцениваются (Определение ВС от 15.10.2014 по делу № 308-ЭС14-91⁷).

Не могут быть использованы для доказывания вины в уголовном преступлении и решения гражданского и арбитражного судов. В уголовном процессе рассматриваются лишь факты (или их отсутствие) конкретного противоправного деяния, установленные при рассмотрении дел в гражданском и арбитражном судопроизводствах, а доказывание виновности лица в уголовном преступлении осуществляется только в рамках уголовного процесса.

В то же время, в уголовном судопроизводстве преюдициальное значение придается ряду правонарушений, повлекших административное наказание. Например, ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ⁸) предусматривает уголовную ответственность за неоднократную в течение года дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации, если виновное лицо ранее привлекалось к административной ответственности по ст. 20.3.3 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ⁹).

В гражданском судопроизводстве, в соответствии со ст. 61 ГПК РФ, не требуют доказывания следующие обстоятельства:

- общеизвестные факты, то есть те, которые известны широкому кругу лиц;
- факты, установленные постановлениями арбитражных судов или судов общей юрисдикции по гражданским делам, если они касаются рассмотрения последующих дел, в которых участвуют те же лица. Если последующее дело касается лиц, не участвующих в рассмотрении дел в первом процессе, они могут обратиться в суд с самостоятельным иском. Тем не менее, в некоторых ситуациях суд, при наличии существенных оснований, имеет возможность принять другое решение, но при этом он обязан его аргументировать;
- факты виновности конкретного лица в совершении уголовного преступления, установленные приговором суда.

Например, в деле № 2-729/2023 от 11 мая 2023 года, поступившем на рассмотрение в Шатурский городской суд Московской области¹⁰, рассматривалось исковое заявление о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда ответчиком, осужденным по ч.1 ст.167 УК РФ «Умышленное уничтожение и повреждение имущества». Исследовав материалы дела, суд пришел к выводу, что факт причинения материального ущерба имуществу истца подтвержден материалами уголовного дела, а также доказан факт причиненного ему морального вреда, и принял решение иск удовлетворить.

- постановления и/или решения суда по делу об административном правонарушении;

Так, в соответствии с делом № 2-234/2023 от 21 июля 2023 года Шемьшейский районный суд Пензенской области¹¹ принял решение о возмещении истце морального вреда ответчиком, признанным виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч.2 ст.12.24 КоАП РФ. В результате дорожно-транспортного происшествия по вине ответчика истце был причинен вред здоровью средней тяжести. Оценив по совокупности доказательств, предъявленные истцей, суд вынес решение об удовлетворении искового заявления.

⁷ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 октября 2014 г. № 308-ЭС14-91

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 11 марта 2024 г.)

⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 196-ФЗ

¹⁰ Судебная практика. URL: <https://sudact.ru/practice>

¹¹ Там же.

– нотариально заверенные документы, оформленные в соответствии с российским законодательством.

Решение суда по гражданскому делу может быть отменено, если, во-первых, суд не учел предшествующих судебных решений по спору между теми же лицами, во-вторых, в своем решении сослался на преюдициальную силу судебного акта, которая в действительности отсутствует. Примером тому может служить наличие обстоятельств в новом деле, которые не были учтены в предыдущем решении.

Иногда в судебной практике по гражданским делам возникают проблемы, если уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям (например, в связи с истечением срока давности), так как освобождение от уголовной ответственности не означает, что уголовное правонарушение на самом деле не было совершено и не освобождает виновного от возмещения ущерба лицу, пострадавшему от его противоправных действий.

Преюдиция в арбитражном процессе (ст. 69 АПК РФ), по сути, очень схожа с преюдицией в гражданском судопроизводстве. Но есть и отличия, касающиеся преюдициальности административных правонарушений, которые, согласно требованиям ч.1 ст. 189 АПК РФ, рассматриваются в арбитражном суде в соответствии с общими правилами искового производства.

Следует отметить, что и в гражданском, и в арбитражном процессе без доказывания и правовой оценки принимаются факты, признанные обеими сторонами (ч. 2, ст. 68 ГПК РФ и ч. 2 ст. 70 АПК РФ). Эта процедура осуществляется по заявлению обеих сторон, оформляется в письменной форме и заносится в протокол судебного заседания. При этом, суд вправе отказать в принятии признанных фактов, о чем в гражданском процессе по этому поводу выносится отдельное определение, а в арбитражном – заносится в протокол.

Здесь необходимо учитывать, что признание фактов обеими сторонами может произойти и из корыстных побуждений. И тогда, в случае передачи таких судебных актов гражданского и (или) арбитражного судопроизводства в уголовный суд для рассмотрения соответствующего уголовного дела, это может повлечь за собой неправомерный приговор суда уже по уголовному делу. В таких ситуациях бывает достаточно сложно добиться правосудного решения, так как необходимо сначала возбудить уголовное дело о признании соответствующих фактов сфальсифицированными, довести его до вынесения приговора и только потом обратиться в гражданский или арбитражный суд для отмены соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу. Этот процесс достаточно длительный и может значительно увеличить сроки рассмотрения уголовного дела.

В административном судопроизводстве основания освобождения от доказывания закреплены ст. 64 КАС РФ. При этом они полностью идентичны нормам, закрепленным ст. 61 ГПК РФ и ст. 69 АПК РФ. Однако необходимо отметить, что положения ч. 2 ст. 64 КАС распространяются, в том числе, и на категорию лиц, в отношении которой установлены обстоятельства в ранее рассмотренных делах арбитражных и гражданских судов. К этой категории относятся, «...в частности, органы государственной власти, входящие в единую систему государственных органов (например, налоговые органы, таможенные органы и т.п.), должностные лица соответствующей системы государственных органов» (см. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 36 от 27 сентября 2016 г.¹²). Отличием

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»

между преюдициальностью фактов, установленных КАС РФ с одной стороны, и ГПК РФ и АПК РФ – с другой, является отсутствие положения о нотариально оформленных документах.

Заключение

Резюмируя сказанное выше, можно сделать вывод: преюдиция облегчает процесс доказывания обстоятельств в процессе судебного разбирательства, что существенно экономит время и силы участников процесса. Однако, представляя собой относительно новое явление в российском законодательстве, ее использование иногда вызывает определенные трудности, а при некорректном применении, – влечет ошибки при вынесении судебных решений. Как справедливо отметила Т. Пашкевич, на практике случаются ситуации, когда на стадии расследования следователи склоняются к так называемой «выборочной преюдиции», – к примеру, используют как преюдицию судебные акты арбитражных судов, вынесенные не в пользу обвиняемых [Пашкевич, www]. А итоговое решение о признании либо непризнании фактов, исследованных другим судом, остается на усмотрение суда, рассматривающего дело по существу. Такие двойные стандарты недопустимы при расследовании уголовного дела, на что должен обратить свое внимание законодатель. Следует разрешить проблему преодоления противоречий выводов о фактах, входящих в предмет доказывания одновременно по уголовным, арбитражным и гражданским делам, а именно устранить межотраслевую преюдицию как противоречащую нормам об оценке доказательств. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 23 июля 2018 г. № 1989-О, факты доказывания по другому делу могут иметь иное значение, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают. Суды в их исследовании ограничены своей компетенцией. Кроме того, в определении указано, что установленное судебными актами других судов обстоятельство не может быть обязательным, в том числе если этими актами дело по существу не разрешено.

Также было бы целесообразно ввести понятие преюдиции в те процессуальные кодексы, где оно напрямую не определено (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ). Кроме того, необходимо установить преюдициальность постановлений судов об административных правонарушениях в арбитражном судопроизводстве (по аналогии с ч.4 ст.61 ГПК РФ). Необходимы руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о возможности и целесообразности, а также порядке использования в доказывании фактов, установленных вступившим в законную силу решением суда.

Более глубокий анализ и разработка критериев применения норм преюдиции, их интеграция в российское судопроизводство остаются в компетенции ученых-правоведов и законодателей.

Библиография

1. Азаренок Н.В. Применение судами статьи 90 УПК РФ на современном этапе // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 13-17.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
3. Борисевич Г.Я. О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Выпуск 1 (23). С. 260-268.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
5. Каландаришвили Х.А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 204 с.
6. Каландаришвили Х.А., Иванов В.В., Днепровская М.А. Преюдициальное значение решений в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 5-15.

7. Карданец А.В. Преюдиции в российском праве (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 30.
8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 196-ФЗ.
10. Кузнеценко С.Ю. Особенности преюдиции в уголовно-процессуальном праве России. Отличие от института преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 25-28.
11. Лопатин С.А. Преюдиция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: реализация или преодоление. М.: Норма, 2022. 208 с.
12. Мальченко К.Н. Понятие преюдиции в современном гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 177.
13. Мацкевич П.Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Статут, 2020. 239 с.
14. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 октября 2014 г. № 308-ЭС14-91.
15. Пашкевич Т. Проблемы применения межотраслевой преюдиции. Почему редакцию ст. 90 УПК нельзя признать оптимальной. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemu-primeneniya-mezhotraslevoy-prejuditsii/>
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».
17. Решетникова И.В. Расширение преюдициальной связи судебных актов и раскрытие доказательств // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 1. С. 60-66.
18. Тарасов И.Н. К вопросу о преюдициальной связи судебных актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 41-45.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (ред. от 11.03.2024).
20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 11 марта 2024 г.).
21. Шарипова А.Р. Преюдиция в механизме конвергенции процессуальных отраслей (на примере производства по уголовным делам о налоговых преступлениях) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 161-167.

About the place of prejudice in procedural industries of Russian law

Ol'ga A. Martynova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Criminal Procedure Law,
Russian State University of Justice (Far Eastern Branch),
680000, 49, Vostochnoe highway, Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: olgamartynoff@mail.ru

Diana S. Dyadyaeva

Student,
Russian State University of Justice (Far Eastern Branch),
680000, 49, Vostochnoe highway, Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: dds16082002@gmail.com

Abstract

The rules of legal technology, their competent, consistent, expedient use, determine how high the level of development of law is in the state. Prejudice is one of these techniques of legal technique, a controversial and multifaceted technique, but at the same time, little studied and ambiguous. Prejudice translated from Latin (*praejudicio*) means “previous judicial decision.” The quintessence of prejudice is that the circumstances established by a previously made decision are used in a given

case before the court, without the need to prove them again. The article examines the issues of applying the institutions of prejudice in criminal, civil, arbitration, and administrative procedural legislation, compares them, identifies problems of law enforcement and ways to solve them. The relevance of this study is due to the fact that prejudice is a complex legal phenomenon, and its interdisciplinary nature is relatively new for domestic science, however, there is no official legislative definition in all of the above branches of law. The authors concluded that the judicial institutions of criminal procedure, civil procedure, arbitration procedure and administrative procedural law require unification and careful study, considering the specifics of various branches of legal proceedings. Methodological basis: along with the dialectical method, statistical and logical methods of cognition, the comparative legal method plays a special role.

For citation

Martynova O.A., Dyadyaeva D.A. (2024) O meste preyuditsii v protsessual'nykh otraslyakh rossiiskogo prava [About the place of prejudice in procedural industries of Russian law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 419-428. DOI: 10.34670/AR.2024.43.54.023

Keywords

Criminal process, civil process, administrative process, arbitration process, prejudice, limits of prejudice.

References

1. *Arbitrazhnyi protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ* [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ].
2. Azarenok N.V. (2018) Primenenie sudami stat'i 90 UPK RF na sovremennom etape [Application by courts of Article 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation at the present stage]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science], 4, pp. 13-17.
3. Borisevich G.Ya. (2014) O problemakh primeneniya stat'i 90 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF [On the problems of applying Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal science], 1 (23), pp. 260-268.
4. *Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ* [Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ].
5. Kalendarishvili Kh.A. (2021) *Prezumpsiya, preyuditsiya i fiktsiya v rossiiskom ugolovnom sudoroizvodstve. Doct. Dis.* [Presumption, prejudice and fiction in Russian criminal proceedings. Doct. Dis.]. Saratov.
6. Kalendarishvili Kh.A., Ivanov V.V., Dneprovskaya M.A. (2021) Preyuditsial'noe znachenie reshenii v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve [Prejudicial significance of decisions in Russian criminal proceedings]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. Series: Humanities and social sciences], 2, pp. 5-15.
7. Kardanets A.V. (2002) *Preyuditsii v rossiiskom prave (problemy teorii i praktiki). Doct. Dis.* [Prejudice in Russian law (problems of theory and practice). Doct. Dis.]. Nizhny Novgorod.
8. *Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii ot 08.03.2015 № 21-FZ* [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 03/08/2015 No. 21-FZ].
9. *Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 196-FZ* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 196-FZ].
10. Kuznechenko S.Yu. (2019) Osobennosti preyuditsii v ugolovno-protsessual'nom prave Rossii. Otlchie ot instituta preyuditsii v grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom protsessakh [Features of prejudice in the criminal procedural law of Russia. Difference from the institution of prejudice in civil, arbitration and administrative processes]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 9, pp. 25-28.
11. Lopatin S.A. (2022) *Preyuditsiya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiiskoi Federatsii: realizatsiya ili preodolenie* [Prejudice in criminal proceedings of the Russian Federation: implementation or overcoming]. Moscow: Norma Publ.
12. Mal'chenko K.N. (2015) Ponyatie preyuditsii v sovremennom grazhdanskom protsesse [The concept of prejudice in modern civil proceedings]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State

- Law Academy], 1 (102), p. 177.
13. Matskevich P.N. (2020) *Preyuditsiya v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [Prejudice in civil and administrative proceedings]. Moscow: Statut Publ.
 14. *Opredelenie SK po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda RF ot 15 oktyabrya 2014 g. № 308-ES14-91* [Determination of the Investigative Committee on economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 15, 2014 No. 308-ES14-91].
 15. Pashkevich T. *Problemy primeneniya mezhotraslevoi preyuditsii. Pochemu redaktsiyu st. 90 UPK nel'zya priznat' optimal'noi* [Problems of application of intersectoral prejudice. Why did the wording of Art. 90 of the Code of Criminal Procedure cannot be considered optimal]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-primeneniya-mezhotraslevoi-preyuditsii/> [Accessed 02/02/2024]
 16. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.09.2016 № 36 (red. ot 17.12.2020) «O nekotorykh voprosakh primeneniya sudami Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2016 No. 36 (as amended on December 17, 2020) "On some issues of the application by courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation"].
 17. Reshetnikova I.V. (2019) *Rasshirenie preyuditsial'noi svyazi sudebnykh aktov i raskrytie dokazatel'stv* [Expansion of the prejudicial connection of judicial acts and disclosure of evidence]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* [Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District], 1, pp. 60-66.
 18. Sharipova A.R. (2021) *Preyuditsiya v mekhanizme konvergentsii protsessual'nykh otraslei (na primere proizvodstva po ugovnym delam o nalogovykh prestupleniyakh)* [Prejudice in the mechanism of convergence of procedural branches (on the example of criminal proceedings on tax crimes)]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 1 (138), pp. 161-167.
 19. Tarasov I.N. (2018) *K voprosu o preyuditsial'noi svyazi sudebnykh aktov* [On the issue of prejudicial connection of judicial acts]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitration and civil process], 7, pp. 41-45.
 20. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. (red. ot 11.03.2024)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 (as amended on March 11, 2024)].
 21. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. 11 marta 2024 g.)* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on March 11, 2024)].

УДК 343.851

DOI: 10.34670/AR.2024.68.86.024

Развитие правового института предотвращения криминальных банкротств

Барабаш Андрей Сергеевич

Аспирант,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
e-mail: asbarabash@arbitr38.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности механизма предупреждения совершения преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрены ст. 195-197 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство). Детально рассмотрены обязанности арбитражного управляющего как ключевой фигуры любой процедуры банкротства в части превенции указанных составов преступления, полномочия иных субъектов в этой части. Результаты исследования показали наличие ряда действенных инструментов, которые позволяют снизить возможность совершения уголовно-наказуемых действий в рамках процедуры банкротства, но также предложены меры по улучшению данного механизма. Подводя итог, следует сказать, что современная практика взыскания с контролирующими должника лиц убытков (гл. III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») является актуальной и значимой мерой правового регулирования отношений в сфере банкротства и вместе с тем представляет собой некую гарантию защиты собственников (владельцев) бизнеса от негативных последствий действий указанных лиц, а также компенсационной мерой, направленной на восстановление имущественной сферы потерпевшего лица (лиц).

Для цитирования в научных исследованиях

Барабаш А.С. Развитие правового института предотвращения криминальных банкротств // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 429-437. DOI: 10.34670/AR.2024.68.86.024

Ключевые слова

Арбитражный управляющий, уголовное законодательство, экономические преступления, предупреждение преступлений, имущественное право.

Введение

Преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве – экономические составы преступления, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 195, 196, 197 УК РФ. Природа данных преступлений связана с причинением имущественного ущерба лицам, которые так или иначе принимают участие в отношениях несостоятельности. Как показывает практика, вред причиняется кредиторам, которыми в свою очередь являются как частные лица, так и государство в лице государственных органов, учреждений и организаций. Криминальные банкротства с точки зрения родового признака обоснованно занимают свое место среди экономических составов преступления, однако расследование и тем более предупреждение совершения такого рода преступлений имеют свою специфику.

Значительное отличие указанных составов преступления состоит в том, что меры уголовно-правового характера применяются к субъектам очень сложных отношений – отношений банкротства, в которых профильное законодательство, а вместе с ним и практика его применения, динамично развивается, имеет свойство изменяться в различных регионах и зависит от специфики лица, участвующего в таких отношениях. Уголовное законодательство не содержит специальных терминов, а применение норм ст. 195, 196, 197 УК РФ невозможно без применения норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, многочисленных разъяснений высших судебных инстанции о его правильном толковании и применении. За последние пять лет закон о банкротстве претерпел множество редакций, большинство из которых касается вопросов регулирования имущественных отношений кредиторов, должников, иных участвующих в деле о банкротстве лиц, вопросов реализации имущества должника и иных важных вопросов, связанных с совершением криминальных банкротств. Изменились и норма гражданского законодательства, регулирующие имущественную ответственность за совершение неправомерных действий, в том числе и в рамках процедур банкротства. Указанные изменения, безусловно, необходимо учитывать в процессе деятельности по противодействию совершению криминальных банкротств. Тем не менее, массив средств предупреждения рассматриваемых составов преступления устоялся на практике и является довольно обширным [Митин, Киброева, Козловская, 2020].

Основная часть

Государственная политика противодействия криминальному банкротству осуществляется на основе действующего законодательства, и законодателем установлен ряд превентивных мер.

Так, Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» предусмотрено следующее:

Процедура выявления арбитражным управляющим признаков преднамеренного банкротства в действиях должника, контролирующего должника лица выполняется в 2 этапа. Первый этап заключается в анализе значений и динамики коэффициентов, характеризующих финансовое состояние, наличие активов, платежеспособность, рассчитанных за исследуемый период в соответствии с правилами проведения арбитражным управляющим финансового анализа, утвержденными Правительством Российской Федерации (как правило, при анализе

используются данные за 3 года с даты подачи заявления о признании должника банкротом). Если арбитражным управляющим выявлено существенное ухудшения значений 2 и более коэффициентов только тогда управляющий может переходить ко второму этапу. Дальнейший анализ арбитражный управляющий осуществляет посредством изучения условий сделок должника, заключенных за указанный период, процедуры их заключения, отношений с контрагентами, в том числе с кредитными организациями, корпоративных решений участников должника либо самого должника, и прочих действий, которые привели к такому существенному ухудшению финансового состояния. В рамках анализа сделок должника устанавливается соответствие сделок и действий (бездействия) органов управления должника законодательству Российской Федерации, целям процедуры банкротства и самое главное-интересам как должника, так и кредиторов. Анализ сделок должника заключается в сравнении условий этой сделки, условиям, которые обычно включаются в подобного рода сделки (особое внимание уделяется стоимости сделки и соответствию ее рыночной стоимости). В рамках проведенного анализа управляющий должен прийти к выводу о том, что такие сделки привели или не привели к ухудшению финансового состояния или к появлению неплатежеспособности и прочих негативных имущественных последствий.

Определение признаков фиктивного банкротства производится в случае возбуждения процедуры банкротства. Процедура анализа коэффициентов при проверке признаков фиктивного банкротства аналогично процедуре признаков преднамеренного банкротства, но управляющий при этом делает акцент на имущественной обособленности должника, наличии и стоимости активов дебиторской и кредиторской задолженности и прочих данных, свидетельствующих о наличии имущества должника в достаточном объеме. В случае если анализ значений и динамики коэффициента абсолютной ликвидности, коэффициента текущей ликвидности, показателя обеспеченности обязательств должника его активами, а также степени платежеспособности по текущим обязательствам должника указывает на наличие у должника возможности удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) об уплате обязательных платежей без существенного осложнения или прекращения хозяйственной деятельности, делается вывод о наличии признаков фиктивного банкротства должника.

По результатам проверки арбитражным управляющим составляется заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. Указанное заключение арбитражный управляющий приобщает в материалы дела, предоставляет его собранию кредиторов или комитету кредиторов.

-Для выявления признаков преднамеренного банкротства, выполняется сложная процедура, состоящая из двух этапов. Эта процедура, регулируемая законодательством и проводимая арбитражными управляющими, имеет целью обеспечить справедливость и эффективность процесса банкротства, защиту интересов обоснования и предотвратить злоупотребление правом. На первом этапе проводится анализ показателей и динамики коэффициентов, которые характеризуют финансовую платежеспособность должника. Этот анализ включает в себя оценку различных аспектов, таких как абсолютная и текущая ликвидность, обеспеченность активами и степень платежеспособности по текущим обязательствам. Важное замечание: эти правила приняты в соответствии с утвержденными Правительством Российской Федерации правилами проведения финансового анализа. Параллельно с анализом финансовых показателей также изучается проведение сделок, совершенных долгов и их обеспечение. Эта проверка направлена на выявление сделок, которые были заключены или исполнены на условиях, не

соответствующих рыночным условиям. Такая сделка может стать причиной увеличения неплатежеспособности должника и причинить ему реальный ущерб в денежной форме. В случае выявления значительного ухудшения финансовых показателей или выявления подозрительных сделок, дальше – определение признаков фиктивного банкротства. Этот этап может быть реализован в случае возникновения поступка о банкротстве по заявлению самого должника. Проводится анализ показателей и коэффициентов динамики в соответствии с принятыми арбитражными управляющими правилами. Если результаты анализа показывают, что необходимо поддерживать требования кредиторов и корректировать обязательные платежи без значительных затруднений или ограничений в хозяйственной деятельности, это может свидетельствовать о наличии признаков фиктивного банкротства.

По завершению проверки арбитражным управляющим делается вывод о наличии или отсутствии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. Этот вывод является основой для принимаемых решений по делу о банкротстве и обеспечению справедливого разрешения споров между всеми лицами, участвующими в деле о банкротстве.

В целом, выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства арбитражным управляющим — это сложный и ответственный процесс, требующий тщательного анализа финансовых данных и сделок должника. Однако он играет ключевую роль в обеспечении справедливости и эффективности процедур банкротства, что в конечном счете соблюдает интересы всех иностранных сторон [Микова, 2019].

Важно отметить, что при выявлении признаков преднамеренного или фиктивного банкротства арбитражный управляющий обязан проинформировать кредиторов и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве (в том числе сделать публикацию в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, что предполагает публичное оповещение об указанных обстоятельствах).

Обязанность арбитражного управляющего в процедуре несостоятельности по выявлению признаков преднамеренного и фиктивного банкротства должника прямо предусмотрена Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (абзац шестой пункта 2 статьи 20.3, пункт 3 статьи 189.32, подпункт 9 пункта 3 статьи 189.78, абзац четвертый пункта 8 статьи 213.9 Закона о банкротстве). Особое место в ряде норм банкротного законодательства об обязанностях арбитражного управляющего занимает положения об обязательном проведении арбитражным управляющим финансового анализа состояния должника (в рамках подготовки арбитражных управляющих отдельный блок вопросов касается именно вопросов аудита и финансового анализа должника).

Проведение указанной экспертизы для целей выявления признаков преднамеренного (фиктивного) банкротства является одним из важных инструментов защиты прав конкурсных кредиторов.

Однако существующие положения гл. II Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», посвященные предупреждению банкротства, равно как и смежные нормы носят несколько декларативный характер, нежели закрепляют безукоризненно работающий механизм. В этой части требуется дальнейшее совершенствование системы мер и процедур предупреждения банкротства для того, чтобы стимулировать участников гражданского оборота к принятию решения или совершению реальных действий, направленных на восстановление платежеспособности и предотвращение несостоятельности (банкротства). Кроме того, криминологическая экспертиза законопроектов и нормативных актов, принимаемых в сфере банкротства и противодействия этим преступлениям, может сыграть решающую роль в

общественном предотвращении преднамеренного и фиктивного банкротства. Причем видится целесообразным участие в этих процессах представителей налоговых органов, кредитных организаций, представителей Росреестра, поскольку как показывает практика данные субъекты довольно активно отстаивают нарушенные права кредиторов в рамках процедур банкротства. Однако до настоящего времени этот вопрос так и не решен на законодательном уровне.

Специально-криминологический уровень предупреждения характеризуется совокупностью мер, непосредственно направленных на устранение либо нейтрализацию причин преступности в целом и условий, ей способствующих, а также причин и условий банкротных преступлений. Указанные меры применяются субъектами, непосредственно осуществляющими предупреждение преднамеренного и фиктивного банкротства, к которым относятся правоохранительные органы (органы внутренних дел, Следственный комитет РФ, Прокуратура РФ, суды) и контролирующие органы (органы Росреестра, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Центральный банк РФ и др.), а также иные организационные структуры [Босхолов, Иванова, 2022].

Взаимодействие субъектов предупреждения криминального банкротства реализуется в том числе путем проведения согласованных мероприятий, направленных на нейтрализацию и устранение детерминант преступлений, предусмотренных ст. 196, 197 УК РФ (это экономические, политические, социальные и правовые, социально-психологические детерминанты). Думается, что к числу таких мероприятий можно отнести выработку и усовершенствование методики расследования криминальных банкротств, дистанционный мониторинг (контроль) деятельности хозяйствующих субъектов путем изучения информации на их сайтах (если таковые имеются), в средствах массовой информации, других общедоступных источниках, анализ и диагностику их финансового состояния и платежеспособности, а также мероприятия по повышению уровня профессиональной подготовки и служебной дисциплины сотрудников органов внутренних дел, выполняющих задачи по выявлению, пресечению и раскрытию криминальных банкротств.

Ввиду отсутствия высокоэффективных мер ответственности лиц, виновных в причинении ущерба должникам в рамках процедур банкротства, принципиальным является назначение в процедуре банкротства как минимум юридических лиц арбитражного управляющего, аккредитованного при Минэкономразвития РФ или ином профильном государственном органе. При этом, в целях прохождения такой аккредитации арбитражный управляющий должен соответствовать обязательным требованиям закона о банкротстве, предъявляемым к кандидатурам управляющих, а также дополнительным более жестким условиям.

Среди действенных средств предупреждения преступлений в сфере банкротства важное место занимают такие механизмы как взыскание убытков и привлечение к субсидиарной ответственности. Суть указанных процедур сводится к минимизации имущественного вреда от преднамеренного, фиктивного банкротства или неправомерных действий при банкротстве, и данный подход видится альтернативой привлечения к уголовной ответственности. В рамках взыскания убытков возможно обязать виновное лицо возместить имущественный от конкретного действия в конкретном размере (например, при выводе активов должника возместить стоимость отчужденного неправомерным путем имущества). Говоря о привлечении к субсидиарной ответственности, установлению подлежат действия, которые были направлены на возникновение состояния банкротства должника, а карательный элемент состоит в обязанности виновного лица отвечать перед кредиторами должника по всем его обязательствам [Улезько,

2020].

Особенность механизма привлечения к субсидиарной ответственности согласно сложившейся судебной практике заключается в том, что санкции могут быть применены не только в отношении бенефициаров или контролирующих должника лиц, но и отдельные органы и организации, если виновные действия совершены указанными лицами. Так, Постановлением по делу № А60-27863/2014 от 28.08.2018, к субсидиарной ответственности привлекли территориальное подразделение Министерства имущественных отношений РФ - за то, что продолжительное время не назначало директора у своего дочернего АО, лишив его тем самым возможности рассчитаться с кредиторами и подать заявление о банкротстве. Довод ответчика, что долгое время не было желающих занять вакантную должность судьи отклонили тем, что в этом случае заявление о банкротстве должно было подать само Росимущество. Постановлением по делу № А60-1753/2016 от 21.08.2018, к субсидиарной ответственности привлекли Комитет по управлению муниципальным имуществом в связи с изъятием у подконтрольного МУПа необходимые ему активы и передал их другому лицу. Постановлением по делу № А76-25213/2015 от 20.11.2018, к субсидиарной ответственности привлекли Муниципальное образование «Областной город» за то, что стоимость проезда у подконтрольного транспортного предприятия-банкрота была установлена ниже рыночного уровня.

В целом судебная практика демонстрирует, что кредиторы и иные участвующие в процедуре банкротства лица довольно часто используют указанные инструменты.

Нужно акцентировать внимание на том, что данный гражданско-правовой инструментарий касается только имущественных взысканий, и не предполагает того эффекта, который возможен при назначении уголовного наказания. Указанное положение видится справедливым, поскольку главная цель наказания как такового достигается – имущественный ущерб подлежит возмещению, а права участников процедуры банкротства (в большей части имущественные) подлежат восстановлению [Карелина, 2020].

Но не смотря на наличие некоторых инструментов и процедур, направленных на предупреждение преступлений в сфере банкротств, в доктрине высказываются различные идеи относительно улучшения механизма предотвращения совершения преступлений данной категории. Так, общая позиция сводится к изменению не только уголовного, но и гражданского законодательства, которое очень тесно связано с отношениями банкротства [Улезько, 2020]. В частности, есть мнение относительно необходимости введения более жестких мер по контролю и надзору финансовой и хозяйственной деятельности компаний для предупреждения совершения криминальных банкротств в рамках процедур несостоятельности юридических лиц. Причем эффективность таких мер будет наблюдаться лишь в том случае, когда контролирующие должника лица будут обязаны проводить такие меры самостоятельно в текущем порядке. Среди таких мер видится внедрение концепции антибанкротного комплаенса, направленного, в т.ч., на предотвращение ответственности контролирующих лиц применительно к формированию структуры бизнеса, корпоративным решениям, совершаемым сделкам. Особое внимание стоит уделить достоверности и полноте документов бухгалтерской отчетности, соблюдению требований налогового законодательства, поскольку во многих случаях инициатором привлечения контролирующих лиц к уголовной ответственности являются налоговые органы. Указанную концепцию вполне возможно применять как частных организациях, так и в организациях с государственным участием, тем самым предотвращая неблагоприятные экономические последствия и снижая риски наступления несостоятельности в целом.

Также видится целесообразным систематический мониторинг руководством должника на предмет наличия признаков несостоятельности, предпосылок для преднамеренного и фиктивного банкротства. Полученное в результате проверки заключение о наличии (отсутствии) признаков несостоятельности, фиктивного или преднамеренного банкротства предлагается представлять в надзорные органы (используя механизм, предусмотренный Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства»).

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что современная практика взыскания с контролируемых должника лиц убытков (гл. III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») является актуальной и значимой мерой правового регулирования отношений в сфере банкротства и вместе с тем представляет собой некую гарантию защиты собственников (владельцев) бизнеса от негативных последствий действий указанных лиц, а также компенсационной мерой, направленной на восстановление имущественной сферы потерпевшего лица (лиц).

Библиография

1. Босхолов С.С., Иванова А.И. Основные направления противодействия преднамеренному и фиктивному банкротству // Всероссийский криминологический журнал. 2022. 16 (1). С. 7-17.
2. Карелина С.А. (ред.) Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения. М.: Юстицинформ, 2020. 360 с.
3. Микова Е.Б. Субъективные признаки преднамеренного и фиктивного банкротств // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 50-56.
4. Митин А.В., Киброева А.А., Козловская М.А. К вопросу о криминологической характеристике криминального банкротства в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-4. С. 6-10.
5. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: (ред. от 25.12.2023).
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А60-1753/2016 от 21.08.2018.
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А60-27863/2014 от 28.08.2018.
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А76-25213/2015 от 20.11.2018.
9. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства».
10. Улезько Г.С. Некоторые проблемы правоприменительной практики фиктивных и преднамеренных банкротств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 183-186.
11. Улезько Г.С. Уголовно наказуемое преднамеренное и фиктивное банкротство: законодательная регламентация и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020. 27 с.

Development of the legal institution for preventing criminal bankruptcies

Andrei S. Barabash

Postgraduate,
Baikal State University,
664003, 11, Lenina str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: asbarabash@arbitr38.ru

Abstract

The article discusses the features of the mechanism for preventing the commission of crimes, the responsibility for the commission of which is provided for in Art. 195-197 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal actions in bankruptcy, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy). The duties of the arbitration manager as a key figure in any bankruptcy procedure in terms of preventing the specified elements of crime, and the powers of other entities in this part are considered in detail. The results of the study showed the presence of a number of effective tools that can reduce the possibility of committing criminal acts within the framework of the bankruptcy procedure, but also proposed measures to improve this mechanism. To summarize, it should be said that the modern practice of collecting losses from persons controlling the debtor (Chapter III.2 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)") is a relevant and significant measure of legal regulation of relations in the field of bankruptcy and at the same time represents a certain guarantee protection of business owners (owners) from the negative consequences of the actions of these persons, as well as a compensatory measure aimed at restoring the property sphere of the injured person (persons).

For citation

Barabash A.S. (2024) Razvitiye pravovogo instituta predotvrashcheniya kriminal'nykh bankrotstv [Development of the legal institution for preventing criminal bankruptcies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 429-437. DOI: 10.34670/AR.2024.68.86.024

Keywords

Arbitration manager, criminal law, economic crimes, crime prevention, property law.

References

1. Boskholov S.S., Ivanova A.I. (2022) Osnovnye napravleniya protivodeistviya prednamerennomu i fiktivnomu bankrotstvu [The main directions of counteracting deliberate and fictitious bankruptcy]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 16 (1), pp. 7-17.
2. Karelina S.A. (ed.) (2020) *Institut nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v pravovoi sisteme Rossii i zarubezhnykh stran: teoriya i praktika pravoprimereniya* [The Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: Theory and Practice of Law Enforcement]. Moscow: Yustitsinform Publ.
3. Mikova E.B. (2019) Sub"ektivnye priznaki prednamerennogo i fiktivnogo bankrotstv [Subjective signs of deliberate and fictitious bankruptcy]. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedural and forensic readings], 2 (24), pp. 50-56.
4. Mitin A.V., Kibroeva A.A., Kozlovskaya M.A. (2020) K voprosu o kriminologicheskoi kharakteristike kriminal'nogo bankrotstva v Rossiiskoi Federatsii [On the issue of criminological characteristics of criminal bankruptcy in the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 12-4, pp. 6-10.
5. *O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): federal'nyi zakon ot 26 okt. 2002 g. № 127-FZ: (red. ot 25.12.2023)* [On insolvency (bankruptcy): federal law of October 26, 2002 No. 127-FZ: (as amended on December 25, 2023)].
6. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga po delu № A60-1753/2016 ot 21.08.2018* [Resolution of the Arbitration Court of the Ural District in case No. A60-1753/2016 dated 08/21/2018].
7. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga po delu № A60-27863/2014 ot 28.08.2018* [Resolution of the Arbitration Court of the Ural District in case No. A60-27863/2014 dated August 28, 2018].
8. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga po delu № A76-25213/2015 ot 20.11.2018* [Resolution of the Arbitration Court of the Ural District in case No. A76-25213/2015 dated November 20, 2018].
9. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 2004 g. № 855 «Ob utverzhdenii Vremennykh pravil proverki arbitrazhnym upravlyayushchim nalichiya priznakov fiktivnogo i prednamerennogo bankrotstva»* [Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2004 No. 855 "On approval of the Temporary Rules for

-
- checking by an arbitration manager for signs of fictitious and deliberate bankruptcy”].
10. Ulez'ko G.S. (2020) Nekotorye problemy pravoprimeritel'noi praktiki fiktivnykh i prednamerennykh bankrotstv [Some problems of law enforcement practice of fictitious and deliberate bankruptcies]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 2, pp. 183-186.
 11. Ulez'ko G.S. (2020) *Ugolovno nakazuemoe prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstvo: zakonodatel'naya reglamentatsiya i praktika primeneniya. Doct. Dis.* [Criminally punishable intentional and fictitious bankruptcy: legislative regulation and application practice. Doct. Dis.]. Groznyi.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.99.82.038

**Дальнейшее расширение понятийного аппарата в сфере
противодействия незаконному обороту огнестрельного
оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных
устройств в российском уголовном праве**

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Корнев Александр Сергеевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Липецкий филиал),
398050, Российская Федерация, Липецк, ул. Интернациональная, 3;
e-mail: kornev_as48@mail.ru

Пилякин Максим Иванович

Кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Московский областной филиал),
143100, Российская Федерация, Рузский городской округ, п. Старотеряево;
e-mail: pimaks81@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена теме дальнейшего расширения понятийно-категориального аппарата в сфере противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в российском уголовном праве. В ней рассматриваются основные понятия и принципы, связанные с данными видами противоправной деятельности, а также анализируются существующие нормативный правовые акты, регулирующие указанный вид преступлений. Особое внимание уделено

анализу Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, а также разработке новых механизмов и инструментов, способствующих эффективному противодействию этому виду преступности и повышению безопасности в обществе. Работа также описывает меры по укреплению контроля за оборотом огнестрельного оружия и взрывчатых материалов, а также оценивает их эффективность на сегодняшний день. Представленный материал посвящен вопросу определения понятий крупнокалиберного огнестрельного оружия применительно к нормам уголовного права и криминалистической теории судебной баллистики и незаконной пересылки огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему. Также предложено конкретизировать понятие: «крупнокалиберное огнестрельное оружие», изложенное в Приложении № 2 к статье 222.2 УК РФ, или ввести данное понятие в статью 1 ФЗ «Об оружии».

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Корнев А.С., Пилякин М.И. Дальнейшее расширение понятийного аппарата в сфере противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в российском уголовном праве // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 438-445. DOI: 10.34670/AR.2024.99.82.038

Ключевые слова

Уголовный кодекс РФ, общественная безопасность, противодействие незаконному обороту, уголовная ответственность, огнестрельное оружие, крупнокалиберное огнестрельное оружие, калибр, станковое оружие, ручное боевое стрелковое оружие, незаконная пересылка.

Введение

Российское уголовное право непрерывно развивается и адаптируется к современным вызовам и угрозам. В последние годы особое внимание уделяется противодействию незаконному обороту огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Это связано с тем, что такие предметы являются серьезной угрозой для общественной безопасности и могут быть использованы для совершения преступлений.

Однако, понятийный аппарат российского уголовного права не всегда полностью отражает все виды запрещенных деяний в этой сфере. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего расширения понятийного аппарата для более эффективной борьбы с незаконным оборотом указанных предметов. Такое расширение позволит закрыть юридические лазейки и обеспечить более жесткую ответственность за нарушения в данной области.

Основное содержание

В Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) Федеральным законом от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была введена статья 222.2 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему». В

примечании № 2 к данной статье (далее по тексту – Примечание № 2) дано понятие «крупнокалиберного огнестрельного оружия». Так, согласно примечанию под крупнокалиберным оружием для целей рассматриваемой статьи и других статей УК РФ понимается оружие (за исключением гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия) калибра от 20 мм и более.

Важно отметить, что законодатель путем введения данной нормы в УК РФ явно принял санкционные меры по усилению ответственности за незаконный оборот именно крупнокалиберного огнестрельного оружия, фактически выводя его из гипотезы статьи 222 УК РФ.

При этом Примечание № 2 к статье 222.2 УК РФ не конкретизирует конкретный тип крупнокалиберного огнестрельного оружия (например, ручное стрелковое или станковое, нарезное или гладкоствольное), но оговаривает, что исключается уголовная ответственность по указанной норме за незаконный оборот гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия. Из этого следует, что конструкция рассматриваемого понятия, изложенного в Приложении № 2, явно привязана к классификации типов и видов оружия, изложенной в Федеральном законе «Об оружии» (далее по тексту – ФЗ «Об оружии»). Однако в данном законе как основном документе российского правового поля, регламентирующем вопросы оборота оружия, в том числе огнестрельного, понятие крупнокалиберного огнестрельного оружия вообще не разъясняется. Очевидно, что понятие крупнокалиберного огнестрельного оружия в той форме, какой она изложена в Приложении № 2, не совсем корректна, тем более что она идет в разрез с позицией, изложенной в иных официальных источниках.

Так, согласно ГОСТ Р 51888-2002 «Государственный стандарт Российской Федерации. Оружие гражданское и служебное огнестрельное и газовое. Классификация» под крупнокалиберным огнестрельным оружием необходимо понимать «крупнокалиберное огнестрельное оружие: нарезное огнестрельное оружие калибра свыше 9 и не более 20 мм, гладкоствольное оружие калибра свыше 16 мм».

ГОСТ 28653-2018 «Межгосударственный стандарт. Оружие стрелковое. Термины и определения» было дано несколько иное разъяснение понятию крупнокалиберного стрелкового оружия: «нарезное стрелковое оружие калибра свыше 9 мм». Согласно этому же стандарту огнестрельное оружие является разновидностью стрелкового.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что санкция статьи 222.2 УК РФ предусматривает ответственность за незаконный оборот стрелкового огнестрельного оружия калибра свыше 20 мм. Под данный критерий не попадает не только гражданское огнестрельное и служебное огнестрельное оружие, как указано в Приложении № 2 к данной статье, но и ручное боевое огнестрельное оружие. Принцип его конструирования предусматривает использование образца с удержанием в обеих руках, с опорой на сошку или с упором приклада оружия в плечо. Кроме того, к стрелковому огнестрельному оружию калибром свыше 20 мм уже относятся артиллерийские образцы оружия, которые к ручному не относятся.

Очевидно, чтобы избежать двусмысленности толкования термина «крупнокалиберного огнестрельного оружия» в отечественном правовом поле, необходимо конкретизировать понятие, изложенное в Приложении № 2 к статье 222.2 УК РФ, или ввести данное понятие в статью 1 ФЗ «Об оружии» в следующей редакции: «крупнокалиберное огнестрельное оружие – это комплекс, включающий ствольное огнестрельное оружие калибра 20 мм и более, а также боеприпасы к нему, конструктивно предназначенный для сообщения направленного движения метаемому снаряжению для поражения живой или иной цели».

Так же ранее обозначенным Федеральным законом от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ были приняты поправки в ст. 222, 222.1 УК РФ, путем включения в их гипотезу еще одного уголовно наказуемого деяния в отношении огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов – пересылки. Данный вид деяния обозначен как уголовно-наказуемый и применительно к крупнокалиберному оружию, его основных частей и боеприпасов (ст.222.2 УК РФ). Примечательно, что если в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12.03.2002 года «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ» дается разъяснение большинству запрещенных деяний в отношении огнестрельного оружия (например, незаконные приобретение, хранение, ношение, сбыт, покупка, изготовление и т.д.), его основных веществ и боеприпасов, то какая-либо интерпретация понятия незаконной пересылки в тексте Пленума до сих пор отсутствует.

Тем не менее, в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под незаконной пересылкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества понимаются действия лица, направленные на перемещение указанных объектов адресату (например, в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта, а также с нарочным при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его сговора с отправителем), когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя. Представляется что основа данной интерпретации понятия незаконной пересылки, применительно к огнестрельному оружию, его основным частям, а также боеприпасом к нему также является актуальной. Поэтому считаем целесообразным полагать, что под незаконной пересылкой огнестрельного оружия, его основных частей, а также боеприпасов к нему следует понимать действия лица, направленные на перемещение указанных объектов как внутри территории Российской Федерации, так непосредственно с территории иных государств адресату (например, в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта, а также с нарочным, доставщиком, сотрудника службы курьерской доставки, при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его сговора с отправителем), когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя.

Заключение

В заключение, следует отметить, что дальнейшее расширение понятийного аппарата в сфере противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в российском уголовном праве является необходимым шагом

¹ Федеральный закон от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>, 01.07.2021.

для обеспечения безопасности граждан и общественной стабильности. Угроза террористическим актам и преступлениям, связанным с использованием указанных средств, становится все более актуальной, и власти должны активно работать над усовершенствованием законодательства и оперативных мер по предотвращению таких преступлений.

Важно также отметить, что современные технологии и развитие интернета создают новые возможности для незаконного оборота указанных средств и усугубляют сложность задачи борьбы с этим явлением. Поэтому необходимо постоянно совершенствовать понятийный аппарат и правовые механизмы для эффективного противодействия современным угрозам.

В целом, расширение понятийного аппарата в данной сфере является важным шагом для повышения эффективности уголовно-правового регулирования и обеспечения безопасности общества. Только путем постоянного совершенствования законодательства и оперативных мер можно добиться реального успеха в борьбе с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Библиография

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 01.07.2021. (дата обращения: 01.06.2023).
3. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об оружии» // Российская газета. 18.12.1996. № 241.
4. ГОСТ Р 51888-2002 «Государственный стандарт Российской Федерации. Оружие гражданское и служебное огнестрельное и газовое. Классификация» Принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 25.04.2002 № 171-ст. М. : ИПК Издательство стандартов, 2002.
5. Межгосударственный стандарт ГОСТ 28653-2018 «Межгосударственный стандарт. Оружие стрелковое. Термины и определения». Принят и введен в действие в качестве национального стандарта Российской Федерации с 1 июля 2019 г. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 января 2019 г. № 1-ст взамен ГОСТ 28653-90.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // «Российская газета», № 48, 19.03.2002.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // «Российская газета», № 137, 28.06.2006.
8. Виноградов, А. В. Историко-правовые аспекты развития уголовного законодательства о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия / А. В. Виноградов, Е. Ю. Суховецкая // Проблемы юриспруденции : сборник научных статей и тезисов / Министерство образования и науки РФ; Новосибирский государственный технический университет; под ред. С.А. Полякова. Том Выпуск 9. – Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2016. – С. 31-38. – EDN VXYXZN.
9. Денисов, Д. М. Современные аспекты и меры по профилактике незаконного оборота оружия (боеприпасов) на основе краткого анализа опроса осужденных лиц / Д. М. Денисов // Право: история и современность. – 2021. – № 1(14). – С. 76-90. – DOI 10.17277/pravo.2021.01.pp.076-090. – EDN KZHVHX.
10. Зайцева, Е. В. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному обороту оружия и его применению при совершении преступлений : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зайцева Екатерина Васильевна. – Омск, 2015. – 22 с. – EDN YQKMVB.
11. Кокин, Д. М. Некорыстный оборот оружия: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кокин Дмитрий Михайлович. – Санкт-Петербург, 2016. – 23 с. – EDN ZQVMFP.
12. Сидоренко, Ю. В. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов (ст. 222 УК РФ) : Учебное пособие / Ю. В. Сидоренко. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – 47 с. – ISBN 978-5-00094-077-8. – EDN VTGVFR.

13. Усейнов, М. И. Некоторые вопросы о перспективах совершенствования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка / М. И. Усейнов // Государственно-правовые исследования. – 2022. – № 5. – С. 143-148. – DOI 10.20310/2658-5383-2022-5-143-148. – EDN HIWAEJ.
14. Шестаков, А. Н. Проблемы уголовно-правового регулирования оборота оружия / А. Н. Шестаков // Синергия Наук. – 2022. – № 74. – С. 74-107. – EDN TVNLJF.
15. Четвертакова, Е. Ю. О зарубежном опыте регламентации уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств / Е. Ю. Четвертакова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 4(66). – С. 120-127. – EDN YAAGHZ.

Further expansion of the conceptual apparatus in the field of combating illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives and explosive devices in Russian criminal law

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Aleksandr S. Kornev

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk branch),
398050, 3, Internatsionalnaya str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: kornev_as48@mail.ru

Maksim I. Pilyakin

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminalistics,
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
(Moscow regional branch),
143100, Staroteryaev village, Ruzsky city district, Russian Federation,
e-mail: pimaks81@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the topic of further expansion of the conceptual and categorical apparatus in the field of combating illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives and

explosive devices in Russian criminal law. It examines the basic concepts and principles associated with these types of illegal activities, and also analyzes existing regulatory legal acts regulating this type of crime. Particular attention is paid to the analysis of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the development of new mechanisms and tools to effectively combat this type of crime and improve safety in society. The work also describes measures to strengthen controls over the circulation of firearms and explosives, and evaluates their effectiveness to date. The presented material is devoted to the issue of defining the concepts of large-caliber firearms in relation to the norms of criminal law and the forensic theory of forensic ballistics and the illegal transfer of firearms, their main parts and ammunition. It is also proposed to specify the concept: "large-caliber firearms", set out in Appendix No. 2 to Article 222.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, or to introduce this concept into Article 1 of the Federal Law "On Weapons".

For citation

Novikov A.V., Kornev A.S., Pilyakin M.I. (2024) Dal'neishee rasshirenie ponyatiinogo apparata v sfere protivodeistviya nezakonnomu oborotu ognestrel'nogo oruzhiya, boepripasov, vzryvchatykh veshchestv i vzryvnykh ustroystv v rossiiskom ugolovnom prave [Further expansion of the conceptual apparatus in the field of combating illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives and explosive devices in Russian criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 438-445. DOI: 10.34670/AR.2024.99.82.038

Keywords

Criminal Code of the Russian Federation, public safety, combating illicit trafficking, criminal liability, firearms, large-caliber firearms, caliber, easel weapons, hand-held combat weapons, illegal shipment.

References

1. «Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 28.04.2023) // KonsultantPlyus.
2. Federal'nyy zakon ot 01.07.2021 № 281-FZ «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://pravo.gov.ru>, 01.07.2021. (data obrashcheniya: 01.06.2023).
3. Federal'nyy zakon ot 13.12.1996 № 150-FZ (red. ot 06.02.2023) «Ob oruzhii» // Rossiyskaya gazeta. 18.12.1996. № 241.
4. GOST R 51888-2002 «Gosudarstvennyy standart Rossiyskoy Federatsii. Oruzhiye grazhdanskoye i sluzhebnoye ognestrel'noye i gazovoye. Klassifikatsiya» Prinyat i vveden v deystviye Postanovleniyem Gosstandarta Rossii ot 25.04.2002 № 171-st. M. : IPK Izdatel'stvo standartov, 2002.
5. Mezhhgosudarstvennyy standart GOST 28653-2018 «Mezhhgosudarstvennyy standart. Oruzhiye strelkovoye. Terminy i opredeleniya». Prinyat i vveden v deystviye v kachestve natsional'nogo standarta Rossiyskoy Federatsii s 1 iyulya 2019 g. prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 10 yanvarya 2019 g. № 1-st vzamen GOST 28653-90.
6. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 12.03.2002 № 5 (red. ot 11.06.2019) «O sudebnoy praktike po delam o khishchenii, vymogatel'stve i nezakonnom oborote oruzhiya, boepripasov, vzryvchatykh veshchestv i vzryvnykh ustroystv» // «Rossiyskaya gazeta», № 48, 19.03.2002.
7. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.06.2006 № 14 (red. ot 16.05.2017) «O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narkoticheskimi sredstvami, psikhotropnymi, sil'nodeystvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami» // «Rossiyskaya gazeta», № 137, 28.06.2006.
8. Vinogradov, A. V. Istoriko-pravovyye aspekty razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva o prestupleniyakh, svyazannykh s nezakonnym oborotom oruzhiya / A. V. Vinogradov, Ye. YU. Sukhovetskaya // Problemy yurisprudentsii : sbornik nauchnykh statey i tezisov / Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF; Novosibirskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet; pod red. S.A. Polyakova. Tom Vypusk.

9. Novosibirsk : Novosibirskiy gosudarstvennyy tekhnicheskoy universitet, 2016. – S. 31-38. – EDN VXYXZN. 9. Denisov, D. M. Sovremennyye aspekty i mery po profilaktike nezakonnoy oboroty oruzhiya (boyepripasov) na osnove kratkogo analiza oprosa osuzhdennykh lits / D. M. Denisov // Pravo: istoriya i sovremennoy'. – 2021. – № 1(14). – S. 76-90. – DOI 10.17277/pravo.2021.01.pp.076-090. – EDN KZHVHX.
10. Zaytseva, Ye. V. Ugolovno-pravovyye sredstva protivodeystviya nezakonnomu oborotu oruzhiya i yego primeneniya pri sovershenii prestupleniy : spetsial'nost' 12.00.08 "Ugolovnoye pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noye pravo" : avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Zaytseva Yekaterina Vasil'yevna. – Omsk, 2015. – 22 s. – EDN YQKMVB.
11. Kokin, D. M. Nekorystnyy oborot oruzhiya: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika : spetsial'nost' 12.00.08 "Ugolovnoye pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noye pravo" : avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Kokin Dmitriy Mikhaylovich. – Sankt-Peterburg, 2016. – 23 s. – EDN ZQVMFP.
12. Sidorenko, YU. V. Nezakonnyye priobreteniya, peredacha, sbyt, khraneniye, perevozka ili nosheniye ognestrel'nogo oruzhiya, yego osnovnykh chastey, boyepripasov (st. 222 UK RF) : Uchebnoye posobiye / YU. V. Sidorenko. – Irkutsk: Irkutskiy institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 2016. – 47 s. – ISBN 978-5-00094-077-8. – EDN VTGVFR.
13. Useynov, M. I. Nekotoryye voprosy o perspektivakh sovershenstvovaniya ugolovnoy zakonodatel'stva, okhranyayushchego obshchestvennyye otnosheniya v sfere obshchestvennoy bezopasnosti i obshchestvennoy poryadka / M. I. Useynov // Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya. – 2022. – № 5. – S. 143-148. – DOI 10.20310/2658-5383-2022-5-143-148. – EDN HIWAEJ.
14. Shestakov, A. N. Problemy ugolovno-pravovogo regulirovaniya oboroty oruzhiya / A. N. Shestakov // Sinergiya Nauk. 2022. – № 74. – S. 74-107. – EDN TVNLJF.
15. Chetvertakova, Ye. YU. O zarubezhnom opyte reglamentatsii ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnyy oborot oruzhiya, boyepripasov, vzyvchatykh veshchestv i vzyvnykh ustroystv / Ye. YU. Chetvertakova // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2018. – № 4(66). – S. 120-127. – EDN YAAGHZ

УДК 343.851

DOI: 10.34670/AR.2024.22.46.026

Давление на арбитражного управляющего как условие, способствующее совершению банкротных преступлений

Барабаш Андрей Сергеевич

Аспирант,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
e-mail: asbarabash@arbitr38.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу проблемы воздействия на деятельность арбитражного управляющего в рамках процедур банкротства в контексте заинтересованности арбитражного управляющего в совершении преступления. В статье представлена подробная характеристика форм давления на арбитражных управляющих, основанная на примерах судебной практики, с предложением конкретных решений, способствующих решению этих проблем. Анализ показал, что существующий круг проблем реально способствует формированию у арбитражного управляющего умысла к совершению экономических преступлений, поскольку сам характер деятельности арбитражного управляющего очень связан с риском, повышенной ответственностью и достаточно тяжелыми условиями, как в материальном, так и моральном плане, а лица, участвующие в процедуре банкротства, довольно часто злоупотребляют предусмотренными законодательством в области банкротства правами. В результате был сделан вывод о том, что в решении вопроса о снижении заинтересованности арбитражного управляющего в совершении преступного деяния законодателю необходимо проводить комплексную работу по внесению изменений во многие отрасли законодательства, тем более, что необходимость таких изменений назрела уже с учетом имеющейся судебной практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Барабаш А.С. Давление на арбитражного управляющего как условие, способствующее совершению банкротных преступлений // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 446-453. DOI: 10.34670/AR.2024.22.46.026

Ключевые слова

Арбитражный управляющий, уголовное законодательство, экономические преступления.

Введение

Традиционно отношения в сфере банкротства принято считать сложными с точки зрения правоприменительной практики и важными с точки зрения защиты имущественных интересов всех участвующих лиц. В процедурах банкротства нередко возникают нестандартные ситуации, требующие пристального внимания со стороны различных государственных органов, в том числе и правоохранительных. Ежегодно обсуждаются некоторые злободневные проблемы, которые на сегодняшний день не решены и которые могут формировать причины и условия совершения коррупционных правонарушений со стороны лиц, принимающих непосредственное участие в банкротных процедурах.

Основная часть

К таким проблемам безусловно относится проблема давления на арбитражных управляющих. Указанный довод не является голословным: согласно статистическим данным органов Росреестра на текущий момент сложился ряд негативных тенденций:

1) С 2015 г. по 2022 г. количество жалоб на действия или бездействия арбитражных управляющих возросло в 2,5 раза (количество жалоб на арбитражного управляющего за 2015 г. – 3 015, за 2022 г. – 7 670). Учитывая, что в настоящее время количество арбитражных управляющих снижается, а количество жалоб растёт в разы, то данные тенденции негативно сказываются на привлекательности профессии арбитражных управляющих в целом.;

2) Прослеживается рост взысканий убытков с арбитражных управляющих в 10 раз с 2015 г. по настоящее время (сумма убытков, взысканных с арбитражного управляющего, за 2015 г. составила 3 015, за 2022 г. – 1,7 млрд. руб.). Данный рост связан как с отсутствием рамок в отношении тех, кто имеет право подавать жалобы на арбитражных управляющих, так и с высокой ответственностью арбитражного управляющего в процедуре банкротства;

3) Сумма уплаченного вознаграждения арбитражным управляющим значительно меньше, чем сумма начисленного вознаграждения (в 2020 г. начислено 6,2 млрд. руб, уплачено – 4,1 млрд. руб., в 2021 г. начислено 12,0 млрд. руб, уплачено – 6,8 млрд. руб., в 2022 г. начислено 21,1 млрд. руб, уплачено – 17,4 млрд. руб. [Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2022 год // <https://fedresurs.ru/news/191fa52b-1fc4-4796-ac1e-b5de2693e52c>];

4) За последнее время сформировался тренд ужесточения уголовной ответственности арбитражных управляющих (с учетом вступившего в законную силу Федерального закона № 241-ФЗ от 01.07.2021 «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»);

5) Систематическое увеличение стоимости страхования ответственности арбитражного управляющего как при наличии к тому оснований, так и при отсутствии таковых.

Данные тенденции безусловно негативно сказываются на деятельности арбитражных управляющих, что само по себе фатально для законности и эффективности любой процедуры банкротства, поскольку арбитражный управляющий – центральная фигура, и именно он обеспечивает соответствие процедуры всем требованиям законодательства, в том числе и антикоррупционного. Федеральный закон о несостоятельности (банкротстве) наделяет арбитражного управляющего рядом полномочий, реализация которых напрямую способствует успешному проведению процедуры: проведение собрания кредиторов, проведение инвентаризации имущества должника, оспаривание подозрительных и недействительных

сделок должника, и ряд иных важнейших функций. Именно от его действий зависит удовлетворение требований кредиторов и восстановление платежеспособности должника. В этих условиях у арбитражного управляющего как у субъекта, прошедшего обучение по специализированной программе подготовки, имеющего ряд профессиональных компетенций и навыков и по сути единственного лица, компетентного в решении всех текущих и иных вопросов в рамках банкротства, появляется реальная возможность проводить предусмотренные законом мероприятия для получения личной материальной или иной выгоды, конечно же во вред должнику, кредитором, и иным лицам, участвующим в деле о банкротстве.

При этом важно понимать, что арбитражный управляющий в рамках процедуры банкротства действует в условиях рыночной экономики и фактически является привлеченным специалистом, при этом вынужден самостоятельно нести расходы в связи с осуществляемой процедурой банкротства, а его предусмотренное законом официальное вознаграждение остается достаточно невысоким. Так, в соответствии со ст. 20.6. Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» вознаграждение, выплачиваемое арбитражному управляющему в деле о банкротстве, состоит из фиксированной суммы и суммы процентов, а размер фиксированной суммы такого вознаграждения составляет для временного управляющего – 30 000 рублей в месяц, для административного управляющего – 15 000 рублей в месяц, для внешнего управляющего – 45 000 рублей в месяц, для конкурсного управляющего – 30 000 рублей в месяц, для финансового управляющего – 25 000 рублей единовременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве. При этом в связи с тем, что вознаграждение управляющего выплачивается исключительно из средств должника, нередко возникает ситуация, когда таких средств у должника не имеется, и управляющий не получает никакой оплаты за проведенную процедуру. Более того, текущие расходы при банкротстве несоизмеримы получаемому вознаграждению, что способствует нарушению арбитражным управляющим положений закона [Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (ред. От 04.08.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 октября 2002 г. N 43 ст. 4190].

В связи с этим необходимо серьезно пересмотреть вопросы, связанные с механизмом вознаграждения арбитражных управляющих, тем самым нивелируя финансовую заинтересованность арбитражного управляющего при нарушении норм действующего законодательства.

Действующее законодательство о банкротстве устанавливает возможность взыскания убытков с арбитражного управляющего, если им совершены такие действия, которые повлекли убытки кредиторов должника. Среди более популярных оснований необходимо выделить следующие: неуплата обязательных платежей [Определение Верховного Суда РФ от 21.04.2023 N 305-ЭС21-17451(4) по делу N А41-24652/2017, Определение Верховного Суда РФ от 13.03.2023 N 306-ЭС17-20406(2) по делу N А57-24923/2014], взыскание убытков за подачу арбитражным управляющим бесперспективных исков, взыскание убытков за неоспаривание сделок [Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2023 N 304-ЭС19-20601(2,3) по делу N А75-2144/2017, Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2023 N 307-ЭС20-23952(3) по делу N А56-1760/2017], нарушения управляющим процедуры продажи имущества должника [Определение Верховного Суда РФ от 28.11.2022 N 307-ЭС21-14872(4) по делу N А56-59794/2011], непредъявления в установленный срок в службу судебных приставов исполнительного листа [Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2023 N 303-ЭС17-7042(13) по делу N А51-31080/2012], непроведения мероприятий по установлению имущества должника

[Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2023 N 304-ЭС21-24170(4) по делу N A03-17726/2017], выбытия имущества из конкурсной массы должника [Например: Определение Верховного Суда РФ от 13.09.2023 N 301-ЭС19-21906(2,3) по делу N A43-33050/2015; Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2023 N 310-ЭС23-15799 по делу N A23-1732/2012; Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2023 N 305-ЭС16-15580(13) по делу N A41-53179/2013; Определение Верховного Суда РФ от 17.08.2023 N 303-ЭС19-23812(18) по делу N A04-3531/2016]. Есть некоторые примеры отказа судов во взыскании убытков с арбитражных управляющих, однако такие случаи очень редки и связаны либо с истечением сроков давности, либо с ненадлежащим доказыванием причинно-следственной связи между действиями арбитражного управляющего и возникновением убытков на стороне должника [Например: Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2023 N 307-ЭС23-18360 по делу N A56-82300/2022; Определение Верховного Суда РФ от 09.10.2023 N 304-ЭС23-18467 по делу N A81-10040/2022].

Такое положение дел безусловно «загоняет» арбитражного управляющего в очень жесткие рамки, понуждает к отсутствию какого-либо имущества в собственности; отсутствию зарегистрированного брака, заключению брачного контракта, предусматривающего раздел имущества, в период, предшествующий процедуре банкротства (до установления статуса арбитражного управляющего) и т.д.

Определенное воздействие на деятельность арбитражного управляющего оказывают и страховые организации, которые необоснованно завышают и без того высокую стоимость страхования ответственности арбитражного управляющего. Среди основных проблем в этой части следует выделить следующие: зависимость заключения дополнительного страхования от балансовой стоимости активов должника; дополнительное страхование не осуществляется за счет конкурсной массы должника; невозможность оформления страховки ввиду отказа страховых компаний; постоянное необоснованное увеличение размера страховой премии, увеличение стоимости страховки из-за необоснованных жалоб на действия арбитражных управляющих (при чем жалобы, оставленные без движения/рассмотрения, также повышают размер страховки, обоснованное повышение размера страховки будет зависеть от жалоб, которые удовлетворены судами.

Решениями указанных проблем видятся следующие действия: необходимо сделать работу страховых организаций, осуществляющих страхование деятельности арбитражных управляющих, более прозрачной - по типу автогражданской ответственности, а именно, показывать коэффициенты и их совокупность, из которых рассчитывается окончательная страховая сумма; увеличивать стоимость страхования ответственности арбитражного управляющего только в том случае, если жалобы на его действия удовлетворены судом, а такой судебный акт вступил в законную силу; установить возможность обращения с жалобой только для тех кредиторов, которые обладают более 10% требований от общего размера реестра требований кредиторов; регламентировать процедуру снижения балансовой стоимости активов должника в процедуре несостоятельности или предусмотреть механизм определения реальной стоимости активов, так как балансовая стоимость не всегда отражает действительную картину.

Следует также отметить, что ответственность арбитражного управляющего не ограничивается исключительно финансовыми санкциями, налагаемыми в рамках процедуры банкротства. Арбитражный управляющий может быть привлечен к административной или уголовной ответственности. И если уголовные дела в отношении управляющих возбуждаются редко, то к административной ответственности управляющего привлекают довольно активно [Мурашкина, 2008].

Поскольку состав административного правонарушения для арбитражного управляющего, предусмотренный ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, является формальным, то наступления каких-либо общественно опасных последствий, в том числе, нарушение прав кредиторов и причинение им ущерба для привлечения к административной ответственности не требуется и значения не имеет. Бланкетный характер нормы, а также игнорирование тенденции к появлению специальных составов приводит к тому, что на практике основания для привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ очень размыты и, по сути, не ограничены, а широкая гипотеза нормы создает неопределенность в применении санкции, тем самым усиливая дискрецию правоприменителя, что создает дополнительные трудности регулирования и применения положений указанной статьи судами. Это все, в конечном итоге, приводит, с одной стороны, к отсутствию четких установленных «правил игры» для арбитражных управляющих, а с другой – возможности использовать недобросовестными участниками банкротных процедур механизма привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности для достижения своих противоправных целей.

Лидирующими основаниями для привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ являются различного рода нарушения, связанные с публикацией сведений в ЕФРСБ, а также нарушения, связанные с подготовкой и оформлением отчетов о деятельности арбитражного управляющего в рамках процедуры банкротства. При этом, объективная сторона правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, выполняется за счет неопределенно широкого круга действий (бездействий) арбитражного управляющего, обладающей различной степенью общественной опасности для охраняемых общественных отношений.

Указанные обстоятельства, в конечном итоге, приводят, с одной стороны, к отсутствию четких установленных «правил игры» для арбитражных управляющих, а с другой – возможности использовать недобросовестными участниками банкротных процедур механизма привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности для достижения своих противоправных целей.

Заключение

Поэтому видится целесообразным реформирование положений статьи 14.13 КоАП РФ изменить состав правонарушения с формального на материальный, привлекать к ответственности только при наличии нарушения прав и причинения ущерба, либо систематического нарушения публикаций сообщения в ЕФРСБ. Более того, отдельное внимание необходимо уделять «сужению» круга заявителей, которые могут инициировать производство по делу об административном правонарушении до лиц, участвующих в деле и арбитражном процессе по делу о банкротстве, которое сопровождает тот или иной конкретный арбитражный управляющий, при условии, что размер кредиторской задолженности перед данным лицом, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более десяти процентов общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов.

Тем не менее, возможность уголовного преследования арбитражных управляющих имеет место быть, и за последнее время сформировался тренд ужесточения уголовной ответственности арбитражных управляющих. Так, 12 июля 2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 241-ФЗ от 01.07.2021 «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Федерации». Среди основных ключевых изменений следует выделить следующие:

Новые субъекты уголовной ответственности по ст. 195 и 196 УК РФ. Новый закон существенно расширяет круг лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) и за преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ). Вместо перечисления отдельных специальных субъектов, нормы о неправомерном удовлетворении имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника (ч. 2 ст. 195 УК РФ) и преднамеренном банкротстве к субъектам относят контролирующих должника лиц. Кроме того, за неправомерное удовлетворение требований кредиторов (ч. 2 ст. 195 УК РФ) прямо предусмотрена ответственность арбитражных управляющих и ликвидаторов должников.

Новые квалифицирующие признаки ст. 195 и 196 УК РФ. Законодатель ввел более тяжкую ответственность за преступления в сфере банкротства, совершенные отдельными категориями лиц: руководитель должника или контролирующие должника лица. Повышенная ответственность предусмотрена и для случаев совершения преступлений с использованием служебного положения (ч. 1.1. ст. 195 УК РФ). При наличии перечисленных выше квалифицирующих признаков, совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 195 УК РФ, влечет применение санкций, начиная от штрафа в размере от 500 тыс. руб. до лишения свободы на срок до 4 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового. Кроме того, вводится повышенная ответственность арбитражного управляющего, председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) и контролирующих должника лиц (руководителя такого лица) за неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника (ч. 2.1. ст. 195 УК РФ). Совершение каждого из деяний, предусмотренных ст. 195 УК РФ, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, повлечет еще более суровые санкции: от штрафа в 1 млн руб. до лишения свободы на срок до 5 лет со штрафом.

Повышенная ответственность за преднамеренное банкротство. Ужесточается ответственность бенефициаров и руководителей и за совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов (преднамеренное банкротство) (новая ч. 2 ст. 196 УК РФ). Теперь наказание варьируется от штрафа в размере 3-5 млн руб. до лишения свободы на срок до 7 лет со штрафом или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового.

Соккрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов может быть основанием для ответственности по ст. 195 УК РФ. Фальсификация бухгалтерской и финансовой документации может быть основанием для уголовной ответственности по ч. 1 ст. 195 УК РФ. По ст. 195 УК РФ, а не по ст. 199.2 УК РФ может быть также квалифицировано сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов, если такое сокрытие происходит при наличии признаков банкротства.

Библиография

1. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2022 год // <https://fedresurs.ru/news/191fa52b-1fc4-4796-ac1e-b5de2693e52c>;
2. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. N 241-ФЗ "О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Собрание

- законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N 27 (часть I) ст. 5069;
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (ред. От 04.08.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 октября 2002 г. N 43 ст. 4190;
 4. Определение Верховного Суда РФ от 21.04.2023 N 305-ЭС21-17451(4) по делу N А41-24652/2017 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.10.2023);
 5. Определение Верховного Суда РФ от 13.03.2023 N 306-ЭС17-20406(2) по делу N А57-24923/2014 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.10.2023);
 6. Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2023 N 304-ЭС19-20601(2,3) по делу N А75-2144/2017 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.10.2023);
 7. Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2023 N 307-ЭС20-23952(3) по делу N А56-1760/2017 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.10.2023);
 8. Определение Верховного Суда РФ от 28.11.2022 N 307-ЭС21-14872(4) по делу N А56-59794/2011 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.10.2023);
 9. Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2023 N 303-ЭС17-7042(13) по делу N А51-31080/2012 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 06.10.2023);
 10. Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2023 N 304-ЭС21-24170(4) по делу N А03-17726/2017 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.10.2023);
 11. Определение Верховного Суда РФ от 13.09.2023 N 301-ЭС19-21906(2,3) по делу N А43-33050/2015 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.10.2023);
 12. Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2023 N 310-ЭС23-15799 по делу N А23-1732/2012 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 09.10.2023);
 13. Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2023 N 305-ЭС16-15580(13) по делу N А41-53179/2013 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.10.2023);
 14. Определение Верховного Суда РФ от 17.08.2023 N 303-ЭС19-23812(18) по делу N А04-3531/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.10.2023);
 15. Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2023 N 307-ЭС23-18360 по делу N А56-82300/2022 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.10.2023);
 16. Определение Верховного Суда РФ от 09.10.2023 N 304-ЭС23-18467 по делу N А81-10040/2022 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.10.2023);
 17. Мурашкина Е. В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Е.В. Мурашкина. – М., 2008. С.183.

Pressure on an arbitration manager as a factor contributing to bankruptcy crimes

Andrei S. Barabash

Postgraduate,
Baikal State University,
664003, 11, Lenina str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: asbarabash@arbitr38.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the problem of impact on the activities of the arbitration manager in the framework of bankruptcy procedures in the context of the interest of the arbitration manager in committing a crime. The article presents a detailed description of the forms of pressure on arbitration managers, based on examples of judicial practice, with a proposal for specific solutions that contribute to solving these problems. The analysis showed that the existing range of problems really contributes to the formation of the intent of the arbitration manager to commit economic crimes, since the very nature of the activity of the arbitration manager is very associated with risk, increased responsibility and rather difficult conditions, both materially and morally, and

Andrei S. Barabash

the persons involved in bankruptcy proceedings, quite often abuse the rights provided for by the bankruptcy legislation. As a result, it was concluded that in addressing the issue of reducing the interest of the arbitration manager in committing a criminal act, the legislator needs to carry out comprehensive work to introduce changes to many branches of legislation, especially since the need for such changes has already become ripe, taking into account existing judicial practice.

For citation

Barabash A.S. (2024) Davlenie na arbitrazhnogo upravlyayushchego kak uslovie, sposobstvuyushchee soversheniyu bankrotnykh prestuplenii [Pressure on an arbitration manager as a factor contributing to bankruptcy crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 446-453. DOI: 10.34670/AR.2024.22.46.026

Keywords

Arbitration manager, criminal law, economic crimes.

References

1. Fedresource Statistical Bulletin on Bankruptcy for 2022 // <https://fedresurs.ru/news/191fa52b-1fc4-4796-ac1e-b5de2693e52c>;
2. Federal Law No. 241-FZ of July 1, 2021 "On Amendments to Articles 195 and 196 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 31 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 5, 2021 No. 27 (Part I) of Article 5069;
3. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" (ed. Dated 08/04/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation dated October 28, 2002 N 43 art. 4190;
4. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/21/2023 N 305-ES21-17451(4) in the case N A41-24652/2017 // SPS Consultant Plus (date of appeal: 10/01/2023);
5. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/13/2023 N 306-ES17-20406(2) in the case N A57-24923/2014 // SPS Consultant Plus (date of application: 02.10.2023);
6. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/18/2023 N 304-ES19-20601(2,3) in the case N A75-2144/2017 // SPS Consultant Plus (date of appeal: 10/03/2023);
7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01/24/2023 N 307-ES20-23952(3) in the case N A56-1760/2017 // SPS Consultant Plus (date of application: 04.10.2023);
8. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/28/2022 N 307-ES21-14872(4) in the case N A56-59794/2011 // SPS Consultant Plus (date of application: 10/05/2023);
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/11/2023 N 303-ES17-7042(13) in the case N A51-31080/2012 // SPS Consultant Plus (date of application: 10/06/2023);
10. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/01/2023 N 304-ES21-24170(4) in the case N A03-17726/2017 // SPS Consultant Plus (date of application: 07.10.2023);
11. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/13/2023 N 301-ES19-21906(2,3) in the case N A43-33050/2015 // SPS Consultant Plus (date of appeal: 08.10.2023);
12. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/12/2023 N 310-ES23-15799 in the case N A23-1732/2012 // SPS Consultant Plus (date of application: 09.10.2023);
13. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01/25/2023 N 305-ES16-15580(13) in the case N A41-53179/2013 // SPS Consultant Plus (date of appeal: 10.10.2023);
14. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/17/2023 N 303-ES19-23812(18) in the case N A04-3531/2016 // SPS Consultant Plus (date of appeal: 11.10.2023);
15. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.10.2023 N 307-ES23-18360 in the case N A56-82300/2022 // SPS Consultant Plus (date of appeal: 12.10.2023);
16. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.10.2023 N 304-ES23-18467 in the case N A81-10040/2022 // SPS Consultant Plus (date of appeal: 13.10.2023);
17. Murashkina E. V. Civil liability of the arbitration manager: abstract of the thesis ... cand. Jurid. Sciences. / E.V. Murashkina. – M., 2008. p.183.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.30.60.022

Международное сотрудничество в деле обеспечения безопасности дорожного движения (на примере СНГ и ЕАЭС)

Любимова Галина Михайловна

Аспирант,
Московский Государственный Институт
Международных Отношений МИД России,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: asketka@list.ru

Аннотация

Задачи экономического сотрудничества в рамках СНГ и интеграции в рамках ЕАЭС, а также нарастание интенсивности автомобильного движения как внутри государств-участников, так и между ними, диктуют потребность в гармонизации законодательства и правоприменительной практики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, включая привлечение к ответственности нарушителей. Страны члены СНГ и его коллективные органы не уделяли этой работе надлежащего внимания, а текущее состояние Содружества, не позволяет прогнозировать интенсификацию этих процессов. В то же время, в рамках более тесной интеграции в ЕАЭС и Таможенном союзе, приняты базовые документы, есть база для унификации правового регулирования и практики обеспечения безопасности дорожного движения. Предложено максимально сблизить, а далее – унифицировать формулировки составов дорожно-транспортных правонарушений, соотнеся также и объемы санкций за типичные административные правонарушения. Также обращено внимание на административное законодательство Армении и Беларуси, в части повышенной ответственности за управление транспортным средством в любом опьянении. Предложено использовать опыт применения КоАП Республики Казахстан, в части прогрессии срока лишения специального права за повторные правонарушения, когда водитель находился в состоянии опьянения.

Для цитирования в научных исследованиях

Любимова Г.М. Международное сотрудничество в деле обеспечения безопасности дорожного движения (на примере СНГ и ЕАЭС) // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 454-460. DOI: 10.34670/AR.2024.30.60.022

Ключевые слова

Безопасность дорожного движения, ответственность за дорожно-транспортные происшествия, административные правонарушения, Содружество независимых государств, Таможенный союз, Евразийский экономический союз.

Введение

Содружество независимых государств (СНГ)¹, как и каждое современное межгосударственное объединение, стремится к максимально возможной конвергенции законодательства в сферах, обеспечивающих взаимодействие участников, деятельность координирующих институтов на принципе равноправия, в соответствии с соглашениями между участниками Содружества и Алма-Атинской декларацией.

Принимая во внимание интенсивность экономического сотрудничества, интенсивность контактов граждан, одним из важных вопросов остается обеспечение безопасности перемещения грузов и пассажиров автомобильным транспортом и в целом безопасности дорожного движения.

Исходя из того, что все члены и участники СНГ ранее входили в состав СССР, регулирование этой сферы базировалось на советской нормативной базе и опыте, правилах дорожного движения 1987 г. и др. документах, которые в части республик продолжали действовать достаточно длительное время. Если в Российской Федерации, правила дорожного движения были утверждены в 1993 г., то в Республике Беларусь – в 1996 г., в Республике Казахстан – в 1998 г.

Основная часть

В странах СНГ близки подходы к правовой регламентации обеспечения БДД, однако, есть и особенности. Так, в Республике Казахстан принят закон от 17 апреля 2014 г. № 194-V ЗРК «О дорожном движении». Д.В. Паршин и В.В. Хасанова делают выводы об эффективности казахстанских решений в сфере «улучшения обстановки в области обеспечения безопасности дорожного движения», имея ввиду интеграцию правового регулирования в законе «О дорожном движении» [Паршин, Хасанова, 2023, 448].

В то же время, в республике прослеживается и непоследовательность в этих вопросах. В современной российской, равно как и зарубежной практике, законодательное регулирование принято сочетать (дополнять) документами стратегического планирования. В Казахстане в 2012-2014 гг. действовала Отраслевая программа обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Казахстан, которая, однако, не была пролонгирована.

В Республике Беларусь вопросами обеспечения БДД занимается Президент Республики, указом которого № 551 от 28 ноября 2005 г. «О мерах по повышению безопасности дорожного движения» были утверждены новые Правила дорожного движения. После этого, все корректировки ПДД в республике утверждаются только указами Президента, как, например, в указе Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2022 г. № 145 «О совершенствовании организации дорожного движения». В то же время, в Российской Федерации и Казахстане ПДД утверждаются Правительством.

Международное сотрудничество в деле обеспечения БДД государств участников СНГ

¹ Членами образованного 8 декабря 1991 г. Содружества Независимых Государств (СНГ) на начало 2024 г. остаются государства, подписавшие Алма-Атинскую декларацию. Не подписавшие в 1993 г. Устав Содружества Украина и Туркменистан, де-юре не являются членами СНГ. При этом Украина формально может считаться его учредителем и участником, а Туркменистан в 2005 г. официально заявил об «ассоциированном членстве». Молдова и Украина последовательно выходят из Содружества, но их национальные флаги, а также Туркменистана, наряду с другими участниками СНГ вывешены на официальном интернет-портале организации.

должно было бы предполагать максимально возможную унификацию требований к дорожной инфраструктуре, техническому состоянию транспортных средств, а также к водителям, что улучшит взаимодействие не только в рассматриваемой сфере, но и в экономике, и в целом, в деле охраны правопорядка.

Обратим внимание на положительный опыт России и Белоруссии в сфере безопасности дорожного движения, учитывая взаимную свободу передвижения транспортных средств двух государств по национальным водительским удостоверениям, без ограничений по техническому допуску. Особенно важно, что развивая сотрудничество, стороны не ограничиваются техническими регламентами и требованиями к документам, а затрагивают важнейшие вопросы неотвратимости ответственности за нарушение ПДД. Так, 12 октября 2023 г. Россия и Белоруссия ратифицировали соглашение о взаимном признании исполнения решений по делам об административных правонарушениях в рассматриваемой сфере. Это означает взаимное признание документов, производств и решений по всем нарушениям в сфере БДД, включая параметры и процедуры использования технических средств фото-видео фиксации.

В российско-белорусских документах разрешены вопросы юрисдикции. Так обжалование решений по административным правонарушениям происходит по законодательству государства, на территории которого правонарушение было совершено. Важно также, что документ ориентирован на перспективу, в частности на обеспечение и развитие обмена информацией в сфере технического состояния транспортных средств, находящихся в межгосударственном трансфере, ОСАГО и др. В целом, регулирование рассматриваемой сферы в двух государствах развивается в одном направлении, стремясь к определенной синхронности, что позитивно оценивается как в России, так и в Белоруссии [Паршин, 2023, 259].

Российско-белорусский и российско-казахский опыт не показателен в целом для СНГ, коллективные органы которого не уделяют достаточного внимания вопросам безопасности дорожного движения, эта деятельность по сути не регламентирована. Принятая в 2020 г. «Стратегия обеспечения транспортной безопасности на территориях государств – участников СНГ при осуществлении перевозок в международном сообщении на период 2020-2025 годов», касается исключительно сферы международных перевозок.

В то же время перед членами Содружества в документе ставилась задача определения компетентных органов для взаимодействия в деле сближения подходов и нормативно-правового регулирования. Координацию в этой сфере осуществляет специальный орган Координационное транспортное совещание государств – участников СНГ. Обратим внимание на задачу обеспечения *транспортной безопасности*, а не *безопасности дорожного движения*. Таким образом, документ, а соответственно и деятельность, были сосредоточены в основном на защите объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, предотвращения терроризма.

Что касается безопасности дорожного движения, то здесь в рамках СНГ нерегулярно составляются лишь графики действий, не имеющие определенного статуса. Так, на прошедшем 15 сентября 2023 г. заседании Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ был рассмотрен «План мероприятий по повышению безопасности дорожного движения на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств на 2024–2028 годы». Документ не опубликован, а значит, недоступен для обсуждения. Также остается неясным (на встрече не обсуждалось) как исполнен предыдущий План (который также не публиковался), все ли мероприятия проведены и каков их эффект? Примечательно, что и сами «мероприятия» также не известны общественности.

Принимая во внимание неопределенные перспективы сотрудничества в деле обеспечения

безопасности дорожного движения в рамках СНГ и нестабильности самой организации. Украина и Молдова постепенно фактически выходят из СНГ как сферы сотрудничества и как из организации, все более ориентируясь на Евросоюз. Остальные участники ведут осторожную политику, опасаясь косвенных санкций. В этой ситуации вряд ли возможно ожидать выработки и принятия коллективных документов по БДД, имеющих статус выше «планов мероприятий». В этой связи целесообразно сделать акцент на более тесном сотрудничестве в рамках ЕАЭС, члены которого выразили и формализовали стремление к экономической интеграции, которая должна сопровождаться глубокой интеграцией и в такой важной сфере как БДД.

В сфере привлечения к ответственности за дорожно-транспортные правонарушения все государства – члены ЕАЭС в значительной степени восприняли советскую правовую систему, где административно-деликтное законодательство формировалось на базе Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях. В то время союзные республики разработали и приняли свои кодексы об административных правонарушениях. Эта традиция продолжилась во всех государствах-членах ЕАЭС, где действуют свои КоАП кроме Кыргызской Республики, где вместо КоАП с 2019 г. действует Кодекс о нарушениях. Этот документ вместили часть норм из бывшего КоАП, тогда как часть норм вошла в Кодекс об уголовных проступках.

В соответствии со ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г. в рамках Союза стороны формируют единый рынок. Отсюда вполне логично следует и потребность в единстве, по меньшей мере, подходов к обеспечению БДД. Кроме того, в рамках Таможенного Союза уже действует Технический регламент «Безопасность автомобильных дорог», где в ст. 2 дано определение безопасности дорожного движения, как «состояния дорожного движения, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий».

Для его обеспечения, во-первых, необходимо максимальное сближение, а в идеальной модели – унификация формулировок составов дорожно-транспортных правонарушений. Развивая это положение, отметим потребность в разумной пропорциональности объемов санкций за одинаковые административные правонарушения в сфере БДД.

Заключение

Следуя прослеживаемой в российской литературе, как и в специальной литературе членов ЕАЭС, общей тенденции, полезно изучить подходы, реализованные в административном законодательстве Армении и Беларуси, где введена повышенная ответственность за управление транспортным средством в состоянии любого вида опьянения.

Кроме того, в государствах-членах ЕАЭС полезно адаптировать подходы, закрепленные в КоАП Республики Казахстан, где закреплена прогрессия срока лишения специального права при повторном совершении правонарушения водителем, управляющим транспортным средством в состоянии опьянения.

Библиография

1. Алма-Атинская Декларация от 21 декабря 1991 г.
2. Об утверждении Правил дорожного движения. Постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 21 марта 1996 г. № 203.
3. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях.
4. Паршин Д.В. Сотрудничество Республики Белоруссия и Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 258-260.

5. Паршин Д.В., Хасанова В.В. Сравнительный анализ законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения Российской Федерации и Республики Казахстан // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 6 (222). С. 447-449.
6. Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 июня 2012 г. № 730 «Об утверждении Отраслевой программы обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Казахстан на 2012-2014 годы».
7. Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 ноября 2014 года № 1196 «Об утверждении Правил дорожного движения, Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации, перечня оперативных и специальных служб, транспорт которых подлежит оборудованию специальными световыми и звуковыми сигналами и окраске по специальным цветографическим схемам».
8. Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 ноября 1997 г. № 1650.
9. Правила дорожного движения. Постановление Совета министров РФ от 23 октября 1993 г. №1090.
10. Приказ МВД СССР от 16 июля 1986 г. №139 «Об утверждении Правил дорожного движения».
11. Решение Совета глав правительств СНГ от 6 ноября 2020 г. «О Плана мероприятий по реализации Стратегии обеспечения транспортной безопасности на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств при осуществлении перевозок в международном сообщении на период 2020-2025 годов».
12. Санду назвала невыгодным для Молдавии сотрудничество с СНГ. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6467e0349a794729c6faa731?from=copy>
13. Технический регламент Таможенного союза «Безопасность автомобильных дорог». ТР ТС 014/2011. Утв. Решением Комиссии Таможенного Союза от 18 октября 2011 г. № 827.
14. Указ Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2022 г. № 145 «О совершенствовании организации дорожного движения».
15. Украина вышла из очередного соглашения в рамках СНГ. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19856193?ysclid=ls27infcbu440710362>

The international cooperation in ensuring road safety (using the example of the CIS and the EAEU)

Galina M. Lyubimova

Postgraduate,
Moscow State Institute of International Relations (University),
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: asketka@list.ru

Abstract

The tasks of economic cooperation within the CIS and integration within the EAEU, as well as the increase in the intensity of road traffic both within the participating states and between them, dictate the need for harmonization of legislation and law enforcement practice in the field of ensuring road safety, including holding violators accountable. The CIS member countries and its collective bodies did not pay adequate attention to this work, and the current state of the Commonwealth does not allow us to predict the intensification of these processes. At the same time, as part of closer integration in the EAEU and the Customs Union, basic documents have been adopted; there is a basis for unifying legal regulation and practice of ensuring road safety. It is proposed to bring together as much as possible, and then to unify the wording of the elements of road transport offenses, also correlating the scope of sanctions for typical administrative offenses. Attention is also drawn to the administrative legislation of Armenia and Belarus, regarding increased liability for driving a vehicle while intoxicated. It is proposed to use the experience of applying the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan, in terms of progression of the period of deprivation of a special right for repeated offenses in the form of driving while intoxicated.

For citation

Lyubimova G.M. (2024) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v dele obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (na primere SNG i EAES) [The international cooperation in ensuring road safety (using the example of the CIS and the EAEU)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 454-460. DOI: 10.34670/AR.2024.30.60.022

Keywords

Commonwealth of Independent States, Customs Union, Eurasian Economic Union, road safety, liability for road accidents, administrative offenses.

References

1. Alma-Atinskaya Deklaratsiya ot 21 dekabrya 1991 g. [Alma-Ata Declaration of December 21, 1991].
2. Ob utverzhenii Pravil dorozhnogo dvizheniya. Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Belarus' ot 21 marta 1996 g. № 203 [On approval of the Traffic Rules. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Belarus dated March 21, 1996 No. 203].
3. Osnovy zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Fundamentals of the legislation of the USSR and union republics on administrative offenses].
4. Parshin D.V. (2023) Sotrudnichestvo Respubliki Belorussiya i Rossiiskoi Federatsii v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [Cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation in the field of road safety]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 11 (227), pp. 258-260.
5. Parshin D.V., Khasanova V.V. (2023) Sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Kazakhstan [Comparative analysis of legislation in the field of road safety in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 6 (222), pp. 447-449.
6. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 1 iyunya 2012 g. № 730 «Ob utverzhenii Otrasleyei programmy obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Respublike Kazakhstan na 2012-2014 gody» [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated June 1, 2012 No. 730 “On approval of the Industry program for ensuring road safety in the Republic of Kazakhstan for 2012-2014”].
7. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 13 noyabrya 2014 goda № 1196 «Ob utverzhenii Pravil dorozhnogo dvizheniya, Osnovnykh polozhenii po dopusku transportnykh sredstv k eksploatatsii, perechnya operativnykh i spetsial'nykh sluzhb, transport kotorykh podlezhit oborudovaniyu spetsial'nymi svetovymi i zvukovymi signalami i okraske po spetsial'nym tsvetograficheskim skhemam» [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 13, 2014 No. 1196 “On approval of the Traffic Rules, the Basic Provisions for the admission of vehicles to operation, the list of operational and special services, the transport of which must be equipped with special light and sound signals and painted according to special color schemes”].
8. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 25 noyabrya 1997 g. № 1650 [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 25, 1997 No. 1650].
9. Pravila dorozhnogo dvizheniya. Postanovlenie Soveta ministrov RF ot 23 oktyabrya 1993 g. №1090 [Traffic rules. Resolution of the Council of Ministers of the Russian Federation of October 23, 1993 No. 1090].
10. Prikaz MVD SSSR ot 16 iyulya 1986 g. №139 «Ob utverzhenii Pravil dorozhnogo dvizheniya» [Order of the USSR Ministry of Internal Affairs of July 16, 1986 No. 139 “On approval of the Road Traffic Rules”].
11. Reshenie Soveta glav pravitel'stv SNG ot 6 noyabrya 2020 g. «O Plane meropriyatii po realizatsii Strategii obespecheniya transportnoi bezopasnosti na territoriyakh gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv pri osushchestvlenii perevozok v mezhdunarodnom soobshchenii na period 2020-2025 godov» [Decision of the Council of Heads of Government of the CIS dated November 6, 2020 “On the Action Plan for the implementation of the Strategy for ensuring transport security in the territories of the member states of the Commonwealth of Independent States during international transportation for the period 2020-2025”].
12. Sandu nazvala nevygodnym dlya Moldavii sotrudnichestvo s SNG [andu called cooperation with the CIS unprofitable for Moldova]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6467e0349a794729c6faa731?from=copy> [Accessed 02/02/2024]
13. Tekhnicheskii reglament Tamozhennogo soyuza «Bezopasnost' avtomobil'nykh dorog». TR TS 014/2011. Utv. Resheniem Komissii Tamozhennogo Soyuzu ot 18 oktyabrya 2011 g. № 827 [Technical regulations of the Customs Union “Road Safety”. TR TS 014/2011. Approved Decision of the Customs Union Commission dated October 18, 2011

No. 827].

14. Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' ot 18 aprelya 2022 g. № 145 «O sovershenstvovanii organizatsii dorozhnogo dvizheniya [Decree of the President of the Republic of Belarus dated April 18, 2022 No. 145 “On improving the organization of road traffic”].
15. Ukraina vyshla iz ocherednogo soglasheniya v ramkakh SNG [Ukraine withdrew from another agreement within the CIS]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19856193?ysclid=ls27infcbu440710362> [Accessed 02/02/2024]

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.24.33.029

К вопросу о наказании в виде пожизненного лишения свободы

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматривается такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы. Вопрос о пожизненном лишении свободы является одной из самых сложных и спорных тем в сфере уголовного права. В соответствии со статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации эта мера применяется к осужденным за особо тяжкие преступления, такие как убийство, преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, половой неприкосновенности несовершеннолетних. Однако, дебаты о ее эффективности и соответствии международным стандартам прав человека не прекращаются. В России, пожизненное лишение свободы – это самая строгая мера наказания, которую государство может применить к своим гражданам, учитывая мораторий применения в РФ такой меры наказания как смертная казнь. С одной стороны, оно представляет собой форму безусловного лишения свободы. С другой стороны, сторонники этой меры аргументируют ее необходимостью для обеспечения общественной безопасности и наказания наиболее опасных преступников. Приведены основные положения исследуемого феномена, включая правовые аспекты, а также международный опыт практики в данной области.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. К вопросу о наказании в виде пожизненного лишения свободы // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 461-467. DOI: 10.34670/AR.2024.24.33.029

Ключевые слова

Пожизненное лишение свободы, осужденные, мера наказания, тяжесть преступления, исполнения наказания, уголовное законодательство, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Введение

Пожизненное лишение свободы является одним из самых суровых видов наказаний, применяемых в России. Оно осуществляется в случаях совершения особо тяжких преступлений, когда иные меры наказания считаются недостаточными.

Правовые аспекты пожизненного лишения свободы в России определены Конституцией РФ и уголовным законодательством.

Согласно статье 20 Конституции РФ, каждый человек имеет право на жизнь [Конституция РФ]. А пожизненное лишение свободы может рассматриваться как нарушение этого права, однако, в нашем случае речь идет о особой опасности для общества содеянного осужденным. Пожизненное лишение свободы возможно только при совершении особо тяжких преступлений, таких как убийство, похищение с целью выкупа, насильственные действия сексуального характера и другие.

Исследуемый вид наказания применяется с целью обеспечения эффективной защиты общественных отношений, которые охраняются нормами уголовного права, а также для предотвращения совершения новых преступлений осужденными и другими лицами.

Совершение особо тяжких преступлений требует применения наказаний соответствующего степени строгости, поэтому немало государств применяют в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, высшую меру наказания – смертную казнь, это как исключительный, самый строгий вид наказания, заключающийся в принудительном лишении жизни осужденного от имени государства по приговору суда, вступившего в законную силу [Крайнов, 2016]. При вынесении приговора суд должен учитывать множество факторов, таких как тяжесть и общественную опасность совершенного преступления, личность осужденного, возможность рецидива и др.

Следует отметить, что сам факт пожизненного лишения свободы в России является предметом дискуссий. Одни считают, что это оправданная мера для самых опасных преступников, так как обеспечивает безопасность общества [Арсенова, 2016]. Другие же утверждают, что пожизненное лишение свободы может быть жестким и бесчеловечным наказанием [Семенов, 2022].

Основное содержание

Пожизненное лишение свободы в России является мерой последней инстанции и применяется лишь к самым серьезным преступлениям. В то же время, вопрос о его эффективности, справедливости и соблюдении прав заключенных остается под сомнением и по мнению многих авторов требует дополнительного обсуждения и исследования.

В историческом аспекте приведем мнение, высказанное Александром Федоровичем Кистяковским в далеком 1867 году: «...основнымъ нѣдостаткомъ смѣртной казни является то, что она не можѣтъ исправить личность прѣступника и нарушаетъ нѣотъемлемое право на жизнь, а такжѣ не выполняетъ возложѣнную на наказания прѣвѣнтивную функцію въ полной мѣрѣ...» [Кистяковский, 1867, www]. Единственное преимущество смертной казни, по его мнению, заключается в том, что она – очень простое и дешевое наказания, поскольку не требует ни времени, ни особых усилий: раз и навсегда лишает у преступника возможности вредить и тем защищает человеческий эгоизм от мнимых и действительных опасностей.

Отметим, что в 1996 году президент России Борис Ельцин подписал указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни». 16 апреля 1997 года РФ подписала протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому «смертная казнь отменяется...». Госдума должна была ратифицировать его до мая 1999 года, но так и не сделала этого. Тем не менее преступники, которые ранее были бы казнены, приговариваются судом к пожизненному лишению свободы [Яни, 2021].

С позиции современных взглядов, применение такого вида наказания, как пожизненное лишение свободы, на современном этапе развития российского общества является гораздо более целесообразным, чем применение смертной казни, поскольку каждый человек имеет право на жизнь и смертная казнь противоречит Конституции РФ и является нарушением Всемирной Декларации прав человека [Воскобоев, 2015].

Как уже отмечалось выше, помимо выполнения функции замены смертной казни в РФ наказание в виде пожизненного лишения свободы устанавливается только за совершение особо тяжких преступлений. Пожизненный характер очерченного наказания не является абсолютным, поскольку в предусмотренных законом случаях возможна его замена другим видом наказания.

Среди стран, в которых осуществляется масштабное осуждение преступников к пожизненному лишению свободы, выделяют США. Д.Н. Сергеев приводит статистику: «В США система наказаний очень жесткая, поэтому эта страна лидирует не только по общему числу осуждённых к реальному лишению свободы, но и по пожизненным приговорам. Только пожизненников в США 160 тысяч, из которых у 40 тысяч нет возможности получить условно-досрочное освобождение. Для примера, в России пожизненно осужденных около 2 тысяч...» [www.kp.ru].

Для пенитенциарной системы России может представлять интерес практика применения пожизненного наказания в Великобритании, где каждый преступник, начиная с 14 лет, совершивший умышленное убийство, автоматически получает пожизненное заключение. Осужденные к пожизненному заключению отбывают наказание в тюрьмах и все без исключения имеют одинаковый правовой статус и режим содержания. Осужденные имеют право на реальное получение образования, в том числе и высшего, право на переписку и прогулки. Им предоставлена возможность быть досрочно освобождены от дальнейшего отбывания наказания, в результате эта категория осужденных в среднем отбывает пожизненное лишение свободы сроком около 15 лет [Захряпин, 2023].

Большинство стран мира в своей уголовной политике также имеют данный вид наказания, наказание в виде пожизненного лишения свободы, однако исследуемая категория является весьма проблемной и несет в себе ряд вопросов, актуальных на сегодняшний день и требующих своего разрешения.

В Российской Федерации наказания в виде пожизненного лишения свободы регламентируется статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, включая серийные убийства, против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, терроризм и половой неприкосновенности несовершеннолетних [УК РФ].

Следует акцентировать внимание, что данная мера наказания в Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст.57 не может быть применена в отношении осужденных женского пола, а также совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте (до 18 лет), и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65 лет.

Осужденные пожизненно в РФ – это единственная категория осужденных, которые могут быть освобождены условно-досрочно, при условии, что отбытая часть наказания составила 25 лет и суд признал, что в дальнейшем отбывании наказания субъект не нуждается (ч.5 ст. 79 УК РФ).

Еще раз отразим, что в настоящий момент пожизненное лишение свободы – одна из самых суровых мер наказания в России. С одной стороны, многие поддерживают эту меру, считая ее необходимой для борьбы с тяжкими преступлениями, противодействию терроризму и обеспечения общественной безопасности. Они считают, что пожизненное лишение свободы является верным ответом на преступления, совершенные в отношении жертв [Воднева, 2018]. Однако, есть и критика такой практики. Оппоненты пожизненного лишения свободы полагают, что оно нарушает права человека и достоинство заключенных. Они ссылаются на международные стандарты, которые гарантируют, что никто не должен подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему обращению или наказанию [Павлова, 2020].

Пожизненное лишение свободы также вызывает вопрос о реабилитации заключенных. Поддерживающие эту меру утверждают, что она защищает общество от рецидивистов и гарантирует, что опасные преступники не смогут совершить новые преступления [Гончарова, 2020].

Критики же указывают на возможность изменения и реабилитации преступников, и считают, что пожизненное лишение свободы отрицает возможность их возвращения к нормальной жизни. По обоснованному мнению В.И. Зубковой: «...через 12–15 лет в условиях колонии лицо полностью теряет все социальные связи, а через 20 лет перестает ориентироваться в мире за пределами мест заключения. При выходе на свободу бывший заключенный за неимением альтернативы будет пытаться реализовать себя через девиантное поведение, в том числе совершать преступления с целью вернуться в привычное для него место» [Зубкова, 2019]

Также существует дискуссия о том, должна ли пожизненное лишение свободы присутствовать в системе наказаний. Некоторые страны (Бразилия, Испания, Латвия, Норвегия, Португалия и др.) отказались от такой меры, считая ее неэффективной и бесчеловечной.

Заключение

Учитывая вышесказанное, можно резюмировать, вопрос о пожизненном лишении свободы в России является сложным и требует тщательного обсуждения. Невзирая на то, что наказание в виде пожизненного лишения свободы позволяет «отделить» особо опасных преступников от общества и предотвратить дальнейшие преступления, есть аргументы в пользу его отмены или изменения.

Один из главных аргументов против пожизненного лишения свободы связан с проблемой необратимости ошибки суда. В идеале суд должен выносить вердикты на основе достоверных доказательств и без каких-либо сомнений. Однако, существует риск, что приговоренный может оказаться неправомерно осужденным, и в случае пожизненного заключения этот просчет не имеет возможности быть исправленным. Введение более справедливых и гибких методов наказания могло бы помочь в этом вопросе, возможно, за счет усиления роли реабилитационных программ и пересмотра сроков заключения.

Еще одним аргументом является высокая стоимость содержания осужденных на протяжении всей их жизни. Пожизненное лишение свободы требует больших финансовых затрат на содержание заключенных, что оказывает давление на бюджет и отнимает средства, которые могли бы быть направлены на другие сферы, включая образование, здравоохранение и

социальную помощь. В этом контексте может быть обосновано рассмотрение более экономически эффективных методов наказания.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ
3. Арсенова А.А., Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2017. Т. 5, № 4 (20) <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online)
4. Воднева, М. А. Цель как основание криминализации и криминообразующий признак акта международного терроризма / М. А. Воднева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 4(35). – С. 323-335. – EDN YUMLUD.
5. Воскобоев, А. И. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы: проблемы применения наказаний / А. И. Воскобоев // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 3(70). – С. 52-56. – EDN SHVSVZ.
6. Гончаров, Д. Ю. Практика применения наказания в виде пожизненного лишения свободы / Д. Ю. Гончаров, А. В. Кудряшов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 4(39). – С. 220-230. – EDN WOSNED.
7. Дикаева, М. С. Смертная казнь как исключительная мера уголовного наказания в зарубежных странах и в России / М. С. Дикаева // Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 03 ноября 2016 года / Ответственный редактор Е.Н. Рахманова. – Санкт-Петербург: Издательский дом "Петрополис", 2016. – С. 116-125. – EDN XVZYLР.
8. Добряков, Д. А. Тенденции применения пожизненного лишения свободы / Д. А. Добряков, Т. Ф. Минязева, В. М. Поздняков // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 457. – С. 221-228. – DOI 10.17223/15617793/457/26. – EDN RVAКЕН.
9. Захряпин, Р. И. Международный опыт и практика применения пожизненного лишения свободы / Р. И. Захряпин // VI Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление" : Сборник тезисов выступлений и докладов участников форума (приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 "Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации"), Рязань, 15–17 ноября 2023 года. – Академия ФСИН России: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 293-300. EDN TEWFVJ.
10. Зубкова, В. И. Некоторые проблемные вопросы наказания о пожизненном лишении свободы в законодательстве России / В. И. Зубкова // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1-4), № 1. – С. 26–29. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.026-029.
11. Интернет-источник: WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27445/4647902/>
12. Кистяковский А.Ф., Исследование о смертной казни // Сочинение. Киев: в Университетской типографии, 1867. – 289 с. https://archive.org/details/issledovanie_o_smertnoy_kazni/mode/2up
13. Крайнов, Р. А. К вопросу о возможности применения смертной казни как исключительной меры наказания за совершение особо тяжких преступлений в ЕС и США, СНГ и России / Р. А. Крайнов // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2016. – № 13. – С. 104-112. – EDN XWYYXX.
14. Милаева, М. Ю. Смертная казнь, как исключительная мера общественной безопасности: спорные вопросы и их решения / М. Ю. Милаева // Юридическая наука. – 2021. – № 12. – С. 85-88. – EDN EOLPXV.
15. Новичихин, С. В. Смертная казнь как альтернатива пожизненному лишению свободы / С. В. Новичихин // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 25–26 октября 2017 года / Отв. ред. А. Г. Чириков. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 113-115. – EDN YNQUGM.
16. Осташев, А. А. Вопросы применения и отмены смертной казни в России и за рубежом / А. А. Осташев // E-Scio. 2020. – № 12(51). – С. 311-325. – EDN KGAALQ.
17. Павлова З., ЕСПЧ признал нарушением ежедневное применение наручников к пожизненно осужденному: <https://www.advgazeta.ru/novosti/espch-priznal-narusheniem-ezhednevnoe-primeneniye-naruchnikov-k-pozhiznenno-osuzhdennomu/>
18. Семенов, К. П. Институт назначения наказания: на примере пожизненного лишения свободы и смертной казни / К. П. Семенов, С. Н. Бычков, Е. Н. Алешина-Алексеева // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 2. – С. 131-137. – DOI 10.26163/GIEF.2022.93.49.022. – EDN KTVMEP.

19. Тулиглов М.А. Назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2, № 4. С. 44–61. DOI: 10.17238/2686-9241.2020.4.44-61
20. Яни, П. С. Наказуемость деяния смертной казнью и давность / П. С. Яни // Законность. – 2021. – № 1(1035). – С. 30-35. – EDN YHFVFFV.

On the issue of punishment in the form of life imprisonment

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material examines such a type of punishment as life imprisonment. The issue of life imprisonment is one of the most complex and controversial topics in the field of criminal law. In accordance with Article 57 of the Criminal Code of the Russian Federation, this measure applies to those convicted of particularly serious crimes, such as murder, crimes against public health and public morality, public safety, the foundations of the constitutional order and state security, and the sexual integrity of minors. However, debate about its effectiveness and compliance with international human rights standards continues. In Russia, life imprisonment is the most severe punishment that the state can apply to its citizens, given the moratorium on the use of such a punishment as the death penalty in the Russian Federation. On the one hand, it is a form of unconditional deprivation of liberty. On the other hand, supporters of this measure argue that it is necessary to ensure public safety and punish the most dangerous criminals. The main provisions of the phenomenon under study are presented, including legal aspects, as well as international practice experience in this area.

For citation

Slabkaya D.N. (2024) K voprosu o nakazanii v vide pozhiznennogo lisheniya svobody [On the issue of punishment in the form of life imprisonment]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 461-467. DOI: 10.34670/AR.2024.24.33.029

Keywords

Life imprisonment, convicted persons, punishment, severity of the crime, execution of punishment, criminal legislation, Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020)
2. "Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 13.06.1996 № 63-FZ
3. Arsenova A.A., Problemy instituta pozhiznennogo lisheniya svobody v rossiyskom ugolovnom prave // Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» 2017. Т. 5, № 4 (20) <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online)

4. Vodneva, M. A. Tsel' kak osnovaniye kriminalizatsii i kriminoobrazuyushchiy priznak akta mezhdunarodnogo terrorizma / M. A. Vodneva // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2018. – № 4(35). S. 323-335. – EDN YUMLUD.
5. Voskoboyev, A. I. Smertnaya kazn' i pozhiznennoye lisheniye svobody: problemy primeneniya nakazaniy / A. I. Voskoboyev // Yurist" -Pravoved". – 2015. – № 3(70). – S. 52-56. – EDN SHVSVZ.
6. Goncharov, D. YU. Praktika primeneniya nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody / D. YU. Goncharov, A. V. Kudryashov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2019. – № 4(39). – S. 220-230. – EDN WOSNED.
7. Dikayeva, M. S. Smertnaya kazn' kak isklyuchitel'naya mera ugolovnogo nakazaniya v zarubezhnykh stranakh i v Rossii / M. S. Dikayeva // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika : Sbornik statey po materialam IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 03 noyabrya 2016 goda / Otvetstvennyy redaktor Ye.N. Rakhmanova. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy dom "Petropolis", 2016. – S. 116-125. – EDN XVZYLP.
8. Dobryakov, D. A. Tendentsii primeneniya pozhiznennogo lisheniya svobody / D. A. Dobryakov, T. F. Mínyazeva, V. M. Pozdnyakov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 457. – S. 221-228. – DOI 10.17223/15617793/457/26. – EDN RVAKEH.
9. Zakhryapin, R. I. Mezhdunarodnyy opyt i praktika primeneniya pozhiznennogo lisheniya svobody / R. I. Zakhryapin // VI Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum "Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye" : Sbornik tezisov vystupleniy i dokladov uchastnikov foruma (priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i Zakona Rossiyskoy Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii"), Ryazan', 15–17 noyabrya 2023 goda. – Akademiya FSIN Rossii: Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2023. – S. 293-300. – EDN TEWFJW.
10. Zubkova, V. I. Nekotoryye problemnyye voprosy nakazaniya o pozhiznennom lishenii svobody v zakonodatel'stve Rossii / V. I. Zubkova // Ugolovno-ispolnitel'noye pravo. – 2019. – T. 14(1-4), № 1. – S. 26–29. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.026-029.
11. Internet-istochnik: WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27445/4647902/>
12. Kistyakovskiy A.F., Issledovaniye o smertnoy kazni // Sochineniye. Kiyev: v Universitetskoy tipografii, 1867. – 289 s. https://archive.org/details/issledovanie_o_smertnoy_kazni/mode/2up
13. Kraynov, R. A. K voprosu o vozmozhnosti primeneniya smertnoy kazni kak isklyuchitel'noy mery nakazaniya za soversheniye osobo tyazhkiykh prestupleniy v YES i SSHA, SNG i Rossii / R. A. Kraynov // Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy. – 2016. – № 13. – S. 104-112. – EDN XWYYXX.
14. Milayeva, M. YU. Smertnaya kazn', kak isklyuchitel'naya mera obshchestvennoy bezopasnosti: spornyye voprosy i ikh resheniya / M. YU. Milayeva // Yuridicheskaya nauka. – 2021. – № 12. – S. 85-88. – EDN EOLPXV.
15. Novichikhin, S. V. Smertnaya kazn' kak al'ternativa pozhiznennomu lisheniyu svobody / S. V. Novichikhin // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystviye nauki i praktiki : Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novokuznetsk, 25–26 oktyabrya 2017 goda / Otv. red. A. G. Chirikov. – Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2017. – S. 113-115. – EDN YNQUGM.
16. Ostashev, A. A. Voprosy primeneniya i otmeny smertnoy kazni v Rossii i za rubezhom / A. A. Ostashev // E-Scio. – 2020. – № 12(51). – S. 311-325. – EDN KGAALQ.
17. Pavlova Z., YESPCH priznal narusheniyem yezhednevnoye primeneniye naruchnikov k pozhiznennomu osuzhdeniyu: <https://www.advgazeta.ru/novosti/espch-priznal-narusheniem-ezhednevnoe-primeneniye-naruchnikov-k-pozhiznennomu-osuzhdeniyu/>
18. Semenov, K. P. Institut naznacheniya nakazaniya: na primere pozhiznennogo lisheniya svobody i smertnoy kazni / K. P. Semenov, S. N. Bychkov, Ye. N. Aleshina-Alekseyeva // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. – 2022. № 2. – S. 131-137. – DOI 10.26163/GIEF.2022.93.49.022. – EDN KTVMEP.
19. Tuliglovich M.A. Naznacheniyе nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody // Pravosudiye/Justice. 2020. T. 2, № 4. S. 44–61. DOI: 10.17238/2686-9241.2020.4.44-61
20. Yani, P. S. Nakazyemost' deyaniya smertnoy kaznyu i davnost' / P. S. Yani // Zakonnost'. – 2021. – № 1(1035). – S. 30-35. – EDN YHFVTV

УДК 343.985.1

DOI: 10.34670/AR.2024.44.32.032

Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств

Посухов Александр Вячеславович

Аспирант,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. им. Калинина, 13;
e-mail: postgraduateposukhov@mail.ru

Аннотация

Специальные познания представляют собой сведения, которыми не может обладать широкий круг лиц, поскольку источники таких сведений являются ограниченными, их изучение требует специальной подготовки. Специальными познаниями обладает ограниченный круг лиц. С их помощью могут быть обнаружены доказательства преступной деятельности. Кроме того, эксперт и специалист могут дать оценку обнаруженным сведениям. Применение специальных познаний в процессе расследования позволяет обеспечить эффективность проведения следственных действий, упростить деятельность по формированию доказательственной базы по делу, выбрать наиболее результативную тактику проведения расследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Посухов А.В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 468-474. DOI: 10.34670/AR.2024.44.32.032

Ключевые слова

Расследование преступлений, использование специальных познаний, судебная экспертиза, заключение специалиста, процессуальная форма использования специальных познаний, непроцессуальная форма использования специальных познаний.

Введение

Говоря о применении специальных знаний в ходе расследования преступлений о нецелевом расходовании бюджетных средств, необходимо отметить, что прежде всего речь идет о сведениях, которые отражены в финансовых документах. Нередко в ходе изучения изъятых документов следователю требуется получить пояснения, установить, о каких платежных операциях идет речь. Применение специальных познаний в ходе расследования преступления осуществляется в двух формах: процессуальной и непроцессуальной.

Непроцессуальная форма использования специальных познаний предусматривает привлечение следователя к участию в следственных действиях, в составлении вопросов для эксперта, оказанию содействия в обнаружении следов преступления посредством изучения изъятых документов [Лившиц, Кудрявцева, 2001, 96].

В ходе расследования рассматриваемых преступлений основные следы преступной деятельности содержатся в документах, в которых отражаются закономерности хозяйственной деятельности организации. Без использования специальных познаний установление признаков преступления невозможно. Специалист в таких случаях может оказать содействие в обнаружении следов преступления посредством изучения предметов и документов, дать следователю консультацию относительно вопросов, которые входят в их компетенцию.

Изученные специалистом документы приобретают доказательственное значение, поэтому представляется целесообразным и необходимым привлечение специалиста к участию к проведению следственных поисковых действий, а также в изъятии документов и их осмотре [Махов, 2000, 296]. Содействие следователю в данном вопросе могут оказать специалисты контрольно-ревизионных органов, деятельность которых направлена на выявление и предупреждений преступлений, обеспечение законности в процессе расходования бюджетных средств.

Непроцессуальные формы использования специальных познаний также предусматривают дачу консультаций. Например, консультации специалистов могут быть необходимы следователю при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, а также в ходе планирования первоначального этапа расследования. В качестве специалистов следователь привлекает ревизоров Федеральной службы финансово-бюджетных учреждений, а также иных органов государственной власти, должностные лица которых специализируются в сферах деятельности, связанной с проверкой законности расходования бюджетных средств.

Законность расходования бюджетных средств обеспечивается путем проведения проверок и ревизий. Целью данных проверочных действия является установление законности, эффективности и экономности расходования средств федерального бюджета [Рохлин, Данилова, Николаева, 2006, 29-31]. В ходе проведения проверок и ревизий в распоряжении специалистов соответствующих органов оказываются сведения, связанные с составлением и обоснованием плановых смет, соблюдением требований законодательства о целевом расходовании бюджетных средств, эффективности и экономичности расходования и использования средств федерального бюджета.

Если соответствующие специалисты-ревизоры установят в ходе проведения контрольных мероприятий признаки преступной деятельности, то полученные сведения следователь в дальнейшем может использовать в качестве доказательства, поскольку рассматриваемые правоотношения перейдут в сферу уголовного судопроизводства [Сорокотягина, Сорокотягин, 2008, 336]. Чтобы возбудить уголовное дело по рассматриваемой категории преступлений,

необходимо наличие двух условий: наличие в документах организации сведений.

Чтобы решить указанные задачи, необходимо провести анализ документов организаций, установить признаки нецелевого расходования денежных средств, способы совершения рассматриваемого преступления. В результате применения данной формы использования специальных познаний в распоряжение следователя поступают сведения, на основании которых он формирует версии о содержании преступной деятельности, проводит подготовку к проведению следственных действий.

Основная часть

Положения ст. 74 УПК РФ предусматривают в качестве доказательства по уголовному делу заключение и показания эксперта [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ, 2001]. Эксперт представляет собой субъекта уголовного процесса, который обладает специальными знаниями, проводит судебную экспертизу по уголовному делу. В связи с использованием при проведении экспертизы специальных знаний заключение эксперта представляет собой исследование, которое оканчивается выводом относительно обстоятельств по уголовному делу. Целью деятельности эксперта является установление или опровержение фактов, которые необходимы для установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела [Россинская, Зинин, 2016, 8-9].

Правовую основу деятельности экспертов составляют нормы Конституции РФ, а также федеральных законов и подзаконных нормативно-правовых актов. Основы экспертной деятельности являются неотъемлемой частью гарантий судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. В зависимости от содержания и степени юридической силы нормативно-правовые акты, которые регламентируют деятельность специалистов и экспертов, классифицируются на несколько групп.

Первая группа нормативно-правовых актов регламентирует общие вопросы деятельности экспертов и специалистов, устанавливает процессуальное положение, закрепляет права и обязанности, организационные основы проведения экспертизы, а также порядок и основания привлечения к ответственности.

Вторую группу образуют нормативно-правовые акты, в которых определены общие требования к экспертам, а также подробно закреплены условия и порядок проведения экспертизы. Прежде всего, речь идет о положениях Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также о подзаконных нормативно-правовых актах структурных органов Правительства РФ, в которых рассмотрены вопросы, связанные с утверждением методики проведения экспертизы, а также правила проведения экспертизы в отношении отдельных объектов.

Третья группа предусматривает нормативно-правовые акты, в которых предусмотрены вопросы, связанные с осуществлением специальной подготовки экспертов, закреплены квалификационные требования, а также положения о проведении аттестации.

Помимо названных групп нормативно-правовых актов, регламентирующих основные вопросы проведения судебной экспертизы, следует выделить нормативные акты, в которых закреплены вопросы, связанные с осуществлением финансирования судебно-экспертной деятельности [Матвеева, Матвеев, 2022, 40-44].

Положения УПК РФ наделяют право назначения экспертизы следователя и суд, которые во исполнение принятого решения выносят постановление о назначении экспертизы

[Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42, 2014]. Вместе с тем экспертиза по уголовным делам может проводиться в негосударственных судебно-экспертных учреждениях, негосударственными экспертами. Инициатива о проведении судебной экспертизы может исходить от участников процесса. Если инициатором экспертизы выступает суд, то проведение экспертизы оплачивается за счет средств федерального бюджета. В случае, если экспертиза проведена по инициативе сторон, они ее оплачивают самостоятельно.

Положения Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» предусматривают вопросы организации и проведения судебных экспертиз, а также положения о профессиональной деятельности экспертов, закрепляет их правовой статус, профессиональные требования, а также регламентирует вопросы ответственности. Помимо этого, положения названного закона закрепляют общие правила финансирования судебной экспертизы, которые предусматривают, что деятельность данных субъектов финансируется за счет средств федерального бюджета, либо за счет бюджетных средств субъекта РФ.

Одновременно предусмотрены возможности внебюджетного финансирования, поскольку государственные учреждения вправе взимать плату за проведение исследований на договорной основе.

Названные положения находят свое отражение в специальных нормативно-правовых актах, в которых регламентированы положения применительно к экспертным организациям. В таких нормативных актах предусмотрены виды проводимых экспертиз, порядок передачи и приема материала, методика проведения исследования.

Следующая рассматриваемая группа нормативно-правовых актов предусматривает вопросы, связанные с профессиональными и квалификационными требованиями к экспертам. Например, Министерством образования введен образовательный стандарт «Судебная экспертиза», в котором указаны специализации подготовки экспертов [Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 октября 2016 г. № 1342, [www](#)]. Нормативные акты федеральных органов исполнительной власти также предусматривают аттестационные требования к экспертам. Специфика экспертной деятельности каждого отдельного направления предусматривает различия, связанные с направлениями экспертной деятельности. Вместе с тем общим требованием является профессионализм.

Например, Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 24 июля 2020 г. «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» регламентирует право самостоятельного производства судебных экспертиз» предусматривает порядок создания экспертных комиссий, перечень проводимых испытаний, а также функции и полномочия должностных лиц, проводящих испытание. Подобные нормативно-правовые акты закрепляют профессиональный статус эксперта, обеспечивают качество судебно-экспертной деятельности [приказ Следственного комитета Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 77, [www](#)].

Заключительная группа нормативно-правовых актов, которая предусматривает регулирование вопросов, связанных с финансированием экспертной деятельности, включает в себя положения Бюджетного кодекса РФ, а также федеральных законов, в которых регламентирован бюджет на плановый период. В данной группе нормативных актов установлен порядок расчета бюджетных средств, которые направляются для проведения судебных экспертиз, а также определен порядок учета и перечисления данных средств на счет Федерального казначейства [Исаенко, 2022, 46-51].

Следует отметить, что периодически наблюдаются попытки реформирования судебно-экспертной деятельности, например, в 2013 г. в Государственной Думе РФ рассматривался проект Федерального закона, в котором были регламентированы вопросы организации экспертной деятельности государственных подразделений, а также частных экспертных учреждений. Положения данного законопроекта должны были распространяться не только на государственные, но и на частные организации. Новеллой было установление статуса негосударственных экспертных организаций, которые были представлены некоммерческими организациями. Помимо этого, были разработаны требования к экспертам таких организаций [Проект Федерального закона № 306504-6, www].

Однако в дальнейшем законопроект был отклонен, однако он мог заложить основы правовой регламентации статуса негосударственных экспертных учреждений, а также закрепить правовой статус экспертов данных учреждений, что позволило бы в целом расширить возможности судебно-экспертной деятельности, позволило бы проводить экспертизы в различных областях знаний, что повысило бы эффективности расследования и правосудия.

Следует отметить, что подобный законопроект должен предусматривать положения о введении реестра негосударственных судебно-экспертных организаций, а также регламентировать вопросы оплаты экспертиз, которые проводятся в негосударственных учреждениях. Ситуация, которая связана с деятельностью негосударственных экспертных организаций, рассматривается как пробел в законодательстве, который приводит к хаотичному созданию негосударственных экспертных организаций, а также к возникновению вопросов относительно степени подготовки таких специалистов.

Системный подход к обеспечению нормативного регулирования судебно-экспертной деятельности в настоящее время действует не в полной мере. Требуется решение вопроса, связанного с регламентацией правового статуса и порядка деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций, деятельности частных экспертов. Необходимо решить, в каких организационно-правовых формах такие организации могут функционировать, не ясно, какие требования должны быть предъявлены к таким экспертам. Вместе с тем требуется ведение реестра учета негосударственных судебно-экспертных организаций.

Заключение

Таким образом, в ходе расследования преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств, применение специальных познаний является необходимым. Специальные познаний в ходе расследования преступления могут быть использованы в процессуальной и непроцессуальной формах. Применение специальных познаний в процессе расследования позволяет обеспечить эффективность проведения следственных действий, упростить деятельность по формированию доказательственной базы по делу, выбрать наиболее результативную тактику проведения расследования.

Библиография

1. Исаенко В.Н. Надлежащий субъект производства экспертизы в уголовном процессе // Законность. 2022. № 5. С. 46-51.
2. Лившиц Ю.Д., Кудрявцева А.В. Вопросы использования специальных познаний в уголовном процессе. Челябинск: НТЦ-НИИОГР, 2001. 96 с.
3. Матвеева Н.А., Матвеев И.В. Система правового обеспечения судебно-экспертной деятельности // Российский судья. 2022. № 11. С. 40-44.

4. Махов В.Н. Использование специальных знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.
5. О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
6. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: проект Федерального закона № 306504-6 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза (уровень специалитета)»: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 октября 2016 г. № 1342 (зарегистрирован в Минюсте России 6 декабря 2016 г. № 44595) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 24.07.2020 № 77 (зарегистрирован в Минюсте России 11 августа 2020 г. № 59230) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Россинская Е.Р., Зинин А.М. Экспертиза в судопроизводстве. М.: Проспект, 2016. С. 8-9.
10. Рохлин В., Данилова Н., Николаева Т. Использование специальных бухгалтерских знаний при расследовании экономических преступлений // Законность. 2006. № 4. С. 29-31.
11. Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н. Судебная экспертиза. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 336 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

The use of special knowledge in the investigation of crimes related to the misuse of budgetary funds

Aleksandr V. Posukhov

Postgraduate Student,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
350044, 13 im. Kalinina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: postgraduateposukhov@mail.ru

Abstract

Special knowledge represents information that cannot be possessed by a wide range of people, since the sources of such information are limited, and their study requires special training. A limited number of people have special knowledge. They can help uncover evidence of criminal activity. In addition, an expert and specialist can evaluate the information discovered. The use of special knowledge in the investigation process makes it possible to ensure the effectiveness of investigative actions, simplify the activities of forming an evidence base in the case, and choose the most effective tactics for conducting the investigation.

For citation

Posukhov A.V. (2024) Ispol'zovanie spetsial'nykh znanii pri rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s netselevym raskhodovaniem byudzhetykh sredstv [The use of special knowledge in the investigation of crimes related to the misuse of budgetary funds]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 468-474. DOI: 10.34670/AR.2024.44.32.032

Keywords

Crime investigation, use of special knowledge, forensic examination, expert opinion, procedural form of use of special knowledge, non-procedural form of use of special knowledge.

References

1. Isaenko V.N. (2022) Nadležashchii sub"ekt proizvodstva ekspertizy v ugovnom protsesse [Proper subject of examination in criminal proceedings]. *Zakonnost'* [Legality], 5, pp. 46-51.
2. Livshits Yu.D., Kudryavtseva A.V. (2001) *Voprosy ispol'zovaniya spetsial'nykh poznanii v ugovnom protsesse* [Issues of using special knowledge in criminal proceedings]. Chelyabinsk: NTTs-NIOGR Publ.
3. Makhov V.N. (2000) *Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy svedushchikh lits pri rassledovanii prestuplenii* [Use of special knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crimes]. Moscow: RUDN Publ.
4. Matveeva N.A., Matveev I.V. (2022) Sistema pravovogo obespecheniya sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti [System of legal support for forensic activities]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 11, pp. 40-44.
5. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o protsessual'nykh izderzhkakh po ugovnym delam: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2013 g. № 42 (2014) [On the practice of application by courts of legislation on procedural costs in criminal cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 42]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2.
6. O sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii: proekt Federal'nogo zakona № 306504-6 [On forensic activities in the Russian Federation: Draft Federal Law No. 306504-6]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
7. Ob utverzhenii obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po spetsial'nosti 40.05.03 «Sudebnaya ekspertiza (uroven' spetsialiteta)»: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 28 oktyabrya 2016 g. № 1342 (zaregistririvan v Minyuste Rossii 6 dekabrya 2016 g. № 44595) [On approval of the educational standard of higher education in specialty 40.05.03 "Forensic examination (specialty level)": Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of October 28, 2016 No. 1342 (registered with the Ministry of Justice of Russia on December 6, 2016 No. 44595)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
8. Ob utverzhenii Poryadka opredeleniya, peresmotra urovnya kvalifikatsii i attestatsii ekspertov federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo uchrezhdeniya «Sudebno-ekspertnyi tsentr Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii» na pravo samostoyatel'nogo proizvodstva sudebnykh ekspertiz: prikaz Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii ot 24.07.2020 № 77 (zaregistririvan v Minyuste Rossii 11 avgusta 2020 g. № 59230) [On approval of the Procedure for determining, reviewing the level of qualifications and certification of experts of the federal state government institution "Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation" for the right to independently conduct forensic examinations: Order of the Investigative Committee of the Russian Federation of July 24, 2020 No. 77 (registered with the Ministry of Justice of Russia on August 11, 2020 No. 59230)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
9. Rokhlin V., Danilova N., Nikolaeva T. (2006) *Ispol'zovanie spetsial'nykh bukhgalterskikh znaniy pri rassledovanii ekonomicheskikh prestuplenii* [Use of special accounting knowledge in the investigation of economic crimes]. *Zakonnost'* [Legality], 4, pp. 29-31.
10. Rossinskaya E.R., Zinin A.M. (2016) *Ekspertiza v sudoproizvodstve* [Expertise in legal proceedings]. Moscow: Prospekt Publ., pp. 8-9.
11. Sorokotyagina D.A., Sorokotyagin I.N. (2008) *Sudebnaya ekspertiza* [Forensic examination]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
12. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 177-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 177-FZ] (2001). *Sobranie zakonodatel'stva R.F St. 4921* [Collection of legislation of the Russian Federation. Art. 4921], 52 (1).

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.33.44.031

Влияние факультативных признаков субъективной стороны на квалификацию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов

Сипягин Николай Александрович

Магистрант,
Институт публичного права и управления
Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина,
123242, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: nik1999sipaigin@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждаются спорные аспекты, связанные с воздействием факультативных характеристик субъективной стороны на квалификацию преступлений, связанных с нелегальным обращением наркотиков, психотропных средств и их аналогов. Главной целью работы является анализ имеющихся мнений о мотивации и целях преступной деятельности в рамках указанной категории и разработка рекомендаций для разрешения противоречий, возникших в ходе применения норм статей 228 и 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Сипягин Н.А. Влияние факультативных признаков субъективной стороны на квалификацию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 475-483. DOI: 10.34670/AR.2024.33.44.031

Ключевые слова

Субъективная сторона, мотив преступления, цель преступления, сбыт, приобретение наркотических средств, размер наркотических средств, добровольная сдача наркотических средств.

Введение

Учет субъективной стороны преступления как неотъемлемой части его определения уходит корнями в историю развития концепции вины и ее важности в контексте уголовного законодательства. «Субъективное вменение – достижение цивилизации. Действительность ранних общественно-экономических формаций не слишком баловала человечество гуманным отношением к лицам, совершившим социально значимые поступки» [Якушин, 1988, 8]. Плавный переход от прежнего подхода, когда вина оценивалась на основании внешних признаков социально опасных действий человека, вызвал потребность в определении прямой связи между объективными особенностями преступного акта и их восприятием в психике виновного лица.

Как отмечал Лунеев В.В., «только исследовав действительное хотение субъекта, можно понять его фактическое отношение к совершаемым действиям и их возможным последствиям, т.е. установить его реальную вину, не нарушая принципа субъективного вменения» [Лунеев, 2000, 63]. Из высказывания ученого следует, что для корректного применения принципа вины в рамках уголовного законодательства недостаточно лишь выявить психологическое отношение индивида к его действиям и их общественно опасным последствиям. Необходимо также учитывать дополнительные субъективные обстоятельства, подтолкнувшие человека к совершению преступления.

Помимо вины, ключевыми компонентами субъективной стороны преступления также являются мотив и цель. Мотив преступления отражает внутренний стимул к выполнению незаконных действий или бездействия. Преступная цель подразумевает субъективное восприятие индивидом ожидаемого исхода его действий, что становится руководящей силой его поведенческого выбора [Дагель, Котов, 1974, 115]. Мотивом незаконного сбыта наркотических средств может служить сочувствие к человеку, страдающему наркоманией, а целью – желание на какой-то срок избавить несчастного от тягот, испытываемых в связи с болезненным влечением.

Основная часть

Некоторые исследователи высказывают мнение, что сущность субъективной составляющей уголовного деяния ограничивается анализом самого противоправного акта, при этом нет принципиального различия между терминами «субъективная сторона» и «вина» [там же, 40-41]. В рамках данной концепции мотив и цель рассматриваются как составные элементы вины, поскольку они интегрированы в психологическое восприятие совершаемого акта.

Критики этой концепции подчеркивают, что она противоречит основным принципам уголовного права, в соответствии с которыми содержание вины определяется исключительно в качестве психического отношения лица к совершаемому общественно опасному деянию и преступным последствиям (ст. 5 УК РФ, ст. 24 УК РФ). Фундаментом этой связи являются когнитивные и волевые составляющие, которые определяют содержание вины и взаимодействие которых формирует различные формы субъективного отношения к преступлению. «Закон относит к содержанию вины, то есть умысла и неосторожности, лишь психическое отношение – сознание и волю, не оставляя ни в интеллектуальном, ни в волевом элементах умысла и неосторожности места для мотива, цели и иных признаков» [Рарог, 2016, 43]. Следовательно, понятие субъективной стороны не может быть идентифицировано как тождественное понятию вины, поскольку оно включает в себя более обширный диапазон

психологических компонентов. В качестве примера, когда индивид реализует наркотики, движимый сочувствием, его ответственность укладывается в рамки осознания сути своих действий и намерения действовать в соответствии с преступным намерением. Тем не менее, любые эмоциональные проявления, независимо от их характера, не вписываются в данную психологическую связь. Однако пренебрегать этими аспектами при анализе деяния недопустимо, поскольку они оказывают непосредственное воздействие на степень связанной с преступлением общественной опасности. Мало кто оспорит, что торговля наркотиками с целью личной выгоды должна вызывать большее общественное порицание, нежели бесплатное предоставление запрещенных веществ больному наркоманией из сострадания или страха за его жизнь. Таким образом, четкое определение мотива и цели преступления помогает выявить истинный характер психологического отношения к совершенному деянию, что обеспечивает соблюдение принципов вины и справедливости.

Мотивы – это основанные на существующих у лица потребностях и интересах факторы, обуславливающие выбор преступного варианта поведения. Мотив не побуждает индивида к активности, но и оказывает значительное влияние на его восприятие и осмысление своих поступков. Этот процесс происходит так: воздействия из внешнего мира влияют на психологическое состояние личности, порождая уникальные отклики в его восприятии. Затем данные реакции подлежат осмыслению, в результате чего индивид формирует последующие стремления и направления своей активности [Волков, 1982, 12]. Поэтому мотив преступления неразрывно связан с конкретными целями, что подразумевает существование очевидной корреляции между внутренними стремлениями субъекта и его восприятием фактической составляющей своего деяния. В связи с этим закон требует от правоохранительных органов всегда проверять наличие у лица мотивов совершения преступления (ст. 73 УПК РФ).

Мотив и цель служат конструктивными признаками отдельных составов преступлений, что, по мнению законодателя, свидетельствует об особой социальной значимости этих компонентов психики при определенных обстоятельствах деяния. Статья 228 УК РФ устанавливает ответственность за незаконный оборот наркотиков без цели сбыта (в данном случае цель преступления указана негативно), а в тех случаях, когда указанные в ст. 228 действия выполняются лицом с целью сбыта, их требуется квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14, www].

Чтобы решить вопрос о наличии или отсутствии у субъекта преступления цели сбыта, требуется тщательный анализ семантической нагрузки этого критерия.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ говорится, что под незаконным сбытом следует понимать деятельность лица, направленную на возмездную либо безвозмездную реализацию наркотиков другому лицу [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14, www]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что цель сбыта выражается в желании реализовать вышеупомянутую деятельность.

Приверженность данной точки зрения в процессе применения уголовного законодательства порождает дискуссионные моменты.

Приговором Верховного Суда Чувашской Республики от 19.07.2021 участники преступной группы были признаны виновными в совершении нескольких преступлений, в том числе насильственного принуждения потерпевших к употреблению наркотиков.

Суд пришел к выводу о том, что преступники организовали похищение людей, принудительно содержали их в заточении, вынуждая к употреблению наркотических средств, при этом фиксируя процесс на видео. Целью данной операции было дискредитировать

потерпевших, создав основания для последующего вымогательства денег путем угрозы распространения видеоматериалов среди правоохранителей. Отмечено, что наркотические средства, к употреблению которых были принуждены жертвы, находились в собственности членов этой преступной организации.

Данный эпизод был квалифицирован как насильственное склонение к потреблению наркотических средств без совокупного вменения оконченного сбыта [Приговор Верховного суда Чувашской Республики от 19.07.2021 по делу № 2-05/2021, [www](#)].

Приговор Верховного Суда Чувашской Республики вызывает вопросы. В соответствии с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, действия лиц, склоняющих к потреблению наркотиков и одновременно совершающих преступления, предусмотренные статьями 228, 228.1 или 229 УК РФ, должны квалифицироваться с учетом этих преступлений по совокупности [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017), [www](#)]. Кроме того, суд первой инстанции установил, что корыстная цель членов преступной группы определила направление их действий не только на принуждение потерпевших к употреблению наркотических средств, но и на их безвозмездное предоставление последним. Следовательно, в данной ситуации у преступников было намерение осуществить сбыт, несмотря на отсутствие у жертв желания употреблять наркотики. Таким образом, их действия следовало квалифицировать по правилам совокупности преступлений, поскольку помимо склонения, они также содержали все признаки незаконного сбыта запрещённых веществ.

Наряду с основной целью деяния, на квалификацию может оказывать влияние психическое отношение к отдельным действиям, составляющим объективную сторону преступления.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает: «Решая вопрос о том, относится ли смесь наркотического средства или психотропного вещества, включенного в список I (или в списки II и III, если средство, вещество выделено сноской), и нейтрального вещества (наполнителя) к значительному, крупному или особо крупному размерам, судам следует исходить из возможности использования указанной смеси для немедицинского потребления [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14, [www](#)].»

Из данного указания следует, что при определении размера правоприменителю надлежит обращать внимание на наличие фактической возможности потребить полученную смесь без исключения из ее состава стороннего компонента. Но «иногда нейтральное вещество используется для маскировки наркотического средства. Например, когда героин скрывается в сахаре или муке в целях его контрабанды. Или когда маковая солома смешивается с таким ненаркотическим компонентом, как семена мака, для последующего сбыта под видом пищевой продукции – кондитерского мака» [Федоров, 2016, 30-34]. Поэтому предложенный Пленумом подход нуждается в доработке.

Если руководствоваться концепцией субъективного вменения, то в вышеупомянутых случаях правоприменителю следует опираться не на реальные характеристики полученного состава, а на индивидуальное восприятие ожидаемого исхода, к которому стремилось лицо, совершая смешение наркотика с безвредным компонентом. Из чего можно заключить, что, в соответствии с принципом вины, оценка размера наркотических средств, смешанных с сахаром, мукой или другими наполнителями с целью их сокрытия, должна производиться без учета нейтрального вещества, даже если будет установлено, что полученная в результате такого смешения субстанция могла быть использована для немедицинского потребления. Если же правоприменитель ограничится оценкой возможности использования смеси упомянутым образом, то он рискует допустить объективное вменение.

Значение мотива при юридической квалификации поведения субъекта также может выходить за рамки обыкновенной оценки внутренних побуждений к совершению преступного деяния.

В соответствии с примечанием к статье 228 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо, которое самостоятельно сдало наркотические средства и внесло значительный вклад в процесс выявления или прекращения деятельности, связанной с противоправным распространением таких веществ, в том числе помогло в раскрытии личностей, причастных к совершению подобных деяний, а также в обнаружении активов, полученных незаконным путем, может быть освобождено от ответственности за данное преступление. При этом, согласно рекомендации Пленума, под добровольной сдачей следует понимать выдачу лицом наркотиков представителям власти при наличии у этого лица реальной возможности распорядиться ими иным способом. Другими словами, основанием для освобождения лица от уголовной ответственности по статье 228 Уголовного кодекса служит личное стремление субъекта добровольно отказаться от дальнейшего совершения преступных действий.

В подобных ситуациях процесс установления целей субъектом разворачивается аналогично стадии зарождения преступного умысла: у индивида возникает внутреннее стимулирующее начало, которое превращается в задачу добровольной передачи запрещенных средств в распоряжение органов правопорядка.

В Толковом словаре С.И. Ожегова слово «добровольность» описывается как «совершаемый или действующий по собственному желанию, не под принуждением [Ожегов, Шведова, 1997, 570]». Это порождает вопросы относительно адекватности решения, принятого Пленумом, усложнить концепцию добровольной сдачи добавлением объективного критерия, заключающегося в наличии реальной возможности распорядиться наркотиками иным способом, нежели сдать их правоохранителям.

Суть проблемы заключается в том, что иногда человек, имеющий фактическую возможность самостоятельно распорядиться наркотиками, допускает неверную оценку обстоятельств и передает запрещенные субстанции органам правопорядка, ошибочно предполагая, что эти вещества в любом случае были бы конфискованы у него.

В частности, Приговором Ленинского районного суда Республики Крым от 27 августа 2021 года Царапкин Игорь Игоревич был признан виновным и осужден по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

В ходе судебного разбирательства было выяснено, что Царапкин и его компаньон были задержаны сотрудниками полиции на основании подозрения в нелегальном обороте наркотиков. В момент досмотра у Царапкина наркотики обнаружены не были, однако он самостоятельно сообщил об их наличии в своем жилище и дал согласие на его обыск. До этого эпизода у правоохранителей отсутствовали законные предпосылки для его привлечения к ответственности. В процессе обыска Царапкин передал полицейским наркотические средства, масса которых достигала крупного размера. Важно подчеркнуть, что Царапкин сделал заявление о хранившейся у него марихуане после того, как узнал о задержании его спутника за деяние, связанное с незаконным распространением наркотических средств.

Исходя из изложенных фактов, суд пришел к заключению, что признание Царапкина произошло под внешним давлением, и не нашел достаточных оснований для освобождения обвиняемого от уголовной ответственности [Приговор Ленинского районного суда Республики Крым от 27.08.2021 г. по делу № 1-133/2021, www].

Тогда адвокатом Царапкина была подана апелляционная жалоба в вышестоящую инстанцию, в которой он просил изменить приговор Ленинского районного суда Республики Крым, признать в качестве обстоятельств, смягчающих наказание осужденного, его явку с

повинной, добровольную выдачу наркотических средств, совершение преступления впервые и назначить ему наказание с применением положений ст. 73 УК РФ.

В определении апелляционной инстанции Верховный Суд Республики Крым отметил, что анализ материалов уголовного дела не выявил улик о том, что до обнаружения наркотических средств у Царапкина полиция обладала информацией о его участии в преступной деятельности или имела намерение провести обыск его жилища в поисках наркотиков. С учетом того, что перед Царапкиным стояла возможность использовать другие пути обращения с наркотиками, суд пришел к заключению, что его решение передать наркотическое средство следует рассматривать как добровольную сдачу.

В результате производство по уголовному делу было прекращено в связи с отсутствием состава преступления [Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 09.11.2021 № 22-3120/2021 по делу № 1-133/2021, www].

Рассмотренные судебные акты свидетельствуют об отсутствии в практике единого подхода к толкованию природы добровольности при выдаче веществ, составляющих предмет преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ.

При оценке действий Царапкина суд первой инстанции исходил из субъективных представлений подсудимого о дальнейшей возможности безнаказанно распоряжаться находящимися у него наркотиками, в связи с чем итоговый вывод, согласно которому Царапкин был вынужден признаться в хранении марихуаны, является вполне понятным, так как он косвенно подтверждался обстоятельством осведомленности Царапкина о задержании его знакомого за совершение близкого по характеру преступления.

Однако точка зрения суда апелляционной инстанции полностью соотносится с позицией Пленума, поскольку она построена на оценке фактической возможности у субъекта продолжать скрывать запрещенные вещества от правоохранителей.

Представляется, что первый подход в большей степени соответствует сложившейся уголовно-правовой традиции оценивать поведение лица, исходя из его личного восприятия внешних обстоятельств окружающей действительности. Поэтому при решении вопроса о наличии элемента добровольности в выдаче наркотиков правоприменителю следует давать оценку исключительно субъективной мотивации, побудившей лицо отказаться от дальнейшего продолжения преступной активности.

Для нормативного закрепления изложенного взгляда на решение спорных ситуаций, касающихся определения элемента добровольности в сдаче запрещенных веществ, Пленуму следует доработать действующую редакцию третьего абзаца п. 19 постановления от 15 июня 2006 г. № 14. Из его содержания нужно исключить условие о реальной возможности распорядиться наркотиками иным способом, заменив на наличие обязательного осознания лицом того факта, что информация о его участии в незаконном обороте наркотиков не стала бы известна правоохранительным органам в случае его намерения распорядиться наркотиками иначе. При этом основным фактором, свидетельствующим о добросовестности такого лица, должен являться мотив его поступка.

Заключение

Резюмируя все рассуждения, представленные в настоящей статье, можно прийти к следующим обобщениям:

Отсутствие у лица, в отношении которого производится сбыт, личной заинтересованности в приобретении или потреблении запрещенных веществ не исключает привлечение субъекта к

уголовной ответственности за деяние, совершенное с целью сбыта.

В соответствии с принципом вины, оценка размера наркотических средств, смешанных с нейтральным веществом с целью их сокрытия, должна производиться без учета нейтрального вещества, даже если будет установлено, что полученная в результате такого смешения субстанция могла быть использована для немедицинского потребления.

При решении вопроса о том, являются ли действия лица добровольной сдачей наркотиков и можно ли рассматривать их в качестве соблюденного условия для применения примечания, предусмотренного ст. 228 УК РФ, правоприменителю следует исходить не из наличия у такого лица реальной возможности распорядится наркотиками иным образом, а из субъективной оценки такой возможности самим лицом, сдавшим наркотики правоохранителям.

Библиография

1. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 09.11.2021 № 22-3120/2021 по делу № 1-133/2021 Приговор: По ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...). Определение: Приговор отменен, производство по делу прекращено // СПС «КонсультантПлюс».
2. Волков Б.С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань: Издательство Казанского университета, 1982. 152 с.
3. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 243 с.
4. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М., 2000. 70 с.
5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997. 570 с.
7. Приговор Верховного суда Чувашской Республики от 19.07.2021 по делу № 2-05/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sCBcZoDBNkZr>.
8. Приговор Ленинского районного суда Республики Крым от 27.08.2021 г. по делу № 1-133/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2008. 224 с.
10. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М.: Проспект, 2016. 232 с.
11. Толкаченко А.А. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 2005..
12. Федоров А.В. Семена мака - пищевой продукт или наркотик // Наркоконтроль. 2016. № 1. С. 30-34
13. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПИ, 1998. 296 с.

Influence of optional signs of the subjective side on qualification of crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues

Nikolai A. Sipyagin

Undergraduate Student,
Institute of Public Law and Management
of the O. E. Kutafin Moscow State Law University,
123242, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nik1999sipaigin@mail.ru

Abstract

The article discusses controversial aspects related to the impact of facultative characteristics of the subjective side on the classification of crimes associated with the illegal trafficking of narcotics, psychotropic substances, and their analogs. The main objective of the work is to analyze the existing opinions on the motivation and goals of criminal activity within this category and to develop recommendations for resolving contradictions that have arisen during the application of the norms of articles 228 and 228¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

For citation

Sipyagin N.A. (2024) Vliyaniye fakul'tativnykh priznakov sub"ektivnoi storony na kvalifikatsiyu prestuplenii v sfere nezakonno go oborota narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh analogov [Influence of optional signs of the subjective side on qualification of crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 475-483. DOI: 10.34670/AR.2024.33.44.031

Keywords

Subjective side, motive of crime, purpose of crime, sale, acquisition of narcotic drugs, size of narcotic drugs, voluntary surrender of narcotic drugs.

References

1. Apellyatsionnoe opredeleniye Verkhovnogo Suda Respubliki Krym ot 09.11.2021 № 22-3120/2021 po delu № 1-133/2021 Prigovor: Po ch. 2 st. 228 UK RF (nezakonnyye priobretenie, khraneniye, perevozka, izgotovleniye, pererabotka narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv ili ikh analogov...). Opredeleniye: Prigovor otmenen, proizvodstvo po delu prekrashcheno [Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Crimea dated November 9, 2021 No. 22-3120/2021 in case No. 1-133/2021 Verdict: Under Part 2 of Art. 228 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal acquisition, storage, transportation, production, processing of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues...). Determination: The verdict was overturned, the proceedings were terminated]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
2. Dageľ P.S., Kotov D.P. (1974) *Sub"ektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovleniye* [The subjective side of the crime and its establishment]. Voronezh.
3. Fedorov A.V. (2016) Semena maka - pishchevoi produkt ili narkotik [Poppy seeds - food product or drug]. *Narkokontrol'* [Drug control], 1, S. 30-34
4. Lunev V.V. (2000) *Sub"ektivnoe vmneniye* [Subjective imputation]. Moscow.
5. O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narkoticheskimi sredstvami, psikhotroponymi, sil'nodeistvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami: postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.06.2006 № 14 (red. ot 16.05.2017) [On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 No. 14 (as amended on May 16, 2017)]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1997) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions], 4th ed. Moscow.
7. Prigovor Leninskogo raionnogo suda Respubliki Krym ot 27.08.2021 g. po delu № 1-133/2021 [Sentence of the Leninsky District Court of the Republic of Crimea of August 27, 2021 in case No. 1-133/2021]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
8. *Prigovor Verkhovnogo suda Chuvashskoi Respubliki ot 19.07.2021 po delu № 2-05/2021* [The verdict of the Supreme Court of the Chuvash Republic of July 19, 2021 in case No. 2-05/2021]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/sCBcZoDBNkZr> [Accessed 12/03/2024].
9. Rarog A.I. (2008) *Nastol'naya kniga sud'i po kvalifikatsii prestuplenii* [A judge's handbook on the classification of crimes]. Moscow.
10. Rarog A.I. (2016) *Problemy kvalifikatsii prestuplenii po sub"ektivnym priznakam* [Problems of qualifying crimes based on subjective characteristics]. Moscow: Prospekt Publ.
11. Tolkachenko A.A. (2005) *Problemy sub"ektivnoi storony prestupleniya* [Problems of the subjective side of crime].

Moscow.

12. Volkov B.S. (1982) *Motivy prestuplenii (Ugolovno-pravovoe i sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie)* [Motives for crimes (Criminal legal and socio-psychological research)]. Kazan': Kazan University Publishing House.
13. Yakushin V.A. (1998) *Sub"ektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugovnom prave* [Subjective imputation and its meaning in criminal law]. Tol'yatti: TolPI Publ.

УДК 343.2/7

DOI: 10.34670/AR.2024.48.59.044

Проблемы антикоррупционной политики в сфере ЖКХ в контексте привлечения к уголовной ответственности за хищение денежных средств ресурсоснабжающей организации

Луговой Сергей Владимирович

Директор по безопасности акционерного общества
«Автономная теплоэнергетическая компания»,
аспирант юридического факультета им. АА. Хмырова,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: Lugovoy@mail.ru

Аннотация

Коррупция представляет особую угрозу обеспечения благоприятной жизнедеятельности населения, способствует замедлению экономического развития и росту преступности. Особую опасность коррупционные преступления представляют в сфере жилищно-коммунального хозяйства, поскольку криминализация данного сегмента препятствует бесперебойному обеспечению подачи тепловой энергии, электроэнергии, горячего и холодного водоснабжения. Работа ресурсоснабжающих организаций строится на взаимоотношениях между ними и юридическими или физическими лицами, которые закрепляются в виде договоров на поставку ресурса, при этом зачастую посредники между ресурсоснабжающими организациями и населением злоупотребляют своими полномочиями с целью хищения денежных средств. В данном исследовании рассмотрена проблема совершенствования антикоррупционного механизма в контексте привлечения к уголовной ответственности за хищение денежных средств ресурсоснабжающих организаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Луговой С.В. Проблемы антикоррупционной политики в сфере ЖКХ в контексте привлечения к уголовной ответственности за хищение денежных средств ресурсоснабжающей организации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 484-492. DOI: 10.34670/AR.2024.48.59.044

Ключевые слова

Ресурсоснабжающая организация, уголовное право, хищение денежных средств, уголовная ответственность, антикоррупционная политика.

Введение

В российском государстве отмечается высокий уровень коррупционного явления, о чем свидетельствуют статистические данные о преступлениях коррупционной направленности, а также отечественная и зарубежная аналитика, в том числе результаты наблюдения международных организаций за состоянием уровня коррупции в мире [Струк, 2021]. В современный период крайне необходимо уделять особое внимание проблемам совершенствования механизмов реализации антикоррупционной политики, поскольку это является основой государственной системы противодействия коррупции. Коррупция проникла во многие сегменты экономического рынка, и жилищно-коммунальное хозяйство (далее – ЖКХ) не является исключением [Борисенко, 2021].

Резко негативным фактором функционирования ЖКХ является криминализация сферы, где совершается большое количество преступлений, последствия которых связаны с развитием финансового кризиса, дестабилизацией экономического пространства и процветанием теневой экономики. Наиболее опасными преступными деяниями в данном контексте являются преступления против собственности, субъектами которых являются наделенные управленческим полномочиями лица. ЖКХ обеспечивает деятельность социально значимой инфраструктуры во всех регионах страны, способствуя повышению уровня комфорта жизни населения посредством предоставления различных услуг, поэтому противодействие преступности в данной сфере является важным процессом.

Основная часть

Основой жилищно-коммунального комплекса является жилищный фонд, представляющий собой совокупность всех жилых помещений различных форм собственности. В контексте комплексной подачи коммунальных ресурсов в многоквартирные дома юридические взаимоотношения между РСО и гражданами (потребителями) возникают через посредника – управляющую компанию, товарищество собственников жилья (далее – ТСЖ) или товарищество собственников недвижимости (далее – ТСН), при этом в настоящее время проблема финансовых взаимоотношений управляющих компаний, собственников жилья и ресурсоснабжающих организаций (далее – РСО) стоит наиболее актуально, поскольку опосредованно данная тематика касается большинства населения страны, при этом именно представленные отношения – наиболее коррупциогенные.

Между РСО, с одной стороны, управляющими компаниями, ТСН, ТСЖ – с другой стороны, а также населением – с третьей стороны ежемесячно проходят колоссальные обороты финансов, предназначенных на оплату поставленных ресурсов. В определенный момент времени в компании, ведущей деятельность по управлению многоквартирными домами, аккумулируются большие объемы денежных средств, которые «де юре» принадлежат РСО, а выступающая посредником между населением и РСО компания, в соответствии с ч. 6 Постановления Правительства РФ «О требованиях к осуществлению расчетов за ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг» [Постановление Правительства РФ от 28.03.2012 № 253, 2012], обязана регулярно перечислять платежи в РСО: «платежи исполнителя подлежат перечислению в пользу ресурсоснабжающих организаций и регионального оператора не позднее рабочего дня, следующего за днем поступления платежей потребителям исполнителю».

Учитывая данные факторы, у многих представителей сферы ЖКХ возникает умысел,

направленный на хищение денежных средств, собранных с населения и предназначенных к перечислению в пользу РСО. Коррупционные деяния наносят финансовый ущерб не только РСО, но отражаются и на гражданах, ведь вследствие хищения денежных средств у РСО образуется неспособность выполнения своих долговых обязательств перед такими же поставщиками электроэнергии или газа, что влечет за собой применение санкций в виде отключения электроэнергии и прекращения газоснабжения на объекты производства коммунальных ресурсов. Так, газоснабжающая организация за несвоевременную оплату может применить санкции к теплоснабжающей организации в виде приостановления подачи газа на котельные, производящие горячую воду и отопление. В результате котельные прекращают свою работу, а население многоквартирных домов остается без тепла и горячей воды, поэтому в отношении недобросовестных руководителей крайне необходимо принимать ужесточенные мероприятия с целью минимизации коррупционных преступлений, резко отрицательно влияющих на обеспечение благоприятной жизнедеятельности граждан.

Фундаментом криминализации ЖКХ в контексте хищения денежных средств РСО является наличие совокупности коррупциогенных факторов. При этом понятие коррупции в юридической науке и практике является предметом множества дискуссий, в связи с чем единой концепции к толкованию данного явления все еще не сложилось, что создает проблемы в толковании норм права и препятствует привлечению к ответственности коррупционеров. Коррупция по своему проявлению имеет широкое многообразие форм, к тому же данное явление изучается в различных отраслях науки, поэтому многие специалисты в зависимости от своей специфики определяют собственные подходы к пониманию коррупции.

Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции», коррупция – это «злоупотребление служебным положением, либо дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп или какое-либо другое незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение всех вышеперечисленных действий от имени или в интересах юридического лица» [Адельшина, Васильев, 2023].

Представленный в законе подход в толковании позволяет сомневаться в объеме понятия коррупции, поскольку термин содержит отсылку к стигматизированным формам проявления коррупции (дача взятки, получение взятки), что исключает возможность раскрытия сущности коррупции как негативного социально-правового явления, отрицательно воздействующего на общественную деятельность. Исключение детализированного и более объемного понятия коррупции в действующем российском законодательстве является одной из проблем совершенствования инструментов борьбы с данным явлением, в том числе в сфере ЖКХ, в связи с чем целесообразно дополнить законодательное понятие коррупции.

По нашему мнению, коррупция представляет собой антисоциальное опасное явление, характеризующееся действием или бездействием должностных лиц, обладающих определенным служебным положением в аспекте реализации своей профессиональной деятельности, а также в аспекте разработки организационно-управленческих решений в различных организациях, в том числе коммерческих и некоммерческих, ориентированными на использование правового статуса должностного лица с целью получения имущественной или неимущественной выгоды, что противоречит национальным интересам, а равно обещание,

предоставление, а также получение лично или через третьих незаконной выгоды в личных или корыстных целях.

Представители сферы ЖКХ, в большинстве случаев руководители или владельцы управляющих компаний, обладают превалирующими полномочиями в аспекте оборота финансов между основными участниками ЖКХ, к которым относятся жители многоквартирных домов и РСО. Феноменом является тот факт, что контроль за представленной сферой взаимоотношений остается не налаженным по сей день, что создает основания для процветания коррупции в данном сегменте в контексте бесконтрольного аккумулирования денежных средств. Отсутствие эффективного контроля за деятельностью должностных лиц в сфере ЖКХ, уполномоченных распределять не принадлежащие им ресурсы, влечет за собой криминализацию их деятельности и развитие коррупции, что связано с использованием правового статуса представителей ЖКХ с целью хищения денежных средств РСО, нарушая государственные и общественные интересы ради собственной выгоды.

Преступные действия руководителя управляющей компании, осуществившего хищение денежных, как правило, в большинстве случаев квалифицируют по статье 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», 159 УК РФ «Мошенничество», либо по статье 160 УК РФ «Присвоение или растрата» [Pelevin, Vasiliev, Taubaev, Tileubergenov, 2018], при этом не все преступления являются непосредственно коррупционными, что ставит под сомнение справедливость применения права в контексте реализации антикоррупционной политики в сфере ЖКХ.

Также проблема привлечения совершивших хищение денежных средств руководителей управляющих компаний характеризуется следующим. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а также п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных указанными выше статьями, производится следователями и дознавателями органов МВД России [Sidorova et al., 2020]. В этой связи законом отведена исключительная компетенция органов внутренних дел к возбуждению и расследованию уголовных дел данной категории. Однако часто встречаются случаи, когда после подачи заявления в органы внутренних дел о хищении денежных средств РСО со стороны управляющей компании проверка фактов, изложенных в заявлении, проводится поверхностно. Связано это с тем, что доследственная проверка может проводиться не совсем компетентными лицами (сотрудниками службы участковых уполномоченных или сотрудниками уголовного розыска), которые не обладают нужными познаниями в данной сфере, не знают специфики взаимоотношений РСО и управляющих компаний и выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что считают данные отношения гражданско-правовыми. Также проверка может проводиться поверхностно в случаях, если сотрудники подразделений экономической безопасности перегружены иной работой и у них попусту не хватает времени для производства тщательной процессуальной проверки по материалу. Кроме всего перечисленного, следует также учитывать возможные риски, связанные с возникновением коррупционных взаимоотношений между управляющими компаниями и сотрудниками МВД России, что существенно влияет на результаты доследственной проверки и принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Именно поэтому в случае невозможности производства качественной проверки органами МВД России действия руководителя управляющей компании при хищении денежных средств РСО необходимо рассматривать как злоупотребления полномочиями в коммерческой организации, что предусмотрено ст. 201 УК РФ и является преступлением коррупционной

направленности. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 201 УК РФ, производится следователями Следственного комитета Российской Федерации. В этой связи появляется возможность проверки фактов хищения альтернативным следственным органом. В данном случае руководитель управляющей компании, осуществивший хищение денежных средств РСО, являясь лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, использует свои полномочия вопреки законным интересам этой организации в целях извлечения выгод для себя и в целях нанесения вреда другим лицам, то есть ресурсоснабжающей организации. Необходимо заострить внимание на том, что состав ст. 201 УК РФ является материальным, то есть по замыслу ст. 201 УК РФ данное деяние должно повлечь причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, либо охраняемых законом интересам общества или государства, либо также тяжкие последствия.

В соответствии с ч. 6 Постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21, 2021], при рассмотрении вопросов о наличии существенного вреда среди прочего также необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, то есть сумму похищенных денежных средств, характер и размер понесенного материального ущерба. В ч. 15 данного Постановления раскрывается понятие «тяжких последствий», предусмотренных в ч. 2 ст. 201 УК РФ. Под тяжкими последствиями понимается причинение для организации значимого материального ущерба, влекущего его прекращение деятельности или доведение организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся кредитным обязательствам, в связи с чем необходимо привлекать коррупционеров, осуществивших хищение денежных средств РСО, к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ.

Проблемой привлечения должностных лиц, уполномоченных распределять денежные средства в пользу РСО, к уголовной ответственности является то, что в теоретической науке и правоохранительной практике действия преступников не идентифицируются в качестве коррупционных. Именно поэтому органы внутренних дел зачастую не заинтересованы в проведении качественной проверки относительно расследования состава преступления, связанного с хищением денежных средств РСО, вменяя субъектам преступления ответственность по ст. 160 УК РФ, ст. 165 УК РФ, ст. 159 УК РФ, предусматривающие менее суровые наказания в сравнении с необходимой степенью применения санкционных мер в рамках антикоррупционной политики. Однако анализ судебной практики все же свидетельствует о том, что существуют единичные случаи привлечения руководителей управляющих компаний к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ.

Так, «гражданин «А», занимая должность генерального директора в управляющей компании ОАО «НУК», в период времени с 04 марта по 14 декабря 2014 года, действуя умышленно, осознавая противоправность своих действий, не отвечающих интересам возглавляемого и руководимого им Общества, желая и предвидя причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан, а также организациям ОАО «НУК» и АО «АТЭК», в нарушение пункта б «Требований к осуществлению расчетов за ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг», из полученных денежных средств в размере 381 тыс. рублей 75 коп. перечислил на расчетные счета АО «АТЭК» по договору № б/н от 1 января 2010 года денежные

средства в общей сумме 342 тыс. рублей 85 коп. Оставшуюся часть денежных средств в сумме 38 тыс. рублей 90 коп., предназначенных для оплаты за поставленные коммунальные ресурсы АО «АТЭК», гражданин «А», злоупотребляя своими полномочиями, действуя умышленно, осознавая противоправность своих действий, не перечислил в адрес АО «АТЭК», тем самым использовал свои полномочия вопреки законным интересам ОАО «НУК», выразившихся в неосуществлении необходимых действий управленческого характера при наличии обязанности и возможности их совершения и действуя в целях извлечения выгод и преимуществ для других лиц. Суд приговорил «А» признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 201 УК РФ, и назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 2 (два) года с отбыванием наказания в колонии-поселении» [Васильев, Жиглова, 2023].

Хищение денежных средств руководителями управляющих компаний всегда влечет за собой тяжкие последствия для РСО, именно поэтому к расследованию данных преступлений необходимо подходить наиболее ответственно при соблюдении всех принципов антикоррупционной политики, в том числе при вменении уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ. При привлечении руководителей управляющих организаций к уголовной ответственности необходимо решить существующие проблемы, препятствующие адекватному функционированию антикоррупционной политики в сфере ЖКХ. К таким проблемам относятся следующие:

- Отсутствие эффективного общественного контроля за деятельностью государственных и муниципальных служащих, что отчасти связано с несоблюдением принципа публичности в реализации профессиональной деятельности органов власти.
- Низкая заинтересованность органов власти в реализации усиленных мер по противодействию коррупции в государственных институтах, что связано с нежеланием привлечения нарушивших антикоррупционное законодательство должностных лиц к юридической ответственности [Подивилов, 2021].

Заключение

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящее время сфера ЖКХ характеризуется высокой степенью преступности, что негативно влияет на предоставление населению коммунальных услуг. Посредники между жильцами многоквартирных домов и РСО недобросовестно относятся к реализации своих полномочий, злоупотребляя своим положением с целью хищения денежных средств. Противодействие коррупции в представленной сфере усложняется халатным отношением правоохранительных органов к расследованию преступлений и квалификации состава при наличии признаков хищения средств в связи со злоупотреблением служебным положением руководителей управляющих компаний, когда сотрудники МВД исключают возможность вменения ст. 201 УК РФ и квалифицируют деяния по иным статьям.

Хищение денежных средств руководителями управляющих компаний влечет за собой наступление тяжких последствий в виде причинения крупного ущерба РСО, поэтому к расследованию преступлений крайне необходимо подходить с учетом всех принципов антикоррупционной политики. Также с целью совершенствования механизма защиты интересов РСО и населения при противодействии коррупции важным является определение новых направлений в совершенствовании государственной политики, что связано с созданием

эффективного общественного контроля за деятельностью государственных и муниципальных служащих, повышением заинтересованности органов власти в реализации усиленных мер по противодействию коррупции в государственных институтах. Лишь в данном случае появляется возможность вменения справедливого наказания в отношении руководителей управляющих компаний, совершивших преступление при злоупотреблении полномочиями в контексте хищения денежных средств РСО.

Библиография

1. Адельшина К.Д., Васильев А.М. Дифференциация общественной опасности по категориям // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-3. С. 23-26.
2. Борисенко Ю.С. Анализ негативного влияния коррупции на сферу жилищно-коммунального хозяйства // Материалы XVI международной научно-практической конференции «Экономика и управление: актуальные вопросы теории и практики». Краснодар, 2021. С. 45-50.
3. Васильев А.М., Жиглова М.А. Современные тенденции развития уголовно-правовой политики в Российской Федерации // Фомин Э.В. (ред.) Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Социально-экономические процессы современного общества». Чебоксары, 2023. С. 198-201.
4. Мурашкин И.Ю., Кайгородов Д.Ю. О понятии коррупции, сформулированном в федеральном законе «О противодействии коррупции» // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе». СПб.: Азбука, 2016. С. 278-285.
5. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 // Российская газета. 2021. № 159.
6. О требованиях к осуществлению расчетов за ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг: постановление Правительства РФ от 28.03.2012 № 253 (ред. от 13.07.2019) // Российская газета. 2012. № 72.
7. Подвиллов О.В. Причины коррупции // Молодой ученый. 2021. № 51 (393). С. 249-251.
8. Струк Ю.С. Причины и схемы совершения коррупционных преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса «Стратегический потенциал молодежной науки». Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2021. С. 85-91.
9. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9. No. 2 (32). P. 761-766.
10. Sidorova E.Z. et al. Safety issues of the russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 187-195.

Problems of anti-corruption policy in the housing and utilities sector in the context of criminal liability for embezzlement of funds of resource-supplying organizations

Sergei V. Lugovoi

Director of Safety of the Joint-stock company,
"Autonomous Thermal Power Company",
Postgraduate Student of the A.A. Khmyrov Faculty of Law,
Kuban State University,
350040, 149 Stavropol'skaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: Lugovoy@mail.ru

Abstract

Corruption poses a particular threat to ensuring the well-being of the population, contributing to the slowdown of economic development and the rise of crime. Corrupt practices are especially dangerous in the housing and utilities sector, as the criminalization of this segment hinders the uninterrupted provision of heating, electricity, hot and cold-water supply. The operation of resource-supplying organizations is based on relationships with legal or natural persons, which are formalized in the form of contracts for resource supply. However, intermediaries between resource-supplying organizations and the population often abuse their authority with the aim of embezzling funds. This study addresses the issue of improving the anti-corruption mechanism in the context of holding individuals accountable for embezzlement of funds from resource-supplying organizations.

For citation

Lugovoi S.V. (2024) Problemy antikorrupsionnoi politiki v sfere ZhKKh v kontekste privilecheniya k ugolovnoi otvetstvennosti za khishchenie denezhnykh sredstv resursosnabzhayushchei organizatsii [Problems of anti-corruption policy in the housing and utilities sector in the context of criminal liability for embezzlement of funds of resource-supplying organizations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 484-492. DOI: 10.34670/AR.2024.48.59.044

Keywords

Resource-supplying organization, criminal law, embezzlement of funds, criminal liability, anti-corruption policy.

References

1. Adel'shina K.D., Vasil'ev A.M. (2023) Differentsiatsiya obshchestvennoi opasnosti po kategoriyam [Differentiation of public danger by category]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 98-3, pp. 23-26.
2. Borisenko Yu.S. (2021) Analiz negativnogo vliyaniya korruptsii na sferu zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva [Analysis of the negative impact of corruption on the sphere of housing and communal services]. *Materialy XVI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ekonomika i upravlenie: aktual'nye voprosy teorii i praktiki»* [Proc. Int. Conf. "Economics and Management: Current Issues of Theory and Practice"]. Krasnodar, pp. 45-50.
3. Murashkin I.Yu., Kaigorodov D.Yu. (2016) O ponyatii korruptsii, sformulirovannom v federal'nom zakone «O protivodeistvii korruptsii [On the concept of corruption formulated in the federal law "On Combating Corruption]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v Rossii na sovremennom etape»* [Proc. Int. Conf. "Topical issues of improving the system of state and municipal government in Russia at the present stage."]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., pp. 278-285.
4. O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po delam o prestupleniyakh protiv interesov sluzhby v kommercheskikh i inykh organizatsiyakh (stat'i 201, 201.1, 202, 203 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.06.2021 № 21 (2021) [On some issues of judicial practice in cases of crimes against the interests of service in commercial and other organizations (Articles 201, 201.1, 202, 203 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2021 No. 21]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper], 159.
5. O trebovaniyakh k osushchestvleniyu raschetov za resursy, neobkhodimye dlya predostavleniya kommunal'nykh uslug: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.03.2012 № 253 (red. ot 13.07.2019) (2012) [On the requirements for making payments for resources necessary for the provision of public services: Decree of the Government of the Russian Federation dated March 28, 2012 No. 253 (as amended on July 13, 2019)]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper], 72.
6. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. (2018) The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 9, 2 (32), pp. 761-766.

7. Podivilov O.V. (2021) Prichiny korruptsii [Causes of corruption]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 51 (393), pp. 249-251.
8. Sidorova E.Z. et al. (2020) Safety issues of the russian educational system. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 11 (1), pp. 187-195.
9. Struk Yu.S. (2021) Prichiny i skhemy soversheniya korruptsionnykh prestuplenii v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva [Reasons and schemes for committing corruption crimes in the sphere of housing and communal services]. *Sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa «Strategicheskii potentsial molodezhnoi nauki»* [Collection of articles of the International Research Competition “Strategic Potential of Youth Science”]. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya I.I.) Publ., pp. 85-91.
10. Vasil'ev A.M., Zhiglova M.A. (2023) Sovremennye tendentsii razvitiya ugolovno-pravovoi politiki v Rossiiskoi Federatsii [Modern trends in the development of criminal law policy in the Russian Federation]. In: Fomin E.V. (ed.) *Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Sotsial'no-ekonomicheskie protsessy sovremennogo obshchestva»* [Proc. All-Russian Conf. “Socio-economic processes of modern society.”]. Cheboksary, pp. 198-201.

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2024.68.49.052

Развитие нормативной конструкции об организаторе преступления по отечественному уголовному праву во второй половине XIX века – начале XX века

Долева Ольга Андреевна

Аспирант,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2;
e-mail: olya.doleva@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается фигура организатора преступления в контексте развития уголовного законодательства во второй половине XIX века – начале XX века. Автором отмечаются подходы к определению института соучастия в целом и пониманию такого вида соучастника, как организатор преступления, принятые законодателем того периода времени в Уголовном уложении 1845 года, а также в Уголовном уложении 1903 года. В рамках исторического исследования развития юридической конструкции «организатор преступления» в отечественном уголовном праве автор приходит к выводу, что потребность в «сквозной», унифицированной регламентации соучастия в преступлении безотносительно к видам преступлений на законодательном уровне осознана в XIX веке. На этом этапе возникают все признаки института соучастия. Однако сохраняются предписания о соучастии в отдельных преступлениях.

Для цитирования в научных исследованиях

Долева О.А. Развитие нормативной конструкции об организаторе преступления по отечественному уголовному праву во второй половине XIX века – начале XX века // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 493-499. DOI: 10.34670/AR.2024.68.49.052

Ключевые слова

Организатор преступления, организация преступления, институт соучастия, соучастие в преступлении.

Введение

В середине XIX века нормативно-правовым актом, определяющим вопросы соучастия, выступило Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение). Представленный документ был утвержден на основании Указа Императора Николая I от 15.08.1845 и введен в действие с 01.05.1846.

По сущности, Уложение стало первым Уголовным кодексом Российской Империи. Закрепленное в нем понятие преступления, а помимо этого, иные определения, используемые в практике уголовного наказания, отличались юридической четкостью. Именно этот документ, по мнению большинства ученых [Грачева, Чучаев, 2016, 10-27], стал основным и ведущим источником национального уголовного права вплоть до произошедшей в 1917 году смены строя и власти в России. Совершенствование законодателем определения термина «организатор преступления», а также ограничение ответственности такого лица от ответственности других соучастников оказали важнейшее влияние на развитие уголовного права России.

Основная часть

Так, в 6 статье отделения 1 главы 1 Уложения определялись две степени преступных деяний и проступков: «когда противозаконное деяние учинено именно вследствие заранее обдуманного намерения или умысла»; «когда таковое совершается хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления» [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, www]. Согласно ст. 13 отделения 3 главы 1 Уложения, в особое внимание принималось, совершено ли соучастниками преступное деяние по предварительному для всех или отдельных соучастников соглашению или без такового [там же]. И, соответственно, устанавливались формы участия лиц в совершенном преступном деянии: по предварительному сговору (заговор) и шайка (организованная, с распределением ролей между всеми участниками совершенного преступления или без предварительного соглашения) [Грачева, Чучаев, 2016, 10-27].

Статьей 14 отделения 3 главы 1 Уложения соучастники, которые совершили преступное деяние «без предварительного их согласия на это», разделялись на главных виновных (распоряжавшихся или управляющих действиями других людей, а помимо этого, и тех, кто приступил к совершению противозаконных действий ранее других или же непосредственно совершил преступное деяние) и участников преступления (кто непосредственно помогал главным преступникам в совершении преступного деяния, а помимо этого, и тех, кто доставляли средства, необходимые для совершения преступного деяния или же стремились устранить все возникающие препятствия на пути к совершению преступления) [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, www].

Крупнейший отечественный криминалист Н.С. Таганцев особо подчеркивал, что «к главным виновным причисляются еще и такие лица, которые распоряжались или управляли действиями других людей и в той ситуации, когда они сами не принимали непосредственного участия в совершении преступного деяния» [Таганцев, 1886, 20].

Статьей 15 отделения 3 главы 1 Уложения соучастники, совершившие преступное деяние по предварительному сговору, делились на зачинщиков, сообщников, подговорщиков или подстрекателей, пособников. Особо подчеркивается, что к зачинщикам законодатель относил тех, кто, умыслив содеянное преступное деяние, согласили (уговорили) на то других людей, а помимо этого, и тех, кто управлял действиями при непосредственном совершении преступного

деяния или покушения на такое или же в числе первых приступили к подобному [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, www].

Зачинщик признавался умственным виновником преступного деяния и при таких ситуациях, когда он сам не принимал никакого участия в фактическом совершении преступного деяния [Таганцев, 1886].

В Уложении 1845 г. законодатель отдельно выделял главных виновных, то есть тех, кто осуществлял распоряжение либо управление действиями остальных виновных (к коим относились исполнители и организаторы); тех, кто начал действовать первыми, и субъектов, которыми непосредственно было осуществлено посягательство (судя по всему, речь шла об исполнителях) [Есаков, 2011, 10-15; Есаков, 2011, 32-36; Георгиевский, 2019, 167].

При этом Уложение устанавливало меру наказания в непосредственной зависимости от обстоятельств, в рамках которых было совершено преступное деяние (проступок). Так, статьей 110 отделения 2 главы 3 мера наказания определялась в непосредственной зависимости от объема умысла, степени реализации преступных намерений, а помимо этого, и степени участия в данном преступном деянии (покушении на таковое). Также при избрании меры наказания учитывались и иные обстоятельства, которые могли несколько увеличить или, напротив, снизить вину отдельного преступника [Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, www].

Ответственность напрямую зависела от вида умысла, при этом осуществление организаторских действий наказывалось строже. Следует особо отметить, что за преступные деяния, которые были совершены на основании заранее спланированного умысла, предусматривалась высшая мера наказания виновного.

Так, статьей 123 отделения 2 главы 3 Уложения за преступное деяние, которое было совершено одновременно несколькими лицами, но без предварительного между ними сговора, главным виновным лицам присуждалась высшая мера наказания, а другим участникам по делу мера наказания утверждалась на основании их участия в данном преступном деянии, одной или же двумя степенями ниже того наказания, которому подвергались главные виновные.

Кроме того, статьей 124 отделения 2 главы 3 Уложения за преступные деяния, которые были совершены одновременно несколькими лицами по предварительному между ними сговору, основному (основным) зачинщикам данного преступления, если законом не определена мера наказания за отдельное преступное деяние, назначалась высшая мера. Рассматриваемая мера применялась и тогда, когда зачинщик не присутствовал при совершении преступного деяния, которое было организовано им лично. Строгость наказания зачинщиков снижалась на одну степень, если они отступили от исполнения запланированного намерения, но при этом не предприняли никаких мер для того, чтобы предупредить фактическое совершение данного преступления, а помимо этого, не донесли об умышляемом надлежащему или иному ближайшему начальству [там же].

Уложением устанавливались и обстоятельства, которые несколько увеличивали вину и меру назначаемого наказания, к которым относились указанные в ст. 135 отделения 2 главы 3: объем умысла и обдуманность действия; состояние, звание и степень образованности зачинщика; степень противозаконности; количество лиц, вовлеченных в преступное деяние; объем усилий, направленных на устранение препятствий к совершению преступного деяния; степень жестокости; степень общественной и государственной опасности; тяжесть последствий, причиненных преступным деянием; непризнание вины, клевета в отношении невиновных в совершении ими преступного деяния.

По свидетельству Н.С. Таганцева, сама система института соучастия в преступлении по Уложению представляется осложненной тем, что деление соучастников на виды было поставлено в соотношение с различием форм соучастия. В результате институт соучастия в преступлении оказался крайне сложным [Таганцев, 1902].

Таким образом, Уложение содержит терминологически и функционально связанные общие предписания о соучастниках, логически определенные подходы к наказуемости деяния в непосредственной зависимости от статуса лица, его совершившего, что представляет собой основу института соучастия. При этом законодатель, уделяя пристальное внимание унифицированной регламентации соучастия, сохраняет и предписания о соучастии в отдельных видах преступлений.

Результаты проведенного, а также более раннего исследования [Долева, 2023, 247-251] дают основание для понимания организатора преступления как интеллектуального виновника, заведомо и умышленно осуществляющего противоправную деятельность, в связи с чем являющегося наиболее опасным видом из соучастников преступления и несущего, как правило, большую ответственность и более суровое наказание по сравнению с иными участниками.

Дальнейшее развитие института соучастия отражено в Уголовном уложении 1903 года, вобравшем в себя лучшие достижения научно-правовой мысли того периода, выразившиеся в тщательной проработке уголовно-правовых понятий, высоком уровне юридической техники, в том числе и в части регламентации ответственности соучастников.

Так, согласно статье 51 отделения 1 главы 1 Уложения, соучастниками признавались «непосредственно учинившие преступное деяние или участвовавшие в его выполнении» (т.е. исполнители), подстрекатели, а помимо этого пособники. Соучастники (за исключением пособника) тяжкого или обычного противоправного деяния подлежали указанному в законе наказанию за конкретно совершенное преступление.

Таким образом, Уголовное Уложение 1903 года определяло лишь три типа соучастников: пособник, подстрекатель и исполнитель.

Принимая за основу немецкую доктрину о соучастии, российское уголовное право начала XX века понимало исполнительство намного шире, нежели оно трактуется в настоящее время, охватывая не только выполнение объективной стороны преступления, но и действия по его организации. Непосредственно под влиянием немецкой доктрины российский законодатель признавал исполнителем лицо, организовавшее преступление или руководившее его совершением.

Кроме того, в данном нормативно-правовом акте уже присутствуют черты оформления новых типов преступных группировок в виде шаяк и сообществ [Чистяков, 1984, 286-287]. Ряд ученых отмечает, что функционирование сообществ было так или иначе связано с революционными движениями. При этом посягательства, осуществляемые шайками, отдельно закреплялись статьями закона [Епифанова, 2003, 40-41].

В Уложении 1903 года, как и в большинстве более ранних нормативных документов, содержались самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за криминальную организационную деятельность. При этом ответственность соучастников предусматривалась только за особо тяжкие преступные деяния, совершенные в отношении веры (религии), императора, а также за бунт [Георгиевский, 2019, 134].

Так, статьей 121 главы 5 Уложения 1903 года предусматривалась определенная уголовная ответственность за принятие участия в публичном скопище, заведомо собравшемся для того, чтобы выразить свое неуважение в отношении Верховной власти или порицание образа правления или порядка наследования Престола. Этой же статьей определялась ответственность

устроителям (организаторам) и подговорщикам (подстрекателям) такого скопища. Аналогичным образом устанавливалась ответственность в отношении участников, устроителей и подговорщиков скопища, совершившего насилие вследствие религиозной, племенной или сословной вражды (статья 122 главы 5 Уложения 1903 года), в отношении участников, устроителей и подговорщиков скопища, совершившего насильственное противодействие вооруженным силам, выступающим в целях разгона скопища, либо нападение на военный караул, либо захватившим склад с оружием или военными припасами, оружейный завод или завод по производству военной техники, военный объект, военное морское судно, государственное казначейство (статья 122 главы 5 Уложения 1903 года) [Уголовное Уложение 1903 года, www].

Следовательно, в Уложении 1903 года последующее развитие получают и совершенствование нормы, регулирующие общие положения о самом институте и о конкретных видах соучастников, об уголовной ответственности каждого из них в непосредственной зависимости от обстоятельств совершения преступного деяния. При этом законодатель отдельными статьями в Особенной части Уложения регламентирует уголовную ответственность за отдельные, наиболее особо опасные виды преступлений.

Заключение

Подводя итог, полагаем возможным отметить, что в отечественном уголовном праве в XIX – начале XX вв., с учетом приверженности законодателя к континентальной системе права, сохранялась тенденция отнесения организаторских действий к действиям исполнителя преступления. Потребность в «сквозной», унифицированной регламентации соучастия в преступлении безотносительно к видам преступлений на законодательном уровне осознана в XIX веке. На этом этапе возникают все признаки института соучастия. Однако, наряду с этим, сохраняются предписания о соучастии в отдельных преступлениях.

Библиография

11. Георгиевский Э.В. Совместное совершение преступления в истории уголовного законодательства. М: Юрлитинформ, 2019. 167 с.
12. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: предистория концептуальные основы, общая характеристика // Коняхин В.П., Прохорова М.Л. Материалы Международной научно-практической конференции «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение». Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2016. С. 10-27.
13. Долева О.А. Развитие нормативной конструкции об организаторе преступления в отечественном законодательстве с X по первую половину XIX века // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 247-251.
14. Епифанова Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России. Краснодар, 2003.
15. Есаков Г.А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 10-15.
16. Есаков Г.А. Умысел в соучастии (эксцесс исполнителя и ответственность организатора) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 32-36.
17. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. СПб., 1902.
18. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб., 1886.
19. Уголовное Уложение 1903 года. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_uloenie_1903_goda.pdf.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845>.
21. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9 т. Т 9. М.: Юридическая лит-ра, 1984.

The development of a normative structure about the organizer of a crime under domestic criminal law in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century

Ol'ga A. Doleva

Postgraduate Student,
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
117638, 2 Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: olya.doleva@yandex.ru

Abstract

The article examines the figure of the organizer of the crime in the context of the development of criminal legislation in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century. The author notes the approaches to the definition of the institution of complicity in general and the understanding of such a type of accomplice as the organizer of a crime, undertaken by the legislator of that time period in the Criminal Code of 1845, as well as in the Criminal Code of 1903. As part of a historical study of the development of the legal structure of the "organizer of crime" in domestic criminal law, the author concludes that the need for a "cross-cutting", unified regulation of complicity in crime, regardless of the types of crimes, was realized at the legislative level in the XIX century. At this stage, all the signs of the institution of complicity arise. However, along with this, the regulations on complicity in certain crimes remain.

For citation

Doleva O.A. (2024) Razvitie normativnoi konstruktsii ob organizatore prestupleniya po otechestvennomu ugovnomu pravu vo vtoroi polovine XIX veka – nachale XX veka [The development of a normative structure about the organizer of a crime under domestic criminal law in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 493-499. DOI: 10.34670/AR.2024.68.49.052

Keywords

Organizer of the crime, organization of the crime, complicity in the crime.

References

1. Chistyakov O.I. (1984) *Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh-KhKh vekov: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolutizma. V 9 t. T 9.* [Russian legislation of the 10th and 20th centuries: Legislation during the formation of absolutism. In 9 volumes. Vol. 9]. Moscow: Yuridicheskaya lit-ra.,
2. Doleva O.A. (2023) Razvitie normativnoi konstruktsii ob organizatore prestupleniya v otechestvennom zakonodatel'stve s Kh po pervuyu polovinu XIX veka [Development of a normative structure about the organizer of a crime in domestic legislation from the 10th to the first half of the 19th century]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal science], 7, pp. 247-251.
3. Epifanova E.V. (2003) *Stanovlenie i razvitie instituta souchastiya v prestuplenii v Rossii* [Formation and development of the institution of complicity in crime in Russia]. Krasnodar.
4. Esakov G.A. (2011) Kvalifikatsiya sovmestnogo soversheniya prestupleniya s litsom, ne podlezhashchim ugovnoi otvetstvennosti: novyi povorot v sudebnoi praktike [Qualification of joint commission of a crime with a person not subject to criminal liability: a new turn in judicial practice]. *Ugolovnoe parvo* [], 2, pp. 10-15.

5. Esakov G.A. (2018) *Umysel v souchastii Criminal Law (ekstsess ispolnitelya i otvetstvennost' organizatora)* [Intent in complicity (excess of the performer and responsibility of the organizer)]. *Ugolovnoe parvo* [Criminal law], 2, pp. 32-36.
6. Georgievskii E.V. (2019) *Sovmestnoe sovershenie prestupleniyav istorii ugolovnogo zakonodatel'stva* [Joint commission of a crime in the history of criminal legislation]. Moscow: Yurlitinform Publ.
7. Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I. (2016) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda: predystoriya kontseptual'nye osnovy, obshchaya kharakteristika* [Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845: background, conceptual foundations, general characteristics]. In: Konyakhin V.P., Prokhorova M.L. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda: kontseptual'nye osnovy i istoricheskoe znachenie»* [Proc. Int. Conf. "Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845: Conceptual Foundations and Historical Significance."]. Krasnodar: Kuban State University, pp. 10-27.
8. Tagantsev N.S. (1902) *Kurs ugolvnogo prava* [Criminal law course]. Saint Petersburg.
9. Tagantsev N.S. (1886) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [Code on criminal and correctional punishments of 1885], 5th ed. Saint Petersburg.
10. *Ugolovnoe Ulozhenie 1903 goda* [Criminal Code of 1903]. Available at: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozhenie_1903_goda.pdf.
11. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda* [Code on criminal and correctional punishments of 1845]. Available at: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> [Accessed 12/02/2024].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.86.90.053

Родительская власть и ответственность за родительские преступления в отечественном уголовном праве в период с язычества до начала XVIII в.

Еловикова Юлия Сергеевна

Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Российская Федерация, Чебоксары, просп. Московский, 15;
e-mail: Yulia_Elovikova@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются формы и способы реализации родительской власти, а также законодательство об уголовной ответственности родителей за посягательства на интересы детей, начиная с язычества и до начала становления Российской империи (XVIII в.). Изучение данного вопроса представляется актуальным, так как для понимания истоков зарождения общественно опасного деяния, раскрытия его признаков, определения эффективности мер уголовно-правового регулирования его следует изучать в историческом аспекте. Данный вопрос затрагивался в трудах А.А. Алексеевой, А.М. Нечаевой, Л.Ю. Голышевой и других исследователей. Однако в указанных работах, на наш взгляд, не раскрыт вопрос о формах и способах реализации родительской власти во взаимосвязи с вопросом об ответственности родителей за преступные посягательства на интересы детей. В ходе исследования выявлены особенности правового регулирования ответственности родителей за преступные деяния в отношении детей. В результате исследования автор приходит к выводу, что к началу XVIII в. права и интересы детей не были в достаточной степени обеспечены правовыми средствами охраны со стороны государства. Отсутствовали нормы, определяющие пределы реализации родительской власти и направленные на защиту детей от преступных посягательств со стороны родителей. При написании статьи использованы историко-правовой, сравнительный, диалектический методы исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Еловикова Ю.С. Родительская власть и ответственность за родительские преступления в отечественном уголовном праве в период с язычества до начала XVIII в. // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 500-517. DOI: 10.34670/AR.2024.86.90.053

Ключевые слова

Родители, дети, родительская власть, телесные наказания, ответственность родителей.

Введение

Во времена язычества, до принятия христианства и становления Киевской Руси (до X в.) отношения между родителями и детьми регулировались нормами обычного права, а вопросы охраны несовершеннолетних от преступных посягательств со стороны родителей осуществлялись в соответствии с обычаями и традициями.

Летописец Нестор в «Повести временных лет» упоминает, что восточнославянские племена, существовавшие в VII–VIII вв., каждый имели свои обычаи и законы. Поляне имели обычай «отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед матерями, древляне жили по-скотски: убивали друг друга, браков у них не бывало, а радимичи, вятичи и северяне срамословили при отцах и при снохах не знали закона Божьего, сами себе устанавливающие закон» [Повесть временных лет, www].

Основная часть

В языческой семье дети находились в полной власти родителей (отца, матери) или общины. В некоторых случаях родительская власть могла принадлежать лицу, которое в результате усыновления приняло на себя обязательство воспитывать чужого ребенка. Хотя К.А. Неволин отрицал фактическое существование института усыновления в дохристианский период [Неволин, 1857, 377]. Есть основание полагать, что источником родительской власти мог быть также обычай левирата, по которому вдова обязана была после смерти мужа вступить в брак с его ближайшими родственниками – братьями мужа. В «Повести временных лет» упоминается, что в 986 г. князь Владимир Святославич после смерти брата Ярополка женился на его беременной вдове Юлии.

Для Древней Руси во времена язычества и раннего христианства характерно было многоженство. Письменные источники свидетельствуют, что простые люди могли иметь до трех жен, князья – большее количество. Мужчины, состоя в браке и имея законных детей от своих жен, могли сожительствовать с рабынями-наложницами и иметь от них детей. При этом дети, рожденные вне брака, также считались законными. Князь Владимир, рожденный от наложницы Малуши, занимал новгородский, а потом киевский престол. Князь Мстислав, также рожденный от наложницы, занимал владимирский престол.

В языческий период власть родителей над детьми не имела границ. Родителям принадлежало право на жизнь и смерть своих детей. Умышленное детоубийство (инфантицид) не являлось преступлением и было достаточно распространено. Мотивы убийства были различны: физическая неполноценность ребенка, контроль рождаемости, языческие верования, значимые события в жизни восточных славян. Особенно часто инфантицид применялся в период стихийных бедствий (голод, эпидемии, военные конфликты).

В многочисленных семьях мать могла убить новорожденную дочь, разможив головку об камень [Карамзин, 1989, 65] или утопив ребенка в воде [Владимирский-Буданов, 2005, 36]. Для прекращения дождей зарывали ребенка в землю, для борьбы с засухой бросали в воду [Русанова, Тимошук, 2024], для удачных военных походов приносили в жертву богу войны. Дети считались более ценной жертвой, чем взрослые.

Единой точки зрения по поводу наличия у восточных славян обычая детского жертвоприношения нет. Одни ученые (Б.А. Рыбаков) [Рыбаков, 1987, 145] полагают возможным такие обычаи, другие – подвергают сомнению (А.И. Загоровский) [Загоровский, 1909, 266] или

считают выдуманными (А.К. Кузьмин) [Кузьмин, 2004, 227], третьи полагают, что это было редким, исключительным явлением (В.М. Живов) [Живов, 2009, 380].

По нашему мнению, более соответствует действительности точка зрения исследователей, которые считают, что детское жертвоприношение имело место быть. Доказательством тому служит то обстоятельство, что антропологами обнаружены массовые жертвенные захоронения детей у восточнославянских племен вплоть до XIII в.: поселение-святилище Гремячанское (Пермский край, Осинский район) – археологами выявлено 17 погребений (часть из захоронений была датирована не ранее IV в. до н.э., другая часть – половиной V в., III в. до н.э.); Гляденовское городище-костище (Пермский край и район) – выявлено 1 погребение; Поселение Заосиново I (Пермский край и район) – выявлено 1 погребение; Поселение Заюрчимское I (Пермский край и район) – выявлено 4 погребения, одно из них – коллективное; Зуевключевское I городище (Удмуртская республика, Каракулинский район) – выявлено 6 детских погребений, которые относятся не ранее V-IV вв. до н.э.; Ныргындинское II городище (Удмуртская республика, Каракулинский район) – выявлено 1 детское погребение; Аргыжское городище (Кировская область, Малмыжский район) – выявлено коллективное детское захоронение.

Антропологи установили, что детские захоронения были отнесены к следующим периодам жизни: до 1 года (младенчество) – 17 захоронений (57%); от 1 до 7 лет (раннее детство) – 5 захоронений (17%); 8-11 лет (предподростковый возраст) – 7 захоронений (23%); 12-16 лет (подростковый возраст) – 1 захоронение (3%) [Коренюк, Мельничук, Черных, 2017, 50].

По следам насильственной смерти (раздробленные черепа, раздавленные кости, расчлененные и обожженные тела, отсутствующие конечности), а также расположению поз жертв (валетом, в скрюченном положении, с поджатыми ногами) можно предположить ритуальный характер детоубийства.

Одно из детских погребений Гремячанского поселения могло быть связано с началом плавки меди [Коренюк, Мельничук, Черных, 2017, 144]. В четырёх случаях выявленные в основании здания останки детей в поселениях Заосиновское I и городище Зуевключевское I можно квалифицировать как «строительную жертву», когда при строительстве сооружений в основание строящегося здания «заживо» закладывали человека для надёжности постройки (Байбурин А.К.) [Байбурин, 1979, 155] или как естественную смерть детей и захоронение их в родном доме, для сохранения способности женщин к зачатию.

На одном из холмов около городища Бабина гора (Черкасская область) также обнаружен могильник с захоронением в отдельной могиле младенческих черепов [Рыбаков, 1987, 145]. Захоронения детей от 1 года до 10-14 лет были обнаружены антропологами в сооружениях святилища Звенигород (Тернопольская область). На вершине горы Богит Збручского культового центра (Тернопольская область) выявлено погребение детей (2-2,5 года) и годовалого ребенка [Русанова, Тимошук, 2007, 68]. Погребение относят предположительно к XI–XIII вв.

Сведения о ритуальных убийствах детей известны также из письменных источников. Летописец Нестор в «Повести временных лет» при описании похода Владимира против ятвягов упомянул обычай кидания жребия на «отрака», которого принесли в жертву богу войны. По толковому словарю церковно-славянского и русского языка «Отрок – дитя от 7 до 15 лет» [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847, 126]. Лев Диакон, описывая военные походы князя Святослава, упомянул после успешных военных действий жертвенное убийство младенцев, «топя их в водах Истра». В дальнейшем Кирилл Туровский в своей проведи «Слово на антипасху или в новую неделю по Пасхе» (XII в.) указывал, что с принятием христианства

ритуальные убийства детей прекратились: «Отселе ад уже не принимает в жертву младенцев, закалаемых отцами, и смерть уже не чествуется; ибо прекратилось идолослужение» [Слово на антипасху или в новую неделю по Пасхе, 2024].

В некоторых случаях и дети имели право лишить жизни своих родителей, «обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам» [Карамзин, 1989, 65]. Путешественник Гельмольд фон Босау в своей работе «Хроники христианской миссии» (1167 г.) описывал такой обычай у восточных славян: «престарелых родителей, не способных работать и воевать варили и ели, либо хоронили живыми особенно в голодные годы». По мнению Н.Н. Велецкой, обычай преждевременного умерщвления стариков (геронтоцид) был продиктован «верой в божественную силу предка, в то, что он может защитить от бед и напастей» [Велецкая, 2003, 8]. Умерщвлению подлежали не только старики, но и мужчины при появляющихся признаках старения, «еще крепкие телом, духом и умом» [там же, 56]. Стариков лишали жизни различными способами: вывозили зимой на санях к оврагу, куда их спускали, привязав к лубу; оставляли в поле или в лесу; вывозили на лубе за огороды и «добивали» там довбней, топили [там же, 70].

Надо полагать, что дети не имели своей воли при вступлении в брак, все решалось по воле отца и матери. Так, из «Повести временных лет» следует, что «Поляне брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что владуче» [Повесть временных лет, www].

В дохристианский период нормы об ответственности родителей за деяния, посягающие на интересы детей, отсутствовали. Права и интересы детей не были объектом уголовно-правовой охраны.

После Крещения Руси (988 г.) и распространения христианства брачно-семейные отношения перешли подюрисдикцию церкви. В источниках светского и церковного права стали появляться нормы о посягательствах на интересы несовершеннолетних со стороны родителей.

Родительская власть принадлежала отцу, главе семьи. В некоторых случаях власть отца могла принадлежать другим лицам. Если после смерти отца оставались малолетние дети и мать вступала в новый брак, то опекуном мог стать отчим или один из близких родственников, который должен был их воспитывать (ст. 99 Пространной Русской Правды). Родительская власть также могла принадлежать лицу, усыновившему чужого ребенка путем принятия его в дом или заключившему договор между усыновителем и усыновленным (после принятия христианства процесс усыновления совершался через церковный обряд «сыновотворения») [Владимирский-Буданов, 2005, 534].

Иногда родительская власть могла принадлежать и матери. После смерти отца, если мать не выходила замуж, а продолжала проживать вместе с детьми, вся полнота родительской власти переходила к матери (ст. 102 «Пространной Русской Правды»). По данным древнерусских летописей можно сделать вывод, что княгини играли значимую роль в жизни семьи и имели влияние на своих детей. В «Повести временных лет» упоминается, что княгиня Ольга (X в.) запретила сыну Святославу покидать Киев и переселяться княжить в Переяславц. Княгиня Евдокия (XIV в.) разрешала дела по жалобам своих детей князей Иваном Михайловичем и Василием Михайловичем.

Показательно, что на Руси почти до XIV в. держалась традиция давать не «отчества», а «матерства». Отчество по матери присваивали тем детям, чья мать была сильной и властной. Василько Маринич внук Владимира Мономаха имел отчество по имени своей матери Марицы. Дмитрий Марфин носил отчество своей матери Марфы Борецкой. Олег Ярославич Настасьич,

сын князя Ярослава Владимировича Осмомысла, носил отчество по матери Настасьи.

Вместе с тем, согласно «Повести временных лет», муж мог подвергать свою жену телесным наказаниям. По источникам церковного права жена должна повиноваться мужу, быть «послушна..., стараться Богу и мужу угодить..., поскольку жене глава – муж» [Колесов, Рождественская, 2007, 7]. Отсюда можно предположить, что при жизни отца и матери власть могла принадлежать лишь отцу – главе семьи. К матери власть могла перейти только в случае смерти отца.

С принятием христианства была юридически закреплена разница между детьми законнорожденными и незаконнорожденными. Социальное положение ребенка определялось положением его матери. Ребенок, рожденный от свободной женщины, тоже был свободным. Ребенок, родившийся от брака челяди, приравнивался к движимому имуществу, принадлежащему хозяину наравне со скотом (ст. 99 Пространной редакции «Русской Правды»).

Власть родителей над детьми по-прежнему была безграничной. По словам Г.Ф. Шершеневича, «родительская власть представляла «форму права собственности», дети подчинялись «господству отца как рабы» [Шершеневич, 2021, 730]. Подчиненное положение детей родителям прослеживается и через терминологию. Слово «отрок» означало детей в возрасте от 7 до 15 лет, а также рабов, слуг, того, «кто не разговаривает, не имеет права голоса в жизни рода или племени» [Данилевский, 2001, 266].

Родители имели право распоряжаться свободой своих детей: постричь в монастырь, принудительно женить или выдать замуж. При этом средний возраст детей, вступающих в брак по воле родителей, составлял 8-10 лет. В простых семьях родители женили детей с целью получить в семью еще одну рабочую силу. В княжеских семьях детей женили на малолетних невестах из политических соображений, не исключены были браки между братьями и сестрами [Смирнов, 1877, 104, 107]. Святослав Игоревич женился в 10 лет. Иван III был обручен с невестой в 5 лет. Дочь князя Михаила Юрьевича вышла замуж в 3 года. Князь Святополк Изяславич выдал свою дочь замуж в 8 лет. Князь Всеволод Большое Гнездо отдал замуж дочь в 4 года.

Родители также могли продать своих детей в холопство или отдать даром, что упоминается в «Новгородской летописи»: «отец и мати чадо свое въсажаше в лодью даромъ гостьмь, ...даяху свои дети отец и мати дерень гостимъ изъ хлеба» [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950, 22]. В голодные годы родители могли оставить детей в беспомощном состоянии и уйти в монастырь: «Аще ли же кто, нищеты деля, отходит в монастырь, или детей немногий кормити, отбегаетъ ихъ» [Омельяничук, 2010, 10]. «Оставленныя бо (им) дети гладомъ измирають, и зимою босы и наги изнемогають, плачуть люте (горько) и клянуще ся глаголють: почто нась отецъ нашъ и мати родиша, оставиша бо нась в велицей беде» [там же, 10].

Можно предположить, что родители могли отдать детей в рабство. В «Повести временных лет» Нестор описывает битву между Мстиславом и Редедей в XI в., при которой последний говорит: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все. И сказал Мстислав: «Да будет так»» [Повесть временных лет, www]. Таким образом, свобода детей и жен зависела от результата поединка князей. Победивший в поединке забирал жен и детей.

В источниках права Киевской Руси – русско-византийских договорах (907-908, 911 г., 945 г. 971 г.), Русской правде (1054 г.) составы преступлений против несовершеннолетних, нормы об

ответственности родителей за деяния, посягающие на интересы детей отсутствуют. В этих источниках права больше внимания уделялось наследственным и имущественным правам несовершеннолетних. Охране прав и интересов детей внимание уделено не было.

Первое упоминание об ответственности родителей за деяния, посягающие на интересы детей, содержит Устав князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и людях церковных» (X – XI вв.). Известны семь редакций Устава: Оленинская, Синодальная, Варсонофьевская, Волынская, Печерская, Троицкая, редакция Степенной книги.

Устав устанавливал следующие дела, подсудные церковному суду, в которые князю и боярам запрещалось вмешиваться:

– убийство матерью ребенка: «А се церковнии суди:... или девка дитя повържетъ» (ст. 9 Устава Синодальной редакции, ст. 8 Устава Троицкой редакции). Преступное деяние «девка дитя повържетъ» понимается как «девка дитя родит, бросит, покинет, оставит, избавится от младенца или от плода (аборт)» [Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси, 1984, 161];

– половые отношения в кругу близких родственников и свойственников сына к матери, отца к дочери «в племени или в сватстве поимутся» (ст. 9 Устава Синодальной редакции).

Были также выделены составы о преступных посягательствах детей против родителей: о причинении детьми побоев родителям «иже отца и мать бьют, или сын и дочи бьются» (ст. 9 Устава Оленинской редакции Архангельского извода, ст. 8 Устава Троицкой редакции); об оскорблении детьми родителей «иже отца или мать лаеть или биеть засекуд» (ст. 9 Устава Печерской редакции).

Устав не предусматривал наказание за данные преступные деяния. По Уставу виновные подвергались церковному суду, т.е. конкретный вид наказания определяла церковь.

В Уставе князя Ярослава Владимировича Мудрого «О церковных судах» (XI-XII вв.) была установлена ответственность за следующие преступные деяния, посягающие на интересы несовершеннолетних (Устав имеет шесть редакций, внутри двух старших редакций, Пространной и Краткой, несколько изводов):

– за рождение женщиной, не состоявшей в браке, внебрачного ребенка: «Аще же девка бядеть или дитяти добудеть у отца, у матери или вдовою обличивше, пояти ю в дом церковный» (ст. 5 Пространной редакции Основного извода);

– за убийство замужней женщиной ребенка, рожденного от мужа (законнорожденного ребенка) или не от него (незаконнорожденного ребенка): «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержетъ, или утопить, обличивши, пояти (и) в дом церковный, а чим ю паки род окупить» (ст. 6 Пространной редакции Основного извода). Факультативным признаком объективной стороны состава преступления являлся способ убийства: свиньям скормит, произведёт досрочный искусственный выкидыш, утопит. Необходимо особо выделить, что ответственность за детоубийство (ст. 6 Устава) устанавливалась законодателем впервые. За эти деяния виновная подвергалась наказанию в виде помещения в церковный дом (монастырь), на нее налагалась епитимья (трехлетний пост) до тех пор, пока её не выкупят родители. Исходя из анализа санкции статьи 6 Пространной редакции Устава, детоубийство ребенка, рождённого в браке или вне брака, считалось не преступлением, а грехом. Церковное наказание в виде епитимии выступало как нравственная мера с целью покаяния виновного;

– ответственность родителей за невыдачу дочери замуж: «Аже девка засядеть великих бояр, митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр – гривна золота, а нарочитых людий – 12 гривен, а

простой чади рубль» (ст. 7 Пространной редакции Археографического извода);

– блуд отчима с падчерицей: «кто с падчерицею блудить, митрополиту 12 гривен» (ст. 24 Пространной редакции Основного извода);

– блуд отца с дочерью: «отец с дочерию впадет в блуд, митрополиту 40 гривен, а опитемию примут по закону» (ст. 28 Пространной редакции Основного извода, ст. 27 Маркеловского извода);

– самоубийство дочери в результате принуждения со стороны родителей насильно выйти замуж: «девка не въсхощет замуж, то отец и мати силою дадят. А что девка учинить над собою, то отец и мати митрополиту в вине» (ст. 29 Пространной редакции Основного извода). Аналогичная ответственность родителей следовала в случае самоубийства сына после принудительной женитьбы «Тако и отрокъ» (ст. 43 Пространной редакции Маркеловского извода).

Уставом охране также подлежала телесная неприкосновенность родителей от посягательства со стороны детей: «Аще ли сын биеть отца или мать, да казнять его волостельскою казнию, а митрополиту в дом церковный такой отрок» (ст. 43 Пространной редакции Основного извода, ст. 42 Маркеловского извода). За нанесение сыном побоев своим родителем наказание ему определял княжеский волостель, сын также направлялся митрополитом за преступление в монастырь.

В «Псковской судной грамоте» (1397 г.) предусматривалась ответственность сына за отказ содержать своих родителей. В этом случае виновный лишался причитающейся ему доли в наследственном имуществе (ст. 53); а также за убийство сыном отца с виновного взыскивалась пеня в пользу князя (ст. 97).

В источниках церковного права были предусмотрены следующие нормы о посягательствах на интересы несовершеннолетних со стороны родителей.

Согласно 91 правилу Шестого Вселенского Собора, Трульского (иначе Пято-Шестого Собора), женщины, «дающие «врачевства, производящая недоношение плода во чреве, и приемлющих отравы, плод умерщвляющия», подвергались епитимьи. Таким образом, избавление женщины от плода, искусственные аборты приравнивалось к убийству. Наказание виновной зависело от срока беременности «аще зарод еще – 5 лет епитимии, аще образ есть – 7 лет, аще живое – 15 лет» [Пушкарева, 1996, 309].

Из поучений архиепископа Илии (1165 г.): «Егда жена носит в утробе, не велите ей кланяться на коленях, ни рукой до земли, ни в великий пост: от того бовережаются и измечают младенца» [Памятники древнерусского канонического права, 1908], т.е. ребенок повредится, и женщина потеряет ребенка.

В сборнике церковных епитимий «Заповедь святых отцов» (XI-XVI вв.) упоминается убийство матерью ребенка «аще ли которая жена удавить дитя»; искусственное прерывание беременности, избавление женщины от плода «аще... зелья ради извержеть». В памятнике церковного права «Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц» (1130–1156 г.) предусматривалась ответственность за следующие преступления родителей в отношении детей:

– убийство родителями детей по неосторожности: «А если кладут детей с собой спать и задавят их – это убийство или нет? Если трезвые, то легче, а если спяну – то убийство». Таким образом, совершение убийства ребенка в состоянии опьянения рассматривалось отягчающим вину обстоятельством. Наказание в этом случае следовало как за убийство;

– выкидыш (самопроизвольный аборт) в результате побоев мужем жены: «Если пьяный

человек ринется на свою жену и повредит в ней дитя – половину епитимьи за убийство».

Установление законодателем ответственности за убийство родителями детей привело к тому, что увеличились случаи искусственных абортов, подкидывания матерью своих детей, оставление их у церковных дверей.

В сборнике церковных правил греческом «Номоканоне» предусматривалась ответственность женщин:

- за оставление новорожденного после родов без помощи (правило 70);
- женщин за избавление от плода ребенка (правило 72, 73);
- за оставление детей у городских ворот (правило 74).

Русская Православная церковь вводит меры, направленные на ограничение продажи родителями своих детей. В случае продажи детей или передачи их даром церковь налагала епитимьи.

«Устав белеческий» или «Заповедь святых отец ко исповедающимся сыном и дочерем» (XI в.) устанавливал «110. Аще мати продаст дитя свое, то 8 лет, аще ли не имея продаст, 6 лет, а поклон 200 на день». Имеются в виду два варианта продажи матерью детей: если мать продаст ребенка, имея возможность его прокормить (т.е. не по нужде), то 8 лет епитимьи, и не имея такой возможности продаст, то 6 лет епитимьи.

В вопроснике «Покаянье» (XIV в.) за продажу отцом ребенка также были установлены епитимьи: «[Коренюк, Мельничук, Черных, 2017]. И дитя ци продал еси, имея? – опитемьи 15 лет, аще ли не имея, то 5 лет» [Русанова, Тимошук, 2007]. Аще кто отроча продаст, а имея – епитимии 18 лет, аще не имея 3 лета». Имеется в виду два случая: продажу, если у отца есть какое-либо имущество «аще имея», опитемьи 18 лет, и если у отца уже ничего нет и он продаёт своего ребёнка «аще не имея ничтоже», – опитемьи 5 лет.

Таким образом, продажа родителями детей, вызванная бедностью, влечет более мягкое наказание. Передача детей даром не по нужде наказывалась строже. Нищета рассматривалась как смягчающее вину обстоятельство.

С принятием христианства церковь начала борьбу против многоженства, ограничивая число браков. Согласно главам 23 и 24 «Стоглава» (1551 г.), на лиц, вступающих в брак во второй раз, возлагалась епитимья 1-2 года и запрет на венчание. На лиц, вступающих в брак в третий раз, епитимья – 5 лет. Четвертый брак был полностью воспрещен. Брак заключался только с согласия родителей, у крепостных – с согласия их хозяев. Юридические последствия имел только церковный брак. На борьбу с ранними детскими браками были направлены положения, устанавливающие брачный возраст. Митрополит Киевский и всея Руси Фотий (XV в.) ввел запрет венчать девочек меньше 12 лет. Сборник церковных правил Стоглав (1551 г.) устанавливал возраст для молодых людей – 15 лет, для девушек – 12 лет.

Принятие христианства укрепило роль отца в семье. Мужчина рассматривался как глава семьи, имеющий превосходство над женой и детьми в силу божественного провидения. Подобно священнику в храме, отец подаёт пример служения богу и ведёт ближних к нему. Н.И. Костомаров так описывает детско-родительские отношения в русской семье XVI– XVII вв.: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложной святостью патриархальных отношений..., покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм» [Костомаров, 1860, 109].

Сборник христианских правил, содержащий в себе наставления родителям по воспитанию детей «Домострой» (XVI в.), не только предписывал бить детей «наказывай сына своего в юности...и не жалей, младенца бия», но и описывал, как это нужно делать: «не ослабляй

ударов», «биение жезлом» до «сокрушение ребер», «плетью же в наказании осторожно бить, и разумно и больно», «рубашку содрав, плеткой тихонько побить, за руки держа».

Такая «педагогика сокрушения ребер» нашла свое отражения и в других памятниках церковного права. Симеон Полоцкий давал наставления родителям: «не щадите жезлов ваших», «угощайте детей ваших нравоисправительным биением». В сборнике церковных правил «Стоглав» (1551 г.) в главе 36 «О наказании чад своих» закреплено «юных детей своих наказуйте и учите страху божию».

По сборнику поучений «Измарагд», если дети неповиновались родительской власти, за это следовало «шесть ударов или двенадцать – сыну или дочери». Если провинность со стороны детей была велика, следовало двадцать ударов плетью. «Сыну подобает быть рабом или слугой своему отцу, отца жестокость – сладкое лекарство: чем больше уязвляет, тем больше помогает» (сборник изречений «Пчела»).

Руководствуясь наставлениями церкви, родители использовали жесткие и карательные формы воспитания. Лучшим методом воспитания считались телесные наказания, которые были садистскими, угрожая жизни и здоровью ребенка (детей морили голодом, закрывали в чулан, заковывали в кандалы, пороли, ставили коленями на горюх). Возраст и пол детей значения не имел. Нещадно пороли не только малолетних, совершеннолетних детей, но и двадцатилетних, тридцатилетних. Побои наносили различными предметами: розгами, палками, веревками с узлами и т.д. Отдельно ставили скамейки для порки. В русской избе плетка висела рядом с иконой, а порка проходила в «священном» месте дома под иконой и, как правило, в субботу, так как этот день был рекомендован «Домостроем» и «Христом ...сего человека исцелил в субботу».

Нормы светского и церковного права не устанавливали пределов праву отца в случае злоупотребления родительской властью. Закон не предусматривал положений об ответственности родителей за посягательства на телесную неприкосновенность детей (побои, увечья, истязания).

В Судебнике Ивана III (1497 г.), а также Судебнике Ивана IV Грозного (1550 г.) нормы, направленные на защиту прав и интересов несовершеннолетних детей от преступных посягательств со стороны родителей, отсутствовали.

Вместе с тем в XV-XVI вв. вводятся меры, направленные на ограничение родителями холопства своих детей. Так, по Судебнику Ивана III (1497 г.) дети, живущие с отцом холопом у одного хозяина, считались холопами. Дети, живущие отдельно от отца холопа у другого хозяина или самостоятельно, уже не были холопами (ст. 66).

В XV в. у родителей появилось право отдать себя вместе с несовершеннолетними детьми под заемные деньги в «служилую кабалу». Кабальные холопы-дети вместе с родителями служили кредитору (кабаловладельцу) до погашения задолженности по договору займа.

Статья 76 Судебника Ивана IV Грозного (1550 г.) запрещала родителям холопить своих детей, рожденных на свободе до холопства отца, а также запрещала чернецам (монахам) и черницам (монашкам) холопить детей, рожденных до пострижения. Но дети могли сами запродать себя тому владельцу, кому захотят. Статья 81 Судебника 1550 г. запрещала холопить служилых боярских детей, кроме тех, кого государь отстранил от службы. Ранее возможно было холопить и боярских детей.

Соборное Уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича содержало следующие нормы, касающиеся ответственности родителей за преступные посягательства против детей:

– убийство родителями детей (ст. 3 гл. XXII Уложения): «А будет отец или мати сына или дочь убиет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им

к церкви Божии, и у церкви Божии объявляти тот свой грех всем людем в слух. А смертию отца и матери за сына и за дочь не казнити». Впервые детоубийство стало рассматриваться как преступление, а не как грех. Если ранее виновный в детоубийстве не нес реального наказания, а только подвергался церковному покаянию (епитимье), то теперь за убийство детей родители подвергались наказанию в виде заключения в тюрьму сроком на один год. После отбывания наказания о грехе родителей публично объявлялось в церкви. Из санкции статьи следует, что детоубийство не считалось тяжким преступлением.

– убийство замужней женщиной незаконнорожденного ребенка (ст. 26 гл. XXII Уложения): «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит...и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися». Впервые была установлена смертная казнь за убийство незаконнорожденного ребенка. Ответственность за убийство ребенка, рожденного «в блуде», была строже, чем за убийство ребенка, рожденного в браке. Такое деяние считалось более общественно опасным преступлением. Наказание носило превентивные меры, направленные на предупреждение новых преступлений: «такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися».

Уложением 1649 г. были введены меры по ограничению прав родителей по продаже детей в холопство. Уложение запретило родителям продавать «холопить» детей, не достигших 15 лет, отдельно от родителей: «а давати служилыя кабалы на холопей, которые будут в пятнатцать лет, а которые будут менши пятинатцати лет, и на тех служилых кабал не давать. А кто служилую кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду» (ст. 20 гл. XX Уложения). При этом сословная принадлежность детей значения не имела. Ранее запрещалось похолопление только детей боярских. Запрет не распространялся на детей, которые шли в кабальное холопство вместе с их родителями.

Уложением 1649 г. было предусмотрено право родителей в голодное время из-за нужды отдавать детей в работу: «А будет кто в голодное время сам себя з женою, или сына, или дочь отдаст кому в работу за прокорм, и запись на себя в том даст, или в записи напишет на себя и на детей своих заемныя денги, и по той записи жити им у того, кому они в работу дадутся до тех мест, покаместа они окупятся, или отработаются» (ст. 43. гл. XX Уложения). Условием работы детей мог быть их прокорм или заранее оплаченный их труд (заемные деньги). Дети освобождались от службы при выкупе их за деньги или отработки в течение определенного срока.

В Уложении в ст. 45 гл. XX также появляется право родителей на отдачу детей в работу без привязки к голодным временам: «А кто отец или мати отдаст кому в работу сына или дочь на урочныя лета, и по тех своих детех ручаются и дадут на себя записи за руками в том, что тем их детем от тех людей, кому они их отдадут, не збежати и никакова дурна не учинить, и в Холопье приказе те записи в книгах будут записаны» (ст. 45 гл. XX Уложения).

Уложение 1649 г. предусматривало достаточно много норм о преступных посягательствах детей против родителей:

– убийство детьми матери или отца: «Будет которой сын или дочь учинит отцу своему или матери смертное убийство, и их за отеческое или за матерне убийство казнити смертию же безо всякия пощады» (ст. 1 гл. XXII Уложения). «А будет который сын или дочь отцу своему или матери смертное убийство учинят с ыными с кем, по сыску тех, которые с ними такое дело учинят, казнити смертию же безо всякия пощады (ст. 2 гл. XXII Уложения). Убийство детьми

родителей наказывалось строже. Дети, убившие своих родителей, наказывались смертной казнью, тогда как родители, убившие детей, – только тюремному заключению сроком на один год (ст. 1 гл. XXII Уложения). Неравность наказаний была обусловлена неравноправным положением детей и родителей. Жизнь родителей ценилась больше, чем ребенка. Закон охранял в первую очередь интересы родителей;

– оскорбление родителей, грубое обращение с ними, побои отца или матери (ст. 4 гл. XXII Уложения): «А будет кто сын или дочь...учнет отцу или матери грубыя речи говорить, или отца и мать здерзости рукою зашибет, и в том на них отец или мати учнут бить челом... за отца и мать бити кнутом»;

– отказ детей содержать своих родителей (ст. 5 гл. XXII Уложения): «А будет которой сын или дочь у отца или у матери животы пограбят насильством, или не почитаючи отца и мать, и забываячи их, учнут на них извещать какия злыя дела или...отца и мать при старости не учнет почитать и кормить и ссужать их ничем не учнут и в том на них отец или мать начнут бить челом...таким детям за такие дела чинить жестокое наказание, бить кнутом нещадно и приказывать быти у отца и матери во всяком послушании безо всякого прекословия, а извету их не верить».

Закон наделял родителей правом подавать жалобы на своих детей, в случае неповиновения родительской власти – «бить челом». По поступившей от родителей жалобе без проведения проверки и разбирательства детям назначалось телесное наказание. Доводы детей при рассмотрении жалоб во внимание не принимались: «извету их не верить».

Статьей 6 гл. XXII Уложения детям жаловаться на родителей за жестокое с ними обращение было запрещено: «А будет которой сын или дочь учнут бити челом о суде на отца или на мать и им на отца и на мать ни в чем суда не давати, да их же за такое челобитье бить кнутом, и отдать их отцу и матери». За поданную на родителей жалобу детей били кнутом.

Ярким проявлением деспотической родительской власти, равнодушного отношения родителей к своим детям, поддерживаемое взглядом на детей как на собственность, является появление в XVI-XVII вв. такого пагубного обычая, как «гостеприимный гетеризм». Хозяин дома отдавал гостю на время его пребывания в доме для сожителства свою дочь. Особенно было распространено в Сибири, в Енисейской, Калужской губерниях.

В начале XVIII в. зарождается обычай снохачества – удовлетворение главой семьи своих сексуальных потребностей в форме сожителства с женой своего сына. С этой целью в крестьянских семьях отцы специально женили мальчиков (10, 11, 12 и даже 7 лет) на взрослых невестах (20 лет и старше). Особенно распространено было в Пермской, Тобольской, Харьковской, Вятской, Псковской, Тамбовской, Воронежской, Томской, Енисейской, Калужской губерниях.

Этнограф-беллетрист С.В. Максимов указывал, что «кровосмешению со снохою и со свекром принадлежит первое место; отцу с дочерью – второе; деверю с невесткою и сестре с братом – третье; отчиму с падчерицею и племяннице с дядею – четвертое. Большая часть сопровождается насилием (в особенности кровосмешение отца с дочерью)» [Максимов, 2010, 70].

Нередко жена малолетнего сына рожала детей от главы семьи. Дети, рожденные от отца, считались детьми сына – законного мужа женщины. Последствием снохачества были такие тяжкие преступления, как изнасилование, умышленные убийства детьми родителей, незаконные аборт.

Первым против неограниченной родительской власти выступил Петр I: «хотя чада воли

родительской подлежат, но не как скоты бессловесные» [Духовный регламент Петра I от 25.01.1721 с прибавлением, 2024]. Петр I считал, что «дети освобождаются от обязанности повиноваться родителям против своей совести, особенно в том, что требует собственного их рассуждения и воли» [там же]. С реформами Петра I абсолютная власть родителей над детьми начинает ослабевать. За детьми стали признаваться отдельные права.

Преступные деяния родителей, посягающие на интересы детей, также были предусмотрены в «Артикуле воинском» 1715 г.

По Артикулу 163: «Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить, а за протчих мечем наказать. Толкование. Ежели сие убийство учинитца не нарочно, или не в намерении кого умертвить, якобы кто похотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко побьет, что подлинно от того умрет, то правда, что наказание легчее бывает. А ежели умышленное убийство будет, тогда убийца имеет мечем наказан быть».

Наблюдается изменение законодательства в направлении усиления охраны жизни детей. Уравнилась ответственность за убийство родителей и малолетних детей по сравнению с Соборным Уложением 1649 г. Детоубийство наказывалось смертной казнью через колесование, т.е. более строго, чем простое убийство. Состав преступления являлся квалифицированным. При назначении наказания не имел значение статус ребенка (законнорожденный или внебрачный), в этом тоже отличие от Соборного Уложения 1649 г.

Стоит отметить, что фактически Петр I узаконил «родительский произвол», подтвердил право родителей в процессе воспитания использовать в отношении детей телесные наказания. В толковании к арт. 163 было сказано, что если убийство ребенка произошло по неосторожности, в процессе воспитания, то это рассматривалось как смягчающее вину обстоятельство.

Интересным представляется вопрос о применении Артикула воинского 163 и ст. 3 гл. XXII Соборного уложения на практике. Как известно, Артикул воинский регулировал ответственность военнослужащих. Однако по Указу 1716 г. списки Устава воинского были разосланы не только в войска, но и по губерниям и канцеляриям «дабы неведением никто не отговаривался ... оный хотя основанием воинских людей однако же касается и для всех правителей земских». Вместе с тем, имеется ряд доказательств того, что Артикул воинский применялся параллельно с Соборным уложением 1649 г.

Артикулом также предусматривалась ответственность за преступления против половой неприкосновенности отрока, т.е. дитя мужского пола от 7 до 15 лет «ежели кто отрока осквернит...имеют быть наказаны...ежели же насильством то учинено, тогда смертью или вечно на галеру ссылкой наказать» (арт. 166). Отягчающее вину обстоятельством рассматривалось насилие ребенка.

Артикулом Воинским устанавливалась обязанность отца содержать и воспитывать своих детей. Если женщина вступила в связь с мужчиной при его обещании на ней жениться и от такой связи родила ребенка, мужчина обязан жениться на матери ребенка. При отказе мужчины от женитьбы отец ребенка должен был предоставить средства на содержание матери и младенца, рожденного вне брака, а также понести наказание в виде «тюремного заключения и церковного покаяния» (арт. 176).

Нормы права, охраняющие интересы детей и направленные на ограничение родительской власти, содержались и в Указах Петра I:

– был ограничен срок, на который родители могли отдавать в наем своих детей до (5 лет);

- отменено холопство (высочайшей резолюцией на докладные пункты генерала Чернышёва 19.01.1723 г.);
- введены ограничения по продаже детей отдельно от отца или от матери (Указ от 15.04.1721 г.);
- запрещалось отдавать детей в монастырь помимо их воли, когда ранее родители от имени своих малолетних детей давали обеты монашества (Прибавление о правилах Духовного регламента Петра I от 25.01.1721 г.);
- запрещалось принуждать родителями детей и господами рабов к вступлению в брак помимо их воли. К указу прилагался текст присяги, и родители с обеих сторон должны были дать присягу, в которой клялись, что дети вступают в брак по собственному согласию (Указ от 05.01.1724 г.);
- запрещалось заключать договорные браки, писать рядные и уговорные записи с «зарядом» на случай отказа от брака той или другой стороны (Указ от 03.04.1702 г.);
- запрещалось свободным людям жениться на крепостных (Указ от 16.11.1702 г.). Брак был одним из оснований возникновения рабства, правовой статус детей, рожденных в таком браке, вызывал споры;
- была утверждена брачная дееспособность, запрещалось женить неспособных ни к науке, ни к службе (Указ от 06.04.1722 г.);
- запрещалось жениться дворянским отпрыскам, не имеющим хотя бы начального образования (Указ от 1714 г.);
- за шесть недель до брака молодым необходимо было совершить обручение. Данный срок предоставлялся, чтобы жених и невеста могли принять окончательное решение по поводу заключения брака (согласиться или отказаться от его заключения) (Указ от 1704 г.);
- было запрещено венчать «малолетних ребят с возрастными женщинами». Если повенчанными оказывались «отроки ниже 15 лет, а невесты им равнолетные, или мало превосходящие», их необходимо было развести;
- учитывая физиологическое развитие детей был повышен возраст вступления в брак для девушек – 17 лет, для молодых людей – 20 лет, для гардемарин – 25 лет (Указ от 23.03.1714 г.);
- создавались особые дома для воспитания внебрачных детей (Указ от 16.01.1712 г., Указ от 31.01.1712 г., Указы от 04.11.1714 г. № 2856 и № 2953, Указ от 04.02.1719 г., Указ от 23.10.1723 г.). Данные меры были направлены на предупреждение убийств и сохранение жизни незаконнорожденных «ззорных младенцев, матери которых от стыда ради отметывают в разные места». Матери могли принести внебрачных детей в эти дома тайно, с закрытыми лицами, без предъявления каких-либо документов, что не исключало оставление и законнорожденных детей.

Нормотворчество Петра I стало значительным шагом вперед по сравнению с законодательством предыдущих периодов. Можно сказать, что признание за детьми личных прав исходит именно с Петра I. Вместе с тем в эпоху Петра I дети продолжали занимать подчиненное положение по отношению к родителям. В сборнике правил этикета «Юности честное зерцало» (XVIII в.) были даны наставления детям «наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать, «подобно яко слуга».

Суровость при воспитании детей все также оставалась нормой. Система наказаний родителями детей в XVII – начале XVIII вв. строилась на физическом воздействии – пытки, побои, увечья. Родители, как и прежде, имели право подвергать детей телесным наказаниям, приносить в суды жалобы на детей за неповиновение родительской власти. Нормы,

устанавливающие наказание родителям за нанесение телесных повреждений детям, отсутствовали.

В Регламенте главного магистра (16.01.1721) Петр I учредил создать цухтгаузы, или смирительные дома, куда родители могли сажать детей «непотребного жития и невоздержного, яко сыновья, которые родителям своим тяжко и учителям явятся не послушны, и от злаго жития не престанут, и ни к чему доброму склонны не будут: подобно ж которые и совершенного возраста впадут в непотребное житие, учнут имение расточать, дома разорять и прочии непотребности чинить» (гл. XX Регламента).

У родителей появилось право без судебного разбирательства лишить детей свободы, заключив их в смирительный дом, «кто на какое время позлымь его поступкамь будет достоинь» [Регламент или Устав Главного Магистрата, 1721, 75].

Надо полагать, в такие «детские тюрьмы» родители могли посадить детей начиная с 7 лет. В толковании к «Артикулу воинскому» 195 указывалось, что «наказание воровства обыкновенно умаляется, или весьма отставляется, ежели... кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец» (арт. 195). При этом толкования, какая категория несовершеннолетних относится к понятию «младенец», в артикуле отсутствует. Вместе с тем, согласно христианскому вероучению, всякое преступление есть грех. По правилам Русской Православной церкви (Законов градских включенных в списки Кормчей книги, в состав Никоновской печатной Кормчей 1653 г.), ее члены должны прибегать к исповеди, начиная с 7 лет. Считается, что с этого возраста дети могут отвечать за свои греховные поступки. Минимальный возраст уголовной ответственности – 7 лет – упоминается также в ст. 108 Новоуказных статей «О татевных, разбойных и убийственных делах» от 22.01.1669 г., представляющих собой дополнения к главе XXI Соборного Уложения «аще седми лет отрок или бесный уьет кого, неповинен есть смерти».

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать ряд выводов:

Законодательство в области защиты прав и интересов несовершеннолетних от преступных посягательств со стороны родителей развивалось постепенно, на протяжении многих веков.

В период язычества и раннего христианства (VI–XI вв.) ребенок не рассматривался как личность. Жизнь ребенка не ценилась. Представления о правах ребенка и их защите отсутствовали. С принятием и распространением христианства (IX–XV вв.) положение детей улучшилось. Ребенок стал рассматриваться как часть домохозяйства, основанного на родительской власти. В источниках светского и церковного права появились нормы, охраняющие интересы детей от преступных посягательств со стороны родителей. Вводятся меры по ограничению родительской власти. Права и интересы детей становятся объектом уголовно-правовой охраны. Происходит дифференциация ответственности, определяется круг преступлений, субъектами которых выступают родители. С начала XVIII в. родительская власть начинает ослабевать. За детьми признаются отдельные права.

В целом, можно сказать, что в период с язычества и до начала XVIII в. права и интересы детей не были обеспечены правовыми средствами охраны со стороны государства. Охране прав и интересов детей должного внимания не уделялось. Право было подчинено принципу патриархальности. Дети были бесправны и полностью зависели от своих родителей. Превалировал интерес родителей, ответственных за воспитание и содержание своих детей над

интересами детей. Характерно установление ответственности детей за посягательства на интересы родителей. Не были определены пределы и границы родительской власти, что вело к ее злоупотреблению. Отсутствовало законодательное закрепление прав и интересов ребенка, а также морально-нравственные запреты в виде недопущения в отношении детей грубости, пренебрежения, жестокости, унижающего человеческого достоинства обращения. Вместе с тем отношение родителей к своим детям зависит не только от политической, социально-экономической системы, ценностных ориентаций общества, но и от политики государства по отношению к детям. В начале XVIII в. законодательство нуждалось в системе уголовно-правовых норм, направленных на защиту детей от преступных посягательств со стороны родителей, а также определяющих способы и пределы вмешательства государства в процесс реализации родительской власти.

Библиография

1. Байбурин А.К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1979. С. 155.
2. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: 2003. 237 с.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
4. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX - XII вв.). М., 2001. 398 с.
5. Духовный регламент Петра I от 25.01.1721 с прибавлением // Монастырский хронограф. 2024. URL: https://www.monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl.
6. Живов В.М. Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. 430 с.
7. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909. 554 с.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М.: Наука, 1989. 612 с.
9. Колесов В.В., Рождественская В.В. Домострой. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. 399 с.
10. Коренько С.Н., Мельничук А.Ф., Черных Е.М. Человеческие жертвоприношения на ананьинских поселениях Нижнего и Среднего Прикамья (конец VI - III вв. до н. э.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 143-164.
11. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1860. 214 с.
12. Кузьмин А.К. Крещение Руси. М.: Алгоритм, 2004. 416 с.
13. Максимов М.В. Сибирь и каторга: части II – IV // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 640 с.
14. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. История российских гражданских законов. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857. 444 с.
15. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Академия наук СССР, 1950. 561 с.
16. Омелянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX - XIII веков. Владимир: Владимирский государственный университет, 2010. 188 с.
17. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908.
18. Повесть временных лет // Азбука веры. 2024. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshhina-v-pravoslavii-tserkovnoe-pravo-i-rossijskaja-praktika/4>.
19. Полное Собрание законов Российской империи с 1649 года, том 4, 1720-1722. Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 892 с.
20. Пушкирева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X - XVII вв.) // Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.
21. Регламент или Устав Главного Магистрата. 1721. Января 16 // Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 3708. С. 291-305.
22. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984. 430 с.
23. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян // Азбука веры. 2024. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/religiovedenie/jazycheskie-svjatilishha-drevnih-slavjan>.
24. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога. 2007. 303 с.
25. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
26. Словарь церковно-славянского и русского языка. Том 3. СПб.: Типография Императорской Академии Наук,

1847. 890 с.

27. Слово на антипасху или в новую неделю по Пасхе // Азбука веры. 2024. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/slovo_na_antipashu/#source.
28. Смирнов А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. 259 с.
29. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2021. 836 с.

Parental power and responsibility for parental crimes in domestic criminal law in the period from pagan to the beginning of the 18th century

Yuliya S. Elovikova

Postgraduate Student of the Department of criminal law disciplines,
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov,
428015, 15 Moskovskii ave., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: Yulia_Elovikova@mail.ru

Abstract

The article examines the forms and methods of exercising parental power, as well as legislation on the criminal liability of parents for encroachments on the interests of children, starting from paganism and before the beginning of the formation of the Russian Empire (XVIII century). The study of this issue seems relevant, because to understand the origins of a socially dangerous act, reveal its characteristics, and determine the effectiveness of criminal law regulation measures, it should be studied from a historical perspective. This issue was addressed in the works of A.A. Alekseeva, A.M. Nechaeva, L.Yu. Golysheva and other researchers. However, in these works, in our opinion, the issue of the forms and methods of exercising parental authority in connection with the issue of parental responsibility for criminal attacks on the interests of children is not addressed. The study revealed the features of the legal regulation of parental responsibility for criminal acts against children. As a result of the study, the author comes to the conclusion that by the beginning of the 18th century, the rights and interests of children were not sufficiently ensured by legal means of protection by the state. There were no rules defining the limits of the exercise of parental authority and aimed at protecting children from criminal attacks by their parents. When writing the article, historical-legal, comparative, and dialectical research methods were used.

For citation

Elovikova Yu.S. (2024) Roditel'skaya vlast' i otvetstvennost' za roditel'skie prestupleniya v otechestvennom ugovnom prave v period s yazychestva do nachala XVIII v. [Parental power and responsibility for parental crimes in domestic criminal law in the period from pagan to the beginning of the 18th century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 500-517. DOI: 10.34670/AR.2024.86.90.053

Keywords

Parents, children, parental authority, corporal punishment, parental responsibility.

References

1. Baiburin A.K. (1979) Stroitel'naya zhertva» i svyazannye s neyu ritual'nye simvolyy u vostochnykh slavyan [Construction sacrifice" and the ritual symbols associated with it among the Eastern Slavs]. *Problemy slavyanskoi etnografii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR D.K. Zelenina)* [Problems of Slavic ethnography (on the 100th anniversary of the birth of corresponding member of the USSR Academy of Sciences D.K. Zelenin)]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, p. 155.
 2. Danilevskii I.N. (2001) *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX - XII vv.)* [Ancient Rus' through the eyes of contemporaries and descendants (IX - XII centuries)]. Moscow.
 3. Dukhovnyi reglament Petra I ot 25.01.1721 s pribavleniem [Spiritual regulations of Peter I dated January 25, 1721 with an addition] (2024). *Monastyrskii khronograf* [Monastic chronograph]. Available at: https://www.monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl [Accessed 12/02/2024].
 4. Karamzin N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. T. 1* [History of Russian Government. Vol. 1]. Moscow: Nauka Publ.
 5. Kolesov V.V., Rozhdestvenskaya V.V. (2007) *Domostroi* [Domostroy], 3rd ed. Saint Petersburg: Nauka Publ.
 6. Korenyuk S.N., Mel'nichuk A.F., Chernykh E.M. (2017) Chelovecheskie zhertvoprinosheniya na anan'inskikh poseleniyakh Nizhnego i Srednego Prikam'ya (konets VI - III vv. do n. e.) [Human sacrifices at the Ananyin settlements of the Lower and Middle Kama region (late VI - III centuries BC)]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], 4, pp. 143-164.
 7. Kostomarov N.I. (1860) *Ocherk domashnei zhizni i nraov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Essay on the home life and morals of the Great Russian people in the 16th and 17th centuries]. Saint Petersburg: Tipografiya Karla Vul'fa Publ.
 8. Kuz'min A.K. (2004) *Kreshchenie Rusi* [Baptism of Rus']. Moscow: Algoritm Publ.
 9. Maksimov M.V. (2010) Sibir' i katorga: chasti II – IV [Siberia and hard labor: parts II – IV]. In: *Sobranie sochineniĭ: v 7 t. T. 2* [Collected works: in 7 volumes. Vol. 2]. Moscow: Knizhnyĭ Klub Knigovek, 640 s.
 10. Nevolin K.A. (1857) *Polnoe sobranie sochineniĭ. T. 3. Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. Ch. 1. Vvedenie i kniga pervaya o soyuzakh semeistvennykh* [Full composition of writings. Vol. 3. History of Russian civil laws. Part 1. Introduction and book one about family unions]. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa Publ.
 11. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod first chronicle of the older and younger editions] (1950). Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
 12. Omel'yanichuk S.V. (2010) *Brak i sem'ya v Drevnei Rusi IX - XIII vekov* [Marriage and family in Ancient Rus' of the 9th - 13th centuries]. Vladimir: Vladimir State University.
 13. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1* [Monuments of Old Russian canon law. Part 1]. (1908) Saint Petersburg.
 14. *Polnoe Sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda, tom 4, 1720-1722* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649, volume 4, 1720-1722] (1830). Printing house of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
 15. Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. *Azbuka very* [ABC of Faith]. 2024. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshhina-v-pravoslavii-tserkovnoe-pravo-i-rossijskaja-praktika/4> [Accessed 12/02/2024].
 16. Pushkareva N.L. (1996) Mat' i materinstvo na Rusi (X - XVII vv.) [Mother and motherhood in Rus' (X - XVII centuries)]. *Chelovek v krugu sem'i: ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Man in the family circle: essays on the history of private life in Europe before the beginning of modern times]. Moscow.
 17. Reglament ili Ustav Glavnogo Magistrata. 1721. Yanvary 16 [Regulations or Charter of the Chief Magistrate. 1721. January 16]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], 6 (3708), pp. 291-305.
 18. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh-KhKh vv. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. T. 1* [Russian legislation of the 10th-20th centuries. Legislation of Ancient Rus'. Vol. 1] (1984). Moscow.
 19. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. (2024) Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan [Pagan sanctuaries of the ancient Slavs]. *Azbuka very* [ABC of Faith]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/religiovedenie/jazycheskie-svyatilishha-drevnih-slavyan>.
 20. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. (2007) *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan* [Pagan sanctuaries of the ancient Slavs]. Moscow: Ladoga Publ.
 21. Rybakov B.A. (1987) *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Rus']. Moscow: Nauka Publ.
 22. Shershenevich G.F. (2021) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law]. Moscow: Statut Publ.
 23. *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka. Tom 3* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages. Volume 3] (1847). Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences.
-

-
24. Slovo na antipaskhu ili v novuyu nedelyu po Paskhe [A word on anti-Easter or on the new week of Easter] (2024). *Azбука very* [ABC of Faith]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Turovskij/slovo_na_antipashu/#source.
 25. Smirnov A.G. (1877) *Ocherki semeinykh otnoshenii po obychnomu pravu russkogo Naroda* [Essays on family relations according to the customary law of the Russian people]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov) Publ.
 26. Veletskaya N.N. (2003) *Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov* [Pagan symbolism of Slavic archaic rituals]. Moscow.
 27. Vladimirkii-Budanov M.F. (2005) *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
 28. Zagorovskii A.I. (1909) *Kurs semeinogo prava* [Family law course]. Odessa.
 29. Zhivov V.M. (2009) *Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannegonovogo vremeni* [Essays on the historical semantics of the Russian language in early modern times]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.22.44.056

Обеспечение права адвоката на ознакомление с электронным документооборотом в уголовном судопроизводстве

Азарёнок Николай Васильевич

доктор юридических наук, доцент,
Директор Института юстиции,
профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса,
Уральский государственный юридический университет,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: azarenok_96@mail.ru

Махова Маргарита Львовна

Соискатель,
Уральский государственный юридический университет,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: margarita.filatova@yandex.ru

Аннотация

Право защитника на ознакомление с электронным документооборотом играет важную роль в судопроизводстве, обеспечивает эффективность всей защиты, позволяя адвокату в полной мере исполнять свои обязанности перед доверителем и представлять его интересы в суде. Одновременно с этим, рассматриваемое правомочие обеспечивает равенство сторон и возможность объективного разрешения уголовного дела, являясь одной из гарантий справедливости и транспарентности судопроизводства. В заключении статьи показано, что внедрение электронного документооборота в уголовно-процессуальную практику Российской Федерации предполагает различные подходы и нормы, гарантирующие получение электронных документов и доступ к ним. Важным шагом в совершенствовании электронного документооборота является фактическая реализация Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Представление электронных документов, решение проблемы обеспечения надежных каналов передачи информации и возможность использования электронной почты являются взаимосогласованными и обеспечивают эффективность и безопасность уголовного судопроизводства.

Для цитирования в научных исследованиях

Азарёнок Н.В., Махова М.Л. Обеспечение права адвоката на ознакомление с электронным документооборотом в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 518-525. DOI: 10.34670/AR.2024.22.44.056

Ключевые слова

Адвокат, защита, уголовный процесс, электронный документооборот, ознакомление с материалами уголовного судопроизводства.

Введение

Одним из важных аспектов правовой системы является обеспечение равных возможностей для граждан защищать свои права и интересы в суде. Особую роль в этом процессе играют адвокаты - профессиональные юристы, выполняющие важную функцию защиты своих клиентов в суде. В своей работе адвокаты обладают рядом прав и обязанностей, которые обеспечивают эффективное осуществление их профессиональной деятельности [Крякин, 2020].

Одним из важнейших прав адвоката является право на ознакомление со всеми судебными материалами. Роль этого права заключается в том, чтобы адвокат был ознакомлен со всей информацией, имеющейся в материалах дела, и имел доступ ко всем документам, которые могут быть полезны при разрешении конфликтной ситуации.

Основная часть

Право на ознакомление в системе полномочий адвоката имеет свои цели. Во-первых, оно гарантирует эффективность деятельности защитника. Полученная информация помогает защитнику лучше понять дело и подготовить соответствующую стратегию защиты клиента. Адвокаты должны иметь полное представление о деле и доступ ко всем материалам, необходимым для изложения своих аргументов в суде.

Кроме того, право на ознакомление имеет важные социальные и правовые последствия. Это право гарантирует равенство сторон в деле и обеспечивает справедливое разрешение споров. Право на ознакомление позволяет адвокатам установить факты, опровергнуть доказательства другой стороны и повысить прозрачность всего судебного процесса. В конечном итоге они смогут определить обоснованность претензий одной из сторон или обеих.

Один из важных аспектов процессуальной природы электронных документов связан с их подлинностью и надежностью. Особый формат электронных документов ставит вопрос об авторе электронного документа и возможности проверки его целостности. Для обеспечения подлинности электронных документов используются такие методы, как электронные подписи и шифрование, позволяющие установить автора и целостность информации.

Как отмечает Рагулин А.В.: «.. электронное доказательство – юридически значимая информация, зарегистрированная электронными средствами или представленная в электронном виде, с соблюдением уголовно-процессуальных требований, предъявляемых к доказательствам в целях установления истины по уголовному делу» [Рагулин, 2019].

Не менее важным является надлежащее уведомление участников уголовного судопроизводства. Следует признать, что электронный документооборот внедряется все шире, в том числе и в судебной системе. Появилась возможность подавать процессуальные документы в суд в электронном виде, осуществляется SMS-извещение, есть много прецедентов по расширению слушаний с использованием видеоконференцсвязи. Однако сфера уголовного судопроизводства в этом вопросе остается консервативной, и это имеет свои преимущества.

Материалы уголовного дела хранятся в Следственном комитете или в здании МВД, что исключает возможность взлома электронных носителей или разглашения тайны предварительного следствия. Дистанционно удалить или изменить материалы невозможно. Однако и этот способ создает ряд трудностей, особенно в случае многочисленных инцидентов.

Готовить уведомления в бумажном виде и отправлять их почтой России весьма неудобно. Во-первых, бумажное письмо приходит не сразу, что увеличивает время рассмотрения дела.

Нередки случаи, когда извещения приходят позже запланированного срока. Кроме того, есть риск, что уведомление не будет доставлено по адресу.

Следователям очень сложно обеспечить обвиняемому право на ознакомление с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 217 УПК РФ, особенно при большом объеме дел. Конституция УПК РФ предусматривает ознакомление с материалами уголовного дела в первоначальном виде. Поэтому каждый обвиняемый и защитник должны знакомиться с материалами по очереди, а само ознакомление занимает длительное время. В некоторых случаях этот этап расследования может длиться годами.

Иногда следователи решают снять копии, чтобы ускорить процесс ознакомления, и суд рассматривает их доводы о разумной продолжительности судебного разбирательства (Определение Московского городского суда от 21 мая 2018 г. (дело № 10-7092/2018), Решение Московского городского суда (дело № 10-2-2). Решение Московского городского суда (дело № 10-21875/2018), Определение Московского городского суда от 1 апреля 2019 года (дело № 10-6002/2019)). По одному из уголовных дел объемом 1950 томов по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Управлением Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации материалы уголовного дела были впервые сформированы в электронном формате и переданы обвиняемому. Специалисты ЭКЦ МВД России не только оцифровали материалы уголовного дела, но и изменили формат акта передачи [Рагулин, 2019].

Тем не менее, этот метод не всегда применяется правильно. Так, если защитник фотографирует материалы уголовного дела, следователь считает, что на момент фотографирования он уже ознакомлен с материалами дела, и не дает ему дополнительного времени на их осмотр. Однако эта проблема носит технический характер и может быть решена путем внесения изменений в УПК РФ, не затрагивающих основные положения об ознакомлении с материалами уголовных дел.

Еще одним важным аспектом процессуальной природы электронных документов является их функция в качестве доказательств в суде. Судебные органы все чаще признают электронные документы в качестве доказательной базы по уголовным и гражданским делам. Однако для того, чтобы электронные документы могли быть допущены в качестве доказательств, необходимо соблюдение определенных требований, таких как обеспечение целостности и достоверности информации, а также соблюдение процедур и правил, регулирующих использование электронных документов в судебном процессе.

Важно отметить, что право на ознакомление имеет определенные ограничения, связанные с конфиденциальностью информации и соблюдением процессуальных норм. Например, адвокат не имеет права распространять информацию, полученную без согласия клиента, или наносить ущерб интересам противоположной стороны. Эти ограничения направлены на поддержание доверия к процессу защиты и соблюдение конфиденциальности.

Использование электронного документооборота в уголовном судопроизводстве впервые стало реальностью в середине XX века. Его отправной точкой стало внедрение компьютерных технологий в сферу уголовного судопроизводства. С развитием информационных технологий появились новые возможности для эффективного управления и обмена информацией между участниками уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен Федеральным законом от 25 декабря 2023 года, предусматривающим уголовное преследование по электронному документообороту. Данный закон был принят в целях усиления гарантий прав участников уголовного судопроизводства и совершенствования уголовно-процессуального

законодательства в целом.

Принятие закона было обусловлено стремлением привести уголовное судопроизводство в соответствие с современными требованиями информационного общества. Закон устанавливает правила и порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве, их правовой статус, порядок предоставления, признания и допустимости в качестве доказательств.

Федеральный закон от 25 декабря 2023 года также предусматривает механизмы, гарантирующие подлинность и целостность электронных документов. В частности, он регулирует вопросы выдачи электронных подписей и средств криптографической защиты информации, используемой при их создании. Таким образом, закон гарантирует надежность и достоверность электронных документов, которые получают все большее распространение в практике уголовного судопроизводства.

В частности, Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внес три основных изменения в уголовное законодательство:

Во-первых, ст. 222 УПК РФ дополнена ч. 3, которая указывает, что сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающие национальную безопасность, права и законные интересы несовершеннолетних, а также сведения о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности, по ходатайству или с согласия обвиняемого, защитника или потерпевшего и при наличии технической возможности может быть выдана копия обвинительного заключения и приложений к нему в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, не содержащего таких сведений. При этом, если обвиняемый находится под стражей, документ вручается обвиняемому по указанию начальника места содержания под стражей с помощью предоставленного органом, осуществляющим предварительное расследование, технического устройства для просмотра электронных книг, не имеющего функции записи или фиксации, воспроизведения видеозаписи или доступа к сети Интернет.

Во-вторых, внесено изменение в наименование ст. 474 УПК РФ, обозначив ее: «Порядок использования электронных документов в ходе судебного производства».

В-третьих, расширена ст. 474 УПК РФ. Теперь ходатайства, заявления, жалобы, заявления и запросы, не содержащие сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, сведений, затрагивающих национальную безопасность, права и законные интересы несовершеннолетних, а также сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности, при наличии технической возможности, могут быть представлены прокурору, следователю, руководителю следственного органа, органу дознания или следственному органу. Материалы, прилагаемые к таким заявлениям, обращениям, жалобам, представлениям или запросам, могут быть представлены также в электронном виде, в том числе в форме электронных документов, и заверены лицом, представившим такие документы, усиленной квалифицированной электронной подписью.

Также, в соответствии с законодательством Российской Федерации ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела, ходатайства о выдаче копий процессуальных документов, ходатайства об участии в следственных и иных процессуальных действиях могут быть подписаны простой электронной подписью.

Согласно нововведению, копии приговоров, обвинительных заключений, обвинительных актов и иных процессуальных документов, не содержащих сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, сведений, затрагивающих

национальную безопасность, права и законные интересы несовершеннолетних, сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности, могут быть представлены в форме электронного документа, который при наличии технической возможности должен быть подписан лицом, его представляющим.

Помимо этого, порядок представления документов, указанных в ч. 1 ст. 474 УПК РФ, в электронной форме, в том числе в форме электронных документов, заявлений, обращений, жалоб, ходатайств, требования к форме технических средств, используемых прокурорами, следователями, руководителями следственных органов, органов дознания и дознавателями, в том числе в органы предварительного следствия, федеральные органы исполнительной власти, прокуратуру, Следственный комитет Российской Федерации и Министерство юстиции Российской Федерации, определяются нормативными правовыми актами.

Дополнения к действующему УПК РФ также указывают на то, что, копии приговоров, обвинительных заключений, протоколов предъявления обвинения, копий обвинительных постановлений и иных процессуальных документов в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью, при наличии технической возможности могут быть направлены по запросу или с согласия участника уголовного судопроизводства с использованием Единого портала или системы межведомственного электронного взаимодействия.

Помимо этого, повестка или извещение в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, при наличии технической возможности направляется лицу, давшему на Едином портале согласие на извещение через Единый портал или систему электронного документооборота участника уголовного судопроизводства. Оно может быть направлено при условии, что возможность использования лицом Единого портала не ограничена мерами пресечения или взысканиями, наложенными на это лицо.

Важно отдельно подчеркнуть, что внедрение электронного документооборота в судопроизводстве в Российской Федерации после 2023 года значительно улучшилось с принятием Федерального закона от 25 декабря 2023 года «О прокуратуре». Закон призван организовать эффективный и безопасный обмен информацией между правоохранительными органами, следователями, дознавателями, адвокатами и другими участниками уголовного судопроизводства.

Закон рассматривает возможность представления документов в электронном виде в случаях, когда следователь или дознаватель не обязан предоставлять документы. Согласно закону, лицо, располагающее необходимыми документами, может представить их следователю в электронном форме. В этом случае следователь или дознаватель вправе использовать представленные документы при рассмотрении дела или принятии процессуального решения.

Однако возникают вопросы о предоставлении носителя (флешки) для получения документов, особенно если адвокат находится в другом регионе. В этом случае закон не предусматривает четкой обязанности одной из сторон предоставлять флешку для передачи информации. Поэтому сторонам рекомендуется проявить солидарность и взаимопонимание, договориться о форме передачи информации и решить вопрос об обеспечении надежных каналов связи.

Учитывая растущую популярность электронной почты и электронных документов, возникает вопрос о возможности отправки вышеуказанной информации по электронной почте. В настоящее время законодательство Российской Федерации прямо не указывает на возможность использования электронной почты для официальной передачи документов в

уголовно-процессуальной практике. Тем не менее, это возможно в рамках соглашения между сторонами, если они, достигнут взаимного согласия, и примут меры по обеспечению конфиденциальности и целостности передаваемых данных.

Заключение

В заключение следует отметить, что внедрение электронного документооборота в уголовно-процессуальную практику Российской Федерации предполагает различные подходы и нормы, гарантирующие получение электронных документов и доступ к ним. Важным шагом в совершенствовании электронного документооборота является фактическая реализация Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Представление электронных документов, решение проблемы обеспечения надежных каналов передачи информации и возможность использования электронной почты являются взаимосогласованными и обеспечивают эффективность и безопасность уголовного судопроизводства.

Библиография

1. Крякин Е. Допустимость доказательств, собранных защитником, и осуществление функции защиты в уголовном судопроизводстве / Е. Крякин // Российская юстиция. – 2020. – № 6. – С. 57–58.
2. Рагулин А.В. Адвокат в уголовном процессе / А. В. Рагулин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2019. С. – 480.
3. Путин подписал закон об электронном документообороте в уголовном процессе / РИА новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20231225/zakon-1918040010.html?ysclid=lrqyg8nf086465726>
4. Дальневосточная транспортная прокуратура разъясняет о порядке использования электронных документов в ходе досудебного производства / Дальневосточная транспортная прокуратура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://erp.genproc.gov.ru/web/dvtp/activity/legal-education/explain?item=92801575>
5. Сыч В.К. Институты наказания и иных мер уголовно-правового характера на современном этапе своего развития / В. К. Сыч // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 6 (181). – С. 305-307.
6. Quattrocolo S. et al. Artificial intelligence, computational modelling and criminal proceedings. – Springer, 2020.
7. Tertyshnik V., Fomenko A. Legal assistance and protection in criminal proceedings: international standards and integrative doctrine //Philosophy, economics and law review. – 2021. – Т. 1. – №. 2. – С. 123-134.
8. Chornous Y., Leliuk T. Organization of forensic examinations in criminal proceedings as a condition for the effectiveness of the investigation of criminal offences //Law Journal of the National Academy of Internal Affairs. – 2023. – Т. 13. – №. 2. – С. 50-62.
9. Vieira-Pinto P. et al. Suspension of criminal proceedings for perpetrators of intimate partner violence against women: impact on re-entries //Frontiers in psychology. – 2021. – Т. 12. – С. 725081.
10. Gooding P., McSherry B., Arstein-Kerslake A. Supported decision-making in criminal proceedings: A sociolegal empirical study //Journal of Disability Policy Studies. – 2023. – Т. 34. – №. 1. – С. 28-38.

Ensuring the right of a lawyer to familiarize himself with electronic document flow in criminal proceedings

Nikolai V. Azarenok

Director of Law, assistant professor,
Professor of the Department of Judicial Activities and Criminal Procedure,
Ural State Law University,
620137, 21, Komsomol'skaya str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: azarenok_96@mail.ru

Margarita L. Makhova

Applicant,
Ural State Law University,
620137, 21, Komsomol'skaya str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: margarita.filatowa@yandex.ru

Abstract

The right to become familiar with the system of powers of the defense attorney plays an important role in legal proceedings and ensures the effectiveness of the defense attorney's work. The right to familiarization allows the defense attorney to fully fulfill his duties to the client and represent his interests in court. At the same time, this right guarantees equality of the parties and the possibility of objective resolution of disputes, and is one of the guarantees of fairness and transparency of legal proceedings. In conclusion, the article shows that the introduction of electronic document management into the criminal procedural practice of the Russian Federation presupposes various approaches and norms that guarantee the receipt of electronic documents and access to them. An important step in improving electronic document management is the actual implementation of the Federal Law of December 25, 2023 No. 672-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation." The presentation of electronic documents, the solution to the problem of providing reliable channels for transmitting information and the possibility of using electronic mail are mutually agreed upon and ensure the efficiency and security of criminal proceedings.

For citation

Azarenok N.V., Makhova M.L. (2024) Obespechenie prava advokata na oznakomlenie s elektronnyim dokumentooborotom v ugovnom sudoproizvodstve [Ensuring the right of a lawyer to familiarize himself with electronic document flow in criminal proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 518-525. DOI: 10.34670/AR.2024.22.44.056

Keywords

Advocacy, criminal proceedings, electronic document management, confidentiality.
переделат

References

1. Kryakin E. The admissibility of evidence collected by the defender and the implementation of the protection function in criminal proceedings / E. Karyakin // Russian Justice. - 2020. - No. 6. - pp. 57-58.
2. Ragulin A.V. Lawyer in criminal proceedings / A.V. Ragulin. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2019. p. - 480.
3. Putin signed the law on electronic document management in criminal proceedings / RIA Novosti [Electronic resource]. - Operating mode: <https://ria.ru/20231225/zakon-1918040010.html?ysclid=lrrgyg8nf0864655726>
4. The Far Eastern Transport Prosecutor's Office explains the procedure for using electronic documents during pre-trial proceedings / Far Eastern Transport Prosecutor's Office [Electronic resource]. - Operating mode: <https://epp.genproc.gov.ru/web/dvtp/activity/legal-education/explain?item=92801575>
5. Sych V.K. Institutions of punishment and other measures of a criminal legal nature at the present stage of their development / V. K. Sych // Eurasian Legal Journal. - 2023. - № 6 (181). - Pp. 305-307.
6. Quatrocolo S. et al. Artificial intelligence, computer modeling and criminal justice. - Springer, 2020.
7. Tertyshnik V., Fomenko A. Legal assistance and protection in criminal proceedings: international standards and integrative doctrine // Philosophical, Economic and Legal Review. - 2021. - Vol. 1. - No. 2. - pp. 123-134.

-
8. Chernous Yu., Lelyuk T. Organization of forensic examinations in criminal proceedings as a condition for the effectiveness of the investigation of criminal offenses //Law Journal of the National Academy of Internal Affairs. – 2023. – Vol. 13. – No. 2. – pp. 50-62.
 9. Vieira-Pinto P. et al. Suspension of criminal prosecution of persons guilty of intimate partner violence against women: impact on re-entry // Frontiers of Psychology. – 2021. – vol. 12. – p. 725081.
 10. Gooding P., McSherry B., Arstein-Kerslake A. Decision support in criminal proceedings: a socio-legal empirical study //Journal of Disability Policy Research. – 2023. – vol. 34. – No. 1. – pp. 28-38.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.68.87.059

Защита трудовых прав несовершеннолетних органами прокуратуры Российской Федерации

Васильева Анастасия Валерьевна

Старший преподаватель,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Пендюр Марина Сергеевна

Студент
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: marina.pendyur@yandex.ru

Аннотация

Актуальность рассмотренной темы обусловлена тем, что в настоящее время трудовые права несовершеннолетних требуют регулярного контроля и надзора. Именно надзор, осуществляемый органами прокуратуры, в настоящее время является наиболее эффективной гарантией и, в определенной степени, защитой. Целью данного исследования является формулировка теоретических положений о характерных чертах прокурорского надзора за соблюдением трудового законодательства, а также обоснование методики проведения прокурорской проверки. Статья посвящена особенностям защиты прокурором трудовых прав несовершеннолетних. Авторами приводится ведомственная статистическая отчетность, проводится анализ норм трудового законодательства, организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации, раскрывается специфика проведения прокурорской проверки. Авторами раскрыты особенности осуществления прокурорской проверки в части трудовых прав несовершеннолетних, определена методика проведения прокурорской проверки. На основе анализа информационных писем и обзоров прокуратур различных субъектов аргументированы подходы, используемые в практической деятельности органов прокуратуры. Сделан вывод: в целях эффективности прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних важно правильно организовать работу на данном направлении, осуществлять планирование деятельности, обратить внимание на качество правового обеспечения надзирающего прокурора и проведение анализа федерального законодательства в части регламентации трудовых отношений несовершеннолетних.

Для цитирования в научных исследованиях

Васильева А.В., Пендюр М.С. Защита трудовых прав несовершеннолетних органами прокуратуры Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 526-534. DOI: 10.34670/AR.2024.68.87.059

Ключевые слова

Труд, несовершеннолетние, органы прокуратуры, прокурорский надзор, методика проведения проверки, трудовые права.

Введение

Защита прав ребёнка — это приоритетная задача государства. Государственная политика направлена на обеспечение единства прав и обязанностей, а также ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов детей. Это создаёт условия для охраны и защиты прав ребёнка.

Органы прокуратуры действительно играют важную роль в защите прав и интересов несовершеннолетних. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних направлен на обеспечение реального исполнения законодательства об охране прав и интересов детей, а также на предотвращение преступлений в отношении них.

Вопросам организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних посвящен приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов».

Принятие Генеральным прокурором Российской Федерации нового приказа (ранее более 10 лет действовал приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи») укрепило положение прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних именно как комплексного надзора, не ограничивающегося исполнением так называемого общего законодательства, а распространяющегося также на уголовно-правовую и уголовно-процессуальную сферу. Данный вид надзора, по большому счету, является наиболее комплексным из существующих на сегодняшний день направлений надзорной деятельности органов российской прокуратуры.

Вместе с тем, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» надзор за исполнением законов о несовершеннолетних в сфере трудовых отношений относится к одному из приоритетных направлений надзорной деятельности органов прокуратуры (п.1.2).

Некоторые вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних были предметом рассмотрения ряда ученых: А.В. Абадовского, А.В. Буяновой, Н.П. Дудина, Н.В. Ласкина, А.М. Лушниковой, Ю.П. Орловского, Е.Б. Хохлова, А.И. Шебановой, Е.В. Шестакова, Н.Н. Яворчук, А.В. Ярхо.

Основное содержание

Вопросы о роли прокуратуры в защите трудовых прав несовершеннолетних работников были предметом рассмотрения: Я.А. Овчаренко, однако в научных работах данного автора

уделено внимание только вопросам взаимодействия органов прокуратуры и контрольных (надзорных) органов, Ю.В. Усмановой в научных работах отмечено о необходимости внесения изменений в действующее трудовое законодательство, что позволяет говорить и правотворческом подходе. Л.А. Чернышева исследует проблемные вопросы, возникающие при осуществлении комиссиями по делам несовершеннолетних защиты прав и законных интересов несовершеннолетних работников [Овчаренко, 2021; Усманова, 2018; Зайцева, 2022; Чернышева, 2022]

В нашем исследовании, с учетом имеющихся научных работ различных авторов, предлагается рассмотреть актуальные особенности прокурорской деятельности по защите прав несовершеннолетних с обозначением реальных примеров практической деятельности, что на сегодняшний день не нашло отражения в научной и учебной литературе.

Материалы и методы исследования

Согласно статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации по результатам работы за январь - декабрь 2023 год было выявлено 14 528 нарушений прав несовершеннолетних, из них о занятости и об охране труда – 6332 нарушений.

Диалектический метод стал основой исследования, позволив проанализировать взаимосвязь теории и практики общественных отношений. Были использованы общие и специальные методы научного познания, благодаря которым удалось получить достоверные знания о предмете исследования и выделить особенности изучаемого процесса.

Обсуждение результатов исследования

В настоящее время существуют сложности регулирования трудоустройства лиц в возрасте до восемнадцати лет, для их оформления необходимо наличие большого количества документов. Поэтому работодателю удобнее использовать труд таких работников неофициально или вообще отказаться от приема на работу лиц до восемнадцати лет.

Законодательная регламентация трудовых отношений работников имеет свои особенности и определённые гарантии правового регулирования труда несовершеннолетних работников, что выступает значимым и основополагающим при организации прокурорского надзора [Васильева, 2023, с.70].

Основным способом выявления нарушений в сфере защиты трудовых прав несовершеннолетних является прокурорская проверка, так как данная категория граждан является наиболее уязвимой, социально не приспособленной, что не позволяет самостоятельно обращаться в органы прокуратуры, иные государственные органы за защитой своих нарушенных прав.

Некоторые составляющие проведения прокурорской проверки в данной сфере были рассмотрены нами ранее [Пендюр, 2023, с. 616].

Вместе с тем, этапы проверочной деятельности прокурора, установленные в рамках общего подхода и применимые для большинства направлений надзора, можно проецировать и для осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о труде и занятости несовершеннолетних:

- подготовка к проведению проверки: определение предмета, объектов, времени и места проведения, круга участников, составление плана;

- проведение проверочных мероприятий (основная часть проверки);
- оценка полученной информации и выбор средств (в том числе актов) прокурорского реагирования [Бурмистрова, Головкин, Дытченко, 2019, 20].

При этом, при организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних весомым выступает определение методики и тактики проведения проверки, а также анализ типичных нарушений, выявляемых прокурорами при осуществлении надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних, и меры прокурорского реагирования, направленные на их устранение.

Для того чтобы проверка была эффективной, необходимо определить перечень вопросов, подлежащих изучению, это позволит сэкономить время проведения проверки и сделать проверку целенаправленной.

С учетом того, что наибольшее количество нарушений выявляется в летний период, особенно важно остановиться на установленных федеральным законодательством требований.

Так, при проведении проверки в организациях и на предприятиях выясняются следующие вопросы:

1. Соблюдены ли требования федерального законодательства в части: порядка приема и оформления на работу (в том числе оформление трудового договора), соблюдены ли все права несовершеннолетнего при заключении, изменении и расторжении трудового договора, проводился ли медицинский осмотр несовершеннолетних за счет работодателя, достигло лицо возраста начала трудовой деятельности или принято на работу с учетом особенностей, установленных для той или иной возрастной группы (ст. 63 ТК РФ в новой редакции), не было ли проведено испытание при приеме на работу, не требовались ли документы, не предусмотрены законодательством, состояние учета несовершеннолетних, есть ли случаи необоснованных отказов в приеме на работу, в особенности несовершеннолетних, направленных органом занятости, оформлено ли письменное согласие родителей, органов опеки и попечительства (для несовершеннолетних младше 15 лет с учетом категории и специфики), оформлено ли согласие на обработку персональных данных и др.

Также необходимо проверить ознакомлен ли несовершеннолетний подросток с Правилами внутреннего трудового распорядка, иными документами, непосредственно связанными с трудовой деятельностью и действующими у работодателя.

Актуальность заявленных вопросов можно продемонстрировать примером, когда при проведении проверки установлено, что трое несовершеннолетних в нарушение ст. 68 ТК РФ работали в кафе «К» в г. Северодвинске без оформления трудовых договоров, один из подростков допущен к трудовой деятельности в отсутствие согласия законного представителя. Кроме того, двое из несовершеннолетних, находясь в должности официанта и бармена, вопреки ст. 265 ТК РФ имели доступ к алкогольной продукции и фактически занимались ее реализацией посетителям заведения.

По постановлениям прокуратуры города региональной государственной инспекцией труда ООО «К» и его директор привлечены к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ с назначением административного штрафа 31 тыс. рублей и 3 тыс. рублей и по ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ с назначением административного штрафа 51 тыс. рублей и 11 тыс. рублей.

2. Изучая срочные трудовые договоры, следует обратить внимание на то, нет ли фактов заключения срочных трудовых договоров с несовершеннолетними, с которыми с учетом характера работы и условий ее выполнения должен заключаться трудовой договор на неопределенный срок, есть ли акт о приеме работ, выполненных по срочному трудовому

договору, заключенному на время выполнения определенной работы.

Например, прокуратурой г. Новодвинска установлено, что в трудовом договоре, заключенном ООО с несовершеннолетним К., 2007 г.р., отсутствовали обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора, условия труда на рабочем месте, а также об обязательном социальном страховании работника. Кроме того, несовершеннолетний принят на работу без прохождения медицинского осмотра. В связи с этим в адрес ООО внесено представление, требования прокурора удовлетворены, в трудовые договоры иных работников внесены соответствующие изменения, одно лицо привлечено к дисциплинарной ответственности. По постановлению прокурора города государственной инспекцией труда в области директор организации привлечен к административной ответственности по ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ с назначением административного штрафа в размере 11 тыс. рублей.

3. Соблюдаются ли работодателем гарантии, установленные ТК РФ для данной категории: сокращенная продолжительность рабочего времени, пониженные нормы выработки, выплачивается ли заработная плата, сохраняется ли право на увеличенный ежегодный отпуск, не было ли фактов заключения договоров о материальной ответственности, на направляются ли несовершеннолетние работники в служебные командировки, не привлекаются ли к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и праздничные дни.

Прокуратурой Плесецкого района главам муниципальных образований «Североонежское» и «Оксовское» внесены представления в связи с заключением с несовершеннолетними трудовых договоров, которые не содержали конкретные сроки выплаты заработной платы либо устанавливали даты выплаты заработной платы с интервалом свыше 15-дневного срока. Требования прокурора удовлетворены, нарушения устранены, 3 лица привлечены к дисциплинарной ответственности.

По постановлениям прокурора г. Северодвинска индивидуальный предприниматель привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.27, ч. 4 ст. 5.27 и ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ в связи с тем, что работники в возрасте 14-16 лет в летний период 2023 года осуществляли трудовую деятельность в должности «продавец» за рамками ежедневной продолжительности рабочего времени, установленной для несовершеннолетних, заработная плата при отработанной норме часов составила меньше установленного минимального размера оплаты труда, с 14-летним подростком трудовой договор при фактически сложившихся трудовых отношениях не заключен.

4. При проверке соблюдения законодательства об охране труда несовершеннолетних следует обратить внимание на следующие аспекты:

- наличие фактов несоблюдения работодателями требований об обеспечении безопасных условий и охраны труда;
- прохождение работниками инструктажа по охране труда и проверки знаний требований охраны труда, безопасных методов и приёмов выполнения работ;
- выдача специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты;
- обеспечение нормальных условий работы в соответствии со статьёй 163 ТК РФ;
- отсутствие случаев использования труда несовершеннолетних на работах, на которых это запрещено (статьи 244, 265, 268 ТК РФ);
- соблюдение норм статей 212 и 270 ТК РФ.

Важно отметить, что в трудовом законодательстве отсутствует определение «лёгкого труда, не причиняющего вреда здоровью», вместо этого указаны только виды работ, запрещённые для несовершеннолетних. Субъективная оценка работодателя важна при определении лёгкого труда, не причиняющего вреда здоровью несовершеннолетних работников.

Прокуратурой Шенкурского района руководителям МБОУ «Шеговарская средняя школа» и МБОУ «Шенкурская средняя школа» внесены представления в связи с необеспечением несовершеннолетних работников специальной одеждой, обувью, перчатками и другими средствами индивидуальной защиты и не проведением с ними инструктажа по охране труда. Требования прокурора удовлетворены, образовательными организациями приняты меры по устранению нарушений.

Еще одним примером можно продемонстрировать актуальность рассматриваемых вопросов: на основании трудового договора от 19.07.2023 на работу в ГБОУ «СОШ № 38» принята несовершеннолетняя Г. подсобным рабочим. При этом, школой не обеспечена выдача несовершеннолетней средств индивидуальной защиты (не выдан костюм для защиты от общих производственных загрязнений и механических воздействий), не обеспечено проведение в установленные сроки специального обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда. В связи с выявленными нарушениями прокуратурой Ленинского района в адрес директора школы внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, приняты меры к устранению нарушений законодательства. В отношении директора указанной школы прокуратурой района возбуждено 2 дела об административном правонарушении по ст. 5.27 КоАП РФ, по результатам рассмотрения которых директор школы привлечена к административной ответственности.

Заключение

Хотя приведенный перечень не является исчерпывающим, он, как представляется, с достаточной полнотой характеризует основные вопросы прокурорского надзора в рассматриваемом направлении, концентрирует внимание на наиболее часто встречающихся на практике нарушениях законодательства о труде несовершеннолетних. Организационные основы и выявляемые нарушения на отдельных объектах прокурорского надзора на данном направлении будут рассмотрены в иных статьях авторов.

Таким образом, в целях эффективности прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних важно правильно организовать работу на данном направлении, осуществлять планирование деятельности, обратить внимание на качество правового обеспечения надзирающего прокурора и проведение анализа федерального законодательства в части регламентации трудовых отношений несовершеннолетних.

Библиография

1. Васильева, А. В. Трудовое право : Конспект лекций для студентов, обучающихся по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (профиль «Прокурорская деятельность») / А. В. Васильева. – Владивосток : Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 148 с. – ISBN 978-5-7444-5630-6. – EDN NKRZAB.
2. Пендюр, М. С. Защита трудовых прав несовершеннолетних в рамках осуществления прокурорской деятельности / М. С. Пендюр // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года) : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2023. – С. 613-617. – EDN UUZNXQ.

3. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие / Е.А. Бурмистрова, И.И. Головки, Г.В. Дытченко и др.; под ред. О.Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстиция, 2019. – 408 с.
4. Овчаренко, Я. А. Роль прокуратуры и контрольных (надзорных) органов в защите трудовых прав несовершеннолетних / Я. А. Овчаренко // Проблемы становления гражданского общества : сборник статей IX Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 19 марта 2021 года. Том Часть II. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования "Университет прокуратуры Российской Федерации", 2021. – С. 242-245. – EDN USWITB.
5. Усманова, Ю. В. Защита трудовых прав несовершеннолетних работников как актуальная проблема в современной России / Ю. В. Усманова // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – Т. 2, № 11(28). – С. 987-988. – EDN YUKYGL.
6. Зайцева, П. С. Защита трудовых прав несовершеннолетних / П. С. Зайцева, Т. Г. Трашкова // Социальные и культурные практики в современном российском обществе: инициатива, партнерство, стратегия развития : материалы VII Всероссийской научно-методической конференции, Новосибирск, 11–15 апреля 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. – С. 274-281. – EDN KFLNPE.
7. Акматова, А. Т. Актуальные вопросы защиты трудовых прав несовершеннолетних / А. Т. Акматова, Н. А. Пазылов // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2020. – № 9. – С. 10-13. – DOI 10.26104/NNTIK.2019.45.557. – EDN FTIGDP.
8. Чернышева, Л. А. К вопросу о защите трудовых прав несовершеннолетних работников / Л. А. Чернышева // Роль прокуратуры в построении правового государства: история и современность (К 300-летию Российской прокуратуры) : Сборник статей по материалам научно-практического круглого стола, Владивосток, 18 февраля 2022 года / Отв. редактор: Е.Ю. Антонова. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2022. С. 162-164. – EDN DOWETZ.
9. Кабделова, А. М. Прокурорский надзор за защитой трудовых прав несовершеннолетних / А. М. Кабделова, М. Д. Волошина // Крымские юридические чтения. Прокуратура России: в преддверии 300-летия : Сборник материалов межвузовского студенческого круглого стола в рамках всероссийской научной-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 18 июня 2021 года / Под общей редакцией Н.Н. Колоки, сост. С.В. Герасимовский, А.П. Сергеева. Том II. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 125-128. – EDN IADRNK.
10. Методика и тактика проведения прокурорских проверок / Е. С. Азарова, С. Ю. Бирюков, А. А. Дехерт [и др.]. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2023. – 96 с. – ISBN 978-5-9669-2268-9. – EDN OKJTPB.

Protection of the labor rights of minors by the prosecutor's office of the Russian Federation

Anastasiya V. Vasil'eva

Senior lecturer
Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690091, 8 Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: a.vasilieva@yandex.ru

Marina S. Pendyur

Student
Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690091, 8 Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: marina.pendyur@yandex.ru

Abstract

The relevance of the topic under consideration is because currently the labor rights of minors require regular monitoring and supervision. It is the supervision carried out by the Prosecutor's office that is currently the most effective guarantee and, to a certain extent, protection. The purpose of this study is to formulate theoretical provisions on the characteristic features of prosecutorial supervision of compliance with labor legislation, as well as to substantiate the methodology of conducting a prosecutorial audit. The article is devoted to the specifics of the prosecutor's protection of the labor rights of minors. The authors provides departmental statistical reporting, analyzes the norms of labor legislation, organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation, reveals the specifics of conducting a prosecutor's check. The author reveals the specifics of the prosecutor's inspection in terms of the labor rights of minors, defines the methodology for conducting a prosecutor's inspection. Based on the analysis of information letters and reviews of the prosecutor's offices of various subjects, the approaches used in the practical activities of the prosecutor's office are substantiated. During the research, both general scientific methods (analysis, synthesis) and special legal methods (formal legal, comparative legal) were used. Conclusions: in order to ensure the effectiveness of prosecutorial supervision over the observance of the labor rights of minors, it is important to properly organize work in this area, plan activities, pay attention to the quality of legal support for the supervising prosecutor and analyze federal legislation regarding the regulation of labor relations of minors.

For citation

Vasil'eva A.V., Pendyur M.S. (2024) Zashchita trudovykh prav nesovershennoletnikh organami prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Protection of the labor rights of minors by the prosecutor's office of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 526-534. DOI: 10.34670/AR.2024.68.87.059

Keywords

Labor, minors, prosecutor's offices, prosecutor's supervision, methods of inspection, labor rights.

References

1. Vasileva, A. V. Trudovoe pravo : Konspekt lekciy dlya studentov, obuchayushhixsya po special`nosti 40.05.04 «Sudebnaya i prokurorskaya deyatel'nost'» (profil «Prokurorskaya deyatel'nost'») / A. V. Vasileva. – Vladivostok : Dalnevostochnyj yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2023. – 148 s. – ISBN 978-5-7444-5630-6. – EDN NKRZAB.
2. Pendyur, M. S. Zashchita trudovykh prav nesovershennoletnix v ramkax osushhestvleniya prokurorskoj deyatel'nosti / M. S. Pendyur // Rossijskij konstitucionalizm: uroki istorii i sovremennost' (k 30-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii 1993 goda) : Materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 15 dekabrya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF, 2023. – S. 613-617. – EDN UUZNXQ.
3. Prokurorskaya proverka. Metodika i taktika provedeniya: uchebnoe posobie / E.A. Burmistrova, I.I. Golovko, G.V. Dy`tchenko i dr.; pod red. O.N. Korshunovoj. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Yusticiya, 2019. – 408 s.
4. Ovcharenko, Ya. A. Rol' prokuratury i kontrolnyx (nadzornyx) organov v zashhite trudovykh prav nesovershennoletnix / Ya. A. Ovcharenko // Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshhestva : sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii, Irkutsk, 19 marta 2021 goda. Tom Chast` II. – Irkutsk: Irkutskij yuridicheskij institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vy`sshhego obrazovaniya "Universitet prokuratury` Rossijskoj Federacii", 2021. – S. 242-245. – EDN USWITB.
5. Usmanova, Yu. V. Zashchita trudovy`x prav nesovershennoletnix rabotnikov kak aktual'naya problema v sovremennoj Rossii / Yu. V. Usmanova // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. – 2018. – T. 2, № 11(28). – S. 987-988. – EDN YUKYGL.

6. Zajceva, P. S. Zashhita trudovyx prav nesovershennoletnix / P. S. Zajceva, T. G. Trashkova // Socialnye i kulturny`e praktiki v sovremennom rossijskom obshhestve: iniciativa, partnerstvo, strategiya razvitiya : materialy` VII Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii, Novosibirsk, 11–15 aprelya 2022 goda. – Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet, 2022. – S. 274-281. – EDN KFLNPE.
7. Akmatova, A. T. Aktualny`e voprosy` zashhity` trudovy`x prav nesovershennoletnix / A. T. Akmatova, N. A. Pazy`lov // Nauka, novy`e tehnologii i innovacii Ky`rgy`zstana. – 2020. – № 9. – S. 10-13. – DOI 10.26104/NNTIK.2019.45.557. – EDN FTIGDP.
8. Cherny`sheva, L. A. K voprosu o zashhite trudovy`x prav nesovershennoletnix rabotnikov / L. A. Cherny`sheva // Rol` prokuratury` v postroenii pravovogo gosudarstva: istoriya i sovremennost` (K 300-letiyu Rossijskoj prokuratury`) : Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskogo kruglogo stola, Vladivostok, 18 fevralya 2022 goda / Otv. redaktor: E.Yu. Antonova. – Vladivostok: Dal`nevostochny`j federalny`j universitet, 2022. – S. 162-164. – EDN DOWETZ.
9. Kadelova, A. M. Prokurorskiy nadzor za zashhitoy trudovy`x prav nesovershennoletnix / A. M. Kadelova, M. D. Voloshina // Kry`mskie juridicheskie chteniya. Prokuratura Rossii: v preddverii 300-letiya : Sbornik materialov mezhvuzovskogo studencheskogo kruglogo stola v ramkax vserossijskoj nauchnoj-prakticheskoy konferencii. V 2-x tomah, Simferopol, 18 iyunya 2021 goda / Pod obshej redakciej N.N. Kolyuki, sost. S.V. Gerasimovskij, A.P. Sergeeva. Tom II. – Simferopol: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennostyu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2021. – S. 125-128. – EDN IADRNK.
10. Metodika i taktika provedeniya prokurorski x proverok / E. S. Azarova, S. Yu. Biryukov, A. A. Dexert [i dr.]. – Volgograd : Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, 2023. – 96 s. – ISBN 978-5-9669-2268-9. – EDN OKJTPB.

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2024.96.16.061

Особенности прекращения уголовных дел в сфере налоговых преступлений

Никандров Евгений Александрович

Магистр права,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9;
ведущий юрисконсульт,
отдел судебно-арбитражной работы юридической службы,
Октябрьская железная дорога,
191023, Российская Федерация, Санкт-Петербург, пл. Островского, 2;
e-mail: work.nikandrov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, связанные с прекращением уголовного преследования за экономические преступления. Автор анализирует механизм освобождения от уголовной ответственности, практику применения законодательства в указанной сфере. Особое внимание уделяется разработке чётких критериев деятельного раскаяния, обеспечению единообразия в судебной практике, исключению влияния экономических факторов на принятие решений о наказании и усовершенствованию методики определения размера ущерба. В заключении подчёркивается важность детального изучения и разработки мер по решению указанных проблем для обеспечения справедливости и законности при назначении наказания за экономические преступления. В заключении работы показано, что Кроме того, автору представляется, что после прекращения таких дел, при соблюдении всех вышеперечисленных правовых норм и получения согласия прокурора на принятое решение, следственные органы, в производстве которых находились данные дела, в соответствии с п.2 ст. 36 НК РФ обязаны в десятидневный срок после прекращения уголовного дела, направить необходимые материалы в соответствующий налоговый орган, для принятия решения о привлечении правонарушителей к налоговой ответственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Никандров Е.А. Особенности прекращения уголовных дел в сфере налоговых преступлений // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 535-539. DOI: 10.34670/AR.2024.96.16.061

Ключевые слова

Уголовное право, уголовное судопроизводство, назначение наказания, проблема квалификации, теория уголовного права, преступность.

Введение

Экономические преступления или преступления в сфере экономики — это виновно совершенные общественно опасные деяния, посягающие на нормальное функционирование экономики Российской Федерации, за которые предусмотрено наказание в соответствии с Уголовным Кодексом Российской Федерации (-далее УК РФ).

К преступлениям в сфере экономики УК РФ относит следующие:

- преступления против собственности (т.е., те, которые посягают на чужие имущественные интересы). Их перечень дан в главе 21 УК РФ (ст. 158 - 168), сюда относятся: кража, мошенничество, грабеж, разбой и др.;
- преступления в сфере экономической деятельности (они посягают на установленный законодательством порядок осуществления предпринимательской, финансовой и иной экономической деятельности). Такие преступления содержатся в главе 22 УК РФ (ст. 169 - 200.7), например, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, незаконное предпринимательство, принуждение к совершению сделки, фиктивное банкротство, уклонение от уплаты налогов, различные виды контрабанды и т.д.;
- преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (умышленные преступления в отношении нормального (законного) функционирования отдельных коммерческих или иных организаций в различных сферах деятельности, которые могут нанести или нанесли существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства).

Согласно ст. 75, прим. 2 к ст. 199 УК РФ и ст. 28 УПК РФ, прекращение уголовного дела о незаконном преступлении в связи с деятельным раскаянием является правом суда, но не обязанностью прокурора, следователя, органа дознания или же фемиды. Как показывает сложившаяся в настоящее время практика, подавляющее большинство уголовных дел в области экономики прекращаются в связи с деятельным раскаянием или изменением обстановки.

Основное содержание

В настоящий момент, из почти 35 тыс. оконченных производством следственными подразделениями налоговой полиции дел, с согласия прокурора, было прекращено около 14 тыс. (т.е. ~ 40% от общего объёма).

В то же время, в рамках мониторинга указанных дел, зачастую решения о их прекращении принимаются следователями только при условии полного возмещения причиненного государству ущерба, но при отсутствии в делах доказательств, подтверждающих деятельное раскаяние совершивших преступления лиц, а также без предъявления им соответствующего обвинения.

При этом деятельное раскаяние предполагает выполнение лицом после совершения преступления действий, вследствие которых возможен вывод, что такое лицо перестало быть общественно опасным. К таким действиям закон относит добровольную явку с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение причиненного вреда или заглаживание его иным способом.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 Постановления от 27.06.2013 № 19(-далее Постановление), освобождение от уголовной ответственности возможно при условии выполнения всех перечисленных действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить. Например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность лица явиться с повинной, однако последующее способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба или заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии. При разрешении вопроса об утрате лицом общественной опасности органы судопроизводства должны учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности. При этом признание своей вины без совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ, не составляет деятельного раскаяния.

Неоднородность оснований и условий прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ допускает альтернативу в выборе подлежащего применению по конкретному делу вида деятельного раскаяния. Так, невозможность применения примечания к соответствующей норме УК РФ не исключает освобождения лица от уголовной ответственности в связи с соблюдением общих условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ и ч. 1 ст. 28 УПК РФ (п. 7 Постановления).

Заключение

Таким образом, правовое регулирование деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности охватывает существенно различающиеся ситуации, при этом оно не лишено противоречий и недостатков законодательной техники. Это обуславливает потребность в четком законодательном разграничении оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и на основании примечаний к конкретным составам УК РФ.

В продолжение хотелось отметить, что в описываемых ранее уголовных делах, в нарушение требований п.3 ст. 36 НК РФ, соответствующие материалы в налоговые органы не направляются, в связи с чем, штрафы и пени с правонарушителей не взыскиваются. Представляется, что данная практика является порочной и требует изменения, поскольку приводит к уклонению от установленной законом ответственности таких лиц, а также создает условия для рецидива соответствующих преступлений и различного рода злоупотреблений со стороны работников правоохранительной системы.

Сам по себе факт возмещения лицами, совершившими преступление, причиненного вреда, без отсутствия указанных в ст. 75 УК РФ условий, деятельного раскаяния не образует и производство по делу должно продолжаться в обычном порядке [Сундуков, 2013].

Фактически, по содержанию ст. 75 УК РФ, прим. 2 к ст. 199 УК РФ и ст. 28 УПК РФ, перечисленные правовые нормы определяют исключительные основания и порядок освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление. Таким лицом на стадии предварительного следствия, в соответствии со ст. 47 и 171 УПК РФ является обвиняемый, которому при наличии достаточных доказательств в инкриминируемом ему деянии предъявлено соответствующее обвинение. При названных обстоятельствах, прекращение уголовных дел по основаниям вышеназванных статей должно осуществляться

только по предъявлении лицам, совершившим эти преступления, соответствующих обвинений.

Кроме того, автору представляется, что после прекращения таких дел, при соблюдении всех вышеперечисленных правовых норм и получения согласия прокурора на принятое решение, следственные органы, в производстве которых находились данные дела, в соответствии с п.2 ст. 36 НК РФ обязаны в десятидневный срок после прекращения уголовного дела, направить необходимые материалы в соответствующий налоговый орган, для принятия решения о привлечении правонарушителей к налоговой ответственности.

Библиография

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 6 апреля 2024 года. — Москва: Эксмо, 2024. — 350 с.;
2. Постановление Пленума Верховного суда «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19 // Российская газета. -2013. - 05 июля.;
3. Сундуров Ф. Р. Освобождение от уголовной ответственности в системе мер уголовно-правового воздействия // Вестник ТИСБИ. - 2012. - № 2(50); Янкина М. А. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части Уголовного кодекса РФ // Государство и право: теория и практика: материалы II междунар. науч. конф., 2013.;
4. Кибальник А. Понимание Пленумом Верховного Суда освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. - 2014. - № 1.;
5. Мартыненко Н. Э. Проблемы применения нормы о примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2012. - № 4(1).
6. Алаев Р. С. Некоторые особенности прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Нижегородской правовой академии. - 2014. - №. 1. - С. 145-150.
7. Ляскало А. Н. Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления // Законодательство и экономика. - 2016. - №. 9. - С. 63-71.
8. Табакова Н. А. Особенности возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2010. - №. 2. - С. 90-95.
9. Шерстнев В. Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2020. - №. 1 (51). - С. 103-110.
10. Богданов А. В., Панкратьев А. Н., Хазов Е. Н. Основные направления и особенности деятельности оперативных подразделений по раскрытию и расследованию налоговых преступлений // Вестник экономической безопасности. - 2020. - №. 4. - С. 132-138.

Features of termination of criminal cases in the field of tax crimes

Evgenii A. Nikandrov

Master of Law,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
Leading legal adviser,
department of judicial work of Legal Service,
Oktyabrskaya Railway,
191023, 2, Ostrovsky Square, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: work.nikandrov@mail.ru

Abstract

The article considers the problems associated with the termination of criminal prosecution for economic crimes. The author analyzes the mechanism of exemption from criminal liability, the practice of application of legislation in this area. Particular attention is paid to the development of clear criteria of active repentance, ensuring uniformity in judicial practice, eliminating the influence of economic factors on the decision-making on punishment and improving the methodology for determining the amount of damage. The conclusion emphasizes the importance of detailed study and development of measures to address these problems to ensure fairness and legality in the imposition of punishment for economic crimes. At the conclusion of the work, it is shown that In addition, it seems to the author that after the termination of such cases, subject to compliance with all of the above legal norms and obtaining the consent of the prosecutor to the decision made, the investigative authorities in charge of these cases, in accordance with paragraph 2 of Art. 36 of the Tax Code of the Russian Federation are required, within ten days after the termination of the criminal case, to send the necessary materials to the appropriate tax authority in order to make a decision on bringing the offenders to tax liability.

For citation

Nikandrov E.A. (2024) Osobennosti prekrashcheniya ugovolnykh del v sfere nalogovykh prestuplenii [Features of termination of criminal cases in the field of tax crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 535-539. DOI: 10.34670/AR.2024.96.16.061

Keywords

Criminal law, criminal procedure, sentencing, qualification problem, theory of criminal law, criminality.

References

1. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: CC: text with amendments and additions as of April 6, 2024. - Moscow: Eksmo, 2024.
2. - 350 c.;
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court "On the application by the courts of legislation governing the grounds and procedure for exemption from criminal liability" of June 27, 2013 № 19 // Rossiyskaya Gazeta. -2013. - July 05.;
4. Sundurov F. R. Release from criminal responsibility in the system of measures of criminal-legal impact // Vestnik TISBI. - 2012. - No. 2(50); Yankina M. A. Exemption from criminal liability under the norms of the Special Part of the
5. Criminal Code of the Russian Federation // State and Law: Theory and Practice: Proceedings of the II International Scientific Conference, 2013.;
6. Kibalnik A. Understanding by the Plenum of the Supreme Court of the exemption from criminal liability // Criminal Law. - 2014. - № 1.;
7. Martynenko N. E. Problems of application of the norm on reconciliation with the victim (article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. - 2012. - № 4(1).
8. Alaev R. S. Some features of the termination of criminal cases of tax crimes // Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy. - 2014. - No. 1. - pp. 145-150.
9. Lyaskalo A. N. Ways to improve criminal legislation on liability for tax crimes // Legislation and economics. - 2016. - No. 9. - pp. 63-71.
10. Tabakova N. A. Features of initiating criminal cases for tax crimes // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2010. - No. 2. - pp. 90-95.
11. Sherstnev V. B. Optimization of the procedure for termination of a criminal case (prosecution) in connection with compensation for damage in full // Legal science and law enforcement practice. - 2020. - No. 1 (51). - pp. 103-110.
12. Bogdanov A.V., Pankratiev A.N., Khazov E.N. Main directions and features of the activities of operational units for the detection and investigation of tax crimes // Bulletin of Economic Security. - 2020. - No. 4. - pp. 132-138.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.34.76.063

Особенности выявления хищения бюджетных денежных средств, предназначенных для реализации национальных проектов

Гусельникова Ольга Владимировна

Исследователь,
Московская академия Следственного комитета им. А.Я. Сухарева,
125080, Российская Федерация, Москва, ул. Врубеля, 12;
e-mail: olya.gold25@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности выявления хищения денежных средств, предназначенных для реализации национальных проектов. Хищения бюджетных средств, которые выделяются для реализации национальных проектов, отрицательно влияют в каждой области социальной жизни. В этой связи задачей первоочередной важности является организация надлежащего контроля за распределением и расходованием бюджетных денежных средств во всех областях экономики. В статье осуществляется теоретический и практический анализ особенностей выявления хищения денежных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, возбуждение уголовных дел по которым возможно при наличии поводов и оснований для этого. В заключении показано, что в настоящее время в России постоянно проводится работа по выявлению и профилактике правонарушений и преступлений в сфере реализации бюджетных средств, выделенных на национальные проекты. Тесное взаимодействие контрольных органов, Счетной палаты, ФАС России, Росфинмониторинга, с одной стороны, и Генеральной прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, ФСБ, МВД проходит в рамках совместных рабочих групп. Совместная профессиональная работа позволяет контрольным органам оперативно устанавливать наличие фактов нарушений и направлять материалы для скорейшего возбуждения уголовного дела.

Для цитирования в научных исследованиях

Гусельникова О.В. Особенности выявления хищения бюджетных денежных средств, предназначенных для реализации национальных проектов // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 540-547. DOI: 10.34670/AR.2024.34.76.063

Ключевые слова

Бюджетные денежные средства, предназначенные для реализации национальных проектов экономики, хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, экономическая безопасность, предупреждение хищений, преступления коррупционной и экономической направленности.

Введение

Согласно Указа Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» из федерального бюджета Российской Федерации направляются бюджетные денежные средства для реализации национальных проектов. На выполнение национальных проектов на 2024 года утверждено выделение бюджетных средств на сумму 3,008 трлн рублей. Национальные проекты были разработаны с целью поддержания научного, инновационного, технологического, экономического и социального, развития России, повышения уровня жизни народа по 14 направлениям.

Основное содержание

Стратегически важным решением поддержки защищенности мер экономической безопасности России становятся пресечение правонарушений, связанных с хищениями бюджетных денежных средств, коррумпированностью, взяточничеством, нелегальной экономикой. Согласно Стратегии наиболее существенной опасностью для экономической безопасности государства представляются криминализация всех сфер экономики, а также повышение степени коррумпированности [Серебренников, Моргунов., Мамаев, 2018].

Как правило, увеличение количества преступлений экономической и коррупционной направленности, которые связаны с распределением и использованием бюджетных средств, отрицательно сказываются во всех сферах общественной жизни: нарушают порядок общественных отношений, дестабилизируют соблюдение законности, ослабляют доверие к высшим органам государственной власти, в результате чего, приводят к сокращению государственного бюджета, оказывают разрушающее воздействие на государственный управленческий аппарат и т.д. [Мангасаров, 2022].

По мнению Я.А. Грошиковой посягательства на колоссальный объем денежных средств, выделяемый для реализации национальных проектов, вредят экономике государства, подрывая веру граждан в возможность улучшения благосостояния страны и авторитет государства [Грошикова, 2021].

По этому поводу организация контроля за распределением и расходованием бюджетных денежных средств во всех сферах экономики, отвечающая всем необходимым требованиям, является задачей первостепенной важности. Как утверждает А.Ю. Петухов, подобные преступления имеют крупный и особо крупный размер хищений. Ущерб может достигать миллиардных сумм, выделенных на развитие федеральных и региональных программ. В большинстве таких случаев преступники используют свое служебное положение и доступ к административным ресурсам [Петухов, 2020].

Имеются факты, что в некоторых регионах Российской Федерации выделяемые из бюджета денежные средства на реализацию национальных проектов использовались не по целевому назначению. По оценке А.П. Гармаева, наиболее общественно опасна та преступная расхитительская деятельность, что реализуется в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе (и особенно) – при реализации национальных проектов (программ) [Гармаев, 2024].

В 2023 году территориальными органами Следственного комитета Российской Федерации возбуждено 773 уголовных дела, связанных с хищением бюджетных средств, предназначенных

для реализации национальных проектов. Количество возбужденных уголовных дел по преступлениям в сфере реализации национальных проектов увеличилось на 30% по сравнению с количеством возбужденных уголовных дел в 2022 году.

Следует отметить, что приоритетной задачей Следственного комитета Российской Федерации при расследовании уголовных дел в сфере реализации национальных проектов является возмещение ущерба государственному бюджету, путем наложения ареста на имущество подозреваемых, обвиняемых.

В сфере реализации национальных проектов часто встречающимися совершаемыми преступлениями являются коррумпированность чиновников, незаконное преступное использование должностными лицами своих полномочий, получение взятки, халатное отношение к делу, растраты, которые противостоят достижению принятых общегосударственных целей по реализации национальных проектов. Вышеуказанные правонарушения, как правило, исполняются группами лиц, которые состоят в основном из должностных лиц.

Хочется отметить, что возбуждение уголовных дел о хищениях бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, содержит характерные особенности, изучение которых существенно влияет на разрешение дела по существу. При совершении преступления в сфере реализации национальных проектов, участвующие лица злоупотребляют своим авторитетом, должностным положением, профессиональными знаниями, связями во всевозможных властных и хозяйственных структурах и т.п. Вследствие чего, требуется оперативность и квалифицированная работа при проведении следственных и иных действий, которые связаны с установлением всех обстоятельств преступного события при реализации национальных проектов.

При обнаружении таких фактов именно стадия возбуждения уголовного дела обеспечивает благоприятную перспективу дальнейшего расследования по преступлениям в сфере реализации национальных проектов. Помимо этого, как правильно отмечается в юридической литературе, непосредственно возбуждение уголовного дела, означает начальную стадию уголовного судопроизводства, которая характеризуется самостоятельностью задач, кругом участников правоотношений, их содержанием, процессуальными средствами, сроками, решениями.

Необходимо отметить, что возбуждение уголовного дела о хищении бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, должно быть только при наличии поводов и оснований для этого.

В теории уголовно-процессуального права многие авторы инициируют попытки сформулировать интерпретацию понятия повода для возбуждения уголовного дела. В основном, практически все ученые-правоведы считают поводом для возбуждения уголовного дела информацию о преступлении. Так, Т.Н. Москалькова утверждает, что «повод к возбуждению уголовного дела – это источник информации о преступлении, надлежаще оформленный и переданный лицу или органу, уполномоченному принимать решение о возбуждении уголовного дела» [Лебедева, 2004]. По мнению авторов работы «Основы уголовного судопроизводства» В.А. Давыдова и В.В. Ершова, «... повод к возбуждению уголовного дела – это получаемые из установленных законом источников сведения, т.е. информация о событии, факте, чем-то поступке, содержащем признаки преступления» [Давыдова, Ершова, 2017] и т.д.

Действительно, если рассмотреть содержание ст. 140 УПК РФ и провести подробный анализ поводов для возбуждения уголовного дела, то можно сделать вывод, что сущность всех перечисленных в законе поводов заключается именно в информации. Другими словами,

сущность в законе поводов заключается в сведениях о совершенном преступлении, которые передаются в соответствующие правоохранительные органы, будь то заявление о преступлении, подаваемое потерпевшим или иным лицом, или явка лица, совершившего преступное деяние, для оформления начала выполнения предварительной проверки и вынесения решения о возбуждении, либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Специфической задачей стадии возбуждения уголовного дела является проверка повода для возбуждения уголовного дела и установление наличия или отсутствия основания для его возбуждения. Установление достаточности данных и обоснованного предположения о том, что в данном конкретном случае имело место именно преступление. Многие авторы разделяют мнение о том, что именно на стадии возбуждения уголовного дела необходимо проверять поводы и основания для этого, либо их отсутствие повлечет правовые последствия.

Установление случаев хищения бюджетных денежных средств при нынешних обстоятельствах представляется принципиальным спецнаправлением в работе правоохранительных органов. Столь же важным представляется и недопущение преступлений при хищении бюджетных средств при реализации национальных проектов.

Обнаружение хищений бюджетных средств, выделенных для исполнения национальных проектов, представляет весомую сложность для следственной практики. При расследовании уголовных дел о хищениях бюджетных средств, выделенных для исполнения национальных проектов, возникают многочисленные трудности, которые связаны с квалификацией преступных злодеяний, спецификой возбуждения уголовных дел, проведением следственных действий, исполнением экспертиз и т.д. Небольшие затруднения часто появляются к тому же из-за несформировавшейся практики применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Мотивируется это, в большинстве случаев тем, что большая часть преступных посягательств на бюджетные средства совершается в условиях использования должностного или служебного положения.

В виде первопричины для возбуждения уголовного дела при хищении бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, законом предусматривается сообщение из разных источников о том, что правонарушение уже произошло или готовится к совершению. Согласно статистике возбуждения уголовных дел по хищению бюджетных средств, связанных с реализацией национальных проектов на территории Иркутской области первое место занимает сообщения оперативно-розыскной деятельности.

Особую роль в борьбе с хищениями бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных программ, играют подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, которые проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и пресечение фактов хищения бюджетных средств, выделяемых для государственных и муниципальных нужд, на реализацию национальных проектов. В том числе выявлением и пресечением фактов хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, занимаются сотрудники ФСБ России.

Так, например, на основании материалов, представленных сотрудниками УЭБиПК ГУ МВД России по Иркутской области и УФСБ России по Иркутской области, 12.09.2022 было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении начальника структурного подразделения регионального Министерства здравоохранения по Иркутской области, директора коммерческой организации и иных лиц, по факту совершения мошенничества при поставке медицинского оборудования. По версии следствия установлено, что в 2021 году начальник структурного подразделения в сфере обеспечения материалами и медицинской

техникой Министерства здравоохранения Иркутской области, осведомленный о предстоящей закупке для медицинского учреждения оборудования, с помощью доверенных ему сотрудников Минздрава искусственно завысил начальную (максимальную) цену контракта, используя подложные коммерческие предложения организаций о возможности поставки медицинского изделия в короткие сроки. Указанные условия о поставке оборудования в короткие сроки могла предложить только аффилированная ему организация. В дальнейшем фирма выиграла аукцион и поставила оборудование по завышенной рыночной стоимости. Разница в стоимости медицинского оборудования составила более 10 млн руб. Денежными средствами подозреваемые распорядились по своему усмотрению, причинив ущерб бюджету области [В Иркутской области возбуждено уголовное дело по факту мошенничества при поставке медицинского оборудования, [www...](#)]. Государственный контракт был заключен в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение».

Немаловажную роль в выявлении фактов хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, играют органы Прокуратуры. Например, 11.06.2022 возбуждено уголовное дело по материалам прокуратуры Иркутской области по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Установлено, что в 2021 году администрацией Киренского городского поселения в рамках реализации национального проекта «Жилье и городская среда» заключен муниципальный контракт на реконструкцию части улицы Ленрабочих в Киренске на общую сумму более 50 млн рублей. Согласно документации подрядчик выполнил работы, а заказчик принял их и оплатил в полном объеме. Вместе с тем в ходе проверки прокуратурой выявлено, что обязательства по муниципальному контракту надлежащим образом не исполнены, при проведении работ использованы некачественные материалы, а также фактически не выполнена часть принятых и оплаченных администрацией Киренского городского поселения работ на сумму более 250 тысяч рублей [В Киренске возбуждено уголовное дело по факту мошенничества при исполнении муниципального контракта, [www...](#)].

В выявлении хищений бюджетных средств немаловажный факт играет Счетная палата Российской Федерации, которая при осуществлении проверок выявляет нарушения в сфере оборота государственных средств. После выполненных проверок Счетная палата собранные материалы направляет в правоохранительные органы для принятия процессуального решения. Отдельно следует отметить, что Счетная палата, в первую очередь, осуществляет профилактику правонарушений в сфере государственных закупок, выдавая экспертные заключения о выявлении тех или иных нарушений, которые еще не привели к финансово-бюджетному правонарушению или преступлению, но могут в будущем привести к правонарушению или преступлению. Специальная превенция способствует корректировке деятельности государственных органов в сфере государственных закупок и снижению уровня криминализации в финансово-бюджетных правоотношениях.

В ходе выполнения профессиональной работы по выявлению хищения бюджетных средств при реализации национальных проектов сотрудники правоохранительных органов взаимодействуют с Федеральной антимонопольной службой Российской Федерации (далее – ФАС России). ФАС России, также как и Счетная палата, проводит проверку в отношении заказчиков, контрактных служб, контрактных управляющих, комиссий по проведению закупок и их членов, уполномоченных органов, уполномоченных учреждений при осуществлении закупок для обеспечения федеральных нужд. ФАС России проводит проверку в отношении специализированных организаций, которые выполняют в соответствии с Законом о контрактной системе отдельные полномочия в рамках осуществления закупок для обеспечения федеральных нужд, а также в отношении операторов электронных площадок. При выявлении нарушений в

соответствии с законодательством «О защите конкуренции» № 135-ФЗ от 26.07.2006 ФАС России выносит решение и своевременно направляет материалы в правоохранительные органы для вынесения процессуального решения.

Отдельное внимание следует обратить на деятельность Росфинмониторинга, который анализирует и контролирует процесс заключения крупных государственных контрактов. Росфинмониторинг внимательным образом следит за деятельностью всех участников крупных торгов, контролирует все этапы расходования средств, полученных по государственному контракту с отслеживанием платежей поставщиков, зарплаты сотрудников. Под строгий контроль также попадают контрагенты компании, работающей по государственному контракту. По результатам проводимых проверок при выявлении признаков преступления, сотрудники Росфинмониторинга направляют материалы в СК России. Что касается мониторинга небольших государственных закупок, то процесс контроля носит заявительный характер.

Директор Федеральной службы по финансовому мониторингу Чиханчин Ю.А. указал в своем докладе, что «По ключевым национальным проектам на особом контроле стоит здравоохранение, особенно в контексте сохранения денежных средств, которые выделяются в рамках борьбы с пандемией COVID-19. Благодаря совместным усилиям со Следственным комитетом РФ в ноябре 2020 года была арестована экс-глава Министерства здравоохранения Иркутской области по статье о мошенничестве в особо крупном размере. По версии следствия, с мая по октябрь и. о. министра здравоохранения Иркутской области Наталия Ледяева, ее сын и другие люди входили в группу, которая по предварительному сговору похитила из регионального бюджета около 25 миллионов рублей. Деньги были украдены при исполнении госконтракта на поставку медицинских масок и респираторов для нужд регионального Минздрава. Против экс-министра возбудили уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Кроме экс-министра, к уголовной ответственности привлекли еще шесть человек - также бизнесменов, которые были связаны с поставкой масок в медучреждения. В рамках дела был задержан сын Ледяевой Илья Белоусов» [Росфинмониторинг доложил Президенту РФ об итогах работы в 2020 году, www...].

Заключение

Таким образом, в настоящее время в России постоянно проводится работа по выявлению и профилактике правонарушений и преступлений в сфере реализации бюджетных средств, выделенных на национальные проекты. Тесное взаимодействие контрольных органов, Счетной палаты, ФАС России, Росфинмониторинга, с одной стороны, и Генеральной прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, ФСБ, МВД проходит в рамках совместных рабочих групп. Совместная профессиональная работа позволяет контрольным органам оперативно устанавливать наличие фактов нарушений и направлять материалы для скорейшего возбуждения уголовного дела.

Библиография

1. Федеральный закон № 44-ФЗ от 05.04.2013 (с изм. и доп.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
2. Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ (с изм. и доп.) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».
3. Федеральный закон от 26.07.06 № 135-ФЗ (с изм. и доп.) «О защите конкуренции».
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

5. Гармаев Ю.П. Приоритеты государственной политики в контексте разработки и модернизации криминалистических методик расследования преступлений Вестник Сибирского юридического института МВД России № 1 (54) 2024 С.104.
6. Грошикова Я.А. Криминалистическая характеристика хищений бюджетных средств при реализации национального проекта «Безопасные и качественные автодороги» (БКАД) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 11, 2021г.
7. Мангасаров Р.А. - Борьба с преступлениями экономической и коррупционной направленности, связанными с распределением и использованием бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов и федеральных целевых программ // Полицейская и следственная деятельность. – 2022. № 1.
8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2004. С. 302.
9. Основы уголовного судопроизводства / под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. М.: РГУП, 2017. С. 264.
10. Петухов А.Ю. К вопросу о криминалистической характеристике хищения денежных средств, выделенных на реализацию федеральных целевых программ // Вестник науки №10 (31) том 4, 2020 г, С. 63 - 68.
11. Серебrenников С.С., Моргунов Е.В., Мамаев С.М. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года / С.С. Серебrenников, Е.В. Моргунов, С.М. Мамаев [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2018. – № 41. – С. 20-28.
12. Росфинмониторинг доложил Президенту РФ об итогах работы в 2020 году // Финансовая безопасность. – апрель 2021. – № 30 – С. 75.
13. В Иркутской области возбуждено уголовное дело по факту мошенничества при поставке медицинского оборудования [Электронный ресурс] // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области – URL: <https://irk.sledcom.ru/news/item/1724119/> (дата обращения 03.05.2024).
14. В Киренске возбуждено уголовное дело по факту мошенничества при исполнении муниципального контракта [Электронный ресурс] // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области – URL: <https://irk.sledcom.ru/news/item/1702136> (дата обращения 03.05.2024).

Features of detection of embezzlement of budgetary funds intended for the implementation of national projects

Ol'ga V. Gusel'nikova

Researcher,
Moscow Academy of the Investigative Committee
named after A.Ya. Sukharev,
125080, 12, Vrubel str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: olya.gold25@mail.ru

Abstract

The article discusses the specifics of detecting the theft of funds intended for the implementation of national projects. Embezzlement of budget funds allocated for the implementation of national projects has a negative impact in every area of social life. In this regard, the primary task is to organize proper control over the distribution and expenditure of budgetary funds in all areas of the economy. The article provides a theoretical and practical analysis of the features of detecting the theft of funds intended for the implementation of national projects, the initiation of criminal cases for which is possible if there are reasons and grounds for this. In conclusion, it is shown that currently in Russia, work is constantly being carried out to identify and prevent offenses and crimes in the implementation of budget funds allocated for national projects. Close cooperation between the control bodies, the Accounts Chamber, the Federal Antimonopoly Service of Russia, Rosfinmonitoring, on the one hand, and the Prosecutor General's Office, the Investigative Committee of the Russian Federation, the FSB, and the Ministry of Internal Affairs takes place

Ol'ga V. Gusel'nikova

within the framework of joint working groups. Joint professional work allows the control authorities to promptly establish the existence of violations and send materials for the early initiation of criminal proceedings.

For citation

Gusel'nikova O.V. (2024) Osobennosti vyyavleniya khishcheniya byudzhetykh denezhnykh sredstv, prednaznachennykh dlya realizatsii natsional'nykh proektov [Features of detection of embezzlement of budgetary funds intended for the implementation of national projects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 540-547. DOI: 10.34670/AR.2024.34.76.063

Keywords

Budgetary funds intended for the implementation of national economic projects, embezzlement of budgetary funds intended for the implementation of national projects, economic security, prevention of embezzlement, crimes of corruption and economic orientation.

References

1. Federal Law No. 44-FZ dated 04/05/2013 (with amendments and additions) "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs".
2. Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011 (with amendments and additions) "On Procurement of Goods, Works, and Services by certain types of Legal entities".
3. Federal Law No. 135-FZ dated 07/26/06 (with amendments and additions) "On Protection of Competition".
4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 12/31/2015 No. 683 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part II). Article 212.
5. Garmayev Yu.P. Priorities of state policy in the context of the development and modernization of criminalistic methods of crime investigation Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 (54) 2024 P.104.
6. Groshikova Ya.A. Criminalistic characteristics of embezzlement of budget funds in the implementation of the national project "Safe and high-quality roads" (BCAD) // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 11, 2021.
7. Mangasarov R.A. - The fight against economic and corruption-related crimes related to the distribution and use of budget funds allocated for the implementation of national projects and federal targeted programs // Police and investigative activities. – 2022. № 1.
8. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / Under the general editorship of V.M. Lebedev; scientific editorship of V.P. Bozhev. 2nd ed., reprint. and additional M.: Spark, 2004. p. 302.
9. Fundamentals of criminal proceedings / edited by V.A. Davydov, V.V. Ershov. M.: RGUP, 2017. p. 264.
10. Petukhov A.Yu. On the issue of criminalistic characteristics of embezzlement of funds allocated for the implementation of federal target programs // Bulletin of Science No. 10 (31) volume 4, 2020, pp. 63-68.
11. Serebrennikov S.S., Morgunov E.V., Mamaev S.M. On the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030 / S.S. Serebrennikov, E.V. Morgunov, S.M. Mamaev [et al.] // Bulletin of Tomsk State University. Economy. - 2018. – No. 41. – pp. 20-28.
12. Rosfinmonitoring reported to the President of the Russian Federation on the results of work in 2020 // Financial security. – April 2021. – No. 30 – p. 75.
13. A criminal case has been opened in the Irkutsk region on the fact of fraud in the supply of medical equipment [Electronic resource] // Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Irkutsk region – URL: <https://irk.sledcom.ru/news/item/1724119> / (accessed 05/03/2024).
14. A criminal case has been opened in Kirensk on the fact of fraud in the execution of a municipal contract [Electronic resource] // Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Irkutsk region – URL: <https://irk.sledcom.ru/news/item/1702136> (accessed 05/03/2024).

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.36.16.064

Проблемы уголовной политики в области профилактики суицидов несовершеннолетних

Георгиевская Елена Александровна

Адвокат,
Адвокатская палата Московской области,
Аспирант,
Центр уголовного и уголовно-процессуального законодательства,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, Большая Черемушкинская ул., 34;
e-mail: elg15@bk.ru

Аннотация

Актуальность проблемы участвовавших случаев детских самоубийств очевидна. Несовершеннолетний не способен так легко согласиться на лишение себя жизни без внешнего стимулирующего воздействия на неокрепшую психику. По этой причине необходим жесткий контроль на каждый случай воздействия на психику подростка, который склоняет его к самоубийству, а также модернизация уголовной политики в этой области. В статье рассматриваются проблемы и несовершенства уголовной политики, связанные с профилактикой и выявлением суицидов несовершеннолетних, проводится анализ статистики криминальных суицидов, предлагаются пути решения данных проблем. В заключении обоснована важность комплексного подхода к решению этой проблемы. Необходимо проводить криминологическую характеристику данного явления, выявлять ключевые проблемы и разрабатывать эффективные меры профилактики и превенции. Важными аспектами являются адресная виктимологическая профилактика, психологическое сопровождение и воспитательно-предупредительные мероприятия. Сотрудничество правоохранительных органов, психологов и социальных работников поможет предотвратить случаи суицида среди несовершеннолетних и снизить уровень криминального суицида в обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Георгиевская Е.А. Проблемы уголовной политики в области профилактики суицидов несовершеннолетних // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 548-554. DOI: 10.34670/AR.2024.36.16.064

Ключевые слова

Уголовная политика, суицид, несовершеннолетние, самоубийство несовершеннолетних, профилактика суицидов.

Введение

В условиях глобализации криминальный мир, имея потребность в массовых жертвах, изобретает все более новые способы совершения преступлений. Насильственные преступления, которые, как правило, совершаются путем прямого воздействия на потерпевшего, приобретают новые формы. Преступления, доводящие несовершеннолетних до самоубийства, исключением не стали.

Правовая политика государства включает в себя, в том числе, уголовную политику в отношении несовершеннолетних. По своей сути она является организованной и осуществляемой государством деятельностью, направленной на разработку и реализацию совокупности мер по защите, во-первых, личности, общества и государства от посягательств, совершенных несовершеннолетними, а, во-вторых, по защите самих несовершеннолетних от посягательств в отношении них [Белжева, 2014].

Основная часть

Следующие обстоятельства обуславливают приоритетность уголовной политики в отношении несовершеннолетних:

- 1) государственная политика в интересах детей, а также защита семьи и детства в целом является приоритетной областью деятельности органов государственной власти;
- 2) сама по себе уголовная политика в отношении несовершеннолетних рассматривается как инструмент, направленный на достижение гуманизма и социальной справедливости в обществе;
- 3) принимаются особые законодательные и управленческие решения с учетом психофизического состояния несовершеннолетнего, а также иных медико-биологических и социально-психологических особенностей детей;

Уголовная политика в отношении несовершеннолетних в значительно большей степени должна включать в себя меры общесоциального характера, учитывая особую уязвимость лиц несовершеннолетнего возраста, незрелость их сознания и личности, при этом уголовная политика не подменяет собой политику социальную, как отмечают некоторые ученые [Загородников, Стручков, 1981].

Так, несмотря на принимаемые меры и разрабатываемые концепции, число суицидов среди несовершеннолетних, к сожалению, только набирает рост. При этом в открытом доступе отсутствует достоверная статистика, где была бы указана постатейная градация зарегистрированных сообщений о преступлении, связанных с самоубийствами несовершеннолетних. Однако, встречаются отдельные доклады омбудсменов по правам ребенка, а также отдельных частных медицинских центров, оказывающих психологическую помощь подросткам с суицидальным поведением, по которым можно судить о том, что уровень детских самоубийств существенно выше по данным открытых докладов.

По данным официальной статистики, количество расследованных уголовных дел данной категории практически ничтожно, что, безусловно, вводит в заблуждение. Высокая латентность, нежелание правоохранительных органов возбуждать заранее недоказуемые уголовные дела в виду отсутствия доказательственной базы или неумения верно построить расследование, чтобы получить необходимые доказательства, маскировка преступных самоубийств под обычные и другие факторы приводят к тому, что фактически статистика криминальных самоубийств несовершеннолетних, существенно выше. Это является одной из проблем уголовной политики

в данной области [Варюхин, 2023].

По данным статистики за 2023 год кабинета медико-психологической помощи СПб ГКУЗ ЦВЛ имени С.С. Мнухина отмечен рост суицидных попыток среди девочек в возрасте старше 15 лет (на 93,75%), при этом статистика обращений следующая:

- 71% обращений – семейная дезадаптация, хронические семейные конфликты, развод родителей, острые семейные конфликты, раздел ребенка;
- 42% обращений – школьная дезадаптация неуспеваемость, конфликты со сверстниками, конфликты с педагогами;
- 43% детей с суицидоопасным поведением (высказывания и самоповреждающее поведение) были госпитализированы в стационар [Статистические данные, опубликованные на портале СПб ГКУЗ ЦВЛ имени С.С. Мнухина, [www...](#)].

В связи с этим, необходимо обратить особое внимание на профилактическую работу с родителями в вопросах семейного воспитания и раннего предупреждения детского суицида.

В настоящее время существует множество рекомендаций, программ, методик и мероприятий для всех субъектов профилактической деятельности, направленных на снижение суицидальной активности. Для поддержки московских семей работают 26 городских организаций помощи родителям с детьми: 23 семейных центра, а также Кризисный центр помощи женщинам и детям, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних «Возрождение» и «Алтуфьево». В центрах оказывают правовую помощь семьям. Кроме того, действует служба медиации, сотрудники которой работают над разрешением семейных и супружеских конфликтов.

В 2017 году законодатель, следуя необходимости изменения уголовно-правовой политики в отношении защиты прав несовершеннолетних от посягательств, способствующих совершению ими суицида, ввел новые квалифицирующие признаки к ст. 110 УК РФ [О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ, 2017], устанавливающие уголовную ответственность за:

- доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, совершенное в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;
- доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, совершенное в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, совершенное в отношении двух или более лиц;
- доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Вместе с тем, уголовное законодательство теперь предусматривает и ответственность за организацию деятельности, целью которой является побуждение к совершению суицида (ст. 110.2 УК РФ).

Но в ходе анализа законодательства и судебной практики выявляется ряд проблем,

связанных с недостатком такого анализа законодателем, и возникновением пробелов, требующих дополнительной детальной проработки. Так, в действующих кодексах не дано определение «склонению к самоубийству», однако анализ диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ позволяет утверждать, что указанное правовое явление включает активные действия, направленные на уговоры, предложения, подкуп, обман. При этом, условием формирования полноструктурного состава преступления является отсутствие в действиях фигуранта признаков доведения до суицида, но исходя из конструкции нормы, усматривается возможность правовой оценки субъектом расследования любых «иных» способов склонения к самоубийству. В этой связи считается целесообразным внесение определенных законодательных изменений в существующие нормы или издание отдельного постановления Пленума Верховного суда РФ, специально посвященного этим статьям. Это способствовало бы улучшению качества расследования уголовных дел анализируемой категории, а также сформировало бы единообразный подход судов при назначении наказания по указанным делам, отвечающий принципам соразмерности и справедливости.

Тем не менее, в настоящее время, еще не до конца разработана криминалистическая методика расследования преступных деяний, следствием которых явился суицид несовершеннолетних, особенно совершенных в сети «Интернет».

Кроме того, современное цифровое пространство переполнено негативной информацией, которая, безусловно, деструктивно воздействует на психику ребенка и в действительности при самоубийстве подростка зачастую бывает очень сложно установить причину такого поступка.

Ужесточенная законодателем ответственность за совершение действий, побуждающих несовершеннолетних совершать суицид, безусловно, препятствует распространению так называемого «суицидального контента» или информации, которая носит суицидальный характер. Но вопреки этому, одного лишь изменения законодательства недостаточно и данные меры не позволяют обрести уверенность в том, что криминальные и криминогенные феномены не обретут новые формы и не будут способствовать новой волне детских суицидов.

В качестве положительного примера можно обратиться к законодательству Республики Беларусь, криминализировавшей в 2018 г. в ст. 342-1 Уголовного кодекса умышленное распространение в любой форме информации в целях возбуждения решимости у индивидуально-неопределенного круга лиц совершить самоубийство при отсутствии признаков доведения и склонения к самоубийству как пропаганду самоубийства, а также включившей данную статью в главу о преступлениях против общественного порядка и общественной нравственности [Уголовный кодекс Республики Беларусь, www...].

В целях снижения количества детей, вовлеченных в просмотр противоправного контента, предлагается регистрацию аккаунтов в социальных сетях проводить исключительно с определенного возраста при наличии идентифицирующих документов (по достижении 14 лет, например), либо осуществлять регистрацию только с согласия родителей или законных представителей. Это позволит создавать страницы с реальными анкетными данными, и будет означать эффективную блокировку доступа в социальные сети в отсутствие родительского контроля. Кроме того, для ряда социальных сетей и мессенджеров следует устанавливать настройки, фильтрующие неприемлемый контент для несовершеннолетних, а также контент, содержащий сцены насилия, то есть устанавливать так называемый «родительский контроль». На законодательном уровне – обязать владельцев хостингов осуществлять такую фильтрацию информации.

Как одно из предложений по более эффективной реализации уголовной политики в области

профилактики суицидов несовершеннолетних, можно выделить создание национальных программ профилактики самоубийств с учетом имеющегося законодательства Российской Федерации. Независимо от текущей ситуации в стране, с точки зрения приверженности профилактике самоубийств и выделенных ресурсов, процесс разработки национального комплекса мер сам по себе может способствовать профилактической работе.

Создание национального плана действий может стать объединяющей платформой для различных заинтересованных сторон, работающих над профилактикой самоубийств. Это позволит участникам опираться на свои знания и опыт при совместной работе. В результате представители государственных органов, НПО, системы здравоохранения и других секторов смогут совместно разработать долгосрочные национальные стратегии на основе принципов общественного здравоохранения с учётом специфики каждой страны [Доклад европейского регионального бюро ВОЗ «Предотвращение самоубийств: глобальный императив», [www...](#)].

Заинтересованные стороны в разных странах, такие как группы поддержки людей, переживших попытку самоубийства, и движения по защите уязвимых групп населения, активно участвуют в предотвращении самоубийств. Министерства здравоохранения и руководители национального уровня играют ключевую роль в координации этого процесса, так как сильное руководство помогает ставить реалистичные и измеримые цели и задачи.

Заключение

В заключении статьи можно подчеркнуть важность комплексного подхода к решению этой проблемы. Необходимо проводить криминологическую характеристику данного явления, выявлять ключевые проблемы и разрабатывать эффективные меры профилактики и превенции.

Важными аспектами являются адресная виктимологическая профилактика, психологическое сопровождение и воспитательно-предупредительные мероприятия. Сотрудничество правоохранительных органов, психологов и социальных работников поможет предотвратить случаи суицида среди несовершеннолетних и снизить уровень криминального суицида в обществе.

Библиография

1. Варюхин Е.С. Криминальный суицид несовершеннолетних: криминологические и уголовно-правовые меры противодействия // Международный студенческий научный вестник. – 2023. – № 1. ;URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=21208> (дата обращения: 19.05.2024).
2. Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 49; Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 47-48.
3. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник / под ред. Л.И. Беляевой. М., 2014.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023)// Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. № 24, ст. 3489.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/
7. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения 18.05.2024)
8. Статистические данные, опубликованные на портале СПб ГКУЗ ЦВЛ имени С.С. Мнухина, URL: http://ppms.kirov.spb.ru/images/doc/Родителям/Профилактика_суицидального_поведения_у_детей_и_подростков_в_Основные_группы_и_факторы_риска.pdf (дата обращения 18.05.2024)

9. Данные портала Департамента социальной защиты населения города Москвы, URL: <https://dszn.ru/press-center/news/9844> (дата обращения: 18.05.2024)
10. Доклад европейского регионального бюро ВОЗ «Предотвращение самоубийств: глобальный императив» URL: http://pospsy.ru/wpcontent/uploads/2016/09/world_suicide_report_russian.pdf (дата обращения 18.05.2024)

Problems of criminal policy in the field of suicide prevention by minors

Elena A. Georgievskaya

Lawyer,
Moscow Region Chamber of Advocates,
Postgraduate,
student at the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation,
Institute of Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bolshaya Chermushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: elg15@bk.ru

Abstract

The urgency of the problem of increasing cases of child suicide is obvious. A minor is not able to so easily agree to take his own life without an external stimulating effect on his fragile psyche. For this reason, strict control is necessary for every case of influence on the psyche of a teenager that inclines him to commit suicide, as well as modernization of criminal policy in this area. The article discusses the problems and imperfections of criminal policy related to the prevention and detection of juvenile suicides, analyzes the statistics of criminal suicides, and suggests ways to solve these problems. In conclusion, the importance of an integrated approach to solving this problem is substantiated. It is necessary to carry out a criminological characterization of this phenomenon, identify key problems and develop effective prevention and prevention measures. Important aspects are targeted victimological prevention, psychological support and educational and preventive measures. Cooperation between law enforcement agencies, psychologists and social workers will help prevent suicide among minors and reduce the level of criminal suicide in society.

For citation

Georgievskaya E.A. (2024) Problemy ugolovnoi politiki v oblasti profilaktiki suitsidov nesovershennoletnikh [Problems of criminal policy in the field of suicide prevention by minors]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 548-554. DOI: 10.34670/AR.2024.36.16.064

Keywords

Criminal policy, suicide, minors, suicide of minors, suicide prevention.

References

1. Varyukhin E.S. Criminal suicide of minors: criminological and criminal law measures of counteraction // *International Student Scientific Bulletin*. – 2023. – No. 1. ;URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=21208> (date of address: 05/19/2024).
2. Zagorodnikov N.I., Struchkov N.A. Directions of the study of Soviet criminal law // *The Soviet State and law*. 1981. No. 7. p. 49; Korobeev A.I. Soviet criminal law policy. Vladivostok, 1987. pp. 47-48.

3. Criminal policy and its implementation by internal affairs bodies: textbook / edited by L.I. Belyaeva. M., 2014.
4. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 11/27/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/17/1996, N 25, art. 2954.
5. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the establishment of additional mechanisms to counteract activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: Feder. Law No. 120-FZ of June 7, 2017 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 24, article 3489.
6. The Criminal Code of the Republic of Belarus. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/
7. Federal Law No. 124-FZ dated 07/24/1998 "On basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation" // Legal reference system "Consultant Plus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (accessed 05/18/2024)
8. Statistical data published on the portal of St. Petersburg State University of Higher Education named after S.S. Mnukhin, URL: http://ppms.kirov.spb.ru/images/doc/Родителям/Prevention_of_suicidal_behavior_of_children_and_adolescents_main_group_and_factory_risk.pdf (accessed 05/18/2024)
9. Data from the portal of the Department of Social Protection of the population of the city of Moscow, URL: <https://dszn.ru/press-center/news/9844> (date of application: 05/18/2024)
10. WHO Regional Office for Europe report "Suicide prevention: a global imperative" URL: http://pospsy.ru/wpcontent/uploads/2016/09/world_suicide_report_russian.pdf (accessed 05/18/2024)

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.13.84.073

Доведение, склонение и содействие совершению самоубийства несовершеннолетними: проблемы отграничения составов преступлений

Георгиевская Елена Александровна

Адвокат,
Адвокатская палата Московской области,
Аспирант,
Центр уголовного и уголовно-процессуального законодательства,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, Большая Черемушкинская ул., 34;
e-mail: elg15@bk.ru

Аннотация

Проблема доведения несовершеннолетних до самоубийства является одной из наиболее серьезных социальных проблем, с которой сталкивается современное общество. К сожалению, расследование преступлений, связанных с доведением несовершеннолетних до самоубийства, часто бывает неэффективным, что создает проблемы в обеспечении справедливости и защите прав потерпевших. Исследование данной проблемы имеет важное значение как для академического сообщества, так и для практической деятельности правоохранительных органов, поскольку может повысить эффективность борьбы с преступлениями анализируемой категории. Автором публикации рассмотрены проблемы разграничения смежных составов преступления, что может способствовать улучшению защиты прав и интересов несовершеннолетних, страдающих от способствующих самоубийству посягательств, путем предложения совершенствования законодательства в этой области. В заключении показано, что из-за отсутствия достаточной судебной практики, при разграничении ст. 110, 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации невозможно использовать иные методы, кроме словарного и лексического анализа. Показана целесообразность внесения определенных законодательных изменений в существующие нормы или издание отдельного постановления Пленума Верховного суда РФ, специально посвященного этим статьям. Это способствовало бы улучшению качества расследования уголовных дел анализируемой категории, а также сформировало бы единообразный подход судов при назначении наказания по указанным делам, отвечающий принципам соразмерности и справедливости.

Для цитирования в научных исследованиях

Георгиевская Е.А. Доведение, склонение и содействие совершению самоубийства несовершеннолетними: проблемы отграничения составов преступлений // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 555-560. DOI: 10.34670/AR.2024.13.84.073

Ключевые слова

Доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие совершению самоубийства, потерпевшие, уголовно-правовая защита, суицид несовершеннолетних.

Введение

В последние десятилетия во всем мире наблюдается тенденция к росту числа самоубийств. Всемирная организация здравоохранения отмечает, что количество погибших от суицида больше, чем во всех вместе взятых конфликтах, при этом суицид является третьей по значимости ведущей причиной смертности у лиц в возрастной группе от 10 до 19 лет. Считается, что к самоубийству приводит целый комплекс взаимодействующих биологических, генетических, психологических, социологических, культурных факторов в совокупности с факторами окружающей среды. Наиболее восприимчивым к влияниям подобного рода является подростковый возраст, являющийся периодом особой концентрации конфликтов, которые зачастую приводят к поведенческим отклонениям, в том числе суициду.

Основное содержание

В 2017 году законодатель, следуя необходимости изменения уголовно-правовой политики в отношении защиты прав несовершеннолетних от посягательств, способствующих совершению ими суицида, ввел новые квалифицирующие признаки к ст. 110 УК РФ [О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ], устанавливающие уголовную ответственность за:

1) доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, совершенное в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

2) доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, совершенное в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

3) доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, совершенное в отношении двух или более лиц;

4) доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Вместе с тем, уголовное законодательство теперь предусматривает и ответственность за организацию деятельности, целью которой является побуждение к совершению суицида (ст. 110.2 УК РФ).

Но в ходе анализа законодательства и судебной практики выявляется ряд проблем, связанных с недостатком такого анализа законодателем, и возникновением пробелов, требующих дополнительной детальной проработки. Так, в действующих кодексах не дано определение «склонению к самоубийству», однако анализ диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ позволяет утверждать, что указанное правовое явление включает активные действия,

направленные на уговоры, предложения, подкуп, обман. При этом, условием формирования полноструктурного состава преступления является отсутствие в действиях фигуранта признаков доведения до суицида, но исходя из конструкции нормы, усматривается возможность правовой оценки субъектом расследования любых «иных» способов склонения к самоубийству.

По мнению Д.И. Эльмурзаева, правовая оценка самоубийства в том или ином обществе складывалась под воздействием философских, религиозных и научных идей, оказывавших влияние на законодательство, регулирующее отношения в этом обществе [Эльмурзаев, 2004].

На сегодняшний день с веяниями информационного общества влияние информационно-телекоммуникационных технологий на сознание и поведение людей возросло многократно, но, учитывая высокую латентность данного вида преступлений, официальная статистика не демонстрирует реально существующую действительность. В виду этого факта, не во уголовных законодательствах государстве разграничены способы совершения преступлений, способствующих совершению несовершеннолетними суицида.

Ужесточенная законодателем ответственность за совершение действий, побуждающих несовершеннолетних совершать суицид, безусловно, препятствует распространению так называемого «суицидального контента» или информации, которая носит суицидальный характер. Но вопреки этому, одного лишь изменения законодательства недостаточно и данные меры не позволяют обрести уверенность в том, что криминальные и криминогенные феномены не обретут новые формы и не будут способствовать новой волне детских суицидов.

В качестве положительного примера можно обратиться к законодательству Республики Беларусь, криминализировавшей в 2018 г. в ст. 342-1 Уголовного кодекса умышленное распространение в любой форме информации в целях возбуждения решимости у индивидуально-неопределенного круга лиц совершить самоубийство при отсутствии признаков доведения и склонения к самоубийству как пропаганду самоубийства, а также включившей данную статью в главу о преступлениях против общественного порядка и общественной нравственности [Уголовный кодекс Республики Беларусь, www...].

Однако стоит отметить, что вышеописанные введенные изменения в российское законодательство способствуют справедливому и соразмерному назначению наказания с учетом описанных квалифицирующих признаков, что является преимуществом по отношению к законодательству зарубежных стран.

Стоит также обратить внимание на то, что способы доведения до самоубийства (угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства), а также способы склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению являются одним из проявлений психологического насилия [Бозров, Костовская?, Яворский, 2015], поскольку каждый из них непосредственно влияет на психику человека, побуждая его к лишению себя жизни.

В научном сообществе сформировалась точка зрения, согласно которой лицо, оказавшее содействие потерпевшему в совершении суицида, не имеет отношения к причинам, побудившим последнего на принятие этого решения. Действия виновного направлены уже на оказание помощи в реализации задуманного, тогда как непосредственно склонение к совершению самоубийства – это действия, целью которых является формирование устойчивого желания у потерпевшего совершить самоубийство.

Вне всякого сомнения, что двусмысленность использования терминов приводит как к следственным ошибкам при квалификации действий привлекаемых лиц, так и к судебным ошибкам, искажающим судебную практику.

Расширенное толкование термина «склонение» фактически поддерживает и А.В. Бриллиантов, указывающий, что склонение может быть совершено любыми действиями, которые способны сформировать у потерпевшего желание совершить определенный волевой акт [Бриллиантов, 2008].

Вместе с тем, ряд авторов предлагает определять «склонение к совершению самоубийства» как однократные, так и многократные умышленные действия, направленные на возбуждение осознанного желания у потерпевшего совершить самостоятельные действия по лишению себя жизни, при отсутствии признаков доведения до самоубийства [Старжинская, 2022], а к содействию совершения самоубийства предложено относить «умышленные действия, направленные на оказание помощи и поддержки лицу, у которого сформировано желание лишить себя жизни, о чем заведомо известно содействующему лицу, в результате которых лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на совершение самоубийства» [Там же – С. 100.].

При этом, нельзя не согласиться, что воздействие на психику потерпевшего, влекущее подавление его воли при принятии решения о суициде или направленное на совершение каких-либо действий, будет являться криминальным психологическим насилием.

Суицидальное поведение многогранно и для объяснения его мотивов чаще всего параллельно действуют несколько факторов риска или стресс-факторов, которые совокупности повышают уязвимость человека в отношении суицидального поведения, однако их присутствие не всегда влечет за собой суицидальные действия.

Единство процессов психодинамики (то есть, психологического и социального функционирования личности) обосновывает понимание суицидного поведения и его субъекта и в целом составляет виктимологическую концепцию профилактики суицидного поведения. В дальнейшем это определяет организационно-психологическую форму терапевтической социальной педагогики – терапевтический социально-педагогический тренинг функциональных и психотехнических компетентностей. Базовым его методом является социально-драматический метод социальной педагогики, который опирается на компетентностный норматив культурного социогенеза компетентностей личности и решает задачу ее девиктимизации, то есть приводит к снижению риска суицидного поведения.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что из-за отсутствия достаточной судебной практики, при разграничении ст. 110, 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации невозможно использовать иные методы, кроме словарного и лексического анализа. Также считается целесообразным внесение определенных законодательных изменений в существующие нормы или издание отдельного постановления Пленума Верховного суда РФ, специально посвященного этим статьям. Это способствовало бы улучшению качества расследования уголовных дел анализируемой категории, а также сформировало бы единообразный подход судов при назначении наказания по указанным делам, отвечающий принципам соразмерности и справедливости.

Библиография

1. Бозров В.М., Костовская Н.В., Яворский А.А. Криминальный суицид (психолого- психиатрические, уголовно-правовые и процессуально-криминалистические аспекты. – М.: Юрлитинформ. 2015. С. 156.

2. Бриллиантов А.В. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности // Уголовное право. 2008. № 3. С. 25–30.
3. Старжинская, А. Н. Доведение до самоубийства и причастность к самоубийству несовершеннолетнего лица по уголовному праву Российской Федерации: актуальные проблемы законодательства и правоприменения: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: Диссертация на соискание степени кандидата юридических наук / Старжинская, А. Н.; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. — Москва, 2022. — С. 99.
4. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 50.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023)// Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. № 24, ст. 3489.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/
8. Abbar M. et al. Ketamine for the acute treatment of severe suicidal ideation: double blind, randomised placebo controlled trial // *bmj*. – 2022. – Т. 376.
9. Falcon C. et al. Combinatorial suicide gene strategies for the safety of cell therapies // *Frontiers in immunology*. – 2022. – Т. 13. – С. 975233.
10. Tondo L., Vázquez G. H., Baldessarini R. J. Prevention of suicidal behavior in bipolar disorder // *Bipolar disorders*. – 2021. – Т. 23. – №. 1. – С. 14-23.

Incitement to suicide, inducement to commit suicide and assistance in committing suicide by minors: problems of delineation of the elements of crimes

Elena A. Georgievskaya

Lawyer,
Moscow Region Chamber of Advocates,
Postgraduate,
student at the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation,
Institute of Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: elg15@bk.ru

Abstract

The problem of driving minors to suicide is one of the most serious social problems faced by modern society. Unfortunately, the investigation of crimes related to driving minors to suicide is often ineffective, which creates problems in ensuring justice and protecting the rights of victims. The study of this problem is important both for the academic community and for the practical activities of law enforcement agencies, since it can increase the effectiveness of combating crimes of the analyzed category. The author of the publication considers the problems of distinguishing related crimes, which can contribute to improving the protection of the rights and interests of minors suffering from suicidal assaults by proposing improvements in legislation in this area. In conclusion, it is shown that due to the lack of sufficient judicial practice, when distinguishing Articles 110, 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is impossible to use methods other than

vocabulary and lexical analysis. The expediency of making certain legislative changes to existing norms or issuing a separate resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation specifically devoted to these articles is shown. This would help to improve the quality of the investigation of criminal cases of the analyzed category, as well as form a uniform approach of the courts in sentencing in these cases, consistent with the principles of proportionality and fairness.

For citation

Georgievskaya E.A. (2024) Dovedenie, sklonenie i sodeistvie soversheniyu samoubiistva nesovershennoletnimi: problemy otgranicheniya sostavov prestuplenii [Incitement to suicide, inducement to commit suicide and assistance in committing suicide by minors: problems of delineation of the elements of crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 555-560. DOI: 10.34670/AR.2024.13.84.073

Keywords

Incitement to suicide, inducement to suicide, assistance in committing suicide, victims, criminal legal protection, suicide of minors.

References

1. Abbar M. et al. Ketamine for the treatment of severe suicidal thoughts: a double-blind randomized placebo-controlled trial // *bmj*. - 2022. – No. 376.
2. Bozrov V.M., Kostovskaya N.V., Yavorsky A.A. Criminal suicide (psychological- psychiatric, criminal-legal and procedural-criminalistic aspects. – M.: Yurlitinform. 2015. p. 156.
3. Brilliantov A.V. Questions of complicity in the qualification of assistance to terrorist activities // *Criminal law*. 2008. No. 3. pp. 25-30.
4. Elmurzaev D.I. Criminal liability for incitement to suicide: dis. ... cand. Jurid. M., 2004. p. 50.
5. Falcon C. et al. Combinatorial suicide gene strategies for the safety of cell therapies // *Frontiers in immunology*. – 2022. – T. 13. – C. 975233.
6. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the establishment of additional mechanisms to counteract activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: Feder. Law No. 120-FZ of June 7, 2017 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 24, article 3489.
7. Starzhinskaya, A. N. Incitement to suicide and involvement in suicide of a minor under the criminal law of the Russian Federation: actual problems of legislation and law enforcement: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Starzhinskaya, A. N.; Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. — Moscow, 2022. — p. 99.
8. The Criminal Code of the Republic of Belarus. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/
9. The Federal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 n 63-FROM (as amended on 11/27/2023) // *The Assembly of Legislation of the Russian Federation*, 17.06.1996, N 25, art. 2954.
10. Tondo L., Vasquez G. H., Baldessarini R. J. Prevention of suicidal behavior in bipolar disorder // *Bipolar disorders*. – 2021. – Vol. 23. – No. 1. – pp. 14-23.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2024.19.90.014

Международно-правовые основания недействительности одиозного суверенного долга

Калиманов Андрей Петрович

Аспирант,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1;
e-mail: arbitration1958@yahoo.com

Аннотация

Основная идея доктрины одиозного суверенного долга заключается в том, что некоторые требования по государственному долгу не являются обязательными, исполнимыми или подлежат признанию недействительными в силу осведомленности кредитора о том факте, что средства от займа будут использованы для целей невыгодных населению страны: подавления меньшинства, милитаризации, ведения прокси-войн или личного обогащения, а не для общественно-полезных нужд. В этой статье была предпринята попытка придать доктрине одиозного долга новый акцент, отойдя от традиционных признаков одиозности (отсутствие выгоды для населения государства-должника, отсутствие легитимного согласия со стороны населения государства-должника, осведомленность кредиторов об этих обстоятельствах) к критерию нарушения императивных норм международного права *jus cogens*. Доктрина, основанная на нарушениях *jus cogens*, предоставляет более четкие критерии, чем традиционная доктрина одиозных долгов. С другой стороны, учитывая узкую сферу применения *jus cogens* в современном международном праве, потенциальная применимость этой доктрины была бы весьма ограниченной. В этой связи целесообразно использовать оба вида критериев при интерпретации доктрины.

Для цитирования в научных исследованиях

Калиманов А.П. Международно-правовые основания недействительности одиозного суверенного долга // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 2А. С. 561-571. DOI: 10.34670/AR.2024.19.90.014

Ключевые слова

Одиозный долг, суверенный долг, основания недействительности, *jus cogens*, оспаривание, критерии одиозного долга, императивные нормы.

Введение

В общественных, юридических и академических кругах, структурах ООН и Всемирного банка наблюдается значительный интерес к доктрине одиозного суверенного долга. Основная идея доктрины заключается в том, что некоторые требования по государственному долгу не являются обязательными или подлежащими исполнению в силу осведомленности кредитора о том факте, что средства от займа будут использованы для целей невыгодных населению страны: подавления меньшинства, милитаризации, ведения прокси-войн или личного обогащения, а не для общественно-полезных целей.

В контексте данной доктрины можно сформулировать следующие критерии одиозности долга: отсутствие выгоды для населения государства-должника, отсутствие легитимного согласия со стороны населения государства-должника, осведомленность кредиторов об этих обстоятельствах.

Целесообразно определить «одиозные долги» как:

- все долги, полученные государством-предшественником или правительством-предшественником / режимом-предшественником с целью достижения целей, противоречащих основным интересам населения страны или государства-преемника, или переданной территории;
- все долги, полученные государством-предшественником или правительством-предшественником / режимом-предшественником с целью, не соответствующей международному праву и, в частности, принципам международного права, воплощенным в Уставе Организации Объединенных Наций.

Доктрина впервые была сформулирована российским эмигрантом-правоведом Александром Саком и основывалась на прецеденте XIX века, а именно, отказе Мексики выплачивать долги, которые были созданы императором Максимилианом, а также на непризнании США долга Кубы, созданного в период испанского колониального правительства [Sack, 1927].

В своем докладе на Комиссии международного права при ООН (КМП) по проекту Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, архивов и долгов 1983 года специальный докладчик Мохаммед Беджауи предложил двойное определение одиозных долгов. Согласно предложенному им проекту статьи к Конвенции, одиозные долги будут включать «а) все долги, взятые государством-предшественником на себя с целью достижения целей, противоречащих основным интересам государства-преемника или переданной территории». В то же время Беджауи предложил рассматривать вторую группу долгов как одиозную, а именно «все долги, взятые на себя государством-предшественником с целью, не соответствующей международному праву и, в частности, принципам международного права, воплощенным в Уставе Организации Объединенных Наций» [Bedjaoui, 1977]. Эти две концепции одиозных долгов различаются по своему содержанию, поскольку первая, традиционная версия одиозных долгов, фокусируется на интересах населения и государства-правопреемника, в то время как вторая концентрируется на соответствии международному праву. Такое смещение акцента могло бы решить одну из проблем доктрины одиозных долгов в традиционном понимании, в рамках которой вопрос об одиозном характере займа будет решать международный институт. Если акцент смещается на нарушение принципов международного права, то решение международного органа тогда будет заключаться не в контроле за тем, соответствует ли политика и действия государства-заемщика и займодавца

принципам международного права. Проведение такой оценки, по-видимому, целесообразно отнести к компетенции международных органов.

Одной из интересных особенностей этого подхода является то, что нарушение международного права не обязательно должно затрагивать население государства-предшественника, чтобы применялась доктрина одиозных долгов, важно также то, являются ли долги вредными для международного сообщества. Следовательно, долг был бы одиозным и не подлежал бы погашению, если бы он был заключен с целью приобретения оружия, милитаризации, которые использовались для попрания прав человека посредством геноцида, дискриминации или апартеида, или для финансирования политики, противоречащей праву народов на самоопределение. Данный аспект имеет важное значение, так как одиозные режимы могут занимать деньги для подавления меньшинства внутри своей страны, милитаризации или ведения прокси-войн.

Согласно статье 33 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, архивов и долгов 1983 года, государственными долгами признаются только те, которые возникли в соответствии с международным правом. Таким образом, согласно данной конвенции, если кредитное соглашение нарушает международное право, вытекающие из него требования не обязательно должны приниматься народом государства-правопреемника.

Таким образом, независимо от того, является ли кредитный договор в принципе действительным или нет, если он нарушает международное право, государству-правопреемнику или правительству-правопреемнику не требуется брать на себя основное обязательство, а кредиторы не могут достичь успеха в международных судах, требуя погашения таких долгов.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Предположим, одна страна предоставила другой стране финансовую помощь в форме кредита, а позже появились сведения, что она использовалась для финансирования подавления меньшинства внутри страны-заемщика, закупки оружия, милитаризации и ведения прокси-войн. Предполагая, что сам контракт не запрещает такое поведение, очевидно, однако, что он не имеет законной силы, не по причине его формального содержания, а скорее по своей сути и конечной цели. Цель была бы незаконной, поскольку она нарушает международный публичный порядок, при этом не имеет значения, что государство-истец могло бы представить должным образом принятый национальный закон, санкционирующий действия режима, который получал денежные средства. Рассматриваемое нарушение нарушает международные нормы, которые являются фундаментальными и осознаваемыми на международном публичном порядке.

Если кто-то склонен согласиться с этой линией аргументации, то следует также согласиться с тем, что некоторые одиозные долги не являются обязательными к погашению по международному праву и не подлежат принудительному исполнению.

Нарушение *jus cogens* как основание для одиозности суверенного долга

Интерес могут представлять некоторые принципы, содержащиеся в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Что касается вопроса о том, что требуется для того, чтобы международный договор между государствами был недействительным, то конвенция придерживается весьма ограничительного подхода, отдавая предпочтение действительности международных договоров во всех случаях, за исключением самых крайних случаев нарушения

принципов международного права. В статье 53 в этой связи говорится, что международный договор является недействительным, если в момент его заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Для целей настоящей конвенции императивная норма общего международного права – это норма, принятая и признанная международным сообществом государств в целом в качестве нормы, отступление от которой не допускается, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, имеющей тот же характер. Тот факт, что нарушение *jus cogens* приводит к недействительности договора *ab initio*, предполагает, что в случаях нарушений *jus cogens* принцип *pacta sunt servanda* не вступает в силу, поскольку обязательный международный договор является ничтожным. Применительно к кредитным сделкам, если долги являются одиозными из-за нарушения *jus cogens*, кредиторы не могли бы полагаться на *pacta sunt servanda*, поскольку не было бы обязательного договора, на котором могли бы основываться требования о погашении [Ford, 1994].

Анализ концепции *jus cogens* и обзор ее исторического развития

Хотя вокруг концепции *jus cogens* по-прежнему существует множество противоречий, начиная от самого ее признания и заканчивая вопросами о ее содержании, принцип, согласно которому нарушение *jus cogens* делает недействительными международные договоры, возможно, является частью международного обычного права.

В отличие от других норм международного обычного права, нормы *jus cogens* связывают даже те государства, которые никогда не принимали их.

Обсуждая концепцию *jus cogens* в ходе своей работы над текстом Венской конвенции о праве международных договоров, члены КМП предположили, что императивные нормы не являются исключительно производными от правовых норм, а также вытекают из норм морали и международного правопорядка. Обоснование признания существенных ограничений международных договоров основывалось на убеждении, что существуют определенные нормы права и моральные принципы, которые в цивилизованных обществах не могут игнорироваться или изменяться соглашениями. Ту же идею иногда формулируют, приравнивая *jus cogens* к тем нормам, которые формируют международный публичный порядок. Если нормы *jus cogens* основаны на общепризнанных правовых или моральных принципах, которые настолько важны, что государства не могут отказаться от них, можно предположить, что не имеет смысла ограничивать применимость *jus cogens* сферой международных договоров между государствами. Вместо этого, учитывая их особое качество и возросшую ценность для международной защиты прав, нормы *jus cogens* должны быть универсально применимыми. В таком случае государства в равной степени не могли бы уклоняться от обязательства соблюдать *jus cogens*, заключая частные контракты, которые противоречат нормам *jus cogens*. В тех случаях, когда кредитные соглашения нарушают нормы международного права, это может, соответственно, повлиять на договорные обязательства государства-должника перед частной стороной и привести к недействительности займов.

Прежде чем анализировать последствия этого, необходимо определить, какие нормы можно рассматривать как императивные нормы международного права. В данном случае Венская конвенция о праве международных договоров не содержит никаких руководящих указаний, поскольку она лишь устанавливает общее определение *jus cogens*, но не предлагает перечня положений, которые могли бы квалифицироваться как нормы *jus cogens*. Нынешний консенсус

в отношении того, какие нормы являются частью *jus cogens*, по-видимому, включает в себя объявление вне закона преступлений против человечности, запрещение пыток и право народов на самоопределение. Европейский суд первой инстанции высказался в пользу этой точки зрения, сославшись на: *нормы международного права, подпадающие под действие jus cogens..., в частности, обязательные положения, касающиеся всеобщей защиты прав человека, от которых ни государства-члены, ни органы Организации Объединенных Наций не могут отступать, поскольку они представляют собой ключевые принципы международного обычного права* (Al-Adsani v United Kingdom, 2001).

Установление связи между кредитным договором и нарушением *jus cogens*

Основной проблемой доктрины одиозного долга, основанной на нарушении *jus cogens*, является довольно фундаментальный вопрос о том, как определить, что кредитное соглашение нарушает *jus cogens*. Решающим вопросом было бы то, какая связь между займом и нарушением *jus cogens* должна была бы существовать, чтобы оправдать такой вывод. Статья 53 Венской конвенции, по-видимому, призывает к установлению прямой связи между международным договором и нарушением *jus cogens* в том смысле, что она требует, чтобы сам международный договор противоречил императивной норме общего международного права. Примером международного договора, нарушающего *jus cogens*, может являться договор, в котором два государства соглашаются начать агрессивную прокси-войну против третьего государства. Это сопоставимо с предположением Беджауи о том, что долг может быть одиозным, если государство-должник заключило его с целью, не соответствующей международному праву. Он, по-видимому, имел в виду прямую связь между займом и нарушением международного права в том смысле, что долг следует рассматривать как одиозный только в том случае, если заем был предоставлен с целью содействия нарушению принципов международного права. Таким образом, когда две стороны договариваются о кредите для того, чтобы заемщик мог приобрести оборудование для применения пыток, можно сказать, что уже само кредитное соглашение нарушает *jus cogens* в форме запрета пыток. Соответственно, для установления связи между займом и нарушением международного права важно установить намерения сторон займа и цель займа.

Одна из проблем здесь заключается в том, что сами кредитные соглашения в большинстве случаев будут нейтральными по отношению к нарушениям *jus cogens*, если только в исключительных случаях не будет установлено, что кредитный договор включал соглашение о цели, которая равносильна нарушению *jus cogens*, как в приведенном выше примере займа, который был заключен контракт на закупку пыточного оборудования. Однако случаи кредитных соглашений, в которых прямо оговаривается цель, противоречащая *jus cogens* будут редкими. Что во многих случаях будет гораздо легче продемонстрировать, так это то, что правительства используют полученные займы для совершения нарушений норм *jus cogens*, например, когда они используют поступающие деньги для милитаризации, покупки оружия с помощью которого они совершают преступления против человечности внутри своей собственной страны, или ведут прокси войны. Однако, сосредоточившись на использовании заемных денег, становится все труднее установить прямую связь между займом и нарушением *jus cogens* или, по крайней мере, достаточно тесную связь, которая оправдывала бы признание самого кредитного договора недействительным. В этой связи утверждалось, что аналогия со

статьей 53 Венской конвенции о праве международных договоров предполагает, что закон не защищает финансовые операции, которые способствуют нарушению *jus cogens*, и что, как правило, долги являются одиозными, а лежащие в их основе контракты недействительными, если они способствуют нарушению международного права.

Чтобы проверить работоспособность этого широкого определения одиозных долгов, необходимо разработать критерии, в соответствии с которыми можно было бы определить, что считается содействием в связи с нарушениями *jus cogens*, которое привело бы к недействительности кредитного соглашения. В этой связи есть несколько примеров, из которых можно было бы позаимствовать критерии для такой оценки: обсуждение соучастия и пособничества в контексте международного уголовного судопроизводства; анализ тех же вопросов в контексте исков, поданных в США в соответствии с Законом о деликтных требованиях иностранцев (АТСА) против транснациональных компаний за нарушения прав человека; и подход КМП к ответственности государств.

Критерии *jus cogens* в международном уголовном судопроизводстве

Наиболее полное обсуждение вопроса о пособничестве нарушениям *jus cogens* в контексте международного уголовного права можно найти в решении международного трибунала по делу Фурундзии, где трибунал сделал вывод, что пособничество и подстрекательство присутствует в тех случаях, когда лицо содействует совершению преступления, придавая «дополнительную уверенность своим товарищам»; или когда лицо предоставляет средства для совершения преступления [Acquaviva, 2002].

Критерии *jus cogens* в деликтных делах

В соответствии с АТСА иностранцы могут требовать компенсации за деликты, совершенные в нарушение международного права или международного договора, участником которого являются США.

Так, в деле компании UNOCAL судом было признано, что пособничество и подстрекательство могут повлечь за собой ответственность в соответствии с АТСА, если имелась осознанная практическая помощь или поощрение, которые оказывают существенное влияние на совершение преступления. Согласно материалам судебного дела, в данном случае компания наняла военных Мьянмы для обеспечения безопасности для строительства трубопровода и создания инфраструктуры вокруг него, зная, что в этом контексте военные будут совершать нарушения прав человека. Таким образом, по мнению суда, в деле UNOCAL предосудительное поведение компании выходило за рамки заключения выгодных сделок с режимом, нарушавшим международное право, и скорее заключалось в активном сотрудничестве с военными и поощрении их к совершению нарушений *jus cogens* [Adams, 1991].

В деле компании Talisman был судом сделан вывод, что для доказывания вины требовалось прямое сотрудничество с режимом в Судане в отношении совершения им нарушений международного права, и простое предоставление кредита не рассматривалось как достаточное для привлечения к ответственности в соответствии с АТСА. Суд утверждал, что для того, чтобы продемонстрировать, что ответчик содействовал нарушению международного права, необходимо было бы доказать, что действия ответчика оказали существенное влияние на успех преступного предприятия и что ответчик был осведомлен об этом. Суд отметил, что наиболее важным для текущих целей является то, что ответчик должен действовать с намерением

содействовать нарушению, «то есть [что] ответчик специально направлял свои действия на содействие конкретному нарушению». Суд указал, что необходимо было бы доказать, «что, когда Talisman... выплачивал лицензионные платежи, он “конкретно направлял” эти платежи на закупку правительством оружия, предназначенного для нападения на гражданских лиц и их насильственного переселения» [Responsibility of States..., 2002].

Подход Комиссии международного права ООН

Статья 16 Резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 56/83 от 12 декабря 2001 года гласит следующее: государство, которое помогает другому государству в совершении последним международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за это, если это государство делает это, зная обстоятельства международно-противоправного деяния [Yearbook of the International Law Commission, 1981].

В своем комментарии к статье 16 КМП разъясняет, что: «Оказывающее помощь государство будет нести ответственность только в той мере, в какой его собственное поведение вызвало международно-противоправное деяние или способствовало ему» [Ben-Shahar, Gulati, 2008]. Что касается требования о том, что ответственность за помощь требует знания обстоятельств международно-противоправного деяния, КМП комментирует, что государство, предоставляющее материальную или финансовую помощь другому государству, обычно не принимает на себя риск того, что его помощь может быть использована для совершения международно-противоправного деяния, и неосведомленность о предполагаемом использовании помощи в противоправных целях исключает ответственность государства-участника.

Последствия для займов

Для установления последствий для займа важно определить значимость вклада в нарушение международного права финансирующим лицом, поскольку это обычно формирует основу для принятия решения [Abrahams, 2000]. Этот индивидуальный элемент, однако, он может быть важен в контексте определения того, является ли контракт недействительным. Соответственно, в контексте определения действительности кредитного соглашения основное внимание, уделяется не акту оказания помощи со стороны кредитора, а исключительно тому, способствовал ли заем нарушению международного права *jus cogens*. Важно продемонстрировать, что заем способствовал нарушению, поскольку не было бы оснований считать заем недействительным из-за нарушения *jus cogens*, совершенного только одной из сторон, государством-заемщиком [Alston, 1987].

Внедрение подхода, основанного на *jus cogens*

Согласно Венской конвенции о праве международных договоров, недействительность международного договора не является автоматическим следствием нарушения *jus cogens*, скорее на это должна ссылаться сторона, которая хочет, чтобы действие международного договора было прекращено на этих основаниях. В тех случаях, когда другая сторона не согласна, для урегулирования спора необходимо привлекать международные трибуналы. Этот механизм доступен только государствам, являющимся участниками Конвенции, и он ограничен ситуациями, к которым применяется Конвенция, то есть международными договорами между

государствами, так что он не помогает в контексте нарушения *jus cogens* договором, заключенным между государством и частным лицом. Таким образом, для того, чтобы сделать эту доктрину работоспособной на международном уровне необходим специальный международный орган, рассматривающий такие дела [Ambrose, 2005].

Международный орган для решения этого вопроса об одиозности и действительности мог бы основывать свои решения на концепции *jus cogens* наряду с оценкой того, были ли конкретные займы выгодны народу страны, которой управлял репрессивный режим [Crawford, Oleson, 2003].

Одиозность долгов из-за нарушений принципов международного права, которые не являются частью *jus cogens*

Другой вопрос, который следует рассмотреть в контексте обсуждения доктрины одиозного долга с акцентом на международное право, заключается в том, оправдано ли ограничивать доктрину одиозного долга случаями нарушений *jus cogens*. Следствием такого ограниченного подхода является признание того, что только принципы, признанные в качестве части *jus cogens*, могут превзойти *pacta sunt servanda* по своей значимости, и основной посыл, очевидно, заключается в том, что там, где принцип *pacta sunt servanda* вступает в противоречие с принципами международного права, которые не достигли стандарта *jus cogens*, соответственно, советующий международному праву контракт автоматически будет иметь преимущественную силу [там же].

Это соответствует подходу, принятому Венской конвенцией о праве международных договоров, которая допускает недействительность международного договора только в случаях нарушения *jus cogens*, но не в тех случаях, когда это несовместимо с другими принципами международного права [McBeth, 2005].

Одиозные долги и международный публичный порядок

Одним из видов публичного порядка является транснациональный публичный порядок. Он представляет собой набор правил, который предполагает определение принципов, общепризнанных политическими и правовыми системами по всему миру или международный консенсус относительно универсальных стандартов и общепринятых норм поведения, которые должны применяться на всех форумах. Существенные нарушения международного публичного права и норм *jus cogens* противоречат транснациональному публичному порядку [Buckley, 2005].

Применение доктрины одиозных долгов к долгу Аргентины

Пример Аргентины будет использован для изучения того, как доктрина одиозных долгов может работать в конкретных случаях. В Аргентине часто утверждается, что внешний долг страны, взятый в период с 1975 по 1983 год, в значительной степени одиозен и по этой причине не подлежит погашению. В частности, в 2004 году и снова в марте 2006 года в Конгресс были внесены законопроекты, отвергающие внешний долг Аргентины. Законопроект 2004 года был полностью основан на одиозности долга, и статья 1 (из двух) законопроекта гласила, что: «Весь внешний долг, полученный военной диктатурой, должен быть объявлен одиозным» [Asp, 2003]. Причиной этого было то, что при военном режиме возможность граждан осуществлять контроль

над действиями правительства, была резко ограничена, если не отменена. Статья 1 законопроекта, внесенного в марте 2006 года, сформулирована в несколько более общих выражениях, в не говорится, что: «Внешний государственный долг, заключенный военной диктатурой, должен быть объявлен абсолютно недействительным» [Conesa, 2004]. В пояснительных примечаниях к законопроекту, в частности, содержится ссылка на доктрину одиозных долгов для обоснования признания суверенного долга недействительным.

Согласно отчету Всемирного банка, значительная часть долга, взятого Аргентиной в период с 1975 по 1983 год, была привлечена для финансирования оттока капитала и оплаты вооружений, милитаризации и незадекларированного импорта. Вероятно, можно было бы прийти к пониманию, что, по крайней мере, отток капитала, а также, вероятно, закупки оружия, милитаризация и незадекларированный импорт не отвечали интересам страны. Можно предположить, что кредиторы были осведомлены о том факте, что долг был взят военным режимом, который управлял страной без согласия народа, и во многих случаях они также были осведомлены о том факте, что кредиты не были использованы на благо аргентинского народа.

Если бы доктрина одиозного долга в ее традиционной форме была закреплена в актах международного права; включала случаи смены режима; и можно было бы достичь соглашения и предоставить доказательства в поддержку утверждения о том, что долг был невыгоден аргентинскому народу, долг Аргентины, который был взят военным режимом, может быть квалифицирован как одиозный.

Недействительность долга Аргентины по причине нарушения *jus cogens*

Если говорить о доктрине одиозных долгов, основанной на *jus cogens*, анализ должен был бы сосредоточиться на вопросе о том, был ли долг взят с целью нарушения императивных норм международного права, или способствовали ли займы, по крайней мере, совершению таких нарушений. Займы, предоставленные аргентинскому военному режиму, были в основном предоставлены для оплаты финансовой политики военного режима, утечки капитала, закупки оружия и милитаризации. В частности, можно установить прямую связь между нарушениями *jus cogens* и займами, предоставленными для закупок оружия и милитаризации. Перспективным для аннулирования части долга Аргентины на основании нарушений *jus cogens* может быть аргумент о том, что займы были предоставлены режиму, нарушавшему нормы *jus cogens*, и что они косвенно способствовали этим нарушениям.

Заключение

В этой статье была предпринята попытка придать доктрине одиозных долгов новый акцент, отойдя от традиционных признаков одиозности, основанных на понятиях согласия и выгоды для населения, к критериям нарушений императивных норм международного права. Доктрина, основанная на нарушениях *jus cogens*, предоставляет более четкие критерии, чем традиционная доктрина одиозных долгов. С другой стороны, учитывая узкую сферу применения *jus cogens* в современном международном праве, потенциальная применимость этой доктрины была бы весьма ограниченной. Действительно, некоторые из случаев, которые, вероятно, подпадали бы под традиционную доктрину одиозных долгов, такие как использование заемных денег для личного обогащения, не обязательно подпадали бы под доктрину, основанную на *jus cogens*. В этой связи целесообразно использовать оба критерия для интерпретации доктрины.

Библиография

1. Abrahams C.P. The doctrine of "odious debts". Leiden, 2000. P. 64-65.
2. Acquaviva G. The Dissolution of Yugoslavia and the Fate of Its Financial Obligations // *Denver Journal of Int'l Law and Policy*. 2002. 30. P. 173-216.
3. Adams P. *Odious Debts: Loose Lending, Corruption, and the Third World's Environmental Legacy*. London: Earthscan, 1991. P. 118-119.
4. *Al-Adsani v United Kingdom (No.2) (35763/97)* European Court of Human Rights 21 November 2001.
5. Alston P. Out of the abyss: the challenges confronting the new UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights' // *Human Rights Quarterly*. 1987. 9. P. 332-381.
6. Ambrose S. Social movements and the politics of debt cancellation // *Chicago Journal of International Law*. 2005. 6. P. 267-285.
7. Asp D. Argentina's mystery of capital: why the International Monetary Fund needs Hernando de Soto // *Minnesota Journal of Global Trade*. 2003. 12. P. 383-415.
8. Bedjaoui M. Ninth Report on Succession of States in Respect of Matters other than Treaties (UN Doc.A/CN.4/301 and Add.1 of 13 and 20 April 1977) // *Yearbook of the International Law Commission*. 1977. Vol. II. Pt. 1. 74 p.
9. Ben-Shahar O., Gulati G.M. Partially Odious Debts? A Framework for an Optimal Liability Regime // *Law & Contemporary Problems*. 2008. 70. 47 p.
10. Buckley R. Why are developing nations so slow to play the default card in renegotiating their sovereign indebtedness? // *Chicago Journal of International Law*. 2005. 6. P. 345-359.
11. Conesa E. Argentina: como convivir con el default // *La Ley*. 2004. A. P. 993-1012.
12. Crawford J., Olleson S. *The nature and forms of international responsibility* // *International Law*. Oxford University Press, 2003. P. 445-472.
13. Ford C.A. Adjudicating *ius cogens* // *Wisconsin International Law Journal*. 1994. 13. P. 145-181.
14. McBeth A. Holding the purse strings: the continuing evolution of human rights law and the potential liability of the finance industry for human rights abuses // *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 2005. 23. P. 7-34.
15. *Responsibility of States for internationally wrongful acts: resolution* // *Responsibility of States for internationally wrongful acts*. New York. 2002. 2 p.
16. Sack A.N. *Les effets des transformations des Etats sur leurs dettes publiques et autres obligations financières: traité juridique et financier*. Paris: Recueil Sirey, 1927. 608 p.
17. *Yearbook of the International Law Commission 1981, Vol II, Part One, Documents of the Thirty-third Session (excluding the report of the Commission to the General Assembly), UN Doc A/CN.4/SER.A/1981/Add.1 (Part 1)*. P. 19.

Grounds for invalidity of odious sovereign debt in international law

Andrei P. Kalimanov

Postgraduate,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs,
119021, 53/2-1, Ostozhenka str., Moscow, Russian federation;
e-mail: arbitration1958@yahoo.com

Abstract

The main idea of the doctrine of odious sovereign debt is that some claims under a sovereign debt are not mandatory, enforceable or are subject to challenging due to the creditor's awareness of the fact that the funds from the loan will be used for purposes unfavorable to the population of the country: infringement of a minority, militarization, proxy wars or personal enrichment, and not for socially useful needs. In this article an attempt was made to give the doctrine of odious debt a new emphasis, moving away from the traditional signs of odiousness (lack of benefit for the population of the debtor state, lack of legitimate consent from the population of the debtor state, awareness of

creditors about these circumstances) to the criteria of violation of mandatory rules of international law *jus cogens*. It is concluded by the author of the paper that the doctrine based on violations of *jus cogens* provides clearer criteria than the traditional doctrine of odious debts. On the other hand, given the narrow scope of *jus cogens* in modern international law, the potential applicability of this doctrine would be very limited. In this regard, it is advisable to use both types of criteria when interpreting the doctrine.

For citation

Kalimanov A.P. (2024) Mezhdunarodno-pravovye osnovaniya nedeistvitel'nosti odioznogo suverenogo dolga [Grounds for invalidity of odious sovereign debt in international law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (2A), pp. 561-571. DOI: 10.34670/AR.2024.19.90.014

Keywords

Odious debt, sovereign debt, criteria of odious debt, challenging, grounds for invalidity, *jus cogens*, mandatory rules.

References

1. Abrahams C.P. (2000) The doctrine of “odious debts”. Leiden.
2. Acquaviva G. (2002) The Dissolution of Yugoslavia and the Fate of Its Financial Obligations. *Denver Journal of Int'l Law and Policy*, 30, pp. 173-216.
3. Adams P. (1991) *Odious Debts: Loose Lending, Corruption, and the Third World's Environmental Legacy*. London: Earthscan.
4. Al-Adsani v United Kingdom (No.2) (35763/97) European Court of Human Rights 21 November 2001.
5. Alston P. (1987) Out of the abyss: the challenges confronting the new UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights'. *Human Rights Quarterly*, 9, pp. 332-381.
6. Ambrose S. Social movements and the politics of debt cancellation. *Chicago Journal of International Law*, 6, pp. 267-285.
7. Asp D. (2003) Argentina's mystery of capital: why the International Monetary Fund needs Hernando de Soto. *Minnesota Journal of Global Trade*, 12, pp. 383-415.
8. Bedjaoui M. (1977) Ninth Report on Succession of States in Respect of Matters other than Treaties (UN Doc.A/CN.4/301 and Add.1 of 13 and 20 April 1977). *Yearbook of the International Law Commission*, II, 1, p. 74.
9. Ben-Shahar O., Gulati G.M. (2008) Partially Odious Debts? A Framework for an Optimal Liability Regime. *Law & Contemporary Problems*, 70, p. 47.
10. Buckley R. (2005) Why are developing nations so slow to play the default card in renegotiating their sovereign indebtedness? *Chicago Journal of International Law*, 6, pp. 345-359.
11. Conesa E. (2004) Argentina: como convivir con el default. *La Ley*, A, pp. 993-1012.
12. Crawford J., Olleson S. (2003) The nature and forms of international responsibility. In: *International Law*. Oxford University Press.
13. Ford C.A. (1994) Adjudicating *ius cogens*. *Wisconsin International Law Journal*, 13, pp. 145-181.
14. McBeth A. (2005) Holding the purse strings: the continuing evolution of human rights law and the potential liability of the finance industry for human rights abuses. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 23, pp. 7-34.
15. (2002) Responsibility of States for internationally wrongful acts: resolution. In: *Responsibility of States for internationally wrongful acts*. New York.
16. Sack A.N. (1927) *Les effets des transformations des Etats sur leurs dettes publiques et autres obligations financières: traité juridique et financier*. Paris: Recueil Sirey.
17. (1981) *Yearbook of the International Law Commission 1981, Vol II, Part One, Documents of the Thirty-third Session (excluding the report of the Commission to the General Assembly)*, UN Doc A/CN.4/SER.A/1981/Add.1 (Part 1).

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница].
Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

